

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Государственное научное учреждение
«Институт истории Национальной академии наук Беларуси»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ

*Материалы VI Международной
научно-практической конференции*

Витебск, 19–20 мая 2022 г.

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2022*

УДК 327(075.8)

ББК 66.4я73

А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 03.03.2022.

Редакционная коллегия:

А.П. Косов (гл. ред.),

И.В. Жилинская, А.Н. Дулов, Е.В. Мацулевич, А.Ю. Синковец

Рецензенты:

заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси РИВШ, доктор исторических наук, доцент *А.В. Мартынюк*;
профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, доктор исторических наук, профессор *К.П. Курылёв*;
профессор кафедры международных отношений БГУ,
доктор исторических наук, профессор *В.В. Фрольцов*

Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии : материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 19–20 мая 2022 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.П. Косов (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 346 с.
ISBN 978-985-517-902-4.

В научном издании содержатся материалы докладов, посвященные актуальным проблемам международных отношений и дипломатии с древности до наших дней. Сборник адресуется исследователям, преподавателям, экспертам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется историей и современным состоянием международных отношений, внешней политики и дипломатии.

Материалы докладов публикуются в авторской редакции. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

УДК 327(075.8)

ББК 66.4я73

ISBN 978-985-517-902-4

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	10
<i>Синдеев А.А.</i> Утерянный подход к формированию политики безопасности	10
<i>Тамбиянц Ю.Г.</i> Международные отношения: актуальность цивилизационной парадигмы	15
<i>Касперович Г.И.</i> Принципы нелинейного мышления в современных международных отношениях	20
<i>Хлопов О.А.</i> Геокультурные и национальные аспекты в исследовании международных отношений и внешней политики	23
<i>Алексеев Н.Н.</i> Кризисная природа идентичности в современных международных отношениях	26
<i>Шевченко Е.С.</i> Основные подходы к пониманию и оценке внешнеполитического потенциала США в контексте развития современного мирового политического процесса	30
<i>Докучаев А.В.</i> Мирный проход через территориальное море в Конвенции ООН по морскому праву и акватории со спорным статусом	33
<i>Кириллов Д.А.</i> Теоретико-правовые основы современной международной уголовной юстиции	35
РАЗДЕЛ 2. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ В ЭПОХУ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	40
<i>Лепеш А.В.</i> Дагавор 1229 года Смаленска, Полацка, Віцебска з Рыгай і Гоцкім берагам як адна з крыніц пачатку міжнародных адносін на беларускіх землях у XIII ст.	40
<i>Олейникова В.П.</i> Неаполитанское королевство в международной политике Анжуйской династии (1266–1343 гг.)	43
<i>Лицкевич О.В.</i> Граница Великого Княжества Литовского с Ливонией по Салинскому договору 1398 г.	48
<i>Кузьмин А.В.</i> Причины неудач великого князя Болеслава Свидригайло в отношениях с Люксембургами в 1418–1420 гг.	52
<i>Шимак Е.К.</i> «Московия» и Римская курия: игра дипломатий (первая половина XVI в.)	56
<i>Егоров А.М., Егоров И.А.</i> Военные реформы и международная дипломатия на заключительном этапе Ливонской войны (1577–1583 гг.).....	61
<i>Васюк Г.В., Ирха Е.М. П.Н. Жукович</i> о влиянии внешнеполитического фактора на конфессиональные отношения в Речи Посполитой в конце XVI – начале XVII в.	65

РАЗДЕЛ 3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД НОВОГО ВРЕМЕНИ (1648–1918 гг.)	69
<i>Буторина А.О., Парубочая Е.Ф.</i> Реакция Квебека на Великую французскую революцию	69
<i>Дорофеев Д.В.</i> Генезис внешней политики США: публикация источников и возникновение стереотипа (первая треть XIX века)	72
<i>Терещук А.А.</i> Польское восстание 1830–1831 гг. в контексте российско-испанских отношений в период Первой Карлистской войны	74
<i>Алентьева Т.В.</i> Американская дипломатия в отношении Великобритании после Гражданской войны (1861–1865 гг.)	77
<i>Жайбалиева Л.Т., Николаев Р.С.</i> Территориальная экспансия США в XIX веке	81
<i>Семухина Е.А.</i> О репрезентации культурной категории нравственности во французской прессе XIX века и ее влиянии на дипломатические отношения	86
<i>Кривашэй Д.А.</i> Адукацыйныя ўстановы як суб'екты знешняй культурнай палітыкі імперый (1870-я – 1914 г.)	89
<i>Синковец А.Ю.</i> Деятельность Ставки Верховного Главнокомандующего по организации гражданского управления на временно оккупированных территориях Австро-Венгрии (1914–1915 гг.)	94
<i>Свилас С.Ф., Полуйко Д.В.</i> Первая мировая война в живописи и визуальной пропаганде	98
РАЗДЕЛ 4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД И ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1918–1945 гг.)	103
<i>Сальков А.П.</i> Версальское урегулирование конфликта в Южной (Словенской) Каринтии (1918–1920 гг.)	103
<i>Мязга М.М.</i> Беларуска-польскія адносіны часоў польска-савецкай вайны 1919–1920 гг.: актуальныя праблемы даследавання	108
<i>Боголейша С.В.</i> Средняя Литва и попытки решения Виленского вопроса в 1920 г.	112
<i>Космач В.А.</i> Сюрприз для англо-саксов в Генуе: Рапалльский договор между Москвой и Берлином 16 апреля 1922 года	117
<i>Бароўская В.М.</i> Генуэзская канферэнцыя 1922 года і развіццё савецка-польскіх адносін	122
<i>Дубровко Е.Н.</i> Позиция Великобритании в вопросе о положении украинцев в Польше в первой половине 1920-х гг.	125
<i>Бараноўскі А.В.</i> Да пытання аб урэгуляванні мяжы паміж БССР і УССР у 1924–1927 гг.	129
<i>Мигун Д.А.</i> Советско-германский договор о нейтралитете 1926 г.	134
<i>Жилинская И.В.</i> Основные формы информационной поддержки советской культурной дипломатии в 1920–1930-е гг.	138

<i>Цыплин В.Г., Слепенков В.А.</i> Польско-германские противоречия в контексте «данцигского коридора» в начале 1930-х годов	143
<i>Родин Д.В.</i> Балканская Антанта и конференция в Монтрё 1936 г.	147
<i>Кравченко В.А.</i> Проблема раздела Ирландии на британо-ирландских переговорах 1938 г.	154
<i>Щавлинский Н.Б.</i> Международные отношения и дипломатия накануне Второй мировой войны	157
<i>Дрожжа Л.Ч.</i> Аналіз знешнеполітичної канцєпції ўрада ІІ Рэчы Паспалітай у перыяд перадваеннага палітычнага крызіса (польская гістарыяграфія 1980 – 2000-х гг.)	161
<i>Довгялло М.С.</i> Проблемы Болгарии в межсоюзнических отношениях во время Второй мировой войны	166
<i>Чепик В.Н.</i> Нацизм и европейская идея в годы Второй мировой войны	173
<i>Селифонтова Д.Ю., Буранок С.О.</i> Японо-китайская война в кинематографе США 1941 г.	177

РАЗДЕЛ 5. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1945–1991 гг.)

<i>Ковяко И.И.</i> «Признать нельзя игнорировать»: дилемма дипломатического признания ГДР в англо-американской историографии	181
<i>Бессольнов А.Б., Марданов А.В.</i> Ракетно-ядерное противостояние СССР и США в Карибском кризисе 1962 года	184
<i>Рожкова С.Н., Новикова В.И.</i> Структура, функции и деятельность Политического консультативного комитета при Организации Варшавского договора	188
<i>Величко Н.В., Лузгина И.О.</i> Курдский вопрос в контексте отношений Турции и ЕС в 1960–1990-е гг.	192
<i>Гавриловец Л.В.</i> Польско-западногерманские отношения в 1980-х гг. XX в.: основные тенденции и противоречия	195
<i>Смуров М.Д., Свинцова М.Н.</i> Отношения СССР с США и Европой в период «нового политического мышления» М.С. Горбачева	199
<i>Снапкоўскі У.Е.</i> Халодная вайна і новае мысленне ў лёсе міністра замежных спраў БССР А.Е. Гурыновіча.....	202

РАЗДЕЛ 6. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (1991–2022 гг.)

<i>Косов А.П.</i> К вопросу о периодизации российско-американских отношений в контексте эволюции внешней политики России (1991–2021 гг.)	208
<i>Мацулевич Е.В.</i> Эволюция политики Вашингтона в отношении постсоветской интеграции (1990-е – начало 2000-х гг.)	216
<i>Самедова С.Г., Свилас С.Ф.</i> О проблемах японо-китайских отношений в 1990-е гг.	220

<i>Слепцова В.М.</i> Деятельность комиссии ООН по положению женщин (1998–2000 гг.)	224
<i>Свілас С.Ф., Місюкевіч К.А.</i> Інтэрэсы Расійскай Федэрацыі ў лаціна-амерыканскім рэгіёне (2000–2010 гг.)	227
<i>Засыпкина А.Н.</i> Феномен «усталых демократий» как современная тенденция развития политических процессов в Латинской Америке	231
<i>Беляева А.В.</i> Тайваньский фактор в американо-китайских отношениях периода президентства Б. Обамы (2009–2017 гг.)	236
<i>Шрамук Е.П.</i> Расширение НАТО на Восток в конце XX – начале XXI вв. и позиция Республики Беларусь	239
<i>Хришкевич Т.Г.</i> «Ядерное участие» ФРГ в системе международной безопасности	244
<i>Котов М.В.</i> Политика Польши в контексте противостояния РФ на современном этапе	248
<i>Грищенкова А.С., Черняев А.М.</i> Сирийский ответ на европейский вопрос. Влияние решений России в Сирии на отношения с Западом	251
<i>Рыжов И.В., Бородина М.Ю.</i> Модели неоимперских практик в регионе Ближнего и Среднего Востока в XXI веке	254
<i>Зайцев А.И., Гундарь Е.Л.</i> Военная кампания в Афганистане (2001–2021 гг.): начало, развитие, конечные итоги и последствия военной политики США в Средней Азии	259
<i>Растворцева А.Н.</i> Политические игры психологии: фрейминг, влияние на восприятие и «слепота невнимания» (на примере отношений России и Германии)	263
<i>Белащенко Д.А.</i> Перспективы развития конфликтов на постсоветском пространстве в контексте современного этапа Украинского кризиса	265
<i>Белащенко Д.А., Сикираж В.В.</i> Украинский кризис как катализатор трансформации постсоветского пространства	269
<i>Лемешевский О.О., Белькевич Д.С.</i> О вопросе информационного давления коллективным Западом на Республику Беларусь	271
<i>Баранов А.В.</i> Внешняя политика Турции в отношении России и Украины: новые тенденции	274
<i>Межевич Н.М., Сеник Н.М.</i> Международная миграция: двойные стандарты ЕС в отношении беженцев на примере Литвы	279
<i>Ма Джин Юй.</i> Отношение КНР к вопросу реформирования ООН	282
<i>Лычагин А.И., Меркулова Д.Г.</i> Инициатива «Один пояс – один путь» как продолжатель политики «открытости внешнему миру»	286
<i>Пунев Д.Н., Коробкина И.А.</i> Деятельность АСЕАН в противодействии угрозам кибербезопасности в АТР: достижения и проблемы	289
<i>Манцевич Л.Н.</i> Президентские выборы во Франции 2022 г.: внешняя политика между преемственностью и трансформацией	292
<i>Рудковский Э.И.</i> Метаморфозы политического и социокультурного пространства современного мира и проблемы духовной безопасности	295

РАЗДЕЛ 7. «МЯГКАЯ СИЛА» И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	298
<i>Шимукович С.Ф.</i> Дипломатическая служба в становлении ученых: О.И. Сенковский, О.М. Ковалевский, А.О. Мухлинский, В.В. Макушев	298
<i>Баранова А.С.</i> Дипломатическая деятельность А.М. Коллонтай	302
<i>Меньковский В.И.</i> «Политика памяти» о советском прошлом как индикатор межгосударственных отношений на постсоветском пространстве	306
<i>Бахлова О.В., Бахлов И.В.</i> Противодействие фальсификации истории: опыт СНГ и Союзного государства Беларуси и России	309
<i>Цымбал А.Г.</i> Гістарычная палітыка Польшчы ў знешнепалітычным кантэкс- це (2004–2021 гг.)	312
<i>Свилас С.Ф., Ткачук К.И.</i> Министерство иностранных дел Бразилии как институт публичной дипломатии	316
<i>Цымбалова А.Е.</i> Институт «Бренд Испании – система прикладной разведки» (MESIAS) как инструмент «мягкой силы» Королевства Испания	320
<i>Майорова М.А.</i> Особенности «мягкой силы» Турции в современной системе международных отношений	322
<i>Сорокин А.А., Ишутина А.Ю.</i> Направления деятельности Германской службы академических обменов (DAAD) в Республике Казахстан	324
<i>Герштейн И.З.</i> Интернет как пространство информационной войны: битва национально-государственных идентичностей в Восточной Европе	327
<i>Шоджонов И.Ф.</i> Роль зарубежных НПО и НКО во внутренней политике Республики Казахстан	331
<i>Дубровин М.А.</i> «Мягкая сила» и интегративная функция государства: соотношение понятий	335
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	338

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня изучению международных отношений и дипломатии уделяется большое внимание во всем мире. Не является исключением и Республика Беларусь. Ежегодно в стране проводятся научные мероприятия, посвященные актуальным проблемам международных отношений, дипломатии и внешней политики.

На протяжении последних девяти лет подобные форумы проходят и в Витебске. Настоящий сборник является результатом работы уже VI Международной научно-практической конференции, посвященной исследованию международных отношений и дипломатии. Первая конференция состоялась в стенах Витебского государственного университета имени П.М. Машерова 25–26 апреля 2013 г. и была посвящена актуальным проблемам международных отношений и дипломатии второй половины XX – начала XXI в. Вторая конференция прошла 23–24 апреля 2015 г. В ходе ее работы рассматривались вопросы внешней политики, дипломатии и международных отношений в период новейшей истории (1918 г. – начало XXI в.). Третья конференция (17–18 мая 2018 г.) охватила временной период с 1918 по 2018 гг. Ее участники обратились к проблемам теории международных отношений, ключевым аспектам развития международных отношений и внешней политики ведущих государств мира в рассматриваемый период, а также актуальным вопросам внешней политики и дипломатии Беларуси. Четвертая конференция (23–24 мая 2019 г.) была посвящена актуальным проблемам международных отношений и дипломатии за столетний период развития человеческой цивилизации – с 1918 по 2019 гг. Пятая конференция (21–22 мая 2020 г.) охватила широкий спектр актуальных проблем международных отношений, внешней политики и дипломатии в 1648–2020 гг.

Шестая по счету конференция (19–20 мая 2022 г.) собрала как молодых, так и уже достаточно известных исследователей из различных научных и учебных учреждений и организаций Беларуси, России и Италии, многие из которых стали уже постоянными участниками витебских научных мероприятий. Она традиционно прошла в ВГУ имени П.М. Машерова, ставшим к настоящему моменту одним из центров изучения международных отношений, внешней политики и дипломатии в Республике Беларусь.

Хронологический и тематический диапазон проблем, рассмотренных в рамках конференции, определен, в первую очередь, научными интересами ее участников. Обратим внимание на то, что представленные материалы основаны на введенных впервые в оборот источниках или же на новом оригинальном и весьма убедительном прочтении уже известных источников.

С позиций современных достижений науки и состояния источниковой базы участниками научно-практической конференции были рассмотрены актуальные проблемы международных отношений, внешней политики и дипломатии с древних времен по настоящее время.

Известно, что сегодня у исследователей свои интерпретации актуальных вопросов международных отношений и дипломатии, что во многом

обусловлено национальной спецификой, историческими и современными реалиями, а также собственным авторским видением той или иной рассматриваемой проблемы. В подобной ситуации организаторам научно-практической конференции важно было выявить как можно более широкий спектр имеющихся в научном сообществе экспертных мнений и оценок в рамках заявленных направлений конференции. И, на наш взгляд, это вполне удалось.

В целом, материалы данного сборника скреплены единой научной канвой: они демонстрируют тот непреложный факт, что только в совместных обсуждениях событий прошлого можно отыскать продуктивные пути к осмыслению столь сложного настоящего, путем дискуссий наметить ориентиры решения злободневных проблем современного мира. Думается, его издание станет значимым вкладом в историографию международных отношений, внешней политики и дипломатии на постсоветском пространстве.

Подготовка и издание сборника конференции является результатом плодотворного научного сотрудничества Витебского государственного университета имени П.М. Машерова и Института истории Национальной академии наук Беларуси в рамках выполнения Государственной программы научных исследований на 2021–2025 гг. 12 «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» подпрограммы 12.1 «История» задания 12.1.6 «Всеобщая история, международные отношения и геополитика».

Надеемся, что активное научное сотрудничество ученых-международников из разных стран продолжится и в дальнейшем. И ВГУ имени П.М. Машерова еще неоднократно будет становиться площадкой для научных дискуссий в сфере международных отношений, внешней политики и дипломатии.

От редколлегии

РАЗДЕЛ 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

УТЕРЯННЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ

А.А. Синдеев (Москва)

Постановка проблемы и ожидаемая критика на нее. Любой документ – продукт определенной интеллектуальной среды и эпохи. Работа с ним в политологии может выстраиваться на основе изложения «главного» и последующего анализа этого «главного», т.е. традиционно, а может осуществляться с помощью более разнообразной методологии, например, генетической феноменологии, или через выделение феноменов, процессов, свойственных им элементов и их понимание создателем (создателями), иными словами – через раскрытие природы текста.

Автор избрал второй путь, что, вне сомнения, приведет к ряду критических замечаний коллег, краткий перечень которых, наверняка, будет заключаться в следующем: недостаточное количество материала для выводов, произвольность соединения двух «Белых книг» и необоснованность выводов.

При этом очевидно, что сложность феноменов и процессов, внешние противоречия не могут и не должны обосновывать отказ от их изучения.

Важное значение имеет и ряд предположений: трансформации в интеллектуальных культурах способны изменять сложившееся понимание политики безопасности [см. в этом контексте: 4; 7]; каждая интеллектуальная культура характеризуется особым типом мышления, не учитывая который означает совершать (трудно исправимые) ошибки; знания об эволюции интеллектуальной культуры и ее результатах могут оказать помощь в практической политике; событийный анализ «главного» не способен выявить одновременность взаимодействий и воздействий траекторий развития и вариантов сохранения факторов, вызовов, событийности, процессов и феноменов.

Поднятая *проблема*, таким образом, заключается в феноменологическом рассмотрении одного из существовавших, но ныне утраченных подходов к политике безопасности, для которого были характерны системность, содержательная сложность и противоречивость. В последствии произошло существенное упрощение изученного подхода.

Автор вынужден заметить, что анализ упрощенцев не является предметом статьи, а словосочетание «разработчики системы» и другие указания на «создателей» системы условны.

Политика безопасности как сложная многослойная противоречивая система. Декларируемая цель политики безопасности ФРГ заключалась в «сохранени[и] свободно[го] мир[а]» [11, с. 3], или «мира в свободе». Отсылки к свободе всегда активизируют ценностный уровень и обязывают «выступить за уважение прав человека <...> за защиту свободлюбивого по-

рядка <...>, а <...> через готовность к обороне – за независимость и равноправие» [12, с. 4].

Безопасность, полагают разработчики системы, необходимо поддерживать и «укреплять» в условиях, когда на нее непрерывно воздействуют «новые политические и экономические противоречивые интересы», а «[и]з региональных конфликтов [вполне] могут развиваться крупные конфликты» [11, с. 3].

Предполагалось, что политика безопасности будет осуществляться на основе «политик[и] политического, стратегического [и] военного баланса», «политик[и] разрядки, сдерживания конфликтов и выравнивания интересов», учитывать «способность[ь] к эффективному антикризисному менеджменту (*Krisenbeherrschung*)» и руководствоваться «предсказуемостью политического поведения всех» [11, с. 4].

В столь сложной конструкции разрядки (исторический процесс того времени) становилась «неделимой» и соединялась с политикой мира, а к «элементам будущего международного порядка» причислялись «[р]авенство шансов <...>, урегулирование конфликтов через постоянный диалог, укрепление региональных и глобальных организаций и объединений (*Zusammenschlüsse*)» [11, с. 9]. Одновременно «существенными элементами стратегии баланса» назывались «паритет и отказ от насилия» [11, с. 7]¹.

После признания сложной структуры и взаимозависимостей, как правило, начинается упрощение, к примеру, через формулу «Атлантический альянс и Европейское сообщество – фундаменты безопасности» [11, с. 4]², дополняемое указанием на то, что «[д]емократические государства Европы и Северной Америки, объединенные в НАТО, гарантируют мир, свободу и благосостояние» [11, с. 4]³.

В период холодной войны не скрывалось, что «[п]ревосходящая экономическая сила и способность к технологическим обновлениям предоставляют государствам Альянса возможность идти в ногу с экспансией вооружений в странах Варшавского договора» [11, с. 7].

Открыто признавалось и другое: Западной Европе предстояло повышать дееспособность, «укрепля[ть] <...> вклад в общую оборону», «прида[вать] вес собственному влиянию на политику [США] [12, с. 8]⁴ в партнерском сотрудничестве» [12, с. 8].

Допускалась «стабилизация» безопасности, «гарантир[ующая] стабильный рост в индустриальных странах и помо[гающая] развивающимся странам ускорить их рост» [11, с. 8–9], особенно если «конфликт между Востоком и Западом» будет находиться «под контролем» [12, с. 5].

¹ Иначе это звучит следующим образом: «действовать по внешней политике и политике безопасности в осознании глобальных связей» [11, с. 9].

² Вариант из «Белой книги» 1985 г.: «Североатлантический альянс объединяет способность к обороне и готовность к диалогу и практическому сотрудничеству» [12, с. 5–6]. Тем самым НАТО предлагается понимать не только как военный союз, но и как площадку для диалога малых и средних государств с единственной сверхдержавой, в котором для других великих держав место, естественно, не предусмотрено.

³ Вариант из «Белой книги» 1985 г.: «баланс в военном соотношении сил <...> означает не равенство военных потенциалов, а баланс возможностей военных действий и реакции» [12, с. 6]. Баланс – это «шанс на успех» [12, с. 9].

⁴ В оригинале – «на политику ведущей державы (*Führungsmacht*) атлантического альянса».

Тем более ядерное оружие (в контексте его применения) ограничило самостоятельность великих держав¹, которые якобы «больше не определяют самостоятельно ход истории» [11, с. 9].

Анализ системы и непродуктивность критики. Даже поверхностный анализ позволяет выявить множество противоречий и заставляет усомниться в наличии сформированной системы, поскольку тот же «мир в свободе» строится на постоянной конкуренции, по крайней мере, до тех пор, пока свобода и свойственные ей ценности не станут глобально доминировать и не создадут благоприятные для «стабилизации» безопасности условия.

Учитывая то, что интерпретация отношений в ценностно близких друг другу странах через оказание влияния (Западной Европы в «партнерском сотрудничестве» на США) отнюдь не уменьшает конфликтный потенциал, союзнические и партнерские конфликты длительное время должны будут оставаться неизбежными и в «мире свободы».

В анализируемом варианте установки на ценности и стабилизацию скорее всего будут подпитывать конкуренцию, закреплять и без того очевидную приоритетность собственных проблем, отодвигать на второй план систематичную работу над разрешением мировых и региональных проблем и препятствовать появлению вождя «мира в свободе», что в итоге вызовет неудовлетворенность и стимулирует поиск виновных.

Многослойность политики безопасности усложняет общую картину. Речь идет не только о нелогичном соединении под одной «крышей» политики составного баланса, политики разрядки и выравнивания интересов, самостоятельных компетенций и принципов, но и о неясности каждого из элементов в отдельности.

Допустим, что политика баланса, т.е. совокупность конкретных мер, направленных на его создание, должна восприниматься как часть политики безопасности. Почему тогда отсутствует представление об оптимальных результатах политических, стратегических и военных балансов? Неясно, какую роль в стратегии баланса играют «паритет» и «отказ от насилия».

Без четкой системы взглядов на некоторое время пришлось бы смириться с малопродуктивными дискуссиями о получении (постоянных и промежуточных) балансов и паритетов, о компромиссных мерах мониторинга и верификации, так как контроль процесса без четкого видения оптимального (конечного) результата не имеет особой значимости.

Политика разрядки и выравнивания интересов вряд ли нужна как единое целое: разрядку (снижение напряженности, меры доверия и контроля) и процессуальное выравнивание (вытеснение конкурента или потенциального противника с прежних позиций) никогда не удастся гармонично согласовать.

Парадоксально и другое: в «будущем международном порядке» политика мира (идеальная модель) должна, по всей видимости, доминировать над политикой безопасности, хотя суть последней, как было видно выше, довольно размыта.

¹ В оригинале – «в мире взаимозависимостей» [11, с. 9].

Когда авторы системы переходят к НАТО и Европейскому сообществу, все становится простым и, к сожалению, привычным.

Однако, принимая во внимание сложную многослойность (балансы, соединение политики безопасности, политики мира, ценностей), не стоит критиковать разработчиков за упрощенчество, поскольку в конце 1970 – первой половине 1980-х гг. они хотя бы попытались описать системность безопасности, были согласны работать с «составной безопасностью» и предъявлять противоречивые установки, допускали развитие системы и возможное устранение в перспективе ее противоречий (антикризисный менеджмент, правила для всех).

В оптимальных условиях последнее как раз и могло поспособствовать рождению «мир[а], основан[ного] на отказе от насилия и признании легитимных потребностей в безопасности всех стран и их равноправия» [12, с. 4].

Проблема, на наш взгляд, заключается в другом: в определенный временной период поверхностность (ценностно-ориентированный подход), упрощенчество (доминирование ценностей одного цивилизационного круга) и аксиоматичность (категорическое неприятие альтернатив и иных точек зрения) окончательно вытеснили желание создавать многослойную систему, поскольку данная работа предполагала бы значительные временные затраты и заставила бы признать противоречивость в качестве естественной и постоянной черты.

Традиция философско-мировоззренческой системности к политике безопасности и когнитивного многообразия в западной интеллектуальной культуре были утеряны. Закономерный результат: современные политические элиты вообще не понимают, о чем идет речь [см. в этом контексте: 6; 8; 9].

Если подход развивался бы в настоящее время. Сослагательное наклонение является необычной исследовательской перспективой и практически не используется в общественных науках, поскольку частица «бы» часто придает изложению налет сожаления и недостижимого идеала.

В данном случае ее применение целесообразно, так как позитивистско-рационалистические установки с их неизменной истиной в формирующихся (невыработанных) социальных феноменах и системах практически не действуют.

Итак, если подход развивался бы в настоящее время, то допускалось бы признание противоречий и относительности истины, что, конечно, не подорвало бы убежденность в верность собственных установок, но, по крайней мере, позволило бы чаще артикулировать и продуктивнее обсуждать разнообразные идеи и предложения. Перспективы иной дискуссионной культуры в политике стали бы более очевидными, а гибридные методы – менее популярными.

Если подход развивался бы в настоящее время, то тактическое и стратегические составляющие политики безопасности не разошлись бы столь масштабно. Ведь то, что сейчас считается стратегией (минимальное промежуточное закрепление) не имеет ничего общего с классическим пониманием стратегии как движения к цели по максимально эффективному направлению. Тактические треки, по сути, стали стратегическими.

Если подход развивался бы в настоящее время, то дискурс политики безопасности стал бы принципиально другим: лучше функционировал бы политологический уровень; усиленно происходил бы обмен идеями; наблюдалась бы ориентация на перспективу. Политика безопасности стала бы действительно интересом и делом обществ.

Если подход развивался бы в настоящее время, то ценности перестали бы восприниматься столь однозначно. Парадокс в том, что политики в западной цивилизации, ориентируясь на исключительность собственных ценностей, подзабыли о природе главной ценности – фундаментального принципа частной собственности, без чего тот же Запад не мыслим: «узаконить права тех, кто владеет, и установить право *каждого* (выделено нами. – А.С.) чем-либо владеть» [1, с. 503]. Следовательно, в исторической логике Запада нужно было бы акцентировать внимание не на ценностях, а на их развитии¹, в том числе в контексте международного права. Сложность вызовов получится устранить отнюдь не через защиту ценностей, а через стремление к прогрессу, взаимопониманию и согласию.

Если подход развивался бы в настоящее время, то дискуссии в кругу великих держав не подвергались бы такому остракизму.

Если подход развивался бы в настоящее время, то меньшей была бы популярность разного рода псевдо-, эрзац-процессов и феноменов. Стоит помнить, что «псевдо» и «эрзац» угрожают прежде всего Западу. Силы и влияние США могут существенно истощиться поддержанием устраивающих малые и средние страны устаревших архитектур безопасности. Нежелание Вашингтона, прикрываемое отсылками к якобы воскрешаемым Россией внешнеполитическим установкам XIX в., участвовать вместе с другими великими державами в формировании нового миропорядка, может, когда непоправимые последствия такого бойкота станут очевидными, привести к дополнительному обострению и кризисам.

Если подход развивался бы в настоящее время, то изменилась бы интеллектуальная среда, значительно меньше было бы дипломатических тупиков, происходила бы стабилизация отношений, допускались бы альтернативы и не упускалась бы из поля зрения перспектива [см. в этом контексте: 3; 5; 10].

Вместо выводов: что можно (с)делать в современной ситуации.

Во-первых, признать неизбежность того, что сложный составной подход к политике безопасности Западом утерян и в ближайшее время вряд ли будет восстановлен [Ср: 2; 4; 10]. Причины нетолерантности западных коллег связаны не только с «китайским» и «российским» вызовами, но и с национальными проблемами и длительной эволюцией собственной интеллектуальной культуры в направлении ее упрощения и аксиоматичности.

Во-вторых, понять, что будущие успехи политики безопасности станут возможными только при наличии и акцептировании плюралистичной идейной среды, соответствующего ей типа мышления.

В-третьих, продумать политику формирования идейного плюрализма и многообразия касательно сценариев развития международных отно-

¹ По-иному: на создание условий для *каждого*. Это сместило бы ракурс с исключительности ценностей на условия их развития в мире.

шений на новом этапе глобализации и привлечь к ее реализации представителей разных регионов мира. Это даст возможность с определенной периодичностью предъявлять полученные демократическим путем общественные результаты, с которыми придется считаться.

В-четвертых, максимально институционализировать сотрудничество экспертов из государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Таким образом, главная задача – попытаться не удаляться друг от друга, а в любой ситуации создавать пространства и поводы для *продуктивного* общения.

Источники и литература:

1. Анри, М. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции / М. Анри. – М. : Территория будущего, 2008. – 536 с.

2. Арбатова, Н.К. Станет ли Европейский союз мировым центром силы? (Тенденции, возможности, риски) / Н.К. Арбатова // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 6. – С. 51–65.

3. Белов, В.Б. Германо-российское сотрудничество – вызовы 2020 года и перспективы 2021 года. Часть 1: политические аспекты / В.Б. Белов // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – № 1. – С. 70–80.

4. Громыко, Ал. А. (Дез)интеграционные процессы: кризис «глобального мира» / Ал. А. Громыко // Обозреватель-Observer. – 2020. – № 7. – С. 24–38.

5. Громыко, Ал. А. Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом / Ал. А. Громыко // Современная Европа. – 2020. – № 4. – С. 10–25.

6. Данилов, Д.А. Россия – ЕС: диалог без диалога / Д.А. Данилов // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – № 2. – С. 7–15.

7. Дынкин, А.А. Шок пандемии и посткризисный мир / А.А. Дынкин, Е.А. Телегина // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 8. – С. 5–16.

8. Иванов, О.П. Модернизация стратегии НАТО и Россия / О.П. Иванов // Современная Европа. – 2020. – № 3. – С. 117–127.

9. Шумилин, А.И. Европейская политика соседства: время потрясений / А.И. Шумилин // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2020. – № 4. – С. 86–93.

10. Щербак, И.Н. Стратегическая автономия Евросоюза на перепутье / И.Н. Щербак // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – № 2. – С. 34–40.

11. Weißbuch 1979: Zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr. – Bonn; Kassel, 1979. – 287 S.

12. Weißbuch 1985: Zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr. – Bonn; Kassel, 1985. – 417 S.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ

Ю.Г. Тамбиянц (Краснодар)

Мировая геополитическая структура в настоящий момент переживает переход от однополярного мира к многополярному, которому ученые-международники приписывают наименее устойчивые характеристики [1]. В связи с этим закономерно, что международное пространство описывается в категориях неопределенности и турбулентности (Д. Розенау). Естественно, что подобная переходность вносит определенные коррективы в построения различных подходов – мир-системного анализа (неомарксизма), либерального, политического реализма и т.д. Нам бы хотелось отметить целесо-

образность привлечения цивилизационной парадигмы для анализа процессов мировой политики. В связи с этой целью мы предполагаем, во-первых, обосновать в качестве константы цивилизационное измерение мировой политики в историческом ракурсе, во-вторых, обратить внимание на цивилизационную конкуренцию на современном этапе, в-третьих, обосновать именно цивилизационные основания конфликта в Украине, который в настоящий момент переживает свою наиболее острую фазу.

Как известно, в теоретическом объяснении мировых процессов цивилизационный подход конкурирует с формационным подходом. Если первый методологически отталкивается от культуры, то второй – от экономики. Недавно закончившееся XX столетие закономерно прошло под знаком превосходства формационного подхода, так как именно экономические процессы представляют собой базис глобального мира. На этой почве «расцвел» неомарксизм мир-системного анализа (И. Валлерстайна, Дж. Арриги и др.), да и либеральные концепции стадии роста (У. Ростоу) или модернизации во многом родственны формационной методологии.

Тем не менее даже в пору, казалось бы, бесспорного превалирования формационных объяснительных моделей всегда оставалось место и для применения цивилизационного ракурса рассмотрения. Нам близка интерпретация цивилизации, предложенная российским ученым Вадимом Цымбурским. Он констатирует наличие базовой этничности (народа или группы народов), интегрированной посредством религиозной или идеологической вертикали, инициирующей «готовность видеть в себе Основное Человечество». За пределами подобной этнокультурной платформы проявляется уже внешнее силовое поле цивилизации, влияющее на окружающие народы [12]. Такое видение предполагает логику столкновения, противодействия цивилизационных воздействий, что во многом характеризует отношения западного и российского миров, цивилизационное становление которых происходило приблизительно одновременно.

Как отмечает И. Кефели, в европейской истории «имперский жезл» на протяжении двенадцати веков переходил от одной стороны к другой, но суть оставалась одна – защита якобы европейской культуры от «азиатских орд» [4, с. 120]. При этом с диким Востоком обычно ассоциировалась именно Россия. Возьмем Вторую мировую войну. В рамках нацистской пропаганды, а также ее научного обоснования (работа А. Розенберга «Миф XX века») цивилизационные идеологемы активно были пущены в ход, апеллируя к историческим архетипам. Русским приписывалась исключительно азиатская сущность, и данное обстоятельство определяло дальнейшую логику гитлеровского проекта [7]. Оккупированная немцами Франция рассматривалась ими как протекторат, тогда как жители русских территорий подлежали в перспективе уничтожению. Со всей наглядностью предстает факт процента смертности советских (57%) и англо-американских (3,5%) военнопленных в германских концлагерях [8, с. 232]. Наконец, по выражению историка В. Шамбарова 22 июня СССР столкнулся не столько с Германией, сколько с фашистской Европой, которую представляли по две румынские и

финские армии, армия и корпус Венгрии, армия и корпус плюс военный флот Италии, корпус из Словакии; добровольческие французский, фламандский, норвежский, датский, голландский, хорватский легионы, не говоря уже о том, что техническую сторону обеспечивали европейские промышленные гиганты вроде чешской «Шкоды» и др. [14, с. 406–407]. Цивилизационный аспект Второй мировой войны просматривается и в отношении других, сохраняющих незападную идентичность, народов. Например, геноцид православных сербов в НГХ (Национальном государстве Хорватия), получивший одобрение высшего католического клира [6].

Что касается современности, то здесь необходимо принимать в расчет глобализационный контекст, оказывающий неоднозначное воздействие на цивилизационные процессы. Глобализация, проходя под знаком западноцентризма, способствует расширительным тенденциям, свойственным цивилизациям вообще. По мысли В. Хачатурян, стержневая линия динамики цивилизации всегда заключалась в укрупнении ее структурных единиц или движении «от сравнительно небольших локальных цивилизаций к более крупным и разнородным по составу региональным макрообщностям» [11, с. 222–223]. Нынешний Западный мир заинтересован в распространении культурного универсализма с целью укрепления собственного мирового влияния. Но, с другой стороны, навязывание извне инородного культурного материала актуализирует цивилизационную идентичность тех же западных народов, вызывая неоднозначную реакцию. Если какая-то часть общества воспринимает западные ценности, то другая (обычно количественно большая) инициирует нечто вроде традиционалистической реакции. Результатом выступают феномены «расколота́й страны» или «разорванной страны», описанные С. Хантингтоном [9, с. 206–209].

Процессы глобального мира в целом способствуют сокращению цивилизационных субъектов. Так или иначе, происходит определенная нивелировка культурных различий, их подчинение в первую очередь экономическим целям. А. Тойнби считал сохранившимися в XX в. десять цивилизаций, но рассматривал по факту только пять; А. Уткин считал возможным писать о конкуренции семи цивилизаций. М. Делягин полагает возможным констатировать наличие на сегодняшний день трех цивилизационных комплексов, реально устойчивых и влиятельных. Это западный мир, китайская (конфуцианская) цивилизация и ислам, которые жестко противостоят друг другу. Хотя и будучи экономистом, М. Делягин справедливо считает культуру фундаментом цивилизационного строительства и важнейшей предпосылкой той степени ожесточенности, которой характеризуются цивилизационные столкновения. В силу того, что здесь выявляется «несовместимость конфликтующих сторон», компромисс не представляется возможным [2, с. 600].

Но, с другой стороны, этот же ученый предполагает в цивилизации мессианскую составляющую, за которой скрываются намерения и возможности к глобальной экспансии, что, в свою очередь, ставит вопрос об ее экономическом потенциале. И вот тут-то, согласно М. Делягину, проявля-

ются трудности определения самодостаточности православной цивилизации, которая является только культурным, но не экономическим феноменом, поскольку не выступает актором глобальной конкуренции. Такие православные страны, как Греция, Кипр, Черногория, Румыния, Болгария необратимо вписываются в региональные процессы Европы, составляя периферию западной цивилизации. Можно говорить, характеризуя постсоветское пространство, о «продолжающей распадаться советской или о формирующейся на ее руинах российской цивилизации, которая даже в самом оптимистичном случае еще не оформилась и потому пока не участвует полноценно в глобальной конкуренции» [2, с. 599–600].

Если принимать в расчет нынешнюю ситуацию в Украине и роль России, то здесь выкладки М. Делягина возможно скорректировать, так как, при всей неопределенности конечного исхода «специальной операции», Россия все же выступила субъектом противостояния на мировом уровне. В то же время упомянутые события имеют очевидный цивилизационный подтекст.

В постсоветский период в контексте снятия идеологических запретов обозначилось несколько интересных подходов к цивилизационной сущности России. Весьма любопытную концепцию предложил В. Цымбурский, склонный рассматривать Россию в качестве некоего «острова» с устойчивой этнокультурной идентичностью и сакрализованной вертикалью. Подобный остров обрамляют своеобразные «проливы» – лимитрофы, которым присущи межцивилизационные характеристики. «Островную природу» имеют все известные в мире цивилизации, между которыми пролегают переходные территории со свойственной им неопределенностью в плане цивилизационного выбора. В. Цымбурский в целом склонялся к цивилизационному изоляционизму, констатируя в 1990-е гг., что постсоветская Россия, «сжимается, покидая “территории-проливы”, отходит “к себе”, на “остров”, с предельным восстановлением дистанцированности от иных евроазиатских этноцивилизационных платформ» [13]. Тем не менее он признавал, что добровольно оставленные Россией пространства становятся объектом экспансии враждебных ей геостратегических центров, причем данные претензии могут затрагивать не только межцивилизационные лимитрофы, но и ядровые платформы [12]. В середине 2010-х гг., уже после смерти В. Цымбурского, его коллега и соратник С. Хатунцев углубил и конкретизировал данный тезис, подчеркнув, что действия Запада есть основной вызов России как цивилизации [10].

Между российской и западной культурно-цивилизационными инициативами исторически имеет место конкуренция за расширение сфер влияния на лимитрофные территории. Эти процессы проходят с переменным перевесом – пик отечественных успехов приходится на советский период, однако с его окончанием своеобразная «линия фронта» неуклонно смещается в восточном направлении. В настоящий момент эта линия проходит через Украину, геополитическое значение которой подчеркивалось уже столетие назад (П. Рорбах), а со второй половины XIX в. при вмешательстве Австрии и галицийских поляков был инициирован проект формирования украинской нации

со специфическим антирусским уклоном [5, с. 34]. При активном участии Западного мира процессы этнокультурного переформатирования Украины в целом завершились. При этом фундаментом украинского национального сознания стало отторжение России, прежде всего в культурно-политическом смысле. Реализация данной идеи приобретает разные формы – от крайней ненависти, наглядно воплощающейся в действиях нацбатов, до рационального неприятия, что, видимо, присуще большинству украинцев.

Усилия Западного мира не ограничиваются только Украиной, проводятся менее успешные попытки переформатировать Беларусь. Поэтому неслучайно логика нынешнего «островного» подхода, делая упор на сохранение российской цивилизационной аутентичности, ратует уже не столько за изоляционизм, сколько за культурно-цивилизационное воспроизводство в определенных пространственных границах, а это в нынешних условиях не может обойтись без некоторой экспансии. И здесь островной подход находит немало общего с геополитической концепцией евразийства А. Дугина, которой в свое время оппонировал В. Цымбурский. А. Дугин в унисон с геополитиком США Д. Фридманом, справедливо заключает, что замыкаться в рамках национального государства для России противоестественно, она обладает цивилизационной сущностью [3, с. 167]. Похоже, что данное видение наконец-то стало руководством для отечественных элит, воплотившись в проводимой спецоперации в Украине. Каков будет ее результат, покажет время.

Источники и литература:

1. Арин, О.А. Мир без России / О.А. Арин. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2002. – 480 с.
2. Делягин, М.Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! : в 2 т. / М.Г. Делягин – М.: ИПРОГ, Книжный мир, 2019. – Т. I. Общая теория глобализации. – 832 с.
3. Дугин, А.Г. Четвертая политическая теория / А.Г. Дугин – М.: Амфора, 2009 – 351 с.
4. Кефели, И.Ф. Философия геополитики / И.Ф. Кефели – СПб.: Петрополис, 2007 – 208 с.
5. Миллер, А.И. Украинафильство / А.И. Миллер // Славяноведение. – 1998. – № 5. – С. 28–37.
6. Ривели, М.А. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945 / М.А. Ривели. – М.: Москва, 2011. – 224 с.
7. Розенберг, А. Миф XX века / А. Розенберг. – Tallinn: Shildex, 1998. – 516 с.
8. Серебрянников, В.В. Социология войны / В.В. Серебрянников. – М.: Научный мир, 1997. – 398 с.
9. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
10. Хатунцев, С.В. Запад и «Евразийская квадрига» (Россия, Китай, Индия, Иран) / С.В. Хатунцев // Политические исследования. – 2015. – № 6. – С. 45–52.
11. Хачатурян, В.М. Человек в пространстве цивилизаций: проблема цивилизационной идентичности / В.М. Хачатурян // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. IV. – С. 218–240.
12. Цымбурский, В.Л. Народы между цивилизациями [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // Pro et Contra. – 1997. – Т. 3, № 3. – Режим доступа: http://intelros.ru/2007/08/27/vadim_cymburskijj_narody_mezhdu_civilizacijami.html. – Дата доступа: 22.03.2022.
13. Цымбурский, В.Л. Остров Россия [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // Пара Книг. – Режим доступа: <https://paraknig.me/reader/426453?page=1>. – Дата доступа: 22.03.2022.
14. Шамбаров, В.Е. Фашистская Европа / В.Е. Шамбаров. – М.: Алогоритм, 2014. – 544 с.

ПРИНЦИПЫ НЕЛИНЕЙНОГО МЫШЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Г.И. Касперович (Минск)

Современные международные отношения вступили в полосу крайней нелинейности, нестабильности, турбулентности социогуманитарных трендов развития. Такое их состояние соответствует понятию «бифуркации» в междисциплинарной теории самоорганизации – синергетике, которую еще именуют теорией хаоса. Это понятие использовал в своей книге «Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира» Эрвин Ласло – основатель и президент Будапештского клуба (филиала «Римского клуба»). В приложении к своей работе, озаглавленном «Основные понятия теории эволюционных систем», Ласло показывает, что новые научные понятия приводят нас к выводу о том, что «отбор из множества альтернативных стационарных состояний заранее не предопределен». «С понятием бифуркации в современную науку входит историческая категория – «событие». Событие есть нечто такое, что не может быть предсказано детерминистически», то есть однозначно. «Ныне мы знаем, что в сильно неравновесных системах существуют некоторые режимы, допускающие лишь смешанное вероятностно-детерминистическое описание». При этом Э. Ласло подчеркивает, что «проблемы жгучи, ставки огромны, возможности выбора впечатляющи. Мы живем в поистине интересные времена, и это вполне объяснимо: мы живем в век величайшей бифуркации за всю историю человечества» [2].

О «Большой перезагрузке» современного мира с завидным постоянством в последнее время заговорили либеральные политики всего мира, начиная с фактического автора этой идеи – главы ВЭФ Клауса Шваба, главного идеолога глобализма. Идеи, продвигаемые Швабом и его соратниками, – это на самом деле настоящий передел мира, при котором все переходит в руки монополий. Это устранение среднего класса и поляризация общества.

Сегодня, когда человечество переживает решающее время радикальных трансформаций, в науке осуществляется весьма важный парадигмальный переход. Все больше и больше ученых начинают сознавать, что формируется новая парадигма. Повсюду происходят флуктуации, эволюции, рост разнообразия. Как пишет в предисловии к книге Э. Ласло *Илья Пригожин*: «Является ли наша эпоха началом новой эры? Мы все слишком глубоко вовлечены в трудный процесс преобразований планетарного масштаба, чтобы иметь возможность вынести надежное суждение о текущих событиях, и, тем не менее, возможно, грядущие поколения будут рассматривать наше время как начало великого века бифуркации (я надеюсь, что именно так и произойдет)» [2].

Согласно синергетике, бифуркация наступает тогда, когда нарушается баланс между внутренними, структурирующими систему силами и внешними, являющимися ее средой.

Действительно, сегодня мир все больше хаотизируется, заполняется инновациями и кризисными событиями, для восприятия и понимания которых необходимо широкомасштабное, системное мышление интегрального, нелинейного и диалогического типа. В осознании современной мировой ситуации самое важное «перевозвооружение нашего сознания», переход

к новой культуре мышления в понимании происходящих событий, которое формируется современной системно-синергетической парадигмой [1].

В течение последних десятилетий в естественных и социальных науках наблюдается отчетливая смена парадигмы в направлении развития и применения понятий и идей синергетики как междисциплинарной теории самоорганизации и управления. Синергетический образ мышления, получивший название нелинейного мышления, приобретает все возрастающее значение не только в научном исследовании, но и в системе социально-политических международных отношений, для диагноза их текущего состояния и предвидения перспектив.

Синергетика представляет собой сравнительно новое методологическое движение в современной науке и культуре, знаменующее становление нового взгляда человека на мир и на самого себя в этом мире. Синергетика – это «новый диалог человека с природой», новый синтез человеческого знания и мудрости, как определили ее особенности создатели синергетической парадигмы Герман Хакен и Илья Пригожин. Это новый подход к познанию социальных кризисов, нестабильности и хаоса, к овладению методами нелинейного управления сложными самоорганизующимися системами, находящимися в состоянии неустойчивости [3; 4].

Синергетика, или теория самоорганизации, сегодня один из наиболее популярных и перспективных междисциплинарных подходов – новая научная парадигма. Это новое направление междисциплинарных исследований, использующее нелинейное мышление для выявления общих закономерностей самоорганизации. На стыках наук, на путях их интеграции в рамках нелинейного мышления появляется возможность действительно по-новому взглянуть на результаты исследований современных международных отношений и событий.

В середине XX века человечество вступило в век управления, а в конце XX века в научных анализах и экспертных оценках стали преобладать идеи тотального кризиса управления, потери управления, стратегической нестабильности. Был сделан вывод: мир переживает системный кризис управления.

Уровень управления падает, ибо социальное управление носит во многом вчерашний характер и не соответствует вызовам времени. Сложившиеся традиционные формы и методы социального управления, связанные с практикой жесткого линейного управления, не выдерживают стремительно нарастающей нагрузки кризисными событиями и находятся в состоянии кризиса, угрожающего далеко не локальными социальными катастрофами.

Синергетика возникла при переходе к изучению неустойчивых, нелинейных процессов вероятностной детерминации в ответ на кризис исчерпавшего себя стереотипного, линейного мышления, которое упрощает реальные процессы развития, трактуя их как только поступательные, безальтернативные, однозначно предсказуемые, а случайности – второстепенны, хаос – только деструктивен; мир связан жесткими причинно-следственными, линейными связями – это механистическая парадигма.

Синергетика как междисциплинарное направление научного поиска имеет глубокие мировоззренческие следствия. Она открывает другую сторону мира: его нестабильность, нелинейность и открытость (различные варианты будущего). Становление синергетики отражает общий процесс

фундаментальной трансформации современной науки и научной рациональности в направлении постнеклассического – нелинейного и интегрального стиля мышления и образа мира.

Нелинейность является фундаментальной характеристикой открытой системы и предполагает непрерывность выбора альтернатив ее развития. Нелинейная система – обязательно многомерна, многовариантна и не поддается линейным методам описания, что порождает потребность в выработке нелинейных методов. В математике нелинейными называют такие уравнения, которые имеют несколько качественно различных решений. Этому соответствует множество путей эволюции, описываемой этими уравнениями.

Методология решения эвристических проблем в нелинейных средах получила название нелинейного мышления. Синергетика утверждает принципы нелинейного мышления: главную роль в мире играет неустойчивость и неравновесность, случайность; поведение нелинейных процессов вариативно и однозначно непредсказуемо; порядок может возникать из хаоса спонтанно. Нелинейная наука отрицает однозначный детерминизм и исследует статистические, вероятностные процессы, которые и характерны для развития социальных процессов.

Синергетика – это новый подход к управлению в ситуации социальных кризисов, нестабильности и хаоса; – это методы нелинейного мышления и управления сложными самоорганизующимися системами, находящимися в состоянии неустойчивости [1, с. 8].

Вот почему так важно усвоение и применение идей социосинергетики, синергетического историзма как основы анализа и понимания нелинейного суперсложного взаимодействия экономической, политической и социальной самоорганизации в ситуациях неопределенности, международного кризиса и риска.

Идеи и принципы синергетики фактически направлены на изменение миропонимания, в целом на изменение стиля мышления современного человека, на его восприятие сложностей окружающего мира. Синергетика дает знания о том, как правильно взаимодействовать со сложными нелинейными событиями и системами, и как эффективно управлять ими.

В условиях современного нелинейного, сложного, динамичного и глобализирующегося мира линейное мышление, до сих пор доминирующее в обществе, становится принципиально недостаточным и даже опасным, может вести к догматизму, отсутствию толерантности и фанатизму в такой крайне нелинейной системе международных отношений и событий.

Источники и литература:

1. Касперович, Г.И. Синергетические концепции управления / Г.И. Касперович. – Минск : Акад. управ. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 258 с.
2. Ласло, Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира [Электронный ресурс] / Э. Ласло. – Режим доступа: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/prochayanauchnaya-literatura/207689-ervin-laslo-vek-bifurkacii-postizhenie-izmenyayushhegosyama.html>. – Дата доступа: 15.04.2022.
3. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
4. Пригожин, И. Познание сложного: Синергетика от прошлого к будущему / И. Пригожин, Г. Николис. – М. : ЛКИ, 2008. – 354 с.

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ИССЛЕДОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

О.А. Хлопов (Москва)

Наряду с ростом популярности международных отношений как научной дисциплины, мы стали свидетелями увеличения количества факультетов и ученых по всему миру. Несмотря на такое расширение дисциплины, теоретизирование в рамках международных отношений по-прежнему в значительной степени основано на теориях, зародившихся в англо-американском мире. Тем не менее, интернационализация международных отношений, среди прочих факторов, подтолкнула ученых к переоценке универсальности и положений ключевых доктрин и концепций, созданных представителями западной политической мысли и влияния на теоретизировании международных отношений «англосаксонской» цивилизации. Следовательно, в исследованиях о международных отношениях англосаксонская отправная точка больше не может приниматься некритически.

Поэтому должно быть многообразие различных национальных школ или геокультурное плюралистическое изучение международных отношений, которые могут зафиксировать множество подходов и теоретических взглядов на включение незападных мнений, идей, и опыта истории. Укоренились дискуссии о «незападной» теории, равно как и анализ «постзападных» подходов к международным отношениям [5].

Начиная с начала XX века, в западных исследованиях о международных отношениях развивались навязчивые идеи: поддержание порядка белых над цветным населением; сдерживание коммунизма, противодействие национализму в странах «третьего мира», борьба против «терроризма»; продвижение международного либерального порядка; активизация курсов о правах человека и развитии как последних воплощений разделения мира на цивилизованный и нуждающиеся в опеке страны со стороны западных демократий.

Интерес к «геокультурному» измерению международных отношений стал модным в начале 2000-х гг. Этот термин произошел в основном из социологии социальных наук и постпозитивистских теорий, которые подчеркивали идею о том, что социальная принадлежность знания связана с политической, социальной, географической и культурной средой, в которую были включены отдельные исследователи.

В более широком смысле «геокультурная эпистемология и международные отношения», название, под которым какое-то время сотрудничала группа ученых со всего мира, основывалось на ожидании, что конкретный международный опыт раскроет сущность провинциального поля, произведет децентрализацию в сторону от его европоцентристских, и американских привязок и обеспечит более широкую и справедливую картину глобальной политики.

Однако исследование выявило изрядную степень сходства, а не множественности, учитывая, что периферийные, глобальные южные или незападные научные исследования в области международных отношений обычно накладываются на уже существующие разработки и теоретические концепции в дисциплинах о международных отношениях. При этом такие категории, как государство, порядок, конфликт, безопасность, глобализация переформулируются в различных геокультурных контекстах.

В то же время поиск «незападных» идей и региональных и культурных «перспектив» глобального порядка имеет свои пределы. Раскрытие культурно специфичного характера различных способов понимания мира может способствовать большему плюрализму и рефлексивности. Но это также может привести к культурной и региональной замкнутости.

Российские исследования о влиянии национальных ценностей на внешнюю политику России. По мере того, как мир отдаляется от ориентированной на Запад международной системы, исследователи международных отношений все больше обращают свое внимание на содержание и формирование национальных ценностей.

Со второй половины 2000-х гг. российские исследования международных отношений находятся в поиске национальных особых ценностей, возможно, в качестве защитного ответа на политическое и культурное давление со стороны чуждой западной цивилизации, требующей соблюдения ее ценностей и интересов. Основные течения в российском МО признают значимость национальной самобытности, различные дискурсы отражают особые ценности и национальный суверенитет страны [3].

Национальное видение базируется на системе исторически сложившихся ценностей, посредством которых человеческие сообщества формируют представления и оценивают интересы. Поворот к национальным истокам и традициям отражает необходимость переосмысления национальной идентичности путем поиска новых способов взаимодействия с зарубежными странами.

С растущими вызовами глобализации, ориентированной на Запад, лидеры государств все чаще могут опираться на исторически сложившиеся идеи национального самосознания в мире.

Исторические и культурные условия еще больше отличают Россию от Запада, предоставляя российским мыслителям отчетливый голос в глобальных дискуссиях. Выявленные международные, геополитические и культурные условия присутствуют в дискуссиях российских МО, расширяя их за счет включения вопросов теории, внешней политики и внутренней модернизации.

Анализ научных дискурсов по концептуальным российским теориям международных отношений позволяет выделить три исторические школы, представляющие собой непрерывные маркеры российской идентичности, подчеркивающие культурно-цивилизационное отличие России от Запада [7].

1. Исторически наиболее влиятельными были государственники, которые отдают приоритет национальному суверенитету России и ее статусу как великой державы в мировых делах. Государственники (этатисты) по своей сути не настроены против Запада и добиваются признания Запада, делая акцент на экономических и военных возможностях. В эту разнообразную группу

входят сторонники как агрессивной, так и оборонительной внешней политики, а также сторонники различных структур союзов в мировой политике.

2. Ко второй группе относятся те, кто позиционирует Россию как особую цивилизацию с выработанной и аутентичной системой ценностей. Одни сторонники цивилизационного развития России выступают за приверженность ценностям православия, другие видят в России синтез различных религий и органичное «евразийское» единство, отличное как от европейской, так и от азиатской культуры [2].

3. Наконец, западники делают акцент на сходстве России с западными странами, рассматривая Запад как самую жизнеспособную и прогрессивную цивилизацию в мире. Хотя западники по-прежнему представлены в России, их влияние в последнее десятилетие снижается [8].

Три выявленные школы различаются теоретизированием национальных ценностей и их значения в развитии страны. В то время как цивилизаторы отдают приоритет ценностям России, часто представляя их выше западных, этатисты и западники исторически преуменьшали культурно-специфические ценности, подчеркивая «универсальные» реалии баланса сил и международные нормы суверенитета и прав человека.

Давление Запада на Россию подтолкнуло ее к изменению своей траектории с открытой для западного влияния на более антизападное противостояние. Выявленные внешние воздействия укрепили цивилизационную идентичность России и способствовали развитию своих теорий. Иностранное давление способствовало повышению привлекательности различных ценностей и интересов среди российских государственников и западников [1].

Россия сейчас исходит из видения государства-цивилизации, которая должна противостоять давлению Запада. Политика России по созданию Евразийского экономического союза, улучшению положения в Шанхайской организации сотрудничества и общему повороту в сторону Азии включает в себя экономическое, политическое, а также цивилизационное измерение. Проблема реализма в том, что при этом он недооценивает автономную роль культурных ценностей и идей, стоящих за национальным. Реалисты объясняют попытки России сотрудничать с Западом после окончания холодной войны подрывом силового потенциала России и стремлением к статусу великой державы [6], тем самым упуская из виду идейные истоки российской внешней политики.

Сторонники либеральной парадигмы склонны определять нацию с точки зрения политической системы и ее способности функционировать как демократия [4]. Они предполагают, что демократические системы лучше всего воплощают и консолидируют национальные ценности. Однако такие взгляды не учитывают возможность того, что некоторые национальные ценности могут быть несовместимы с либерально-демократическими стандартами или могут не касаться политической системы и ее организации.

Значительная часть конструктивистских исследований изучала скорее международный, чем внутренний контекст действий государства, исследуя роль международных/западных норм, идей и сетей в формировании идентичности отдельных государств и стандартов надлежащего поведения.

Глобальные тенденции неизбежны, поскольку существуют объективно мощные глобальные и системные факторы, формирующие будущее общего человечества. Альтернативные концепции мира и глобального порядка не должны отменять традиционный акцент на межгосударственных отношениях и международное сообщество.

Мир международных отношений остается глобальным, но все менее ориентированным на Запад, становится все более политически и культурно плюралистичным, и каждое государство по-своему приспосабливается к глобальным изменениям. Россия стала более ориентированной на национальные интересы как способ восстановления и развития в ответ на давление глобализации, в центре которой находится Запад. Историческую память, идеи, социальное знание, сформированные отдельной национальной историей, необходимо изучать как самостоятельные источники внешней политики и теории международных отношений.

Источники и литература:

1. Богатуров, А.Д. Международные отношения и внешняя политика России / А.Д. Богатуров. – М. : Аспект Пресс, 2017. – 480 с.
2. Цыганков, А.П. Российская теория международных отношений: какой ей быть? / А.П. Цыганков // Сравнительная политология. – 2014. – Т 5, № 2. – С. 65–83.
3. Цыганков, А.П. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий : учеб. пособие для студ. вузов / А.П. Цыганков, П.А. Цыганков. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 238 с.
4. Foreign policy: theories, actors, cases / ed.: S. Smith, A. Hadfield, T. Dunne. – 3rd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. – XXIX, 564 p.
5. International Relations Scholarship Around the World / A.B. Tickner [et al.]. – L. ; N. Y. : Routledge, 2009. – 368 p.
6. Sushentsov, A. The Tragedy of US-Russia Relations: NATO centrality and the revisionists' spiral / A. Sushentsov, W. Wohlforth // International Politics. – 2020. – Vol. 57, № 3. – P. 427–450.
7. Tsygankov, A. Russia's Foreign Policy / A. Tsygankov. – 5th ed. – Lanham ; Boulder ; N. Y. ; L. : Rowman & Littlefield, 2019. – XXX, 305 p.
8. Tsygankov, A. Russian IR Theory: The Crisis of a Globally-Pluralist Discipline / A. Tsygankov, P. Tsygankov // European Review of International Studies. – 2014. – Vol. 1, № 2. – P. 92–106.

КРИЗИСНАЯ ПРИРОДА ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Н.Н. Алексеев (Нижний Новгород)

Современная система международных отношений находится на этапе глобальных, фундаментальных трансформаций. Сложившаяся после Второй мировой войны модель мироустройства с национальными государствами в качестве ключевых акторов и растущей значимостью других общественных и политических институтов и образований, на сегодняшний день не способна обеспечивать мир, безопасность и стабильность, о чем свидетельствуют многочисленные очаги беспокойства, возникающие во всех частях земного шара. Сегодняшняя постбиполярная реальность, как известно, характеризуется турбулентностью, взаимозависимостью, децен-

трализацией, глобализацией и другими процессами и явлениями, определяющими природу не только международных отношений и мировой политики, но и любых форм общественного взаимодействия. В то же время, анализируя причины конфликтов, мы можем констатировать, что все чаще «яблоком раздора» являются не столько борьба за ресурсы и политическое лидерство, сколько этнополитические и этнокультурные разногласия [2]. Самоопределение, а вместе с ним и самоидентификация отдельных людей и сообществ становятся ключевыми процессами, как на уровне внутригосударственной, так и на уровне внешней политики. Комплексное воздействие глобализации и глокализации обусловили становление идентичности в качестве определяющей категории общественно-научного дискурса, вывели политику идентичности на стратегически важный уровень, а также определили растущую актуальность идентитарных исследований.

Необходимо отметить, что проблематика идентичности в международных отношениях на сегодняшний день изучена достаточно глубоко, однако ведущие российские исследователи отмечают также фрагментарность и разнородность исследовательского поля идентичности, что, в свою очередь, позволяет говорить о постоянном образовании незаполненных понятийных лакун [5]. Одной из основных причин образования пробелов в рамках понятийного аппарата является динамическое развитие новых и преобразование старых человеческих сообществ, требующих формирования идентификационных связей, тогда как научному сообществу, в силу объективных причин, требуется время для анализа, понимания и концептуализации новых идентичностей.

Исследователи идентичностей индивида, в том числе в области международных отношений, давно пришли к выводу об их многочисленном, комплексном характере, обусловленном усложнением процессов общественно-политического взаимодействия, ростом числа идентификационных привязанностей и сообществ для конкретного индивида [2]. В МО центральное значение имеет понятие национальной идентичности, при анализе которого неизбежно возникает дихотомия, обусловленная различными подходами к определению самой нации. Не секрет, что в составе сложного и многогранного термина «нация» выделяются этнокультурное и гражданско-политическое измерения, с присущими им особенностями [2; 6]. Аналогично в рамках идентичности в международных отношениях выделяются идентификационные связи субъектов как с неформальными, неинституализированными сообществами, так и с конкретными социальными и политическими институтами. Различные подходы к пониманию и интерпретации национальной идентичности как к привязанности к нации в ее этническом или политическом измерении можно определить в качестве одного из проявлений ее кризисной природы в международных отношениях. В то же время, понимание гетерогенности идентичности определило становление в качестве одной из основных концептуальных задач объяснение механизмов взаимодействия нескольких идентичностей. Несмотря на то, что в комплексе идентификационных привязанностей индивида выделяются

языковые, цивилизационные, культурные, религиозные, гендерные и другие идентичности, гармонизации и синхронизации, как правило, требуют национальная (по государству-нации) и этническая идентичности.

В современных международных отношениях кризисная природа конструкта идентичности проявляется преимущественно в следующих направлениях: проблема гармонизации и стабильного взаимодействия многочисленных идентификационных привязанностей, усиление региональных транснациональных и локальных идентичностей вкупе с трансформацией роли национальной идентичности, а также, так называемая «проблема принятия» – легитимизация и институционализация новых идентичностей в рамках существующих сообществ. Исследователи говорят о размывании традиционных паттернов идентичности под воздействием глобализации, что, в свою очередь, выявляет разнонаправленные ориентиры идентификационных процессов [6]. Особую роль здесь играют миграционные процессы. Если в биполярную эпоху полноценное включение мигрантов даже в гражданское сообщество принимающей страны (не говоря уже о социокультурной интеграции) было невозможно представить без изучения языка титульной нации, то сейчас (и здесь следует вспомнить политику мультикультурализма ЕС, фактически институционализировавшую диаспоральное устройство общества) осуществление базовой гражданской идентификации становится возможно без языка [1]. Данное явление безусловно зависит от темпов миграции, поэтому, например США оно затронуло раньше, чем другие страны и регионы. Унификация и распространение глобальной культуры способствует усилению этнических, локальных идентичностей, стремлению сообществ к сохранению самобытности, уникальности, под страхом полного поглощения. Крах биполярной системы и развал Советского Союза объединили большинство политических исследователей того периода во мнении о грядущей трансформации мирового порядка. Разные стороны одной идеи выражали С. Хантингтон в ставшем каноническим «Столкновении цивилизаций», Ф. Фукуяма в критикуемом, но не менее значимом «Конце истории» [8]. На данный момент очевидно, что трансформация системы международных отношений осуществляется в том числе под значительным влиянием трансформаций идентичности.

Упомянутая выше потеря национальными государствами ключевой роли в системе МО и массовые миграции сопровождаются также утратой национальной идентичности своей функции первоочередного идентификатора. В этом контексте возникает проблема поиска устойчивого фундамента для новых идентичностей. Таким фундаментом могут стать ценности. В.В. Лапкин, говоря о модернизации как стимуляторе трансформаций идентичности, утверждает, что она сопровождается радикальным ценностным и культурным сломом [6, с. 54]. Особую роль ценностей подчеркивают и И.З. Герштейн и М.А. Казаков. Они определяют ценности и традиции в качестве фундамента практически всех существующих идентичностей. Также И.З. Герштейн и М.А. Казаков в своей работе комбинируют идею воздействия модернизации на трансформацию идентичности с основополагающей

позицией ценностей, говоря о социокультурных изменениях, способствующих трансформации индивидуальных и массовых систем ценностных ориентаций, на основе которых, в свою очередь, формируется новый тип идентичности [4]. Для динамичной и быстрой транспортировки ценностей, а также для их принятия в сообществах с разными этнокультурными идентичностями необходимы символы. Здесь можно вспомнить Теорию символического выбора Мюррея Эдельмана со взаимодействием категорий «миф-символ», где миф – разделяемое группой людей убеждение, а символ – ссылка на миф [3]. Язык – система символов, отсылающих к событию, явлению, обряду, сообществу, сегодня уже не только реальному, но и виртуальному. Как отмечал Френсис Фукуяма, идентичность сегодня формируется на основе общего опыта, переживаний [7]. Очевидно, что данный опыт и переживания должны передаваться языком – символами, идеями, лозунгами. И здесь примером, разумеется, являются современные транснациональные идентичности, а именно – общественные и политические движения: MeToo – идентифицирует противников сексуального насилия, V.L.M. – идентифицирует сторонников движения за права чернокожих, Brexit – идентифицирует сторонников существования Великобритании вне ЕС, Make America Great Again – идентифицирует сторонников Д. Трампа.

В заключение следует отметить, что конфликт идентичностей и ценностей все чаще проявляется в очагах беспокойства в различных частях земного шара. Ключом к гармонизации конфликтующих идентификаций и взглядов на мир безусловно служит понимание и принятие других точек зрения, лежащие в основе многополярного мира.

Источники и литература:

1. Алексеев, Н.Н. Истоки современного национализма Швеции и Дании: анализ законодательства и вопросы идентичности / Н.Н. Алексеев, А.А. Волкоморова, С.Н. Куртяник // Международные отношения. – 2021. – № 2. – С. 12–25.
2. Алексеев, Н.Н. Уровни идентичности индивида в межнациональных отношениях: особенности взаимодействия / Н.Н. Алексеев // Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества : VI Международная научно-практическая конференция, Нижний Новгород, 15 декабря 2020 года. – М. : Перо, 2021. – С. 14–17.
3. Ближний Восток: Политика и идентичность : Коллективная монография / Е.С. Мелкумян [и др.] ; под ред. И.Д. Звягельской. – М. : Аспект Пресс, 2020. – 336 с.
4. Герштейн, И.З. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология / И.З. Герштейн, М.А. Казаков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 6. – С. 36–42.
5. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. – М. : Весь мир, 2017. – 992 с.
6. Лапкин, В.В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности / В.В. Лапкин // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 3. – С. 50–58.
7. Фукуяма, Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / Ф. Фукуяма. – М. : Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
8. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2020. – 640 с.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ И ОЦЕНКЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА США В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Е.С. Шевченко (Москва)

Современный контекст наблюдаемых мирополитических трансформаций и размежеваний «высвечивает» множество глубинных политических противоречий, проявляющихся на уровне политических систем отдельных государств (субъективный компонент) и на уровне политических конфигураций межгосударственной кооперации (объективный компонент). В данном смысле весьма актуальным является перевод в плоскость активного широкоформатного обсуждения проблематики комплексного пересмотра внешнеполитического потенциала некоторых современных государств, в контексте чего США предоставляют центральные политико-инфлюентальные позиции.

Безусловно, логичным является в укрупненном варианте представить некоторые наиболее проблемные факторы развития современного мирового политического процесса, в качестве которых обозначаются следующие:

- интенсификация динамизма и рельефности развития политических событий мирового масштаба;
- проявление диссонанса и конфликтогенности актуализируемых мирополитических трендов и тенденций;
- усиление политической поляризации в направлении обсуждения общих и частных дискуссионных положений конструируемых политических связей и контактов между государствами;
- ужесточение политического противоборства по вопросу выбора консолидирующих и координирующих механизмов межгосударственного сотрудничества;
- усложнение процесса соотнесения и солидаризации национальных государственных интересов в направлении формулирования некоего приемлемого варианта политического компромисса;
- перевод большинства деятельностно-функциональных и процессуальных компонент политического взаимодействия в сугубо смысловой проблемный срез с акцентуацией внимания на тему гармонизации понятийно-категориальных установок, более-менее удовлетворяющих заданным требованиям.

Ключевой тренд, приобретающий абсолютно новые формат и масштабность непосредственно для американской внешнеполитической специфики, сводится преимущественно к переориентации относительно вопроса определения возможностей и ограничений, во-первых, выравнивания специфики заявляемых внешнеполитических притязаний, во-вторых, стабилизации динамики реализуемого внешнеполитического курса. Проблемное звучание приобретают в том числе вопросы, связанные с восстановлением доверия международного сообщества и, по сути, с возвратом к исходным переговорным опорным пунктам, что является дискуссионным

на фоне закрепления за США статуса политического аутсайдера в мировом политическом процессе и утверждения «выключенности» США из мирополитического дискурса.

Соответственно, данная проблематика предполагает обращение к следующей наиболее референтной системе подходов к пониманию и оценке внешнеполитического потенциала США в контексте развития современного мирового политического процесса:

1. Персонифицированный подход (закрепление за главой государства авторской манеры интерпретации оснований и ориентиров реализации внешнеполитических амбиций имперского толка). По большей части это аккумулируется в контексте политической терминологии конкретно президентства Д. Трампа и Дж. Байдена – в обоих случаях речь идет непосредственно о формулировании и утверждении субъективированного видения актуализируемой в рамках мировой системы координат политической ситуации в прямой привязке к особым концептам и нарративам увеличения присутствия США во внешнеполитическом проблемном поле, при этом ключевое отличие состоит в том, что со стороны Д. Трампа предпочтение отдавалось в пользу сохранения абсолютной свободы политических действий, для Дж. Байдена очень существенной является зависимость от публичной поддержки представителей политического истеблишмента (в этом смысле весьма показательна ситуация на тему инициированного Д. Трампом выхода США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty) в августе 2019 года и приостановки со стороны Дж. Байдена российско-американского переговорного процесса по тематике осуществления контроля над стратегическими вооружениями и ослабления геополитического прессинга по технологическому оснащению военной инфраструктуры с февраля 2022 года).

2. Имиджевый подход (формулирование и последующее адекватное встраивание в общий внешнеполитический контур подходящих политико-имиджевых характеристик). В обозначенной проблемной фактуре это понимается с точки зрения анализа конструируемого внешнеполитического имиджа США в прямой комбинации с комплексом специфических особенностей политической работы непосредственно президента США, характеризующейся в течение последних нескольких лет в том числе наслоением внутривнутриполитических противоречий друг на друга, углублением действия рассогласовательных факторов внутри политической элиты и т.д., при этом сохраняется запущенная Д. Трампом позитивизация относительно принятия некоторых символических политических решений – наиболее явно данный тренд для Дж. Байдена прослеживается в фокусе таких ключевых политических концептов, как борьба с распространением COVID-19, нивелирование политических результатов президентства своего предшественника, использование умеренного формата внешнеполитической активности, стабилизация межгосударственного партнерства с евро-пейским сообществом.

3. Институциональный подход (осуществление регулярного поиска некоего баланса в вопросе пропорциональности, с одной стороны,

показателей работы международных организаций и институтов, с другой стороны, параметров создаваемого политического вклада). Ключевой аспект заключается преимущественно в оптимизации внутривнутриполитической институциональной архитектуры США согласно общепринятым практикам и процедурам институционально-политического реформирования (в первую очередь, это касается вопросов финансирования и кадрового обеспечения).

4. Инструменталистский подход (существенное обновление спектра внешнеполитических инструментов с учетом соответствующего понимания таких аспектов, как возникновение новых прецедентов в повседневной политической практике, пересмотр процессуальных особенностей согласования представленных на высоком уровне политических позиций и т.д.). Особенно рельефно это прослеживается на уровне таких политических кейсов, как интенсификация обращения к санкционному пакету в направлении специального достижения политических целей и задач, ужесточение дипломатического прессинга, – в первом случае это коррелирует с инициированием блокировок преимущественно торгово-экономического свойства, во втором случае это коррелирует с инициированием серьезных ограничительных действий относительно объектов дипломатической собственности, в первую очередь, российской юрисдикции.

5. Ресурсный подход (аккумуляция и использование релевантных внешнеполитических ресурсов в режиме, с одной стороны, эффективной реализации национальных интересов на высоком уровне, с другой стороны, ненарушения исходной логики мирового политического развития). По данной теме в пределах, в частности, американского экспертного сообщества в последние месяцы высказываются весьма противоречивые точки зрения – формулируется система аргументов, во-первых, в пользу истощения США имеющегося внешнеполитического ресурсного потенциала, во-вторых, в пользу достижения успеха в вопросе подбора ресурсного сопровождения внешнеполитической активности (в обоих случаях более-менее объективированным аргументом признается динамика подготовки результатов научных исследований: подтверждением первой точки зрения является существенное падение рейтинга общественного одобрения действующего президента США с конца августа-начала сентября 2022 года примерно на десять позиций, подтверждением второй точки зрения – осуществление успешного выбора наиболее перспективных областей государственного развития США на протяжении последнего двухлетнего периода [1; 2]).

6. Функциональный подход (проверка последовательности и качества исполнения внешнеполитических обязательств в рамках нормативно-правового и концептуального проблемного поля). В данном контексте приоритетность имеет выказывание готовности со стороны действующего американского политического руководства к обеспечению открытости и позитивности межгосударственного диалога с опорой на имеющийся эффективный политико-управленческий функционал, что в целом считается преимуществом в рамках выстраивания политических отношений, в частности, с Великобританией, Индией и др.

Источники и литература:

1. How Popular/Unpopular Is Joe Biden? [Electronic resource] // FiveThirtyEight. – 2022. – Mode of access: <https://projects.fivethirtyeight.com/biden-approval-rating/>. – Date of access: 14.04.2022.
2. What People Around The World Like – And Dislike – About American Society And Politics [Electronic resource] // Pew Research Center. – 2022. – Mode of access: <https://www.pewresearch.org/global/2021/11/01/what-people-around-the-world-like-and-dislike-about-american-society-and-politics/>. – Date of access: 14.04.2022.

**МИРНЫЙ ПРОХОД ЧЕРЕЗ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ МОРЕ
В КОНВЕНЦИИ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ И АКВАТОРИИ
СО СПОРНЫМ СТАТУСОМ**

А.В. Докучаев (Москва)

Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года [2] закрепляет право мирного прохода через территориальное море для судов всех государств, вне зависимости от того, являются ли они прибрежными, либо не имеют выхода к морю. Понятие мирного прохода предусматривает соблюдение мира, доброго порядка и безопасности государств, обладающими морскими границами. Согласно статье 17 Конвенции, существуют две основные цели, регламентирующие плавание через территориальное море: 1) пересечение последнего без захода во внутренние воды или без остановки на рейде за их пределами; 2) пройти во внутренние воды, выйти, стать на рейде у портового сооружения. В первом случае само движение судов должно быть «непрерывным и быстрым», однако обстоятельства непреодолимой силы или бедствия (в том числе для оказания помощи) предполагают включение в юридические основания мирного прохода остановку и стоянку на якоре.

И в относительно стабильной международной обстановке нарушение Конвенции ООН по морскому праву происходило нередко. В условиях современного экономического и военного кризиса в мировой системе особое значение приобретают конфликты, возникающие в отношении спорных территорий и акваторий. Эти противоречия становятся потенциальными причинами для перехода в фазу прямых вооруженных столкновений между государствами или группами государств. Территориальное море Крыма в Азовском и Черном морях, Кипр, Фолкленды, Курильские острова, Тайвань, Сэнкаку (Дяоюйдао), Парасельские острова, архипелаг Спратли – это лишь некоторые примеры нерешенных проблем, создающих взаимное недоверие и международную нестабильность в региональном и глобальном аспектах. Еще в 1914 году Китай обозначил путь «буквой U» или «Коровий язык» в Восточном (как предпочитает напоминать одно из названий этой части мирового океана Вьетнам) или Южно-китайском море. В 1974 году Китай установил контроль над Парасельскими островами, на которые претендуют также Вьетнам и Тайвань. Требование КНР о признании своих прав на острова, шельф, подземные недра, водные территории в данном регионе было подтверждено в ноте Генеральному секретарю ООН от 7 мая 2009 года.

Вьетнам, Филиппины, Тайвань считают это требование противоречащим Конвенции по морскому праву. В 2016 году международный трибунал по жалобе Филиппин (по мнению которых китайские патрульные катера в 2012 г. нарушили положения Конвенции в районе рифа Скарборо) отказался признать неоспоримые исторические права КНР на спорные территории в Южно-китайском море. Однако китайские власти не посчитали законным решение трибунала и не приняли его к исполнению. Аналогичная ситуация складывается вокруг архипелага Спратли (его принадлежность оспаривается Вьетнамом, Китаем, Малайзией, Филиппинами, Тайванем, Брунеем). На некоторых островах располагаются военные контингенты государств, обозначивших свои претензии на архипелаг и прилегающую акваторию. Китай, в частности, в 2018 году разместил свои противокорабельные ракеты. Если учесть разногласия последнего с США о принадлежности Тайваня, спор с Японией по части префектуры Окинава (острова Сэнкаку), то весь регион представляет актуальную конфликтную зону, где «мирный проход» со стороны любого участника территориального спора может восприниматься другими как провокация.

Создание Великобританией, США и Австралией оборонного альянса AUKUS и перспективное предоставление австралийским вооруженным силам атомных подводных лодок оказало существенное влияние на изменение стратегического ландшафта. Статья 20 Конвенции ООН по морскому праву указывает на необходимость для подводных лодок в условиях мирного прохода следовать на поверхности и идентифицировать свою принадлежность («поднимать свой флаг»). Впрочем, даже строгое соблюдение статьи не обезопасит прибрежные государства, а в том, что международное право будет нарушаться в контексте территориальных проблем, не вызывает сомнения. Каждая из сторон будет придерживаться трактовок, соответствующих «национальным интересам». Ответная реакция КНР последовала незамедлительно. 31 марта 2022 года было опубликовано официальное заявление о подписании «Рамочного соглашения между правительством Китайской Народной Республики (КНР) и правительством Соломоновых островов о сотрудничестве в области безопасности». В соответствии со статьями 1 и 2 соглашения Китай сможет развертывать военные и полицейские соединения на островах, а китайские корабли получают право свободного захода во внутренние воды Соломоновых островов, как для целей материально-технического снабжения, так и для защиты своего персонала и проектов. Военное ведомство Австралии уже охарактеризовало действия китайской дипломатии как «очень агрессивные» и нарушающие конфигурацию пограничной безопасности в непосредственной близости от Австралийского континента.

Международное право, как фактор мира и безопасности, становится все более подверженным дискуссиям и трансформациям [1, с. 349]. В этой связи распространение новых видов оружия и ядерных технологий нуждается в дополнительной правовой аргументации. В международных договорах 1971 года было запрещено размещать необитаемые морские ядерные системы исключительно донного базирования. То, как будет решаться во-

прос о праве «мирного прохода» для российской стратегической торпеды «Посейдон» (не подпадающей под эти запреты) и ее носителей – отдельная юридическая проблема. В особенности, если данный вид военных технологий в неядерном исполнении станет предметом экспорта в другие страны, в том числе со спорным статусом морских акваторий.

Источники и литература:

1. Докучаев, А.В. Проблема кодификации «jus ad bellum» и «jus in bello» в системе международного права / А.В. Докучаев // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права : материалы международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ имени П.М. Машерова, Витебск, 26–28 апреля 2018 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С. 348–350.
2. Конвенция ООН по морскому праву [Электронный ресурс] : заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982: с изм. от 23.07.1994 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

Д.А. Кириллов (Минск)

Международная уголовная юстиция – специфический вид деятельности, осуществляемой через создаваемые субъектами международного права судебные учреждения (трибуналы), юрисдикция которых, согласно их учредительным актам, распространяется в отношении физических лиц, ответственных за совершение деяний, являющихся нарушениями уголовного права, представляющими опасность для международного сообщества.

Международная уголовная юстиция является особым видом правоприменительной деятельности, осуществляемой специальными судебными органами, создаваемыми субъектами международного права. Указанная деятельность включает в себя регламентированные нормами международного права мероприятия по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел в отношении физических лиц, ответственных за совершение уголовных преступлений [8, с. 491].

Цель исследования заключается в комплексном исследовании теоретических аспектов, а также механизма осуществления правосудия Международным уголовным судом.

Чтобы обрисовать понимание того, в какую сторону движется международная уголовная юстиция, нужно ответить на следующие принципиально важные вопросы:

1. Каково правовое значение международной уголовной юстиции?
2. Какова система международной уголовной юстиции?
3. Какова правовая характеристика международного уголовного правосудия?
4. Какое место занимает международный уголовный суд в настоящее время и какие основные направления деятельности входят в его юрисдикцию?

Идея международной уголовной юстиции была реализована в 1945г. созданием Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов. Однако их деятельность закончилась с завершением процессов над преступниками Второй мировой войны. Эти трибуналы были созданы и функционировали в форме международных судов ad hoc.

Из-за совершаемых в ходе современных вооруженных конфликтов многочисленных преступлений ООН вновь поставили на повестку дня вопрос о необходимости создания органов международной уголовной юстиции [3, с. 305].

Организационно-правовую основу деятельности международной уголовной юстиции составляют судебные органы (трибуналы), оснащенные соответствующей инфраструктурой, и совокупность материальных и процессуальных норм международного права, внесших существенный практический вклад в дело борьбы с международной преступностью [7, с. 258].

На сегодняшний день известны следующие категории органов международной уголовной юстиции:

1. Международный уголовный суд является постоянным органом, уполномоченным осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, указанные в настоящем Статуте, и дополняет национальные системы уголовного правосудия [12].

2. Международные уголовные трибуналы на основе резолюций Совета Безопасности ООН как вспомогательные и временные органы со специальной компетенцией (Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г.; Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г.).

3. Смешанные (гибридные) суды и трибуналы на основе специальных соглашений отдельных государств с ООН (Специальный Суд по Сьерра-Леоне; Специальный Трибунал по Ливану) или решений временной администрации ООН на территориях проведения миротворческих операций (Смешанные судебные коллегии Косово; Специальные палаты по тяжким преступлениям Тимора-Лешти).

4. Интернационализованные уголовные трибуналы (Специальные судебные составы Окружного суда Дили в Восточном Тиморе; Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи; Специальный суд по Сьерра-Леоне; Суды в Косово; Палата военных преступлений в Боснии и Герцеговине; Специальный трибунал по Ливану) [10, с. 351].

31 декабря 2017 г. произошло знаменательное для всей системы международной уголовной юстиции событие – официально прекратил

свою деятельность Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ), учрежденный Резолюцией Совета Безопасности ООН от 25 мая 1993 г. № 827. Два года ранее перестал действовать еще один «знаковый» международный уголовный суд современности – Международный трибунал по Руанде (МТР), работавший на основании Резолюции Совета Безопасности ООН от 8 ноября 1994 г. № 955 [6].

Международная уголовная юстиция, в отличие от национальной, применяет международные нормы непосредственно, и объем применяемых норм не зависит от того, насколько добросовестно государство выполнило свои международные обязательства и имплементировала соответствующие нормы международного права. В пользу международных уголовных судов и трибуналов говорит и многонациональный состав таких судов, что позволяет вести речь о большей беспристрастности и объективности судебного разбирательства по сравнению с национальными судами [11, с. 221].

Система международной уголовной юстиции на современном этапе включает судебные учреждения и их органы, созданные на основании международных соглашений для осуществления уголовного преследования и разрешения по существу уголовных дел с последующим применением наказания за наиболее тяжкие и иные международные преступления, отнесенные к их юрисдикции, а равно для реализации других функций, необходимых для отправления международного уголовного правосудия [2, с. 13].

Международное уголовное правосудие представляет собой деятельность по применению международного права, тех его юридических норм и принципов, которые имеют основополагающее значение для обеспечения мира, защиты личности и жизненно важных интересов международного сообщества от особо опасных для человеческой цивилизации нарушений принципов и норм международного права.

Оно представляет собой одно из направлений международного сотрудничества и заключается в осуществлении судами, учрежденными международным сообществом при участии ООН, на основании или во исполнение международных договоров, рассмотрения и разрешения по существу дел о международных, а также об иных отнесенных к их юрисдикции преступлениях, и имеет своими целями:

- 1) привлечение к ответственности и наказание лиц, виновных в совершении таких преступлений;
- 2) защиту от них международного сообщества в целом, каждого его члена и всех людей;
- 3) предупреждение международных преступлений, восстановление и поддержание на этой основе мира и безопасности [1].

Предваряя исследование вопроса об определении понятия «международное уголовное правосудие», следует отметить, что многообразие международных связей, различный уровень социально-экономического развития стран, новый уровень развития юридической науки привели к созданию сложной системы международных отношений и органов правосудия.

Примечательно, что органы международного уголовного правосудия входят в систему международной уголовной юстиции [4].

Система международной уголовной юстиции – совокупность учрежденных международным сообществом при участии ООН на основании или во исполнение международных договоров судебных органов для осуществления правосудия по уголовным делам в отношении лиц, виновных в совершении международных преступлений, а также иных преступлений, отнесенных к их юрисдикции. К числу международных судебных учреждений относятся и различные органы, призванные разрешать споры с участием физических лиц (международные суды, Международный уголовный суд и различные уголовные трибуналы *ad hoc*) [9, с. 320].

При этом международные уголовные суды (Международный уголовный суд в Гааге) в настоящее время занимают особое место в системе международной уголовной юстиции, имея, с одной стороны, общие черты с судами по правам человека (Европейский Суд по правам человека рассматривает только конкретные жалобы с тем, чтобы установить, действительно ли были допущены нарушения требований Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), а с другой стороны, отличия как от судов по правам человека, так и от других международных судов [4].

Рассматривая правовое регулирование международного уголовного суда, под его юрисдикцию входит несколько основных направлений деятельности:

- установление процессуального порядка осуществления функций органов международной уголовной юстиции, т.е. формирование процессуально-правовых основ осуществления ими правосудия;
- подготовку и издание нормативных правовых документов, детально регламентирующих отдельные аспекты их деятельности, т.е. их нормотворчество (например, принятие нормативных правовых документов (обращение граждан, а также заявление о возбуждении уголовного дела, вынесение определения), изменение и дополнение, а также отмена нормативных правовых документов (отмена об возбуждении уголовного дела));
- рассмотрение по существу и разрешение уголовных дел о международных преступлениях, т.е. отправление правосудия [2, с. 11].

Изложенное позволяет рассматривать правовое регулирование и деятельность судов, осуществляющих международную уголовную юрисдикцию, в рамках единой системы, которая международным сообществом обозначается самостоятельным термином – «международная уголовная юстиция» или «*international criminal justice*».

Например,

- Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии, который осуществляет судебное преследование лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права.
- Международный уголовный трибунал по Руанде, который осуществляет судебное преследование лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права.
- Международный уголовный суд, учрежденный под эгидой ООН.

Именно таким образом он употребляется в многочисленных международных документах, первыми из которых явились Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН [5].

Подводя итог проведенному анализу, необходимо констатировать, что международная уголовная юстиция – это международный судебный механизм и процедура, создаваемые мировым сообществом государств для рассмотрения уголовных преступлений, ответственные за совершение деяний физических и юридических лиц, имеющих международный характер. Осуществляется эта деятельность специальными органами международной уголовной юстиции, имеющими набор специфических признаков, отличающих их от всех иных органов и учреждений, а также обладающими определенными организационными (институциональными) особенностями.

Источники и литература:

1. Волеводз, А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе [Электронный ресурс] / А.Г. Волеводз // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – № 2(5). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-ugolovnoe>. – Дата доступа: 20.12.2021.
2. Волеводз, А.Г. Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки / А.Г. Волеводз // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. – М. : Институт права и публичной политики, 2009. – С. 305–323.
3. Гетьман-Павлова, И.В. Международное право: учебник для вузов / И.В. Гетьман-Павлова, Е. В. Постникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2020. – 560 с.
4. Грицаев, С.А. Теоретико-правовые и институциональные основы международного уголовного правосудия [Электронный ресурс] / С.А. Грицаев // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 9. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovye-i-institutsionalnye>. – Дата доступа: 20.01.2022.
5. Ерохин, Д.В. Понятие и цели международной уголовной политики [Электронный ресурс] / Д.В. Ерохин // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 3(56). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-tseli-mezhdunarodnoy-ugolovnoy-politiki>. – Дата доступа: 20.01.2022.
6. Кибальник, А.Г. Куда идет международная уголовная юстиция? [Электронный ресурс] / А. Г. Кибальник // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kuda-idet>. – Дата доступа: 20.12.2021.
7. Лазутин, Л.А. Международное право : учебник / Л.А. Лазутин [и др.] ; отв. ред. Л.А. Лазутин, В.Я. Суворова, И.В. Фёдоров. – М. : Юстиция, 2018. – 400 с.
8. Международное право : учебник для бакалавров / под ред. Р.М. Валеева, Г.И. Курдюкова. – М. : Статут, 2017. – 496 с.
9. Международное уголовное право: учебник для вузов / А.В. Бриллиантов [и др.]; под ред. А.В. Бриллиантова. – М. : Юрайт, 2020. – 358 с.
10. Право международных организаций : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / А.Х. Абашидзе [и др.] ; под ред. А.Х. Абашидзе. – М. : Юрайт, 2019. – 505 с.
11. Репецький, В.М. Міжнародне публічне право : підручник / В.М. Репецький [та ін.] ; за ред. В.М. Репецького. – К.: Знання, 2011. – 437 с.
12. Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]: принят в Риме от 17 июля 1998 г.: в ред. от 16 янв. 2002 г. – Режим доступа: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf). – Дата доступа: 15.04.2022.

РАЗДЕЛ 2
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ
В ЭПОХУ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

**ДАГАВОР 1229 ГОДА СМАЛЕНСКА, ПОЛАЦКА, ВІЦЕБСКА З РЫГАЙ
І ГОЦКІМ БЕРАГАМ ЯК АДНА З КРЫНІЦ ПАЧАТКУ МІЖНАРОДНЫХ
АДНОСІН НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У XIII СТ.**

А.В. Лепеш (Мінск)

Дагавор 1229 г. Смаленска, Полацка, Віцебска з Рыгай і Гоцкім берагам з'яўляецца неад'емнай часткай гандлёвага права перыяду сярэднявечча, утрымлівае сведкі пра асаблівыя мытныя стасункі з суседнімі партнёрамі, і, безумоўна, уваходзіць у базу крыніц, якія рэгламентавалі пачатак міжнародных адносін на беларускіх землях.

У XII–XIII ст. Смаленск, Полацк і Віцебск мелі сур'ёзныя гандлёвыя сувязі, змагаліся за кантроль над рачнымі шляхамі па Дзвіне і імкнуліся прадаставіць гандлярам найбольш выгадныя ўмовы пры ажыццяўленні іх прафесійнай дзейнасць. Уплывовым эканамічным партнёрам для вышэй названых гарадоў з'яўляўся так званы Гоцкі бераг, або Готланд (“Зямля готаў”) – самы вялікі востраў ў Балтыйскім моры, які зараз належыць Швецыі. З XI ст. Готланд заняў вядучыя пазіцыі ў пасрэдніцкім гандлі паміж Усходняй і Заходняй Еўропай, а таксама дамінаваў у балтыйскім гандлі дзякуючы свайму ўдаламу месцазнаходжанню. На ўзбярэжжы вострава была размешчана сістэма гаваняў, якая ва ўсходнеславянскіх летапісах узгадваецца як Гоцкі бераг. Адною з гаваняў з'яўляўся горад пасяховых нямецкіх купцоў Вісбю, які з цягам часу стаў адміністрацыйным цэнтрам Готланда і значным горадам (аж да ўзвышэння Любека) Ганзейскага саюза – буйнога эканамічнага і палітычнага аб'яднання гандлёвых гарадоў паўночна-заходняй Еўропы, што існаваў з сярэдзіны XII ст. і да XVII ст. У Ганзейскі саюз перыяда яго росквіту уваходзіла да 100 як прыморскіх нямецкіх гарадоў (Любек, Брэмен, Гамбург і інш.), так і кантэнтальныя нямецкія гарады і некаторыя не нямецкія гарады таксама. Саюз быў арганізаваны з мэтай сумеснай барацьбы з піратамі. Шляхам дамоў з краінамі-контрагентамі ганзейцы дабіваліся розных прывілеяў, каб захапіць камерцыйную гегемонію. Трэба сказаць, што Ганзейскі саюз не быў дастаткова трывалым, кожны горад захоўваў сваю эканамічную самастойнасць. У краінах, з якімі ганзейскія купцы вялі гандаль, засноўваліся факторыі, якія ўяўлялі сабой умацаваныя паселішчы купцоў, дзе ажыццяўляліся гандлёвыя аперацыі і дзе захоўваўся тавар [4, с. 261]. Прыкладам, такая факторыя Ганзы існавала ў Полацку у XIII–XVI стст. З іншых ганзейскіх гарадоў сваіх купцоў у Полацк прысылалі з Вісбю, Гданьска, Любека [3, с. 129].

Горад Вісбю стаў для нямецкіх купцоў трамплінам на рускі рынак: да багатага на пушніну і воск Ноўгарада. У Ноўгарадзе готландскія купцы мелі нават свой гасцінны двор. Ноўгарад, Смаленск, Полацк бачылі ў Ганзейскім саюзе сапраўдную інтэграцыйную пляцоўку для вырашэння

гандлёвых пытанняў, якія б спрыялі росту таваразвароту і стымулявалі развіццё рамяства.

Рыга, заснаваная ў 1201 г., была адной з ключавых гульцоў у сістэме гандлёвых аперацый Паддзвіння і на ўсходнім узбярэжжы Прыбалтыкі. Рыга стала адным з галоўных гандлёвых партнёраў для Полацка і Віцебска. Яна фактычна кіравала факторыяй Ганзы ў Полацку, якую лічыла сваім філіялам [3, с. 129]. З цягам часу ў Рызе з'явілася і прадстаўніцтва полацкіх і віцебскіх гандляроў. У Рызе ў XIII ст. для купцоў з усходнеславянскіх земляў, перш за ўсё з Полацка, Віцебска і Смаленска, было арганізавана "Рускае падвор'е" – кампактны раён пражывання гандляроў і рамеснікаў.

Вялікае значэнне ў эканамічным жыцці старажытных беларускіх канястваў у IX–XIII стст. адыгрываў шлях "з варагаў у грэкі", які злучаў Балтыйскае і Чорнае моры. Значнасць дадзенага шляху заключалася ў тым, што ён са старажытных часоў з'яўляўся стрыжнем эканамічнага палітычнага, а потым і культурнага жыцця ўсходняга славянства. Вынікам дынамічнага гандлёвага руху па шляху "з варагаў у грэкі" з'явілася ўзнікненне ў VIII–IX стст. старажытных усходне-славянскіх гандлёвых гарадоў, такіх, як Кіеў, Чарнігаў, Ноўгарад, Перыяслаўль, Смаленск, Растоў, Ладага, Пскоў, Полацк, Віцебск. З даўніх часоў кантроль над гэтым шляхам імкнуліся ўсталяваць Ноўгарад, Полацк, Смаленск, бо гэта гарантавала паступленне дадатковых прыбыткаў на карысць князя і дзяржавы. З гэтай нагоды можна ўзгадаць бітву полацкага князя Брачыслава Ізяславіча с наўгародскім князем Яраславам Мудрым у 1021 г. на рацэ Судаміры, якая скончылася паражэннем першага. Але, відаць, нездарма Яраслаў атрымаў мяшушку Мудрага, бо, нягледзячы на перамогу, знайшоў магчымасць пайсці на замірэньне са сваім родным пляменнікам Брачыславам і нават падараваў полацкаму князю два гарады – Віцебск і Усвяты. Фактычна гэта значыла тое, што Яраслаў Мудры шукаў кампраміс з заходнім суседам у накірунку арганізацыі і кантролю гандлёвага патоку па знакамітаму шляху.

Адзначым, што важным фактарам "полацкай" часткі шляха "з варагаў у грэкі", ў адрозненні ад канкуруючага з ім "наўгародскага", было тое, што праз "полацкі" адрэзак можна было, па першае, значна скараціць дадзены шлях, а, па-другое, Полаччына давала купцам альтэрнатыву ў накірунку далейшага падарожжа: або рухацца далей на поўнач, або на паўночны ўсход. Гэтыя акалічнасці, неабходна думаць, прадвызначалі патэнцыяльны выбар гандляроў і спрыялі ператварэнню Полацка ў сапраўдны гандлёвы цэнтр. Відавочна, што і сам Полацк імкнуўся выкарыстаць свае зручнае становішча. Дзякуючы ўсталяванню сістэмы спагнання гандлёва-мытных падаткаў у Полацкім княстве, надзяленню фіскальнымі функцыямі шэрагу падначаленых князю валоцкіх цівуноў, мытнікаў, служэбнікаў, Полацк у канцы XI – сярэдзіне XII стст. стаў самым заможным горадам на тэрыторыі Беларусі. Сярод ключавых імпортных тавараў, якія завозіліся на Полаччыну, неабходна вызначыць шаўковыя тканіны, прадметы ўпрыгожванняў, спражкі, свяцільні, спецыі, якія прывозілі з Усходу; жалезныя вырабы (сякеры, нажы, мячы), металічную сыравіну (жалеза, волава, цынк, срэбра, медзь), што паступалі са Скандынавіі; віно, якое везлі з прычарнаморскіх правінцый Візантыі; тканіну, соль, якія траплялі з Германіі; бурштын,

сялёдку, якія дастаўлялі з берагоў Балтыйскага мора. Нават пры раскопках на тэрыторыі Полацка былі знойдзены, праўда у адзінкавым экзэмпляры, сердалік, сапфір, горны крыштал, што паступалі сюды з пярэдняй Азіі [3, с. 127]. Увогуле набыць аксаміты, пацеркі, бразготкі візантыйскага або кіеўскага паходжання, мячы і іншую зброю з Германіі і Сандынавіі можна было толькі ў полацкіх купцоў, што спрыяла эканамічнай манаполіі Полаччыны на дадзены пералік прадметаў [3, с. 129]. У сваю чаргу, тавары, якія экспартаваліся палачанамі, карысталіся вялікім попытам на еўрапейскім рынку. Экспартная тагачасная карта ўяўляла сабой пералік наступных прадуктаў: пчаліны воск, мёд, шкуры пушных звяроў (бабра, мядзведзя, рысі, вавёркі, собаля, андатры, а таксама лісы, ваўка, зайца, гарнастая, пясца, ласкі), хмель, смала, дзёгаць, попел і інш.

На Смаленскай зямлі шлях “з варагаў у грэкі” пераходзіў у Вялікі волжскі шлях, што злучаў Камскую Булгарыю і мусульманскі Усход. Праз Смаленшчыну праходзілі і іншыя гандлёвыя шляхі. Смаленск у хуткім часе імкнуўся рэгуляваць гандлёвыя адносіны Полацка і Віцебска. Тым не менш Полацк раней за Смаленск пайшоў на заключэнне гандлёвых дамоваў з Гоцкім берагам, бо ў “Хроніцы Лівоніі” ёсць сведчанне пра тое, што менавіта Полацк падпісаў у 1210 г. дагавор с Гоцкім берагам пры нявызначаным удзеле Смаленска [6, с. 116], а ў 1212 г., відаць, пацвердзіў яго [1, с. 238–239].

Важную ролю ў зараджэнні і развіцці міжнародных адносін ў XIII ст. усё ж адыграў дагавор 1229 г., ініцыяваны смаленскім князем Мсціславам Давыдавічам, які даслаў у Рыгу сваіх прыбліжаных для замацавання дадзенай дамовы. Гэты дагавор распаўсюджваўся таксама на Полацк і Віцебск і быў падпісаны не толькі з Рыгай, але і з Гоцкім берагам. Першапачаткова ён дэклараваў мірныя адносіны дзвух бакоў. Уступ да дагавора ўтрымліваў уводны запіс аб устанаўленні сяброўскіх адносін паміж Смаленскам, Рыгаю і Вісбю [5].

Тое, што дадзены дагавор быў складзены не ад імя полацкага князя і ўлічваў інтарэсы, перш за ўсё, смаленскай зямлі, можа азначаць, што ў 30–40-х гг. XIII ст. Полацк слабеў, а ролю лідара ў дадзеным рэгіёне пачало адыгрываць Смаленскае княства. Магчыма, Полацк стаў падначаленым Смаленску ў эканамічным плане [1, с. 238–239].

Дагавор 1229 г. стаў асновай для арганізацыі гандлёвых аперацый па Заходняй Дзвіне. Ён прадастаўляў права свабоднага праезду нямецкім і рускім гандлярам: нямецкім – не толькі ў Полацк, Віцебск, Смаленск, але і за межы апошняга; рускім – у Рыгу, Любек і іншыя гарады, на Гоцкі бераг. Важнымі артыкуламі дагавора сталі артыкулы аб бесперашкодным і бязмытным гандлі нямецкім купцам у рускіх гарадах, а рускім – у гарадах Балтыйскага ўзбярэжжа, на Готландзе, прычым любымі таварамі і ў любой колькасці. Мясцовыя смаленскія ўлады павінны былі садзейнічаць урэгуляванню адносін нямецкіх гандляроў з валоцкімі цівунамі, якія былі надзелены фіскальнымі функцыямі і імкнуліся спаганяць мытныя падаткі на зручных гандлёвых адрэзках – валоках. Валоцкія цівуны абавязаны былі неадкладна дапамагаць пры пераправе праз валокі замежным гандлярам, каб пазбегнуць іх сутыкнення з мясцовым насельніцтвам. Перавозчыкі-валачане павінны былі несці калектыўную адказнасць за страту тавара.

Таксама нямецкія і рускія купцы атрымлівалі прывілеі, якія значна спрашчалі магчымасці іх узаемнага тавараабмена. Рускія купцы-крэдыторы мелі права на першачарговую кампенсацыю за прадастаўленыя імі тавары нямецкім купцам, і наадварот.

Важна, што дагавор 1229 г. утрымліваў не толькі нормы гандлёвага права, але і крымінальнага, грамадзянскага, абавязковага і нават берагавога. Напрыклад, дагаворам гарантавалася дапамога пацярпелым ад караблекрушэння гандлярам – прадстаўнікам кожнага з бакоў. Нават пры паступленні тавара да пакупніка дагавор куплі-продажу лічыўся непарыўным, і ўсе спрэчныя моманты неабходна было вырашаць праз суд смаленскага князя. У дагаворы былі прапісаны памеры пошлінаў за ўзважванне тавару пры заключэнні гандлёвых аперацый.

У адпаведнасці з дагаворам 1229 г. за забойства свабоднага чалавека з вінаватага спаганялася 10 грынвен серабра, духоўнай асобы або пасла – 20, халопа – 1 грыўна серабра. За пашкоджанне вока, рукі або нагі прадугледжвалася выплата ў 5 грынвен серабра. Цікава, што у дакуменце такая амаль бяспраўная катэгорыя насельніцтва як халопы лічылася суб'ектам міжнароднага права. Так, калі нямецкі гандляр даваў у пазыку тавар княжацкаму халопу, а той паміраў так і не заплаціўшы, то адказнасць за гэта павінен быў несці той, хто лічыўся спадкаемцам дадзенага халопа [2, с. 12].

Відавочна, што дагавор 1229 г. забяспечваў устойлівыя міжнародныя адносіны паміж купцамі Полацка, Віцебска і Смаленска з Рыгай і Гоцкім берагам на падставе ўзаемнасці і раўнапраўя. Ён сведчыць аб адносна аднолькавым узроўні развіцця эканомікі ва ўсходняй і заходняй Еўропе і імкненні знайсці аптымальныя рычагі кіравання гандлёвымі патокамі на шляхах, якія выкарыстоўваліся купцамі.

Крыніцы і літаратура:

1. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля / Л.В. Алексеев. – М. : Наука, 1966. – 294 с.
2. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права : дапам. для студ. юрыдычнага фак-та / Я.А. Юхо [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2000. – 127 с.
3. Дук, Д.У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 179 с.
4. Зарождение и эволюция торгово-пошлинных отношений (V – середина XIV века) / сост. Ю.Г. Кисловский. – М. : Изд-во Российской таможенной акад., 2010. – 336 с.
5. Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / под ред. Р.И. Аванесова. – М. : Академия наук СССР, 1963. – 141 с.
6. Штыхов, Г.В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г.В. Штыхов. – Минск : Наука и техника, 1978. – 160 с.

НЕАПОЛИТАНСКОЕ КОРОЛЕВСТВО В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ АНЖУЙСКОЙ ДИНАСТИИ (1266–1343 гг.)

В.П. Олейникова (Неаполь)

В начале XIII в. французский король *Людовик VIII, прозванный Лев (Louis le Lion, 1187–1226)* оставил Францию старшему сыну *Людовику IX Святому (1214–1270)*, а младшему отпрыску – *Карлу (1227–1285)* – завещал *апанаж* [7, р. 6] в графстве Анжу.

Графы Анжуйские, благодаря приграничному расположению их земель, смогли продолжить дело Людовика VIII, постепенно выдвигаясь на юг: в Аквитанию, в Прованс, в Лангедок. В 1260 г. Карл Анжуйский уже вторгся на территорию герцогства Савойского, расположенного на севере Апеннинского полуострова. Можно смело предположить, что он воспользовался политической неразберихой, возникшей после смерти его родственника – короля *Фридриха II Гогенштауфена (1194–1250)*.

Впоследствии, отсюда – опять-таки под эгидой графов Анжуйских – организовывались многие Крестовые походы, вынашивались идеи о создании Средиземноморской Империи, и не вызывает удивления, что статус Карла I Анжуйского на троне титулярного короля Иерусалимского королевства поддерживался самими тамплиерами! Именно в Йере (Прованс) – причалил к французскому берегу, возвращаясь из Крестового похода. Людовик IX Святой (родной брат Карла I Анжуйского). Отсюда решено было идти на завоевание Неаполя – чрезвычайно выгодно расположенного порта для осуществления логистических связей между *Иерусалимским Королевством* [5, с. 45–49] и Францией, ведь отвоевание Константинополя и борьба за Латинскую империю являлись важнейшими внешнеполитическими задачами в правлении Карла.

В это же время Папа Римский *Урбан IV (1195–1264, Жак Панталеон, первый француз на папском престоле)* уже начал борьбу с представителями дома *Гогенштауфенов* за обладание Неаполитанским королевством. Желая сместить последних Гогенштауфенов, *Урбан IV* активно искал правителя, который мог бы завоевать королевство. В итоге выбор пал на Карла Анжуйского. Папа Римский всячески помогал Карлу Анжуйскому прочно закрепиться в Италии. Его преемник – папа *Климент IV (1200–1268)* – продолжил данную политику, отдав в 1266 г. корону Неаполитанского королевства Карлу, который практически сразу перенес столицу из островного Палермо в континентальный Неаполь.

Итак, внешнеполитические задачи Папского Двора и Анжуйского Дома совпали. Именно с этого момента анжуины становятся убежденными гвельфами.

Карл, получивший в приданое только Прованс, в 1266–1268 гг. захватил Королевство обеих Сицилий. После завоевания Карлом Анжуйским юга Италии папа Римский начал активно помогать ему укреплять престиж Неаполитанского королевства на Апеннинском полуострове и не только. Благодаря тому, что Карл I стал вассалом церкви, его власть распространилась на весь юг Италии вплоть до Мальты. Король начал управлять большей частью Пьемонта и руководить партией итальянских гвельфов.

Изобилие титулов Карла I просто поражало. Он был королем Иерусалима и Албании, принцем Ахайи, графом Прованса, Форкалькье, Тоннера, Анжу и Мэна. Он расширил свои владения от Франции до территории, оставшейся от латинского королевства Святой Земли. Ведь Анжуйская династия начала править Неаполем, когда Иерусалимская монархия еще была сильна. Будущее Анжуйской династии и грядущее Франции виделось ее основателем именно в единении с Иерусалимом. Формировалась огромная армия, строился мощный флот.

Постоянный недостаток финансовых средств, необходимых для развития Неаполя и решения внешнеполитических задач, привел к тому, что уже со времени правления Карла I анжуины были озабочены наполнением казны. Но *«заботы об экономике, как правило, препоручались иноземным итальянским купцам и банкирам, которые приобретали не только права беспошлинной торговли, что ставило в менее выгодное положение местное купечество, но также покупали земли, титулы, а нередко получали важные должности в системе государственного управления»* [1, с. 150–151].

Неаполь мыслился, как посреднический порт, достаточно удобный для приема военных, торговцев и паломников. Но со временем в промышленности, торговле и банковском деле все заметнее становилась роль купцов из Северной и Центральной Италии – флорентийцев, сиенцев, пизанцев, венецианцев, генуэзцев. *«Они надежно держали в своих руках важнейшие торговые операции, активно приобретали земельные владения и титулы, их охотно принимали на государственную службу, путь к которой открывали широкие кредиты неаполитанским королям»* [1, с. 150].

К тому же все высшие должности в королевстве постепенно заняли выходцы из Прованса и Франции. В результате такого «кумовского» протектирования среди «аборигенов» юга Италии фигура первого анжуйского короля потеряла популярность и сопровождалась казнями лидеров оппозиции. Данные ошибки привели к *«Сицилианской вечерни»* – восстанию весны 1282 г., которое привело к потере Сицилии в пользу каталонско-арагонской династии. Анжуйское владичество было поставлено под угрозу, ибо на местах стала усиливаться власть баронов, которая не встречала сопротивления со стороны Анжуйской династии.

Карл I вошел в историю как один из самых значительных монархов своего времени. Его правление в Неаполе было искусным и эффективным. Оно обеспечивало правосудие и порядок. Тем не менее, анжуйский король вошел в историю как фигура неординарная, противоречивая, жестокая, хотя именно он смог превратить Неаполитанское королевство в действительно могущественное средиземноморское государство. Скончался, так и не сумев осуществить свою мечту – стать правителем всей Италии.

Когда Карл I умер 7 января 1285 г. его сын Карл Салернский – будущий король *Карл II Хромой (1285–1309)* – все еще находился в плену в Каталонии. После освобождения из плена его снова короновали в Неаполе в 1289 г. Восстановленный в правах монарх обеспечил королевству несколько спокойных лет, в чем ему «помогло» заключение Кальтабеллонского мира (1302 г.), ограничивавшего владения анжуйцев только югом полуострова. Эти актом Карл окончательно отказался от прав на Сицилию. Арагонский король Федерико II был признан пожизненным королём Сицилии, что фактически и означало отказ анжуинов от продолжения борьбы за остров. Брак дочери Карла II Эленоры и короля Федерико II создал видимость примирения между анжуинами и арагонами.

При Карле II Неаполь продолжил трансформацию в значительный космополитический центр, где приезжие флорентийцы, генуэзцы, провансальцы создавали собственные кварталы, церкви и торговые склады,

причем в готическом стиле, характерном для родных городов переселенцев. Был расширен Большой порт Неаполя (Marina Grande).

После кончины Карла II в мае 1309 г., к власти пришел его третий сын *Роберт (1309–1343)*, возвратившийся к решению внешнеполитических задач. Владения, полученные им, уже значительно уступали территориям его деда, ибо из-под его власти «выскользнули» Сицилия и часть французских владений, а падение Акры в 1291 г. лишило анжуинов титула королей Иерусалима. Оставалась власть в южном Пьемонте, Провансе и собственно континентальном Неаполитанском королевстве.

Роберт приложил немало усилий к расширению владений Анжуйского дома на Балканском полуострове, организовав удачные брачные союзы своих родственников. Связи с Францией укрепил, женив своего сына Карла Калабрийского на Марии Валуа, племяннице Филиппа Красивого.

В Италии же удалось поднять престиж, благодаря поддержке папы *Иоанна XXII (1249–1334)*. Так, в 1311–1313 гг. Роберт начал войну с императором *Генрихом VII*, который – по примеру императоров X–XII вв. – решил биться за обладание реальной властью в Италии. После кончины Генриха VII Роберт продолжил войну с гибеллинами в Северной Италии, подчинив себе Геную и Брешию.

В 1316 г. король Анжуйский стал викарием папы, сенатором Рима, главой всех итальянских гвельфов, получив фактическую власть над Феррарой, входившей в состав Папской области. Но экономические трудности Неаполитанского королевства продолжали расти не только из-за подъема затрат на проведение военных операций, но и из-за нарастания конкурентной борьбы между «бенефициарами» этих операций: сиенскими, пизанскими, генуэзскими, но, особенно, венецианскими и флорентийскими торгово-банковскими домами. Вмешавшись в это соперничество, король предпочел поддержать гвельфскую Флоренцию, ибо ее крупные предпринимательские компании *Барди* и *Перуцци* заняли к этому времени господствующие позиции в торговле. Они получили монополию на вывоз зерна, преимущественное право на производство и продажу шерстяных тканей и многие другие преференции. Ранее флорентийцы получили от папы Римского право на 10%-ную маржу (разницу между ценой и себестоимостью). Фактически Барди и Перуцци приобрели себе право на нарушение церковного догмата «*Взаймы давайте, ничего не ожидая от этого*». Приобретение этого права принесло свои плоды достаточно быстро. *Маттео Виллани (1280–1348)*, флорентийский хронист и член правления компании Перуцци свидетельствовал: «*Свои деньги на хранение купцам Флоренции отдавали многие бароны, прелаты и другие обеспеченные люди Неаполитанского королевства, Франции, Англии... Трудно назвать страну, где не знали бы о флорентийских компаниях, которые благодаря своим весьма разветвленным связям и крупным масштабам своей организации готовы были ссужать любую валюту почти в любом требуемом количестве*» [8, p. 120].

Один из секретов успеха Барди и Перуцци заключался в том, что, будучи полностью самостоятельными компаниями, они всегда выступали совместно в организации особо крупных предприятий, образуя своеобразный *картель*. Уже в 1310 г. Барди и Перуцци имели крупные отделения в Неаполе и других городах по всей Южной Италии. Около 15-ти лет – с 1327 по 1341 г. – интересы дома

Барди в Неаполе представлял великий писатель *Джованни Боккаччо (1313–1375)* [6, р. 12–13], оставивший легендарную характеристику Роберта Великого, как «самого умного короля в мире после Соломона» [2, с. 34].

Приобретая репутацию успешных дельцов, Барди и Перуцци привлекали в свои проекты капиталы множества мелких предприятий, компаний и частных лиц, причем привлеченные средства не входили в основной капитал компании и на них не распространялся распределение её прибылей. Но Барди и Перуцци своим авторитетом гарантировали стабильный доход по депозитам (в основном порядка 8% годовых), к которому в особо удачные годы делается некоторая добавка [4, с. 36].

О количестве привлеченных средств в капитале компаний можно судить по следующим данным: в 1310 г. основной капитал компании Барди, внесенный её 15 членами (10 из семьи Барди и 5 посторонних), составлял 91 тыс. лир, в то время как депозиты, внесенные только в основную контору фирмы во Флоренции (не считая филиалов), составляли около 26 тысяч лир [3]. К 1330 г. домам Барди и Перуцци удалось поглотить своих товарищей по цеху и установить во флорентийской экономике олигополию, а значит, и в Неаполе. При Роберте успешно развивалась и карьера флорентийского рода *Аччайуоли*, члены которого начинали как компаньоны Барди и Перуцци.

Таким образом, несмотря на попытку Анжуинов укрепить единое политической пространство, юг Италии в очередной раз стал ареной столкновения интересов различных торгово-банковских домов Центральной и Северной Италии, представителей Франции, Папской области. Торговые компании из Флоренции, Венеции и Генуи приобретали земли, контролировали важнейшие торговые операции. Купеческий олигархат предоставлял неаполитанским королям кредиты, за что его представители получали синекуру в виде государственной службы. Политическое единство страны все более разрушалось.

Ослабление экономических связей между различными регионами королевства привело к усилению власти местных графов и баронов, ослаблению политического единства и постепенному упадку государственного правления Анжуйского дома в Неаполе.

Источники и литература:

1. Брагина, Л.М. Италия в Средние века и раннее новое время. V–XVII вв.: учебное пособие / Л.М. Брагина. – М. : РГГУ, 2017. – 448 с.
2. Бурьгин, С.М. Неаполитанская ривьера. Исторический путеводитель / С.М. Бурьгин, А.Г. Москвин. – М. : Вече. – 320 с.
3. Герасимов, Е.А. Банкротства [Электронный ресурс] / Е.А. Герасимов // ModernLib.ru. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20150512145022/http://-modernlib.-ru/books/gerasimov_aleksey_evgenyevich/bankrotstva/read_1/. – Дата доступа: 04.03.2011.
4. Пачкалов, А.В. Финансовые династии: архитекторы глобализма / А.В. Пачкалов. – М. : Концептуал, 2019. – 320 с.
5. Правер, Дж. Королевство крестоносцев / Дж. Правер. – М. : Центрополиграф, 2019. – 511 с.
6. Branca, V. Giovanni Boccaccio: profilo biografico / V. Branca. – Firenze : Sansoni, 1977. – 228 p.
7. Comte Philippe-Antoine Merlin, Apanage, dans Répertoire universel et raisonné de jurisprudence, chez Garnery. – Paris, 1812. – Т. 1, А–В. – 261 p.
8. Cronica Matteo e Filippo Villani. Vita d, iomeni illustri fiorentini / Di Filippo. La cronica di Dino Compagni. – Milano, 1842. – 559 p.

ГРАНИЦА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО С ЛИВОНИЕЙ ПО САЛИНСКОМУ ДОГОВОРУ 1398 г.

О.В. Лицкевич (Минск)

Первоначальные рубежи ВКЛ с Ливонией не регламентировались какими-либо межгосударственными договорами, а формировались в результате ожесточенной военной борьбы между двумя странами [22, р. 222].

Во второй половине XIV в., после разгрома крестоносцами жемайтских волостей Мажейкяй и Папиле на р. Вянта и волости Шяуляй к северо-востоку от истоков р. Дубиса [21, s. 66, 75, 80; 12, s. 7, 37; 19, s. 283; 20, s. 63; 14, р. 66–72], северные пределы населенной области Жемайтии стали проходить с запада на восток по линии Медницкой, Кражяйской, Кнетовской, Расейнской, Бетегальской и Тянджэгалльской волостей.

По археологическим данным, восточная граница жемайтской культуры грунтовых могильников V–XIII вв. доходила до р. Шушве, правого притока р. Нявежис [16, р. 179]. Следовательно, местности к востоку от р. Шушве изначально не были жемайтскими. Здесь лежала Дотнувская волость: ее самыми северными пунктами по состоянию на 1372 г. были, в частности, Жасайчяй (Zazati) [21, s. 101; 3, 68:54] и Дотишкяй (Datyske) на р. Гуопис [21, s. 101; 20, s. 40; 2, 80:86]. К северо-востоку от Дотнувской волости, по р. Ляуде и по обоим берегам р. Нявежис, находилась волость, которой в 60-х – 70-х гг. XIV в. управлял упитский *самран* Эгинт (Eginthen) [21, s. 101, 113].

Далее к востоку располагалось ядро Упитской земли. Судя по описанию походов ливонских крестоносцев 1368, 1370–1372 гг., ее крайними населенными пунктами были местности к западу и северо-западу от р. Нявежис: а именно села Швайникяй (Swaunike) и Превачка (Prewweistke) на р. Шуоя [21, s. 98–99; 18, р. 126]. Отсюда северный рубеж населенной территории Упитской земли (местностей Вайшвильчяй, Молайняй, Миняны и Вяльжис) проходил по верхнему течению р. Нявежис.

С юго-востока к Упитской земле примыкали пограничные волости Завилейской Литвы – Пенянская (на р. Пеня, правом притоке р. Швентойи), Аникшяйская, Утенская и Ужпаляйская. Ужпаляйская волость («hofstede, dese het Uspalde») известна уже с 30-х гг. XIV в., а Утенская волость – с 1373 г. [21, s. 103; 24, s. 78, 86]. К востоку от Ужпаляй фиксируется озерно-лесистая полоса шириной 40–50 км, остававшаяся редконаселенной, видимо, еще со времен противостояния Полоцкого княжества и племенной Литвы. За ней лежала территория Дрисвятской и Браславской волостей, а за Западной Двиной от устья р. Индрицы начинался полоцко-ливонский участок границы, доходивший на севере до рубежей Псковской земли.

Таковы были приблизительные очертания северных пределов населенных областей Жемайтии и Литвы во второй половине XIV в. Между населенными областями ВКЛ и Тевтонского ордена в Ливонии находилась обширная *ненаселенная* местность, покрытая лесами, болотами, реками и озерами. В орденских источниках XIV в. такие пространства назывались «пустынями»

(нем. «Wildnis»; лат. «solitudo», «desertum»); в своем исходном смысле лучше всего для их обозначения подходит славянское понятие *пуща*.

Первое известное нам обозначение литовско-ливонской границы на местности было проведено в правление Ольгерда в 50-х или 60-х гг. XIV в. Возможно, его следует связывать с переговорами между ВКЛ, Священной Римской империей и Тевтонским орденом, которые прошли в 1358 г. Со стороны ВКЛ демаркацией руководил упитский наместник Войшвилт († 1370), поэтому в источниках XV–XVI вв. эта граница называется Войшвилтовой. Она пролегла через *пущу* значительно севернее населенных областей Жемайтии и Литвы. Один из участков Войшвилтовой границы проходил по р. Сусее, правому притоку р. Мемеле [10, р. 179–180], и в трех милях (22–24 км) к северу от городища Комодра (Камарде) [13, s. 101], иначе говоря в 7–8 км к северу от слияния рек Мемеле и Муша.

Салинский договор 1398 г. – первый сохранившийся межгосударственный акт ВКЛ и Тевтонского ордена, в котором подробно регламентируется делимитация прусской и ливонской границ. Соответствующие положения первоначально были включены в прелиминарный договор, заключенный в Городне 23 апреля 1398 г. [23, s. 7–8]. Затем с незначительными изменениями они вошли в окончательный договор, утвержденный великим князем Витовтом и великим магистром Конрадом фон Юнгингеном на встрече, которая прошла на неманском острове Салин 12 октября 1398 г. [23, s. 9–12].

Новая граница с Ливонией начиналась от острова Салин. Известно, что этот остров располагался выше по течению Немана, чем другой остров – Ромайн (Romeuwerdir), который находился между Вялюоной и старым литовским замком Пештве [21, s. 490; 20, s. 65]. Но на основе современных карт точно установить местонахождение острова Салин не представляется возможным, поскольку даже карты с разницей в сорок-пятьдесят лет – 1941 [7] и 1988 г. [4], дают совсем разную картину того, где располагались неманские острова в этом районе и сколько их было. Можно лишь предполагать, что остров Салин лежал поблизости или чуть к востоку от устья р. Дубиса [возможно в квадрате: 7, 07:54]. В отличие от Городенского прелиминарного договора, в Салинском договоре было добавлено положение, что Ордену достается навечно весь остров Салин целиком («also das das ganze werder blibe ewiclich dem ordin»).

От острова Салин граница шла по прямой в восточном направлении к р. Нявежис по долине под каким-то Священным лесом («undir dem Heiligen Walde im grunde»). Таким образом, в составе ВКЛ оставались волости Гайжува и Паштува [21, s. 98, 543, 579, 680–681; 20, s. 46, 61] или, по крайней мере, их южные части, а граница проводилась к югу от крупного леса, возможно, идентичного тому, что обозначен на довоенной карте как «лес Подовгово» и «лес Подовговеля» [8]. К р. Нявежис граница могла выходить чуть южнее Бабтай, где в конце XIV в. был брод [21, s. 681].

Затем граница шла в северном направлении посередине русла р. Нявежис до упитского села Вайшвильчяй, которое в Салинском договоре названо

Wisbitten, а в Городенском прелиминарном договоре Wyswilten. От этой точки граница следовала на север к р. Муша («der A»), в которой лежал камень под названием Roda или Rode. В актовых материалах Упитского гродского суда за 1595 и 1612 гг. упоминается «камень Ровдь» на р. Муша в «поле Помушском» [1, стб. 228, 262, 330]. Название камня, очевидно, происходит от литовского слова «gaudonas» («красный»). А. Салис локализовал это место в районе позднейшей д. Раудонпамушис в 7 км к востоку от Линкувы, где на довоенной карте обозначен двор Червоный Помуш [20, s. 83; 9, 19:18]. Впрочем, еще один такой же топоним (Раудонпамушис = двор Червоный Помуш) обнаруживается восточнее, близ впадения р. Татула в Мушу [6, 26:42].

Затем от этого камня граница сворачивала по прямой на восток и достигала реки и озера Smarden. Как указал А. Салис, речь идет о ручье, правом притоке р. Татула, впадающем в нее в 2,5 км к западу от Пабирже [20, s. 83]. Это подтверждается актовыми материалами 1584 и 1589 гг., согласно которым над рекою «Смордонею» лежали поле Лукяны (теперь д. Ликенай) и сеножать Киршанка (теперь д. Киршоняй) [1, стб. 137, 202]. Здесь и сейчас существует минеральный источник Смардонес, являющийся туристической достопримечательностью.

Отсюда линия шла дальше на восток к озеру Apeytensee. Это либо оз. Ширвис, либо оз. Килучю-Эжеряс, через которые протекает р. Апаця [20, s. 83]. Миновав их, граница достигала дороги, которая в Салинском договоре названа «Brengelischen weg» (в латинском экземпляре «Prengelsche weg»). А. Салис предположил, что она проходила там же, где вдоль рек Ровя и Гярве идет современная дорога, соединяющая Нямунеле-Радвилишкис и Папилис [20, s. 83]. К этому можно добавить, что название дороги «Brengelischen weg», возможно, связано с тем, что она вела из Ливонии в сторону Ужпаляй, Утены и Таурагнай, где существовало городище Бринклишкес на берегу одноименного озера [15, p. 42].

Далее граница пересекала р. Мемеле (Nenemite) и шла через *лушу* к истокам р. Эглайне (Egloffe). Этот отрезок делимитации не вполне ясен. В Салинском договоре между этими двумя реками указан только некий луг (Heide), где берет начало не названный по имени ручей (Bogn), хотя на этом пространстве протекает несколько довольно крупных рек, в том числе Сусея и Вижуона. Кроме того, существуют две речки с названием Эглайне. Одна – это левый приток Западной Двины, берущий начало за р. Сусеей к востоку от Акнисте. Если в Салинском договоре идет речь об этой реке, то линия делимитации проходила бы севернее старой Войшвилтовой границы, что кажется маловероятным на фоне общих территориальных уступок Витовта. Следовательно, в договоре имеется в виду другая р. Эглайне – левый приток р. Илуксте, берущий начало почти точно в том районе, где в 1473 г. была проведена Радивилова граница [5, 02:42].

От истока р. Эглайне граница проводилась через *лушу* до самой «Ploskower grenicze». Название это можно трактовать двояко – либо как полоцкую, либо как псковскую границу. Однако ни в Городенском, ни в Салинском актах 1398 г. этот участок подробно не описан.

Уже 8 ноября 1398 г. великий магистр отправил Витовту письмо с просьбой как можно скорее прислать комиссаров для обозначения границ на местности [11, s. 316].

Таким образом, в соответствии с Салинским договором 1398 г. Витовт уступал Ордену всю Жемайтию, за исключением небольшой полосы вдоль Немана между устьями рек Дубиса и Нявежис, и ряд нежемайтских волостей к западу от р. Нявежис. Среди последних была Дотнувская волость и западная часть волости Эгинта. Впоследствии они так и остались в составе Жемайтии, образовав Датновский и Лявданский тракты Вялюонской волости [17, s. 73–76]. Одним из последствий Салинского договора было то, что после возвращения Жемайтии в состав ВКЛ в XV в. вся ее восточная административная граница стала проходить по р. Нявежис. Кроме того, на отрезке от р. Муша до р. Мемеле линия делимитации прошла гораздо южнее старой Войшвилтовой границы. Иными словами, Витовт уступил Тевтонскому ордену еще и часть *пуци* к северу от Упитской земли и Завилейской Литвы. Не исключено, что он воспринимал эти уступки как временные и хотел любой ценой побыстрее заключить договор с Орденом, чтобы развязать себе руки для действий на ордынском направлении и на Руси, которые, как известно, в 1399 г. закончились катастрофой на р. Ворскле.

Источники и литература:

1. Опись документов Виленского Центрального архива древних актовых книг. – Вып. 8. – Акты Упитского городского суда за 1584–1615 годы. – Вильна : Тип. бр. Д. и Х. Яловцер, 1912. – XIX, 564 с.
2. Топографическая карта СССР, 1:100 000. – N-34-012, 1988 г.
3. Топографическая карта СССР, 1:100 000. – N-34-023, 1988 г.
4. Топографическая карта СССР, 1:100 000. – N-34-035, 1988 г.
5. Топографическая карта СССР, 1:100 000. – N-35-005, 1984 г.
6. Топографическая карта СССР, 1:100 000. – O-35-133, 1937 г.
7. Топографическая карта СССР, 1:50 000. – N-34-035-Г, 1941 г.
8. Топографическая карта СССР, 1:50 000. – N-34-036-В, 1941 г.
9. Топографическая карта СССР, 1:50 000. – O-35-133-В, ок. 1931 г.
10. Bucevičiūtė, L. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XV–XVI a.: valstybės erdvės ir jos sienų samprata: mokslo monografija / L. Bucevičiūtė. – Kaunas : Vytauto Didžiojo universitetas ; Vilnius : Versus aureus, 2015. – 400 p.
11. Daniłowicz, I. Skarbiec dyplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych / Z pozgonnych rękopismów znajdujących się w bibliotece Muzeum Wileńskiego wyd. J. Sidorowicz. – T. 1. – Wilno : W druk. A. H. Kirkora, 1862. – 391 s.
12. Die jüngere Livländische Reimchronik des Bartholomäus Hoeneke. 1315–1348 / Von K. Höhlbaum. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1872. – LIV, 37 s.
13. Dorna, M. Akt delimitacji litewsko-inflanckiej z 7 lipca 1473 roku / M. Dorna // Lituanos-Slavica Posnaniensia. – 2013. – № 14. – S. 87–102.
14. Jurgaitis, R. Šiaulių žemė Viduramžiais. Sunaikintų pilių lokalizacijos problemos / R. Jurgaitis // Darbai ir dienos. – 2005. – T. 44. – P. 63–80.
15. Lietuvos TSR archeologijos atlasas. – T. 2. Piliakalniai. – Vilnius : Mintis, 1975. – 228 p.
16. Lietuvos TSR archeologijos atlasas. – T. 3. I–XIII a. pilkapynai ir senkapiai. – Vilnius : Mokslas, 1977. – 192 p., žemėlapis.
17. Łowmiański, H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego / H. Łowmiański. – T. 2. – Wilno : Nakładem Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie, 1932. – 448 s.

18. Maksimaitienė, O. Pirmosios žinios apie Panevėžio miestą / O. Maksimaitienė // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai. – Serija A. – 1961. – № 2 (11). – P. 125–132.
19. Mortensen, H. Neues zur Frage der mittelalterlichen Nordgrenze der Litauer / H. Mortensen // Zeitschrift für Slavische Philologie. – 1933. – Vol. 10, № 3/4. – S. 273–305.
20. Salys, A. Die žemaitischen Mundarten. Teil 1. Geschichte des žemaitischen Sprachgebiets / A. Salys. – Kaunas : Akc. "Spindulio" B-vės Spaustuvė, 1930. – 147 s.
21. Scriptores rerum Prussicarum. – Bd. 2. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1863. – VI, 866 s.
22. Varakauskas, R. Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a. / R. Varakauskas. – Vilnius: Mokslas, 1982. – 392 p.
23. Weise, E. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preußen im 15. Jahrhundert. – Bd. 1. 1398–1437. – Zweite verbesserte Auflage / E. Weise. – Marburg : N.G. Elwert Verlag, 1970. – VIII, 216 s.
24. Wojtkowiak, Z. Lithuania Transwilniensis saec. XIV–XVI. Podziały Litwy północnej w późnym średniowieczu / Z. Wojtkowiak. – Poznań : Wyd-wo Poznańskie, 2005. – 192 p.

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ БОЛЕСЛАВА СВИДРИГАЙЛО В ОТНОШЕНИЯХ С ЛЮКСЕМБУРГАМИ В 1418–1420 гг.

А.В. Кузьмин (Москва)

Грюнвальдская битва (15 VII 1410) стала важной вехой как в биографии великого князя Александра Витовта, так и в истории литовско-русской военно-служилой знати ВКЛ. Вслед за польским шляхетством ее лидеры подчеркивали свою первенствующую роль в этом событии [14, s. 12]. В Европе после блестящих побед над крестоносцами из Тевтонского Ордена, их союзниками и наёмниками войска Гедиминовичей стали рассматриваться как одна из самых сильных армий в христианской ойкумене [19, s. 93–94].

Военный триумф над братьями-рыцарями позволил боярам из числа католиков-неофитов (в отличие от православных) сделать новый шаг в ВКЛ на пути к укреплению своих сословных привилегий. После завершения «Великой войны» (1409–1411) это наглядно подчеркивали статьи Городельского привилея (2 X 1413), уточнявшие Кревский акт движения ВКЛ и его правящей знати навстречу к их присоединению к Короне Польской [13, № 49–51, s. 50–72].

Массовые раздачи земель и людей в литовских и русских владениях Гедиминовичей, конечно, не сделали счастливыми все социальные страты населения ВКЛ. Прежде всего, это касалось его основной и наиболее многочисленной части – крестьян (особенно тех, кто проживал в Жемайтии). Источники показывают, что в XIII – начале XV в. во внешнеполитических отношениях между правителями ВКЛ и властями Тевтонского Ордена эта часть исторической Литвы нередко выступала как разменная монета. Парадоксально, но именно военное поражение северных крестоносцев в «Великой войне» ускорило процесс реальной, а не декларативной или точечной христианизации населения Жемайтии [2, с. 34]. Параллельно с ней в балтских землях ВКЛ стремительно шел процесс феодализации, уменьшения размеров великокняжеского домена и формирования крупной частной собственности, владельцами которой преимущественно стали литовцы-католики [6, с. 83–84].

Вслед за своими предшественниками великий князь Александр Витовт, опираясь на резко возросший в стране авторитет светской власти, продолжил процесс не добровольного, а насильственного (как и ранее в эпоху правления здесь крестоносцев) крещения жемайтов. Учитывая областные политические и административные привилегии и старину этой территории, Жемайтия не была включена в состав Виленской епархии. Здесь была образована отдельная Трокская епархия. Ее учреждение подчеркивало разный удельный статус между Литвой и Жемайтией, а также время начала их христианизации.

Помимо поддержки миссионерской деятельности католиков, правитель ВКЛ проводил в Жемайтии раздачу «свободных людей как скот». В первой четверти XVI в. суровые условия их жизни описал посол «Священной Римской империи» в Русском государстве барон Сигизмунд Герберштейн. Он отмечал, что «со времен Витольда вплоть до наших дней они (т.е. крестьяне. – А.К.) пребывают в столь жестоком рабстве, что приговоренного к смерти заставляют по приказу господина казнить самого себя и собственноручно себя вешать. Если же он вдруг откажется сделать это, то его жестоко высекут, бесчеловечно истерзают и все равно повесят. Вследствие такой строгости бывает, что [судья или назначенный для (разбора) дела начальник только пригрозит виновному], начини тот медлить, или просто скажет: “Поспеши, господин гневается”, как несчастный, опасаясь жесточайших побоев, кончает жизнь петлей» [1, с. 192–193].

В 1418 г. в Жемайтии поспание традиций старины и введение «новин» великим князем Александром Витовтом привели к массовому выступлению против представителей его власти волостных общинников (например, в Арёгалах, Видукле, Медниках, Расейнской и Кнетувской волостях). В российской дореволюционной историографии это восстание иногда рассматривали как реакцию местного населения на меры его насильственной христианизации [4, с. 42–43]. Советские исследователи интерпретировали крестьянское движение 1418 г. исключительно как социальный протест против усиления феодального гнета [5, с. 331; 8, с. 192; 12, с. 61–62]. В действительности все эти причины были всего лишь отдельными звеньями в цепи недовольства восставших жемайтов, которые, на самом деле, жили несколько лучше, чем их западные соседи в державе Ягеллонов. Так, например, известно, что в первой четверти XV в. отработка крестьянами барщины в церковных имениях в Малой Польше уже достигала 2–3 дней. В 1421 г. в Мазовии своим статутом князь Януш ввел «общую для всего княжества норму барщины – один день в неделю с полного надела («лана»)» [11, с. 386]. Для сравнения в это же время в русских землях ВКЛ по упоминаниям в источниках известно лишь о существовании «спорадической барщины, не превышавшей еще нормы в несколько дней в год» [10, с. 59].

В 1419 г. другой не менее важной причиной восстания в Жемайтии стала поддержка его властями Тевтонского Ордена. За спинами братьев-рыцарей отчетливо маячила фигура давнего оппонента в ВКЛ Александра Витовта и все еще законного претендента на престол в Вильно великого

князя Болеслава Свидригайло. В 1418–1419 гг. с помощью прусских крестоносцев, мечтавших о военно-политическом реванше за две свои неудачные кампании против Гедиминовичей (в «Великой войне» 1409–1411 гг. и «Голодной войне» 1414 г.), этот младший сын покойного литовского великого князя Ольгерда строил новые планы, чтобы овладеть отцовским престолом. И в ВКЛ, и за его пределами для решения этой задачи он имел надежных открытых и тайных сторонников.

Русские летописцы XV в. единодушно отмечают, что главную роль в освобождении Болеслава Свидригайло после 8,5 лет заключения в разных замках ВКЛ сыграл Дашко Федорович, один из сыновей князя Ф.Д. Острожского [9. – Т. 4, Ч. 1. – С. 420–421; Т. 6, Вып. 1. – Стб. 540–541; Т. 16. – Стб. 168; Т. 25. – С. 244; Т. 39. – С. 142; Т. 42. – С. 176]. Польский хронист Ян Длугош уточняет, что вторым вождем заговорщиков был Александр Нос [16, s. 86]. Он был сыном погибшего в битве с ордынцами на р. Ворскле князя И.Ю. Бельзского († 12 VIII 1399).

С отрядом в 500 человек князь Д.Ф. Острожский, отец которого когда-то был великокняжеским наместником в Луцке и членом рады ВКЛ [3. – Т. 1. – С. 115–118], сначала подошел к Кременцу, чья хоругвь, напомним, 15 VII 1410 г. участвовала в битве против армии Тевтонского Ордена на Грюнвальдском поле. С помощью верных людей (Дмитрия и Ильи), заранее устроившихся на службу в Кременец, заговорщики овладели этим почти неприступным замком.

Воеводой в Кременце был выходец из Прусской земли силезский рыцарь Кондрат из Франкенберга («Кондрат Прус») [16, s. 85–86; 7, с. 116, 139, 421–422]. Противники правителя ВКЛ в замке «Кондрата воеводу уби, а приставъвъ воеводовыхъ Витовтовых пересекло и князя Вситригаила (так!) изо желѣзьъ высекло» [9. – Т. 6, Вып. 1. – Стб. 540–541]. В летописных сводах, восходящих вместе с Софийской I летописью к общему архетипу, отмечалось, что заговорщики «приставовъ королевых и Витовтовых изсѣче, а князя Швитригаила из желѣзьъ высече».

После долгожданного освобождения претендент на верховную власть в ВКЛ вместе с отрядом своих сторонников из Кременца отправился в Великий Луцк. Болеслав Свидригайло «изгоном» захватил город, где «отлучилъ» у волынских бояр 150 коней. Не имея возможности военным путем удержать за собой Луцкое княжение, бывший узник и его сторонники вновь, как и 20 лет назад, покинули земли Руси и ушли в пределы союзного им Венгерского королевства [9. – Т. 25. – С. 244; Т. 4, Ч. 1. – С. 420–421; Т. 39. – С. 142; Т. 42. – С. 176].

Однако оказавшись при дворе Сигизмунда I Люксембурга Болеслав Свидригайло неожиданно не встретил тёплого приема, на который он рассчитывал. Внешнеполитические приоритеты правителей ряда стран Центральной и Восточной Европы после Грюнвальдской битвы и в период многолетнего пребывания в плену великого князя Болеслава Свидригайло изменились. В текущее время младший брат римского короля Вацлава IV был озадачен предстоящим получением прав на престижную чешскую корону. В борьбе за нее правитель Венгрии нуждался в поддержке или хотя бы в нейтралитете своих ближайших соседей и, прежде всего, ставшего весьма

влиятельным Владислава II Ягайло. События «Великой войны» показали, что он обладал заметным авторитетом и поддержкой среди чешских рыцарей. Они укреплялись с помощью финансовых возможностей. Это позволяло Гедиминовичам неоднократно и склонять на свою сторону наёмные отряды из Чехии и Моравии.

Для начала, чтобы укрепить внешнеполитические позиции своего претендента на власть в ВКЛ, король Сигизмунд I предложил великому князю Болеславу Свидригайло, ставшему к 1418 г. вдовцом, породниться с влиятельным домом силезских Пястов. В качестве невесты литвину была предложена одна из дочерей вассала чешского короля Вацлава IV Люксембурга – умершего олесницко-козельского (с 1403) князя Конрада III Старого (1354/59 – между 8 XII 1412 и 6 I 1413). Его женой была княгиня Гута († между 1416 и 1419). Опекун над незамужними сестрами осуществляли старшие братья – вроцлавский епископ (с 1417) князь Конрад IV Старший (Сеньор) (1380/86 – 9 VIII 1447) и князь Конрад V (1381/87 – 10 IX 1439). С целью сватовства к первому из них Болеславом Свидригайло было написано письмо. По сведениям властей Тевтонского Ордена, оно датировалось 18 II 1418 г. [15, s. 90]. Польские исследователи предполагают, что его невестой должна была стать Евфимия (Оффка) (до 1405–1444), старшая дочь покойного князя Конрада III Старого [18, s. 698; 15, s. 90].

Обращение королем Сигизмундом I Люксембургом внимания великого князя Болеслава Свидригайло к семье именно этих силезских Пястов вряд ли могло быть случайным. Еще в 1416 г. родные братья князя Конрад IV Старший, Конрад V (1381/87 – 10 IX 1439) и Конрад VII Белый (ок. 1394 – 14 II 1452) заключили оборонительный союз с великим магистром Тевтонского Ордена Михаэлем Кухмейстером фон Штенбергом. Предлогом для встречи союзников в замке Мариенбург стало вступление в число братьев-рыцарей младшего брата силезских Пястов. Им оказался князь Конрад VIII Крестоносец (1395/1400 – между 5 IX 1444 и 8 X 1447).

Заключенный между дипломатами прусских крестоносцев и Пястов договор был направлен против Короны Польской и ВКЛ, чьи правители внимательно следили за внешней политикой Конрадов [17, s. 148–149]. Статьи договора предполагали поход войск братьев князей Конрадов против владений короля Владислава II Ягайло в том случае, если армия последнего будет нападать на земли и замки Тевтонского Ордена. Будучи союзниками венгерского короля, в 1419 г. силезские князья Конрады поддерживали претензии Сигизмунда I на чешскую корону. В 1420 г. эти Пясты участвовали в его коронации в Праге [18, s. 682, 687, 693, 697; 15, s. 86–87].

Однако брак между значительно утратившим политический вес в Восточной Европе Болеславом Свидригайло и силезской княжной Евфимией не состоялся. Князь-эмигрант потерпел неудачу. В 1419 г. события внутри Чехии и Моравии заставили короля Сигизмунда I Люксембурга быть крайне осторожным в отношениях с популярным в этих землях Владиславом II Ягайло. 14 I 1420 г. во Вроцлаве сестра силезских князей Конрадов вышла замуж за герцога Альбрехта III Саксонского († 27 XI 1422), а в 1432 г., спустя девять лет после его смерти, – за герцога Георга I Ангальт-Цербстского [18, s. 698].

Источники и литература:

1. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн ; под ред. В.Л. Янина. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 430 с.
2. Косман, М. Эволюция язычества в Прибалтике / М. Косман // Вопросы истории. – 1979. – № 5. – С. 30–44.
3. Кузьмин, А.В. На пути в Москву / А.В. Кузьмин. – М. : Рукописные памятники древней Руси, 2014. – Т. 1. – 336 с.
4. Малышевский, И.И. Западная Русь в борьбе за веру и народность / И.И. Малышевский. – Ч. 1–2. – СПб. : Синод. тип., 1897. – 404, IX с.
5. Пашуто, В. Т. Образование Литовского государства / В. Т. Пашуто. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 531 с.
6. Петкевич, К. Литовцы, русские, поляки в Польско-Литовском государстве XIV–XVII вв. (постановка проблемы) / К. Петкевич // История и современность. – 2005. – № 1. – С. 78–93.
7. Полехов, С. В. Наследники Витовта / С. В. Полехов. – М. : Индрик, 2015. – 712 с.
8. Похилевич, Д. Л. Движение феодальной земельной ренты в Великом княжестве Литовском в XV–XVI вв. / Д. Л. Похилевич // Исторические записки. – 1950. – Т. 31. – С. 191–221.
9. ПСРЛ. – Т. 4, Ч. 1. – М., 2000.; Т. 6, Вып. 1. – М., 2000.; Т. 11. – М., 2000.; Т. 16. – М., 2000.; Т. 25. – М., 2004.; Т. 39; Т. 42. – СПб., 2002.
10. Спиридонов, М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.) / М.Ф. Спиридонов. – Минск : Навука і тэхніка, 1993. – 222 с.
11. Флоря, Б.Н. Аграрные отношения в Центральной Европе / Б.Н. Флоря // История Европы с древнейших времен до наших дней. – Т. 2. – М., 1992. – С. 381–387.
12. Юргинис, Ю.М. Крестьянские восстания в феодальной Литве / Ю. М. Юргинис // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1971 г. – Вильнюс, 1974. – С. 9–20.
13. Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791 / skl.: S. Kutrzeba. – Kraków : Polska akademja umiejtnosci, 1932. – 633 s.
14. Backus, O. Die Rechtsstellung der litauschen Bojaren 1387–1505 / O. Backus // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – Bd. 6, H. 1. – 1958. – S. 1–32.
15. Böhm, M. Konrad VII Bialy (ok. 1394 – 14 lutego 1452) / M. Böhm. – Kraków : Avalon, 2012. – 162 s.
16. Joannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Liber undecimus 1413–1430. – Varsaviae : PVN, 2000. – 464 s.
17. Liedke A., ks. dr. Nieznany list W. Księcia Litewskiego Witołda do Jana biskupa wrocławskiego z r. 1417 / A, ks. Dr. Liedke // KH. – Roc. 46, T. 1, Zesz. 1–2. – 1932. – S. 148–149.
18. Piastowie: Leksykon biograficzny / K. Ożóg [i inni.]. – Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1999. – 944 s.
19. Samsonowicz, H. Historia polityczna a historia integralna w badaniach Polski średniowiecznej / H. Samsonowicz // NAUKA. – 2007. – № 1. – S. 89–97.

**«МОСКОВИЯ» И РИМСКАЯ КУРИЯ: ИГРА ДИПЛОМАТИЙ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI В.)**

Е.К. Шимак (Минск)

С конца XV в. в Восточной Европе стал формироваться особый узел противоречий, который затрагивал интересы нескольких государств: Московского княжества, которое стало именовать себя как «Княжество всея Руси», Великого княжества Литовского, Короны Польской, Ливонского ордена. Римская курия подняла проблему Московии как потенциального союзника в антиосманской борьбе. Преследуя эту цель, взаимоотношения Москвы, Вильно и Кракова стали объектом пристального внимания Апостольской Столицы, которая с конца XV в. выступала активным и закулисным участником в дипломатической игре и военных столкновениях государств Восточной Европы.

Вплоть до середины XVI в. почти все сведения о Московском государстве, получаемые в Европе, так или иначе связаны с Римской курией [16, с. 15]. Ее интересовали быт, нравы, религиозная жизнь «москвитов». К 20-м гг. XVI в. относятся два описания Московского государства, составленные по поручению пантификов: «Письмо Альберто Кампенезе к Папе Клименту VII» и «Книга о посольстве» Паоло Джовио. Кроме вышеперечисленных авторов, которые оставили после себя обширные описания Московского княжества конца XV–XVI вв., следует отметить еще и различного рода заметки послов, папских легатов, раскрывающих обстоятельства, при которых формировался образ Московии.

Для Римской курии далекая Московия не была такой уж неведомой страной. В течение второй половины XV в. на Апеннинском полуострове побывало не менее одиннадцати московских посольств [15, с. 462]. Владея информацией о географическом расположении, можно было иметь представление и о внешнеполитических приоритетах государства. Что и учитывалось Римом, например, при подготовке брака Ивана III и Зои (Софьи) Палеолог.

«Проблема Московии» поднималась в Курии различными польскими и литовским дипломатами наряду с обозначением опасности, которую представляли для Великого княжества Литовского и Короны Польской татары и Порты. Дипломатический треугольник, который сформировался между Москвой, Римом и Вильно-Краковом, стал неотъемлемой составляющей и в эволюции военных действий в Восточной Европе, которые велись за земли «Руси». Осмотрительная политика, которую проводило Княжество всея Руси с целью сохранения своих позиций в Курии, принесла свои плоды в виде неоднократных посольств, направляемых из Рима в Москву для приглашения в участия в церковных соборах и в антиосманской лиге.

Так, в мае 1512 г. был созван V Латеранский Собор, посвященный проблемам ереси, схизмы, реформе Церкви, а также антитурецкой лиги [4, с. 21–33]. Участвовал в нем и архиепископ гнезненский Ян Лаский. Одной из целей его присутствия на соборе был поиск материальной помощи в рамках общехристианской антиосманской борьбы от европейских стран на войну с Москвой [3, с. 392]. Я. Лаский подготовил мемориал о «москвитях». Гнезненский архиепископ описал религию и обычаи «москвитов» с точнейшим подсчетом «зablуждений» (тридцать пять пунктов). Все отличия между православными и католиками были отмечены как «отхождение от истины» [9, с. 123–128]. Этот мемориал был весьма тенденциозным по своему характеру и официально на соборе провозглашен не был, но сочинение Лаского могло стать одной из причин появления буллы папы Льва X «*Apostolica Providentialis*», которая признавала ненастоящими таинства Восточной Церкви и обязывала проводить повторное крещение в случае перехода из восточной в латинскую церковь [8, с. 95].

Римская курия со времен Флорентийской унии проявляла живейший интерес к Восточной Европе, обусловленный и религиозными, и политическими задачами. И это ни для кого не было секретом. Поэтому всегда легко было предугадать реакцию Курии на сообщения о якобы желании Московии

присоединиться к католицизму. Таким средством воспользовался также и Тевтонский орден, чтобы добиться союза с Василием III. Его представитель Дитрих Шонберг работал на два фронта: светские дела решал от имени гроссмейстера Альбрехта, церковные – от папы. Отправленные им в Рим записки спровоцировали подготовку посольства от папы Льва X к Василию III [7, s. 260–292]. В грамоте говорилось: «Папа хочет во славу Божию воссоединить Русских с римской церковью, не нарушая их добрых обычаев, а московского митрополита возвести в патриархи, великого князя короновать как христианского государя ... от победы над турками великому князю должны быть многие выгоды как наследнику константинопольской отчины» [13, с. 82–103]. Курия постаралась использовать «старый» метод привлечения Москвы к антиосманской лиге – ссылаться на «права» московского великого князя на византийское наследие. Тактика была испробована еще в конце XV в., когда велись переговоры по поводу брака с Софьей Палеолог.

Но это посольство пропущено в Москву не было. Сигизмунд I рассчитывал на послов императора де Коло и де Конти, которые как раз находились в Москве. Франческо де Коло прожил здесь около шести месяцев, до января 1519 г. В подготовленном по результатам посольства «Донесении» Франческо де Коло перечислял города и области во владении великого князя, рассказывал о богатстве Московии. Огромный интерес представляет описание отношений между Ливонией, Московским государством и Польшей. Что касается контактов Москвы и Римской курии, автор отметил: «Отказываются подчиняться Папе римскому не потому, что не почитают его за Наместника Христова и преемника Петра, но потому – говорят – что отклонился от порядка Христова и обычаев Петра» [12, с. 5].

Василий III отказался от унии и предложения папы остались без ответа. Отказ великого князя литовского от посредничества папы в его отношениях с Москвой продлился недолго. В сентябре 1519 г. папским легатом в Вильно и Москву был назначен доктор теологии и юриспруденции, поэт, бенедиктинец, епископ Захарий Феррери [1, р. 197]. Сопровождать его должен был Джованни Тедадьди (через шестьдесят два года он дал свое видение отношений с Москвой) [2, р. VII, 29–30]. В ноябре 1519 г. легату была вручена инструкция также и с поручением собрать информацию о фортификационных сооружениях Москвы, о расположении войск Василия III, угрожавших Великому княжеству Литовскому, и о склонности московского князя к церковной унии [2, р. 14–17]. В этом же документе сказано, что Василий III по своей доброй воле очень склонен к унии, об этом известно из письма датского короля. При всем том, посольство Захария Феррери потерпело неудачу. Мирный договор между Вильно и Москвой был подписан без участия папских посредников [6, с. 637–638].

В истории взаимоотношений Великого княжества Московского и Римской курии 20-е гг. XVI в. можно назвать «временем взаимной заинтересованности». В это десятилетие наибольшее количество дипломатов, путешественников, торговцев курсировали между Москвой и Римом. И несмотря на то, что в их планах могла и не стоять задача поддержать контакты мос-

ковского великого князя с папством, тем не менее, благодаря им, интерес к «Московии» не угасал. Появлявшиеся в это же время различные «записки о Московии», где красочно иллюстрировались состояние веры, церковная иерархия, указывались способы католического миссионерства, не могли оставаться без внимания Апостольского престола, а некоторые же из них непосредственно были составлены по распоряжению из Рима. Как отмечал один из исследователей этого вида источников В. Н. Бочкарев, «заброшенному судьбой в отдаленную Московию иностранцу все в ней казалось странным и необычным. Его поражала своими особенностями и природа страны, и обилие ее естественных богатств, и деспотический характер власти, и бесправное положение населения, но, конечно, больше всего он должен был останавливаться в недоумении перед явлениями бытового характера, перед нравами, обычаями и религиозными верованиями. И в этом не было ничего удивительного, ведь именно с этой стороны Россия XV–XVI вв. всего больше отличалась от Западной Европы» [10, с. 3]. Несмотря на некоторую тенденциозность, а очень часто и неосведомленность, иностранцы собрали в своих сочинениях огромный и интересный материал не только культурно-бытового, географического и этнографического характера, но и сведения по внутренней и внешней политике Москвы. Достоверными эти сообщения в полной мере назвать нельзя, так как они писались по чужим рассказам. Отличительная черта этих записок состоит в том, что их авторы очень положительно отзывались о религиозном чувстве и набожности «московитов». Единственной проблемой было то, что такая «теплая вера», истинно христианское благочестие пропадают без пользы, вне римской церкви, среди ереси и невежественного суеверия.

Сохранившееся письмо римского дипломата Альберто Кампенезе к папе Клименту VII позволяет лучше понять бытовавшие в Риме настроения. Это обращение к папе было написано зимой 1523–1524 гг. [11, с. 183]. Альберто Кампенезе отмечал, что предшественники папы Климента VII пренебрежительно оставили без внимания Московию (ее он сравнивает с заблудшей овцой) и не прилагали никаких усилий, чтобы вернуть ее в лоно католической веры, «тем более что исполнение сего требовало самых незначительных усилий» [14, с. 10]. Главная цель автора письма заключалась в том, чтобы обратить внимание понтифика на важность церковно-политического союза с Москвой. Во-первых, этот союз мог укрепить антиосманскую коалицию, а во-вторых, содействовал бы укреплению авторитета Апостольского Престола в условиях распространения реформации, так как стало бы очевидным, что папская власть распространяется и на не католические государства. А. Кампенезе утверждал, что различия с Московией даже в области религии сводятся лишь к немногим догмам [14, с. 35].

Важный вопрос, поставленный автором: кто же подходит для выполнения посольской миссии в Москву? Во-первых, человек должен быть молодой, способный к физическим нагрузкам, учитывая длительный путь и суровый климат. Во-вторых, он должен быть «сведующим в законе Божиим». Посол не должен уделять основное внимание лишь строгому соблюдению церемоний-

ла. Нежелательно, чтобы послом был гот, ливонец или поляк, так как в Москве могут посчитать, что посольство преследует какие-либо личные интересы. Посольская группа не должна превышать 4–5 человек. Лучше всего было бы это посольство отправить с какими-либо купцами, чтобы уменьшить издержки поездки и сохранить конфиденциальность. В одной из глав автор объясняет причины, по которым не следует прибегать к посредничеству польского короля во взаимоотношениях с Москвой: «Сражаясь против народа еретического, они неоднократно получали помощь от Римской курии в виде различных индульгенций и денежных ссуд. Если же Москва станет католической, Польша лишится всех этих пособий». Рекомендации А. Кампенезе были учтены, при подготовке посольства Антонио Поссевино.

Очередное посольство из Рима в Москву прибыло в 1526 г. Обратное оно вернулось вместе с московским посланником Дмитрием Герасимовым. В результате появилась «Книга о посольстве» Паоло Джовио. Очередной трактат о Московии содержит в себе описания географического положения Московского государства, различные этнографические данные, сведения о внешней торговле, религии, языке и просвещении, нравах и обычаях населения. «Книга о посольстве» описывает прием московских послов в Риме. Автор уделяет внимание причинам посольства. В произведении Московское государство показано как страна, стремившаяся к политическому и религиозному союзу с Римом.

Но, ведя переговоры, Московское государство не думало поступаться ни своим политическим, ни религиозным суверенитетом. Василий III заботился не об осуществлении Флорентийской унии, а, прежде всего, о выгодах политических. В своем послании в Рим он говорил папе о желании быть в союзе как с ним, так и с другими христианскими государствами против Османской империи и просил предоставить сведения о принятых папой для этого мерах.

Таким образом, можно отметить, что в условиях всевозрастающей угрозы нападения турок, когда перманентно разрабатывалась идея анти-турецкой коалиции, Римская курия выступала с призывами прекратить военные действия между христианскими государствами Европы [5, s. 119–132]. С целью привлечения дополнительных сил к анти-турецкой борьбе, планировалось установление мирных отношений Московского княжества с Коронай Польской и Великим княжеством Литовским. В свою очередь, и Москва была заинтересована в сохранении мира на западных рубежах государства и удачно использовала для этого посредничество Курии. Тесная связь переговоров московских князей и римских пап с развитием отношений с Коронай и Великим княжеством находит свое подтверждение и в том, что, судя по описи царского архива XVI в., все эти материалы находились в одном ящике. Поддерживая разговоры об антиосманской коалиции, Москва никогда не забывала о своих личных целях и, как писал П. Пирлинг, «брыцала оружием лишь в угоду Западу». Образ Московии, который сложился в Риме, стал не только результатом посольских донесений папских легатов и заметок итальянских путешественников, но и «продуктом» продуманной, спланированной политики московских князей Ивана III и Василия III.

Источники и литература:

1. Acta Nuntiaturae Polonae. – Roma : Institutum Historicum Polonicum, 1990. – Т. I. / auctore H.D. Wojtyska. – 477 p.
2. Acta Nuntiaturae Polonae. – Roma : Institutum Historicum Polonicum, 1992. – Т. II : Zacharias Ferreri (1519–1521) et nuntii minores (1522–1553) / ed. H. D. Wojtyska. – 498 p.
3. Biskup, M. Polska a Zakon krzyżacki w Prusach w początkach XVI wieku / M. Biskup. – Olsztyn : Wyd. Pojezierze, 1983. – 647 s.
4. Dokumenty Soborów Powszechnych / układ i oprac. A. Baron, H. Pietras. – Kraków, 2004. – Т. IV. – 347 s.
5. La Lega Santa del 1538 // Europa i Osmanie w okresie Lig Świątych. Polska między Wschodem a Zachodem / J. Marco. – Kraków : Polska Akad. Umiejętności, 2003. – S. 119–132.
6. Monumenta Poloniae Vaticana / ed. E. Kuntze, C. Nanke. – Cracoviae : Sumptibus Academiae Litterarum Cracovensis, 1923–1933. – Т. V : Alberti Bolognetti nuntii Apostolici in Polonia. Epistolae et Acta. 1581–1585. – 748 s.
7. Sach, M. Hohmeister und Großfürst: die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preußen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit / M. Sach. – Stuttgart : Steiner, 2002. – 408 s.
8. Tańkowski, P. Jan Łaski (1456–1531) kanclerz koronny i prymas Polski / P. Tańkowski. – Warszawa : Wyd. Sejmowe; wyd. Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. – 474 s.
9. Акты исторические, относящиеся к истории России: в 2 т. / изд. А.И. Тургенев. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1841. – Т. 1 : Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 г. – 401 с.
10. Бочкарев, В.Н. Московское государство в XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев / В.Н. Бочкарев. – СПб. : Кн-во типо-лит «Энергия», 1914. – 144 с.
11. Кампенский, А. О делах Московии / А. Кампенский // Россия и Италия : сб. ст. / Ин-т всеобщей истории РАН ; редкол.: Н.П. Комолова (отв. ред.) [и др.] – М., 1995. – С. 180–225.
12. Коло, Ф. де. Доношения о Московии / Ф. де Коло ; подгот. текста, пер., вст. ст. и комм. О. Симчич. – М. : Наследие, 1996. – 84 с.
13. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии (1516–1520) // Сб. Императорского русского исторического общества. – 1887. – Т. 53. – 252 с.
14. Письмо Альберто Кампенезе к Папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. – Т. I. – СПб. : Тип. III Отдел. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. – 32 с.
15. Рутенбург, В.И. Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. / В.И. Рутенбург // Институт истории. Ленинградское отделение. Труды. – 1964. – Вып. 7 : Исследования по отечественному источниковедению : сборник статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка. – С. 455–462.
16. Шаркова, И.С. Россия и Италия: торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. / И.С. Шаркова. – Л. : Наука, 1981. – 208 с.

**ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ
НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ (1577–1583 гг.)**

А.М. Егоров, И.А. Егоров (Псков)

Характерной особенностью европейских международных отношений второй половины XVI века стали процессы серьезной геополитической трансформации в бассейне Балтийского моря [2, с. 94]. Распад к середине XVI века Ливонской конфедерации, совпавший с процессом усиления соседних централизованных государств, способствовал втягиванию России, Литвы, Польши и Швеции в активную борьбу за контроль над сопредельными территориями [4, с. 11–12].

Особое значение их борьба приобрела на заключительном этапе Ливонской войны, имевшем важные последствия для дальнейшего развития русского централизованного государства, когда основным его противником стал новый король Речи Посполитой Стефан Баторий (1575–1586) [1, с. 51].

В качестве короля и верховного главнокомандующего, Стефан Баторий начал проводить значительные организационные и тактические реформы, обратив внимание на укрепление неаристократической пехоты (т.н. «избранная пехота»), в которую требовал отправлять и обеспечивать оружием каждого десятого из крестьян, проживавшего на королевских землях. Выбранный воин освобождался особым свидетельством от феодальных повинностей и других платежей, за что раз в год обязан был по вызову являться в определенное время на военные сборы для обучения.

В части тактических изменений за образец вполне мог быть взят достаточно передовой для XVI века опыт русской стрелецкой пехоты. Стрельцы представляли воинское подразделение современного для того времени типа, так как почти полностью зависели от огневой силы и в источниках практически не зафиксировано ни одной попытки вооружить их пиками, еще широко распространенными в западноевропейских армиях. Согласно сведениям польско-литовских очевидцев, в ходе Ливонской войны стрельцы и другие подразделения русской пехоты постоянно демонстрировали способность к упорному сопротивлению, особенно во время осад.

Основной акцент при создании «избранной» пехоты Стефана Батория, как и у стрельцов Ивана IV Грозного, делался на огневую силу. Соответственно, было уменьшено число подразделений, вооруженных холодным оружием (пиками, алебардами и боевыми топориками). В связи с тем, что реализовать проект создания постоянной армии путём набора солдат в королевских имениях полностью не удалось, нехватку пехотных контингентов Стефан Баторий старался компенсировать вербовкой немецких и других западноевропейских наемников.

Хотя реформирование пехоты, проводившееся Стефаном Баторием, было важным мероприятием его военной политики, но все же, по выше указанной причине, основное различие в развитии армий России и Речи Посполитой в данный период было связано в большей степени с конницей. К июню 1579 года задокументированная численность армии Речи Посполитой достигла 56 000 человек, из которых 25 500 были из Польши и 30 500 из Литвы. При этом 29 741 человек служили в коннице и 11 973 (29%) бойцов числились в пехоте. Таким образом, подавляющее большинство регулярной армии Батория состояло из подразделений гусаров (до 75% от всей кавалерии), которые дополнялись казачьей конницей, литовскими татарами, венгерскими и немецкими всадниками, а также легкой конницей шляхетского ополчения.

Как показал опыт предшествующих кампаний Ливонской войны, тяжелая кавалерия западного типа была слишком медленной и неповоротливой по сравнению с маневренной легкой татарской конницей и дворянским конным ополчением, находившимся в распоряжении царя Ивана IV. Поэтому главную ставку в развитии своей конницы Стефан Баторий сделал на гу-

сар (т.н. «гусария», или «крылатые гусары»), которые представляли собой, по сути, среднюю кавалерию. Он отказался от неповоротливых воинов в тяжелых латах, которые еще во времена Сигизмунда II Августа (великий князь литовский с 1529 г., король польский с 1530 г. по 1572 г.) составляли одну треть от роты гусаров.

Гусарские подразделения отличались достаточной скоростью и способностью осуществлять быстрые маневры, но при этом, будучи более тяжело экипированными и вооруженными легкими, но необычайно длинными пиками (до 6 метров), они были способны на серьезные концентрированные удары в галопе, по сравнению с традиционной легкой конницей. С 1576 года в качестве вспомогательного средства летучие гусары начали снабжаться короткоствольным и длинноствольным огнестрельным оружием.

Стефан Баторий довел развитие реформированных гусарских подразделений в металлических доспехах до логического конца, сделав их ядром своей ударной полутяжелой конницы. Можно утверждать, что относительного преимущества в период своих походов против русских войск в 1579–1581 гг. Стефан Баторий пытался достичь, прежде всего, с помощью этой конницы. В других родах войск особыми преимуществами польско-литовская армия не обладала. Русская артиллерия во время всех трех походов Стефана Батория оставалась явно сильнее, чем его собственная. Развитие пехоты противоборствующих сторон происходило в одном направлении, с определенным опережением по численности у русской армии. К 1600 году в русской армии насчитывалось 20 000–25 000 стрельцов, из которых 2800 служили в двадцати восьми элитных ротах, располагавшихся в Москве.

Поместная русская конница оказалась меньше затронута военными преобразованиями царя Ивана IV, хотя после 1550 года ее вооружение и обмундирование немного улучшились. Тем не менее, по своему содержанию она по-прежнему тяготела к татарскому типу легкой конницы, которая была вооружена луками, маленькими копьями и саблями. Отличительной чертой ее тактики являлись в основном быстрые налеты и неожиданные нападения, а не крупные сражения. Единственный крупный бой в ходе торопецкой операции показал неспособность поместной конницы противостоять более дисциплинированным и тяжеловооруженным гусарам Стефана Батория в случае прямого боестолкновения на открытой местности.

В 1579–1580 гг. русская конница предпринимала многочисленные вылазки в Литву, но кроме локальных налетов и погромов местного значения, существенных результатов не достигла и ретировалась при приближении крупных сил неприятеля. Когда после падения Великих Лук русские войска готовились контратаковать Батория от Торопца силами в 4000 человек (включая одно подразделение стрельцов), он послал навстречу последним 2000 своих гусар и венгерских конников. И 20 сентября 1580 года те, несмотря на встречный огонь стрельцов, вынудили русские силы отступить.

В период Ливонской войны на боевые действия мало влияла и смена сезонов года. Хотя отдельные иностранные наблюдатели иногда пребывали в полной растерянности, не понимая как в такой обстановке вообще можно

вести войну. Например, изумленный посол Турции, оказавшийся в польском лагере под Псковом осенью – зимой 1581 года, советовал султану ни в коем случае не выводить свои войска и не испытывать их морозом. Но в период Ливонской войны такие операции для противоборствующих сторон были уже обычным делом. Кавалерия при этом была незаменима для охраны и снабжения армии продовольствием. Осенью 1581 года коронный гетман Ян Замойский приказал каждой гусарской роте направить на эти цели пятую часть своего состава и создать для поиска провианта группы из 120 конников. Несмотря на серьезные трудности, им регулярно удавалось снабжать провизией армию Стефана Батория, стоявшую в течение пяти месяцев под Псковом. Если бы эту осаду вела только пехота, то его люди просто бы умерли от голода. В сентябре 1581 года рейды польской конницы за фуражом в одном направлении достигали 40–70 километров и занимали 4–6 дней на всю вылазку. К октябрю удаленность таких экспедиций достигала уже 210–280 километров. В январе некоторые конные польские подразделения удалялись от стен Пскова на расстояние в 350 километров, и отсутствовали в лагере почти месяц. Их маршруты доходили до Пярну на западе, Нарвы и Копорья – на севере, Новгорода – на северо-востоке, Торопца и Полоцка – на юге.

Однако даже хорошо организованная конница не могла в одиночку выиграть войну, что ярко продемонстрировала героическая оборона Пскова в 1581–1582 гг. Псковский гарнизон включал по разным оценкам от 2500 до 7000 стрельцов и около 2000 конников, к которым присоединилось ополчение примерно в 10 000 человек из числа местного мужского населения. Крепостная артиллерия псковичей в ходе всей осады города постоянно беспокоила врага регулярными обстрелами, против которых гусары Стефана Батория были бессильны. Один из участников польской осады Пскова в 1581 году так комментировал это обстоятельство: «Наши наездники подъезжали под самые стены крепости, выманивая русских, но те не хотели выходить из-под выстрелов. Стояло их у самой стены несколько сот конных и пеших; когда их теснили, они отступали к стенам и старались отстреливаться из ручниц и самопалов; а когда наши отступали, они гнались за ними, но всегда так, что оставались под защитой крепостных орудий. Пушки у них отличные и в достаточном количестве; стреляют ядрами в сорок полновесных фунтов, величиной с голову: достанется нашим батареям и насыпям» [3, с. 322].

Польскому королю удалось привести под стены Пскова не более 20 единиц тяжелых артиллерийских орудий. Пехоты у Батория также было мало, и значительная ее часть состояла из наемных иностранных наемников. Поэтому его коннице частично пришлось спешиться и спуститься в окопы и осадные траншеи для участия в штурмах псковской крепости вместе с пехотой. Когда в декабре 1581 года большая часть немецких наемников-пехотинцев отошла от стен Пскова, от каждой конной роты численностью 150 человек в пехоту было отправлено по семь конников, а от конных рот численностью 100 человек на службу в качестве пехотинцев перевели по пять человек. Таким образом, можно вполне объективно констатировать, что результаты военной реформы Стефана Батория, ориенти-

рованной на подготовку к наступательной войне против России с использованием мобильных, хорошо вооруженных и дисциплинированных конных формирований, были в значительной степени нейтрализованы тактикой оборонявшихся, которые опирались на широкое использование огневой силы пехоты и артиллерии.

В таких условиях Стефану Баторию оставалось довольствоваться только блокадой осажденного Пскова [5, с. 263]. Она хотя и не привела к падению этого важного в стратегическом плане города-крепости, все же вынудила Московское правительство пойти на заключение в январе 1582 года достаточно сурового Ям Запольского перемирия с Речью Посполитой, сопровождавшегося отказом от ранее сделанных им завоеваний в Ливонии. Тем не менее, упорная оборона Пскова сорвала более широкие наступательные планы польского короля. Эти события хорошо известны, давно получили должную оценку, как в отечественной, так и в зарубежной историографии, и не требуют дополнительных комментариев в рамках данной статьи.

Источники и литература:

1. Егоров, А. Господи, какой большой город! Точно Париж! / А. Егоров // Родина. – 2012. – № 2. – С. 51–54.
2. Егоров, А.М. Соперничество членов Ганзейского союза за лидерство в трансграничной торговле на Балтийском море в эпоху средневековья / А.М. Егоров // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 4(131). – С. 93–94.
3. Осада Пскова глазами иностранцев : дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.) / вступ. ст. и коммент. А.А. Михайлова : биограф. очерк Н.Ф. Левина ; в пер. с пол. О.Н. Милевского. – Псков : Псковская обл. тип., 2005. – 503 с.
4. Пенской, В.В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. / В.В. Пенской. – М. : Центрполиграф, 2017. – 254 с.
5. Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей). – Т. V. Вып. 2. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 363 с.

**П.Н. ЖУКОВИЧ О ВЛИЯНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА
НА КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII В.**

Г.В. Васюк, Е.М. Ирха (Гродно)

П.Н. Жукович один из первых среди российских историков внимательно и глубоко проанализировал сеймовую борьбу православной шляхты с Брестской церковной унией. Изучению данной проблемы посвящена его фундаментальная монография «Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией до 1609 г.», ранее защищенная как докторская диссертация в 1901 г.

В данном труде П.Н. Жукович исследовал сеймовую борьбу по вопросам статуса православной веры и православной церкви в Речи Посполитой в тесной взаимосвязи с проблемами внутренней и внешней политики. Следует отметить, что в рассматриваемой работе внешнеполитический аспект не является доминирующим, а выступает лишь фоном, более ярко показывающим перипетии межконфессиональных противоречий в Польско-Литовском государстве.

На всех этапах сеймовой борьбы православной шляхты за права своей конфессии в той или иной мере встречается описание внешнеполитического положения Речи Посполитой. П.Н. Жукович начинает его излагать с момента конвокационного сейма 1587 г., когда шляхта разделилась по вопросу избрания нового короля Речи Посполитой. Историк совершенно верно подчеркивает, что межконфессиональные противоречия не играли значительной роли в определении позиции шляхты: «кандидатура на польский престол царя Федора Ивановича была очень популярна в течение всего избирательного сейма. 7 июля мазуры в числе около 2000 чел. единогласно заявляли, что хотят царя на польский престол» [2, с. 23]. Ученый также обращает внимание, что кандидатуру московского царя поддержал католик львовский каштелян, сравнив его с Ягайлой [2, с. 24], а надворный маршалок Польши А. Зборовский высказал мнение о том, что между католиками и православными очень малая разница в вере, «у папы тут только частный спор с патриархом» [2, с. 26]. П.Н. Жукович показал, что послы Великого Княжества Литовского больше всех поддерживали кандидатуру русского царя и «не скрывали своего сильного нерасположения к шведской кандидатуре на польский престол» [2, с. 28]. Важно, что, в отличие от современных отечественных историков, П.Н. Жукович не указывает на симпатию послов Великого Княжества Литовского к кандидатуре Федора Ивановича как защитника православия, он считает, что борьбой польских партий литовцы «хотели воспользоваться для достижения своих особых целей. Они требовали возвращения великому княжеству литовскому Волыни и Подляшья» [2, с. 28].

По мнению П.Н. Жуковича, избранный на престол шведский принц под именем Сигизмунд III Ваза был не сведущ в конфессиональной ситуации в Речи Посполитой, а «в православно-русских делах своего обширного государства, был вполне homo novus» [2, с. 42]. Историк отмечает поддержку кандидатуры представителя шведской династии Вазов антигабсбургской «польской национальной партией» и прибытие его в Польшу из страны, которая была в рядах противников папской власти в церкви. Вместе с тем П.Н. Жукович совершенно верно подчеркивает полный переход Сигизмунда III на сторону папства, а следовательно, и Габсбургов [2, с. 53].

Новый король Речи Посполитой не отказался от претензий на шведский престол, поскольку стремился создать огромное государство, в которое вошли бы Швеция, Польша, ВКЛ. Однако в июле 1599 г. Сигизмунд III был лишен прав на королевство Швеция, хотя титул шведского короля носил до конца жизни. Это привело в начале XVII века к длительной войне Речи Посполитой со Швецией, и, как следствие, явилось причиной ухудшения отношений католиков с протестантами внутри страны. П.Н. Жукович, по нашему мнению, специально не указывает насколько претензии на шведский престол сказались на конфессиональных отношениях в Речи Посполитой, но можно предположить, что историк четко представляет как глубокая zaangażированность в шведские дела отвлекала монарха от конфессиональных проблем в Польско-Литовском государстве. Возможно, борьба со своим дядей протестантом Карлом IX делала короля Речи Посполитой более непреклонным в католической вере [2, с. 351].

Сложные отношения Речи Посполитой с Османской империей, зависимость православных этой страны от Константинопольского патриарха, контролируемого турецкими властями, привели к громкому внешнеполитическому скандалу на конфессиональной почве, известного в исторической науке как «дело экзарха Никифора». П.Н. Жукович в своей монографии подробно анализирует этот сложный и запутанный вопрос. Никифор, экзарх Константинопольского патриарха для Речи Посполитой и Молдавии являлся ярким защитником православной веры, был хорошо образован, преподавал в Острожской академии, поддерживал дружеские отношения с К. Острожским и активно выступал против унии с католической церковью. В 1596 г. экзарх был избран председателем на Брестском православном соборе и подвергся сеймовому суду после него [2, с. 293–299]. В составленной «Заметке о судьбе экзарха Никифора» [2, с. 345–350], П.Н. Жукович отмечает, что суд над патриархом де-юре был политическим (сеймовым), но де-факто являлся элементом борьбы против антиуниатски настроенных православных и подавления антиуниатских движений и настроений.

Однако, с выводами П.Н. Жуковича не соглашается известный польский историк православной церкви К. Ходыницкий, который в ходе анализа тех же источников приходит к заключению, что дело экзарха Никифора связано не с унией, а с отношениями Речи Посполитой с Турцией [4, с. 369–370]. Украинский историк Б. Гудзяк утверждает, что экзарх Никифор не имел священнического звания и его право вводить санкции против епископов и священников вызвало сомнение даже у сторонников антиуниатского собора в Бресте. Никифор был задействован в политических делах в Молдавии, направленных против интересов Речи Посполитой [1, с. 388]. Современный польский историк Т. Кемпа считает суд над Никифором провокацией против К. Острожского [3, с. 171–183]. Таким образом, дело экзарха Никифора представляется достаточно загадочным и без привлечения новых источников его не представляется окончательно решить.

П.Н. Жукович достаточно осторожно анализирует «дело экзарха», стремится не спешить с выводами, однако, анализ текста его работы позволяет с уверенностью считать, что ученый поддерживает Никифора – защитника православия. Он отрицает шпионаж экзарха в пользу Турции, не видит его каким-либо другим образом связанным с турецкими властями и действующим по их указке.

Важное влияние на конфессиональную ситуацию в Речи Посполитой в начале XVII в. оказывали отношения с Московским государством. Находящаяся в указанный период в состоянии глубокого социально-политического кризиса православная Москва не могла серьезно поддерживать своих единоверцев в Речи Посполитой в борьбе против унии. Однако сочувствие у части православных Великого Княжества Литовского она имела.

П.Н. Жукович достаточно подробно рассматривает конфессиональный фактор в отношениях Речи Посполитой с Московским государством в связи с походом Лжедмитрия I. Историк показывает, как это событие открывало для

Сигизмунда III, Габсбургов, римской курии «новые светлые горизонты на московском востоке» [2, с. 449], для утверждения там католической веры. Ученый связывает необходимость подчинения Московского государства Речью Посполитой с тем, «что православная Москва самым существованием своим поддерживает и охраняет православие в юго-западной Руси» [2, с. 450]. П.Н. Жукович считает, что поход Лжедмитрия I и московские перспективы отвлекали внимание шляхты от неустанных попыток Сигизмунда III стать шведским королем. Все это, по мнению ученого, вызывало расколы в среде шляхетского общества Речи Посполитой и влияло на обсуждение конфессиональных проблем на сеймах, в частности на сейме 1605 г. церковно-православного и диссидентского вопросов [2, с. 451].

В принятии сеймовой конституции 1607 г. «О религии греческой», согласно которой православная церковь получала ряд прав и свобод, сыграл важную роль, по мнению П. Н. Жуковича, внешнеполитический вопрос. Историк показал, что этому предшествовала эскалация конфликта с Московским государством в связи с походом Лжедмитрия I, проблема удержания Лифляндии от нападения шведов, а также напряженность с Османской империей, вызванная своевольными действиями запорожских казаков [2, с. 521–522].

Таким образом, П.Н. Жукович отмечает влияние внешнеполитических факторов на конфессиональную ситуацию в конце XVI – начале XVII в., считая их важными, поскольку Речь Посполитая граничила с мощными государствами: протестантской Швецией, православной Москвой, мусульманской Османской империей, католической монархией Габсбургов. Следовательно, любые конфессиональные проблемы Речи Посполитой в той или иной мере затрагивали интересы ее соседей и наоборот. В своей работе «Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией до 1609 г.» историк многие главы предваряет анализом внешнеполитической ситуации, поскольку именно она выступала фоном для исследования конфессиональных отношений в Речи Посполитой.

Источники и литература:

1. Гудзяк, Б. Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородський патріархат та генеза Берестейської унії / Б. Гудзяк. – Львів : Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 2000. – XVI, 426 с.
2. Жукович, П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией до 1609 г. / П.Н. Жукович. – СПб. : Типография Главного управления делов, 1901. – XXI, 608 с.
3. Кемпа, Т. Константин Василь Острозький (бл. 1424/1525–1608) Воевода Київський і маршалок землі Волинської / Т. Кемпа. – Хмельницький: ПП Мельник А.А., 2009 – 342 с.
4. Chodynicki, K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska (zarys historyczny 1370–1632) / K. Chodynicki. – Warszawa : Kasa imienia Mianowskiego, 1934. – 632 s.

РАЗДЕЛ 3
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ
В ПЕРИОД НОВОГО ВРЕМЕНИ (1648–1918 гг.)

РЕАКЦИЯ КВЕБЕКА НА ВЕЛИКУЮ ФРАНЦУЗСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

А.О. Буторина, Е.Ф. Парубочая (Волгоград)

Французская революция изменила ход истории не только континентальной Европы, но и Северной Америки, в частности Канады. Франкоканадское население Британской Северной Америки было тесно связано с Францией как культурно-историческими, так и родственными узами. На тот момент многие франкоканадцы ощущали себя в большей степени французами, нежели канадцами: процесс становления франкоканадцев как нации (Quebecois) находился ещё в зачатке. Канада, разделённая на Верхнюю и Нижнюю, находилась под властью англичан. Все эти факторы способствовали широкому распространению революционного духа Франции в Квебеке, однако ситуация не была столь однозначной.

Революционные идеи начали проникать в канадское общество задолго до Французской революции. Во время Американской революции правительство Штатов активно пыталось привлечь канадское общество к борьбе за независимость от метрополии. Несмотря на то, что такие попытки внедрения революционного духа не увенчались успехом, общество Канады задумалось о возможной свободе. Удачный пример США натолкнул некоторых канадских общественных деятелей на мысли о стремлении к свободе [5].

В предреволюционные годы в Квебеке произошёл ряд идеологических изменений. Стоит отметить, что франкоканадское население Квебека, составлявшее подавляющее большинство (150 тыс. франкоканадцев и 10 тыс. англоканадцев), было достаточно образованным. Этим обуславливалось распространение идей революции задолго до ее претворения в жизнь: французские переселенцы привозили с собой труды Вольтера, а в самом Квебеке активно издавались журналы с революционными памфлетами и брошюрами. С 1764 г. в колонии регулярно выходили журналы *La Gazette du Québec* и *La Gazette de Montréal* [1, с. 215]. Так, уровень грамотности франкоканадского населения и её тесные культурные связи с Францией способствовали постепенному распространению революционных идей.

Известия о Французской революции начали поступать в Канаду с 1789 г. Первоначально население встретило эти известия с большим энтузиазмом. Народ одобрял принятие Конституции и Декларации прав человека. В 1791 г. и в самой Канаде произошли изменения – был принят Конституционный акт, по которому колония была разделена на Нижнюю и Верхнюю Канаду. Франкоговорящая Нижняя Канада встретила принятие Конституционного Акта положительно: впервые франкоканадцы имели право выбирать ассамблею. На торжестве по поводу принятия Акта звучали лозунги в поддержку революционной Франции, за свободу в мире, за Конституцию. Однако более глубокие последствия принятия Акта были видны позже: принятие Акта имело больше

положительных последствий для англичан, ведь франкоканадцы теперь были изолированы и находились под контролем, а ведущие посты в Нижней Канаде продолжали занимать англоканадцы [3, с. 115]. Однако ассамблея смогла стать средством более организованной борьбы с Англией: на заседаниях ассамблеи велись жаркие споры о роли французского языка, выражались симпатии революционным идеям, говорилось о необходимости государственного переустройства. Но всё это не выходило за рамки парламента, и под влиянием губернатора была принята резолюция об осуждении казни короля Франции и франко-английской войны.

Восхищение Революцией быстро сменилось разочарованием – казнь Людовика XVI была резко осуждена общественностью, а объявление Францией войны Англии поставило под угрозу и саму Канаду [2, с. 104]. Многие общественные организации, которые продолжали поддерживать изначальные идеи Революции, заявили о верности Британской короне. Стоит отметить, что явное осуждение Революции звучало в большей степени из уст духовенства и высших чиновников. Несмотря на жестокость методов Революции, сам ее дух в народе никуда не делся.

Для обеспечения своей безопасности Франция искала союзника в лице США и стремилась подорвать стабильность в обществе Британской Северной Америки. В 1793 в США прибыл французский посол Эдмон Жене. Своей главной целью он видел революционную пропаганду в Канаде и распространение в ней «благородного чувства независимости» [4]. Канадские республиканцы, с которым сотрудничал Жене, докладывали ему о настроениях в обществе. Летом того же года был составлен документ «Свободные французы – братьям в Канаде», в котором обвинялись действия Лондона по отношению к франкоканадцам, говорилось о священном долге восстания, о выгодах независимости Квебека. Помимо этого документа агенты Жене активно распространяли работу Т. Пейна «Права человека». Однако деятельность посла по мнению США угрожала её безопасности, поэтому Эдмон Жене был отозван во Францию [3, с. 118].

На смену Жене был выслан более осторожный Фоше. К этому времени ситуация среди франкоканадцев стала настолько напряжённой, что генерал-губернатор запретил в провинции обсуждать происходящее во Франции. Те, кто занимался деятельностью, направленной против правительства, подлежали аресту.

В 1794 г. начались массовые антиколониальные протесты. Поводом стала мобилизация населения в военное ополчение из-за угрозы со стороны США. Однако 2 тыс. поселенцев отказались подчиняться генерал-губернатору: в Карлсбурге и Бопорте 300 канадцев взяли под контроль окружающую местность. Подобные протесты происходили в Монреале, Квебеке и Труа-Ривьере. В 1795 г. в колонии наступил кризис, вызванный неурожаем. Абитаны страдали от голода, а действия властей не могли улучшить экономическое положение. Ко всему этому добавился закон, по которому крестьяне подлежали обязательным работам по ремонту дорог, что вызвало новую волну протестов. Не стоит забывать, что параллельно этому французское правительство продолжало свою деятельность по распространению революционных идей. Пришедший на смену Фоше посол Адэ

сочинил новое обращение к Канадцам. В пограничных районах развернулась вербовка французскими республиканцами, а в высших кругах Канады всерьёз озаботились возможной Революцией [3, с. 119].

Третья волна антиколониальных выступлений прошла в 1796 г. Волнения начались в Квебеке из-за отказа абитаном выполнять поручения по ремонту дорог. Попытки арестов бунтовщиков не увенчались успехом: толпа освободила арестованных, после чего в разные уголки провинции были разосланы призывы собраться на общий митинг. В установленную дату толпа собралась на Марсовом поле. Аресты продолжались, были высланы дополнительные воинские подразделения, однако подчинить толпу так и не удалось. В Квебеке также происходил ряд восстаний, население изгнало местных магистрантов. О событиях было сообщено в Лондон, после чего начался ряд репрессий в отношении зачинщиков бунтов, а французские подданные были выселены из Канады [6].

В произошедших волнениях англоканадское правительство обвиняло во всём деятельность французских эmissаров. Однако всем было очевидно, что причиной является угнетенное положение франкоканадцев и канадский федерализм. Безусловно, деятельность Франции имела свое влияние. Но она не принесла новых идей в канадское общество, а лишь распространила уже существующие. Канадское правительство пыталось использовать союз с римско-католическим духовенством для борьбы с волнениями, он не оказал сильного влияния. Прибывшие французы-католики изображали события во Франции в самом негативном свете, но народ уже был убеждён в том, что англичане намеренно стремятся дискредитировать события во Франции. Однако англичанам всё-таки удалось подавить нарастание антиколониального движения в Нижней Канаде, хоть и положение в колонии оставалось критическим.

Таким образом, Великая французская революция зародила во франкоканадском обществе серьёзные сепаратистские настроения. Если до этих событий, хоть франкоканадцы и ощущали себя ущемлёнными, антиколониальные идеи существовали в зачатке, то после они оформились в серьёзное идейное направление. С этих событий можно говорить о зарождении франко-канадского самосознания. Несмотря на то, что деятельность французских послов не принесла ожидаемых результатов, она оказала влияние, которое канадское общество ощущает на себе и по сей день.

Источники и литература:

1. Коленко, В.А. Французская Канада в прошлом и настоящем. Очерки истории Квебека XVII–XX века / В.А. Коленко. – М.: Наука, 2006. – 314 с.
2. Нохрин, И. М. Великая Французская революция и межэтнические отношения в Канаде конца XVIII века / И.М. Нохрин // Страницы истории: Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2014. – С. 103–114.
3. Тишков, В.А. Освободительное движение в колониальной Канаде / В.А. Тишков. – М.: Наука, 1978. – 382 с.
4. Brunet, M. Les Canadiens et la France révolutionnaire / M. Brunet // Revue d'histoire de l'Amérique française. – 2001. – Vol. 13, № 4. – P. 467–475.
5. Tetu, M. Quebec and the French Revolution / M. Tetu // Canadian Parliamentary Review. – Quebec, 1989. – P. 2–6.
6. Wallot, J.-P. Révolution et réformisme dans le Bas-Canada (1773–1815) / J. – P. Wallot // Annales historiques de la Révolution française. – 1973. – P. 344–406.

ГЕНЕЗИС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США: ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ СТЕРЕОТИПА (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА)

Д.В. Дорофеев (Симферополь)

После завершения англо-американской войны 1812–1815 гг., закрепившей суверенный статус США, в стране началась националистическая компания, которая охватывала и внутри-, и внешнеполитические проблемы. Последнее имело отношение к переговорному процессу о разграничении и присоединении территорий к США с Великобританией и Испанией, которые завершились подписанием Договора Раша-Багота (1817), Англо-американской конвенции (1818), Договора Адамса-Ониса (1819) [1, р. 268, 305–340; 2, р. 26; 7, р. 31, 46, 145; 10, р. 372–387; 14, р. 22, 25, 166–181], а также образованием суверенных государств Латинской Америки [12, р. 6; 15, р. 141–166, 189–221]. Дискуссии в Конгрессе между Федералистской и Демократическо-республиканской партиями в середине 1810-х гг. показали неспособность американской исторической науки обеспечить достоверными данными политиков, которые, будучи преимущественно юристами, нуждались в точной информации. Отсутствие фундаментальных трудов, как и авторитетных профессионалов в исторической науке, приводило к инсинуациям, раскалывавшим общество. Одновременно, с наступлением «Эпохи добрых чувств» (1815–1825) общественно-политический дискурс составляло стремление консолидировать социум. В этом контексте, возникла необходимость представить отцов-основателей в качестве единомышленников, созидающими процветание страны [5, р. 6–7].

Для реализации этих задач было необходимо обратиться к первоисточникам [3, р. 5–8; 4, р. 525, 530; 6, р. 595–597; 8, р. 13–15]. 27 марта 1818 г. и 21 апреля 1820 г. Конгрессом были приняты две резолюции, обязавшие Президента Джеймса Монро (1758–1831) опубликовать документы по внешней политике «старого Конгресса». Ответственность за исполнение этой работы была возложена на Государственного секретаря Джона Куинси Адамса (1767–1848) [9, Vol. 4, р. 364–366, 478; Ibid., Vol. 5, р. 174, 437, 451]. Благодаря его действиям были подготовлены и опубликованы первые сборники документов, определившие логику исследователей в последующие десятилетия. В 1820 г. Государственный департамент осуществил публикацию второго тома сборника документов «Секретные журналы актов и трудов Конгресса: от первого его заседания до роспуска Конфедерации, после принятия Конституции Соединенных Штатов», посвященного «внешним делам». Это издание интересно тем, что первый документ, расположенный в нем, – решение Континентального Конгресса от 29 ноября 1775 г. по созданию комитета для ведения корреспонденции [11, Vol. 2, р. 5]. Впервые появилось основание для толкования даты зарождения внешней политики и дипломатии США.

Взгляд составителей сборника документов стал системообразующим фактором для последующего восприятия темы. Реализуя поручение Президента Дж. Монро в соответствии с резолюцией Конгресса США от 27 марта 1818 г., Джерад Спаркс (1789–1866) – историк, архивист, член Американского

антикварного общества – поддержал мнение своего предшественника, ставшего к этому времени 6-м Президентом. Такое же расположение документов было им повторено в первом томе сборника документов под названием «Дипломатическая корреспонденция Американской революции» (1829–1830) [13, Vol. 1, p. vii–viii].

Издания, подготовленные Д.К. Адамсом и Дж. Спарксом, не только сформировали предпосылки для анализа исторического процесса с опорой на источники, но и, расположив документы в хронологическом порядке, создали стереотип определения генезиса внешней политики с учреждения комитета по секретной корреспонденции.

Источники и литература:

1. Bemis, S.F. John Quincy Adams and the foundations of American foreign policy / S.F. Bemis. – N. Y. : A.A. Knopf, 1949. – 588 p.
2. Brooks, P.C. Diplomacy and the borderlands: The Adams – Onís treaty of 1819 / P.C. Brooks. – Berkeley : University of California Press, 1939. – 262 p.
3. Carter, C.E. The United States and Documentary Historical Publication / C.E. Carter // The Mississippi Valley Historical Review. – 1938. – Vol. 25, № 1. – P. 3–24.
4. Claussen, M.P. Revisiting America's State Papers, 1789–1861: A Clinical Examination and Prognosis / M.P. Claussen // The American Archivist. – 1973. – Vol. 36, № 4. – P. 523–536.
5. Combs, J.A. American diplomatic history: two centuries of changing interpretations / J.A. Combs. – Berkeley : University of California Press, 1986. – 413 p.
6. Leopold, R.W. The Foreign Relations Series: A Centennial Estimate / R.W. Leopold // The Mississippi Valley Historical Review. – 1963. – Vol. 49, № 4. – P. 595–612.
7. Lewis, J. John Quincy Adams: Policymaker for the Union / J. Lewis. – Wilmington : SR Books, 2001. – 164 p.
8. McAllister, W.B. The Parameters of Openness and Executive Discretion, 1790–1860 / W.B. McAllister, A.W. Marrs // Toward “Thorough, Accurate, and Reliable”: A History of the Foreign Relations of the United States Series / W. B. McAllister [et al.]. – Washington: U. S. Department of State, Office of the Historian, Bureau of Public Affairs, 2015. – P. 8–16.
9. Memoirs of John Quincy Adams: comprising portions of his diary from 1795 to 1848: in 12 Vols. / ed. C.F. Adams. – Philadelphia : J. B. Lippincott, 1874–1877.
10. Remini, R.V. Andrew Jackson: The Course of American Empire, 1767–1821 / R.V. Remini. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. – 502 p.
11. Secret journals of the acts and proceedings of Congress: from the first meeting thereof to the dissolution of the Confederation, by the adoption of the Constitution of the United States : in 4 vols. / [s. a.]. – Boston : Printed and Published by Thomas B. Wait, 1820–1821.
12. Smith, J. The United States and Latin America: A history of American diplomacy, 1776–2000 / J. Smith. – L. : Routledge, 2010. – 208 p.
13. The diplomatic correspondence of the American Revolution: being the letters of Benjamin Franklin, Silas Deane, John Adams, John Jay, Arthur Lee, William Lee, Ralph Izard, Francis Dana, William Carmichael, Henry Laurens, John Laurens, M. de Lafayette, M. Dumas, and others, concerning the foreign relations of the United States during the whole Revolution : together with the letters in reply from the secret committee of Congress, and the Secretary of Foreign Affairs, also the entire correspondence of the French ministers, Gerard and Luzerne, with Congress : in 12 vols. / ed. J. Sparks. – Boston : N. Hale, Gray & Bowen, 1829–1830.
14. Weeks, W.E. John Quincy Adams and American global empire / W.E. Weeks. – Lexington : University Press of Kentucky, 1992. – 238 p.
15. Whitaker, A.P. The United States and the independence of Latin America: 1800–1830 / A.P. Whitaker. – N.Y. : Norton, 1964. – 630 p.

**ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1830–1831 гг.
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ИСПАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ КАРЛИСТСКОЙ ВОЙНЫ**

А.А. Терещук (Санкт-Петербург)

В ноябре 1830 г. на территории Царства Польского началось восстание против российских властей. На разгром мятежников потребовался почти целый год: окончательно выступление было подавлено только в октябре 1831 г. Попытка поляков вооруженным путем добиться независимости вызвала сочувствие во многих европейских странах. В зарубежной прессе создавался негативный образ России, который «провоцировал людей на конкретные действия: покровительство польским беженцам, сбор пожертвований на нужды восставшим, политическое давление на правительства своих держав и т.д.» [3, с. 84].

Исследования, посвященные реакции других стран на события в Польше, обращают основное внимание на позицию Франции и Великобритании. В то же время вопрос о восприятии Польского восстания в Испании остается практически не проанализированным ни российскими, ни зарубежными исследователями. Так, недавно опубликованный XI том «Истории испанской дипломатии» подробно рассматривает целый ряд сюжетов, связанных с российско-испанскими отношениями, но только вскользь затрагивает польскую проблему [5, р. 373, 501]. Коллективный труд «История внешней политики России» показывает реакцию на польское восстание ряда европейских стран [2, с. 287–291], но не упоминает об Испании.

При этом в 1830-е гг. дипломатические отношения между Россией и Испанией пережили кризис: во время Первой Карлистской войны на Пиренейском полуострове (1833–1840) Санкт-Петербург разорвал отношения с «либеральным» правительством в Мадриде и оказывал финансовую поддержку испанским карлистам [9]. Война в Испании, поводом к которой послужил династический спор между вдовствующей королевой Марией-Кристиной и ее малолетней дочерью Изабеллой с одной стороны и претендентом на престол доном Карлосом с другой, отражала глубокий раскол в испанском обществе между сторонниками конституционных преобразований (либералами / кристинос) и крайними консерваторами (карлистами).

Закономерно, что восприятие восстания в католической Польше не могло не влиять на отношение к Российской империи в Испании. Особенно актуальным анализ данного вопроса представляется для изучения отношений России с карлистами, позиционировавшими себя как «защитников» католической церкви [6, р. 571]. Подробный анализ рецепции событий в Польше испанским обществом требует проведения отдельного крупного исследования, выходящего за рамки настоящей статьи. Целью данной публикации является сравнение точек зрения на польское восстание двух знаковых фигур на испанской политической сцене 1830–1840-х гг., представлявших два противоположных лагеря. Хуан Доносо Кортес (Juan Donoso

Cortés) был сторонником Марии-Кристины и ее дочери Изабеллы; Луи-Ксавье-Оге де Сен-Сильвен, барон де лос Вальес (Louis Xavier Auguet de Saint-Sylvain) участвовал в карлистском движении.

Мыслитель, публицист и дипломат Х. Доносо Кортес вошел в историю как один из крупнейших консервативных философов в Европе XIX в. В течение жизни его политические взгляды претерпели определенную эволюцию и сильно «поправели». Хотя «поздний» Х. Доносо Кортес идеологически был довольно близок к карлизму, в 1833 г. молодой публицист и чиновник поддержал Марию-Кристину [1]. В 1834 г. он опубликовал небольшую книгу ««Размышления о дипломатии и ее влиянии на политическое и общественное положение Европы после июльской революции и до договора, заключенного четырехсторонним альянсом» [4]. В своей работе Х. Доносо Кортес рассуждает и о недавних событиях в Царстве Польском.

«Чистая, как покрывающие ее снега», Польша предстает жертвой «волн потомков древних татар» [4, р. 74] и тщетно «протягивает руки в сторону Европы» [4, р. 75]. Участники польского восстания позиционируются автором как носители европейских ценностей, которые попытались одержать победу в безнадежной ситуации. Х. Доносо Кортес после целой серии метафор и поэтических сравнений приходит к выводу, что «вместе с Польшей исчез последний барьер, который защищал Европу от России» [4, р. 76]. «Север... управляется одним принципом, приводится в движение единой волей... Только Польша осмелилась предложить бросить вызов этой силе, предложив новый принцип и независимую волю» [4, р. 77].

Антироссийская позиция Х. Доносо Кортеса объяснима с учетом контекста, в котором он писал свое произведение. В 1820–1830-е гг. представители крайних правых политических групп в Испании (роялисты / карлисты) часто рассчитывали на поддержку России. Одним из лозунгов роялистов в Каталонии во время Либерального трехлетия (1820–1823) был «Да здравствуют русские, и смерть Конституции!» [8, р. 17]. Хотя во время Первой Карлистской войны Николай I так и не признал дона Карлоса в качестве короля Испании, испанские либералы (как прогрессисты, так и умеренные) воспринимали Россию как противника своей власти. Соответственно, напоминая о польском восстании, Х. Доносо Кортес «целил» не только в Россию, но и в карлистов, своего рода российских «агентов влияния» на Пиренейском полуострове. При этом представлять испанского философа как русофоба или противника идей легитимизма было бы сильным преувеличением.

Барон де лос Вальес вошел в историю не как мыслитель, а как дипломат и организатор ряда «специальных операций» карлистов. В 1834 г. он устроил бегство дона Карлоса из Англии на север Испании, к армии своих сторонников. В январе 1838 г. барон прибыл в Санкт-Петербург для переговоров с Николаем I относительно помощи карлистам со стороны России. 30 января (по н. ст.) в Аничковом дворце представитель дона Карлоса встретился с российским императором. Как можно судить на основании подготовленного испанской стороной отчета о встрече, в ходе беседы с Николаем I барон завел речь о польском восстании.

«Ваше Императорское Величество не забыли, что мой Король следует примеру, который Вы дали ему в Польше, однако пока ему не сопутствует удача и не удалось добиться подобного результата» [7], – сказал Николаю Павловичу барон. Важно отметить, что с точки зрения карлистов, «мятежниками» в Испании являлись их противники, покушавшиеся на престол «законного короля Карлоса V». Представитель дона Карлоса сравнил установление регентства Марии-Кристины в Испании в 1833 г. с восстанием в Царстве Польском в 1830 г. Проводя подобную параллель, барон пытался убедить российского монарха в необходимости поддержки карлистского движения, которое, по мнению собеседника Николая I, находилось на тех же идеологических позициях, что и российские власти. Далее в ходе беседы барон упомянул о польских эмигрантах, которые хотели вступить в армию дона Карлоса. Николай I заверил, что если бы они это сделали, то он «встретил бы их с распростертыми объятиями» [7].

Личное отношение барона де лос Вальес к событиям в Польше неизвестно, однако сам факт обращения к данной теме во время переговоров заслуживает внимания. Приверженность принципам легитимизма значила для карлистов больше, чем солидарность с польскими католиками.

Таким образом, в Испании в период Первой Карлистской войны можно встретить диаметрально противоположные оценки польского восстания 1830–1831 гг. В каждом из двух проанализированных примеров мнение, высказанное по отношению к данной теме, было обусловлено борьбой между карлистами и кристинос внутри Испании. Рассмотрение высказываний Х. Доносо Кортеса и барона де лос Вальес вне контекста Первой Карлистской войны было бы невозможно.

Источники и литература:

1. Василенко, Ю.В. Ранний Х. Доносо Кортес (1820–1848 гг.): становление традиционалиста / Ю.В. Василенко // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2012. – Т. 12. – С. 235–258.
2. История внешней политики России: в 5 т. – М. : Академический проект; Парадигма, 2018. – Т. 3 : Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). – 441 с.
3. Маринин, М.О. Польская революция 1830–1831 гг. и внешняя политика Великобритании и Франции (историко-культурологический аспект) / М.О. Маринин // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 4. – С. 78–84.
4. Donoso Cortés, J. Consideraciones sobre la diplomacia, y su influencia en el estado político y social de Europa, desde la revolución de julio hasta el tratado de la Cuádruple Alianza / J. Donoso Cortés. – Madrid : Imprenta de Don Miguel de Burgos, 1834. – 126 p.
5. Ochoa Brun, M.A. Historia de la diplomacia española. Vol. XI / M.A. Ochoa Brun. – Madrid : Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación, 2017. – 698 p.
6. Pérez, J. Histoire de l'Espagne / J. Pérez. – Paris : Fayard, 1997. – 921 p.
7. Relato del Barón de los Valles de su Audiencia con el Zar Nicolás I de Rusia // Ferrer M., Tejera D., Acedo J. F. Historia del tradicionalismo español. Tomo XIV. – Sevilla : Ediciones Trajano, sin año. – P. 181–186.
8. Sánchez Carcelén, A. ¡Muera la Constitución! Cervera y la rebelión realista de 1822-1823 / A. Sánchez Carcelén // Aportes: Revista de historia contemporánea. – 2021. – № 106. – P. 7–46.
9. Urquijo Goitia, J. R. El carlismo y Rusia / J. R. Urquijo Goitia // Hispania: Revista española de historia. – 1988. – № 48 (169). – P. 599–624.

АМЕРИКАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ОТНОШЕНИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1861–1865 гг.)

Т.В. Алентьева (Курск)

Период 1815–1914 гг. в международных отношениях получил название Венской системы, созданной после разгрома наполеоновской Франции и призванной сохранять стабильность и мир в Европе, препятствовать революционным движениям. Гарантами Венской системы стал так называемый «концерт великих держав», победителей Наполеона (Великобритании, Российской империи, Австрийской империи и Пруссии), к которому, впоследствии, примкнула и Франция Бурбонов. Однако революции 1830 и 1848–1849 гг., противоречия по так называемому «Восточному вопросу», национально-объединительные движения в Италии и Германии подрывали и сводили на нет солидарность пяти ведущих держав. Особенно сильный удар по сложившимся в Европе дипломатическим взаимоотношениям нанесли Крымская война 1853–1856 гг. и Гражданская война в США 1861–1865 гг. Западноевропейским державам казалось, что США оказались вне системы международных отношений, созданной Венским конгрессом. Однако американо-английская война 1812–1815 гг. [2], развернувшаяся в 1810–1826 гг. революционно-освободительное движение в странах Латинской Америки, провозглашение Соединенными Штатами в 1823 г. знаменитой доктрины Монро [4], доказали, что у ведущих европейских держав нет единства позиций в отношении далекой Америки.

Гражданская война в США 1861–1865 гг. выявила солидарность Великобритании и Франции в их стремлении поддержать мятежный Юг. При этом использовались методы дипломатического давления, финансирования и поставок вооружения Конфедерации. Позиция России оказалась прямо противоположной. Она поддержала союзное правительство А. Линкольна, прибегнув к военной демонстрации своих намерений путем отправки двух военных эскадр.

Наиболее враждебной по отношению к Северу США оказалась позиция Великобритании. В период военных действий, формально оставаясь нейтральной страной, она признала южную Конфедерацию воюющей стороной и поставляла ей вооружение и различные военные материалы, оказывала финансовую поддержку, продолжала вести контрабандную торговлю хлопком. На английских верфях были построены каперские суда южан «Алабама», «Джорджия», «Шенандоа», «Орето» и другие [8, р. 11].

Наиболее ненавистным для американцев стал каперский корабль «Алабама», в 1862–1864 гг. он ограбил и потопил более 60 судов северян (главным образом, с грузом зерна для Европы). 19 июня 1864 г. он был потоплен в виду французской гавани Шербура американским корветом «Кирсадж». Каперские действия судов Конфедерации нанесли серьезный экономический ущерб торговле и мореплаванию, возмещения которого США начали добиваться сразу после окончания войны. Американские требования получили название «претензий “Алабамы”», и они не ограничивались частными интересами торговцев и судовладельцев [22, р. 327–328]. По мнению американцев, Великобритания должна была возместить весь ущерб от длительной гражданской войны, поскольку, поддерживая одну из сторон, сама таким образом являлась участницей конфликта.

Во время администрации президента Эндрю Джонсона (1865–1868) государственный секретарь У.Х. Сьюард [1] попытался урегулировать «претензии “Алабамы”» с помощью договора Джонсона-Кларендона 1869 г., однако сенат отказался его ратифицировать. В нем, по мнению сенаторов, не было зафиксировано признание вины Великобритании за поддержку Конфедерации Юга и нанесение «национального» ущерба США путем расстройств их морской торговли, блокады портов и, в конечном итоге, затягивания войны. «Национальный» ущерб был оценен фантастической суммой в 2 млрд. долл. [9, р. 25]. Окружение госсекретаря У. Х. Сьюарда настаивало, что вслед за отклонением Великобританией названной суммы следует предъявить ультиматум о территориальной компенсации ущерба. 30 марта 1867 г. с Россией был подписан договор о покупке Аляски [5, с. 203–314]. Это усилило позиции Соединенных Штатов на Тихом океане в ущерб Англии. Сьюард считал приобретение Аляски первым этапом «окружения» всей Британской Северной Америки, которое должно завершиться превращением канадских провинций в штаты Американского союза [19].

Сьюард твердо верил в «Манифест судьбы», определявший политику экспансии США. Он ожидал, что провинция Британская Колумбия на Западном побережье будет стремиться к присоединению к американскому союзу, и рассчитывал, что Британия может согласиться на это в обмен на «претензии “Алабамы”». Его активно поддержали радикальные республиканцы. Их лидер Чарльз Самнер [3], являвшийся председателем сенатского комитета по иностранным делам, выдвинул концепцию «естественных границ», согласно которой Канаде «предначертано оказаться в орбите своего великого соседа» [21, р. 223]. Вскоре другие политики США одобрили план аннексии Британской Колумбии, центральной канадской колонии Ред-Ривер (позже Манитоба) и восточной части Новой Шотландии в обмен на отказ от претензий о возмещении ущерба [12].

Антибритански настроенные американские граждане ирландского происхождения, принадлежавшие к так называемому Братству фениев, в первые послевоенные годы совершили несколько вооруженных рейдов на территорию Канады в расчете спровоцировать военный конфликт между Великобританией и США. Теперь уже Канада требовала компенсации нанесенного ущерба. Между США и Канадой возникли пограничные споры о принадлежности ряда островов на северо-западном побережье. Очень острым оставался вопрос о ловле рыбы в прибрежных водах. Несколько американских рыболовецких судов были задержаны канадскими патрульными судами и доставлены в канадские порты. Дискуссионным оставался и вопрос о праве судов обеих сторон на беспрепятственный проход по рекам и озерам вблизи от границы, включая реку Св. Лаврентия [6].

В Конгрессе раздавались призывы запретить канадцам пользоваться пограничными реками, каналами и озерами для торговых и пассажирских перевозок. Сенатор Б. Батлер призывал прекратить всякие отношения с Канадой [18, р. 424]. Англофобия достигла небывало высокого уровня, когда президентом стал У.С. Грант (1868–1876). Госсекретарем в его администрации был назначен талантливый дипломат Гамильтон Фиш. Радикалы в Конгрессе З. Чандлер и Ч. Самнер потребовали, чтобы Великобритания уступила Канаду Соединенным Штатам в качестве оплаты за «претензии

«Алабамы»» [10, р. 730]. Самнер заявлял, что Британия несет ответственность за половину материального ущерба, нанесенного США в период Гражданской войны. Он утверждал, что английская декларация о нейтралитете явилась «главной причиной продолжавшейся гражданской войны». В 1868 г. Самнер объявил, что «Англия нанесла больший ущерб США, чем какая-либо другая цивилизованная держава такой же стране». Этот ущерб, по его мнению, составил «миллионы долларов и тысячи, если не сотни тысяч жизней» [11, р. 93].

Антианглийские настроения отражались в политических карикатурах. На одной из них дева Колумбия обстригает когти лежащему у ее ног британскому льву. На когтях льва написано: «Претензии “Алабамы”» [13].

В конце 1870 г. появилась возможность урегулировать «претензии “Алабамы”» при английском премьер-министре Уильяме Гладстоне. Фиш, желавший улучшить отношения с Великобританией вместе с президентом Грантом и его сторонниками в Сенате, добился исключения Ч. Самнера из сенатского комитета по международным делам. Это позволило возобновить переговоры с Великобританией [17].

В начале 1871 г. британское правительство направило Джона Роуза в США, чтобы выяснить, будут ли переговоры по урегулированию спора о северо-западной границе приемлемыми для президента Гранта. Фиш оказал ему самый сердечный прием. Эдвард Торнтон, британский посланник в США, официально предложил назначить совместную комиссию в составе шести членов от Британской империи и шести членов от Соединенных Штатов для разрешения спора. Местом проведения переговоров был предложен Вашингтон. Соединенные Штаты с готовностью согласились при условии, что и другие разногласия, возникшие в результате Гражданской войны, будут среди тем для обсуждения. Британское правительство приняло американские условия.

14 февраля 1871 г. представители Великобритании во главе с графом Робинсоном встретились в Вашингтоне с американскими дипломатами во главе с Фишем. Также Великобританию представлял премьер-министр Канады Джон А. Макдональд. После 37 раундов переговоров 8 мая 1871 г. был подписан Вашингтонский договор, который стал «вехой международного примирения» [23, р. 93; 20, р. 377–378].

Договор включал процесс урегулирования «претензий “Алабамы”». Достигнутое соглашение было признано «беспрецедентным достижением», разрешившим пограничные споры, вопросы взаимной торговли и судоходства. Великобритания выразила сожаление по поводу ущерба, нанесенного «Алабамой».

США получили право рыбной ловли в территориальных водах Канады сроком на 10 лет в обмен на аналогичные условия для канадских рыбаков [24, р. 7]. Устанавливалось право свободной навигации для торговых судов обеих стран по реке Св. Лаврентия [24, р. 8–11]. Вопрос о западной границе на Тихоокеанском побережье и принадлежности острова Сан-Хуан передавался на арбитраж германскому императору Вильгельму I. Его решение гласило, что остров должен быть передан США [24, р. 11]. Сенат ратифицировал договор 24 мая 1871 г.

В соответствии с заключенным договором в Женеве собрался международный арбитражный трибунал. 25 августа 1872 г. на его заседании было принято решение об урегулировании «претензий “Алабамы”» и Соединенным Штатам было присуждено выплатить 15,5 млн долл. золотом за ущерб, причиненный военными кораблями Конфедерации.

Американское общество живо интересовалось проблемой урегулирования «претензий “Алабамы”». Довольно активно эту проблему продвигали карикатуристы. Особенно старались сотрудники «Harper’s Weekly». Главным и хорошо узнаваемым персонажем карикатур был сам госсекретарь Гамильтон Фиш, благодаря его пышным бакенбардам [25]. Художники активно обыгрывали его фамилию, которая переводится с английского как «рыба». На карикатуре Ф. Беллью, руководитель внешней политики в виде огромной рыбы с человеческой головой (с его замечательными бакенбардами), спокойно плывет в воде подобно бронированному кораблю, не обращая внимание на яростный обстрел оппозиционной прессы из орудий разного калибра [14]. В другой – Фиш изображен уже в образе чудовищно разгневанной летучей рыбы с огромной разинутой пастью, угрожающей проглотить несчастного канадского браконьера, осмеливающегося удить рыбу в американских водах. На заднем плане видна озадаченная фигура Джона Буля [15].

Счастливым для США завершение дела с «претензиями “Алабамы”» нашло отражение в карикатурах знаменитого художника Т. Насти. На одной из них дядя Сэм и Джон Буль готовы протянуть друг другу руки для рукопожатия. Причем Джон Буль держит в руках увесистый мешок с деньгами (на нем стоит цифра 15,5 млн). Надпись гласит: «Давайте протянем друг другу руки над кровавой пропастью» [16]. Действительно, благодаря умелым действиям американской дипломатии между США и Великобританией установились добрососедские и дружественные отношения.

Источники и литература:

1. Алентьева, Т.В. Путь на Олимп власти США. Политическая карьера Уильяма Генри Сьюарда до Гражданской войны 1861–1865 гг. / Т.В. Алентьева // Политическое лидерство в истории нового и новейшего времени. – Калининград, 2007. – С. 39–48.
2. Алентьева, Т.В. Англо-американская война 1812–1815 гг. и американское общество / Т.В. Алентьева, А.И. Тимченко. – СПб. : Алетей, 2018. – 234 с.
3. Алентьева, Т.В. Чарльз Самнер (1811–1874) – вехи политической биографии / Т.В. Алентьева // История и историография зарубежного мира в лицах. – Вып. IX. – Самара, 2009. – С. 49–61.
4. Болховитинов, Н.Н. Доктрина Монро: происхождение и характер / Н.Н. Болховитинов. – М. : Изд-во ИМО, 1959. – 337 с.
5. Болховитинов, Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867 / Н.Н. Болховитинов. – М. : Наука, 1990. – 368 с.
6. Киселева, О.А. Канадские проблемы в американо-английских отношениях в 1871–1877 гг. [Электронный ресурс] / О.А. Киселева // Северная Америка. Век девятнадцатый. – Режим доступа: <https://america-xix.ru/library/kiseleva-canadian-problems>. – Дата доступа: 09.03.2022.
7. Киселева, О.А. Экспансионистские настроения в США после гражданской войны 1861–1865 г. / О.А. Киселева // Актуальные проблемы науки и образования: опыт и перспективы : в 2 т. – Армавир, 2013. – Т. 1. – С. 124–131.
8. Campbell, Ch. S. From Revolution to Rapprochement: The US and Great Britain 1783–1900 / Ch. S. Campbell. – N. Y. : Wiley, 1974. – 225 p.

9. Congressional Globe. 41st Congress. 1st Session. Appendix [Electronic resource] // Library of Congress. American Memory: Remaining Collections. – Mode of access: <https://memory.loc.gov/ammem/amlaw/lwcglink.html>. – Date of access: 19.03.2022.
10. Congressional Globe. 41st Congress. Special Session [Electronic resource] // Library of Congress. American Memory: Remaining Collections. – Mode of access: <https://memory.loc.gov/ammem/amlaw/lwcglink.html>. – Date of access: 22.03.2022.
11. Cook, A. The Alabama Claims. American Politics and Anglo-American Relations, 1865–1872 / A. Cook. – Ithaca : Cornell University Press, 1975. – 261 p.
12. Dennet, T. Seward's Far Eastern Policy / T. Dennet // The American Historical Review. – 1922. – Oct. – Vol. 28. – P. 45–62.
13. Harper's Weekly. – 1868. – Aug. 1.
14. Harper's Weekly. – 1873. – Dec. 13.
15. Harper's Weekly. – 1873. – Jan. 24.
16. Harper's Weekly. – 1872. – Oct. 5.
17. Libby, J. Hamilton Fish and the Origins of Anglo-American Solidarity / J. Libby // Mid America. – 1994. – Vol. 76, № 3. – P. 205–226.
18. Papers Relating to Foreign Relations of the US. 1865–1877. – Washington : GPO, 1870. – 900 p.
19. Shi, D. E. Seward's Attempt to Annex British Columbia, 1865–1869 / D. E. Shi // Pacific Historical Review. – 1978. – May. – Vol. 47, № 2. – P. 217–238.
20. Shippee, L. Canadian-American Relations. 1849–1874 / L. Shippee. – New Haven : Yale University Press, 1939. – 425 p.
21. Sumner, Ch. Works of Charles Sumner : in 15 vol. / Ch. Sumner. – Boston : Lee and Shepard, 1879. – Vol. 11. – 673 p.
22. The College Courant. – 1869. – May 29. – Vol. 4, № 21.
23. The Treaty of Washington // Advocate of Peace. – 1871. – Aug. 15. – Vol. 3, № 32.
24. Treaty between Her Majesty and U.S.A. Signed at Washington. – 1871. – May 8. – Sagwan Press, 2015. – 20 p.
25. Vanity Fair. – 1872. – May 18.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ США В XIX ВЕКЕ

Л.Т. Жайбалиева, Р.С. Николаев (Оренбург)

XIX век занимает особое место в истории Соединенных Штатов Америки. Это времена великих открытий и великих войн, навсегда изменивших историю страны. Актуальность исследования объясняется тем, что экспансия Соединенных Штатов Америки повлияла на историю обоих американских континентов. Отголоски территориальной американской политики до сих пор влияют на международные отношения. Исследователи разных эпох пытались проанализировать и понять причины агрессивной территориальной политики Соединенных Штатов, приведшей молодое государство всего за одно столетие к полному доминированию в Новом Свете.

Соединенные Штаты Америки вступили в XIX век как молодое, но крайне амбициозное государство. В 1783 году отвоевана с оружием в руках независимость тринадцати американских колоний от британской короны после войны за независимость 1775–1783 годов. Правительство не намеревалось довольствоваться уже достигнутым. Вопрос стоял не только в сохранении независимости, в дальнейшем укреплении существующих тринадцати бывших колоний, но и в расширении жизненного пространства для американского населения.

К началу XIX века Соединенные Штаты Америки увеличили свою территорию по сравнению с первоначальными границами тринадцати колоний. В 1791 году Вермонт, неофициально называемый «четырнадцатой колонией» и

объявивший о своей независимости незадолго до этого, бесконфликтно вошел в состав Соединенных Штатов Америки, став новым штатом. Население новообразованного государства покидало обжитые районы, стремилось переселиться на запад, в места еще не тронутые европейцами, часто их тянула туда жажда обогащения и наживы. Из-за стремительного продвижения американцев на запад многим племенам индейцев, веками живших на этой территории, пришлось искать новую землю [2, с. 110].

Выступая одним из главных торговых партнеров для многих стран Европы, особенно Франции и Нидерландов, Соединенные Штаты Америки сами искали выгодные точки сбыта, что активно подталкивало молодую республику к агрессивной экспансии близлежащих земель. Правительство Вашингтона установило дружественные отношения с близлежащими колониями стран, соперниками Великобритании. Прежде всего, это были Испания с колонией в Мексике и Франция с колонией в центральной Америке – Луизиане.

Давно назревавшие военные противостояния в Европе были выгодны Соединенным Штатам Америки. Отсутствие сильной армии в колониях у ведущих европейских держав в случае крупного военного конфликта могло облегчить вооруженную экспансию. Молодому государству требовалось твердо и дальше отстаивать свою независимость.

Правительство Соединенных Штатов Америки внимательно следило за всеми особенностями европейской политики. К началу XIX века Европу потрясли революции и всеобщие войны, которые развели все государства Старого Света на две противоборствующие стороны – Франция и ее союзники с одной стороны и страны коалиции, неизменным членом которых всегда была Великобритания [4, с. 28].

В 1803 году территория Соединенных Штатов Америки увеличилась вдвое. Правительство под руководством президента Томаса Джефферсона становилось одной из доминирующих сил в Новом Свете. Совершенно неожиданный для американцев договор был подписан с французским правительством Наполеона Бонапарта. Луизиана долгое время была испанской колонией, однако значительное ослабление влияния испанской короны на свои заморские земли в конце XVIII столетия положило конец доминированию Испании в Северной Америке. Опасаясь восстания индейцев и местных жителей, правительство Мадрида посчитало лучшим решением продать Луизиану. Это было намного выгоднее и безопаснее, чем тратить ресурсы на удержание нестабильного региона.

В 1800 году после тайной договоренности Луизиана была продана недавно образованной Французской Республике. Очень быстро первый консул Наполеон Бонапарт понял, что новая заморская территория в Америке не так благонадежна, как ему показалось вначале. Американское правительство, узнав о тайной сделке Испании с Францией, решило обратиться к французской стороне с предложением о продаже Нового Орлеана Соединенным Штатам Америки. Президент Джефферсон рассчитывал с присоединением Нового Орлеана расширить и укрепить присутствие своей страны в южной части Северной Америки. Однако ответное предложение Наполеона стало для правительства президента полной неожиданностью [6, с. 202].

Франция предлагала купить у них не только Новый Орлеан за десять миллионов долларов, а всю Луизиану за пятнадцать миллионов. Для французской стороны содержание приобретенной Луизианы означало скорую ее потерю – после начала открытого противостояния с Великобританией колониальные войска последней немедленно аннексировали бы североамериканские владения Франции. Поэтому первый консул Бонапарт в 1803 году, спустя три недели после передачи Луизианы Франции, продает Луизиану Соединенным Штатам Америки, тем самым получив в свое распоряжение финансирование для борьбы с Великобританией и избавившись от проблемного региона.

Для Соединенных Штатов Америки Луизиана стала приобретением, к которому никто не был готов. Территория, практически в два раза больше, чем все четырнадцать штатов, была обширной плодородной землей. Однако, местные племена индейцев не намеревались просто так отдавать свои лучшие земли американцам. Другой существенной проблемой были испанцы на южных границах и англичане на северных. Территория с колониями этих государств в Луизиане еще не была четко разграничена, что приводило к многочисленным конфликтам на границе.

Назревавшие конфликты с соседями можно было решить лишь силой оружия, и война не заставила себя долго ждать. Соединенные Штаты Америки вступили в войну с Великобританией в 1812 году, стремясь добиться выгодных для себя северных границ со своей бывшей метрополией. Война продлилась три года и в 1815 году закончилась оккупацией американцами округа Мобил. В 1819 году Мобил официально признан американским по договору Адамса-Оникса. Соединенные Штаты Америки теперь занимали территорию от восточного до западного побережья Северной Америки. Граница с английскими владениями в Америке была раз и навсегда разделена по 49-й параллели. Одновременно с этим, договор Адамса-Оникса решил южный территориальный спор с Испанией – Флорида была передана американцам. Договор определил границы между Соединенными Штатами Америки и испанскими колониями в Центральной Америке.

После присоединения к Соединенным Штатам Америки столь обширных территорий следующие несколько десятилетий были относительно мирными. На новых территориях образовывались штаты, местное население продолжало изгоняться с их родных мест. Индейцев стали заселять в отдельные поселения-резервации под контролем американцев.

В начале 1840-х годов резко активизируется пропагандистская кампания о необходимости присоединения новых территорий, что стало предвестником перехода ко второй стадии экспансии. За четыре года, с 1844 по 1848 год, территория Соединенных Штатов Америки увеличилась более чем в полтора раза – в состав североамериканской республики вошли Техас, Калифорния, Новая Мексика и Орегон. Все присоединения были осуществлены посредством использования конфронтационной модели, причем в случае с Мексикой дело дошло до полномасштабной войны. Поэтому, можно сказать, что середина XIX века стала поворотной точкой американской экспансии.

В 1846 году Соединенными Штатами Америки аннексирован Техас – территория, еще в 1834 году объявившая о своей независимости от Мексики. Мексика никогда не признавала Техас самостоятельной

суверенной территорией, считая его не более чем временно мятежной областью. Поэтому, когда Техас вошел в состав Соединенных Штатов Америки, немедленно произошло резкое повышение международной напряженности между правительствами Мехико и Вашингтона, которое в том же 1846 году привело к американо-мексиканской войне 1846–1848 годов [3, с. 60]. Война завершилась полным поражением Мексики и подписанием договора Гуадалупе–Идальго, по положениям которого Мексика потеряла более половины своей территории. Все северные земли Мексики были присоединены к Соединенным Штатам Америки, образовав новые штаты.

За первые полстолетия XIX века Соединенные Штаты Америки расширили свою территорию от узкой полоски земли вдоль восточного побережья Северной Америки до практически полного доминирования над континентом [5, с. 58]. Торговые суда, принадлежащие американским корпорациям, активно осваивали островные республики и колонии в Тихом, Атлантическом и Индийском океане. Американские амбиции, впрочем, простирались сильно дальше североамериканского континента, и правительство Вашингтона готовило несколько проектов по приращению своего влияния далеко за пределами своих границ.

Последним территориальным присоединением Соединенных Штатов Америки в Северной Америке, после которых страна приобрела современные континентальные границы, стала Аляска. Переговоры о приобретении Аляски у России начались при президенте Э. Джонсоне при активном содействии госсекретаря Уильяма Сьюарда. Продажа Аляски состоялась в 1867 году. Русская Америка была продана за 7,2 миллиона долларов.

Договор о продаже Аляски был взаимовыгодным результатом осуществления американских геополитических задач. Хотя многие в американском сенате выступали против покупки Аляски, называя данное решение необдуманным и даже губительным для бюджета страны, подорванного Гражданской войной, расчет президента Джонсона оказался верен в длительной перспективе [6, с. 245]. Покупка Аляски окупилась Соединенным Штатам Америки всего за несколько лет после обнаружения там золотых запасов.

Начиная с 1950–1960 годов, главный курс экспансии Соединенных Штатов Америки был направлен не на Северную Америку, а на заморские территории. Ко второй половине XIX века все основные материки и территории планеты были поделены на колонии между великими державами Европы. Поэтому для дальнейшей экспансии у правительства Вашингтона был один путь – расширять свое влияние в отдельных островах и цельных архипелагах в Атлантическом и Тихом океанах, по обеим сторонам от берегов Северной Америки [1, с. 150].

Первым полноценным шагом в направлении морской экспансии Соединенных Штатов Америки стал закон о Гуано 1856 года. Этот законодательный акт закреплял, что любой остров с богатыми залежами ценных ресурсов, который не принадлежал какой-либо из наций и держав, объявлялся заочно американским. Благодаря этому закону к Соединенным Штатам Америки в кратчайшие сроки были присоединены более сотни островов Карибского бассейна.

Американское правительство не могло полагаться на один лишь закон о Гуано. Чтобы присоединить к территории Соединенных Штатов Америки по-настоящему богатую островную землю требовалось отобрать ее у другой

могучей державы. Наиболее подходящим кандидатом для ограбления казалась Испания, которая к тому времени переживала стремительный распад своей колониальной империи и закат военно-морской мощи. В 1898 году разразилась короткая испано-американская война. По ее итогам США получали большую часть испанских владений в Атлантическом и Тихом океанах: Филиппины, Гуам, Пуэрто-Рико и право на оккупацию Кубы. Впервые Соединенные Штаты Америки заполучили заморские территории со значительной долей туземного населения – в некотором роде американцы стали такими же колониальными угнетателями, какими для них когда-то были британские подданные [3, с. 20].

Впрочем, в самих Соединенных Штатах оккупацию островных владений Испании по итогам войны считали заслуженным и правильным итогом. Американцы также претендовали на Самоа, на которое имели свои виды Великобритания и Германия. Много лет великие державы прямо или косвенно поддерживали гражданскую войну на островах, снабжая оружием стороны конфликта, но в итоге ситуация едва не привела к прямому столкновению. В 1899 году острова Самоа были разделены между США и Германской империей. В том же году состоялась аннексия Гавайских островов. Владение Гавайями и Самоа дали Америке исключительное преимущество перед европейскими державами, поскольку отныне только США контролировали центр Тихого океана, который постепенно стал превращаться в «американское озеро».

Теперь американцам предстояло решить несколько главных проблем. Например, остро стоял вопрос о канале между Атлантическим и Тихим океаном, чтобы при необходимости перебросить по нему военные корабли, не говоря уже о коммерческом значении такого сооружения. Правящие круги Соединенных Штатов Америки справедливо полагали, что при критическом ослаблении любой европейской державы они смогут, таким образом, быстро захватить ее владения.

Континентальная экспансия в ее внутреннем аспекте продолжалась до конца века. О ее завершении сигнализирует объявление об исчезновении фронта, то есть передвижной границы неосвоенных территорий. До 1880 года включительно страна имела границу заселения, но теперь незаселенная территория была до такой степени испещрена изолированными поселениями, что говорить о пограничной линии едва ли возможно. Соединенные Штаты Америки меньше чем за столетие после Луизианской сделки увеличили свою территорию более чем в десять раз. Грамотная территориальная политика американцев позволила Соединенным Штатам к концу XIX века стать ведущей и доминирующей державой во всем Новом Свете.

Источники и литература:

1. Бердичевский, Я.М. Всемирная история / Я.М. Бердичевский, С.А. Осмоловский. – СПб. : Салют, 2001. – 128 с.
2. Вард, Г. История США / Г. Вард. – М.: Астрель, 2009. – 256 с.
3. Гонионский, С.А. Территориальная экспансия США в начале XIX в. / С.А. Гонионский. – М.: Прогресс, 1958. – 50 с.
4. Ливанов, Л.А. Всемирная история / Л.А. Ливанов. – М.: Прогресс, 2002. – 164 с.
5. Печатнов, В.О. История внешней политики США / В.О. Печатнов. – М.: Международные отношения, 2012. – 672 с.
6. Фостер, У.З. Очерк политической истории Америки / У.З. Фостер. – М.: Прогресс, 1955. – 275 с.

О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ КАТЕГОРИИ НРАВСТВЕННОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ XIX ВЕКА И ЕЕ ВЛИЯНИИ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Е.А. Семухина (Саратов)

С начала 1830-х годов в европейских странах, и во Франции в частности, средства массовой информации становятся доступны широким слоям населения, приобретают значительный социальный вес, складывается та система, которая по своим характеристикам близка современной. Тема внешней политики в прессе XIX века занимает первое место, СМИ и общество того периода требуют от дипломатии гласности, принятия дипломатических решений сообразно нравственным принципам, реализации в межгосударственных отношениях культурных ценностей и категорий, связанных с моралью, защитой мира, мирными проектами. Подчеркнем, что вопросы культуры, сохранения духовных ценностей традиционно играют во Франции важную роль, благодаря чему страна успешно пользуется преимуществами культурной дипломатии как фактором своего «мягкого могущества» перед другими европейскими державами [1, с. 29].

В XIX веке общественное мнение, отраженное в прессе, постепенно становится действующей силой в международных отношениях. Представляется, что в прессе 1840-х годов мнение о нравственном вопросе в отношении внешней политики выражалось через: а) требование большей публичности (с целью дальнейшей оценки моральной стороны), и через: б) призывы к нравственной позиции в сфере дипломатии.

Так, в частности, политический ежедневник *Constitutionnel* от 8 сентября 1844 года требует от французского правительства прозрачности в отношении действий на международной арене:

«Il faut que la publicité inspire une grande frayeur au gouvernement, et qu'il ait beaucoup de choses à cacher. Presque toutes les nouvelles qui intéressent la France nous arrivent par l'étranger, ou par les correspondances ordinaires. Depuis que l'affaire de Taïti est engagée, le ministère a imposé à ses journaux un silence tout à fait étrange» [6].

Необходимо, чтобы пресса внушала большее уважение правительству, которое многое скрывает. Почти все новости, интересующие Францию, приходят к нам из-за границы или в результате частной переписки. С тех пор, как началось дело Таити, министерство <иностранных дел> наложило на свои газеты печать довольно странного молчания. (Здесь и далее перевод наш. – Е.С.).

Однако с точки зрения государственных чиновников, пресса, выражающая разнообразные точки зрения, сама может стать причиной неверной нравственной оценки событий. Так, в частности, газета *Globe* (от 31 марта 1843 г.), выражающая точку зрения министра иностранных дел Франции Франсуа Гизо, отмечала:

«...le journalisme a augmenté et aggravé le désordre moral des sociétés actuelles, parce qu'il les livre à cent enseignements qui ne s'accordent pas» [7].

...журналистика увеличила и усугубила нравственный беспорядок в современном обществе, т.к. преподнесла ему сотню разных мнений, которые противоречат друг другу.

В то же время средства массовой информации могли и самостоятельно призывать своих коллег к трансляции моральных культурных категорий, например, как в случае, когда в самом разгаре кризиса 1844 года в дипломатических отношениях между Великобританией и Францией из-за Таити в политическом издании *Adresse des ouvriers anglais aux ouvriers de France* писали:

«*La presse des deux pays, <...> par ses vives excitations, ses bravades ou ses menaces, a cherché à rallumer la flamme de nos vieilles animosités*» [2].

Пресса обеих стран своим горячим волнением, бравадой и угрозами стремилась разжечь пламя нашей старой вражды.

Однако новые коммерческие издания обвиняли политическую прессу, в том числе правительственную, в том, что она превратно использует патриотические чувства читателей, и это, в свою очередь, создает угрозу войны [8].

Что касается требования со стороны общественного мнения соблюдать нравственную позицию в дипломатических отношениях, отметим, что данные факты, в отличие от призывов к большей открытости и внутреннего морализаторства, менее частотны. Тем не менее хорошей иллюстрацией является пример, когда «левая» французская пресса претендовала на роль «хранителя морали» и требовала, во время дела Притчарда, чтобы французская нация вела себя как рыцарь, защищающий свою честь. В частности, было высказано соображение, что Притчарду необходимо выплатить компенсацию за его высылку с Таити. Общественное мнение, озвученное на страницах французских газет, было учтено, и Луи-Филипп даже предложил осуществить выплаты с его личных счетов, а не из государственной казны, что, впрочем, не нашло поддержки у тогдашнего министра иностранных дел Ф. Гизо [8].

В целом определение нравственности или безнравственности того или иного события на внешнеполитической арене в прессе часто сводилось к осуждению конкурирующего государства. Так, например, средства массовой информации Франции безоговорочно находили аморальными действия Великобритании по отношению к дипломатическим традициям, а также правам человека в период подписания Лондонской конвенции 1840 года. Министр иностранных дел Франции А. Тьер пользовался сложившимся в этот период отношением к английской стороне, чтобы поддержать воинственную риторику и заявить о том, что применение военной силы по отношению к европейским государствам может быть оправдано и поддержано французским народом. В частности, на страницах *Journal des débats* 28 июля 1840 года он заявлял:

«*nous ne sommes plus à une époque où l'on dispose du sang et de la fortune des hommes sans les consulter*» [3].

... сейчас не то время, когда можно пользоваться кровью и состоянием людей, не спросив их!

А послу Великобритании он говорил о «моральном насилии против Франции» [8].

Как утверждают историки, широкие массы французского народа были действительно взволнованы внешнеполитическими событиями и весьма воинственно и патриотически настроены. Так, по сообщениям полицейских:

«Hier, on a demandé à plusieurs reprises la Marseillaise dans tous les théâtres, et le parterre et le paradis de répéter l'air exécuté par l'orchestre ; ce soir encore on remarquait dans les rues de nombreux groupes d'ouvriers et d'étudiants chantant le même air...» [8].

... вчера во всех театрах неоднократно просили <сыграть> Марсельезу. Зрители в партере и на галерке подпевали мелодии, исполняемые оркестром. Сегодня вечером на улице можно было увидеть множество групп рабочих и студентов, поющих гимн...

К социальным формам выражения поддержки или отрицания внешнеполитических действий можно отнести также манифесты, партийные бюллетени, петиции и народные подписки. Так, в частности, в 1840 гг. патриотическая пресса начала подписку, чтобы преподнести меч чести адмиралу Дюпти-Туару [8], чьи решения по делу Таити не всегда одобрялись правительством. Малотиражные издания также были широко распространены. Это были брошюры, трактаты, сборники статей, тексты песен. Все эти печатные формы выражения общественного мнения позволяли выносить на уровень общенациональной дискуссии повестку дня, обойденную или иначе трактуемую властью.

Требования нравственности в сфере дипломатии было также связано и с религиозными ценностями. Так, в частности, в таитянском вопросе речь шла о вопросах вероисповедания. Французские протестантские газеты были возмущены тем, что Франсуа Гизо, являющийся протестантом, выступает на международной арене как защитник государственного католицизма [8]. Пресса высмеивала в памфлетах лицемерного, по их мнению, и аморального Ф. Гизо:

Pour mal il rend toujours le bien / (ceci est d'un très-bon chrétien) / Il est surtout très-pacifique / Pour toute insulte britannique / Oui, oui, / Certainement / Lord Guizot est un bon enfant [5].

За зло заплатит он добром. / И христианин он притом. / От англичан он всё готов снести, / Гизо ведь ангел во плоти.

Во французской прессе также подвергались нравственной оценке и вопросы, касающиеся права народов на самоопределение. Так, в частности, газета *Espérance* от 9 августа 1844 года осуждает решение о необходимости введения протектората над Таити вопреки мнению таитянского народа:

«on court le risque de fouler aux pieds les premières règles de l'équité internationale et de la probité politique» [4].

...высок риск попортить основные правила международного равенства и политической честности.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что обращение к категориям культуры, соотносящимся с моралью и нравственностью, на страницах французской прессы было довольно частым явлением в середине XIX века. При этом фокус внимания журналистов и общества был направлен на внешнюю политику государства. Таким образом, пресса не только информировала читателей и анализировала происходящие события, но и активно влияла на них. Требование гласности, прозрачности действий, нравственного дипломатического поведения от ответственных лиц и целых стран привело к формированию общественного мнения, выходящего за рамки национальных интересов, содействовало созданию универсальных принципов действия на международной арене, демократизации межгосударственных отношений.

Источники и литература:

1. Косенко, С.И. Генезис и эволюция культурной дипломатии Франции на протяжении эпох / С.И. Косенко // Вестник МГИМО. – 2013. – №4 (31). – С. 29–37.
2. Adresse des ouvriers de l'Angleterre aux ouvriers de la France. – Paris, imprimerie de Maulde et Renou, 1844.
3. Journal des débats. – 1840. – 28 juillet.
4. L'Espérance. – 1844. – 9 août.
5. Lallemand, A.-F. Lord Guizot, chanson élegiaque par M. MM. Francisque L*** / A.-F. Lallemand. – Paris, impr. de Guillois, 1846.
6. Le Constitutionnel. – 1844. – 8 septembre.
7. Le Globe. – 1843. – 31 mars.
8. Meltz, R. Vers une diplomatie des peuples? L'opinion publique et les crises franco-anglaises des années 1840 [Electronic resource] / R. Meltz. – Mode of access: <https://www.cairn.info/revue-histoire-economie-et-societe-2014-2-page-58.htm>. – Date of access: 11.02.2022.

АДУКАЦЫЙНЫЯ ЎСТАНОВЫ ЯК СУБ'ЕКТЫ ЗНЕСНЯЙ КУЛЬТУРНАЙ ПАЛІТЫКІ ІМПЕРЫЙ (1870-я – 1914 г.)

Д.А. Кривашэй (Мінск)

У эпоху позняга Новага часу, якую яшчэ называюць перыядам імперыялізму, становіцца відавочным, што культура, міжкультурныя камунікацыі могуць стаць важнай часткай міжнародных адносін, гнуткім і вельмі эфектыўным інструментам у вырашэнні палітычных і эканамічных пытанняў.

Сярод вучоных існуе перакананне, што “Брытанская карона ў Індыі і на Блізкім Усходзе, Германія ў Афрыцы і Францыя ў Індакітаі навязвалі сваю культуру як дзейсны сродак, які дапамагае ўзмацніць гандлёвыя сувязі і, адпаведна, эканамічны і палітычны ўплыў у патрэбных рэгіёнах, а таксама як інструмент для «вярбоўкі» мясцовай інтэлектуальнай эліты, якая прадстаўляла б інтарэсы метраполіі» [4, с. 183].

Першымі, хто распачаў “асветніцкую місію” сярод карэннага насельніцтва калоній, былі місіянеры розных канфесій. Таму не дзіва, што ў

брытанкіх калоніях Афрыкі ў канцы XIX ст. афіцыйныя свецкія школы складалі слабую меншасць у параўнанні з месіянерскімі школамі. Так у 1899 г. у Нігерыі толькі 33 з 8154 пачатковых школ, 9 з 136 сярэдніх школ і 13 з 97 звычайных школ былі дзяржаўнымі. Аналагічным чынам, на Залатым Беразе у 1914 г. ўрад адказваў толькі за 8% школ. У Кеніі і Угандзе ўсе школы вяліся місіямі [9].

Звычайнай была падтрымка месіянерскіх школ з боку метраполіі, практыка іх прыватна-дзяржаўнага фінансавання. Напрыклад, пасля 1908 г., калі парламент Бельгіі ўзяў кантроль над Конга, рымска-каталіцкія месіянерскія школы атрымалі дзяржаўныя субсідыі і прывілеяваны афіцыйны статус [9].

Але ў асобных метраполіях адбываецца перагляд такога становішча. Напрыклад, пастанова 1871 г. забараняла дзяржаўныя субсідыі для канфесійных школ Нідэрландскай Індыі [10, р. 12]. У калоніях пачалі стварацца па-за канфесійныя дзяржаўныя школы, якія фінансаваліся з бюджэту метраполій.

Такія крокі прыводзілі да заняпаду масавай пачатковай адукацыі. Гэта добра разумела Францыя, дзе дзяржаўная падтрымка аказвалася культурным намаганнем рэлігійных кангрэгацый насуперак свецкаму характару ўлады і антыклерыкалізму французскага грамадства. Па цікавым парадоксе, урад, які ў 1905 г. аддзяліў царкву ад дзяржавы, неўзабаве аказаўся вымушаным субсідавать французскія каталіцкія школы за мяжой. Неадкладна замяніць іх усімі свецкімі школамі было практычна немагчыма, а пазбаўленне іх сродкаў паменшыла б французскі культурны ўплыў [12, р. 31].

Першай, хто ўзяў школьную адукацыю ў калоніях пад патранаж дзяржавы, стала Вялікабрытанія. У 1835 г. ў Індыі была праведзена адукацыйная рэформа, якая дазволіла атрымліваць адукацыю брытанскага тыпа мясцовым жыхарам [2, с. 134–135]. Адукацыйная рэформа была праведзена Вялікабрытаніяй і ў М'янме пасля яе акупацыі ў 1886 г. [9].

Іспанскі ўрад дэкрэтам 1863 г. стварыў у Філіпінах сучасную сістэму дзяржаўнай адукацыі. Дзеці ад 7 да 13 гадоў атрымалі права на бясплатную адукацыю. Выкладанне іспанскай мовы было абавязковым. Гэта адбылося за дзесяць гадоў да таго, як у Японіі з'явілася абавязковая форма бясплатнай сучаснай дзяржаўнай адукацыі і за сорок гадоў да таго, як амерыканскі ўрад запусціў на Філіпінах сістэму дзяржаўных школ на англійскай мове [8, р. 508]. У 1898 г. у дзяржаўных школах навучалася 3 % ад усяго насельніцтва [7, р. 62].

Пачынаючы з 1861 г. у Кохічыне (паўднёвы В'етнам) ствараюцца першыя французска-тубыльскія школы па ўзоры французскай дзяржаўнай школы, якія паступова распаўсюджваюцца на іншыя рэгіёны. У 1905 г. у французкім В'етнаме была створана Рада па паляпшэнню адукацыі карэннага насельніцтва, а ў 1906 г. праведзена рэформа адукацыі [13]. Дэкрэтам 1903 г. была створана школьная сістэма ў Французскай Заходняй Афрыцы (ФЗА). На ўзроўні Федэрацыі і для ўсёй ФЗА была заснавана школа для падрыхтоўкі айчынных настаўнікаў у Сэнт-Луісе (1907 г.) [9].

У 1909 г. пры Міністэрстве замежных спраў Францыі быў створана спецыяльнае Бюро па справах французскіх школ і дабрачыннасці. На яго выдзялялася 10 % бюджэтных асігнаванняў міністэрства. У 1910 г. дадаткова было заснавана Нацыянальнае бюро па справах французскіх універсітэтаў і школ за мяжою. Выдаткі міністэрства на культурныя мэты за мяжою з 1875 па 1912 г. выраслі ў дзевяць разоў [3, с. 34].

Каралеўскім указам 1893 г. была ўведзена двухузроўневая сістэма адукацыі ў галандскай Інданезіі: пяцігадовы школы першага класа з выкладаннем галандскай мовы і трохгадовыя школы другога класа. Магутны імпульс іх развіццю быў нададзены ў пачатку 20 ст., калі ў Галандыі стала папулярнай так званая “этычная палітыка” (этычная адказнасць Нідэрландаў за дабрабыт сваіх каланіяльных падданных), адным са складнікаў якой была адукацыя. У 1907 г. у вёсках былі створаны Volksschool, якія ўпершыню ўвялі заходні тып адукацыі ў масы [7, р. 70]. У 1908 г. былі створаны галандска-кітайскія школы, а ў 1914 г. школы першага класа былі пераўтвораны ў галандска-туземныя (Hollandsch-Inlandscheschool). Толькі гэтыя два тыпы школ давалі магчымасць у далейшым атрымаць еўрапейскую сярэднюю і вышэйшую адукацыю [10, р. 9]. Агульная колькасць навучэнцаў у іх у 1914 г. складала 1308 чал. [20, р. 264].

У 1880-х гадах у Туркестанскім краі Расійскай імперыі пачаў рэалізоўвацца план стварэння руска-тубыльскіх школ. Яны спалучалі ў сабе мусульманскі мектэб і рускую школу пісьменнасці (рускі і “тубыльскі” класы). Фінансаванне гэтых школ ажыццяўлялася па змяшаным прынцыпе: часткова за кошт сродкаў адміністрацыі краю, часткова за кошт ахвяраванняў. Першая такая школа была адкрыта ў Ташкенце ў 1884 г. Усяго ў Туркестанскім краі ў 1895 г. налічвалася 23 такія школы з 447 навучэнцамі, у 1900 г. – 41 (1305 чал.), у 1906 г. – 83 (2265), у 1909 г. – 98 (3077 чал.) [1, с. 82, 320].

Такія лічбы не ідуць ні ў якое параўнанне з колькасцю каланіяльных навучальных ўстаноў у калоніях Брытаніі ці Францыі. Так толькі ў М'янме ў 1903–1904 гг. налічвалася 19716 дзяржаўных ці з дзяржаўнай падтрымкай школ, у якіх навучалася звыш 18 тысяч вучняў. Толькі за 1904–1905 гг. было адкрыта 5760 школ. Пры гэтым працавала дзяржаўнай Вышэйшая школа ў Янгоне, пры якой ў 1879 г. быў адкрыты філіял Калькуцкага ўніверсітэта [15]. У 1900 г. ў французскім Алжыры было 200 франка-арабскіх школ. У 1913 г. іх колькасць ўзрасла больш чым у 2 разы (468 школ) [6].

Мэтай дзяржаўных школ з'яўлялася навучанне дзяцей мясцовага насельніцтва мове імперыі, далучэнне да каштоўнасцей еўрапейскай культуры і культуры метраполіі, і падрыхтоўка, такім чынам, мясцовых малодшых кадраў, неабходных для бесперабойнай працы каланіяльнай адміністрацыі. Але каланіяльныя ўлады разумелі, што атрыманне адукацыі можа прывесці да росту антыкаланіяльных настрояў. Самі каланісты выказвалі перасцярогі, што тубыльцы, атрымаўшы еўрапейскую адукацыю, запатрабуюць роўнасці ў доступе да дзяржаўных пасадаў і, у канечным выніку, роўнасці ў прыняцці

палітычных рашэнняў [7, р. 68]. Напрыклад, антыкаланіяльнае іншадумства ў В'етнаме палітызавала адукацыю [19, р. 10].

Германія, якая пачала разбудоўваць сваю каланіяльную сістэму толькі ў канцы XIX ст., у працы па развіцці школ за мяжою праяўляла асноўны клопат аб сваіх дыяспарах. Пры гэтым школы не толькі звязвалі дыяспару з метраполіяй, але і былі своеасаблівым цэнтрам навуковага і культурнага ўплыву на карэннае насельніцтва. Пачынаючы з 1870 г. назіраецца істотны рост нямецкіх школ за мяжою. Калі ў перыяд з 1870 – 1890 гг. было заснавана 163 новых школ, то за наступныя 25 гадоў (1890–1914 гг.) з'явілася каля 450 школ. За некалькі гадоў да пачатку Першай сусветнай вайны нямецкія школы за мяжою адкрылі вячэрнія курсы для дарослых [5, s. 108].

У 1878 г. пры нямецкім МЗС быў створаны Імперскі фонд па садзейнічанню і падтрымцы нямецкіх школ замежжа (Reichsschulfond), праз які адбывалася размеркаванне штогадовых грантаў для пратэстанцкіх нямецкіх школ за мяжою, якія выдзяляў кароль Пруссіі, як апякун пратэстантаў, са свайго фонду ў бюджэт Германскай імперыі. Сродкі з году ў год накіроўваліся адным і тым жа шляхам у загадзя вызначаныя школы ў Лондане, Парыжы, Рыме, Бухарэсце, Канстанцінопалі, Буэнас-Айрасе і іншых гарадах [17, s. 253].

Пачынаючы з 1906 г. Германія па ўзору іншых еўрапейскіх краін пачала будаваць за мяжою змешаныя школы для карэннага насельніцтва тых рэгіёнаў, дзе распаўсюджванне нямецкай мовы і культуры лічылася важным з эканамічных і палітычных прычын, і дзе нямецкія суполкі былі занадта слабыя, каб заснаваць школы (т.зв. “прапагандысцкія школы”). Напрыклад, на Далёкім Усходзе такіх школ было адкрыта 10, на Блізкім Усходзе – 7 [5, s. 110].

У пачатку XX ст. імперыі змагаліся ў тым, хто адкрые за мяжою больш школ і ўніверсітэтаў. Пры гэтым арэнаю барацьбы станавіліся пэўныя рэгіёны. Адным з іх быў Бліжні Ўсход, дзе адбываўся распад Асманскай імперыі. Яшчэ ў 1868 г. французскі ўрад дабіўся згоды на адкрыццё першага ў гэтай краіне ліцэя ў Галата-Сараі з выкладаннем прадметаў на французскай мове [3, с. 33]. У 1914 г. ў Турцыі было каля 1000 замежных школ, у якіх навучалася каля 90 тыс вучняў. З іх 67 школ (5 тыс вучняў) было італьянскіх, 126 (10 тыс. вучняў) – англійскіх, 273 (18 тыс. вучняў) – амерыканскіх, 530 школ (54 тыс. вучняў) – французскіх і 23 школы (3 тыс. вучняў) – нямецкіх [11, s. 200].

Другім рэгіёнам быў Кітай. У 1907 г. намаганнямі Прускага Міністэрства духоўных, адукацыйных і медыцынскіх спраў быў адкрыты кітайска-нямецкі ўніверсітэт і медыцынская школа ў Шанхаі [17, s. 253]. У 1909 г. у Ціндау (правінцыя Шаньдун) адкрыўся нямецка-кітайскі ўніверсітэт [14, s. 245]. З мэтай падрыхтоўкі будучага кантынгентна студэнтаў для нямецкіх ўніверсітэтаў Міністэрства замежных спраў Германіі распачало з 1907 г. стварэнне сеткі немяцка-кітайскіх падрыхтоўчых школ (Zubringerschule). Як сцвярджае Франц Шмідт, стварэнне гэтых школ стала першым культурна-палітычным мера-

прыемствам МЗС Германіі. Школы ўтрымліваліся за кошт сродкаў Імперскага школьнага фонду, знаходзіліся ў падпарадкаванні школьнага аддзела МЗС і пад наглядом нямецкіх консулаў у Кітаі [17, s. 254].

У працівагу Германіі Францыя ў 1908 г. адкрыла ў Шанхаі франка-кітайскі ўніверсітэт [3, с. 33]. Аднак сярод сярэдніх і вышэйшых школ, якія былі заснаваны еўрапейцамі ў Кітаі, лідзіравала Вялікабрытанія, якая на 1912 г. мела 241 школу у той час, як Германія толькі 15 [18, s. 4808].

Яшчэ адной праявай культурнай прапаганды з'яўляўся “экспарт” адукацыйных сістэм і абмен навукоўцамі. Напрыклад, з 1885 г. школьная сістэма і сістэма адукацыі ў Чылі пачалі рэарганізоўвацца паводле нямецкага ўзору. У ажыццяўленні японскай «вестэрнізацыі» шырока выкарыстоўвалася дапамога нямецкіх вучоных. У вышэйшых школах было ўведзена выкладанне на нямецкай мове, а ў японскія школы былі прызначаны нямецкія настаўнікі. У 1907 г. Персія выдзеліла сродкі на стварэнне нямецкай школы для мясцовага насельніцтва. МЗС Германіі прыслала ў яе дырэктара і выкладчыкаў [5, s. 111]. У 1904 г. па просьбе аргенцінскага ўраду аб дапамозе ў стварэнні сістэмы навуковай і педагогічнай падрыхтоўкі будучых настаўнікаў усіх аргенцінскіх сярэдніх школ, у Буэнас-Айрас была накіравана група нямецкіх вучоных і педагогаў, якія склалі аснову выкладчыцкага складу заснаванага Нацыянальнага інстытута настаўнікаў сярэдняй школы (Instituto Nacional del Profesorado Secundario) [17, s. 252]. Вопыт народнай адукацыі ў Брытанскай Індыі і Французскім Алжыры ўлічвала Міністэрства народнай асветы Расійскай імперыі пры падрыхтоўцы ў 1869–1870 гг. плану пашырэння сеткі народных школ сярод народаў Паволжа, Урала, Сібіры і Крыма [1, с. 61–62].

Такім чынам, у эпоху позняга Новага часу школы стала дзейсным сродкам “цывілізатарскай місіі” культурнага імперыялізму. У калоніях укараняліся еўрапейскія сістэмы адукацыі, стваралася сетка дзяржаўных школ. Германіі асноўную ўвагу накіроўвала на адукацыю сваёй дыяспары. У пачатку ХХ ст. школа стала сродкам “мяккай сілы”, які дапамагае заваяваць эканамічны і палітычны ўплыў у пэўным рэгіёне.

Крыніцы і літаратура:

1. Бендриков, К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы) / К.Е. Бендриков. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1960. – 508 с.
2. Богомолов, С.А. Государственное управление в империях: Великобритания и Россия в XVI–XIX веках / С.А. Богомолов. – Ульяновск : УлГУ, 2007. – 335 с.
3. Косенко, С.И. Генезис и эволюция культурной дипломатии Франции на протяжении эпох / С.И. Косенко // Вестник МГИМО. – 2013. – № 4(31). – С. 29–37.
4. Филимонов, Г.Ю. Концепция «культурного империализма» в американской политической мысли / Г.Ю. Филимонов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2012. – № 1. – С. 181–184.
5. Abelain, M. Die Kulturpolitik des Deutschen Reiches und der Bundesrepublik Deutschland. Ihre verfassungsgeschichtliche Entwicklung und ihre verfassungsrechtlichen Probleme / M. Abelein. – Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 1968. – 312 s.
6. Algérie française. Education [Ressource électronique] // Wikipedia. – Mode d'accès: https://fr.wikipedia.org/wiki/Algérie_française. – Date d'accès: 04.04.2022.

7. Basu, A. Essays in the History of Indian Education / A. Basu. – New Delhi : Concept, 1982. – 105 p.
8. Delgado Criado, B. Historia de la educación en España y América: La educación en la España contemporánea (1789–1975) / B. Delgado Criado. – Madrid : Ediciones Morata. – 974 p.
9. Education in British colonies and former colonies [Electronic resource] // Britanica. – Mode of access: <https://www.britannica.com/topic/education/Education-in-British-colonies-and-former-colonies>. – Date of access: 12.04.2022.
10. Frankema, E. Why was the Dutch legacy so poor? Educational development in the Netherlands Indies, 1871–1942 / E. Frankema [Electronic resource] // Universiteit Utrecht. Centre for Global Economic History. Working paper № 54. – 2014. – 21 p. – Mode of access: <https://dspace.library.uu.nl/handle/1874/308413>. – Date of access: 14.04.2022.
11. Gencer, M. Bildungspolitik, Modernisierung und kulturelle Interaktion. Deutsch-Türkische Beziehungen (1908–1918) / M. Gencer. – Münster : Lit Verlag, 2002. – 314 s.
12. Haigh, A. Cultural diplomacy in Europe / A. Haigh. – Strasbourg : Council for Cultural Cooperation, 1974. – 223 p.
13. Indochine française. Enseignement [Ressource électronique] // Wikipedia. – Mode d'accès: https://fr.wikipedia.org/wiki/Indochine_française#Enseignement. – Date d'accès: 04.04.2022.
14. Mühlhahn, K. Herrschaft und Widerstand in der „Musterkolonie“ Kiautschou / K. Mühlhahn. – Oldenbourg : Wissenschaftsverlag, 2000. – 474 s.
15. New Sein, T. A Brief Study on the British Education Policy / T. New Sein [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.uclmyanmar.org/wp-content/uploads/2018/05/Than-Nwe-Sein.pdf>. – Date of access: 03.04.2022.
16. Reform trends [Electronic resource] // Britanica. – Mode of access: <https://www.britannica.com/topic/education/Reform-trends>. – Date of access: 12.04.2022.
17. Schmidt, F. Anfänge deutscher Kulturpolitik im Auslande / F. Schmidt // Zeitschrift für Politik. Neue Folge. – 1956. – Vol. 3, № 3. – S. 252–258.
18. Stenographische Berichte zur Verhandlungen des Deutschen Reichstags, XIII. Legislaturperiode, I. Session, Bd. 289 (von der 131. Sitzung am 3. April 1913 bis zur 150 am 26. April 1913). – Berlin, 1913. – 5203 s.
19. Jonathan, D. Contemporary Vietnam's Education System: Historical Roots, Recent Trends / D. Jonatan // Education in Vietnam / ed. J. D. London. – Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2011. – P. 1–56.
20. van Leeuwen, B. Human Capital and Economic Growth in India, Indonesia and Japan: A Quantitative Analysis, 1890–2000 / B. van Leeuwen; Universiteit Utrecht. – Utrecht : Box Press shop, 2007. – 336 p.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
ПО ОРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ АВСТРО-ВЕНГРИИ
(1914–1915 гг.)**

А.Ю. Синковец (Минск)

В начальный период Первой мировой войны русским войскам удалось занять часть территории Австро-Венгрии. В частности, в сентябре 1914 г. они оккупировали почти всю Восточную Галицию и Буковину [1, с. 216–226]. В ходе последовавшей за этим Варшавско-Ивангородской операции успех российских вооруженных сил был закреплен и вплоть до весны 1915 г. указанные территории находились под контролем России [4, с. 232–240].

В российских делопроизводственных документах периода Первой мировой войны Восточная Галиция и Буковина как объекты управления не разделялись. Как правило, речь шла о «занятых по праву войны неприятельских областях» [8]. Управление этими областями организовывалось в соответствии с Положением о полевом управлении войск в военное время, первый раздел которого определял административный статус занятых территорий противника и порядок управления ими, раскрывал вопросы взаимоотношения военных и гражданских властей, а также место генерал-губернаторов в этих процессах [9, ст. 8–16].

В соответствии с приказом Верховного Главнокомандующего в августе 1914 г. из занятых российской армией земель Австро-Венгрии было образовано новое генерал-губернаторство. В его состав вошли Львовская и Тарнопольская губернии (затем были также образованы Черновицкая и Перемышльская губернии) [3, с. 77–78].

Положением о полевом управлении войск в военное время, которое было наспех принято незадолго до начала войны, вопросы военного управления на прифронтовых территориях регулировались лишь в общих чертах, поэтому в октябре 1914 г. в составе Ставки Верховного Главнокомандующего была организована канцелярия по гражданскому управлению [10]. Это структурное подразделение явилось «звеном, установившим необходимое взаимодействие между Верховным Главнокомандующим и высшим гражданским управлением Империи», в сферу его ведения вошли:

1) вопросы гражданского управления, возникающие в отношении мирного населения по случаю военных действий;

2) мероприятия, имеющие общее по гражданскому управлению значение, но выходящие за пределы предоставленной войсковым начальствам власти;

3) предположения, относящиеся к устройству управления в занятых силой оружия неприятельских областях [8].

В августе 1914 г. на территории Львовской и Тарнопольской губерний началось формирование российских управленческих структур, которое предполагало создание новой судебной системы, назначение уездных начальников и чинов полиции. Там началось открытие школ с преподаванием на русском языке, кроме того, существенное внимание уделялось профессиональным проблемам, в частности, воссоединению униатов с православием [3, с. 115–116].

На территории же Буковины формирование русского гражданского управления во многом зависело от внешнеполитической конъюнктуры. И если территории Восточной Галиции, по мнению российского руководства, так или иначе предстояло стать частью России, то в отношении Буковины позиция была иной: не исключалась возможность передачи ее территорий Румынии взамен на вступление последней в войну на стороне Антанты. Поэтому из всех подразделений Ставки Верховного Главнокомандующего вопросами, связанными с судьбой Буковины, наиболее активно занималась дипломатическая канцелярия. В частности, ее старший секретарь

камер-юнкер В.Н. Муравьев, который был откомандирован в Буковину с целью «налаживания отношений» и разъяснения, что «вопрос о будущей границе подлежит еще рассмотрению» [6, с. 252].

Отношение местного населения Австро-Венгрии к российской оккупационной власти во многом зависело от конкретной территории. Так, Галицию чины российской администрации называли краем, «чуждым нам духовно», а население Буковины маркировалось ими как дружелюбное. Относительно последнего В.Н. Муравьев сообщал в Ставку: «Здесь начинается сплошь православное население. Здесь чувствуется новое звено между нами и ими, особенно в разговоре со священниками. Здесь особенно подчеркивается освободительный характер войны, хотя население еще не уверено вполне в прочности нашего завоевания и боится высказываться» [3, с. 116].

Однако, создать единую систему гражданского управления и проводить какие-либо политические мероприятия, как это было в Галиции, в Буковине не удалось. «Постоянное передвижение войсковых частей с чередовавшимися занятием и очищением довольно значительных территорий само по себе лишало возможности устанавливать какое-либо определенное и твердое управление, а потому главная и подчас исключительная задача администрации лежала в поддержании возможного порядка в населении и в исполнении требований войсковых частей» – отмечал губернатор С.Д. Евреинов [11, с. 129].

Последовавшее осенью 1914 г. отступление русских войск с территории Буковины вызывало беспокойство Ставки Верховного Главнокомандующего. Там отмечали, что «...отступление и сдача города Черновцы крайне нежелательны с точки зрения наших политических интересов. Румыния учитывает здесь каждое наше движение, и главным доводом наших сторонников в Бухаресте является именно присутствие здесь наших войск. Уход последних произведет крайне неблагоприятное впечатление, и агитация в пользу присоединения к нам значительно потеряет силу» [3, с. 119].

Впрочем, после того, как русские войска вновь перешли в наступление, тональность разговоров кардинально изменилось, и В.Н. Муравьев телеграфировал в Ставку, что «не следует опасаться излишней жестокости наших военных и гражданских властей», ведь строгие меры «необходимы, так как нет суда». Также он отмечал, что «система заложников дала уже хорошие результаты» и что удерживать евреев и украинцев «нашими сторонниками в оставленных областях» можно «только страхом кары при нашем возвращении» [6, с. 423–424].

Несмотря на отступление русских войск, вопрос об организации управления Буковиной продолжал обсуждаться в Ставке. Особое внимание начальник Штаба Верховного Главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич обращал на проблему румынского населения. По этому поводу он отправил запрос генерал-губернатору Восточной Галиции Г.А. Бобринскому. Тот ответил: «Буковина должна быть поделена на 13 уездов, но население трех из них румынское, и я еще не выяснил вопроса, должны ли мы в них ввести русскую гражданскую администрацию» [3, с. 119].

Смешанный состав населения Буковины и возможный раздел буковинской территории между Российской империей и Румынией требовали крайне осторожно относиться к проблеме будущего разграничения. Поэтому В. Н. Муравьеву было поручено определить реальный состав проживающего там населения. Он подготовил записку под названием «Будущее русско-румынское разграничение», где отмечал, что в состав России должна была быть включена территория Буковины в составе Заставненского, Коцманского, Черновецкого, Вашковецкого, Вижницкого, Стороженецкого, Серетского, Селятинского уездов, а также части Радовецкого, Кимполунгского и Сучавского уездов [7, с. 408].

Кроме того, В. Н. Муравьев предлагал создать румынскую милицию из местных жителей, а затем расширить функции этой организации, передав ей управление румынскими местностями. Предложение Муравьева в Ставке не поддержали. В МИД к нему также отнеслись весьма сдержанно, поддержав создание из буковинских румын милиции для сохранения порядка, и отклонив планы введения румынского самоуправления. По мнению министра иностранных дел России, нельзя было преждевременно обеспечивать интересы Румынии в Буковине, иначе у румынского правительства создастся впечатление, что «румынские интересы в Буковине будут обеспечены и без вмешательства Румынии» в войну на стороне Антанты [3, с. 119].

В начальный период войны не была окончательно решена и судьба Галиции. Военные успехи русских войск активно разыгрывались различными политическими группировками, что нашло свое проявление в диаметральных подходах к оценке политических перспектив территорий, которые находились под контролем русской армии. Фактически речь шла о том, войдут ли территории Галиции в состав русской Польши или будут развиваться как часть России. Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, на которого делала ставку думская оппозиция, считал, что стержнем развития западных территорий, входивших и вошедших в состав Российской империи, станет их дальнейшая автономизация как некая плата за лояльность в ходе войны. Это касалось как русской Польши, так и территории Галиции. Император Николай II, наоборот, склонялся к мысли продолжить политику Александра III и Николая I по интеграции территорий Галиции в состав Российской империи. При этом каждый из них отчетливо понимал крайне неустойчивый статус вновь обретенных территорий в ситуации «тумана войны», что подтвердило дальнейшее развитие событий [5, с. 206–207].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что верховное военное и политическое руководство России оказалось не подготовлено к решению вопросов, связанных с организацией управления на оккупированных территориях Австро-Венгрии в период Первой мировой войны. Оно имело весьма смутные представления о реальной этнической и конфессиональной ситуации в указанных регионах, а также о политических симпатиях местного населения. Кроме того, следует констатировать, что соответствующие управленческие механизмы и институты Российской империи также не были готовы к

началу войны. Как следствие, политику в отношении Восточной Галиции и Буковины российскому руководству приходилось корректировать из Ставки Верховного Главнокомандующего прямо по ходу ведения боевых действий, что не могло не сказаться на качестве проводимых мероприятий.

Источники и литература:

1. Айрапетов, О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войны (1914–1917): 1914. Начало / О.Р. Айрапетов. – М. : Кучково Поле, 2015 – 637 с.
2. Бахтурина, А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны / А.Ю. Бахтурина. – М. : АИРО-XX, 2000. – 263 с.
3. Бахтурина, А.Ю. Формирование гражданского управления в Буковине в документах Ставки Верховного Главнокомандующего и МИД Российской империи в 1914–1915 гг. / А.Ю. Бахтурина // Русин. – 2019. – Т. 56. – С. 110–125.
4. Зайончковский, А.М. Мировая война. 1914–1918 гг. : в 2 т. / А.М. Зайончковский. – М. : Воениздат, 1938. – Т. 1. – 388 с.
5. Зимин, И.В. Николай II в Галиции в 1915 г.: вместе или врозь / И.В. Зимин, А.Р. Соколов, С.Г. Суляк // Русин. – 2016. – № 4 (46). – С. 205–216.
6. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. / Комис. при ЦИК СССР по изд. док. эпохи империализма ; М.Н. Покровский (пред. комис. и гл. ред.) [и др.]. – М.: Л. : Гос. соц.-экон. изд-во. – Серия III : 1914–1917 гг. – Т. 6 : 5 авг. 1914 г. – 13 янв. 1915 г. – Ч. 1 / подготовил к печати А. Л. Попов при участии Б.Я. Галиной и В.В. Альтмана. – 1935. – XIX, 481 с.
7. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войне : сб. док. / М-во иностр. дел Рос. Федерации ; редкол. С.В. Лавров (пред.) [и др.]. – Тула : Аквариус, 2014. – 960 с.
8. Отчет по гражданскому управлению при Штабе Верховного Главнокомандующего за первые шесть месяцев войны. Фотокопия // Барановичский краеведческий музей. – НВФ № 7968. – 68 с.
9. Положение о полевом управлении войск в военное время. – СПб.: Воен. тип., 1914. – 154 с.
10. Приказ Верховного Главнокомандующего № 86 от 3 октября 1914 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1.
11. Раздорский, А.И. «Краткий отчет по управлению Черновецкой губернией» в 1914–1915 гг. губернатора С.Д. Евреинова как исторический источник / А.И. Раздорский // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Исторические науки». – 2016. – Т. 2(68), № 3. – С. 124–137.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЖИВОПИСИ И ВИЗУАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЕ

С.Ф. Свилас, Д.В. Полуйко (Минск)

Став трагическим прологом XX века, Первая мировая война изменила предназначение искусства: оно превратилось в «сейсмограф», регистрирующий подземные толчки потрясений. Искусство ощутило глубину назревающих перемен задолго до наступления трагических событий и зафиксировало предчувствия творческой интеллигенции вспышкой новых, разнообразных по устремлению художественно-эстетических тенденций [6]. В работах авторов военного времени нашли отражение как впечатления от войны, так и острота переживаний.

Ряд художников рассматривал войну в метафорическом смысле, как естественный процесс обновления и катарсис, способный привести к мировой революции. Итальянские футуристы во главе с Филиппо Томмазо Маринетти в «Манифесте футуризма» (1909 г.) утверждали: «Красота может быть только в борьбе <...> Мы будем восхвалять войну – единственную гигиену мира, милитаризм, патриотизм, разрушительные действия освободителей, прекрасные идеи, за которые не жалко умереть <...>» [6, с. 476].

Другой лагерь деятелей искусства выступал против войны. Основоположник сюрреализма француз Андре Бретон выражал презрение «немыслимо жалкому восторгу», а нидерландский художник и теоретик искусства Тео ван Дусбург опасался, что война приведет к победе грязи и лицемерия над «духовным, благородным миром» [2, с. 105].

Большинство сторонников идеи о необходимости и неизбежности мировой войны к середине 1915 г. изменили свою позицию. По возвращению в мастерские «лишенные кистей художники», по выражению Пауля Клее, были вынуждены прибегать к мобильным форматам и простым техникам [7, с. 573]. Под влиянием нового опыта художественные методы становились более ориентированными на реальность, которая требовала новых экспериментальных средств.

Один из наиболее ярких примеров нового типа живописи – картина швейцарского художника-графика Феликса Валлотона «Верден: интерпретация войны живописью, раскрашенной черными, красными и голубыми прожекторами, разрушенной землей, облаками газа». В этой работе автор использует приемы кубофутуризма, создав почти абстрактное произведение, построенное на столкновении разнонаправленных световых и цветовых потоков, прорезающих темное небо над окопами [2, с. 133].

«Великую войну» называют «окопной» из-за разветвленной сети подземных траншей и переходов. Картина британского портретиста Уильяма Орпена «Зипваль» стала своеобразным памятником «окопной» войне. Она построена на контрасте безмятежности солнечного дня и ужасов войны: разбросанные взрывами остовы машин, железные прутья, истлевшая одежда, ружья и каски, кости и человеческие черепа – страшные напоминания о насильственной и бессмысленной смерти.

Первая мировая война поражала современников своим «техницизмом». Восторженное отношение к технике как символу прогресса сменяется страхом перед могуществом смертоносных машин. В картине английского художника и теоретика искусств Перси Уиндема Любиса «Канадская бригада» drobный ритм геометрических линий маскировки, жесткие силуэты фигур, безликий и холодный ряд снарядов создают настроение тревожного ожидания. На полотне «Обстрел артиллерийской батареи» воронка от упавшего снаряда выглядит открытой могилой, в которую кладут погибшего артиллериста [2, с. 167].

Во время «Великой войны» воплощением охватившего Европу апокалипсиса стал образ мчащегося всадника. Он восходит и к древней римской истории, и к образам средневековых рыцарей, а также к христианскому

мотиву эсхатологического всадника – вестника Судного дня. Одна из наиболее известных работ такого рода – картина итальянского художника и скульптора Умберто Боччони «Кавалерийская атака улан», выполненная в смешанной технике живописи темперой и коллажа из фрагментов газет и плакатов. Автор вдохновился реальным событием – ожесточенным сражением между французской и немецкой конницами в Эльзасе в 1914 г. [1].

Война нового типа предполагала и новые правила игры, важнейшую роль стали играть визуальная пропаганда и контрпропаганда. В системе пропаганды были задействованы как традиционные визуальные формы (журнальная и газетная графика), так и новые возможности: репортажная фотография, военная кинохроника, выставки фотографий и рисунков с полей сражений [3, с. 156].

В карикатурах военного времени использовались приемы, наиболее доступные для массового восприятия. Активно привлекалась «риторика враждебности», приводящая к конструированию фобий, воспроизведению исторически сложившихся стереотипов, традиционных клише массового сознания [1]. Языком визуальных образов формировался образ врага, прославлялись героизм и самопожертвование, осознание своего долга перед нацией, взаимопомощь и патриотический порыв.

Наибольших успехов в пропагандистской войне добились страны Антанты, более последовательно и целенаправленно проводившие психологические и идеологические атаки. Среди лидеров Антанты по размаху и результативности агитации первые позиции занимала Великобритания [8, с. 199]. Британскому политическому плакату были присущи гибкость и целенаправленная мотивация, эффективно воздействовавшие на разные слои населения.

Общественное мнение в России формировалось на основе идей великодержавного превосходства и имперского единства. Популярным стало обращение к страницам воинской славы России. Цели войны понимались метафорически: «война Востока и Запада», «столкновение креста и меча». Широкое распространение получила идея славянской солидарности, звучали призывы помощи братским народам Сербии и Черногории.

Во Франции пропаганда строилась на идеях реванша за проигранную войну 1870–1871 гг., а патриотически настроенная интеллигенция приветствовала призывы возвращения утраченных в той войне Эльзаса и Лотарингии, что вызывало во французском общественном мнении небывалый патриотический подъем.

В агитационной продукции входивших в Антанту стран широко использовались государственные символы: изображения гербов, знамен, фотографий глав правительств, царствующих особ и членов их семей. Так, во Франции обычно издавались открытки с фотографией президента Раймона Пуанкаре, в России большими тиражами выпускалась агитационная продукция с фотографиями Николая II и членов его семьи, в Великобритании – плакаты и открытки с изображением короля Георга V. Не меньшее распространение получили плакаты и открытки с фотографиями глав союзных правительств [10, с. 78]. По мере расширения Антанты добавлялись фото-

графии глав правительств Бельгии, Италии и Японии на фоне государственной символики этих стран.

Если обратиться к немецкой и австрийской агитационной продукции периода «Великой войны», то можно выделить ряд тенденций, характерных для визуальной пропаганды блока Центральных держав. Так, в начальный период войны основное внимание уделялось прославлению императоров Вильгельма II и Франца Иосифа, их соратников, утверждению справедливости войны со стороны Берлина и Вены, превосходства духа немецкого и австрийского народов. Одним из первых плакатов был лаконичный, лишенный каких-либо изображений, кроме имперских знамен, плакат, на котором были приведены слова Вильгельма II: «Я не знаю другой партии, кроме немецкой!», произнесенные им 4 августа 1914 г.

Не меньшее значение в визуальной агитации играла пропаганда союзнических отношений Германии и Австро-Венгрии. В плакаты с фотографиями императоров Вильгельма II и Франца Иосифа I включали также изображения солдат их армий, пожимающих друг другу руки (плакат «Истинный союз!»). Риторическая составляющая имела большое значение в политической пропаганде, что нашло отражение, например, в открытке «Верность на верность!», на которой в традициях символизма на пьедестале Славы, взявшись за руки, стоят два императора, а у подножия монумента лев терзает гидру Антанты [8, с. 101].

В разгар войны, в 1916 г., был выпущен плакат в духе политических аллегорий: «Зачинщиков мирового конфликта – к мировому суду!», на котором злу насилия и разрушения, воплощенному в образах России, Франции, Бельгии и Великобритании, противостоит воинство мира во главе с двумя императорами – Вильгельмом II и Францем Иосифом I, а над ними небесный воин грозит мечом лагерю противников [5, с. 117].

Сатирические листки и открытки, как и карикатуры, были популярны во всех воюющих странах. В немецкой сатирической графике острие сатиры направлялось против главных противников – Великобритании, Франции, России и их союзников – Сербии, Италии, Японии, а после 1917 года – США. Их образы легко считывались: длинноногий англичанин; русский – обязательно бородатый и с красным носом; француз – щуплый и невысокий; японец – маленький и косоглазый [10, с. 93].

В Германии для первых месяцев войны были характерны мобилизационные плакаты, темы национального единства и прославления императора как вождя нации и отца Отечества. По мере ожесточения военных действий, возрастания числа жертв и разрушений сменяется пропагандистская направленность визуальной агитации. Император все чаще выступает как мудрый полководец, скорбящий о потерях своего народа (открытки «Кайзер на фронте», «Кайзер скорбит у солдатских могил»).

Австрийский агитационный плакат по тематике и набору пропагандистских лозунгов имел ту же направленность, что и немецкая агитационная продукция. Вместе с тем в австрийских плакатах была усилена имперская составляющая; они не так прямолинейны в своем пропагандистском посыле,

как немецкие плакаты. Особое внимание уделялось тексту и смысловой аллегории; агитационная продукция ярче и интересней в живописном отношении, в ней типографика и визуальный образ составляли художественное целое.

1914–1918 гг. историки называют «зоной социальных катастроф»: по оценке С. Цвейга, рухнул «золотой век устойчивости» [3]. «Великая война» унесла миллионы жизней, изменила психологию личности, породила духовно сломленных людей «потерянного поколения. Всё это отразилось на искусстве – барометре «общественной» температуры. Изобразительное искусство выступает в качестве источника информации о внутреннем состоянии художника и позволяет проследить эволюцию психологии личности во время Первой мировой войны [6].

Таким образом, в годы «Великой войны» разрабатывались новые методы и способы ведения борьбы: к политическим и экономическим тактикам добавилась информационная война. Вводились в практику методы и принципы пропаганды, направленные на психологическое воздействие. Большую роль в этом играли визуальные источники информации, способные в короткие сроки внедрить в сознание масс необходимые идеи.

Источники и литература:

12. Голикова, А.А. Первая мировая война в изобразительном искусстве Западной Европы (глазами современников) [Электронный ресурс] / Г.А. Голикова // Идеи и идеалы. – 2018. – Режим доступа: <https://www.kubsu.ru/sites/default/files/users/5574/portfolio/golikova.pdf>. – Дата доступа: 04.03.2022.

13. Дажина, В.Д. «Великая война» (1914–1918) и судьбы европейского искусства / В.Д. Дажина. – М.: БуксМАрт, 2014. – 227 с.

14. Еременко, Г.А. Трагический след Первой мировой войны в европейском искусстве и музыке [Электронный ресурс] / Г.А. Еременко // Идеи и идеалы. – 2014. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tragicheskiy-sled-pervoy-mirovoy-voyny-v-evropeyskom-iskusstve-i-muzyke/viewer>. – Дата доступа: 01.03.2022.

15. Ефимова, Е.А. Художники в Первой мировой войне. Письма / Е.А. Ефимова, И.И. Голицын, И.Д. Шаховский. – СПб.: Грант Президента РФ, 2013. – 488 с.

16. Зименко, Е.В. Хроника и плакаты Первой мировой войны / Е.В. Зименко. – М.: Delibri, 2014. – 124 с.

17. Кондрашова, Е.И. Искусство в период Первой мировой войны / Е.И. Кондрашова // Война и мир в отечественной и мировой истории : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечеств. войне, Санкт-Петербург, 27 марта 2020 г. : в 2 т. / С.-Петерб. гос. ун-т пром. технологий и дизайна ; В. М. Доброштан (гл. ред.) [и др.]. – СПб, 2020. – Т. 2. – С. 472–478.

18. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Изд-во Московского университета, 2014. – 832 с.

19. Первая мировая война. 1914–1918 / под ред. А.В. Лакс. – СПб. : ФГБУК Государственный русский музей, 2014. – 224 с.

20. Рыбакина, В.В. Патриотическая и пацифистская живопись как отражение ужаса Первой мировой войны в искусстве современников / В.В. Рыбакина // Современная наука: идеи, которые меняют мир : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Брянск, 22–23 нояб. 2018 г. : в 2 ч. / Брян. гос. ун-т ; редкол.: Н.В. Матяш [и др.]. – Брянск, 2018. – Ч. 1. – С. 68–72.

21. Шольте, Ф.И. Гримасы войны 1914–1915 гг. Плакаты, карикатуры, лубки / Ф.И. Шольте. – Л.: Издание Акционерного общества «Биохром», 1916. – 112 с.

РАЗДЕЛ 4
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД И ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1918–1945 гг.)

ВЕРСАЛЬСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА
В ЮЖНОЙ (СЛОВЕНСКОЙ) КАРИНТИИ (1918–1920 гг.)

А.П. Сальков (Минск)

К началу XX в. предпосылки словенско-австрийского национально-территориального конфликта окончательно вызрели. Еще первая имперская перепись 1846 г. говорила, что из 113 тыс. чел. населения края словенцы составляли 103 тыс. (91,2%). Однако немецкая прослойка по причине германизации миграции росла огромными темпами, особенно в городах, в первую очередь, в Клагенфурте (*словен.* Целовец). Поэтому из-за быстро меняющихся национальных пропорций населения и его смешанного проживания определение этнической границы в Каринтии представлялось затруднительным [1, л. 87].

После заявления всех словенских партий от 27 мая 1918 г. о праве народа на самоопределение, 16 августа был образован Народный совет словенских земель в Любляне, а 6 октября – Загребское национальное вече, которое возглавил руководитель Всесловенской народной партии Антон Корошек. Государство словенцев, хорватов и сербов (ГСХС), выделившееся из Австро-Венгерской монархии, существовало с 29 октября по 1 декабря 1918 г. [7, с. 199–203].

В условиях разгоревшейся пограничной войны между словенцами и австрийцами, 31 октября начало работать Национальное правительство в Любляне – первый в истории народа собственно словенский орган власти. Его председателем был Иосип Погачник [10, с. 12–16]. На первом заседании комиссар внутренних дел Янко Брејц предложил занять словенскую часть Каринтии [20, с. 53–58].

ГСХС, не имея международного признания, не обладало четкими границами, что осложняло его международное положение [16, с. 61–76]. Однако правительство 16 ноября приняло особый указ об управлении в переходный период, который был опубликован 21 ноября 1918 г. В нем перечислялись все подчиненные территории, включая Каринтию и Штирию [20, с. 114]. Указ был разработан Иваном Жолгером (с августа 1917 по май 1918 г. являлся австро-венгерским министром без портфеля с задачей подготовки проекта федерализации Дунайской монархии, став первым словенцем, и вообще славянином, занявшим столь высокое положение в Вене) [16, с. 166].

Картографический анализ показывает, что северная граница (в Каринтии) включала полосу к югу от Дравы (*нем.* Драу) и ее правого притока Зильи (*нем.* Гайль), сливавшихся у г. Бельяка (*нем.* Филлах). Эта полоса включала г. Ферлах (*словен.* Боровлье), Блайбург (*словен.* Плиберк) и даже южные пригороды г. Фелькермаркт (*словен.* Великовец) на северном берегу Дравы.

Северо-восточная граница (в Штирии) включала часть Радгонского треугольника с г. Радгона (*нем.* Радкерсбург) и два поселка в общине Шентиль (*нем.* Св. Игиди). Немецкое население этих областей, которое считало справедливой границей будущей Австрии линию Дравы, включая целиком г. Марибор (*нем.* Марбург-ад-дер-Драу), лежавший на обоих берегах реки, выступило против требований словенцев, сформировав ополчение [6, с. 280].

События в Каринтии развивались вяло. Каринтийский ландтаг 25 октября 1918 г. принял решение о неделимости края. Малочисленный отряд майора Альфреда Лаврича, собранный в ноябре в условиях беспрецедентного безразличия словенского населения занял Боровлье и территорию только по южному берегу Дравы. Река и была 23 ноября признана временной линией демаркации [17, с. 49–82].

Решительные меры по вооруженной защите словенской границы были приняты только в Штирии [22, с. 196–198]. 22 ноября в Вене был принят закон о границах, оставлявший спорные земли в составе Австрии. Словенское ополчение во главе с полковником словенцем Рудольфом Майстером 23–25 ноября 1918 г. заняло Марибор, Дравоград (*нем.* Унтердраубург), Великовец, Шентиль севернее Дравы. 27 ноября было подписано соглашение о временной границе, которая на данном участке была близка к современной. Однако она не была одобрена в Вене и Любляне [5, с. 496–497]. После этого прошли локальные бои в районе Лучане (*нем.* Лойчах), в Радгоне, в общине Собота (*нем.* Зобот). Штирийские власти в Граце и Провинциальное правительство Словении благодаря усилиям Р. Майстера 13 февраля 1919 г. подписали соглашение в Мариборе, которое определило «мариборскую линию» раздела Штирии [23, с. 81–87, 120–122; 17, с. 83–119].

Из-за разногласий в кабинете И. Погачника о размерах словенской части Каринтии вопрос о границе на данном участке остался открытым. Австрийские власти сформировали из местных немцев «Каринтийскую отечественную гвардию» и во второй половине декабря предприняли наступление, угрожая Дравограду. 19 января было подписано перемирие по линии прекращения огня [10, р. 65–67].

Эти события разворачивались на фоне образования 1 декабря 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), в которое вошло Государство СХС. Правительство в Любляне было расформировано. Центральная власть создала местное правительство Словении. Дольше всего его возглавлял Янко Брейц. В августе 1921 г. фактическая автономность Словении была прекращена, а в декабре 1924 г. все местные органы власти были расформированы [10, р. 42–50].

Накануне Парижской мирной конференции 1919 г. (ПМК) глава сербской военной миссии в Париже генерал Петар Пешич подготовил пакет документов обо всех границах страны. В том числе справку о значении границы с Австрией (29 декабря 1918 г.) и ее описание в районе Каринтии и Штирии (3 января 1919 г.) [24, с. 317–319].

В основу версальских подходов к демаркации границ были положены достижения видных европейских политологов – представителей немецкой

(Фридрих Ратцель, Карл Хаусхофер) и французской (Поль Видаль де ла Блаш, Жан Брюн) школ. Позиция делегации КСХС базировалась на югославистских идеях сербского этнографа Еврема Груича [4, с. 71–74]. В числе четырех полномочных делегатов находился и член правительства Словении Иван Жолгер. Среди консультантов был основатель научной балканистики, автор исследования «Северная граница южных славян» серб Йован Цвиич [13].

Программа «Четырнадцать пунктов» президента США Вудро Вильсона (январь 1918 г.), укрепила надежды словенцев на справедливое определение своих границ на основе этнического принципа [19]. Словенские политики внесли вклад в процесс выработки северных границ КСХС. Особенно выделялся Л. Эрлих, признанный знаток истории Каринтии и участка границы с Австрией. Он подготовил три документа – меморандумы «Проект о Целовце» и «Руины словенской нации», брошюру «Каринтия» [4, с. 74–76]. В этих документах и своей корреспонденции Эрлих всесторонне обосновал право Словении на всю Каринтию с Целовцом [17, с. 110–118].

18 февраля И. Жолгер изложил ПМК претензии в Каринтии – на всю Целовецкую долину с Целовцом и Бельяком, а также в Штирии – на Радгону. Он делал упор на исторические аргументы, оспаривая австрийскую этническую статистику. Затем югославы долгое время упорно настаивали на отказе от уже витавшей идеи плебисцита в Каринтии и предлагали договорной раздел края [14, с. 126–127].

Эксперт югославской делегации словенец И. Шwegел добился двух аудиенций (25 апреля и 5 июня 1919 г.) у В. Вильсона. Апеллируя к мнению 200 тысяч словенцев в США, он продвигал идею передачи КСХС части Каринтии без плебисцита [18, с. 700–707].

29 апреля словенские отряды предприняли авантюрное наступление, однако были отброшены австрийскими частями. 26 мая рабочий орган ПМК сообщил, что не в состоянии из-за противоречий принять решение по каринтийской проблеме. Это спровоцировало крупное наступление уже регулярных югославских войск, которые 28 мая – 6 июня 1919 г. заняли всю Целовецкую долину с Клагенфуртом. Совет четырех вынес решение о выводе войск, но Белград отказался его выполнить. Предложение КСХС о разделе Каринтии было отклонено, озвучен проект мирного договора с Австрией [23, с. 196–228].

Боевые действия сопровождались интригами на ПМК. 12 мая Совет четырех решил провести границу по гряде Караванке, а судьбу Целовецкой долины решить плебисцитом. Югославская делегация выдвинула свой вариант границы (его разработали И. Жолгер, Л. Эрлих) с разделом всей территории Каринтии на две части, но он был отклонен. 30 мая было принято решение о плебисците во всей Целовецкой равнине. Однако 4 июня после югославских протестов Совет четырех разделил равнину на две зоны [5, с. 500; 2, с. 7–8].

Тем самым сложилась концепция плебисцита в Каринтии – в югославской зоне «А» (1770 кв. км и 73,5 тыс. чел. населения, из которых более 62% говорили по-словенски) и австрийской зоне «Б» (Клагенфурт с округой, 350 кв. км). В случае победы югославы в зоне «А», следовало провести плебисцит и в зоне «Б». В случае же победы австрийцев в зоне «А» плебисцит считался завершенным [15].

Что касается Штирии, то здесь сохранялась «мариборская линия» февраля 1919 г. Однако Австрия потребовала плебисцита в трех зонах Штирии. 11 августа югославы нотой И. Жолгера и Л. Эрлиха отклонили это требование. Австрийская делегация 25 августа с помощью итальянцев убедила Совет четырех все же провести плебисцит в Штирии. Однако КСХС при поддержке французов уже 29 августа смогла переубедить Совет четырех – решение о плебисците было отменено, «мариборская линия» утверждена, что подтверждало принадлежность КСХС словенской этнической части Штирии по р. Муре, за исключением Лучане и Радгонского треугольника [12, s. 358–363].

10 сентября 1919 г. в Сен-Жермен-ан-Ле был подписан мирный договор с Австрией, который закрепил границу на Штирии. В Каринтии, где по-прежнему находились югославские войска, предписывался плебисцит. Белград долго отказывался подписывать договор и сделал это только 5 декабря [9, с. 141–143]. После ратификации договора 16 июля 1920 г. началась непосредственная подготовка плебисцита, требовавшая демилитаризации края. Из зоны «Б» югославские части были выведены 31 июля, из зоны «А» – 30 сентября [14, s. 139–141].

10 октября 1920 г. состоялся плебисцит в этнически словенской зоне «А», разделенной на четыре округа, который дал неожиданный результат. За присоединение к Австрии высказалось 59,1% голосовавших, к КСХС – 40,9%. Как следствие, потребность в плебисците в этнически немецкой зоне «Б» отпала. Полученный итог означал, что за Австрию проголосовали все немцы и 40% словенцев. Из 37,3 тыс. всех принявших участие в плебисците проавстрийское большинство составило 6,7 тыс. человек. В двух округах зоны «А» – Фелькермаркт и Ферлах – существенный перевес получили сторонники Австрии, соответственно 77,3 и 56,3%. В двух других округах – Блайбург и Розег (*словен.* Рожек) – с незначительным перевесом победили сторонники КСХС, соответственно 51,0 и 53,9% [21; 2, с. 8–11]. Сразу по объявлении результатов Белград предпринял импульсивный акт отчаяния. 15 октября два батальона вошли в зону «А», мотивируя это необходимостью наведения там порядка. Под давлением Запада югославы обрели вменяемость и 27 октября отозвали свои части [14, s. 141].

Причины, казалось бы, нелогичного поражения КСХС на плебисците были связаны с рядом как глобальных обстоятельств, так и конкретных условий. Англо-французские настроения на ПМК обусловили принятие решений не столько в пользу Австрии, сколько против КСХС. Это отвечало целям изменения баланса сил на Балканах и понижения потенциала крупного югославянского государства. На всех этапах развития каринтийского вопроса Италия оказывала Австрии безусловную поддержку. Организаторы плебисцита использовали манипуляции с границами всей Каринтии и двух ее плебисцитных зон. Политический центр КСХС находился в православной Сербии, что вызывало настороженность католического словенского населения края. Насилие югославской стороны во время оккупации Каринтии в мае 1919 – сентябре 1920 г. отвратило каринтийских словенцев. Они учитывали угрозу призыва в королевскую армию. На словенских крестьян

было оказано экономическое давление путем проведения границы зоны «Б» почти у пригородов Клагенфурта, что отрезало в случае раздела Каринтии его словенский хинтерланд от основного рынка сбыта сельскохозяйственной продукции [6, с. 285–287].

Версальская югославо-австрийская граница формировалась на основе не только этнических и исторических аргументов, но и с учетом природно-географических принципов разграничения в горной местности по водораздельным хребтам. Значительная часть каринтийской границы была проведена по горному хребту Караванке, но она конфликтовала с этнографической границей в Каринтии, поэтому 100 тыс. словенцев (более 30% населения края остались в Австрии). Однако дальше к востоку граница шла поперек старой Штирии, но уже в соответствии с этнографическим размежеванием в этой провинции [3, с. 115–117]. Невзирая на множество изъянов в проведении плебисцита в Каринтии, в современной литературе он расценивается как хвалебный пример «прямой демократии в действии» [11, р. 15–21]. Итоги урегулирования в Южной Каринтии вызывали определенный интерес советской дипломатии в межвоенный период [8].

Источники и литература:

1. Архив внешней политики РФ. – Ф. 0431/IV. Оп. 4. П. 3. Д. 3. Л. 87.
2. Доленц, Ј. Словеначка Корушка и Париски диктат / Ј. Доленц. – Београд : Глас, 1949. – 46 с.
3. Мальшина, К.В. Державний кордон першої Югославії (1918–1924) та його словенська ділянка: історико-географічні виміри / К.В. Мальшина // Історія торгівлі, податків та мита : зб. наук. праць. – Дніпропетровськ, 2013. – № 2 (8). – С. 108–117.
4. Мальшина, К.В. Державний кордон першої Югославії (1918–1924) та його словенська ділянка: теоретичні засади встановлення / К.В. Мальшина // Історія торгівлі, податків та мита : зб. наук. праць. – Дніпропетровськ, 2014. – № 1 (9). – С. 67–77.
5. Пилько, Н.С. Роль личности в истории: Рудольф Майстер / Н. С. Пилько // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2015. – С. 489–503.
6. Сальков, А.П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949) / А.П. Сальков. – Минск : БГУ, 2019. – 743 с.
7. Сальков, А.П. Югославо-австрийский конфликт в Южной Каринтии и словенских районах Штирии (ноябрь 1918 – октябрь 1920) / А.П. Сальков // Внешнеполитические интересы России: история и современность : сб. матер. III Всероссийской научной конференции, Самара, 29 апреля 2016 г. – Самара : Самар. гуманитар. акад., 2016. – С. 182–192.
8. Сальков, А.П. Региональная проблема Каринтии и Штирии в советских внешнеполитических интересах (октябрь 1920 – июнь 1941) / А.П. Сальков // Внешнеполитические интересы России : сб. матер. IV Всероссийской научной конференции, Самара, 28 апреля 2017 г. – Самара : Самар. гуманитар. акад., 2017. – С. 199–210.
9. Филимонова, А.И. К вопросу о влиянии внешнего фактора на внутреннюю нестабильность югославянского государства / А. И. Филимонова // Восточная Европа после Версаля. – СПб : Алетея, 2007. – С. 137–149.
10. Balkovec, V. Prva slovenska vlada 1918–1921 / V. Balkovec. – Ljubljana : Znanstveno in publicistično središče, 1992. – 191 s.
11. Cede, F. The Plebiscites in Carinthia and Sopron-Ödenburg after World War I – two Cases of Direct Democracy in Action / F. Cede // Direct Democracy and Minorities. – Wiesbaden: Springer VS, 2012. – P. 15–21.

12. Grafenauer, B. Slovenska Koroška v diplomatski igri leta 1919: vprašanje jugoslovansko-avstrijske meje na pariški mirovni konferenci / B. Grafenauer // Koroški plebiscite. – Ljubljana : Slovenska matica, 1970. – S. 295–378.
13. Himmelreich, B. Slovenci in pariška mirovna konferenca 1919–1920 / B. Himmelreich // Celjski zbirnik. – № 30, št. 1 (1994). – S. 135–158.
14. Kardum, L. Diplomatska borba za Koroško na Pariškoj mirovnoj konferenciji 1919. Godine / L. Kardum // Politička misao: Croatian Political Science Review. – Vol. XXXVIII (2001). Br. 1. – S. 125–142.
15. Lipušček, U. Ave Wilson: ZDA in prekranje Slovenije v Versaillesu 1919–1920 / U. Lipušček. – Ljubljana : Sophia, 2003. – 395 s.
16. Perovšek, J. Slovenska osamosvojitve v letu 1918: študija o slovenski državnosti v Državi Slovencev, Hrvatov in Srbov / J. Perovšek. – Ljubljana : Modrijan, 1998. – 192 s.
17. Perovšek, J. «V zaželjeni deželi»: slovenska izkušnja s Kraljevino SHS/Jugoslavijo: 1918–1941 / J. Perovšek. – Ljubljana : Inštitut za novejšo zgodovino, 2009. – 314 s.
18. Rahten, A. Dr. Ivan Schwegel in jadransko vprašanje na pariški mirovni konferenci / A. Rahten // Acta histriae / Zgodovinsko društvo za južno Primorsko – Koper. 2010. – № 3 (18). – S. 691–712.
19. Reissner, W. The Black Book: Woodrow Wilson's Secret Plan for Peace / W. Reissner. – Lanham, Md. : Lexington Books, 2012. – 214 p.
20. Sejni zapisniki Narodne vlade Slovencev, Hrvatov in Srbov v Ljubljani in Deželnih vlad za Slovenijo: del 1–3. – Ljubljana : Arhiv Republike Slovenije, 1998–2002. – Del 1 : Od 1. nov. 1918 do 26. feb. 1919. 1998. – 415 s.
21. Sienčnik Luka. Koroški plebiscit 1920. – Maribor : Obzorja, 1987. – 426 s.
22. Švajncer, J. Slovenska vojska 1918–1919 / J. Švajncer. – Ljubljana : Prešernova družba, 1990. – 332 s.
23. Ude, L. Boj za severno Slovensko mejo 1918–1919 / L. Ude. – Maribor : Založba obzorja, 1977. – 294 s.
24. Zapisnici sa sednica delegacije Kraljevine SHS na Mirovnoj Konferenciji u Parizu 1919–1920. – Beograd : Kultura, 1960. – 431 s.

БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІЯ АДНОСІНЫ ЧАСОЎ ПОЛЬСКА-САВЕЦКАЙ ВАЙНЫ 1919–1920 гг.: АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ ДАСЛЕДАВАННЯ

М.М. Мязга (Гомель)

Працэс станаўлення беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці храналагічна супаў з падзеямі польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. Гэтыя падзеі былі ўзаемазвязаныя. Яны выклікаюць вострыя дыскусіі ў беларускай і польскай гістарыяграфіях, маюць патрэбу ў больш грунтоўным, дэталёвым вывучэнні і новых інтэрпрэтацыях.

Пачатак польска-савецкай вайны быў выкліканы ў першую чаргу спрэчкай паміж Польшчай і Расіяй за тэрыторыі, якія ляжалі паміж іх этнічнымі граніцамі. Пры гэтым абодва бакі зыходзілі з наяўнасці ў іх «гістарычных праў» на гэтыя землі. Савецкая Расія дэкрэтам ад 29 жніўня 1918 г. скасавала ўсе дагаворы, якія былі заключаны царскай Расіяй адносна падзелаў Рэчы Паспалітай, што цягнула за сабою юрыдычную адмову ад тэрыторый, якія ўваходзілі ў яе да раздзелаў. Патрабуе ўдакладнення пытанне: ануляваўшы Брэсцкі мір, ці адмовілася тым самым Савецкая Расія і ад палажэнняў, выкладзеных у дэкрэце ад 29 жніўня 1918 г., і тым самым заявіла аб праве ўстанавіць кантроль над землямі, які адышлі

да Расіі па падзелах Рэчы Паспалітай. Расійскі бальшавіцкі ўрад прэтэндаваў на ўладу на магчыма большай тэрыторыі былой Расійскай імперыі, уключаючы Беларусь. У сілу названых абставін ён разглядаў прасоўванне Чырвонай Арміі на тэрыторыю Беларусі як элемент унутраннай расійскай грамадзянскай вайны. Польскі ж урад зыходзіў з таго, што расійскія войскі ўступілі на тэрыторыю, якая не належыць Расіі. На наш погляд, беларуская гістарыяграфія павінна даць сваю ацэнку факту ўступлення Чырвонай Арміі і Войска Польскага на беларускія тэрыторыі з пункту гледжання ўплыву на пачаўшыяся тут дзяржаватворчыя працэсы. На сённяшні дзень сярод гісторыкаў выклікае дыскусіі пытанне ці было наступленне Чырвонай Арміі на захад у канцы 1918 – пачатку 1919 г. спробай падштурхнуць сусветную рэвалюцыю і якая роля пры гэтым адводзілася Беларусі.

Як вядома, у польскай палітычнай эліце на момант аднаўлення незалежнасці Польшчы ў 1918 г. існавалі дзве канцэпцыі адносна палітычнай пабудовы тэрыторый, якія ляжалі паміж этнічнымі польскімі і этнічнымі рускімі землямі: федэрацыі і інкарпарацыі. На наш погляд, на сённяшні дзень актуальным для даследавання застаецца пытанне аб тым, у якой ступені планы прыхільнікаў гэтых дзвюх канцэпцый разыходзіліся ў дачыненні да беларускіх зямель. Тыя палітычныя колы, якія стаялі на пазіцыі інкарпарацыі, выступалі за падзел беларускіх зямель з Расіяй па «лініі Дмоўскага». Прыхільнікі федэралізму мелі на ўвазе стварэнне Беларуска-Літоўскай дзяржавы. Але, як адзначаў блізкі паплечнік Ю. Пілсудскага Л. Васілеўскі, «у адносінах усходняй граніцы Пілсудскі ў цэлым пагаджаўся з лініяй, прапанаванай Дмоўскім» [9, с. 172]. У снежні 1919 г. сакратар Ю. Пілсудскага Світаліскі запісаў наступнае яго высказванне: «Анексіянісцкую і федэралісцкую канцэпцыі не трэба супрацьпастаўляць адну другой, адна не выключае другую; трэба толькі паставіць федэралісцкую канцэпцыю на першы план, каб у выпадку, калі яе не ўдасца ажыццявіць, застаўся другі выхад [6, с. 262]. Мяркуем, да пачатку 1920 г. можна казаць пра канчатковы адыход Ю. Пілсудскага ад палітыкі, накіраванай на стварэнне Беларуска-Літоўскай дзяржавы. Пры гэтым прадстаўляецца актуальным пытанне ў якой ступені на пачатковым этапе польска-савецкай вайны ён імкнуўся да стварэння названай дзяржавы, ці гэта быў толькі тактычны ход, каб прадставіць Польшчу перад Антантай як краіну, якая паважае права народаў на самавызначэнне.

У час польска-савецкай вайны беларускі нацыянальны рух спрабаваў знайсці падтрымку як у Варшаве, так і ў Маскве. На сённяшні дзень у беларускай гістарыяграфіі акцэнт робіцца на нежаданне польскіх улад аказаць рэальную падтрымку беларускаму адраджэнню [7, с. 17–18]. Пры гэтым некалькі ў баку застаецца пытанне аб матывах і аб эвалюцыі польскай палітыкі па гэтаму пытанню. Неабходна звярнуць увагу на яе залежнасць ад таго, якой была сітуацыя на фронце і сувязь з імкненнем не даць супрацьлегламу боку выкарыстаць беларускі рух у сваіх інтарэсах. Стаўшыя даступныя гісторыкам матэрыялы пасяджэнняў палітбюро ЦК РКП(б) дазваляюць больш грунтоўна ахарактарызаваць пазіцыі і матывы

прадстаўнікоў савецкага кіраўніцтва па пытанню супрацоўніцтва з урадам В. Ластоўскага.

Сучасная беларуская гістарыяграфія звязвае першае абвяшчэнне ССРБ з наспяваннем і пачаткам польска-савецкай вайны [5]. У гэтым кантэксце патрабуе грунтоўнага вывучэння пытанне аб імкненні савецкага кіраўніцтва прадставіць Савецкую Беларусь, а затым ЛітБел ССР у якасці партнёра Польшчы для перагавораў з мэтай мірнага ўрэгулявання наспяваючага канфлікту. 10 лютага 1919 г. Г. Чычэрын накіраваў ноту польскаму ўраду, у якой прапанаваў палякам для ўрэгулявання тэрытарыяльнага пытання звяртацца да савецкіх рэспублік Літвы і Беларусі, «якіх яно датычыцца непасрэдна» [1, с. 40]. Аднак 4 красавіка сейм Польшчы адмовіўся прызнаць незалежнасць Літоўска-Беларускай ССР. Адмову Польшчы весці перамовы з савецкім урадам Літвы і Беларусі нельга зводзіць да яго нежадання прызнаваць гэты ўрад, бо, як заявіў у сейме С. Грабскі, «гэта не самастойны ўрад, а абавязаны сваім існаваннем расійскім бальшавікам» [2, с. 252, 289]. Тэрытарыяльныя памкненні Польшчы ва ўсходнім напрамку таксама неабходна браць у разлік. У выніку мірнае ўрэгуляванне тэрытарыяльнай спрэчкі аказалася немагчымым, а вайна паміж Польшчай і Савецкай Расіяй за валоданне тэрыторыямі былых «усходніх крэсаў», у тым ліку беларускімі, стала непазбежнай.

У вядомай віленскай адозве Ю. Пілсудскі гаварыў аб праве народаў былога ВКЛ самім вызначаць свой лёс. Але ажыццяўленне планаў як прыхільнікаў федэрацыі, так і інкарпарацыі вяло да таго, што тэрыторыі для стварэння Беларускай дзяржавы практычна не заставалася. Тым не менш польскія правячыя колы ажыццяўлялі кантакты з беларускімі дзеячамі. Неабходна звярнуцца да пытання аб сувязі паміж гэтымі кантактамі і міжнародна-палітычным становішчам Польшчы ў канкрэтны момант. У інструкцыі МЗС ад 7 ліпеня 1919 г. рэкамендавалася пытанне далучэння зямель на ўсходзе да Польшчы вырашаць са згоды мясцовага насельніцтва, «а гэтая згода прадстаўляецца несумненнай. Пры гэтым неабходна пастарацца, каб гэтая згода была даказана Антанце» [2, с. 330].

У кантэксце дэманстрацыі перад Антантай гатоўнасці Польшчы паважаць правы народаў на самавызначэнне, і пошуку падтрымкі з боку беларускіх нацыянальных колаў ідэі федэрацыі трэба разглядаць і выступленне Ю. Пілсудскага ў Мінску 19 верасня 1919 г., у якім ён выказаў тэзіс аб праве беларусаў на самавызначэнне [8, с. 185]. У той жа дзень адбылася сустрэча Ю. Пілсудскага з дэлегацыяй Рады БНР. Ён заявіў, што Польшча не можа прызнаць БНР, покуль яе не прызнала Антанта [2, с. 349–350]. У лісце Ю. Асмалоўскаму ад 21 лістапада начальнік дзяржавы пісаў, што ён параіў, каб Рада БНР устрымалася ад шырокай палітычнай дзейнасці, міжнародная сітуацыя гэтаму не спрыяе. Ён выказаўся за стварэнне «беларускага П'емонта» да моманту, калі складзецца лепшая кан'юнктура. Пілсудскі прапанаваў зняць пастулат аб незалежнасці БНР і сканцэнтравацца на развіцці школьніцтва, самакіравання, прычым, толькі ў раёне Мінску [8, с. 185–186].

Неабходна ўдакладніць, у якой ступені вясной – летам 1919 г. можна весці гаворку пра імкненне польскіх правячых колаў стварыць Беларускаю дзяржаву. На наш погляд, калі і існавалі такія планы, то яны датычыліся абмежаванай тэрыторыя, якая ўключала Мінск і землі на ўсход ад яго. Астатняя беларуская тэрыторыя павінна была непасрэдна ўвайсці ў склад Польшчы. Гэта быў кампрамісны варыянт, да якога схіляліся прыхільнікі і інкарпарацыі, і федэрацыі. Пры гэтым гатоўнасць Пілсудскага падтрымаць стварэнне беларускай дзяржавы нават на абмежаванай тэрыторыі выклікае сумненні, бо ён гаварыў пра падтрымку толькі культурна-асветніцкай дзейнасці беларусаў.

Для беларускай гістарыяграфіі важна высветліць, якім было стаўленне Польшчы да беларускай дзяржаўнасці ў кантэксце ваенна-палітычных падзей 1920 г. Ва ўмовах няўдач на фронце летам 1920 г. польскія палітыкі зрабілі шэраг заяў, у якіх гаворка ішла аб падтрымцы імкнення беларусаў да стварэння ўласнай дзяржавы. У чэрвені Ю. Пілсудскі і прэм'ер-міністр Польшчы Л. Скульскі выказаліся на карысць стварэння незалежнай Беларусі. Намеснік міністра замежных спраў Дашыньскі 1 жніўня ў якасці ўмоў, на якіх Польшча гатова была пайсці на перамір'е з Савецкай Расіяй, назваў, у прыватнасці, «права на самавызначэнне для народнасцей, якія знаходзяцца паміж Польшчай і Расіяй» [3, с. 116]. Узнікае пытанне, у якой ступені гэтыя заявы адлюстроўвалі рэальнае імкненне правячых колаў Польшчы садзейнічаць дасягненню незалежнасці Беларуссю, ці толькі былі вынікам жадання атрымаць падтрымку беларускага руху ў складанай ваенна-палітычнай сітуацыі.

Грунтоўнага аналізу з пазіцыі беларускай нацыянальнай гістарыяграфіі патрабуе пытанне аб пазіцыі Польшчы адносна суверэнітэту Беларусі ў час мірных перамоў у Рызе з улікам таго, што гэтая пазіцыя мянялася ў неспрыяльным для Беларусі кірунку. У інструкцыі да вядзення перамоў з Савецкай Расіяй, якую польская дэлегацыя атрымала ад Савета Абароны Дзяржавы (САД) 11 жніўня, гаворка ішла аб прызнанні незалежнасці Беларусі, але без вядзення перамоў аб вызначэнні яе граніц [4, с. 286]. Аднак ужо першыя пасяджэнні мірнай канферэнцыі паказалі, што Польшча адмаўляецца ад палітыкі федэралізму і пераходзіць да рэалізацыі канцэпцыі інкарпарацыі. Кіраўнік польскай дэлегацыі Я. Домбскі заявіў на пасяджэнні САД 11 верасня, што на мінскім этапе перамоў палякі згаджаліся на існаванне савецкай формы дзяржаўнасці на Украіне і не ставілі пытанне аб незалежнасці Беларусі [4, с. 387–388].

У сучаснай гістарыяграфіі замацавалася палажэнне, згодна якому частка польскай дэлегацыі на перамовах у Рызе не адмовілася ад федэралісцкай канцэпцыі. Гэта давала шанс на стварэнне беларускай дзяржавы. Але ўзнікае пытанне аб тым, наколькі значныя былі шансы на рэалізацыю гэтых планаў, асабліва, калі ўлічыць, з якой вялікай гатоўнасцю Савецкая Расія ішла на тэрытарыяльныя саступкі Польшчы. Яшчэ адзін важны аспект перамоў у Рызе – пытанне аб удзеле ў іх беларускіх прадстаўнікоў. Падаецца, што патрабуе грунтоўнага разгляду пытанне аб тым, чаму польская пазіцыя

адносна ўдзелу ў пермовах дэлегацыі УССР і БССР прынцыпова адрознівалася, і чаму Польшча заняла салідарна з Савецкай Расіяй негатыўную пазіцыю адносна ўдзелу ў перамовах прадстаўнікоў БНР.

Як бачым, шэраг праблем беларуска-польскіх адносін часоў польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. на сённяшні дзень патрабуюць далейшага даследавання як праз прыцягненне новых гістарычных крыніц, так з дапамогай новых інтэрпрэтацый ужо вядомых фактаў. Прычым важна вывучэнне беларускімі гісторыкамі польскіх крыніц. Гэта дасць магчымасць з розных пазіцый паглядзець на працэсы і з’явы гісторыі польска-беларускіх адносін часоў польска-савецкай вайны і даць ім больш аб’ектыўнае тлумачэнне.

Крыніцы і літаратура:

1. «Красная книга». Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях 1918–1920 г. – М.: Государственное издательство, 1920. – 112 с.
2. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1918–1920 гг.). Зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 4 т. – Мінск: Юніпак, 2008. – Т. 1, ч. 1. – 539 с.
3. Гамулка, К. Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фармаванняў (1918–1922) / К. Гамулка. – Вільня: Выд-ва Еўрапейскага гуманітарнага ўніверсітэта, 2008. – 256 с.
4. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 14 т. – М.: Наука, 1965. – Т. 3. – 609 с.
5. Лазько, Р.Р. Беларуская буферная рэспубліка ў палітыцы савецкай Расіі ў пачатку 1919 года / Р.Р. Лазько // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2006. – № 2. – С. 3–10.
6. Матвеев, Г.М. Пилсудский / Г.Ф. Матвеев. – М.: Молодая гвардия, 2008 – 474 с.
7. Снапкоўскі, У.Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг. / У.Е. Снапкоўскі. – Мінск: БДУ, 2017. – 287 с.
8. Czubiński, A. Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921 / A. Czubiński – Toruń : Wydawnictwo Adam Marczałek, 2002. – 444 s.
9. Wasilewski, L. Józef Piłsudski. Jakim Go znałem / L. Wasilewski. – Warszawa : Wyd. «Rój», 1935. – 235 s.

СРЕДНЯЯ ЛИТВА И ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ ВИЛЕНСКОГО ВОПРОСА В 1920 г.

С.В. Боголейша (Минск)

В октябре 1920 г. польские войска под командованием генерала Люциана Желиговского заняли Вильно, соседние территории и создали на тех землях марионеточное государство – Средняя Литва (Litwa Środkowa), существовавшая в 1920–1922 гг. Столицей ее был объявлен Вильно. Польша и Литва вели борьбу за владение Вильно в течение нескольких лет, используя для этого различные возможности.

Польские правящие круги во главе с Ю. Пилсудским издавна рассматривали территории Гродненщины и Виленщины как “бесспорно польские”. Они были одержимы идеями возрождения Польши в пределах 1772 г. и присоединения этих земель к Польше, не учитывая интересы других этносов. Ю. Пилсудский пытался создать не федерацию, которая ранее существовала в Речи Посполитой, а унитарное польское государство с ограниченной

автономией для других народов. Он последовательно стремился к включению в состав Польского государства как можно больше территорий на Востоке, несмотря на то, что его политика не встречала поддержки западных стран [6]. Важное место в его политике отводилось Вильно.

Очень близкой к федералистской была позиция инкорпорационистов. Они считали, что белорусы, литовцы и украинцы “не имеют глубоких государственно-созидательных инстинктов” и всегда будут объектом манипуляции со стороны соседних государств. Наиболее четко позиция инкорпорационистов была сформулирована в памятной записке по вопросу о восточных границах Польши, которую зачитал 10 мая 1919 г. на заседании Партии Конституционной работы Я. Радзивил. В ней говорилось: “Политические границы должны нам обеспечить владение Вильно и Львовом, это значит, что они должны идти по линии к востоку от железной дороги, которая объединяет эти два центра польской культуры, через Броды, Ровно, Сарны и Барановичи... только установление этой линии создаст условия здорового государственного и экономического развития Польши” [5, с. 231–232]. Такая политика польского правительства и привела к созданию так называемой Средней Литвы.

4 июля 1920 г. началось наступление Красной Армии на Западном фронте. Советские войска быстро продвигались на Запад. Казалось, что никто не задержит их на пути к Варшаве. В этот же день Польша, чтобы сохранить нейтралитет Литвы во время советского наступления, де-факто признала Литовское государство, однако сохранила к нему территориальные претензии [10, с. 285]. Окончательное решение Виленского вопроса было в компетенции государств Антанты [2, с. 155]. 10 июля С. Грабский подписал соответствующий документ. Договор между Польшей и союзными государствами лишил Варшаву свободы действий и дал возможность Великобритании и Франции оказывать воздействие по решению проблемы.

Польское правительство не признало и мирный договор между Литвой и Россией от 12 июля 1920 г. Польша официально объявила 5 августа 1920 г., что не признает Российско-литовский мирный договор и намерена урегулировать отношения с Литвой путем двусторонних переговоров [9, с. 129–130]. В августе 1920 г. радикально изменилась ситуация на польско-советском фронте. Польские войска вновь вступили на территорию, находившуюся под контролем литовского правительства. Между правительствами Литвы и Польши произошли дипломатические стычки. 11 сентября Совет обороны польского государства решил добиваться присоединения Виленщины и Гродненщины к Польше. Представители Антанты взялись за примирение двух государств. Переговоры между Польшей и Литвой начались в августе 1920 г. В тот момент Польше очень нужно было удержать Литву от участия в советско-польском конфликте на стороне России (велись Рижские мирные переговоры). Пристально следила за ходом польско-литовских переговоров и Лига Наций. 5 сентября она обратилась к государствам с призывом приостановить все враждебные действия и приступить к мирным переговорам по решению Виленского

вопроса. Переговоры состоялись 14–18 сентября в м. Кальвария под опекой Лиги Наций. Но никакого компромисса достигнуто не было, и переговоры прекратились из-за взаимных территориальных претензий.

20 сентября Лига Наций вновь настояла на возобновлении переговоров. Совет Лиги Наций принял резолюцию, в которой подчеркивалось, что Вильно должен принадлежать Литве, а земли к востоку от нее – перейти под контроль Лиги Наций. Временной демаркационной линией должна была быть “линия Керзона”. 29 сентября в Сувалках при посредничестве миссии Шардиньи начались польско-литовские переговоры. Литовское руководство было готово уступить Польше большую часть спорных территорий, чтобы сохранить Вильно и создать для него безопасное положение. Давление международных наблюдателей на Польшу было так велико, что она вынуждена была согласиться на подписание Сувалкского договора 7 октября 1920 г. Согласно ему устанавливалась новая демаркационная линия (по линии Фоша) с момента отступления советских войск, прекращались военные действия к востоку от демаркационной линии – железной дороги Лида–Вильно. Сувалки, Вильно и Виленский край оставались за Литвой, а железнодорожная станция Варена – за Польшей. Польская сторона брала на себя обязанность пропускать через Варену литовские поезда из Вильно в Алитус. С 10 октября боевые действия между Польшей и Литвой должны были прекратиться. Лига Наций взяла на себя обязанность гарантировать достигнутые условия мира. Отношения оставались очень напряженными. Было очевидно, что Сувалкское соглашение – дипломатический шаг польского правительства с тем, чтобы успокоить мировое общественное мнение.

Правящие круги Польши и особенно Ю. Пилсудский были недовольны Сувалкским соглашением. Они начали подготовку “к бунту” дивизии Л. Желиговского, которая была специально сформирована в основном из солдат и офицеров, родившихся в Виленском крае. Ей поручалось занять эти земли. Захват должен был формально напоминать “бунт” литовско-белорусской дивизии, которая “решила” освободить Виленщину от литовской оккупации.

Еще 29 сентября 1920 г. Ю. Пилсудский позвал к себе в штаб-квартиру генерала Л. Желиговского. Во время разговора с генералом он сказал: “Если сейчас мы не добудем Вильно, история нам не простит. И не только Вильно. Сделать это может только само население – ее сыновья из литовско-белорусской дивизии. Нужно, чтобы кто-то взял на себя это дело”. Таким образом, Ю. Пилсудский предложил генералу возглавить войска, которые вступят в Вильно, подчеркнув, что акция потребует настойчивости и отваги, так как против нее будут настроены не только страны Антанты, но даже общественность Польши. Также он предупредил Л. Желиговского, что будет вынужден выступить против данной акции, но генерал не должен “сдаваться”. Желиговский согласился с предложением и начал подготовку к “бунту” [7, с. 39]. 5 октября состоялся следующий двухчасовой разговор между Л. Желиговским и Ю. Пилсудским, в ходе которого были подтверждены предыдущие договоренности. “Нужно только помнить, что

может прийти время, когда сейм, Сенат и вся Польша, и даже я, будем вынуждены отказаться от вас. Поэтому нужно быть готовым взять все на свою ответственность”, – говорил Пилсудский [3, с. 331].

8 октября военная группа “Бенякони” во главе с Л. Желиговским вышла из-под упорядочения польскому верховному командованию и начала двигаться на Вильно выручать Виленщину из-под господства Ковенского литовского правительства, которому этот край был сдан большевиками против воли населения Виленщины и Гродненщины”. 9 октября Вильно было захвачено. [1, с. 910]. В состав группы Желиговского входили: 1-я Литовско-Белорусская дивизия генерала Е. Жадковского и группа майора М. Зидрам-Костелковского – всего 14000 человек из числа белорусов-католиков. Литовцы предпочли не защищать город и отвели свои войска в сторону Ковно. На занятой территории образовывалась формально независимая от Польши так называемая Средняя Литва (Litwa Srodkowa) со столицей в Вильно.

Вооруженный захват Вильно польской армией не был никаким “бунтом Желиговского”. Это была хорошо спланированная в польских верхах акция. Правительство Польши, чтобы снять с себя ответственность, заявило, что Л. Желиговский действовал “самостоятельно”. После образования Средней Литвы генерал Л. Желиговский сообщил об этом в Варшаву и просил о ее признании. Средняя Литва, по концепции Ю. Пилсудского, не ограничивалась только Вильно. В ее состав должны были войти три округа: польский с Вильно, литовский с Ковно, белорусский с Минском, которые планировалось объединить в федеративный союз с Польшей.

Занятие Желиговским Вильнюса имело значительный международный резонанс. Вечером 9 октября Л. Желиговский встретился с представителями Антанты в Вильнюсе. На вопрос шефа британской миссии полковника Ворда, на каком основании польские войска находятся в городе, генерал ответил, что пришел сюда, чтобы дать возможность местному населению реально решить свою судьбу. Разговор проходил на повышенных тонах, и мятежный генерал приказал миссии Антанты срочно покинуть Вильно [8, с. 298].

Изначально страны Антанты рассматривали мятеж как польскую акцию. Уже 12 октября 1920 г. Англия и Франция обратились к Польше с нотой, в которой подчеркнули, что оккупация Вильно не соотносится с основными принципами Лиги Наций. В свою очередь, польское правительство подчеркивало, что оно не имеет отношения к действиям Л. Желиговского. “Генерал Л. Желиговский действовал вопреки нашим приказам, он вышел из подчинения и является мятежником”, – утверждало польское правительство [11, с. 116]. В конце концов, оно сумело убедить в этом деятелей Антанты.

Литовское правительство не могло смириться с потерей Вильно, поэтому литовская армия несколько раз пыталась начать наступление. Так, 19 ноября 1920 г. около Ширвинтайсов и 21 ноября возле Гедрайчайса литовцы начали наступление против войск Л. Желиговского. Но военно-

контрольная комиссия Лиги Наций под руководством французского полковника Шардиньи требовала прекратить военные действия, поэтому правительство Литвы вынуждено было выполнить это решение. В результате вмешательства контрольной комиссии Лиги Наций 29 ноября между представителями польского и литовского правительств было заключено перемирие и устанавливалась демаркационная линия.

Негативно восприняла факт образования Средней Литвы и Советская Россия, которая боялась, что акция Желиговского усилит позиции Польши на Рижских мирных переговорах. 30 января 1921 г. правительство РСФСР направило правительству Литвы ноту, в которой подчеркивалось, что пассивная позиция Литвы в сложившихся обстоятельствах является нарушением условий российско-литовского договора от 12 июля 1920 г. Кроме этого, в ноте выражался протест против возможного направления войск Лиги Наций в Виленщину [4, с. 496–497]. Однако попытки советского правительства добиться ликвидации Средней Литвы были безрезультатными.

Окончательно вопрос о политической принадлежности Средней Литвы должен был решить сейм и планируемый в рамках выборов плебисцит. Изначально выборы в сейм были назначены на 9 января 1921 г. Однако Лига Наций выступила против выборов. Самые разные делегации от Лиги Наций приезжали в Вильно. Даже предполагалось направить туда военные формирования от Лиги Наций, которые должны были обеспечить общественный порядок. Но плебисцит так и не состоялся. Сразу же возникает вопрос “почему?”. Потому что польская и литовская делегации не смогли договориться о территории, на которой должно было проходить голосование. 2 марта Совет Лиги наций, который видел бесплодность своих дальнейших усилий, принял решение о передаче решения польско-литовского конфликта на рассмотрение правительственных делегаций под председательством представителя Бельгии в Лиге Наций министра иностранных дел Бельгии Поля Имонса [6, л. 223].

Таким образом, Виленский вопрос был одним из самых острых на международной арене в 1920 г. Решить его продуктивно не сумели даже при помощи международных организаций. А спорные вопросы по образованию Средней Литвы и в настоящее время интересуют исследователей Польши и Беларуси.

Источники и литература:

1. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: у 2 кн. / уклад., падрыхт. тэксту, уступ. арт, камент, пер., паказ. С. Шупы. – Вільня [і інш.] : Беларус.ін-т навукі і мастацтва : Таварыства беларус. пісьменства “Наша ніва”, 1998. – Т. 1., кн. 2. – 1721 с.
2. Ашарчук, В.А. Віленскае пытанне: праблема дзяржаўнай прыналежнасці Віленскага краю ў міжнародных адносінах (1918–1921 гг.) / В.А. Ашарчук // Беларуская Думка. – 2009. – № 12. – С. 154–159.
3. Весялкоўскі, Ю. Беларусь у Першай сусветнай вайне (Гістарычны нарыс) / Ю. Весялоўскі ; рэд. А. Мірановіч. – Беласток ; Лёндан, 1996. – 361 с.
4. Документы внешней политики СССР : в 21 т. / М-во иностранных дел СССР ; Комиссия по изданию дипломатических документов ; А.А. Громыко [и др.] – М.: Госполитиздат, 1957–1977. – Т. 3. – 1959. – 723 с.

5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений / Акад. Наук СССР, Ин-т славяноведения ; редкол.: И.А. Хренов (отв. ред.), Н. Гонсеровская-Грабовская (отв. ред.) [и др.]. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1964. – Т. 2: ноябрь 1918 – апрель 1920 г. – 718 с.
6. Нацыянальны архів Рэспублікі Беларусь. – Ф. 325. Воп. 1. Спр. 59. Л. 280.
7. Ціхаміраў, А. “Віленскае пытанне” ў міжнародных адносінах 1918–1920 гг. / А. Ціхаміраў // Беларускі журнал міжнароднага права і міжнародных адносін. – 2002. – № 3. – С. 37–45.
8. Ціхаміраў, А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.) / А.В. Ціхаміраў. – Мінск : Экаперспектыва, 2003. – 399 с.
9. Gomolka, K. Polskie ugrupowania polityczne wobec kwestii białoruskiej 1918–1922 / K. Gomolka / Centr. Osrodek Metodyczny Studiow Nauk Pol. – Warszawa, 1989. – 267 s.
10. Ochmanski, J. Historia Litwy / J. Ochmanski. – Wrocław: Ossolineum, 1990. – 396 s.
11. Zeligowski, L. Wojna w roku 1920: Wspomnienia i rozważania / L. Zeligowski. – Wyd. 2. – Warszawa : Wyd-wo Min Obrony Nar, 1990. – 157 s.

СЮРПРИЗ ДЛЯ АНГЛО-САКСОВ В ГЕНУЕ: РАПАЛЛЬСКИЙ ДОГОВОР МЕЖДУ МОСКВОЙ И БЕРЛИНОМ 16 АПРЕЛЯ 1922 ГОДА

В.А. Космач (Витебск)

После поражения в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Германия оказалась в неблагоприятной ситуации, фактически в изоляции и на положении изгоя в европейской политике и международных отношениях. В Версале она была не только наказана, но и привязана намертво к Антанте. Не лучшая обстановка сложилась вокруг Советской России. Всё это вынудило Берлин и Москву пойти на тесное сотрудничество, в том числе военное, а в апреле 1922 г. во время работы международной экономической конференции в Генуе подписать договор в Рапалло. После этого, на основе Рапалльского договора, между Германией и Советской Россией (а затем СССР) начались активные взаимовыгодные связи и сотрудничество во всех областях (политической, торгово-экономической, военно-технической, научной и духовно-культурной) на протяжении 1920 – начала 1930-х годов, получивших в исторической литературе название «политика Рапалло».

Цель данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть ключевые мотивы и причины, приведшие Германию и Россию к подписанию договора в Рапалло в апреле 1922 г., а также раскрыть содержание статей Рапалльского договора.

Генуэзская конференция открылась 10 апреля 1922 г. в зале сделок старинного дворца Сан-Джорджо. Всего было представлено 29 стран, а с английскими доминионами – 34. После открытия конференции итальянским премьером Л. Факта, избранным председателем, им была произнесена речь, в которой прозвучал призыв к «восстановлению торговых связей с Центральной и Восточной Европой, с крупнейшим рынком Европы – Россией...». Он отметил, что Генуэзская конференция созвана на основе каннских резолюций и что державы, принявшие приглашение на конференцию, тем самым приняли принципы, содержащиеся в каннских резолюциях [1, с. 49–80; 4, с. 173; 5, с. 42].

Вторым выступил британский премьер Д. Ллойд Джордж. Он сказал: «Мы участвуем на этом собрании на началах абсолютного равенства. Это лишь в том случае однако, если принимаем равные условия» [2, с. 169]. Под «равными условиями» он подразумевал условия, установленные в Каннах. Д. Ллойд Джордж говорил об экономической разрухе в Европе, одолеть которую можно только совместными усилиями. В связи с этим он выразил сожаление, что США не участвуют в конференции. Французский министр иностранных дел Л. Барту поддержал прочих ораторов в вопросе о каннских резолюциях и категорически заявил, что Франция не допустит обсуждения версальских соглашений, т.к. конференция в Генуе не является кассационной инстанцией, подвергающей пересмотру существующие договоры [2, с. 169].

Йозеф Вирт, канцлер Германии, говорил на немецком языке, монотонно и утомительно жалуясь на положение Германии. Ссылаясь на «особое место, занимаемое Германией», на ее центральное географическое положение в Европе и «тесные связи со всем мировым хозяйством», Й. Вирт в довольно туманных выражениях протаскивал идею создания международного консорциума западных стран для совместной эксплуатации Востока. Его длинная речь утомила всех делегатов, в зале начался легкий шум, разговоры, движение. Речь Й. Вирта была очень длинная. По этому поводу один из журналистов сострил, что германский делегат решил перенести всю тяжесть германских репараций на своих слушателей [2, с. 169].

На конференции в Генуе были созданы четыре комиссии: политическая, или «русская», финансовая, экономическая, транспортная. Во все комиссии входили делегаты от Англии, Франции, Италии, Германии и России. Остальные страны совместно избирали по несколько делегатов в каждую комиссию. 11 апреля 1922 г. советской делегации был вручен меморандум лондонских экспертов от 28 марта. Он содержал требование об уплате Советским правительством всех долгов дореволюционных и белогвардейских правительств, требования реституции национализированной собственности иностранцев, установления системы капитуляций в России, отмены монополии внешней торговли, отмены коммунистической пропаганды во всех странах. Сумма долга предъявленного России составляла 18 млрд рублей. Это были по истине хищнические домогательства, на удовлетворение которых большевики никогда бы не пошли [2, с. 172–174; 4, с. 174].

14 апреля 1922 г., в 10 часов утра, на вилле Альбертис (резиденции Д. Ллойд Джорджа) состоялась встреча представителей делегаций Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и России. В основу переговоров западные державы предложили положить лондонский меморандум экспертов. Советская делегация решительно отвергала этот проект. Она отклонила требование о возвращении национализированной собственности иностранцев, об уплате долгов дореволюционных правительств и в свою очередь выдвинула контрпретензии в 39 млрд рублей за ущерб, причиненный иностранной интервенцией хозяйству Советской России, что составляло свыше четверти довоенного богатства России [2, с. 174–178; 4, с. 174–175].

Г.В. Чичерин обосновал отказ от возврата военных долгов тем, что Россия понесла 54 % всех потерь Антанты в Первой мировой войне и таким образом заплатила кровью, а все прибыли достались исключительно другой стороне. Желая, однако, найти почву для соглашения и установления деловых связей с иностранным капиталом, Советское правительство согласилось признать за пострадавшими иностранными гражданами право на возмещение убытков. Однако непременным условием оно ставило соблюдение взаимности. Таким образом, убыткам иностранных граждан от действий Советской власти был противопоставлен ущерб, причиненный России интервенцией [3, с. 92].

Д. Ллойд Джордж и Л. Барту предупредили советскую сторону о срыве конференции в случае, если предложения Антанты не будут приняты. По поводу заявленной суммы советской контрпретензии Д. Ллойд Джордж сказал: «Если вы приехали в Геную, можно было совсем не приезжать». Английские дипломаты дали понять, что за отказ Советской России от контрпретензий они готовы уменьшить военные долги и продлить срок уплаты процентов по ним. Однако Л. Барту выступил против этого компромисса. Переговоры на вилле Альбертис, продолжавшиеся и 15 апреля, не дали результата [4, с. 175].

Все время пока шли переговоры на вилле Альбертис, Генуя переживала тревогу. Большинство склонялось к выводу, что Советы добьются соглашения с Антантой за счет Германии. Все это беспокоило В. Ратенау и О. Мальцана, которых англичане и французы фактически отстранили от дел конференции. Американский внешнеполитический эксперт Ф. Кеннан в своей книге «Россия и Запад» пишет по этому поводу: «В субботу (15 апреля) усилились слухи о соглашении англичан и французов с русскими, немцы оставались все в том же полном неведении о ходе переговоров. Весь вечер они мрачно сидели в вестибюле их отеля и, наконец, отправились спать в состоянии крайнего утомления и упадка духа». А лорд д'Абернон так повествует о состоянии немцев в этот момент: «К германской делегации в Генуе стали поступать неофициальные сведения из различных источников..., что Россия пришла к соглашению с Англией и Францией, а Германия оставлена в стороне. Ратенау был в отчаянии. Все его планы рушились. Германская делегация всесторонне обсудила положение и в конечном результате решила, что в настоящий момент ничего нельзя предпринять» [3, с. 93].

О растерянности немцев знали в кругу советской делегации. Примерно в 1 час 15 минут пополуночи на Пасху, 16 апреля, А.В. Сабанин, член советской делегации на Генуэзской конференции, позвонил Отто фон Мальцану (статс-секретарю германского МИДа и члену немецкой делегации в Генуе) и сообщил, что Г.В. Чичерин и советская делегация хотели бы возобновить переговоры, пригласив германскую делегацию в отель «Палаццо Имперiale» к 11 часам утра. Тогда же, ночью, четверть часа по телефону беседовали Г.В. Чичерин и О. Мальцан, подробности их разговора О. Мальцан рассказал В. Ратенау. Советские предложения были весьма серьезными и немецкая делегация ночью, в пижамах, долго обсуждала их в ракурсе общей ситуации, сложившейся на Генуэзской конференции. В результате этого «пижамного совещания»

немцы решили принять советское предложение о возобновлении переговоров, о чем и сообщили советской делегации примерно в 5 часов утра. Немецкая делегация прибыла в «Полаццо Имперiale» 16 апреля около полудня, и в резиденции советской делегации Г.В. Чичерин и В. Ратенау оговорили все детали соглашения, по которому обе стороны вели переговоры еще до Рапалло, в Берлине. В 18.30 вечера 16 апреля 1922 г. Рапалльский договор между Германией и Советской Россией был подписан [1, с. 70; 5; 6].

Текстом договора, его подготовкой, согласованием и уточнениями занимались непосредственно О. фон Мальцан и М.М. Литвинов.

Согласно ст. 1 этого договора стороны взаимно отказались от всяких финансовых претензий друг к другу (возмещение военных расходов и убытков, включая реквизиции, невоенных убытков, расходов на военнопленных). Для Советской России ст. 1 означала отказ от претензий на репарации с Германии. В ст. 2 был особо закреплен отказ Германии от претензий на возмещение за национализированную частную и государственную собственность при условии, что правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств. Договор предусматривал восстановление дипломатических и консульских отношений между двумя странами (ст. 3), а также развитие экономического сотрудничества и торговли на основе принципа наибольшего благоприятствования (ст. 4). В ст. 5 была зафиксирована готовность германского правительства «оказать возможную поддержку сообщенным ему в последнее время частными фирмами соглашениям и облегчить их проведение в жизнь». Постановления договора вступали в силу немедленно. Лишь пункт «б» ст. 1 об урегулировании публично- и частноправовых отношений и ст. 4 о наибольшем благоприятствовании вступали в силу с момента ратификации [7–9].

В дополнение к договору подписавшие его Г.В. Чичерин и В. Ратенау обменялись письмами, не подлежащими опубликованию. В них стороны подтвердили, что в случае признания Россией упомянутых в ст. 2 претензий в отношении какого-либо третьего государства, урегулирование этого вопроса станет предметом специальных переговоров в будущем, причем на такой основе, что с бывшими немецкими предприятиями должны поступать так же, как и с однотипными предприятиями этого третьего государства. Другими словами (словами М. Литвинова, члена советской делегации на Генуэзской конференции), в случае удовлетворения Россией претензий третьих стран в отношении национализированного имущества «немцы ставятся в такое же положение». По сути, речь шла о применении принципа наибольшего благоприятствования. Кроме того, германское правительство обязалось не участвовать в сделках международного экономического консорциума в России, предварительно не договорившись с правительством РСФСР [2, с. 94].

Договор, как уже общепризнано, не содержал никаких тайных договоренностей о военном союзе, однако текст ст. 5 договора опосредованно представляет собой договоренность о военно-промышленном сотрудничестве. Весьма показателен тот факт, что для участия в Генуэзской конференции, темой работы которой были торгово-экономические вопросы, в состав

германской делегации был включен преемник генерала В. Хайе на посту начальника генерального штаба рейхсвера генерал-майор О. Хассе. По мнению германского исследователя Х.Р. Берндорфа, «Рапалльский договор был подготовлен в ходе тесных и секретных обсуждений между г-ном д-ром Ратенау и г-ном фон Сектом», которые происходили по инициативе и в квартире К. Шляйхера. Канцлер Й. Вирт об этом, естественно, знал. Более того, вопрос о сближении с Россией был предрешен в ходе его бесед с Г. фон Сектом и директором Восточного отдела и статс-секретарем германского МИДа О. фон Мальцаном. Это видно из исследований другого германского историка Х. Хельбига. О факте подписания Рапалльского договора О. Хассе немедленно информировал Г. фон Секта, который приветствовал договор словами, что «наконец-то предпринята попытка проведения активной политики». Весьма активно участвовал в обозначенных переговорах с советской стороны Карл Радек [3, с. 94–95].

Французский премьер Р. Пуанкаре в письме английскому послу от 2 мая 1922 г., оценивая складывавшиеся отношения Москвы и Берлина, писал, что «общая склонность германской политики к сближению с Россией благоприятствует зарождению военного сотрудничества обеих стран». Р. Пуанкаре и французские военные уже через неделю после подписания Рапалльского договора стали активно говорить об оккупации Францией сопредельных германских территорий, и прежде всего Рура, в ответ на сближение Берлина и Москвы [3, с. 95].

Источники и литература:

1. Ахтамзян, А.А. Рапалльская политика. Советско-германские отношения в 1922–1932 годах / А.А. Ахтамзян. – М. : Международные отношения, 1974. – 304 с.
2. История дипломатии: в 3 т. – Т. 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939) / под ред. В.П. Потёмкина. – М.: ОГИЗ – Гос. изд-во пол. литературы, 1945. – 884 с.
3. Космач, В.А. Германия на Генуэзской конференции. Германско-советский договор в Рапалло и его последствия / В.А. Космач // Белорусская германистика: актуальные научные проблемы и этапы развития. К 100-летию основателя научной школы советской белорусской германистики Г.М. Трухнова: материалы Республиканской научно-теоретической конференции, г. Минск. 2 декабря 2008 г. / отв. ред. Г.А. Космач. – Минск : БГПУ, 2008. – С. 91–103.
4. Космач, В.А. От Компьена до Рапалло и оккупация Рура. Внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.): Страницы истории / В.А. Космач. – Псков : ФГБОУ ВПО «Псков ГУ», 2017. – 552 с.
5. Любимов, Н.Н. Генуэзская конференция. Воспоминания участников / Н.Н. Любимов, А.Н. Эрлих. – М.: Институт международных отношений, 1963. – 158 с.
6. Павлов, Н.В. История внешней политики Германии. О Бисмарка до Меркель / Н.В. Павлов. – М.: Международные отношения, 2012. – 800 с.
7. Сидоров, А.Ю. История международных отношений. 1918–1939 г. : учебник / А.Ю. Сидоров, Н.Е. Клейменова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 640 с.
8. Системная история международных отношений: в 2 т. / под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Культурная революция, 2006. – Т. 1: События 1918–1945 годов. – 480 с.
9. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: сб. документов. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 2: 1919–1922 гг. – 596 с.

ГЕНУЭЗСКАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ 1922 ГОДА І РАЗВІЦЦЁ САВЕЦКА-ПОЛЬСКІХ АДНОСІН

В.М. Бароўская (Мінск)

Пачатак Генуэзскай канферэнцыі (10 красавіка – 20 мая 1922 г.) фактычна прыпыніў пасяджэнні савецка-польскіх гандлёвых перагавораў. Заклучэнне Рапальскага дагавора, таксама негатыўная пазіцыя кіраўніцтва Францыі супраць актыўнага гандлёвага супрацоўніцтва з Савецкай Расіяй сталі прычынамі канчатковага спынення перагавораў у Варшаве. На Генуэзскай канферэнцыі планавалася вырашыць спрэчныя фінансава-эканамічныя пытанні. На першы план выступала праблема выплаты запазычанасцей часоў Расійскай імперыі, Часовага ўраду, Савецкай Расіі перад краінамі Антанты. Таксама ў цэнтр увагі трапіла пытанне эканамічнага ўзнаўлення Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, землі якой значна былі спустошаны і разрабаваны ў ходзе падзей Першай сусветнай вайны. Для вырашэння гэтых праблем напярэдадні канферэнцыі, 20–28 сакавіка 1922 г., у Лондане быў створаны Спецыяльны камітэт экспертаў. Вынікам яго працы стала прыняцце рэзалюцыі, у якой ад савецкага кіраўніцтва патрабавалася “прызнаць усе запазычанасці рэжымаў Расіі, прыняць адказнасць за ўсе страты, нанесеныя дзеяннямі савецкага і наступных урадаў, якія дзейнічалі на тэрыторыі былой Расійскай імперыі” [2, с. 116].

У ходзе канферэнцыі савецкі бок выказаў гатоўнасць да абмеркавання пытання аб форме кампенсацыі былым замежным уладальнікам у Расіі пры ўмове прызнання Савецкай Расіі дэ-юрэ і прадстаўлення ёй крэдытаў. Акрамя таго, савецкай дэлегацыяй былі вылучаны контрпатрабаванні. Яны прадугледжвалі выплату на карысць РСФСР усіх страт, нанесеных савецкай дзяржаве падчас замежнай ваеннай інтэрвенцыі і польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. Савецкая дэлегацыя на першым пасяджэнні Генуэзскай канферэнцыі – 10 красавіка 1922 г. – унесла прапанову аб усеагульным разаружэнні. На жаль, якога-небудзь рашэння па ўзнятым пытанням не было прынята. Іх далейшы разгляд планаваўся ў рамках Гаагскай канферэнцыі (15 чэрвеня – 19 ліпеня 1922 г.).

Французскі ўрад падчас падрыхтоўкі да канферэнцыі дабіваўся ўмацавання антысавецкага блоку дзяржаў, таму 2 чэрвеня 1922 г. А. Пуанкарэ ў мемарандуме, накіраваным краінам Антанты і ЗША, настойваў на складанні спісу ўмоў, якія савецкі бок павінен будзе прыняць напярэдадні сустрэчы. Сярод гэтых умоў было прызнанне Савецкай Расіяй усіх ваенных і даваенных даўгоў і зварот нацыяналізаваных прадпрыемстваў іх былым замежным уладальнікам. Крэдыты маглі быць прадстаўлены толькі для ўзнаўлення сельскай гаспадаркі. Урад ЗША прыняў рашэнне не прымаць удзелу ў канферэнцыі. 16 мая 1922 г. Ч. Хьюз паведаміў міністру замежных спраў Італіі, што амерыканскі бок “не можа з карысцю прыняць удзел у Гаагскай канферэнцыі, якая будзе толькі працягам, хоць і пад іншай назвай, Генуэзскай канферэнцыі і непазбежна сутыкнецца з тымі жа цяжкасцямі, калі пазіцыя Савецкай Расіі, прадстаўленая ў мемарандуме ад 11 мая, застаецца нязменнай” [2, с. 134]. У наступныя тыдні ЗША імкнулася ўмацаваць у заходніх краінах пазіцыі праціўнікаў нармалізацыі адносін з савецкім бокам.

У працы Гаагскай канферэнцыі ўдзельнічалі прадстаўнікі дзяржаў – удзельніц Генуэзскай сустрэчы, за выключэннем Германіі. Савецкую дэлегацыю ўзначаліў М.М. Літвінаў. У адрозненне ад Генуі, асноўнымі дэлегатамі на Гаагскай канферэнцыі сталі прадстаўнікі дзелавых колаў (ад Вялікабрытаніі – міністр па справах знешняга гандлю Ф. Ллойд-Грым і былы дырэктар праўлення Руска-Азіяцкага банку, былы ўладальнік Кыштымскіх і Ленскіх руднікоў Л. Уркварт, ад Францыі – дырэктар Бюро аховы прыватнай уласнасці французскіх грамадзян у Расіі Л. Альфан).

26 чэрвеня на канферэнцыю прыехала савецкая дэлегацыя, праз дзень пачалі працаваць падкамісіі крэдытаў, даўгоў, прыватнай уласнасці. М. М. Літвінаў прапанаваў праект прадстаўлення Савецкай Расіі крэдытаў заходнімі краінамі на 1923–1925 гг. у агульнай суме 3 224 млн залатых рублей, пераважна ў таварнай форме. Акрамя таго, на пасяджэнні падкамісіі прыватнай уласнасці савецкая дэлегацыя агучыла спіс магчымых канцэсій для замежных прадстаўнікоў. У яго ўваходзілі нафтавыя, горныя, металургічныя, лясныя і некаторыя іншыя прадпрыемствы прамысловасці, а таксама сельскай гаспадаркі. Ён быў цалкам складзены з такім разлікам, каб захаваць у руках дзяржавы кіраўніцтва ў народнай гаспадарцы, але пры дапамозе канцэсій паскорыць узнаўленне шэрагу галін эканомікі. З боку краін Антанты не паступіла канкрэтных прапаноў.

19 ліпеня 1922 г. адбылося пленарнае пасяджэнне канферэнцыі, на якім савецкі бок пагадзіўся на выплату даваенных даўгоў, напрацягу двух гадоў дамовіцца з былымі замежнымі ўласнікамі аб прадстаўленні ім кампенсацыі, але пры ўмове прызнання Савецкай Расіі дэ-юрэ, і прадстаўленні ёй крэдытаў. Англіійскі бок пагадзіўся на прыняцце савецкай прапановы, аднак французскі і бельгійскі прадстаўнікі адмовіліся. У выніку на наступны дзень была склікана так званая “неруская” камісія, якая прыняла рэзалюцыю, што прадстаўленныя ў Гааге ўрады не павінны ўступаць у сепаратныя перагаворы з савецкім бокам адносна канцэсій і звароту замежным уладальнікам нацыяналізаванай маёмасці.

Нягледзячы на існаванне значнай колькасці спрэчных пытанняў у савецка-польскіх адносінах, у другой палове ліпеня – восенню 1922 г. праявілася тэндэнцыя да паляпшэння. Падчас працы Гаагскай канферэнцыі прадстаўнікі польскай дэлегацыі пайшлі на ўсталяванне непасрэдных кантактаў з савецкай дэлегацыяй яшчэ да яе пачатку. Краіны Антанты, улічваючы вопыт з заключэннем Рапальскага дагавора, прынялі рашэнне, якое забараняла асобным дэлегацыям уступаць у сепаратныя перагаворы і заключаць двухбаковыя дамовы з Савецкай Расіяй. Падчас сустрэч прадстаўнікоў польскай і савецкай дэлегацый у Гааге абмяркоўваліся пытанні наладжвання эканамічнага супрацоўніцтва. Польскі бок асабліва актыўна ўздымаў праблему мінімізацыі савецкай манаполіі знешняга гандлю.

Польскую дэлегацыю на Гаагскай канферэнцыі ўзначаліў буйны польскі эканаміст, віцэ-міністр прамысловасці і гандлю Г. Страсбургер. Ужо гэты факт яскрава дэманстраваў, што польскі бок рашуча настроены вырашыць усе спрэчныя фінансава-эканамічныя пытанні, якія ставілі перад Польшчай і Савецкай Расіяй. Таксама ў склад польскай дэлегацыі былі ўключаны эксперты па эканамічным пытанням. Акрамя гэтага, на Гаагскую

канферэнцыю паехалі: былы павераны Польшчы ў Маскве Т. Філіповіч, начальнік Усходняга аддзела Міністэрства замежных спраў Польшчы М.С. Касакоўскі, рэферэнт Міністэрства замежных спраў па рускім пытаньням А. Залеўскі, прадстаўнік Польшчы ў рэпарацыйнай камісіі Ю. Мразоўскі, саветнік пасольства Польшчы ў Лондане Я. Цеханоўскі, пасланнік Польшчы ў Бельгіі В. Собаньскі і іншыя [3, с. 84].

У рамках Гаагскай канферэнцыі адбылося шэраг нефармальных сустрэч Г. Страсбургера з М. М. Літвінавым у гасцініце “Аранж”, таксама пачаліся актыўныя гандлёвыя перагаворы дзелавых колаў Польшчы з членамі савецкай дэлегацыі. Актыўную ролю ў гэтым збліжэнні адыграў Е. Майер, Э. Розэ, Ю. Гусарскі – прадпрымальнікі, якія мелі добрыя эканамічныя сувязі ў былой Расійскай імперыі, добра ведалі расійскі рынак. Ю. Гусарскі актыўна выступаў у друку за заключэнне савецка-польскага гандлёвага дагавора, за эканамічнае супрацоўніцтва з гэтай краінай [5, с. 118].

Вынікам гэтых сустрэч стала двухбаковая сустрэча М.М. Літвінава – старшыні расійска-ўкраінскай дэлегацыі на Гаагскай канферэнцыі – з міністрам замежных спраў Польшчы Г. Нарутовічам і Ю. Пілсудскім. Яна адбылася ў Варшаве 4 жніўня 1922 г., падчас двухдзённага візіту савецкага прадстаўніка, па дарозе з Бельгіі ў Маскву. Падчас сустрэчы савецкі бок прапанаваў заключыць двухбаковы пакт аб узаемным супрацоўніцтве, ненападзенні і сяброўстве. Аднак Г. Нарутовіч даў зразумець М.М. Літвінаву, што гэтая прапанова з’яўляецца нецікавай для польскага кіраўніцтва. Фактычна адносіны паміж Польшчай і Савецкай Расіяй урэгуляваны пры дапамозе Рыжскага мірнага дагавора 18 сакавіка 1921 г. Польскі бок, у сваю чаргу, настойваў на заключэнні гандлёвага дагавора і на дакладным выкананні савецкім кіраўніцтвам фінансава-эканамічных абавязкаў. Пасля візіту М.М. Літвінава ў Варшаву, Р. Кноль паведамляў у польскае Міністэрства замежных спраў 9 жніўня 1922 г., што савецкі ўрад мае намеры да збліжэння з Польшчай, яго падштурхоўваюць эканамічныя і палітычныя інтарэсы. Сапраўды, Савецкая Расія ў гэты час імкнулася не абвастраць адносіны з Польшчай [4, с. 78]. На пасяджэнні Палітбюро ЦК РКП(б) 21 верасня 1922 г. было вырашана не прадпрымаць якіх-небудзь дыпламатычных выступленняў з боку РСФСР ці УССР у сувязі з прынятымі польскімі ўладамі рашэннем аб уключэнні Усходняй Галіцыі ў склад Польскай дзяржавы [6, арк. 16–18].

Працягам варшаўскіх савецка-польскіх перагавораў стаў візіт Г.В. Чычэрына ў Варшаву. Народны камісар замежных спраў РСФСР, вяртаючыся з Берліна, дзе ён праходзіў лячэнне, сустрэўся з міністрам замежных спраў Г. Нарутовічам, прэм’ер-міністрам А. Новакам, Ю. Пілсудскім. Згодна з справаздачай Г.В. Чычэрына, асноўным пытаннем, якое абмяркоўвалася ў ходзе сустрэч стала заключэнне савецка-польскага гандлёвага дагавора [3, с. 169]. Савецкі бок патрабаваў, каб Польшча прызнала “манаполію знешняга гандлю”. Польскае кіраўніцтва настойвала на абмежаванні дзяржаўнай манаполіі Савецкай Расіі на ажыццяўленне знешнегандлёвых мерыпры-емстваў. Гэты пункт фактычна стаў прычынай спынення савецка-польскіх перагавораў. Акрамя таго, было ўзнята пытанне склікання канферэнцыі па разбраенні. Польскае міністэрства замежных спраў паведамляла, што Г.В. Чычэрын акцэнтаваў увагу на мірныя памкненні савецкага боку і намагаўся пашырыць асновы для

мірнага супрацоўніцтва з Польшчай. Аднак, нягледзячы на адмоўны іх вынік, адзначаныя савецка-польскія стасункі сталі неабходнай базай для заключэння паштова-тэлеграфнай канвенцыі ў маі 1923 г. і актывізаваліся перагаворы па складанні санітарнай канвенцыі (падпісана 7 лютага 1923 г.). Таксама быў праведзены ў адпаведнасці з дадатковым пратаколам да Дагавора аб рэпатрыяцыі персанальны абмен у 300 чалавек [1, с. 514]. Узнавілі сваю працу Польшка-расійска-ўкраінская рээвакуацыйная камісія і Узгадняльная камісія па ліквідацыі пагранічных інцыдэнтаў.

Такім чынам, нягледзячы на тое, што Гаагская канферэнцыя павінна была абмеркаваць прэтэнзіі краін Антанты да Савецкай дзяржавы, звязаныя з нацыяналізацыяй уласнасці замежных уласнікаў і ануляваннем даўгоў царскага, Часовага ўрада, пытанне аб крэдытах, па сутнасці, не было прынята ніякіх рашэнняў. Прадстаўнікі краін Антанты адвергнулі ўсе прапановы савецкай дэлегацыі, накіраваныя на міжнароднае супрацоўніцтва, адмовіліся абмяркоўваць пытанне аб крэдытах, настойвалі на звароце нацыяналізаванай маёмасці яго былым уладальнікам. Гэтыя патрабаванні савецкая дэлегацыя рашуча адхіліла. Перыяд правядзення канферэнцыі супаў з этапам нармалізацыі савецка-польскіх адносін, якія выліліся ў шматлікія двухбаковыя сустрэчы, у ходзе якіх былі заключаны паштова-тэлеграфная і санітарная канвенцыі.

Крыніцы і літаратура:

1. Документы внешней политики СССР: в 24 т. – Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. – М.: Госполитиздат, 1959. – 702 с.
2. Документы внешней политики СССР: в 24 т. – Т. 5: 1 января 1922 г. – 19 декабря 1922 г. – М.: Госполитиздат, 1961. – 786 с.
3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 11 т. / под ред. С. Вроньского. – М.: Изд-во АН СССР, 1965. – Т. 4: апрель 1921 г. – май 1926 г. – 560 с.
4. Мезга, Н.Н. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния / Н.Н. Мезга ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 229 с.
5. Ольшанский, П.Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921–1924 гг. / П.Н. Ольшанский. – М. : Наука, 1974. – 285 с.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. Оп. 163. Д. 296.

**ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ВОПРОСЕ
О ПОЛОЖЕНИИ УКРАИНЦЕВ В ПОЛЬШЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.**

Е.Н. Дубровка (Гомель)

В рамках становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений проходил процесс территориального оформления восточных границ Польши. Он завершился в марте 1923 г. подписанием решения Конференции послов союзных держав в Париже о международном признании этих границ по линии, обозначенной в тексте Рижского мирного договора 1921 г., и далее на север – по линии раздела нейтральной полосы между Польшей и Литвой, указанной Советом Лиги наций 3 февраля 1923 г. [1].

В результате этого в составе Польши оказались закреплены территории исторических областей Восточной Галиции, части Подолья до реки Збруч и западной части Волыни, где проживало украинское население.

На международном уровне права национальных меньшинств и обязательства польского правительства по отношению к ним были зафиксированы в тексте договора, получившего известность как Малый Версальский договор, подписанного 28 июня 1919 г. между Польшей с одной стороны, и США, Великобританией вместе с доминионами, Францией, Италией и Японией – с другой. Страны-подписанты исходили из необходимости оформить решение этого вопроса в связи с вхождением в состав Польши ряда земель Германской империи с проживавшим там непольским населением, а также с учётом того, что не установленные Версальским мирным договором границы Польши должны быть определены названными союзными державами позже [9]. Таким образом, с марта 1923 г. действие этого договора распространилось и на украинское население Польши, вопрос о положении этого национального меньшинства в польском государстве однозначно приобрёл международный статус.

Учитывая значительную роль, которую Великобритания играла в международных отношениях в годы становления и функционирования Версальско-Вашингтонской системы, представляется актуальным выявить позицию этого государства в вопросе о положении украинского населения в Польше в первой половине 1920-х гг., когда у власти сменились представители всех ведущих политических партий.

В ходе Парижской мирной конференции, когда в связи с обсуждением потенциальных границ польского государства на юго-востоке встал вопрос о судьбе Восточной Галиции, британский премьер-министр либерал Д. Ллойд Джордж высказывался против передачи этого региона Польше, заявляя, что это пренебрежение этническим принципом, попытка поляков получить доступ к восточногалицийской нефти [5, р. 408–412]. Английская делегация согласилась лишь на временную оккупацию этого региона Польшей с целью не допустить продвижение войск Красной Армии в восточном направлении. Она также указывала на необходимость проведения в ближайшее время плебисцита [7, с. 375–376].

После окончания польско-советской войны и подписания Рижского мирного договора в британском ведомстве иностранных дел утвердилось мнение о возможности оставить населённые украинцами территории в составе Польши, однако при условии предоставления автономии Восточной Галиции. Британские дипломаты ссылались при этом на то, что Советская Россия сама отказалась от этой территории, а реализация национально-государственных устремлений украинского населения затруднена, «потребует военных действий» [4, р. 127–129, 138, 268–271]. Тем не менее включение в состав Польши территорий, заселённых украинцами, при том, что часть таких же по этническому составу территорий осталась к востоку от польской границы, оценивалось, в частности в военном ведомстве, как фактор, который мог в будущем спровоцировать наступление Красной армии в западном направлении [8, р. 5]. Поэтому только после прихода к власти

консервативного кабинета Э. Бонар Лоу в условиях обострения международной ситуации на фоне Рурского кризиса Великобритания согласилась, во многом в качестве уступки союзной Франции Польше, на признание её восточных границ. При этом не предоставлялись гарантии их неприкосновенности и в преамбулу документа о признании по настоянию Великобритании был введён пункт об обязательстве Польши обеспечить автономию Восточной Галиции [4, р. 775–777, 783–784.]. Однако и наличие такой оговорки не предотвратило критику этого решения правительства со стороны оппозиционных депутатов-лейбористов и независимых либералов. В публицистических работах, подготовленных в их кругах, передача этого региона Польше характеризовалась как санкционирование там «ига» и «ужасов польского террора» [10, р. 4]. Как показывают рапорты польских представителей из Лондона, британское внешнеполитическое ведомство проявляло озабоченность ростом обращений депутатов от оппозиции в связи с восточногалицийским вопросом [1, s. 286–290.].

Учитывая такую ситуацию, приход к власти лейбористского Кабинета в начале 1924 г., как писал британский дипломат Р. Липер новому премьер-министру Р. Макдональду, вызывал в Варшаве уверенность, что Лондон начнёт проявлять «более критическое отношение к проблеме национальных меньшинств в Польше». Давая свою оценку названной проблеме, он отмечал, что в Польше присутствовало мнение о присущем России стремлении к панславизму, при этом польское государство пыталось стать противовесом России в этом, стремясь привлечь к себе славянские народы: «Хорошее отношение к нацменьшинствам может привлечь белорусов и украинцев за границами Польши, и это поможет в деле соперничества с Россией». По мнению Р. Липера, насущными были проблемы организации местного самоуправления и учреждения национального университета, «чтобы оттянуть их (представителей нацменьшинств – Е. Д.) от политической агитации» [3, р. 732].

Весной 1924 г. в Польшу была направлена английская миссия, чтобы изучить положение в регионах, где проживало украинское население [11, s. 270]. В мае 1924 г. её глава Р. Липер представил рапорт по результатам поездки в Восточную Галицию и Волынь. По его оценкам, в Волыни украинское национальное сознание было ещё в зачаточном состоянии. Здесь вопрос о политической автономии пока не стоял. Однако польская администрация, по мнению дипломата, совершала ошибки при организации управления здесь: допущение религиозных столкновений между католиками и православными, военная колонизация и недостаточное внимание к образовательным нуждам украинцев [3, р. 785]. В Восточной Галиции, по его же оценке, проблема враждебности к польскому правительству более неотложная, так как там национальное сознание более развито и нужно предпринимать более активные меры, чтобы удовлетворить требования украинцев. При этом Р. Липер отметил, что местные украинцы отвергают любые меры, называя их неадекватными, и продолжают забрасывать союзников и Лигу наций петициями «в напрасной надежде таким образом совершить чудо» [3, р. 786].

В ответ на полученную информацию в конце июня 1924 г. премьер-министр Р. Макдональд, занимавший одновременно пост главы внешнеполитического ведомства, посчитал необходимым изложить британскому послу в Варшаве У. Макс Мюллеру концепцию политики британского правительства в отношении украинской проблемы в Польше. Он указал, что Великобритания получает многочисленные петиции с изложением бедствий украинского народа, стремящегося, чтобы Великобритания вмешалась и заставила польское правительство не только пойти на маленькие уступки, но и принять шаги для предоставления им полной автономии. Однако «не вина британского правительства», что надежды украинцев на автономию не сбылись; упоминание автономии в преамбуле решения послов от 15 марта 1923 г. является декларацией и не предполагает дипломатического давления на Польшу [3, р. 793]. Что касается Малого Версальского договора, то его задачей Р. Макдональд считал «защиту местных крестьян от плохого обращения, а не поддержку пропаганды со стороны интеллигенции, которая может привести к беспорядкам и нестабильности». Он подчёркивал, что действительная цель Великобритании – помочь польскому правительству избежать беспорядка, при этом нацменьшинства не должны считать, что лишены возможности добиться справедливости. С другой стороны, следовало избегать вмешательства в «сомнительные вопросы, которые касаются небольшого количества людей», проявлять осторожность, не расширять гарантии, зафиксированные в договоре, поэтому, например, создание национального университета не являлось проблемой Великобритании. Британский премьер-министр рекомендовал послу «неофициальными беседами и советами подталкивать польское правительство к созданию эффективной системы управления», необходимой для развития сельского хозяйства в регионе [3, р. 794–795]. Показательна и оценка главой британского Кабинета политики Польши в отношении проблемы украинского национального меньшинства: «к сожалению, кажется сомнительным, что поляки решат эту проблему мудро. Они не только пока малоопытны в искусстве управления, но и находятся под большим влиянием крайнего национализма» [3, р. 794].

После возвращения к власти в Великобритании консервативного Кабинета в ноябре 1924 г. проблема украинского меньшинства в Польше вновь стала поводом для критических высказываний в адрес правительства со стороны оппозиционных депутатов парламента. Главе британского внешнеполитического ведомства приходилось признавать, что к нему поступали доклады об отношении к украинскому меньшинству в Польше, и «украинские жители Польши, без сомнения, в прошлом подавали искренние жалобы; но они не были такими, которые могли бы быть эффективно удовлетворены каким-либо вмешательством Лиги Наций» в рамках подписанных договоров [6].

Как видим, позиция Великобритании по вопросу о положении украинцев в Польше в первой половине 1920-х гг. была исключительно прагматичной: он использовался во внутривнутриполитической борьбе, но во внешней политике сменявшихся кабинетов сохранялась преемственность в его отношении.

Источники и литература:

1. Archiwum Act Nowych (Warszawa). – Zespół 463. Sygn. 61.
2. Decision taken by the Conference of ambassadors with regard to the eastern frontiers of Poland, Paris, March 15, 1923 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.worldlii.org/int/other/treaties/LNTSer/1923/36.html>. – Date of access: 13.04.2022.
3. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. W.N. Medlicott. – London : His Majesty's stationary office, 1984. – Vol. 25. – 970 p.
4. Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. R. Butler. – London : His Majesty's stationary office, 1981. – Vol. 23. – 1026 p.
5. Papers relating to the foreign relation of the United States. 1919. The Paris peace conference : in 13 vol. / Department of state. – Washington, 1943. – Vol. 4. – 880 p.
6. Poland (treatment of Ukrainians). 13 May, 1925 [Electronic resource] // House of Commons Debates. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/may/13/poland-treatment-of-ukrainians>. – Date of access: 13.04.2022.
7. Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały : w 3 t. / red. K.R. Bierzanek. – Warszawa, 1967. – T. 2. – 483 s.
8. The military situation in Russia, Caucasia, Turkey and Greece. Memorandum by the secretary of state for war, 19th February, 1921 [Electronic resource] // The National Archives. – Mode of access: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7737111>. – Date of access: 15.04.2022.
9. Traktat między głównymi mocarstwami sprzymierzonymi i stowarzyszonymi a Polską Wersal, 28 czerwca 1919 [Electronic resource]. – Mode of access: https://web.archive.org/web/20140308135112/http://electronicmuseum.ca/Poland_between_Wars/paris_peace_conference/paris_poland_pl.html. – Date of access: 13.04.2022.
10. Wedgwood, J. C. The future of the Indo-British commonwealth / J. C. Wedgwood. – London : Theosophical Publishing House, 1921. – 251 p.
11. Zurowski, M. The British Foreign office and Poland's Eastern minorities, 1918–1941 / M. Zurowski // The Ukrainian Quarterly. – 1990. – № 3. – S. 262–281.

**ДА ПЫТАННЯ АБ УРЭГУЛЯВАННІ МЯЖЫ
ПАМІЖ БССР І УССР У 1924–1927 ГГ.**

А.В. Бараноўскі (Мінск)

Актам гістарычнай справядлівасці стала ўз'яднанне ў 1924 г. і 1926 г. усходнебеларускіх тэрыторый з БССР. Афармленне дзяржаўнай мяжы Беларускай рэспублікі з РСФСР, у адрозненне ад урэгулявання мяжы з УССР, грунтоўна адлюстравана ў айчынай і замежнай гістарыяграфіі. Фарміраванне ж беларуска-ўкраінскай мяжы да апошняга часу заставалася маладаследаваным як беларускімі, так і ўкраінскімі навукоўцамі. Сёння праблема фарміравання мяжы паміж БССР і УССР у 1918–1939 гг. адлюстравана ў публікацыях беларускіх гісторыкаў С. Хоміча [4, с. 279–282], М. Старавайтава [3], Д. Юрчака [5, с. 119–130], украінскага гісторыка права Р. Губаня [2] і іншых даследчыкаў, і тым не менш, асобныя аспекты дадзенай праблемы яшчэ патрабуюць даследавання.

Вясной 1924 г. кіраўніцтвам УССР было ўзнята пытанне аб урэгуляванні беларуска-ўкраінскай мяжы [7]. У красавіку 1924 г. па ініцыятыве кіраўніцтва Украінскай рэспублікі Прэзідыумам ЦВК СССР была створана спецыяльная камісія па ўрэгуляванні мяжы паміж РСФСР і УССР пад старшыняствам А. Чарвякова. На пасяджэнні гэтай камісіі 1 ліпеня 1924 г.

украінская дэлегацыя зрабіла шэраг прапаноў, якія тычыліся ўрэгулявання беларуска-ўкраінскай мяжы, а менавіта: «Украина считает подлежащей включению в состав УССР часть территории бывшей Минской губернии, находящейся на правом берегу р. Словечны, а в состав БССР – включению территории, входящей в настоящее время в состав Украины» [1, с. 402]. На гэтым жа пасяджэнні А. Чарвякоў заявіў, што ўрэгуляванне памежных пытанняў паміж БССР і УССР можа быць зроблена камісіяй у тым жа складзе, які вызначаны для ўстанаўлення межаў паміж УССР і РСФСР. У выніку на камісію быў ускладзены абавязак канчатковага ўстанаўлення беларуска-ўкраінскай мяжы [1, с. 402].

На пасяджэнні Прэзідыума ЦВК БССР 25 ліпеня 1924 г. яго старшыня А. Чарвякоў азнаёміў прысутных з рашэннем надзяліць Камісію ЦВК СССР па ўрэгуляванні мяжы паміж РСФСР і УССР правам устанаўлення беларуска-ўкраінскай мяжы. Абмеркаваўшы дадзенае пытанне, Прэзідыум ЦВК БССР прыняў рашэнне даручыць беларускаму ўраду падрыхтаваць для канчатковага вырашэння тэрытарыяльнае пытанне, што было ўзнята ўкраінскім урадам [10].

На працягу ліпеня 1924 г. гэтае пытанне ў Беларусі стала абмяркоўвацца не толькі на савецкім, але і на партыйным узроўнях. 31 ліпеня 1924 г. бюро ЦК КП(б)Б палічыла неабходным прыступіць да ўрэгулявання мяжы паміж УССР і БССР. Прэзідыуму ЦВК БССР было даручана «выделить двух представителей, на которых должна быть возложена работа по подготовке, разработке и даче заключений по затрагиваемым территориям» [6]. 8 жніўня 1924 г. Прэзідыум ЦВК БССР вызначыўся з паўнамоцнымі прадстаўнікамі Беларускай рэспублікі па пытанні аб урэгуляванні беларуска-ўкраінскай мяжы. Інтэрэсы Беларусі павінны былі адстойваць Д. Чарнушэвіч і С. Гельтман, а таксама В. Дыла і Я. Кроль, пры адсутнасці першых двух [9, арк. 1].

Цэнтральнай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай камісіяй пры Усеўкраінскім ЦВК на пасяджэнні СНК УССР 14 жніўня 1924 г. быў прадстаўлены праект змены беларуска-ўкраінскай мяжы. Патрэбнасць урэгуляванні мяжы паміж УССР і БССР тлумачылася неабходнасцю ліквідаваць выступы, якія ўкліньваліся ў тэрыторыю як Савецкай Украіны, так і Савецкай Беларусі [9, арк. 29]. СНК БССР 8 кастрычніка 1924 г. прыняў пастанову «Об исправлении границы между БССР и УССР» у якой падтрымаў украінскі праект змены беларуска-ўкраінскай мяжы. У сваю чаргу, Прэзідыум ЦВК БССР 10 кастрычніка 1924 г. цалкам падтрымаў вышэйзгаданую пастанову СНК БССР [1, с. 403]. Камісія ЦВК СССР па ўрэгуляванні межаў паміж РСФСР, УССР і БССР 21 кастрычніка 1924 г. таксама пагадзілася з праектам афармлення беларуска-ўкраінскай мяжы, што быў прапанаваны ўкраінскім бокам і падтрыманы беларускім [9, арк. 88].

Пасля ўзгаднення пытання аб урэгуляванні мяжы паміж БССР і УССР на рэспубліканскім узроўні, яно было перададзена на агульнасаюзны ўзровень. Толькі праз год, 16 кастрычніка 1925 г. Прэзідыум ЦВК СССР прыняў пастанову «Аб урэгуляванні мяжы УССР з РСФСР і БССР», тым

самым зацвердзіўшы вышэйзгаданы праект змены беларуска-ўкраінскай мяжы. Прэзідыумам ЦВК СССР было таксама прынята рашэнне аб спыненні дзейнасці сваёй камісіі па ўрэгуляванні межаў і аб арганізацыі парытэтнай камісіі, на якую ўскладалася прыёмка і перадача тэрыторыі, размеркаванне маёмасцей, крэдытаў і інш. [12, арк. 4–6].

Пастановай Прэзідыума ЦВК БССР ад 6 лістапада 1925 г. у склад парытэтнай камісіі па ўрэгуляванні мяжы паміж УССР і БССР ад Беларусі былі дэлегаваны А. Хацкевіч і Д. Прышчэпаў [13, арк. 3]. Малы прэзідыум Усеўкраінскага ЦВК 23 лютага 1926 г. у склад парытэтнай камісіі ад УССР дэлегаваў Канатопа і Фядотава [13, арк. 2]. Старшынёй жа камісіі быў прызначаны старшыня камісіі ЦВК СССР па раянаванню С. Тер-Габріэлян [11].

Вясной 1926 г. была створана Прыёма-здатачная камісія па прыёме і здачы тэрыторый, якія адыходзяць ад УССР да БССР і ад БССР да УССР (далей Мазырска-Корасценская прыёма-здатачная камісія), куды ўваходзілі па два прадстаўнікі з беларускага і ўкраінскага бакоў. 19 сакавіка 1926 г. камісіяй быў складзены акт аб удакладненні межаў паміж Мазырскай акругай БССР і Корасценскай акругай УССР. Згодна акту беларуска-ўкраінскае тэрытарыяльнае пытанне павінна было вырашыцца наступным чынам: «1. Территорию, подведомственную Засинцовскому сельсовету южной части Каролинского района Мозырского округа с 20-ю населенными пунктами и 2171 душ. населения <...>, как территориально вклинившуюся при наличии экономического тяготения населения к городу Овручу передать Овручскому району Коростенского округа УССР. 2. Ввиду того, что деревня Войткевичи целиком отошла к Польше, а оставшаяся часть территории без населенных пунктов согласно установленной новой границы от впадения реки Купели в реку Студенку и далее вблизи уроч. Погребеще, Курган, Каменица, Плоска и Ясное с передачей БССР остается территориально узко-вклинившейся в Олевский район УССР, а посему Комиссия считает означенную территорию оставить за Олевским районом в старых границах. 3. Северную часть территории Олевского района УССР с деревнями: Копище и Майдан с населением 2500 душ и площ. земли 9972 дес. по границе уроч. Кривульки у острова Козьи Ноги, принимая во внимание самостоятельное существование Копищанского сельсовета и окаймленность его течением реки Уборть, Комиссия считает необходимым Копищанский сельсовет оставить самостоятельным сельсоветом с присоединением к Лельчицкому району Мозырского округа БССР. 4. Северная часть территории Словечанского района УССР с дер. Жидова и хут. Пласток, Малашки и Поросля с числом дворов 63 и 348 душ населения с площ. земли 12 000 дес. по границе от уроч. Антоновский Остров и дальше на уроч. Большая Речица, Толкачи, Брод, Смолково, Воронов, Дуплиха, Кожушница и Свиной до уроч. Жидова передать Лельчицкому району Мозырского округа путем присоединения данной территории к сельсоветам. Комиссия считает необходимым поручить Лельчицкому РИКу и Мозырскому окрисполкому выяснить тяготения населения данной территории на предмет окончательного присоединения к соответствующим сельсоветам. 5. Северная часть территории Овручского района УССР, выражающаяся

в лесной площади около 219 дес., которая лежит на левом берегу реки Словечно между деревнями Новая Рудня и Гажин, передать Головчицкому лесничеству Мозырского округа БССР» [13, арк. 11–12].

Мазырска-Корасценская прыёма-здаточная камісія 8 красавіка 1926 г. удакладніла 5 пункт вышэйзгаданага акта: «установить государственную границу между УССР и БССР в части передаваемой территории части Овручского района Коростенского округа к БССР следующим порядком: от пересечения бывшей границы между Волынской и Минской губерниями, рекой Словечно по течению последней с Запада на Восток» [1, с. 327–328]. Здавалася б, тэрытарыяльнае пытанне паміж рэспублікамі было вырашана канчаткова і варта толькі правесці пастанову ЦВК СССР у жыццё, але гэта было не зусім так.

Член камісіі ад УССР І. Нарадзіцкі на наступны дзень накіраваў у Цэнтральную адміністрацыйна-тэрытарыяльную камісію пры Усеўкраінскім ЦВК дакладную запіску аб узбуджэнні хадайніцтва перад ЦВК СССР аб адмене яго пастановы адносна ўрэгулявання ўкраінска-беларускай мяжы. Неабходнасць узбуджэння хадайніцтва тлумачылася наступнымі абставінамі: «Если провести границу между УССР и БССР по линии, указанной в постановлении ЦИК СССР, население передаваемых хуторов и селений лишается основного источника существования – сенокосов, которые находятся на расстоянии 20–30 верст по одну и другую сторону вновь проводимой границы» [13, арк. 15].

Цэнтральная адміністрацыйна-тэрытарыяльная камісія, а затым і сам Усеўкраінскі ЦВК дэталёва азнаёміліся з дакладной запіскай І. Нарадзіцкага. У выніку было прынята рашэнне накіраваць у ЦВК БССР запыт з мэтай высветліць стаўленне беларускага боку да пытання земляўпарадкавання тэрыторый, што перадаваліся паміж рэспублікамі [13, арк. 14]. ЦВК БССР на сваім пасяджэнні 26 чэрвеня 1926 г. разгледзеў запыт Усеўкраінскага ЦВК і заняў наступную пазіцыю: населеныя пункты адыходзяць са ўсімі землямі, якімі да гэтага часу карысталася насельніцтва, а ў выпадку глыбокага ўклінівання ў тэрыторыю другой рэспублікі лічыць, што пытанне аб мэтазгоднасці перадачы павінна быць абмеркавана яшчэ раз [13, арк. 16].

У чарговы раз разгледзеўшы беларуска-ўкраінскае тэрытарыяльнае пытанне, Парытэтная камісія па ўрэгуляванні межаў паміж РСФСР, УССР і БССР 4 лістапада 1926 г. прыйшла да высновы аб неабходнасці захавання мяжы паміж рэспублікамі ў тым выглядзе, у якім яны знаходзіліся да прыняцця пастановы Прэзідыума ЦВК СССР ад 16 кастрычніка 1925 г. Адразу пасля пасяджання парэтнай камісіі ў СНК БССР і СНК УССР былі накіраваныя запыты з мэтай высветліць стаўленне ўрадаў да адмены вышэйзгаданай пастановы ЦВК СССР [13, арк. 53].

Беларускі бок лічыў беларуска-ўкраінскае тэрытарыяльнае пытанне канчаткова не вырашаным. Гэты тэзіс падкрэсліваўся на пасяджэннях Прэзідыума ЦВК БССР 27 лістапада і 11 снежня 1926 г. У сувязі з гэтым праца па канчатковаму вывучэнню пытання аб межах паміж БССР і УССР даручалася наркаматам унутраных спраў і земляробства БССР [13, арк. 49, 51].

Наркамат унутраных спраў БССР 16 лютага 1927 г. праінфармаваў ЦВК БССР адносна паўторнага вывучэння пытання аб урэгуляванні беларуска-ўкраінскай мяжы. У выніку была пацверджана, мэтазгоднасць выканання пастановы Прэзыдыума ЦВК ССР ад 16 кастрычніка 1925 г., аднак толькі пасля правядзення з боку БССР і УССР земляўпарадкавання ва ўсіх насельных пунктах, якія прылягалі да новай мяжы [13, арк. 106]. 5 сакавіка 1927 г. ЦВК БССР прыняў канчатковую пастанову аб правядзенні беларуска-ўкраінскай мяжы: «Просить ЦИК Союза ССР оставить в силе постановление свое от 16 октября 1925 г. с тем, чтобы проведение на практике новой границы осуществлялось постепенно, вместе с проводимым землеустройством по этой границе со стороны БССР и УССР» [12].

Прэзідыум ЦВК ССР на сваім пасяджанні 25 лістапада 1927 г. разглядзеў пытанне аб урэгуляванні мяжы паміж БССР і УССР і прыняў пастанову, у якой пацвердзіў сваё рашэнне ад 16 кастрычніка 1925 г. Усе-ўкраінскаму ЦВК і ЦВК БССР даручалася правесці яе ў жыццё, папярэдне надзяліўшы жыхароў памежных тэрыторый зямлёй [4, с. 281]. Толькі з прыняццем дадзенай пастановы быў завершаны працэс афармлення мяжы паміж рэспублікамі.

Такім чынам, на працягу 1924–1927 гг. адбывалася карэкціроўка беларуска-ўкраінскай мяжы. Неабходнасць яе ўрэгулявання была выклікана адміністрацыйна-гаспадарчымі прычынамі. Тэрытарыяльныя змены не аказвалі прынцыповага ўплыву на тэрытарыяльнае ўладкаванне савецкіх рэспублік.

Крыніцы і літаратура:

1. Государственные границы Беларуси : сб. документов и материалов : в 2 т. / сост.: В.Е. Снапковский [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – Т. 1. : (март 1917 – ноябрь 1926). – 495 с.
2. Губань, Р.В. Правовое регулирование украинско-белорусской государственной границы в 1918–2010 гг. / Р.В. Губань // Актуальные проблемы науки XXI века : сб. науч. ст. молодых ученых / Минский ун-т управления. – Минск, 2014. – С. 9–13.
3. Старовойтов М.И. Формирование межгосударственной белорусско-украинской границы (1918–1929 годы) / М.И. Старовойтов // Дзяржаўнасць Беларусі ў XX стагоддзі : да 100-годдзя абвяшчэння Беларускай Народнай Рэспублікі і Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі : зборнік навуковых артыкулаў / Установа адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны». – Гомель, 2019. – С. 62–74.
4. Хомич, С.Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С.Н. Хомич. – Минск : Экономпресс, 2011. – 415 с.
5. Юрчак, Д.В. Беларусь – Украина : 20 лет межгосударственных отношений : монография / Д.В. Юрчак. – Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2012. – 279 с.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 1277. Арк. 299.
7. НАРБ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 301. Арк. 311.
8. НАРБ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 298.
9. НАРБ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 349.
10. НАРБ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 351. Арк. 378.
11. НАРБ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 566. Арк. 80.
12. НАРБ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 1241. Арк. 14.
13. НАРБ. – Ф. 34. Воп. 1. Спр. 805.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР О НЕЙТРАЛИТЕТЕ 1926 г.

Д.А. Мигун (Минск)

24 апреля 1926 г. в Берлине был подписан советско-германский договор о согласовании всех вопросов политического и экономического характера, касающихся обеих стран, в дальнейшем получивший определение как договор о нейтралитете [8, с. 9]. Условия и текст данного договора выработывались в очень сложных и не простых переговорах. В итоге это стало политическим соглашением между двумя странами [7, с. 170–180].

В секретной телеграмме Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову «О подписании и публикации договора о нейтралитете с Германией» № 3266 от 23 апреля сообщалось о том, что «подписываем договор в субботу 24-го в 12 час. дня. По подписании его телеграфирую клером, успеете получать эту телеграмму еще до вечернего заседания. Текст, вероятно, остается неизменным. Извещение о факте подписания появится здесь в воскресных газетах. Немцы не возражают против оглашения дословного текста на пленуме ЦИКа, но просят не публиковать его в печати раньше вторника, так как в понедельник комиссия по иностранным делам и им неудобно появление текста в печати до официального сообщения его правительству и комиссии рейхстага. Если на заседании ЦИКа будут иностранные журналисты, надо чтобы они не телеграфировали своим редакциям полного текста договора до его официального опубликования» [5, с. 894–895].

Выступая по радио после подписания договора, министр иностранных дел Густав Штресеман заявил: «Берлинский договор не является случайностью. Он заключен между двумя дружественными державами и их народами. Договор построен на основе дружбы и мира между Германией и Россией» [8, с. 9]. Со стороны Советского Союза его подписал полпред Н. Крестинский, а Германии – министр иностранных дел Густав Штресеман. В преамбуле говорилось о том, что «германское правительство и правительство СССР, руководимые желанием сделать все, что может способствовать сохранению всеобщего мира, и будучи убежденными, что интересы германского народа и народов СССР требуют постоянного, основанного на полном доверии, сотрудничества, согласились закрепить существующие между ними дружеские отношения заключением особого договора» [1, с. 54].

Договор исходил из того, что «в основе взаимоотношений между СССР и Германией остается Рапальский договор». Правительства обязывались «поддерживать дружественный контакт с целью достижения согласования всех вопросов политического и экономического свойства, касающихся одинаково обеих стран» [1, с. 55]. Статья 2 договора гласила: «Если, вопреки своему мирному поведению, одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта» [1, с. 55]. В статье 3 указывалось на то, что «ни одна договаривающаяся сторона не будет примыкать к коалиции третьих держав с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон» [1, с. 55].

Заключение данного договора также сопровождалось обменом нотами, которые являлись составной частью договора. В ноте германского министра иностранных дел на имя полномочного представителя СССР в Германии указывалось, что «обе стороны обсудили в духе необходимости сохранения всеобщего мира принципиальные вопросы, связанные со вступлением Германии в Лигу наций» [1, с. 55–56]. «Германское правительство убеждено, – говорилось в ноте, – что принадлежность Германии к Лиге наций не может быть препятствием к дружественному развитию отношений между Германией и СССР. Если бы, вопреки этому, чего германское правительство не допускает, в среде Лиги наций возникли когда-либо стремления, которые в противоречии с этой основной идеей мира были бы односторонне направлены против СССР, германское правительство будет со всей энергией противодействовать таким стремлениям» [1, с. 55–56]. Германское правительство заявляло, что «вопрос о применении санкций против СССР мог бы встать лишь в том случае, если бы СССР начал наступательную войну против третьей державы. Оно отмечало, что определение того, является ли СССР нападающей стороной, может быть произведено только с согласия Германии» [1, с. 55–56]. «Необоснованное обвинение, – указывалось в ноте, – не будет обязывать Германию участвовать в мероприятиях, предпринятых на основании ст. 16» [1, с. 56]. Такое заявление германского правительства давало определенные надежды, что Германия не будет вовлечена в антисоветскую политику Лиги наций. В 1926 г. СССР впервые получил в Германии сравнительно долгосрочный заем в сумме 300 млн марок. Он был предоставлен банками и частично гарантирован германским правительством, что имело немаловажное значение [3, с. 229]. Таким образом, новое политическое соглашение между Советским Союзом и Германией на базе дальнейшего развития рапалльской политики способствовало росту экономического сотрудничества обоих государств.

В 1929 г. в СССР прибыл новый германский посол. Во всебелорусской ежедневной газете «Рабочий», издававшейся от ЦК КП(б)Б и ЦСПСБ, в номере от 8 января 1929 г. под названием «Приезд германского посла господина фон-Дирксена в СССР» сообщалось, что «вчера ночью из Берлина в Москву через станцию Негорелое проехал вновь назначенный германский посол в Москве господин Герберт фон Дирксен. Из Москвы для встречи посла на станцию Негорелое прибыл секретарь германского посольства господин Енке. Вместе с послом в Москву проехали ряд новых сотрудников посольства» [6].

На станции Негорелое состоялась беседа специального корреспондента газеты «Рабочий» с господином послом. Господин Герберт фон Дирксен сообщил, что он с радостью принял поручение своего правительства занять пост германского посла в Москве [6]. Он также заявил в интервью специальному корреспонденту, что имеет большой опыт дипломатической службы. Ранее он занимал руководящие посты в восточном отделе германского министерства иностранных дел уже в течение ряда лет и имел возможность активно работать над развитием и углублением дружественных отношений между Германией и СССР. В 1925 г.

он был председателем торговой делегации, которая проводила переговоры с СССР. Далее он сообщил, что «это сознание еще больше укрепилось во мне на основании теплых отзывов советской печати по поводу моего назначения. Я приступаю к исполнению своей высокой и ответственной задачи в твердой надежде на то, что сумею работать на благо германского народа и народов СССР. При этом я убежден, что атмосфера взаимного доверия и понимания между советским правительством и германским, созданная деятельностью моего предшественника, безвременно скончавшегося графа Брокдорф-Ранцау, равно как и личные отношения, связывающие меня уже давно с руководящими государственными деятелями СССР, облегчат мне успешное выполнение этой задачи» [6].

Однако, как отмечает российский историк П.В. Макаренко, «с включением Германии, а затем и СССР в мировую политику обе стороны получили возможность использовать альтернативных партнеров и начали переосмысление двусторонних отношений не только в военной, но и в политической и торгово-экономической сферах. Сугубо прагматический подход Берлина и Москвы к обоюдному сотрудничеству ставил под вопрос судьбу курса Рапалло, который к 1933 г. стал терять для обеих сторон свою политическую и практическую значимость» [4, с. 124].

На страницах органа Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Беларуси и Минского Областного комитета КП(б) – газеты «Звезда», в номере от 27 июля 1930 г., в статье под названием «Защита завоеваний Октябрьской революции, обеспечение нашему социалистическому строительству мирных условий – вот важнейшие задачи иностранной политики Советского Союза. Беседа товарища Литвинова с иностранными корреспондентами» были четко очерчены задачи внешней политики СССР в начале 30-х гг. XX ст. [2]. Так, Народный Комиссар Иностранных Дел СССР М.М. Литвинов отмечает, что «в капиталистических странах смена членов правительства, и в частности руководителей внешней политики, является в большинстве случаев результатом борьбы политических партий и представляемых ими классовых интересов, а иногда приспособлением к изменившейся внешнеполитической конъюнктуре и даже к внешним влияниям. В стране же диктатуры пролетариата, где рабочие и крестьяне полностью и нераздельно осуществляют свою власть, внешняя политика целиком определяется волей рабоче-крестьянских масс, находящей свое выражение в решениях Советского правительства» [2].

Одной из основных задач советской внешней политики и дипломатии начала 30-х гг. М.М. Литвинов называет «защиту завоеваний Октябрьской революции от внешнего воздействия и вмешательства» [2]. Не менее важной задачей советской дипломатии является обеспечение нашему социалистическому строительству мирных условий и свободы от внешних потрясений. Чем значительнее планы нашего строительства, чем быстрее его темпы, тем больше наша заинтересованность в сохранении мира» [2].

Советскому государству приходится строить социализм в одной стране в окружении капиталистических стран, занимающих 5/6 земного шара. Этот факт нельзя игнорировать и нужно стремиться к изысканию

и осуществлению способов мирного сосуществования обеих социальных систем. Народный Комиссар Иностранных Дел СССР предвидел, что СССР придется и в дальнейшем придется делать величайшие усилия для борьбы с агрессивными стремлениями определенных капиталистических групп, идущих в сторону создания постоянных трений и конфликтов между обеими системами [2].

Далее он указывает на колоссальные противоречия внутри капиталистических стран и на то, что «мирные договоры, завершившие империалистическую войну, наложившие огромные тяготы на одни страны в пользу других, углубили противоречия, проведя глубокую, не поддающуюся стиранию грань между так называемыми странами-победительницами и побежденными» [2].

Очень корректно и дипломатично Народный Комиссар Иностранных Дел СССР М.М. Литвинов высказывается о глубинных противоречиях, заложенных в основу Версальской системы международных отношений и внешнеполитических мероприятий, предпринимаемых в этой связи со стороны СССР. Так он отмечает, что «государства, заинтересованные в увековечении последствий и несправедливостей, воплощенных в упомянутых договорах, одновременно ведут наиболее агрессивную и враждебную политику и в отношении нашего Союза, создалась некоторая общность интересов Советского Союза с пострадавшими от войны государствами. На почве этой общности интересов у Союза возникли с некоторыми из этих государств вполне корректные, нормальные и даже в некоторых случаях дружественные отношения, которые мы и в дальнейшем хотели бы лояльно развивать и укреплять. Не стремясь, однако, к участию в группировках одних государств против других, мы в то же время искренне будем стремиться к установлению одинаковых отношений со всеми государствами, которые этого пожелают» [2]. Здесь он, конечно же, имеет в виду Германию, Рапалльский договор и те отношения, которые сложились между СССР, БССР и Германией после его заключения.

Советское руководство выражает желание расширять экономическое сотрудничество с другими государствами. Однако здесь, как отмечает М.М. Литвинов, «мы встречаемся с противоположными стремлениями отдельных враждебных капиталистических групп, ведущих кампанию за срыв экономических связей с нашим Союзом. Их усилия направлены против всего нашего внешнего товарооборота. Но все эти антисоветские кампании обречены на полную неудачу, ибо в конечном счете они должны ударить не только по нашим интересам, но еще в большей мере по интересам тех стран, которые к подобным кампаниям присоединились бы» [2].

Как будто бы предвидя скорый приход к власти в Германии и других странах Восточной Европы национал-социалистов, М.М. Литвинов отмечает, что «СССР особенно внимательно будет следить за политикой ближайших соседних стран, где за последнее время стало заметно усиление агрессивных и шовинистических движений, создающих большую угрозу делу мира, считая по-прежнему одной из важнейших задач нашей дипломатии укрепление и развитие мирных добрососедских отношений с этими странами» [2].

Источники и литература:

1. Внешняя политика СССР : сб. док.: в 5 т. / редкол.: Б. Штейн (гл. ред.) [и др.]. – М.: Высш. партийн. шк. при ЦК ВКП(б). Каб. соц.-экон. наук, 1944–1946. – Т. 3: 1925–1934 гг. – 1945. – 802 с.
2. Защита завоеваний Октябрьской революции, обеспечение нашему социалистическому строительству мирных условий – вот важнейшие задачи иностранной политики Советского Союза. Беседа товарища Литвинова с иностранными корреспондентами // Звезда. – 1930. – 27 июля. – С. 1.
3. История внешней политики СССР. 1917–1985: в 2 т. / под ред. А.А. Громыко. – 5-е изд. – М.: Наука, 1976. – Т. 1 : 1917–1945 гг. / ред. А.А. Громыко [и др.]. – 536 с.
4. Макаренко, П.В. Зигзаги курса Рапалло после заключения Берлинского договора / П.В. Макаренко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. – 2010. – № 2. – С. 119–125.
5. Москва-Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941 : сб. док. : в 3 т. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. – М.: Наука, 2011. – Т. 1 : 1920–1926. – 1031 с.
6. Приезд германского посла господина фон-Дирксена в СССР // Рабочий. – 1929. – 8 янв. – С. 5.
7. Трухнов, Г.М. Поучительные уроки истории. Три советско-германских договора (1922–1926 гг.) / Г.М. Трухнов. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1979. – 184 с.
8. Трухнов, Г.М. Рапалло в действии: из истории советско-германских отношений (1926–1929 гг.) / Г.М. Трухнов. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1982. – 216 с.

**ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ
СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В 1920–1930-е гг.**

И.В. Жилинская (Минск)

Отсутствие дипломатических отношений и коммуникативной инфраструктуры СССР с большинством стран мира в первой половине 1920-х гг. явились причиной появления информационного вакуума в зарубежных странах в отношении Советского Союза, что повлекло за собой рождение множества мифов. В такой ситуации руководство СССР стало искать каналы распространения информации о стране, создания ее положительного имиджа. С этой точки зрения культура явилась наиболее действенным фактором, т.к. она является нейтральной в политическом отношении и практически не содержит негативных аспектов. К середине 20-х гг. руководство Советского Союза начинает четко осознавать компенсаторную функцию культуры в международных отношениях, вырабатывать стратегию ее использования в своей внешней политике. С другой стороны, в 20-е – первой половине 30-х гг. отмечается значительный рост интереса к СССР в среде зарубежной интеллигенции, связанный в первую очередь, со стремлением найти идеал социально-экономического устройства, позже с популярностью внешнеполитического курса СССР, направленного на реальное сопротивление возраставшей гитлеровской агрессии. В такой ситуации использование информационных каналов для продвижения советской культуры и культурной дипломатии за рубежом являлось действенным инструментарием создания благоприятного имиджа СССР за рубежом, в первую очередь, на Западе.

Основными формами информационной работы являлись подготовка информационных статей и посылка их за границу для публикации в зарубежных изданиях, переписка с отдельными лицами и снабжение их информацией

о культуре Советского Союза для их выступлений публичных или в прессе, издание и пересылка за рубеж специальных информационных периодических изданий, а также рассылка за границей советских изданий. Наибольшее значение в указанный период имело радиовещание на зарубежные страны.

Распространением информации об СССР и работой с зарубежными СМИ занимался Народный комиссариат иностранных дел и его отдел печати. Такие же отделы печати были практически в каждом полномочном представительстве СССР в зарубежных странах. Например, И.М. Майский, в 1925–1927 гг. возглавлявший подобный отдел Полпредства СССР в Великобритании, следующим образом характеризовал данное направление работы: «... отделу печати нужно было отбивать атаки вражеских разбойников пера, рассказывать правду о нашей стране... Это требовало постоянного контакта с журналистским миром, бесконечных разговоров с представителями газет и журналов, разъяснения им самых элементарных фактов из жизни нашей страны», а также публикации на страницах газет либо опровержения, либо «проталкивания» через знакомых журналистов нужной информации» [8, с. 31–33].

Подготовкой информационных статей для зарубежной аудитории занималось и Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), в структуре которого были отдел референтуры, который вел активную переписку с иностранными организациями и отдельными лицами, снабжая их информацией по запросам, и отдел печати. Его редакционно-издательская часть отвечала за подготовку информационных статей о советской культуре для зарубежных изданий. Так, например, в 1927 году за границу было отправлено 2100 статей [2, л. 15], а в 1928 г. – 5800 [5, л. 156]. Большая их часть предназначалась для печати в периодических изданиях Обществ культурной связи с СССР, с которыми работал ВОКС. К 1931 г. их насчитывалось 42 [3, л. 7]. Большинство из них имели свои периодические издания, которые самым активным образом использовали информацию, присланную из СССР. А некоторые подобные издания, как например, немецкое «Дас нейе руссланд» практически полностью состоял из советских материалов. С другой стороны, ВОКС ставилась задача и перед своими уполномоченными за границей продвигать советские статьи в массовую зарубежную прессу. Однако, как можно заключить из переписки уполномоченного ВОКС в Великобритании В.Н. Половцевой с Председателем ВОКС О.Д. Каменевой, зарубежные средства массовой информации крайне неохотно брали подобные статьи в печать. Степень опубликования своих статей в зарубежных средствах массовой информации ВОКС отследить был не в состоянии.

Подготовкой статей об СССР, в том числе и о советской культуре занималось и Литературное агентство, являвшееся структурным подразделением АО «Международная книга», находящегося в системе НКВТ и занимающееся распространением (продажей) рукописей научных книг, брошюр, статей, литературных произведений зарубежным издательствам (преимущественно левобуржуазным), научным журналам и газетам и т.д. Работало Литагенство и с информационными статьями. Так, например, в 1940 г. им было послано за

границу 272 статьи в 614 зарубежных органов печати. Но, следует отметить, что абсолютное их большинство носило научный характер и не более 10% данных статей отражало культурную жизнь СССР [5, л. 49].

Большими возможностями популяризации советской культуры обладало Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС), появившееся в 1925 г. и обладавшее монопольным правом по распространению сообщений как внутри страны, так и за рубежом. При этом среди информации, отправляемой за границу, вопросам советской культуры и советской культурной дипломатии посвящалось 18% материала [1, л. 131].

В зарубежной печати наиболее часто информация ТАСС в 1928 г. появлялась на страницах немецкой и итальянской прессы (67%), меньше всего в английских газетах и журналах (31%) [1, л. 140]. В 1929 во французской, итальянской и немецкой прессе. На протяжении 1930-х гг. наблюдается снижение печатаемости советской корреспонденции, направленной за границу, приоритет стал отдаваться сведениям на нейтральные темы, к которым относили культуру, науку и искусство.

Таким образом, из посылаемых за рубеж сообщений ТАСС, в более полном объеме печаталась именно информация о советской культуре и искусстве. В наибольшей степени внимание культурной и бытовой жизни в СССР уделяли газеты и журналы Италии и Чехословакии [1, лл. 141–142].

Рассылкой информации об СССР, занимался и Коммунистический интернационал (КИ). В его структуре к 1939 г. организационно оформилось специальное структурное подразделение Отдел печати и агитации Исполнительного комитета КИ (ИККИ), который проводил интенсивную работу с зарубежной аудиторией в целях популяризации СССР. Под контролем КИ находилось значительное количество периодических изданий (более 600), благодаря коммунистической, социал-демократической и другой прессе. Таких возможностей не было даже у НКВД и ТАСС. При этом важно отметить, что основной целевой аудиторией ИККИ являлись трудящиеся зарубежных стран и в основном левая прокоммунистическая интеллигенция, а основными методами – рассылка информационных телеграмм, отправка статей, отправка фото.

В выгодную сторону Коминтерн отличало то, что ИККИ большое внимание уделял проверке подконтрольной ему зарубежной прессы на предмет перепечатки посылаемых Москвой телеграмм. В годовых отчетах отдела печати Коминтерна в ЦК ВКП(б) существуют разделы под названием «О перепечатке телеграмм в прессе» [7, л. 180]. Но вместе с тем, вопросы культуры и культурной дипломатии затрагивались в не более чем 10% посылаемого материала.

Еще одним важным каналом передачи советской информации о культуре в СССР являлись периодические издания для зарубежной аудитории, выходившие на разных языках. В отношении информации о культуре, следует отметить такие издания как Информационный бюллетень ВОКС, журнал Интернациональная литература, журнал «Искусство и культура в Советском Союзе» и др.

Так, Информационный бюллетень ВОКС выходил каждую неделю по четвергам на 4-х языках (русском, английском, немецком и французском), с 1928 г. на трех (английском, немецком и французском), в конце 1930-х годов – на русской, английском и французском, объемом в 1 п.л. [4, л. 55]. Материал для бюллетеня брался из периодических советских изданий, из статей, посылаемых Обществу специальными корреспондентами научных и культурных учреждений СССР. Тираж информационного бюллетеня ВОКС составлял в 1925–1500, 1926–3200, 1927–6000 [2, л. 16], в 1939 г. – 3000 экземпляров [10, л. 81]. Рассылался за границу бесплатно, преимущественно обществам культурной связи с СССР, которые большую часть статей использовали для наполнения собственных печатных изданий. Вместе с тем, информация из бюллетеня встречается и в статьях иных средств массовой информации.

Журнал «Интернациональная литература» выходил в 4-х изданиях на русском языке (предназначенное для СССР), на немецком, английском и французском языках (для заграницы). Каждое издание являлось самостоятельным и имело своего редактора. По содержанию журнала, следует отметить, что во всех иноязычных изданиях, помимо критико-публицистических статей и произведений советских и зарубежных писателей, имелись статьи, отражавшие культурную жизнь в СССР.

Отдел печати и агитации ИККИ в 1939 и 1940 гг. на систематической основе издавал бюллетень «Искусство и культура в СССР». Он выходил на 3-х языках (немецкий, английский и французский) 1 раз в месяц размером более 800 страниц. Общий тираж 670 экземпляров [7, л. 161].

Наиболее эффективным каналом по продвижению информации о культурной жизни и советской культурной дипломатии в СССР являлось радиовещание. Отличие радиосообщения от печатных и телеграфных материалов заключалось в том, что если проблематика почтовых и телеграфных сообщений определялась запросами контрагентов, которые были вольны печатать их или не печатать, то в радиопередачах СССР был более свободен в выборе фактов. Кроме того, финансовые затраты на радиопередачу были ниже, чем почтовые и телеграфные.

В СССР на зарубежную аудиторию посредством радиовещания с 1926 г. работало радио ТАСС «Радио московской прессы»¹. В 1925–1928 гг. выходила специальная радиосводка для советских послов и были организованы передачи для Ирана, Афганистана и Китая. Передачи выходили в эфир на 6 иностранных языках.

В 1925 году заработала радиостанция имени ВЦСПС. Передачи имели широкий круг слушателей за рубежом. В архивных материалах сохранилось достаточное количество положительных отзывов о тех или иных передачах (в основном радиоконцертов) на культурную тему. В 1931 г. на радиостанции им. ВЦСПС установили более мощный передатчик, и значительный поток информации на зарубежные страны пошел именно через нее.

¹ Полное название «Радиосводка московской прессы «Всем, всем, все» о политической и экономической жизни СССР». Это было радио ТАСС, однако авторство агентства нигде не упоминалось, таким образом источник радиопередач становился общественным, а не государственным.

Регулярные радиопередачи на зарубежные страны начались в октябре 1929 г. [1, л. 148]. Для этого был создан специальный Сектор передач на иностранных языках в рамках Наркомата почт и телеграфов. Первые программы были на немецком языке, а чуть позже появились и на французском и английском. С 1930 г. Сектор иностранных передач переходит на ежедневное вещание. В 1931 году был образован Всесоюзный комитет по радиовещанию, куда вошел и Сектор иностранных передач. В 1931 г. Московское радио выходило в эфир на 8 языках: немецком, французском, английском, венгерском, испанском, итальянском, шведском и чешском.

Перед радиовещанием на зарубежные страны в числе прочих ставились задачи освещения культурной жизни СССР. Первыми начали выходить в эфир с 1930 г. литературные программы. Они включали в себя постановку радиопиес и чтение отрывков из произведений русских, советских и зарубежных писателей. Осуществлялась трансляция концертов артистов и музыкальных коллективов для иностранных слушателей. Причем в 1930-е гг. это делалось в «живом эфире», т.к. сотрудники иновещания не обладали необходимой звукозаписывающей аппаратурой. Поэтому артисты приглашались в студии для непосредственного выступления перед микрофоном.

Устраивались обменные концерты. Серия таких концертов в 1933–1934 гг. была проведена в США. Чаще всего в 17.00 начиналась трансляция одного концерта, а через полчаса, другого. Первая такая передача была транслирована в ноябре 1933 г. Слышимость программ была достаточно низкой.

В 1939 г. на базе Сектора передач на иностранных языках образуется Иностранный отдел Комитета, объединивший самостоятельные редакции, вещавшие на английском, французском, испанском, немецком, итальянском, шведском, чешском и венгерских языках. Общий объем вещания в 1938 – начале 1939 г. составлял ежедневно примерно 20 часов: на немецком – 5 часов, на английском – 3 часа, на итальянском – 3,5 часа, на чешском – 1,5 часа, на французском – 1,5 часа, шведский и венгерский – по часу [8, с. 166]. В 1940 г. инорадио вещало на 13 языках 31 час в сутки [6, л. 121]. По количеству иностранных языков СССР намного уступал немецкому иновещанию (31) и чуть меньше английскому (15).

Значительное внимание в иновещании придавалось вопросам продвижения советской культуры за рубежом. В основных редакциях инорадио были созданы труппы, в которых оказались занятыми более 100 человек, выступавших на английском, немецком, французском и других языках [11, л. 159]. Обязанности по музыкальному оформлению радиопередач и подготовке концертов для зарубежных стран были возложены на 3-х музыкальных редакторов. По воскресеньям в 15.00 они готовили еженедельные часовые концерты на Западную Европу.

Таким образом, информационная работа по продвижению советской культуры на зарубежные страны, концентрировалась в двух основных формах: передача печатной информации посредством почты и телеграфа, создание и распространение специальных периодических изданий на иностранных языках и радиовещание.

В отношении первой формы, следует отметить, что передаваемая информация далеко не всегда доходила до конечного его потребителя и содержание ее довольно сильно зависело от редакционной политики зарубежных печатных средств массовой информации. Передавалась как в традиционной форме (в виде подготовленных статей и информационных сообщений по различной тематике, распространение специальных советских периодических изданий на иностранных языках), так и нетрадиционной (посредством переписки с отдельными организациями и физическими лицами).

Несмотря на то, что ТАСС юридически обладал монополией на продвижение печатной информации за рубеж, де-факто такой монополии не было. Помимо ТАСС, в этой сфере работают НКВД, ИККИ, ВОКС, Литагентство АО «Международная книга» НКВД и др. В работе данных организаций нередко прослеживается дублирование основных функций.

Вторая форма лишена вышеназванных недостатков, вместе с тем, слабая техническая база, а также предпринимаемые в ряде зарубежных стран меры по глушению радиопередач из Москвы снижали эффективность и этого канала.

Источники и литература:

1. Борков, А.В. Создание и деятельность основных советских органов внешнеполитической пропаганды и информации : дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 02 / А.В. Борков. – Нижний Новгород, 1997. – 357 л.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-374. Оп. 28. Д. 2104.
3. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 157.
4. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 51.
5. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 2. Д. 96.
6. ГАРФ. – Ф. Р-6309. Оп. 10. Д. 87.
7. Гасюк, А.Г. Внешнеполитическая пропаганда СССР накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.) : дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Г. Гасюк. – М., 2008. – 199 л.
8. Гуревич, П.С. Советское радиовещание: Страницы истории / П.С. Гуревич, В.Н. Ружников. – М. : Искусство, 1976. – 382 с.
9. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. / И.М. Майский. – М. : Изд-во «Наука», 1971. – 712 с.
10. Российский архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 125. Д. 3.
11. РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 125. Д. 31.

ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В КОНТЕКСТЕ «ДАНЦИГСКОГО КОРИДОРА» В НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ

В.Г. Цыплин, В.А. Слепенков (Саратов)

Версальско-Вашингтонская система закрепила переход некоторых поморских германских территорий Польскому государству, известных как «данцигский коридор». В результате переговоров в Париже, завершивших Первую мировую войну, Польша приобрела большую часть территорий Западной Пруссии в виде «сужающегося» к Балтийскому морю «искажённого прямоугольника». Крупнейший город данной земли – Данциг провозглашался свободным городом, управляемым Администрацией Лиги Наций, однако польскому населению в нём предоставлялись большие права. Полити-

ческая элита бывшей Германской империи была уверена в серьёзных последствиях передела границ в Европе, кроме того, все чаще звучал тезис о том, что именно «данцигский коридор» станет основой межгосударственных отношений Германии и Польши.

Начало 1930-х годов ознаменовалось развёртыванием деятельности немецких националистов, считавших Западную Пруссию исторической территорией Германии. В Данциге начались митинги, присутствующие на них немецкие деятели высказывались за пересмотр северо-восточной границы Германии.

Важное место в развитии германо-польских отношений в начале 1930-х годов занимают вопросы подписания договоров двух государств. Осенью 1929 года было подписано соглашение, ликвидировавшее претензии финансового характера, весной следующего – договор в торговой области. Отношение к подписанным документам у обеих сторон было неоднозначное: поляки понимали соглашения как попытку немцев ускорить эвакуацию иностранных войск из области реки Рейн, а последние тем самым надеялись на скорейшее решение вопроса с образовавшимся «коридором» в свою пользу. К тому же, польское правительство и пресса склонялись к улучшению отношений, однако были категоричны по поводу Поморья. Подтверждением данного факта выступает статья «Gazeta Warszawska», датируемая июлем 1930 годом, в которой польская сторона отчётливо высказалась насчёт данной области: «...Польша в вопросе Поморья никаких уступок не сделает...» [3, с. 177]. В свою очередь, немецкий источник «Kölnische Zeitung» разместил статью о перемещении интересов немецких властей с Запада на Восток.

Одновременно с полной демилитаризацией Рейна случился визит крейсера «Кёльн» в Данциг, данный шаг выглядел некой демонстрацией налаживания связей Германии и Поморского воеводства. Посол Германии в Польше У. Раушер подчёркивал то, что действия Германии, в первую очередь, направлены на ослабление натиска поляков в отношении Данцига, попытки помешать им окончательно закрепиться на данных территориях. Кроме того, он упоминал о крупной финансовой поддержке верфей Данцига.

В августе 1930 года в Берлине произошло собрание националистов, главную роль в котором отводят министру Г. Тревиранусу. Его речь была направлена на освещение тяжёлого положения районов реки Висла, а также Данцига. Также он упоминал о возможности развития общественных движений в Германии, что непременно могло бы привести к серьёзным последствиям. Польское правительство старалось избежать антигерманских выступлений в государстве, однако митинги охватили многие районы Польши; руководство не желало устанавливать официальные контакты с немецкими правящими кругами. Польская общественность высказывалась за «призывы к борьбе за Гданьск» (в немецкой традиции Данциг), называя политику германского правительства «ложью», в газетах всё чаще звучала необходимость сплочения партий и народа в целом по вопросу германо-польских границ. Стремительное развитие антигерманских настроений в стране дошло до точки, когда польская политическая элита начала высказываться о скором приращении польских военных частей для защиты Гданьска.

Представители нацистских течений представляли собственные внешнеполитические замыслы под видом необходимости реализации вопросов, касавшихся исключительно внутренней политики. Подобное утверждение доказывает статья «От Штреземана к Гитлеру» в газете «Gazeta Polska» от 9 сентября 1930 года, в которой выражалась главная идея немецких националистов – пересмотр восточных границ государства. В данном контексте стоит уделить внимание успеху партии НСДАП во время выборов в рейхстаг Германии, благодаря которому деятельность немцев на территории Поморья существенно расширилась. Численность военных подразделений и отрядов СС в Данциге увеличилась, а в начале 1931 года партия официально зарегистрировала печатный орган – газету «Der Vorposten». После этого последовали переговоры руководителя подразделения НСДАП в Поморском воеводстве Польше Э. Цима с председателем НСДАП в рейхстаге Г. Герингом насчёт возможности формирования правительства Данцига с участием нацистов. Январь 1931 года ознаменовался созданием сената Данцига, включавшим представителей НСДАП, его руководителем стал Э. Цим [2, с. 210].

Обстановка в германо-польских отношениях продолжала накаляться. Факт наращивания нацистами влияния и привлечения дополнительных военных подразделений на территорию Поморского воеводства говорил о твёрдых намерениях НСДАП осуществить процедуру пересмотра восточных границ государства. Польский посланник в Германии А. Высоцкий в 1931 году прямо указывал на усиление реваншистских настроений в политической элите Германии. Кроме того, подобную идеологию немецкие деятели постепенно начинали выражать открыто: В. Рейнбабен, в прошлом помощник Г. Штреземана по ведению иностранных дел, сформировал 12 тезисов для политики ревизии в отношении Польши. В статье, размещённой в журнале «Europäische Gespräche», содержались заявления о необходимости возвращения Германии «данцигского коридора» и «остальных территорий» [4, с. 410]. Кроме того, деятель обвинял польское руководство в «насаждении» в Поморье неприемлемых для руководства Германии порядков. Достаточно будет указать на то, что министр транспорта Веймарской республики Г. Тревиранус склонялся к пропаганде идей реванша, а министр иностранных дел Ю. Курциус – к скорейшему пересмотру германо-польской государственной границы.

По мере усиления общественных настроений по ревизии восточных рубежей политическая элита Германии понимала, что добиться таких целей без предоставления Польше ответных предложений по соблюдению их интересов, не удастся. Важное внимание стоит уделить письму послу Германии в Лондоне К. Нейрату, датированному мартом 1931 года, в котором обозначались предложения о предоставлении польскому руководству транзита к морю, государственного порта в бухте Данцига, а также права использовать в экономических целях некоторые германские порты. Положение дел в Поморье становилось напряжённое. Ю. Пилсудский, во время поездки за границу, провел беседы с деятелями Великобритании и Франции [1, с. 16]. Переговоры определили настроения польской политической элиты в вопросе пересмотра терри-

ториальных границ Германии и Польши, диктатор согласился предоставить Германии «данцигский коридор», однако взамен считал необходимым заявить о нейтралитете Веймарской республики в войне Польши против Советского Союза и обеспечить Польшу немецким вооружением.

В данном контексте стоит уделить внимание переговорам правительств СССР и Польши, возобновившимся в 1931 году, по поводу заключения пакта о ненападении между странами. В сентябре того же года посол Германии в Польше Х. фон Мольтке предупредил руководство о влиянии советско-польских переговоров на развитие вопроса ревизии германо-польской границы. Фактически посланник склонял политическое руководство Германии к стабилизации экономического сотрудничества стран, влияние на которое мог бы оказать итог переговоров СССР и Польши. Деятели польского государства опасались обострения «таможенной войны», а также возможности того, что после решения вопроса о снятии репарации с германского правительства необходимость пересмотра восточных границ Германии станет основополагающим аспектом, к которому будет приложена большая часть усилий руководства.

Стороны продолжали накалять и без того сложную международную обстановку. Польские газеты сообщали о готовности немецких представителей провести путч в Данциге, германская печать – о скором захвате Польшей Поморья. Кроме того, в апреле 1932 года А. Гитлер посетил Восточную Пруссию, но в Данциге выступил с заявлением насчёт планов по пересмотру германо-польской государственной границы. 13 апреля того же года президент Веймарской республики П. фон Гинденбург издал указ о роспуске подразделений СС, а международное сообщество, в частности Франция и Великобритания, восприняли данный шаг как перенос штаб-квартиры партии нацистов из Мюнхена в Данциг [5, с. 223]. Польская печать информировала об учащении визитов в «вольный город» представителей НСДАП, которые всё чаще стали критиковать положение дел и проводимую польскую политику в Поморье.

Тем временем британская пресса публиковала материалы, согласно которым польская армия пыталась произвести захват Данцига 1 мая 1932 года, однако ей оказали сопротивление французские военные части. Немецкие газеты настаивали на мысли, что главная цель Польши – взятие под тотальный контроль Поморского воеводства, кроме того, подтверждали данное положение материалами лондонских газет. Период действия соглашения о свободном праве пользования пристаней Данцига истёк в конце 1931 года, поэтому германские политические деятели были уверены в ответных мерах со стороны Польши.

Вопрос безопасности Поморья тревожил не только лидеров партии НСДАП, но и высших государственных деятелей Германии. В мае состоялось обсуждение по данному аспекту, в ходе которого прозвучали обвинения в адрес рейхсканцлера Г. Брюнинга насчет промедления в области защиты Данцига от возможного польского нападения на город. По этой причине предлагали создать «пограничную охрану Востока», т.е. тех подразделений, которые напрямую должны были обеспечивать защиту восточных границ Веймарской

республики. С другой стороны, лидер НСДАП был уверен в том, что вопрос безопасности данных территорий полностью контролируется германским правительством, именно поэтому «Польша до сих пор не напала на Данциг». На одном из заседаний рейхстага министр вооружённых сил Германии В. Грёнер выступил с материалом, согласно которому частям, находившимся в Данциге, был отдан приказ о создании условий для провокации вооружённого конфликта на границе Польши и Поморского воеводства.

Таким образом, проблема Поморья занимала важное место во взаимоотношениях Веймарской республики и Польши в начале 1930-х годов. Для Германии в первую очередь стояла главная цель – добиться проведения пересмотра установленных Версальским мирным договором государственных границ Веймарской республики на востоке, для Польши – любой ценой отстаивать интересы правительства по отношению к собственным территориальным владениям, в частности на земли «данцигского коридора». С приходом А. Гитлера на пост канцлера Германии в 1933 году последовало более стремительное развитие событий в германо-польских отношениях относительно восточной границы будущего Третьего рейха.

Источники и литература:

1. Зубачевский, В.А. Проблема Данцига и польского коридора в германо-польских отношениях в 1929–1933 гг. / В.А. Зубачевский // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 7. – С. 14–19.
2. Holtje, Ch. Die Weimarer Republik und das Ostlokarno-Problem 1919–1934: Revision oder Garantie der deutschen Ostgrenze von 1919 / Ch. Holtje. – Würzburg, 1958. – 410 s.
3. Kalisch, J. Zur Genesis der deutsch-polnischen Nichtangriffserklärung vom 26. Januar 1934 / J. Kalisch // Wiss. Ztschr. Rostock. – 1976. – S. 171–180.
4. Katelbach, T. Niemcy na przelomie / T. Katelbach // Straznica Zachodnia. – 1932. – № 4. – S. 409–413.
5. Wojcechowski, M. Polska i Niemcy na przelomie lat 1932–1933 / M. Wojcechowski // Roczniki Hist. – 1963. – Rocz. XXIX. – 288 s.

БАЛКАНСКАЯ АНТАНТА И КОНФЕРЕНЦИЯ В МОНТРЕ 1936 г.¹

Д.В. Родин (Москва)

Одним из немногих документов 1930-х гг., сохраняющих силу и значение даже в начале XXI в., является конвенция Монтрё о статусе черноморских проливов, принятая в 1936 г. События последних лет в еще большей степени высветили ее значение для обеспечения коммуникаций между Черным морем и Восточным Средиземноморьем, а также безопасности южных рубежей Российской Федерации. Нельзя не согласиться со следующим мнением: «Доктрина Монтрё – это основа гармоничного взаимоотношения стран, целью которого является обеспечение политического равновесия и упорядочение судоходства в проливе» [7, с. 51].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии №20-59-18007.

Нельзя сказать, что конференция в Монтрё относится к числу неисследованных тем: подробно изучены проекты конвенции, проанализированы столкновения английской и советской делегаций в ходе конференции, сделаны соответствующие выводы о том, кому, в конечном счете, была наиболее выгодна новая конвенция [1; 2; 10; 12; 15, с. 405–436; 17; 19; 21; 26; 34; 35, с. 178–181; 38, с. 132–133, 288–289]. Однако обилие исторической литературы по конференции в Монтрё вовсе не означает, что данный сюжет полностью исчерпан. Если позиции советской, британской, французской и турецкой дипломатии на конференции изучены достаточно хорошо, то дипломатия стран-союзниц Турции по созданной в 1934 г. Балканской Антанте – Греции, Румынии, Югославии – в научной литературе освещена не столь подробно [3]. Между тем в силу их географического положения решение проблемы судоходства в проливах Босфор и Дарданеллы обязательно должно было быть достигнуто с учетом их интересов. Определению позиции стран Балканской Антанты по вопросу пересмотра статуса черноморских проливов и оценке степени их консолидации в условиях англо-советского соперничества на конференции в Монтрё и посвящена данная статья.

Весной 1936 г. главным событием международной жизни стала ремилитаризация Рейнской области. Германское правительство создавало важный прецедент по пересмотру мирных договоров, заключенных по итогам Первой мировой войны, путем их прямого нарушения в одностороннем порядке, и ее примеру могли последовать другие страны-ревизионисты. Подобное развитие событий вызывало немалое беспокойство у стран Балканской Антанты. В той же Румынии значительная часть буржуазии опасалась, что агрессия Германии «подтолкнет Венгрию и Болгарию к ревизии военных и территориальных статей Трианонского и Нейиского договоров» [18, с. 9]. Аналогичный страх испытывали и в Белграде, в связи с чем югославский премьер-министр М. Стоядинович заверил французского посланника в Белграде Р. де Дампьера, что Франция может рассчитывать на полную поддержку Югославии и ее армии в случае войны с Германией [28, с. 476].

Сложившейся ситуацией воспользовалось турецкое правительство. Однако вместо нарушения в одностороннем порядке Лозаннского договора 1923 г. турецкое правительство нотой от 11 апреля 1936 г. предложило пересмотреть его при участии всех держав, подписавших предыдущую конвенцию о проливах. Этот метод противопоставлялся действиям Германии и Италии, что, как писала газета «Правда», было по достоинству оценено в Лондоне: «За турецким правительством признается заслуга в том, что оно прибегло к правильной процедуре, находящейся в соответствии с его правами» [11].

Как следствие, реакция общественности балканских стран на турецкую ноту была весьма благоприятной. Югославская газета «Време» писала: «Югославия изучит дарданелльский вопрос с величайшей благосклонностью, стремясь совместно с другими государствами Балканской и Малой Антант к соответствующему решению предложенного Турцией вопроса» [22]. Аналогичные заявления были и в румынской газете «Адеверул»: «Искренняя дружба и сотрудничество с Турцией в Балканской Антанте,

а также наши хорошие отношения с Советским Союзом обеспечивают возможность такого решения вопроса, при котором интересы Румынии были бы согласованы с пожеланиями Турции» [16].

Вслед за прессой о согласии с Турцией заявили и правительства балканских стран. Правительство М. Стоядиновича, дав положительный ответ на турецкую ноту, рассчитывало взамен на помощь Турции в случае итальянской агрессии против Югославии [17, с. 28]. Министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску, поначалу осудивший Анкару за то, что последняя не согласовала ноту со своими союзниками по Балканской Антанте, после переговоров с генеральным секретарем министерства иностранных дел Турции Н.Р. Менеменджиоглу согласился поддержать турецкую ноту [24, с. 450]. Греция, согласившись с требованиями Турции, в то же время выступила против пересмотра Нейского договора с Болгарией, а также выдвинула взаимные требования об укреплении Эгейских островов [4].

Окончательно позиция стран-участниц Балканской Антанты была согласована на конференции, прошедшей в Белграде 4–6 мая 1936 г. Присутствовавшие на конференции представители стран-участниц союза, в частности Н. Титулеску, одобрили стремление Турции «изменить существующий режим проливов, не касаясь территориальных вопросов» [29, с. 253]. Анкара заручилась поддержкой своих союзников по Балканской Антанте в вопросе о режиме проливов и, кроме того, укрепила свой авторитет у балканских стран.

Согласившись с созывом конференции по пересмотру статуса черноморских проливов, Белград, Бухарест и Афины оказывались перед новым вопросом: какую позицию они займут на самой конференции? В немалой степени это зависело от действий Франции – их «покровителя» из числа великих держав. Доминантой французской дипломатии на данном этапе являлось укрепление франко-советского партнерства, оформившегося в связи с заключением пакта о взаимопомощи 1935 г., в связи с чем французские дипломаты, по замечанию Э.Р. Делуки, «горячо и открыто приняли советские предложения касательно проливов и последовательно поддерживали советские инициативы во время переговоров в Монтрё» [26, с. 37].

Соответственно, аналогичную позицию были готовы занять и Румыния с Югославией. Первую к сотрудничеству с СССР подталкивал также факт того, что с июня 1935 г. Москва и Бухарест вели переговоры о заключении пакта о взаимопомощи, который, по словам Н. Титулеску, являлся «жизненной необходимостью для Румынии» [20, с. 28]. Вследствие ориентации на сотрудничество с Парижем и Москвой румынский министр иностранных дел заверял советского полпреда в Бухаресте, что на предстоящей конференции Румыния практически по всем вопросам «пойдет за СССР» [5, с. 293]. Что касается Белграда, то, несмотря на господствовавшие в Югославии антисоветские настроения, он был вынужден уступить давлению своих союзников по Малой Антанте, Румынии и Чехословакии, помощь которых была необходима Югославии для противодействия венгерскому ревизионизму [13, с. 36].

Особый случай представляла позиция Афин. С апреля 1936 г. премьер-министром Греции являлся И. Метаксас, со времен правления Константина I (1914–1917, 1920–1922) считавшийся германофилом [25, с. 132]. Усиление Германии после ремилитаризации Рейнской области, равно как и укрепление международных позиций Италии после аннексии Абиссинии в мае 1936 г., подталкивали его к переориентации на лагерь стран ревизионистов. Важным шагом в этом отношении стало заявление И. Метаксаса на конференции Балканской Антанты в Белграде о том, что Греция предпримет военные действия в соответствии с пактом 1934 г. только в случае агрессии со стороны балканской державы, но если нападение на члена Балканской Антанты совершит небалканская держава (под которой в первую очередь подразумевалась Италия), то Греция останется нейтральной [37, с. 155]. Подобные заявления позволяли усомниться в том, что на предстоящей конференции Греция последует за своими союзниками.

На открывшейся 22 июня 1936 г. конференции в Монтрё практически сразу обозначилось противостояние делегаций от СССР и Великобритании. В их дебатах, по словам прессы, «столкнулись два противоположных тезиса, две концепции международного права. Английский тезис основан на праве довоенного периода – право воюющих сторон, военная необходимость, нейтральность. Советский тезис основан на новом праве – уважение к уставу Лиги наций» [8]. Делегации стран Балканской Антанты должны были определиться, чей проект в большей степени соответствует их интересам.

На конференции обозначился отход Турции от дружбы с Советским Союзом и ее переориентация на Англию, готовую согласиться с турецкими требованиями о демилитаризации проливов и вместе с тем поддерживающую линию на сдерживание СССР [14, с. 335]. Наибольшее недовольство у советской стороны вызвало предложение Т.Р. Араса «закрыть конференцию, ограничившись отменой демилитаризации проливов и оставив в силе весь остальной лозаннский режим», т.к. это противоречило «интересам безопасности как Черного моря, так и самих проливов» [5, с. 351]. Французский посол в Москве Ш. Алфан считал, что поддержка турками английского проекта отражала стремление Анкары продемонстрировать свою независимость от Москвы, и отмечал рост британского влияния в Анкаре [29, с. 627–629].

Остальные страны Балканской Антанты в начале конференции заявили о поддержке требований Турции. Выразителем их интересов стал глава румынской делегации Н. Титулеску. Выступая за пересмотр Лозаннской конвенции, в одной из своих речей он подчеркнул, что «если для Турции проливы являются сердцем, то для Румынии они служат легкими» [31]. Особое внимание при этом обращалось на то, что Анкара решила добиваться пересмотра соглашения, заключенного по итогам Первой мировой войны, путем созыва международной конференции. Газета «Правда» цитировала румынскую печать: «На этот путь должен будет встать каждый, кто будет требовать вооружений или разоружения в какой-либо области, если он не хочет встретить категорический отпор со стороны Малой и Балканской Антанты» [9].

Однако в отличие от турок, румыны, югославы и греки отказались поддержать английские предложения, предпочтя им советский проект. Причину этого верно определил временно исполняющий обязанности министра иностранных дел Великобритании лорд Галифакс: в меморандуме от 13 июля он признавал, что поправки к конвенции, внесенные Советским Союзом при поддержке Франции и Румынии, призваны «способствовать функционированию франко-советского пакта и франко-румынского союза и, в меньшей степени, Балканской Антанты, обязав Турцию проявлять особое отношение к этим пактам» [30, с. 728–729]. Важную роль играло и стремление румынского министра иностранных дел достичь договоренностей с СССР по вопросу о заключении пакта о взаимопомощи. В интервью газете «Универсул» он прямо заявил, что «сближение... с Советским Союзом является наилучшим способом, позволяющим существующим союзам Румынии в полной мере реализовать свою ценность» [36].

Как следствие, румынская делегация неизменно блокировалась с делегациями Франции и СССР, а в одном из выступлений Н. Титулеску прямо задал англичанам вопрос: «Почему Великобритания в Женеве поддержала пакты о взаимопомощи, а в Монтрё выступает против них?» [23]. Обвинив Англию в попытках подрыва франко-советского и франко-румынского пактов, а также Балканской Антанты, Н. Титулеску, не дожидаясь возражений англичан, покинул зал заседаний, отправившись на поезд до Бухареста (впрочем, вскоре он вернулся обратно).

Главы делегаций Югославии и Греции, И. Субботич и Н. Политис, проявляли значительно меньшую активность, несмотря на то, что последний являлся вице-председателем конференции. При открытии конференции они кратко заявили о своих «симпатиях» в отношении турецких требований [31]. В дальнейшем югославская делегация поддерживала все инициативы румынских коллег, что позволило некоторым сторонним наблюдателям говорить о «блестящей защите» системы взаимопомощи румынами и югославами [27, с. 17]. Н. Политис, в свою очередь, имея в виду укрепление безопасности Греции, параллельно с обсуждением проекта конвенции о проливах в кулуарах высказывался о возможности присоединения Италии к «джентльменскому соглашению» о взаимопомощи, заключенному между Великобританией, Турцией, Грецией и Югославией в декабре 1935 г., однако данные предложения не нашли поддержку у других делегатов [33, с. 555].

Предпочитая сохранять единство в рядах Балканской Антанты, на заключительных заседаниях конференции главы югославской и греческой делегации заявили об однозначной поддержке советско-французского проекта [29, с. 702]. При согласовании последних статей конвенции Н. Политис заявил среди всеобщих аплодисментов: «Наша конференция – первый шаг к восстановлению международной законности» [6]. Одновременно глава греческой делегации сделал реверанс в сторону Турции, объявив, что последняя завершила работу на конференции, «значительно укрепив свой моральный авторитет в роли знаменосца международной законности» [32].

В результате консолидированная позиция Румынии, Югославии и Греции заставила турецкую делегацию снять свои возражения против проекта конвенции, подготовленного делегациями СССР и Франции. Перед угрозой изоляции английская делегация была вынуждена пойти на определенные уступки. 20 июля состоялось подписание конвенции о статусе проливов, на следующий день конференция завершила свою работу. Принятая конвенция символизировала победу советской дипломатии, но, как верно подмечали историки, «эту победу держала в руках Анкара», т.к. применение основных статей конвенции зависело от курса внешней политики Турции [21, с. 261]. Тем не менее советской делегации удалось добиться максимально возможного результата, и успех СССР был бы немыслим без поддержки со стороны не только Франции, но и стран-участниц Балканской Антанты, отдавших приоритет существующим пактам о взаимопомощи и принципу неделимости безопасности.

Источники и литература:

1. Авершин, В.И. Борьба СССР за мир и коллективную безопасность против фашистской агрессии в Центральной и Юго-Восточной Европе (май 1935 г. – июль 1936 г.) / В.И. Авершин // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Сб. 4 / отв. ред. И.Н. Чемпалов. – Свердловск : УрГУ, 1975. – С. 41–62.
2. Альтман, В.В. Из истории борьбы СССР за мир (Конференция в Монтре) / В.В. Альтман // Из истории рабочего класса и революционного движения. Памяти академика А.М. Панкратовой. Сборник статей. / отв. ред. В.В. Альтман. – М.: Акад. Наук СССР, 1958. – С. 498–523.
3. Бистрицки, В. Балканские государства и проблема безопасности в 1936–1938 г. / В. Бистрицки // Studia Balcanica 7: Les grandes puissances et les Balkans a la veille et au debut de la deuxieme guerre mondiale 1937-1941. Conference intern. Sofia, 21–26 avril 1971. – Sofia : Acad. bulgare des sciences Inst. d'études balkaniques, 1973. – P. 273–284.
4. Дженкинс. Греция намерена укрепить свои острова / Дженкинс // Известия. – 1936. – 16 апреля. – С. 2.
5. Документы внешней политики СССР. – Т. 19 : 1 января – 31 декабря 1936 г. / отв. ред. Г.К. Деев. – М.: Госполитиздат, 1974. – 823 с.
6. Закрытие конференции в Монтре // Известия. – 1936. – 20 июля. – С. 1.
7. Ивкина, Н.В. Нарушение конвенции Монтрё как угроза безопасности России / Н. В. Ивкина, Т. С. Павлова, М.А. Никулин // Морской сборник. – 2020. – № 1. – С. 49–57.
8. Конференция в Монтре // Известия. – 1936. – 10 июля. – С. 1.
9. Конференция в Монтре. Комментарии печати // Правда. – 1936. – 27 июня.
10. Кузьмин, В.А. Политика великих держав на Ближнем Востоке (март – октябрь 1936 г.) / В.А. Кузьмин // Международные отношения на Ближнем Востоке и Северо-Востоке Африки в новейшее время : межвуз. сб. / отв. ред. Д.А. Макеев. – Владимир : Владимир. гос. пед. ин-т им. П.И. Лебедева-Полянского, 1985. – С. 11–27.
11. Майорский, Н. Английская печать о турецкой ноте / Н. Майорский // Правда. – 1936. – 14 апреля. – С. 5.
12. Постников, А.С. Конференция в Монтре 1936 г. и позиция Франции / А.С. Постников // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в Новейшее время / отв. ред. И.Н. Чемпалов. – Свердловск : УрГУ, 1983. – С. 19–32.
13. Постников, А.С. Переговоры Франции и стран Малой Антанты о заключении договора о взаимопомощи (июнь 1936 – апр. 1937) / А.С. Постников // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932–1945 / отв. ред. И.Н. Чемпалов. – Свердловск : УрГУ, 1984. – С. 33–46.

14. Родин, Д.В. Советско-турецкие отношения в контексте конференции в Монтре 1936 года / Д.В. Родин // Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: материалы научно-практической конференции, Севастополь, 13–15 сентября 2018 года / под ред. Е.А. Барминой, О.А. Москаленко. – Севастополь : ФГАОУ ВО «СевГУ», 2018. – С. 330–340.
15. Россия и Черноморские проливы (XVIII – XX столетия) / отв. ред. Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатъев. – М. : Международные отношения, 1999. – 556 с.
16. Румынская печать о ноте Турции // Правда. – 1936. – 21 апреля. – С. 1.
17. Рябоконт, С.И. Позиция английской дипломатии в период конференции в Монтре 1936 г. / С.И. Рябоконт // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время / отв. ред. И.Н. Чемпалов. – Свердловск : УрГУ, 1986. – С. 25–41.
18. Рябоконт, С.И. Рейнский кризис и Балканская Антанта (март – май 1936) / С.И. Рябоконт // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1943) / отв. ред. И. Н. Чемпалов. – Свердловск : УрГУ, 1979. – С. 5–20.
19. Смирнова, Н.Д. Средиземноморье и Балканы / Н.Д. Смирнова // Европа в международных отношениях, 1917–1939 / отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Наука, 1979. – С. 174–205.
20. Советско-румынские отношения 1917–1941. Документы и материалы : в 2 т. / отв. ред. А.А. Авдеев, М.-Р. Унгурияну. – М. : Междунар. отношения, 2000. – Т. II : 1935–1941. – 544 с.
21. Хормач, И.А. Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. / И.А. Хормач. – М.: Институт российской истории Российской академии наук ; Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 486 с.
22. Югославские отклики на турецкую ноту // Правда. – 1936. – 18 апреля. – С. 1.
23. A «Breeze» at Montreux // The Times. – 1936. – July 10. – P. 16.
24. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Ser. C: 1933–1936. Bd. V, 1: 5. März bis 25. Mai 1936 / Hrsg: W. Bußmann. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. – 642 s.
25. Cliadakis, H. The Political and Diplomatic Background to the Metaxas Dictatorship, 1935–36 / H. Cliadakis // Journal of Contemporary History. – 1979. – Vol. 14, № 1. – P. 117–138.
26. Deluca, A.R. Great Power Rivalry at the Turkish Straits: the Montreux Conference and the Convention of 1936 / A.R. Deluca. – Boulder : East European Quarterly, Columbia University Press, 1981. – 224 p.
27. Deluca, A.R. Montreux and Collective Security / A.R. Deluca // The Historian. – 1975. – Vol. 38, № 1. – P. 1–20.
28. Documents diplomatiques français 1932–1939. 2e serie (1936–1939). – Tome I / éd. P.I.E.-Peter Lang. – Paris : Ministère des affaires étrangères, 1963. – 756 p.
29. Documents diplomatiques français 1932–1939. 2e serie (1936–1939). – Tome II / éd. P.I.E.-Peter Lang. – Paris : Ministère des affaires étrangères, 1964. – 763 p.
30. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. 2nd Ser.: 1929–1938. – Vol. XVI : The Rhineland crisis and the ending of sanctions, March–July, 1936 / ed.: E. L. Woodward, R. Butler. – London : Stationery Office, 1977. – 811 p.
31. Future of the Straits // The Times. – 1936. – June 23. – P. 16.
32. Good Will at Montreux // The Times. – 1936. – July 20. – P. 12.
33. I documenti diplomatici italiani. Ottava serie: 1935–1939. – Vol. IV : 10 maggio – 31 agosto 1936 / ed. P. Pastorelli. – Roma : Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato P.V., 1993. – 1062 p.
34. Morf, J. Die Dardanellenfrage an der Konferenz von Montreux 1936 / J. Morf. – Bern : Lang, 1977. – 253 s.
35. Neilson, K. Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919–1939 / K. Neilson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 389 p.
36. Rumania and Russia // The Times. – 1936. – July 18. – P. 11.
37. Rizas, S. Geopolitics and Domestic Politics: Greece's Policy Towards the Great Powers During the Unravelling of the Inter-War Order, 1934–1936 / S. Rizas // Contemporary European History. – 2011. – Vol. 20, № 2. – P. 137–156.
38. Steiner, Z. The Triumph of the Dark: European International History, 1933–1939 / Z. Steiner. – N. Y. : Oxford University Press, 2011. – 1236 p.

ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛА ИРЛАНДИИ НА БРИТАНО-ИРЛАНДСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 1938 г.

В.А. Кравченко (Минск)

В историографии британо-ирландские переговоры 1938 г. и договор, заключенный по их итогам 25 апреля 1938 г., нашли отражение в работах А.Д. Колпакова, Е.Ю. Поляковой, А.И. Гришина и У.Р. Гафурова [1, 2, 4]. В них было раскрыто позитивное влияние итогов переговорного процесса на решение двух важнейших проблемных аспектов отношений между Соединённым Королевством и Ирландией в середине 30-х гг. XX в. Первым из них являлся комплекс торгово-финансовых разногласий между странами, определяемый в историографии как англо-ирландская торговая война 1932–1938 гг.; второй – актуализировавшийся оборонный вопрос, сводившийся к обсуждению контроля Великобританией трёх военно-морских баз на территории Ирландского доминиона, переданных в пользование по двустороннему договору 1921 г. Выгодное для Ирландии решение этих вопросов считается важным этапом в становлении ирландского государственного суверенитета.

Вместе с тем, совершенно не раскрытой остаётся проблема раздела Ирландии, также вынесенная на повестку переговоров 1938 г. Раздел был юридически оформлен двумя документами: Актом о правительстве Ирландии 1920 г., выделявшим 6 северо-восточных графств в самостоятельный субъект, управляемый учреждённым в Белфасте парламентом; и англо-ирландским договором 1921 г., даровавшим данному субъекту по истечении года с момента подписания документа впоследствии реализованное право на выход из состава Ирландского доминиона. Правительство республиканской партии «Фианна Файл», пришедшей к власти в 1932 г., на уровне публичной риторики не признавало факт раздела и считало его совершённым насильственным актом. Эта позиция нашла отражение в тексте принятой в 1937 г. конституции Ирландии. В ней государственная территория определялась следующим образом: «Национальная территория состоит из всего острова Ирландия, смежных островов и территориальных вод» [3, с. 415].

Глобальной целью переговоров в 1938 г. ирландское руководство считало окончательное урегулирование всех спорных вопросов для установления дружеских взаимоотношений между странами, и в этом контексте вопрос раздела Ирландии приобретал ключевое значение, даже более приоритетное, чем проблемы торгово-финансового и оборонного профиля, хоть все перечисленные аспекты и были тесно взаимосвязаны. В связи с этим для ирландской делегации, возглавляемой премьер-министром страны И. Де Валера, становился проблематичным выбор оптимальной тактики ведения переговоров. Секретарь кабинета министров Ирландии М. Мойнихан в служебной записке на имя премьер-министра предложил увязать заявления по изменению статуса Северной Ирландии с рассмотрением других проблемных вопросов, и, в первую очередь, с вопросом оборонным как наиболее важным для британской делегации, а всестороннее обсуждение раздела Ирландии оставить напоследок, чтобы иметь представление об уже достигнутых договорённостях и не ставить под угрозу общий результат переговоров [6].

Переговоры между делегациями Великобритании и Ирландии открылись 17 января 1938 г. в Лондоне. И. Де Валера изложил ирландскую позицию, и согласно ей, на фоне растущей перспективы новой крупной войны в Европе, в которую, с большей долей вероятности, будет вовлечено Соединённое Королевство, Ирландия, лишь косвенно причастная к конфликту, может подвергнуться прямой агрессии с целью создания плацдарма для атаки на Великобританию. В связи с этим правительство Великобритании заинтересовано в укреплении обороноспособности доминиона путём устранения раздела и создание единого обороноспособного Ирландского государства, возврата доминиону контроля над военно-морскими базами Лох-Суилли, Бирхэвен и Коба, пересмотра финансовых обязательств доминиона перед Великобританией, что позволило бы увеличить расходы Ирландии на оборону. Премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен, ссылаясь на широту проблемного поля конференции, предложил перейти к обсуждению вопросов по порядку с целью согласования точек зрения двух сторон [7].

Порядковое рассмотрение было начато именно с вопроса раздела Ирландии. Согласно позиции британской делегации, данная проблема должна быть предметом обсуждения исключительно между правительствами Ирландского доминиона и Северной Ирландии, и итоговый компромисс между ними в обязательном порядке будет поддержан руководством Соединённого Королевства. И. Де Валера парировал, возложив ответственность за сам факт раздела на британский парламент. Более того, он выразил убеждение, что противодействие правительства Северной Ирландии мешало установлению конструктивного диалога, а британское субсидирование и присутствие войск на территории данного субъекта лишь укрепляли позицию североирландского правительства. Следовательно, Великобритания не только может, но и должна, использовать рычаги давления на правительство Северной Ирландии, чтобы сдвинуть переговорный процесс с мёртвой точки. В противном же случае общественность Ирландии, видя неспособность или нежелание Великобритании поспособствовать решению проблемы раздела, начнёт склоняться в сторону поддержки инициативы по выходу доминиона из состава Британского Содружества наций. Н. Чемберлен возразил, что предлагаемые действия будут расценены в Северной Ирландии как предательство со стороны руководства Королевства и вызовут максимально возможную оппозицию. Прямое обсуждение вопроса раздела зашло в тупик, и после этого был назначен перерыв [7].

Патовость обсуждения мероприятий в отношении Северной Ирландии была закономерна. Н. Чемберлен, являясь лидером британских консерваторов, даже при наличии самых благих намерений не мог пойти на уступки ирландскому визави, так как реализация предлагаемых на переговорах мер создавала угрозу традиционному союзу Консервативной партии и североирландских юнионистов. В связи с этим вопрос раздела был самой уязвимой точкой в позиции британской делегации, и даже самые незначительные уступки по этому пункту в перспективе могли привести к политическому кризису уже в рамках Соединённого Королевства. Ирландской делегации в этой связи оставалось лишь действовать по первоначальной тактике ведения переговоров, увязывая вопрос раздела с другими пунктами повестки.

Следующим на повестке было обсуждение вопросов обороны в случае начала войны в Европе. Ирландская делегация основывала своё требование возврата под контроль гаваней Лох-Суилли, Бирхэвен и Коба, основываясь на праве суверенитета над своей территорией. Однако правительство Соединённого Королевства было заинтересовано в сохранении контроля над военно-морскими базами на территории Ирландии, поскольку они представляли собой наилучшие места дислокации военного флота, позволяющие проводить противолодочные операции в Атлантике. Более того, представители Великобритании были заинтересованы в совместной координации военного планирования двух стран и упорядочивании прав и обязанностей сторон в отношении портов в рамках оборонительного договора. И. Де Валера со ссылкой на общественное мнение в Ирландии заявил, что достижение подобных соглашений вызовет в его стране негодование с связи с недоверием к политике Великобритании в отношении Северной Ирландии, т.е. без реальных действий по проблеме раздела Ирландия не готова пойти на уступки по вопросам обороны [7, 8].

Отсутствие возможности прийти к консенсусу сторон по вопросу раздела было в определённом смысле выгодно ирландской стороне, так как британской делегации невозможность послаблений в этом вопросе приходилось компенсировать уступками по торгово-финансовым пунктам повестки. Тем не менее, несмотря на определённую роль предлога, проблема раздела оставалась для представителей делегации ключевой. Для содействия в реализации поставленной цели И. Де Валера обращался в личном письме к президенту США Ф. Рузвельту, прося того использовать своё влияние, чтобы поспособствовать осознанию британским правительством выгод, следующих за достижением прогресса в этом вопросе [5].

На февральской сессии переговоров стороны перешли к более детальному рассмотрению пунктов торгового-финансового блока, требовавших предварительной подготовки сторон. После очередной ссылки на нерешённость проблемы раздела И. Де Валера заявил, что в текущих условиях его делегация согласна на то, чтобы итоговый текст договора затрагивал только вопросы торговли и финансов, а оспариваемые гавани должны быть возвращены под контроль Ирландии без заключения оборонительного соглашения [9]. В таком виде итоговый договор и был подписан 25 апреля 1938 г.

По итогам переговоров Ирландии удалось вернуть контроль над гаванями на своей территории, добиться существенного облегчения своих финансовых обязательств перед Великобританией, взаимным достижением являлась либерализация торгового режима между странами. Было и косвенное влияние переговоров на общественное мнение в Ирландии. Предполагалось, что переговоры должны быть максимально публичными и освещаться в СМИ. В ходе обсуждения британской стороной было очень верно подмечено, что Ирландия находится в состоянии «дома на полпути», т.е. на определённой дистанции от стран Содружества, но ещё без неотвратимого разрыва связей с ними. Фактически, переговоры определяли, в какую сторону в дальнейшем будет направлен внешнеполитический курс Ирландского доминиона: на сохранение статуса члена Содружества или выход из него. И. Де Валера как лидер республиканцев, которые в дальнесрочной

перспективе ставили целью обретение полного государственного суверенитета и независимости страны, не мог не понимать, что нерешённость вопроса раздела будет ему на пользу. Тем не менее, поставленная цель каким-либо образом решить вопрос раздела в пользу Ирландии решена не была, что позволяет поставить под сомнение оценку итогов переговоров как безусловного успеха ирландской стороны.

Источники и литература:

1. Гришин, А.И. Англо-ирландская торговая война 1932–1938 гг. в контексте новейшей истории мировой экономики / А.И. Гришин, У.Ф. Гафуров // Человеческий капитал и профессиональное образование. – 2020. – № 1 (31). – С. 53–58.
2. Колпаков, А.Д. Ирландия – остров мятежный / А.Д. Колпаков. – М. : Наука, 1965. – 191 с.
3. Конституции буржуазных государств Европы / сост.: Ф.А. Кублицкий; пер.: Г.С. Гурвич (под ред.). – М.: Иностр. лит., 1957. – 1142 с.
4. Полякова, Е.Ю. Ирландия в XX веке : учебное пособие / Е.Ю. Полякова. – М.: Университет, 2009. – 170 с.
5. Letter from Eamon de Valera to Franklin D. Roosevelt (Washington) (Copy) [Electronic resource] // Documents on Irish Foreign Policy. – Mode of access: <https://www.difp.ie/volume-5/1938/partition-of-ireland/2282/#section-documentpage>. – Date of access: 15.04.2022.
6. Memorandum from Maurice Moynihan to Eamon de Valera (Dublin) on the possibility of the restoration of the six counties [Electronic resource] // Documents on Irish Foreign Policy. – Mode of access: <https://www.difp.ie/volume-5/1938/northern-ireland/2266/#section-documentpage>. – Date of access: 15.04.2022.
7. Minutes of the conference between representatives of the United Kingdom and Ireland (Secret) (I.N. (38) 1st Meeting) (Copy) [Electronic resource] // Documents on Irish Foreign Policy. – Mode of access: <https://www.difp.ie/volume-5/1938/british-irish-conference/2268/#section-documentpage> – Date of access: 15.04.2022.
8. Minutes of the conference between representatives of the United Kingdom and Ireland (Secret) (I.N. (38) 2nd Meeting) (Copy) [Electronic resource] // Documents on Irish Foreign Policy. – Mode of access: <https://www.difp.ie/volume-5/1938/british-irish-conference/2270/#section-documentpage>. – Date of access: 16.04.2022.
9. Minutes of the conference between representatives of the United Kingdom and Ireland (Secret) (I.N. (38) 6th Meeting) (Copy) [Electronic resource] // Documents on Irish Foreign Policy. – Mode of access: <https://www.difp.ie/volume-5/1938/british-irish-conference/2289/#section-documentpage>. – Date of access: 16.04.2022.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.Б. Щавлинский (Минск)

Установившаяся после Первой мировой войны Версальско-Вашингтонская система международных отношений не являлась прочным миром, она больше всего обозначила торжество стран победителей над побежденными в Первой мировой войне и обострила противоречия между ними.

Во-первых, Германия, как побежденная страна в Первой мировой войне, в соответствии с оформленными договорами Версальско-Вашингтонской системы была лишена всех колоний и собственности за границей. Во-вторых, в Германии отменялась всеобщая воинская повинность. Армия не должна была превышать 100 тысяч человек, ей запрещалось иметь

подводные лодки, морскую и военную авиацию, предписывалось демилитаризовать территорию на 50 км к востоку от Рейна. Данное обстоятельство послужило причиной назревания нового конфликта между Англией, Францией, США – странами победительницами, с одной стороны, и побежденной Германией – с другой.

Кроме того, Версальско-Вашингтонская система обострила японо-американские, англо-японские, англо-американские, франко-итальянские, англо-французские и другие противоречия, которые приводили к возникновению очагов военного напряжения [2, с. 175].

В результате такие страны как Германия, Италия и Япония встали на путь пересмотра Версальско-Вашингтонской системы. Напряженность особенно усилилась после прихода к власти в Германии национал-социалистов и назначения 30 января 1933 г. А. Гитлера рейхсканцлером.

Нацистское руководство во главе с А. Гитлером в числе приоритетных задач в развитии Германии определило: отмену ограничений, предусмотренных Версальским договором, возвращение немецких колоний, расширение жизненного пространства для немцев, достижение мирового господства. Основой идеологического обеспечения политики национал-социализма стали пропаганда шовинизма и идеи расовой исключительности германской нации, разжигание вражды и ненависти к другим народам [1, с. 16].

Уже в марте А. Гитлер заявил об отмене военных статей этого договора: была восстановлена воинская повинность, объявлено о воссоздании военной авиации и строительстве подводных лодок. Благодаря высокой степени милитаризации экономики, достигнутой и посредством долгосрочных кредитов, полученных от Великобритании, Франции и других европейских государств, Германия смогла в короткие сроки добиться значительных результатов в строительстве современных на тот момент вооруженных сил – вермахта [2, с. 175].

Политика попустительства радикальным изменениям в политическом, экономическом курсе Германии со стороны Англии и Франции позволила Гитлеру действовать еще более решительно. В марте 1936 г. немецкие войска вводятся в Рейнскую демилитаризованную зону. 24 октября 1936 г. Германия подписала соглашение с Италией о создании оси Берлин–Рим. 25 ноября 1936 г. был подписан «антикоминтерновский пакт» между Германией и Японией, к которому в ноябре 1937 г. присоединилась Италия. Так был оформлен тройственный блок Японии, Италии и Германии, направленный против СССР, Коммунистического Интернационала и единого антифашистского фронта [4, с. 17].

В своих агрессивных намерениях не отставала от Германии и фашистская Италия, которая добивалась усиления влияния в Азии и Африке. 3 октября 1935 г. хорошо вооруженная итальянская армия совершила нападение на Абиссинию (Эфиопию). 6 апреля 1939 г. итальянские войска вторглись в Албанию.

Когда в июле 1936 г. в Испании начался военно-фашистский мятеж во главе с генералом Франко против республиканской власти, Германия и

Италия в поддержку мятежников организовали военную интервенцию. С 1936 г. по 1939 г. на стороне франкистов воевало около 150 тыс. итальянских, 50 тыс. немецких солдат и офицеров.

В то же время Англия и Франция объявили политику невмешательства в дела Испании, создав так называемый «Комитет по невмешательству», в который вошли 27 европейских государств. Комитет запрещал ввоз в Испанию оружия, военных материалов и техники. Однако это требование не касалось Германии и Италии, которые продолжали оказывать помощь франкистам.

Политика «невмешательства» Англии и Франции позволила Германии активизировать свои действия в Центральной и Восточной Европе. Более того, немецкие документы свидетельствуют, что в ноябре 1937 г. Гитлера посетил английский лорд – председатель Совета Галифакс, который являлся вторым лицом в правительстве. В результате переговоров, он дал понять Гитлеру, что Англия не будет препятствовать действиям Германии в Восточной Европе [3, с. 28].

Это высказывание привело Гитлера к мнению, что перед ним «открыли зеленую улицу на восток» [3, с. 29].

Еще больше Гитлера ободрила та сговорчивость, с которой правительства Англии и Франции восприняли вторжение Германии 11 марта 1938 г. в Австрию. После того, как английское правительство выразило согласие с продвижением немцев на восток, Гитлер в сентябре 1938 г. в ультимативной форме потребовал от правительства Чехословакии передачи Германии Судетской области. На это требование Чехословакия ответила отказом. Однако Англия и Франция усилили натиск на правительство Чехословакии. Судьба этой территории была решена 29 сентября 1938 г. в Мюнхене, когда руководители 4 государств (Гитлер, Чемберлен, Деладье и Муссолини) обязали Чехословакию в течение 10 дней передать Судеты Германии. При этом премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен объяснил руководству Германии: «Для нападения на СССР, у вас достаточно самолетов, тем более, что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах» [2, с. 169].

Очаг военной напряженности разрастался и на дальнем Востоке, где борьбу за территориальный передел вела Япония, которая стремилась установить свое господство в Китае и бассейне Тихого океана. Еще в сентябре 1931 г. японские войска оккупировали Маньчжурию и создали марионеточное государство с прояпонским правительством – Манчжоу-го. В 1937 г. японские агрессоры развернули ширококомасштабные действия в Центральном Китае, где они захватили огромную территорию с богатыми природными ресурсами.

В мире очень слабо отреагировали на вторжение японских милитаристов в Китай. На открывшейся в ноябре 1937 г. в Брюсселе конференции с участием 19 стран Японию осудили лишь морально, как агрессора, не применив против нее никаких санкций, на чем настаивал Советский Союз.

Более того, правящие круги Великобритании, Франции и США делали все возможное, чтобы спровоцировать советско-японскую войну на Дальнем Востоке. Только с 1936 г. по 1938 г. на границе СССР произошло

230 вооруженных конфликтов между советскими и японскими войсками. Летом 1938 г. японцы захватили часть территории СССР у озера Хасан, но были разгромлены. В мае–августе 1939 г. в районе реки Халкин-Гол в Монгольской Народной Республике советско-монгольские войска ликвидировали крупную японскую группировку (38 тыс. солдат). Это поражение в Японии явилось серьезным ударом по ее агрессивным планам на Дальнем Востоке.

Начиная с весны 1939 г. обстановка в Европе еще более обострилась. 14 марта Гитлер потребовал от правительства Чехословакии согласия на установление германского протектората над всей страной, а в случае отказа угрожал начать бомбардировки всей ее территории. На следующий день в чешские земли вошли соединения вермахта. В Богемии и Моравии был создан протекторат, а в Словакии – марионеточное правительство, которое полностью зависело от Берлина. При этом Германия значительно увеличила свой военный потенциал за счет завода «Шкода» – второго по величине арсенала в Центральной Европе, который с августа 1938 г. по сентябрь 1939 г. выпустил почти столько же продукции, сколько все английские военные заводы за тот же период [2, с. 177].

В то же время Польша, используя чехословацкий кризис, оккупировала Тешинскую Силезию, а Венгрия – южные районы Словакии и Закарпатскую Украину с населением один миллион человек.

Обострение международной напряженности в 1930-е гг. привело к тому, что руководство СССР активизировало деятельность по созданию системы коллективной безопасности против агрессоров. Уже в период 1933–1934 гг. СССР установил дипломатические отношения с Албанией, Болгарией, Венгрией, Испанией, Румынией, США, Чехословакией. 18 сентября 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций, а в мае 1935 г. заключил договоры о взаимной помощи с Францией и Чехословакией.

17 апреля 1939 г. руководство СССР предложило Англии и Франции заключить соглашение о взаимопомощи, включая и военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств. На состоявшихся в период с 15 июня по 21 августа в Москве трехсторонних переговорах начальник штаба Красной армии Б.М. Шапошников заявил, что Советский Союз готов выставить против агрессора в Европе 136 дивизий, 5 тыс. орудий, около 10 тыс. танков и 5,5 тыс. самолетов [2, с. 179]. Но представители глав военных миссий (Британскую возглавлял адъютант короля Георга VI П. Дракс, а французскую – член военного совета генерал Ж. Думенк) заявили, что они не имеют полномочий подписывать военную конвенцию, в результате чего переговоры зашли в тупик.

Тем временем, гитлеровское руководство с напряженным вниманием следило за ходом переговоров в Москве и, воспользовавшись возникшими в ходе их трудностями, стало предлагать советскому руководству заключить договор о ненападении. В тех сложных условиях развития межгосударственных отношений СССР, оказавшись перед перспективой войны на два фронта (с нацистской Германией и милитаристской Японией), вынужден был пойти на переговоры с гитлеровской Германией.

23 августа 1939 г. министр иностранных дел Германии И. Риббентроп и министр иностранных дел СССР А. Молотов подписали в Москве советско-германский договор о ненападении (пакт Молотова–Риббентропа) сроком на 10 лет. Одновременно к договору был подписан секретный протокол, устанавливавший разграничение сфер влияния в Восточной Европе. В сфере интересов СССР попадали Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Северная Буковина, Бессарабия, Западная Беларусь и Западная Украина.

Таким образом, накануне Второй мировой войны сложились очень сложные и противоречивые межгосударственные отношения между крупнейшими странами мира. Под воздействием реакционных режимов Германии, Италии, Японии был создан агрессивный блок государств, который стремился к военному решению политических проблем, существовавших в мировом сообществе. Инициативы СССР по созданию коллективной безопасности на Европейском континенте не нашли понимания со стороны правительств Великобритании, Франции и других европейских государств, что и стало прологом к развязыванию Второй мировой войны.

Источники и литература:

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 540 с.
2. Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова ; Московский гос. ин-т международных отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. – М. : МГИМО–Университет, 2015. – Т. 15 : Великая победа и современный мир. – 2015. – 404 с.
3. Лиддел Гарт, Б.Г. Вторая мировая война / Б.Г. Лиддел Гарт ; сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. – М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 1999. – 944 с.
4. Семенова, Л.Н. Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны : учебно-методический комплекс / Л.Н. Семенова, Н.Б. Щавлинский. – Минск : БГАТУ, 2019. – 240 с.

**АНАЛІЗ ЗНЕСНЕПАЛІТЫЧНАЙ КАНЦЭПЦЫІ ўРАДА
ІІ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У ПЕРЫЯД
ПЕРАДВАЕННАГА ПАЛІТЫЧНАГА КРЫЗІСА
(ПОЛЬСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ 1980–2000-х гг.)**

Л.Ч. Дрожжа (Мінск)

У канцы 1930-х гадоў асабліваю небяспеку для малых і сярэдніх дзяржаў Еўропы, такіх як Польшча, набыла палітыка «замірэння» агрэсара (*policy of appeasement*) пасля Мюнхенскага зговару 1938 г. і неўмяшання заходнееўрапейскіх дыпламатаў у агрэсіўныя дзеянні Германіі, што прывяло да канчатковага правалу сістэмы калектыўнай бяспекі. Гэта спрыяла савецка-германскаму паразуменню па падзелу сфер уплываў у Еўропе пасля падпісання пакта Рыбентропа–Молатава ў жніўні 1939 г. Такім чынам, першай ахвярай агульнаеўрапейскага геапалітычнага крызісу і Другой светнай вайны апынулася Польшча.

Неабходна адзначыць, што аналізу знешнепалітычнай канцэпцыі «раўнавагі» (*policy of equilibrium*) урада ІІ Рэчы Паспалітай паміж заходнееўрапейскімі саюзнікамі Англіяй і Францыяй, а таксама ІІІ Рэйхам і СССР

у перыяд перадваеннага палітычнага крызісу прысвечана шмат навукова-даследчых прац. У апошнія трыццацігоддзе польскімі гісторыкамі вывучана вялікая колькасць архіўных матэрыялаў, раней закрытых для даследчыкаў. Але да гэтага часу сучасныя польскія вучоныя не прыйшлі да пагаднення ў ацэнцы рэальных і аб'ектыўных магчымасцей вырашэння лёсу II Рэчы Паспалітай у 1939 г. пасля заключэння пакта Рыбентропа–Молатава 23 жніўня 1939 г.

На падставе зробленага аўтарскага аналізу, асноўнымі напрамкамі даследаванняў, якія праводзяць польскія гісторыкі па азначанай праблематыцы ў апошнія трыццацігоддзе, з'яўляюцца наступныя:

- *вывучэнне мемуараў польскіх дыпламатаў у якасці карыснай крыніцы для аналізу знешнепалітычнай канцэпцыі «раўнавагі» паміж заходнееўрапейскімі саюзнікамі Англіяй і Францыяй, а таксама III Рэйхам і СССР урада II Рэчы Паспалітай у перыяд перадваеннага палітычнага крызісу;*
- *аналіз стаўлення дыпламатыі II Рэчы Паспалітай да пакта Рыбентропа–Молатава ад 23 жніўня 1939 г. і яго ўплыва на лёс Польшчы;*
- *міжнародна-прававая і палітычная ацэнка дыпламатычнай дзейнасці міністра замежных спраў Ю. Бэка ў жніўні 1939 г.*

Карыснай крыніцай для аналізу знешнепалітычнай канцэпцыі дыпламатыі II Рэчы Паспалітай перыяду перадваеннага палітычнага крызісу з'яўляюцца мемуары польскіх дыпламатаў, акрэдытаваных у еўрапейскіх краінах у 1936–1939 гг. Успаміны некаторых дыпламатаў былі надрукаваны за мяжой у 1950-я – 1970-я гады, але ж большая іх частка была выдадзена ў Польшчы ў канцы 1980-х – пачатку 1990-х гадоў. Сярод іх – успаміны польскіх дыпламатаў перадваеннага часу: міністра замежных спраў Ю. Бэка (J. Beck) [6], міністра скарбаў Е. Квяткоўскага (E. Kwiatkowski) [16], дыпламатаў, польскіх паслоў: Ю. Ліпскага ў Берліне (J. Lipski) [17], Ю. Лукасевича ў Парыжы (J. Łukasiewicz) [20], Э. Рачыньскага ў Вялікабрытаніі (E. Raczyński) [21], В. Гжыбоўскага ў СССР (W. Grzybowski) [22], Я. Шэмбэка – намесніка міністра замежных спраў Ю. Бэка (J. Szembek) [10] і інш.

У 1930-я гг. польскі ўрад прытрымліваўся канцэпцыі «раўнавагі» паміж суседзямі на ўсходзе і захадзе – СССР і Германіяй (*policy of equilibrium*), але палякі, безумоўна, лічыліся з нязменнай савецкай варожасцю да II Рэчы Паспалітай у перадваенны перыяд. Між іншым, дыпламаты не дапушчалі думкі аб тым, што Іосіф Сталін адкрыта выступіць супраць польска-франка-брытанскай кааліцыі. У польскім знешнепалітычным ведамстве дамінавала апаска, што савецка-нямецкі пакт Рыбентропа–Молатава ад 23 жніўня 1939 г. справакуе адмову заходніх саюзнікаў ад сваіх абавязкаў [25, s. 111]. Гэтае хваляванне было абгрунтаваным і небеспадстаўным.

Неабходна адзначыць, што ў геапалітычнай ацэнцы пакта Рыбентропа–Молатава значную ролю адыгралі польскія паслы ў Вялікабрытаніі і СССР – *Эдвард Рачыньскі і Вацлаў Гжыбоўскі*. Вопытны дыпламат Э. Рачыньскі даў рэальную ацэнку германска-савецкай дамоўленасці ў сваім дзённікавым запісе, датаваным 30 жніўня 1939 г.: «Значэнне пакта Рыбентропа – Молатава ў якасці змовы супраць Захаду і, перш-наперш, падрыхтоўкі да «чацвёртага падзелу» Польшчы, для мяне былі зразумелыя з першай хвіліны...» [21, s. 31, 35].

Такім чынам, пасол Э. Рачыньскі адным з першых скарыстаў тэрмін «чацвёрты падзел» Рэчы Паспалітай, які быў уведзены польскімі гісторыкамі ў навуковым асяроддзі ў перыяд дэмакратычных змен у польскім грамадстве пасля 1989 г. і пачатку 1990-х гг. для вызначэння палітычных і ваенных вынікаў пакта Рыбентропа–Молатава і савецка-германскага дагавора аб межах 25 верасня 1939 г.

Неспадзяванасць змовы паміж Гітлерам і Сталіным у жніўні 1939 г. з’явілася ўдзелам не толькі вопытнага дыпламата Э. Рачыньскага. Пасол В. Гжыбоўскі рапартаваў 21 і 23 жніўня ў польскае знешнепалітычнае ведамства аб тым, што, на думку еўрапейскіх дыпламатычных колаў, пакт аб неагрэсіі – «гэта вялікі поспех Саветаў, паколькі дае ім магчымасць «свабоды рук» у пачатку канфлікту» [1]. Крыху пазней ён пісаў: «Саветы імкнуцца схіліць немцаў да вайны з палякамі, пакінуўшы за сабой пазнейшае рашэнне» [2]. І ў гэтым дыпламат не памыляўся.

На думку польскага гісторыка М. Корната, дзейнасць Адольфа Гітлера ў жніўні 1939 г. разглядалася польскім урадам як «разнастайнасць блефу і матывіравалася шантажом. Мэтай гэтай палітыкі было запужванне незалежнай Польшчы без выкарыстання сілы». Пакт з СССР быў ацэнены ў Варшаве як вынік гэтых накірункаў [14].

Больш рэалістычную ацэнку савецка-нямецкага пагаднення зрабіў пасол у Берліне *Юзэф Ліпскі* (J. Lipski). Ён ацэньваў пакт Рыбентропа–Молатава як крок да ізаляцыі Польшчы. Збліжэнне Берліна з Масквой не толькі перакрэслівала існаваўшыя ў Парыжы і Лондане ілюзіі аб уключэнні СССР у антыгітлераўскую кааліцыю, але і ставіла Польшчу ў крытычнае становішча. Ва ўспамінах, выдадзеных пасля Другой сусветнай вайны, пасол Ліпскі пісаў: «Для мяне гэта была жахлівая хвіліна. Маёй самай горшай апаскай было тое, што пасля савецка-нямецкага пакта Захад аслабне, адмовіць Польшчы ў падтрымцы і адвернецца ад нас» [17, s. 566].

Падобнага пункту гледжання наконт здрадніцкіх паводзін савецкага боку ў выкананні саюзных абавязкаў прытрымліваўся польскі пасол у Парыжы *Юліуш Лукасевич* (J. Łukasiewicz). Пасля размовы з прэм’ер-міністрам Францыі Эдвардам Даладзье 28 жніўня 1939 г. ён рапартаваў Бэку: «...катэгарычна падкрэсліваю, што нельга разлічваць ні на якія захады з боку Сталіна для прадухілення вайны. Падпісаўшы пагадненне з Гітлерам, ён зрабіў гэта для развязвання вайны і з поўнай упэўненасцю пойдзе далей у гэтым накірунку» [20, s. 328].

Прадметам вывучэння польскай гістарыяграфіі пасля дэмакратычных змен 1989 г. у Польшчы з’явілася *становішча польскай дыпламатыі пад кіраўніцтвам міністра замежных спраў Ю. Бэка* з пункту гледжання германа-савецкага збліжэння ў 1939 г. Аднымі з першых польскіх даследчыкаў, якія падкрэслілі, што Ю. Бэк аб’ектыўна не мог прадухіліць катастрофу падзелу дзяржавы, з’яўляюцца варшаўскія *гісторыкі М. Захарыяс і С. Грэгоравіч* [7, s. 187].

Для міністра Юзэфа Бэка савецкая палітыка была зразумелая і не заслугоўвала ніякага даверу. Неабходна заўважыць, што Бэк 23 жніўня 1939 г. выказаўся ў прысутнасці Прэзідэнта II Рэчы Паспалітай І. Масціцкага і маршала Э. Рыдз-Сміглага аб тым, што «не трэба пераацэньваць заключаны

паміж III Рэйхам і СССР дагавор». Ён падкрэсліў, што «Саветы адразу ж хацелі ўзяць Польшчу ў ціскі з абодвух бакоў» [16, s. 79; 6, s. 245]. Між іншым, у міністра Бэка не было ніякіх сумненняў у экспансійных намерах СССР. Ацэнка міністрам геастратэгічнага становішча Польшчы не суадносіцца з меркаваннем польскага даследчыка Ежы Лойяка аб тым, што ў Варшаве летам 1939 г. цалкам ігнаравалі рэальныя і патэнцыяльныя пагрозы з боку Германіі і СССР [18, s. 43–54].

Такім чынам, мы маем рацыю вызначыць асноўныя канцэптуальныя падыходы ў даследаваннях польскіх гісторыкаў пры аналізе знешняй палітыкі «раўнавагі» ўрада II Рэчы Паспалітай і савецка-германскага альянса ў жніўні 1939 г. пасля падпісання пакта Рыбентропа–Молатава. Ён неабходна разумець у цеснай сувязі з міжнароднымі падзеямі перадваеннага перыяду, наколькі гэта перш-наперш і датычыцца да задач гістарыяграфіі.

Ацэнка асобы Ю. Бэка польскімі палітыкамі і дыпламатамі перадваенных гадоў у надрукаваных мемуарах у 1980-я – 1990-я гг. была суб'ектыўнай, а іншым часам і беспадстаўна негатыўнай. Бадай адзіны пазітыўны водгук аб дзейнасці міністра пакінуў яго намеснік Я. Шэмбэк (J. Szembek) [10]. На яго думку, палкоўнік Ю. Бэк не вылучаўся дыпламатычнай вытанчанасцю. Аднак ад падначаленых ён патрабаваў дакладнага выканання сваіх прафесійных абавязкаў і выканаўчай дысцыпліны [10].

Прадстаўнікі польскай гістарычнай навукі старэйшага пакалення П. Ласоўскі (P. Lossowski) [19], Г. Батоўскі (H. Batowski) [3–5], М.І. Захарыяс [27–29], М.К. Каміньскі (M.K. Kaminski) [13], М. Вайцэхоўскі (M. Wojciechowski) [26], М. Садоўскі (M. Sadowski) [23] і інш. прытрымліваюцца апраўдальнай пазіцыі «палітыкі прыстасавання» Ю. Бэка да Германіі і «блізарукасці і недальнабачнасці» ў адносінах з заходнееўрапейскімі саюзнікамі і СССР. Ацэнка вучонымі асобы палкоўніка надзвычай супярэчлівая – ад станоўчых водгукі аб яго палітыцы і заслуг перад Польшчай, да найвастрэйшай крытыкі.

Польскія гісторыкі М. Корнат (M. Kornat) [14, 15], К. Грюнберг (K. Grünberg), Е. Сержык (J. Serszyk) [8], А.Л. Сова (A.L. Sowa) [24], С. Жэрка (S. Żerko) [30] і інш. не абмяжоўваюцца прынцыпам аб'ектывізму ў гістарычным аналізе і акцэнтуюць увагу на шматвектарнасці характару знешнепалітычнага курсу II Рэчы Паспалітай і яе вялікадзяржаўных амбіцыях. Між іншым, яны ацэньваюць дыпламатычную дзейнасць Бэка, асабліва пасля 1938 г., як «патэтычны правал».

Неабходна заўважыць, што да цяперашняга часу сучаснымі польскімі гісторыкамі не праводзілася грунтоўнага гістарыяграфічнага аналізу праблемы «чацвёртага падзелу» Польшчы паміж Гітлерам і Сталіным у жніўні – верасні 1939 г. Тым не менш, польскі гісторык С. Жэрка ў сваёй манаграфіі «Польска-нямецкія адносіны ў 1938–1939 гг.» ажыццявіў глыбокі крыніцазнаўчы аналіз знешнепалітычнай канцэпцыі II Рэчы Паспалітай у канцы 1930-х гг. пасля апрацоўкі матэрыялаў архіваў міністэрства замежных спраў Польшчы і Германіі і мемуараў польскіх дыпламатаў перадваеннага перыяду [30]. Ён абвінавачваў польскіх гісторыкаў у слабым крыніцазнаўчым аналізе дыпламатычных дакументаў міжваеннага перыяду, якія захоўваюцца ў замежных архівах, зараз даступных для польскіх даследчыкаў.

У манаграфіях вядомых гісторыкаў С. Дэмбскага (Sławomir Dębski) [9] і М. Іванова [12] таксама робіцца выснова аб ігнараванні савецкімі ўладамі магчымасці мірнага вырашэння польскага пытання ў 1939 г.

Такім чынам, усе вышэйпамянёныя вучоныя даюць негатыўную ацэнку ваенна-палітычнаму супрацоўніцтву Германіі і СССР пасля падпісання пакта Рыбентропа–Молатава 23 жніўня 1939 г., што спрыяла «чацвёртаму падзелу» Польшчы паміж Гітлерам і Сталіным у жніўні – верасні 1939 г.

На нашу думку, калі б сучасныя польскія гісторыкі прынялі да ўвагі фактычнае існаванне абставін і прычын палітычнай сітуацыі ў Еўропе і становішча Польшчы ў перадваенны час, было бы значна лягчэй ацаніць палітыку Бэка як нерэалістычны, патэтычны правал (палітычнае фіаска) [11]. Неабходна адзначыць, што польскаму ўраду ў перадваенныя гады аб'ектыўна было немагчыма захоўваць «раўнавагу» з вялікімі суседзямі Германіяй і Расіяй, бо ў існаваўшым палітычным становішчы краіны трэба было лавіраваць паміж агрэсіўнымі памкненнямі немцаў і заходнееўрапейскімі дыпламатамі для захавання status quo Польшчы ў Еўропе.

Крыніцы і літаратура:

1. Amb W. Grzybowski do MSZ, 22.VIII.1939 r., 24.VIII.1939 r. Telegramy szyfrowy // Archiwum Actow Nowych (AAN). – MSZ. Sygn. 6655.
2. Amb W. Grzybowski do MSZ, 27.VIII.1939 r. Telegram szyfrowy // AAN. – MSZ. Sygn. 6655A.
3. Batowski, H. Agonia pokoju i początek wojny, sierpień – wrzesień 1939 / H. Batowski. – Poznań :Wyd. Poznańskie, 1979. – 711 s.
4. Batowski, H. Układy niemiecko-radzieckie z 23 sierpnia 1939 / H. Batowski // Niemcy w polityce międzynarodowej 1919–1939. T. 4. Na przełomie pokoju i wojny / red. S. Sierpowski. – Poznań, 1992. – S. 297–306.
5. Batowski, H. Między dwiema wojnami 1919–1939. Zarys historii dyplomatycznej / H. Batowski. – Kraków : Wyd. Literckie, 2001. – 573 s.
6. Beck, J. Ostatni raport / J. Beck. – Warszawa : Państwowe Wyd. Naukowe, 1987. – 294 s.
7. Gregorowicz, S. Polska – Związek Sowiecki. Stosunki polityczne 1925–1939 / S.Gregorowicz, M. Zacharias. – Warszawa : Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1995. – 230 s.
8. Grünberg, K. Czwarty rozbiór Polski. Z dziejów stosunków radziecko-niemieckich w okresie międzywojennym / K. Grünberg, J. Serszyk. – Warszawa : Instytut Wyd. Związków Zawodowych, 1990. – 325 s.
9. Dębski, S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941 / S. Dębski. – Warszawa : PISM, 2007. – 800 s.
10. Diariusz i teki Jana Szembeka. T. 4. Oprac. J. Zarański. – Londyn : Inst. Polski i Muzeum im. Generała Sikorskiego w Londynie, 1972. – 806 s.
11. Drozhzha, L. Ch. Yu. Back and the foreign policy of the «equilibrium» of the Rzecz Pospolita in 1932–1939 / L.Ch. Drozhzha // Westi the National Akad. of Sciences for Belarus. Ser. Historian Sciences. – 2005. – № 3. – P. 56–63.
12. Iwanow, N.. Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. «Operacja polska» 1937–1938 / N. Iwanow. – Warszawa : Znak Horyzont, 2015. – 480 s.
13. Kamiński, M. W cieniu zagrożenia: Polityka zagraniczna RP, 1918–1939 / M. Kamiński, M. Zacharias. – Warszawa : Gryf, 1993. – 311 s.
14. Kornat, M. Dyplomacja II Rzeczypospolitej wobec paktu Ribbentrop–Mołotow / M. Kornat // Dzieje Najnowsze, R. XXXII. – 2000. – № 2. – S. 23–54.
15. Kornat, M. Polska wobec paktu Ribbentrop – Mołotow / M. Kornat. – Warszawa : Wyd. Naukowe, 2002. – 560 s.
16. Kwiatkowski, E.W takim żyliśmy świecie : Sylwetki polityków / E. Kwiatkowski. – Kraków : Znak, 1990. – 193 s.
17. Lipski, J. Diplomat in Berlin 1933–1939. Papers and Memoirs of Jozef Lipski, Ambassador of Poland / J. Lipski ; ed. W. Jendrzewicz. – New York, London, 1968. – 717 p.

18. Łojek, J. Agresja 17 września 1939. Studium aspektów politycznych / J. Łojek, L. Jerzewski. – Warszawa : Inst. Wydawniczy Pax, 1990. – 202 s.
19. Łossowski, P. Polska w Europie i świecie 1918–1939. Szkice z dziejów polityki zagranicznej i położenia międzynarodowego II Rzeczypospolitej / P. Łossowski. – Warszawa : Książka i wiedza, 1990. – 301 s.
20. Łukasiewicz, J. Dyplomata w Paryżu 1936–1939 / J. Łukasiewicz // Wspomnienia i dokumenty Juliusza Łukasiewicza, ambasadora Rzeczypospolitej Polskiej / W. Jędrzejewicz, H. Bulhak. – Londyn, 1989. – 401 s.
21. Raczyński, E.W sojuszniczym Londynie. Dziennik ambasadora Edwarda Raczyńskiego 1939–1945 / E. Raczyński. – Wyd. 2. – Londyn : Instytut Polski i Muzeum im. gen. Sikorskiego, 1974. – 450 s.
22. Raport końcowy byłego ambasadora RP w Moskwie W. Grzybowskiego do ministra spraw zagranicznych A. Zaleskiego // Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. – T. 2. 1933–1939; / T. Jędruszczak, M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa : Wyd. Naukowe, 1996. – S. 189–211.
23. Sadowski, M. Poufne projekty traktatów niemiecko-radzieckich z września 1939 r. / M. Sadowski // Studia nad Faszyzmem i Zbrodniami Hitlerowskimi. – Wrocław, 1994. – T. 17. – S. 151–161.
24. Sowa, A.L. U progu wojny (z dziejów spraw wewnętrznych i polityki zagranicznej II Rzeczy Pospolitej) / A.L. Sowa. – Kraków : Tow. Sympatyków Historii, 1997. – 318 s.
25. Starzeński, P. Trzy lata z Beckiem / P. Starzeński. – Warszawa : Pax, 1991. – 169 s.
26. Wojciechowski, M. Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938 / M. Wojciechowski. – Wyd. II. – Poznań : Instytut Zahodni, 1980. – 558 s.
27. Zacharias, M. J. Polska wobec polityki zbliżenia niemiecko-sowieckiego w okresie międzywojennym (ze szczególnym uwzględnieniem układu z 23 sierpnia 1939 r.) / M.J. Zacharias // Rola i miejsce Polski w Europie 1914–1957 : W 75 rocznicę odzyskania Niepodległości. Materiały z sesji naukowej w Instytucie Historii PAN 8–9 listopada 1993 r. / red. A. Koryn. – Warszawa, 1994. – S. 108–119.
28. Zacharias, M.J. Przesłanki polityki Związku Sowieckiego wobec Polski w 1939 r. / M.J. Zacharias // Dzieje Najnowsze, 1992. – № 1 – 2. – S. 59–78.
29. Zacharias, M.J. Sytuacja międzynarodowa i polityka zagraniczna Polska w latach 1936–1939 / M.J. Zacharias // Kwartalnik Historyczny, 1997. – Z. 2. – S. 41–69.
30. Żerko, S. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939 / S. Żerko. – Poznań : Instytut Zachodni w Poznaniu, 1998. – 498 s.

ПРОБЛЕМЫ БОЛГАРИИ В МЕЖСОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М.С. Довгялло (Минск)

Сближение Болгарии с Германией началось сразу же после прихода Гитлера к власти. Болгария, испытывавшая трудности, вызванные экономическим кризисом, нуждалась во внешних рынках. Она нашла их в Германии. В составе болгарского правительства находились убежденные германофилы [16, с. 396, 532]. Последовало заключение нескольких торговых и финансовых соглашений между Болгарией и Германией. Царь Борис III не проводил прогерманский курс форсировано и прямолинейно. Он спешил с принятием, по его словам, «зафиксированных политических обязательств», пытался до поры до времени сохранять известную самостоятельность, свободу рук во внешнеполитических делах.

Суть же «выжидательной политики» Бориса III заключалась в том, что, все больше вовлекаясь во внешнеполитическую орбиту держав «оси», он

намеривался свести к минимуму связанный с этим риск ухудшения и даже разрыва отношений с другими ведущими государствами Европы. Поэтому все свои дипломатические маневры в начальный период Второй мировой войны он пытался проводить под флагом нейтралитета, полагая, что такой способ действий будет иметь положительный для него эффект и внутри страны. 1 марта 1941 г. был подписан протокол о присоединении Болгарии к Тройственному пакту и участию во II мировой войне на стороне Германии [3, с. 13].

Болгария оказалась единственным союзником Германии, сохранившим с Советским Союзом дипломатические отношения на всем протяжении войны и в отличие от других союзников Гитлера не посылавшим болгарские войска на советско-германский фронт. Немецкой армии были предоставлены военно-морские базы и другие военные объекты на болгарской территории для военных действий против СССР.

В ноябре 1941 г. правительство Болгарии вместе с другими странами-союзниками Германии и Японии во Второй мировой войне присоединилась к Антикоминтерновскому пакту. Борис III сделал роковой шаг, объявив 13 декабря 1941 г. под давлением гитлеровцев, ссылавшихся на обязательства Болгарии по Тройственному пакту, войну США и Англии [4, с. 438]. Правящие круги Болгарии надеялись, что это будет лишь «символическая война». Географическая отдаленность Болгарии от США и Англии исключала возможность военных действий против них со стороны вооруженных сил данных стран. Объявленная война стала причиной разрыва американо-болгарских и англо-болгарских отношений де-факто. Тем не менее, официально Вашингтон первоначально оставил без реакции действия Болгарии. Только под влиянием союзников по антигитлеровской коалиции конгресс США объявил войну Болгарии в июне 1942 г. [13, с. 198], в связи с чем, до осени 1943 г. отношения США и Болгарии характеризовались состоянием «символической войны». Спустя два года такой шаг привел к тому, что англо-американская авиация с октября 1943 г. стала подвергать разрушительным бомбардировкам Софию и другие болгарские города с целью ослабления экономического и военного потенциала Болгарии, побуждая ее к разрыву с Германией и выходу из войны, тогда как СССР сохранял с ней дипломатические отношения. И, тем не менее, союзники по «большой тройке» должны были придерживаться единой согласованной политики на завершающем этапе войны. Ведущая роль на начальном этапе войны и выработка политической линии в отношении Болгарии принадлежала британской дипломатии. Американцы были склонны поддерживать британские военные и политические планы. Соединенные Штаты считали Болгарию периферией зоны собственных интересов в Европе, поэтому откладывали выработку долгосрочного политического курса в отношении нее до конца войны, ограничиваясь, преимущественно, сбором информации о событиях в стране. В то же время Вашингтон разделял и поддерживал позицию Лондона по вопросам признания Болгарии совоюющей страной. Только после смерти царя Бориса III в августе 1943 г. правительство во главе с премьер-министром Д. Божиловым, а затем И. Багряновым демонстрировало

готовность пойти на уступки державам антигитлеровской коалиции [3, с. 5, 12–13]. Не порывая с гитлеровской Германией, они маневрировали, стремились путем провозглашения «нейтралитета» избежать конфликта с СССР и тем самым предотвратить вступление в Болгарию Красной Армии, до последнего оттягивали выполнение их главных требований, включая отправку делегатов в Каир, где должны были начаться переговоры. Только в ходе подготовки к Крымской конференции США впервые предприняли попытку сформулировать задачи своей политики в Болгарии, что свидетельствовало о готовности активизировать здесь их деятельность. Однако большинство намеченных мер так и осталось на бумаге, а отдельные акции американской дипломатии в отношении Болгарии не меняли позиции «наблюдателя», характерной для администрации Ф. Рузвельта. Особое значение для США имело: советское участие в войне против Японии, создание ООН, будущее Германии, а также польский вопрос.

С целью заставить болгарское правительство ускорить разрыв с Германией и вывести свои войска из Югославии и Греции британское и американское военное командование решило предпринять воздушные бомбардировки болгарских городов. 30 марта 1943 г. состоялась крупнейшая бомбардировка Софии, в которой было задействовано 450 бомбардировщиков в сопровождении 150 истребителей. После 17 апреля («Черной Пасхи», когда столица подверглась удару 350 американских бомбардировщиков) интенсивность налетов сократилась [5, с. 102]. Бомбардировки Софии не вызывались военной необходимостью и грозили болгарской столице полным разрушением.

Партнеры СССР по коалиции, в первую очередь правительство Англии, стремились воспользоваться тем, что в состоянии войны с Болгарией в тот момент находились Англия и США, но не Советский Союз. Это позволило Англии и США играть основную роль при заключении перемирия и осуществлении союзнического контроля в Болгарии. Поэтому судьба Болгарии была предрешена союзниками по антигитлеровской коалиции с учетом их собственных интересов и планов. 13 мая 1944 г. было опубликовано заявление правительства СССР, Великобритании и США, касающееся сателлитов фашистской Германии, в том числе и Болгарии. В нем предлагалось немедленно прекратить войну на стороне Германии и содержалось предупреждение о последствиях, которые повлечет за собой продолжение их сотрудничества с последней [1, с. 132–133]. В июле правительство США получило из официальных болгарских источников сообщение о том, что правительство Болгарии «готово начать переговоры о сепаратном мире» [6, с. 274]. Советское правительство не возражало против переговоров между представителями Болгарии, с одной стороны, и представителями СССР, США и Великобритании – с другой. Но считало, что целесообразно, чтобы они проходили в Анкаре. В ответном письме посла США в СССР народному комиссару иностранных дел СССР В. Молотову сообщалось о согласии правительств США и Великобритании на встречу болгарских дипломатов в Анкаре с целью обсуждения условий капитуляции Болгарии. Любые действия, предпринятые болгарским правительством, от прекращения Болгарией военных действий против Объединенных Наций, освобождения союзных пленных до разрыва отношений с Германией или высылки германских вооруженных сил

с болгарской территории будут приняты во внимание при определении искренности намерений Болгарии [14, с. 190–191]. 26 августа правительство И. Багрянова объявило о строгом нейтралитете Болгарии в германо-советской войне и потребовало от Германии вывода ее войск [3, с. 191].

Сущность политики болгарского правительства нашла отражение в секретном докладе премьер-министра Багрянова регенту Кириллу 31 августа 1944 г. Он рекомендовал «до последнего момента делать ставку на Германию» [8, с. 135], полагая, что противоречия в антигитлеровской коалиции приведут к победе рейха. Багрянов советовал продолжать враждебную политику в отношении СССР и делать все, чтобы воспрепятствовать вступлению советских войск в Болгарию.

5 сентября 1944 г. Советский Союз объявил о состоянии войны с Болгарией. В ноте указывалось, что он «не считает дальше возможным сохранять отношения с Болгарией, рвет всякие отношения с Болгарией и заявляет, что не только Болгария находится в состоянии войны с СССР. Поскольку на деле она и ранее находилась в состоянии войны с СССР, то и Советский Союз отныне будет находиться в состоянии войны с Болгарией» [16, с. 603]. 8 сентября советские войска вошли в Болгарию. На следующий день в стране произошел революционный переворот, приведший к установлению народно-демократической власти. Накануне подписания соглашения о перемирии английское правительство предлагает включить в условие перемирия с Болгарией фразу, что она не может распоряжаться своими активами. В ответ В. Молотов ответил, что «Болгария не вводила своих войск ни на территорию Англии, ни на территорию США, ни на территорию СССР. В то время как Румыния и Финляндия занимали советскую территорию. Поэтому мы не можем ставить Болгарию в худшее положение, чем Румынию и Финляндию» [15, с. 193]. 28 октября было подписано соглашение о перемирии между СССР, Великобританией и США, с одной стороны, и Болгарией – с другой [2, с. 74]. Болгария была избавлена от оккупации ее территории англо-американскими войсками. В соответствии с пунктом 18-м о перемирии, до окончания военных действий против Германии Союзная контрольная комиссия (СКК) «будет находиться под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования с участием американского и британского представителей» [2, с. 286–292]. Комиссия должна была регулировать и контролировать условия перемирия. На переговорах премьер-министра У. Черчилля и министра иностранных дел в Москве А. Идена британская сторона заняла отрицательную позицию по поводу участия болгарских войск в борьбе против Германии за пределами Болгарии.

Подписав соглашение о перемирии, Вашингтон и Лондон развернули акции в двух направлениях. Во-первых, они стремились добиться ревизии соглашений, обойти руководящую роль советского командования в СКК, увеличить численность своего представительства и расширить его полномочия. Во-вторых, они пытались найти пути, позволявшие им в обход СКК и позиции СССР оказывать давление на различные политические силы в Болгарии, вмешиваться во внутренние дела этих стран. До конца 1944 – начала 1945 г. США и Великобритания не сумели найти действенных средств и эффективных методов воздействия на политическую ситуацию в Болгарии.

На Крымской конференции Болгарское правительство неоднократно поднимало вопрос о признании Болгарии совоюющим государством, ссылаясь на значительный вклад, уже внесенный ее войсками в войне против Германии. В марте 1945 г. политическому представителю Болгарии в СССР было сказано: «Мы не раз оказывали вам моральную поддержку, но нельзя забывать, что мы не одни. Нельзя не учитывать сложившегося отрицательного отношения наших союзников к Болгарии» [17, с. 108]. Последнее явилось преградой принятию положительного для Болгарии решения.

Болгария продолжала фигурировать в составленном представителями США и Англии черном списке, вследствие чего нейтральные государства все еще воздерживались возобновлять свои экономические отношения с монархией. «Так, 6 апреля 1945 г. торговые атташе Великобритании и Соединенных Штатов в Швейцарии официально заявили болгарской миссии, что они все еще считают Болгарию вражеской страной и что они, по крайней мере до сего момента, не получили иных инструкций от своих правительств» [17, с. 131].

В мае 1945 г. правительствам США и Англии Советский Союз предложил установить нормальные дипломатические отношения с Болгарией. В посланиях И.В. Сталина Г. Трумэну и У. Черчиллю говорилось: «Прошло более 8 месяцев с того времени, когда Болгария разорвала отношения с гитлеровской Германией, заключила с союзными государствами перемирие и включилась в войну на стороне союзников против Германии, выделив для этого свои вооруженные силы. Советское правительство считает в связи с этим правильным и своевременным теперь же восстановить с Болгарией дипломатические отношения и обменяться посланниками» [10, с. 632]. Такое согласованное признание содействовало бы как внешнеполитической стабилизации, так и внутреннему укреплению власти. Американская сторона отказалась установить с ней дипломатические отношения, как предлагало Советское правительство, и отложила этот вопрос до конференции.

Потсдамская конференция стала рубежом в политике США и Великобритании в отношении Болгарии. На конференции было выражено их негативное отношение к установленному в стране народно-демократическому режиму и открыто провозглашено требование его изменения. Было определено и средство достижения поставленной цели – проведение «свободных» выборов под контролем держав-победительниц. Выступая 24 июля 1945 г. на заседании конференции, Г. Трумэн заявил: «Я уже несколько раз говорил, что мы не можем восстановить дипломатические отношения с этими правительствами до тех пор, пока они не будут реорганизованы так, как мы считаем нужным» [18, с. 308]. Поэтому в заключительном документе конференции было записано: «Три правительства считают желательным, чтобы теперешнее аномальное положение Италии, Болгарии ... было прекращено заключением мирных договоров... Три правительства, каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений до заключения мирных договоров с этими странами» [1, с. 351–352]. Все это означало завершение длительного периода выработки английской и американской дипломатией общей линии поведения в отношении Болгарии. Только позиция СССР на конференции не позво-

лила реализовать намерения союзников в отношении Болгарии. На конференции правительства США и Великобритании не сумели добиться реализации тех целей, которые они наметили в процессе подготовки к ней. В соответствии с этим каждая союзная держава могла самостоятельно решать вопрос о дипломатических отношениях. Тем самым Советское правительство получило возможность еще до заключения мирного договора с Болгарией подписать соглашение об установлении дипломатических отношений с этой страной. 14 августа 1945 г. заместитель председателя СКК в Болгарии генерал-полковник С.С. Бирюзов направил премьер-министру К. Георгиеву письмо, в котором сообщалось о желании Советского правительства восстановить с Болгарией дипломатические отношения и об обмене полномочными министрами [17, с. 169]. Советская делегация не поддержала планы «перестройки» восточноевропейских стран, в частности, требования Трумэна о «немедленной реорганизации» правительства Болгарии, об осуществлении контроля со стороны западных держав за выборами в этих странах и т.д. Было принято решение о создании Совета министров иностранных дел СССР, Китая, Франции, Великобритании и США (СМИД) «для проведения подготовительной работы по мирному урегулированию», на него возлагалось «составление мирных договоров» [11, с. 459–460]. Это способствовало укреплению позиции новой власти в Болгарии, упрочению ее суверенитета и независимости на международной арене.

В августе 1945 г., нарушив условия соглашения о перемирии, США оказали прямой нажим на болгарское правительство. Американское правительство направило Болгарии ноту с требованием о включении в состав ее правительства представителей оппозиционных группировок, угрожаяе предупредая, что в противном случае с Болгарией не будет заключен мирный договор [6, с. 403]. Аналогичную ноту направило и британское правительство, которое, негативно оценив избирательный закон и политическую обстановку в стране в целом, заявило, что не признает болгарское правительство, образованное по итогам выборов [12, с. 232]. В сентябре на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел США и Англия попытались получить согласие у СССР на коренную организацию правительства Отечественного Фронта (ОФ). Правительства США и Великобритании направили еще несколько нот и меморандумов, требуя отсрочки выборов. Кабинет К. Георгиева был вынужден отложить выборы до середины ноября. «Отсрочка выборов полностью себя оправдала. Отложив выборы, болгарское правительство доказало свое желание сотрудничать с союзниками. Была проведена дальнейшая демократизация избирательной системы. Оппозиция получила свою печать. Англичане и американцы не имеют больше оснований говорить об отсутствии демократии в Болгарии» [2, с. 187]. Отечественный фронт 18 ноября одержал победу на выборах в Народное собрание. В них приняло участие 85,5% от общего числа избирателей; 88,18% (т.е. почти 3,4 млн. из 4,5 млн.) проголосовало за ОФ [7, с. 492]. 15 декабря состоялось открытие сессии Народного собрания. Председателем собрания был избран В. Коларов.

Стремясь выйти из тупика, США выразили готовность признать его при условии включения в состав правительства двух представителей оппозиции. На Московском совещании министров иностранных дел Англии,

СССР и США (16–26 декабря 1945 г.) советская делегация считала возможным согласиться с тем, чтобы совещание обратилось к болгарскому правительству с рекомендацией ввести в их состав по два представителя оппозиционных групп и партий, которые не были представлены в кабинете и были готовы лояльно сотрудничать с народно-демократическим правительством [9, с. 12]. Рекомендация была принята ОФ в Болгарии. Его решения открыли путь для скорейшего решения вопросов мирного урегулирования с Болгарией, что означало международное признание народно-демократической власти. Представителям США и Англии пришлось дезавуировать заявление о непризнании правительства, которое придет к власти в Болгарии в результате выборов.

Таким образом, только смена власти в США и новый курс администрации Г. Трумэна ускорили разработку основных направлений американской политики в Болгарии. Западные страны намеривались добиться изменения характера политического строя в Болгарии под прикрытием лозунга проведения там «свободных демократических» выборов. В качестве средства достижения своих целей США и Англия пытались использовать свое положение держав-победительниц. Все это означало завершение длительного периода выработки английской и американской дипломатией общей линии поведения в отношении Болгарии. Только позиция СССР не позволила реализовать намерения союзников по антигитлеровской коалиции в отношении Болгарии. При активной дипломатической поддержке СССР, бывшему сателлиту третьего рейха – Болгарии – удалось на Парижской мирной конференции отстоять свои довоенные границы. Болгарии удалось сохранить за собой Южную Добруджу в границах 1913 г. вошедшую в состав болгарского государства в 1940 г.

Источники и литература:

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. – Т. 2 : 1-е января – 31 декабря 1944 г. – М.: Гос. изд. полит. лит.-ры, 1946. – 687 с.
2. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. – Т. 1: 1944–1948 гг. – М., Новосибирск, 1997. – 820 с.
3. Довгялло, М.С. Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: справочник / М.С. Довгялло. – Минск : Тетра-Системс, 2006. – 272 с.
4. Документы внешней политики СССР. 1942. – Т. XXV : в 2-х кн. – Кн. I: Январь – июнь / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Тула : Гриф и К., 2010. – 524 с.
5. Збоев, А.В. Позиции стран Антигитлеровской коалиции по вопросу о бомбардировках Болгарии в 1943–1944 гг. / А.В. Збоев // Вопросы истории. – 2016. – № 1. – С. 96–102.
6. Исраэлян, В.Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945) / В.Л. Исраэлян. – М.: Междунар. отношения, 1985. – 477 с.
7. История Болгарской коммунистической партии: пер. с болг. – М. : Политиздат, 1971. – 664 с.
8. История второй мировой войны. 1939–1945: в 12 т. – Т. 9: Освобождение территории СССР и европейских стран. Война на Тихом океане и в Азии / М. И. Семиряга [и др.]. – М.: Воениздат, 1978. – 575 с.
9. Московское совещание министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства: [16-26-го дек. 1945]. – М.: Госполитиздат, 1946. – 567 с.

10. Печатнов, В.О. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование : в 2 т. / В.О. Печатнов, И.Э. Магадеев. – М. : Просвещение, 2017. – Т. 2. – 768 с.

11. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 6 : Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). – 511 с.

12. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. : в 2 т. : документы / отв. ред. Волокитина. – М. : РОССПЭН, 1999. – Т. 1: 1944–1948 гг. – 687 с.

13. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 : документы и материалы : в 2 т. / М-во иностр. дел СССР. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 1: 1941–1943. – 510 с.

14. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 : документы и материалы : в 2 т. / М-во иностр. дел СССР. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 2 : 1944–1945. – 575 с.

15. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 : документы и материалы : в 2 т. / М-во иностр. дел СССР. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 2: 1944–1945. – 494 с.

16. Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы (Ноябрь 1917 – сентябрь 1944). – М.: Наука, 1976. – 651 с.

17. Советско-болгарские отношения. 1944–1948. Документы и материалы / М-во иностр. дел СССР ; М-во иностр. дел НРБ. – М. : Политиздат, 1969. – 508 с.

18. Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов. – 3-е изд. – М. : Международные отношения, 1971. – 416 с.

НАЦИЗМ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В.Н. Чепик (Санкт-Петербург)

На протяжении долгой истории человечество пыталось найти способы положить конец бесчисленным войнам и конфликтам между народами. Этим и объясняется внимание исследователей к различным проектам и способам объединения стран с целью повышения эффективности экономического сотрудничества и надежного обеспечения безопасности. В настоящее время все больший интерес вызывает период 1920–1930-х гг., когда после Первой мировой войны было создано панъевропейское движение и предпринята попытка реализовать на практике идею федеративного союза европейских стран [8, р. 12]. При этом отмечается заинтересованность политической элиты побежденной Германии в реализации идеи панъевропейского союза как возможности для ликвидации несправедливых для нее условий Версальского договора и обеспечения доступа к ресурсам и рынкам «европейских колоний» в Африке [3, с. 172]. Общее мнение исследователей сводится к тому, что с приходом Гитлера к власти перестают существовать условия для реализации идеи панъевропейского объединения, сама идея теряет своих многочисленных сторонников и возрождается только после победы над нацистской Германией и ее союзниками. В тоже время в связи с появлением в широком доступе архивных документов по истории европейской интеграции, представляется возможным не только оценить развитие европейской идеи в годы Второй мировой войны в контексте деятельности сторонников движений сопротивления, но также рассмотреть и альтернативный нацистский проект создания «нового европейского порядка».

Обращение к нацистской геополитике в контексте формирования единого европейского пространства не является новшеством для историографии интеграционных процессов в Европе, а служит дополнением формирующегося в настоящее время отдельного направления по изучению истории развития интеграционных идей, осуществлявшихся силовым путем с использованием вооруженных сил. В качестве примера можно привести утверждение о создании единого европейского пространства в границах «Наполеоновской Европы», которая начала складываться под воздействием побед французского оружия и «на основе антифеодального права» [1, с. 6]. С приходом к власти в Германии Гитлера в 1933 г. начал реализовываться нацистский проект построения «нового европейского порядка» при гегемонии одной страны и при помощи насильственных методов. По утверждению профессора О.Ю. Пленкова, Гитлер высмеивал «идеалистов», предлагавших мирным путем создать федеративный союз европейских стран в межвоенный период [2, с. 218]. Главный идеолог нацистской партии А. Розенберг еще задолго до войны заявлял, что будущее принадлежит итальянскому, французскому, британскому и немецкому национализму. Именно они могли придать Европе необходимое ускорение для поступательного развития стран в условиях мирового экономического кризиса, «находясь в органическом единстве и обмениваясь культурными ценностями...» [2, с. 218].

С самого начала Второй мировой войны быстрые немецкие военные победы над континентальными европейскими демократиями подпитывали интенсивную пропагандистскую кампанию для поддержки идеи немецкой Европы, которая была призвана «раз и навсегда положить конец традиционным межнациональным противоречиям». Рейх планировал организовать свое Европейское экономическое сообщество (*Europäische Wirtschaftsgemeinschaft*) в границах вновь завоеванных территорий, путем превращения его в «широкую экономическую и торговую зону полностью подчинив ее интересам немецкой экономики». При этом нацистская Германия не стеснялась позиционировать себя в качестве поборника европейского объединения и «нового европейского порядка» [7]. Официальная пропаганда превозносила ценности западной цивилизации, которые, как утверждалось, были призваны защитить от большевизма и англо-американского империализма. Немецкие геополитики рассчитывали на плодородные равнины центральной Европы, которые должны были превратиться в житницу рейха, а поработанные народы частично подлежали принудительной германизации. В основе нацистских «европейских» планов лежала немецкая раса, состоявшая, кроме самих немцев, также из эльзасских, австрийских, люксембургских и швейцарских немцев. Она также должна была включать *фольксдойче*, т.е. тех европейцев, которые могли заявить, что у них были немецкие предки, даже если они с тех пор утратили всякую связь с ними и со своей самобытной культурой. В эту группу также входило коренное население признанное германским (скандинавы, фламандцы и голландцы), которое легко могло быть ассимилировано [7].

В отличие от этих народов и народов стран сателлитов Германии (Хорватии, Словакии, Венгрии, Румынии и Италии), славяне из Польши, стран Балтии и Советского Союза изображались как «недочеловеки», обреченные на ликвидацию, переселение и порабощение в соответствии

с потребностями рейха. Евреи и цыгане, которые считались лицами без гражданства подлежали уничтожению. Именно таким образом нацистская Германия рассчитывала на создание жизненного пространства для рейха под исключительным контролем воссоединенной и очищенной в результате селекционного отбора германской расы. Также предусматривалось объединение Европы с африканскими колониями побежденных государства в Еврафрику под совместным контролем держав оси и их сателлитов [7].

Такие рассуждения о «новой Европе» помогли немецким лидерам завоевать доверие некоторых коллаборационистов в побежденных и оккупированных европейских странах. В 1941 г. в Париже состоялась грандиозная выставка под лозунгом «сильная Франция в сильной Европе». Выставка, которую посетили более 600 тыс. человек, продемонстрировала сельскохозяйственные богатства страны и подчеркнула значимую роль Франции в «новой Европе» под немецким контролем. За ней последовали другие передвижные выставки, одна из которых называлась «Большевизм против Европы». Ее целью было наглядно проиллюстрировать крестовый поход, осуществляемый рейхом и его союзниками против коммунизма во имя единой Европы. После войны коммунистические движения умело использовали эту нацистскую концепцию объединенной Европы с целью дискредитации европейской идеи, называя ее реакционной [7].

Поражение на восточном фронте заставило Германию рассмотреть проект более справедливой – федеративной организации нацистской Европы. Так, после разгрома под Сталинградом Гитлер издал циркуляр, в котором предписывалось активно навязывать «новый, европейский облик немецкой внешней политике». На вооружение был взят лозунг «Европейцы против русского большевизма», а сам СССР изображался как главный антагонист Европы. Именно этот образ врага должен был сплотить континент под началом нацистской Германии. Министр иностранных дел фон Риббентроп 21 марта 1943 г. подготовил докладную записку, в которой речь шла о необходимости создания «Европейской федерации». По его плану в федерацию следовало включить Германию, Италию, Францию, Данию, Норвегию, Финляндию, Словакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Хорватию, Сербию, Грецию и Испанию. Центром федерации планировалось сделать Вену или Зальцбург [2, с. 231].

Однако этим планам не суждено было сбыться. Более того, расистский «новый европейский порядок» не сумел подавить энтузиазма ярых приверженцев европейского единства. Напротив, некоторые группы сопротивления, вдохновленные изначально патриотическими настроениями, постепенно были вынуждены больше задумываться о необходимости построения демократического союза европейских стран после войны. Так, уже в 1941 г. итальянские антифашисты Э. Росси и А. Спинелли в своем манифесте «За свободную и объединенную Европу» призвали отказаться от деления Европы на национальные, суверенные государства, что привело к падению большинства государств континента под ударами немецкой военной машины [6]. Для обеспечения безопасности будущего союза необходимо было найти коллективное решение, поскольку начало Второй мировой войны подтвердило неэффективность и бесполезность провозглашения деклараций о нейтралитете

и заключения пактов о ненападении. В рамках Европейской Федерации предполагалось «с легкостью решить» и вопросы межнациональных и межэтнических границ, проблемы национального суверенитета малых народов, которые дестабилизировали международную обстановку в предвоенные годы и должны были трансформироваться в региональные проблемы. С этой целью итальянские антифашисты призывали наладить связи между разрозненными движениями сопротивления и сформировать фундамент устойчивого федеративного государства, которое будет иметь в своем распоряжении европейскую армию вместо национальных армий; откажется от экономической автаркии – основы тоталитарных режимов; будет располагать достаточными средствами для поддержания порядка и гарантирует определенную степень автономии, необходимую для сохранения и развития самобытности и культурных традиций каждого народа [6].

Активность борцов движений сопротивления ряда европейских стран резко возросла в связи с победами сил антигитлеровской коалиции. 25 марта 1944 г. в Нью-Йорке Комитет по правовым вопросам Панъевропейского движения принял проект европейской конституции федеративного типа. Конституция, состоявшая из 14 разделов и 94 статей, провозглашала демократические права и свободы граждан, а также включала статьи по обеспечению обороны и институционального устройства Европейской Федерации [5]. В принятой летом 1944 г. в Женеве декларации выражалась надежда, что после разгрома нацизма европейские страны сумеют отказаться от «догмы об абсолютном суверенитете национального государства» [4].

Таким образом, поражение Германии и ее союзников во Второй мировой войне предотвратило появление «нового европейского порядка» в качестве альтернативной модели реализации европейской идеи. По мере приближения окончательного разгрома нацизма в Европе активизировали свою деятельность сторонники объединения Европы в федеративный союз, проект конституции которого был разработан уже в 1944 г.

Источники и литература:

1. От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв. / под ред. А.В. Смолина. – СПб. : Изд-во РХГА, 2016. – 620 с.
2. Пленков, О.Ю. Гитлеровское геополитическое планирование будущего Европы под немецкой гегемонией и его реализация / О.Ю. Пленков // От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв. / под ред. А.В. Смолина. – СПб. : Изд-во РХГА, 2016. – С. 217–310.
3. Чепик, В.Н. Немецкий подход к идее европейской интеграции после Первой и Второй мировых войн / В.Н. Чепик // Россия – Германия в образовательном, научном и культурном диалоге : сборник материалов Международного научно-просветительского форума, Псков, 16–17 сентября 2021 г. – Псков : Конкорд, 2021. – С. 165–172.
4. Draft declaration of the European resistance movements (20 May 1944) [Electronic resource] // CVCE.eu. – Mode of access: https://www.cvce.eu/en/obj/draft_declaration_of_the_european_resistance_movements_20_may_1944-en-d68ca0ad-c24b-4906-8235-96b82814133a.html. – Date of access: 15.02.2022.
5. Draft Constitution of the United States of Europe (New York, 1944) [Electronic resource] // CVCE.eu. – Mode of access: https://www.cvce.eu/en/obj/draft_constitution_of_the_united_states_of_europe_new_york_1944-en-1e64890f-9a3e-4f2b-be6d-9f86aff930cc.html. – Date of access: 15.02.2022.

6. Spinelli, Altiero; Rossi, Ernesto. The Ventotene Manifesto [Electronic resource] // CVCE.eu. – Mode of access: https://www.cvce.eu/en/obj/the_manifesto_of_ventotene_1941-en-316aa96c-e7ff-4b9e-b43a-958e96afbecc.html. – Date of access: 15.02.2022.

7. The Resistance and the European idea in the light of the New European Order championed by the Nazis [Electronic resource] // CVCE.eu. – Mode of access: https://www.cvce.eu/en/obj/the_resistance_and_the_european_idea_in_the_light_of_the_new_european_order_championed_by_the_nazis-en-4c505043-a5bf-4c9c-8b33-ae5874c2232f.html. – Date of access: 15.02.2022.

8. Thorpe, B.J. The time and space of Richard Coudenhove-Kalergi's Pan-Europe, 1923–1939 : PhD thesis / B.J. Thorpe. – University of Nottingham, 2018. – 339 p.

ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА В КИНЕМАТОГРАФЕ США 1941 г.¹

Д.Ю. Селифонтова, С.О. Буранок (Самара)

Вторая Мировая война во многом повлияла на сближение США и Китая для противостояния сильным противникам, так как Японская агрессия, первоначально распространявшаяся на Китай, могла нарушить безопасность Соединённых Штатов [5, с. 206]. Еще до вступления Соединённых Штатов Америки в войну, были вовлечены в программу Ленд-Лиза Британская Империя и Китай. Так началось сотрудничество двух держав, противостоящих фашистской агрессии.

Несмотря на то, что соглашение Ленд-Лиза между США и правительством Чан Кайши было подписано лишь 2 июня 1942 года, Соединённые Штаты Америки начали оказывать помощь Китаю ещё весной 1941 года. После нападения Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года на первое место в китайской политике США вышла организация совместных военных операций против общего врага. 13 декабря президент Ф. Д. Рузвельт обратился к Чан Кайши с просьбой о проведении военной конференции в Чунцине не позднее 17 декабря для координации общих действий [8, с. 87].

Кинематограф США 1941 года раскрывает суть идеологии, вкладываемой в фильмы начального периода войны. В августе 1941 года, после публикации американо-английской декларации о целях в войне и о принципах послевоенного мироустройства, кинематограф США также обрел новый смысл: начали выходить фильмы на разные темы (о регби, об уровне экономики, о самолётах и др.), но все они содержали в себе подтекст. Одним из эффективных способов формирования мировоззрения необходимости участия в войне и защиты своей страны стало использование соответствующих идеологических установок в фильмах.

Вступление Соединённых Штатов Америки во Вторую Мировую войну переориентировало фокус общественного внимания с Китая на боевые действия в Тихоокеанском регионе. В военный период, начиная с 1941 года, происходит зарождение и развитие идеи, что Китай во главе с Чан Кайши выступают главными защитниками Азии от Японии.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00099, <https://rscf.ru/project/22-28-00099/>. Война на экране: Голливуд и мифологизация Второй мировой войны в 1941–1945 гг.

В «штабном соглашении АВС-1», вышедшем в феврале 1941 года, сохранилось описание предполагаемого сотрудничества Соединенных Штатов Америки и Содружества Наций в борьбе с врагом во время войны. Генерал Маршал и адмирал Старк исходили из предпосылки, что Соединенные Штаты не должны применять вооружённые силы в ответ на японские шаги в Китае. Они предполагали, что японское наступление не способно привести к разгрому Китая, соответственно, не требует вмешательства США в войну против Японии. Соединённые Штаты Америки начали секретные переговоры с Японией по приезду в Вашингтон нового японского посла Кицисабуро Номуры.

Переговоры были весьма трудными, поскольку Япония добивалась, чтобы Америка отказалась от поддержки Чана Кайши, а США выдвигали ряд условий, которые сводились к сохранению, с незначительными поправками, status quo на Дальнем Востоке.

Сложность переговоров состояла в том, что Япония уже в мае 1941 года выдвигала предложения, которые предусматривали получение Японией особых позиций в Китае и вытеснение оттуда всех других государств, а также приобретение ею широких экономических привилегий в юго-западной части Тихого океана, у Соединенных Штатов же были другие цели: сдержать дальнейшее продвижение Японии на юг, склонить её к выходу из берлинского пакта, эвакуировать японские войска из Китая.

Тема переговоров с Японией о мире и безопасности в Азии и на Тихом океане косвенно затрагивалась сразу в нескольких фильмах 1941–1942 гг.: «Остров Уэйк», «Дама из Чунцина», «Тихоокеанское рандеву». В них отражена оценка данных переговоров, данная президентом Ф.Д. Рузвельтом: все дипломатические действия Японии перед войной – это «лживые заверения о мире», с целью усыпления бдительности американцев. Следовательно, кинематограф США 1941–1942 гг. активно визуализировал и мифологизировал эту версию. Вместе с тем, в кинолентах обозначенного периода присутствует демонстрация ещё одной стороны дипломатической подготовки войны – американо-китайских отношений.

На примере фильма 1941 года «Жестокий Шанхай» можно проследить именно приёмы мобилизации общественного мнения, использованные непосредственно перед войной. Режиссером данного фильма является американский кинорежиссер, сценарист и продюсер Джозеф фон Штернберг, фильм был создан группой сценаристов во главе со Штернбергом. Главные роли исполнили Джин Тирни, Уолтер Хьюстон, Виктор Мэтьюр, Она Мансон. Картина основана на одноимённой бродвейской пьесе Джона Колтона.

Фильм вышел в свет 25 декабря 1941 года, уже после вступления Америки во Вторую Мировую войну, и содержит в себе массу идеологических обоснований войны и целый комплекс мифологизированных представлений о Китае и об Азии в целом.

В фильме Шанхай представлен, как жестокий город, полный суматохи, предрешающий судьбу приезжих людей. На первых минутах фильма звучит фраза «Доктора» Омара «В Шанхае деньги решают все проблемы». Также, в фильме звучит «Здесь столько мошенников собирается, что можно

подумать, все порядочные люди в спешке сбежали из Шанхая». Город представлен мрачным, темным, преступным; Шанхай был разделен на районы, каждый из которых находился под властью того или иного иностранного представительства, как множество сеттльментов внутри одного города.

В основном, люди Европейских стран распределили «зоны» влияния в Шанхае, сами же Китайцы представлены «суматошными трудоголиками», в самом начале фильма были показаны кадры, как Китайцы в спешке перебегают улицу, чтобы успеть выполнить свою работу.

Фильм пронизан атмосферой напряжения, в которой Американцы ведут себя вальяжно, горделиво, считают себя людьми выше классом, не испытывая уважения к азиатам. Данные кадры свидетельствуют о ситуации между странами: еще до вступления США во Вторую Мировую войну были налажены торговые и дипломатические отношения этих двух стран, были сформулированы экономические модели, по которым Штаты закупали ресурсы Китая по крайне низким ценам, использовали территорию Китая под свои собственные производства. В фильме отражено отношение высокопоставленных лиц не столько к обычным людям, рабочим, с разницей в доходе и уровне жизни, сколько к целой нации [6, с. 65].

В фильме представлено противоборство торговых интересов стран Европы и Америки с Китаем, причем на территории Китая. Данная сцена является особо важной, так как отражает положение китайского бизнеса в международных районах: его попросту вытесняют, поглощают более влиятельные и успешные американские, британские и прочие иностранные компании [7, с. 38].

Процесс падения империалистического мира показывают через события в Шанхае как падение нравственных норм и ценностей, и что самое удивительное, этот крах сравнивают с жизнью простого народа. С точки зрения объяснения причин происходящего фильм проводит популярную с начала 1930-х гг. идею, что Китай сам виноват в подобном состоянии хаоса, войн, нестабильности и конфликтов [4, с. 1].

Заключительная картина, которую мы рассмотрим для изучения формирования образов и мнений среди зрителей Американского кинематографа 1941 года, а также развития противостояния пропагандистских установок – канадский документальный фильм «Внутри сражающегося Китая», снятый режиссером Стюартом Леггом. Фильм был чрезвычайно популярен в Соединенных Штатах Америки, он также формировал образы и мнения среди зрителей.

Картина начинается с рассказа о событиях, произошедших в 1931 году, когда Соединенные Штаты и Великобритания «тонули» в Великой депрессии и были поглощены внутренними проблемами, территориальные амбиции Японии по отношению к Китаю не привлекали внимания международного сообщества. С самых первых кадров фильм убеждает зрителя, что «японские диктаторы» образовали новую империю в Восточной Азии, когда Япония начала кампанию жестокого и беспощадного подчинения Китая. В этом коротком «предисловии» заложена целая концепция причин войны в Азии, построенная на критике империализма и «политики

невмешательства». Опирается данная концепция как на выступления президента Рузвельта периода 1937–1941 гг., так и на публикации о японо-китайском конфликте в периодической печати.

Диктор рассказывает о сокрушительных победах Японии вплоть до 1937 года. Первоначально японцы одержали крупные победы, такие как битва при Шанхае и захват китайской столицы – Нанкина. Фильм рассказывает, что именно Японская агрессия послужила причиной разрухи, голода и зависимости Китая. Диктор повествует о том, что на политических митингах, в школах, даже на полях простые китайцы собирались вместе не только для того, чтобы остановить волну японских нападений, но и для решения экономических и социальных проблем, которые терзали Китай, также подумывая, что центральные власти Китая не справились самостоятельно, в период борьбы разных партий, гражданских войн и Японской агрессии.

Таким образом, формируется чёткое представление о негативном влиянии любых Японских действий на происходящие события в Китае: от торговли до войны.

Канада и Соединенные Штаты Америки через плёнку кинематографа 1941 года наглядно продемонстрировали, во-первых, свою готовность вступить в войну и оказывать поддержку союзникам для достижения главной цели – победы; во-вторых, состояние китайской экономики на момент 1941 года, как разрушенную империалистической системой, в-третьих, что восстановление данной экономики во многом зависит от иностранного капитала и иностранных ресурсов, даже в ущерб Китайским Национальным компаниям, в-четвертых, что китайский народ хоть и трудолюбив, этого оказывается недостаточно для устойчивого нахождения страны на международной арене и, в-пятых, что соединение культур оказывается вполне возможным, как и союзнические отношения Соединенных Штатов Америки и Китая во Второй Мировой войне.

Источники и литература:

1. Бутенина, Н.В. Ленд-лиз. Сделка века / Н.В. Бутенина. – М.: Издательство Высшей Школы Экономики, 2004. – 312 с.
2. Воробьёва, Т.А. Восприятие Чан Кайши и Китая Ф. Рузвельтом в 1933–1945 гг. / Т.А. Воробьёва // Вестник ВятГУ. – 2013. – № 4–1. – С. 61–67.
3. Гринюк, В.А. За что воевала Япония? / В.А. Гринюк // Россия и АТР. – 2015. – № 3. – С. 40–49.
4. Зиновьева, О.О. Изменения в китайской политике США после начала Второй мировой войны / О.О. Зиновьева // Общество. Коммуникация. Образование. – 2014. – № 3. – С. 76–89.
5. Павляк, С.М. Политика США по отношению к Китаю / С.М. Павляк. – М.: Прогресс, 1976. – 384 с.
6. Петросянц, О.В. Внешняя политика США в публицистике Нацистской Германии (1939–1941 гг.) / О.В. Петросянц // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 8. – С. 40–52.
7. Рагозин, Д.В. Американско-китайское экономическое сотрудничество во время войны с Японией (1941–1942 гг.) / Д.В. Рагозин // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 110–118.
8. Юнгблюд, В.Т. Официальный Вашингтон, пресса и общественное мнение США о «Великом сопротивлении» 1941 г. / В.Т. Юнгблюд // Вестник ВятГУ. – 2010. – № 4. – С. 45–52.

РАЗДЕЛ 5
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ
ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1945–1991 гг.)

«ПРИЗНАТЬ НЕЛЬЗЯ ИГНОРИРОВАТЬ»:
ДИЛЕММА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРИЗНАНИЯ ГДР
В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

И.И. Ковяко (Минск)

Несмотря на то, что ГДР как самостоятельное государство прекратила существование более 30 лет назад, ее прошлое по-прежнему представляет научный интерес как для отечественных, так и зарубежных исследователей. Наследие ГДР продолжает оказывать влияние на экономическую жизнь и формирование политической культуры объединенной Германии. Для интеллектуалов исторический опыт ГДР представляется моделью неудавшейся альтернативы либеральному капитализму в Германии. Для историков – это эксперимент построения социализма в промышленно развитом регионе, а также модель изучения социализма советского типа, которая приоткрывает историю других стран социалистического блока, архивы которых недоступны исследователям [15, с. 3].

Исследование ГДР в 1950-е–1980-е гг. в Великобритании и США имело свои особенности, обусловленные реалиями холодной войны. Изменение форм и содержания отношений между сверхдержавами влекло отчетливые изменения в состоянии германского вопроса, неотъемлемой частью которого оставалась ГДР. По образному замечанию американского исследователя Дэвида Паттона, «легкий насморк в отношениях СССР и США грозил ФРГ и ГДР тяжелой пневмонией» [12, с. 147]. Это объясняет, почему на протяжении всей своей 40-летней истории ГДР интересовала США и Великобританию лишь в нескольких аспектах: как элемент германского вопроса, европейской безопасности и отношений сверхдержав. Этот достаточно узкий, прикладной набор интересов политической элиты и обусловил формирование приоритетных направлений изучения восточногерманской проблематики.

Вопрос дипломатического признания ГДР занимал важное место в тематической историографии. Подобно другим аспектам германской проблемы, его изучение во многом определялось конкретно-историческими условиями работы авторов. В связи с некоторыми расхождениями позиций Великобритании и США по данному вопросу обнаруживаются и различия в историографических оценках, предложенных учеными двух государств. Великобритания проявляла по вопросу дипломатического признания ГДР гораздо больше гибкости и желания найти компромисс. Несмотря на то, что сам факт создания ГДР даже не обсуждался в палате общин, Лондон был крайне обеспокоен проблемами мира и безопасности в Европе. Великобритания не была готова рисковать собственной безопасностью ради защиты немецких принципов. Британские авторы, в отличие от американских

коллег, не избегали обсуждения роли и места Восточной Германии в международных отношениях, а налаживание конструктивных отношений с СССР рассматривали как важную задачу британской дипломатии. В то же время непризнание ГДР и игнорирование самого факта ее существования являлось принципиальной позицией США. Рассматривая ФРГ как важного стратегического союзника и учитывая непримиримость двух идеологических систем в первые послевоенные десятилетия, США исключали возможность переговоров о признании ГДР. При упоминании Восточной Германии в американской историографии использовались выражения «марионеточное правительство», «режим Панкова» [5, с. 52; 8, с. 139; 18, с. 120; 20, с. 168]. По словам американского историка Уильяма Чемберлена, «так называемая ГДР не является ни германской, ни демократической, ни республикой. Это тоталитарный полицейский режим, полностью подчиненный иностранному государству – СССР» [4, с. 163]. Американская послевоенная историография вплоть до начала Новой восточной политики избегала обсуждения самой возможности дипломатического признания ГДР [13, с. 90].

Пересмотр оценок в отношении дипломатического признания ГДР странами Запада произошел в связи с эскалацией международной напряженности на рубеже 1950-х–1960-х гг. Закреплению политических реалий холодной войны на карте Европы во многом содействовал Берлинский кризис 1958–1963 гг. В это время обозначились расхождения между США и ФРГ по вопросам дальнейшего развития международных отношений в целом и выстраивания взаимодействия с ГДР в частности. Подойдя вплотную к прямому вооруженному столкновению с СССР у пропускного пункта «Чарли», США также осознали примат национальных интересов над принципами германского союзника. Вслед за этим, признавая крайне малую вероятность изменений в германском вопросе, американская историография заметно сблизилась с британской и приступила к анализу возможных механизмов и последствий изменения политики стран Запада в отношении ГДР.

Исследователи сошлись во мнении, что в 1960-е гг. ГДР превратилась в наиболее продуктивного и устойчивого союзника Москвы. При поддержке СССР она стала лояльным и экономически успешным партнером СССР, надежной опорой ОВД и СЭВ. Вместе с тем представлялось очевидным, что в новых реалиях международных отношений СССР прекратил искать пути оперативного решения германского вопроса. Британские и американские авторы отмечали, что дальнейшая дипломатическая изоляция ГДР от стран Запада повышает вероятность ее полного отчуждения и возникновения действительно альтернативного государства, а также формирования другой нации. Дипломатическое признание ГДР в данный период рассматривалось как цена, которую ФРГ должна заплатить за мирное существование в разделенном мире [3; 10; 14; 19].

Постепенно укреплялась точка зрения, что признание ГДР будет содействовать укреплению безопасности, а также придаст восточногерманскому режиму чувство уверенности, что может привести к формированию более независимого курса от Москвы. Наиболее явными адвокатами дипломатического признания ГДР были британские лейбористы, которые

не столько симпатизировали восточногерманскому правительству, сколько рассчитывали «задушить его добротой», поощряя контакты с Западом. В 1970 г. в Великобритании был создан Комитет по признанию ГДР [2, с. 450]. Британские исследователи полагали, что признание ГДР откроет путь более безопасному решению германского вопроса. Лондон был заинтересован в разрядке международной напряженности и считал негибкость Бонна по германскому вопросу одним из главных препятствий на пути к цели. Непризнание ГДР выглядело нелогичным на фоне развития отношений с другими социалистическими государствами. Признавая «марионеточный характер режима», исследователи отмечали, что его номинальное признание заметно облегчит решение вопросов в Центральной Европе [9, с. 341–344].

После установления официальных дипломатических отношений стран Запада с ГДР, в историографии преобладали положительные оценки данного решения. Авторы подчеркивали его целесообразность, логичность и, главным образом, обособленность от вопроса об открытом характере германского вопроса. Политики и ученые придерживались общей платформы: дипломатическое признание ГДР не означает закрытия германского вопроса, ФРГ по-прежнему может рассчитывать на поддержку западных союзников в деле мирного объединения Германии [6; 11; 17].

После объединения страны дипломатическое признание ГДР стало рассматриваться как стратегически важный шаг Запада, который позволил усилить финансовую и торгово-экономическую зависимость Восточной Германии, усыпить политическую осторожность социалистического руководства и осуществить мирное объединение страны в условиях кризиса власти. Отдельные авторы, однако, отмечали, что это решение лишь продлило существование ГДР и замедлило путь к германскому единству [1; 7; 16].

Таким образом, изучение вопроса о дипломатическом признании ГДР прошло несколько этапов. В первое десятилетие существования Восточной Германии Великобритания занимала более гибкую позицию, чем США. Заинтересованность британской стороны в укреплении европейской безопасности определяла содержание публикаций исследователей. Вашингтон, связанный стратегическими интересами с ФРГ, демонстрировал определенную ригидность вплоть до рубежа 1950-х–1960-х гг. Работы аналитического характера, посвященные выработке нового формата отношений с СССР и его союзниками (включая ГДР) стали появляться после событий второго Берлинского и Карибского кризисов, в связи с наметившимся пересмотром общей стратегии внешней политики США. В публикациях 1960-х–1980-х гг. наблюдается сближение позиций британских и американских исследователей при анализе дипломатического признания ГДР постфактум. Особое внимание уделяется обоснованию целесообразности принятого решения, подчеркивается сохранение открытости германской проблемы. После объединения Германии дипломатическое признание ГДР получает положительную оценку со стороны большинства авторов, которые рассматривают данное событие как важную предпосылку мирного объединения страны и усиления позиций Запада в регионе.

Источники и литература:

1. Armstrong, T. Breaking the ice: rapprochement between East and West Germany, the United States and China, and Israel and Egypt / T. Armstrong. – Washington : United States Institute of Peace Press, 1993. – 187 p.
2. Berger, S. The British labour party and the German Democratic Republic in the era of non-recognition / S. Berger, D. Lilleker // The Historical Journal. – 2002. – Vol 5, № 2. – P. 433–458.
3. Brzezinski, Zb. Alternative to partition : For a broader conception of America's role in Europe / Zb. Brzezinski. – N. Y., Toronto, London : McGraw-Hill, 1965. – 208 p.
4. Chamberlin, W. The German phoenix / W. Chamberlin. – N. Y. : Duell, Sloan&Pearce, 1963. – 309 p.
5. Clay, L. Germany and the fight for freedom / L. Clay. – Cambridge, Mass. : Harvard University, 1950. – 83 p.
6. Clemens, C. Reluctant realists: the CDU/CSU and West German Ostpolitik, 1969–1982 / C. Clemens. – Durham ; L. : Duke University, 1989. – 369 p.
7. Fulbrook, M. A history of Germany, 1918–2014: A divided nation / M. Fulbrook. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2014. – 392 p.
8. Herz, J. East Germany: progress and prospects / J. Herz // Social Research. – 1960. – Vol. 27, № 2. – P. 139–156.
9. Lyon, P. A case for the recognition of East Germany / P. Lyon // International Journal. – 1960. – Vol. 15, № 4. – P. 337–346.
10. Morgan, R. Kennedy and Adenauer / R. Morgan // John F. Kennedy and Europe / ed.: D. Brinkley, R. T. Griffiths. – Louisiana State University, 1999. – P. 16–31.
11. Morgan, R. The British view / R. Morgan // Germany between East and West / ed. E. Moreton. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 83–94.
12. Patton, D. Cold war politics in postwar Germany / D. Patton. – L. ; N. Y. : Palgrave Macmillan ; St. Martin's Press, 1999. – 219 p.
13. Rees, D. The age of containment. The cold war 1945–1965 / D. Rees. – London and Basingstoke : Macmillan, 1967. – 156 p.
14. Roberts, G. The Ostpolitik and relations between the two Germanies / G. Roberts // The Ostpolitik and political change in Germany / ed. R. Tilford. – Westmead : Saxon House, 1975. – P. 77–93.
15. Ross, C. The East German dictatorship: Problems and perspectives in the interpretation of the GDR / C. Ross. – L. : Arnold, 2002. – 221 p.
16. Smyser, W. From Yalta to Berlin: The cold war struggle over Germany / W. Smyser. – N. Y. : St. Martin's Griffin, 1999. – 465 p.
17. Sowden, J. K. The German question, 1945–1973. Continuity in change / J. K. Sowden. – L. : Bradford University, 1975. – 404 p.
18. Starrels, J. East Germany / J. Starrels // The communist states in the era of détente, 1971–1977 / ed.: A. Bromke, D. Novak. – Oakville : Mosaic Press, 1979. – P. 111–123.
19. Stent, A. Soviet policy toward the German Democratic Republic / A. Stent // Soviet policy in Eastern Europe / ed. S.M. Terry. – New Haven ; L. : Yale University, 1984. – P. 33–60.
20. Thayer, Ch. The unquiet Germans / Ch. Thayer. – N. Y. : Harper and Brothers, 1957. – 275 p.

**РАКЕТНО-ЯДЕРНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ СССР И США
В КАРИБСКОМ КРИЗИСЕ 1962 ГОДА**

А.Б. Бессольнов, А.В. Марданов (Гомель)

Карибский кризис 1962 года, со времени которого прошло 60 лет, является событием мировой истории, определившим на многие десятилетия взаимоотношения двух сверхдержав XX века – СССР и США. В условиях резкого обострения отношений между США и их союзниками по военно-политическому блоку НАТО и Российской Федерацией, особенно в связи с проводимой Россией военной операцией в Украине, начатой в феврале 2022 года, остаются актуальными уроки Карибского кризиса, механизмы его разрешения и влияние этого события на всю систему международных отношений второй половины XX века.

Сердцевиной этого конфликта являлось ракетно-ядерное противостояние СССР и США, поставившее мировую цивилизацию на грань ядерной катастрофы. За десятилетия, прошедшие со времени данного события, были изданы многочисленные труды, специально посвященные участию Ракетных войск стратегического назначения СССР в операции «Анадырь», которой советским руководством была отведена ведущая роль в событиях, связанных с Карибским кризисом [1; 2; 3; 4; 5; 6; 11]. Историографический анализ работ, связанных с этой темой, весьма подробно представлен историком Т. В. Скороспеловой [11].

1 января 1959 года кубинские революционеры во главе с Ф. Кастро свергли проамериканский режим диктатора Батисты. Новая революционная власть на Кубе стала проводить социальные преобразования, направленные на преодоление полукOLONиальной зависимости от США и господства американских монополий. Были национализированы предприятия и банки с участием американского капитала, проведена земельная реформа, в ходе которой бывшие частные владения передавались в пользование десяткам тысяч кубинских крестьян. 16 апреля и 1 мая 1961 года премьер-министр Республики Куба Фидель Кастро заявил о социалистическом характере кубинской революции [7; 10, с. 183].

В ответ правящие круги США разработали тайные операции против Республики Куба под кодовыми названиями «Плутон» (март 1960 года) и «Мангуста» (ноябрь 1961 года). Разработанные ЦРУ США операции предусматривали убийство Фиделя Кастро, террор и диверсии, подготовку наемников, захват ими плацдарма на острове и образование нового кубинского правительства, чтобы создать повод для применения американской военной силы [10, с. 170–184].

18 января 1962 года ЦРУ и Пентагон предложили новый антикубинский план, который наряду с другими акциями включал использование американских вооруженных сил для поддержки антиправительственного выступления на Кубе [10, с. 184].

Таким образом, ситуация, связанная с попытками американских правящих кругов ликвидировать революционную власть на Кубе, принимала все более острые формы. Руководство СССР, крайне заинтересованное в сохранении дружественного кубинского режима и его социалистической ориентации, получало достоверные разведанные о подготовке в США массированного вторжения американской армии на Остров свободы. Перед ним встал вопрос о том, при использовании каких мероприятий и средств есть возможность обеспечить оборону Кубы. По мнению Н.С. Хрущева (Первый секретарь ЦК КПСС, глава Совета Министров СССР и Верховный главнокомандующий) реализация такой задачи была невозможна при помощи обычных вооружений, тем более на удаленном от СССР на 11 тыс. км театра военных действий (далее ТВД). Только ракеты с ядерными боеголовками могли стать надежным средством сдерживания возможной агрессии США. Данная точка зрения стала основой для принятия решения 20 мая 1962 года на расширенном заседании Совета обороны СССР о создании Группы советских войск на Кубе с ядерными ракетами [4, с. 33].

Разработка замысла операции была возложена на начальника Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил (ГШ ВС) СССР генерал-полковника С. П. Иванова. Замысел операции начинался словами «На о. Куба разместить Группу Советских войск, состоящую из всех видов Вооруженных сил под единым руководством штаба группы во главе с Главнокомандующим советскими войсками на о. Куба» [5, с. 37–43]. Перед ней была поставлена задача – во взаимодействии с РВС Кубы не допустить высадки противника на остров.

Прибытие морских судов с личным составом и техникой на Кубу началось 26 июля 1962 года, а с ракетами – 9 сентября. По легенде все эти суда везли на Кубу народнохозяйственные грузы и сельскохозяйственную технику.

Основой ГСВК являлась ракетная группировка, оснащенная БРСМД типов Р-12 и Р-14 (50-я и 51-я дивизии РВСН), тактические ракетные комплексы, размещенные на кораблях в составе морской группировки, самолетах, наземных пусковых установках, приданных мотострелковым полкам. Причем стратегическим ядерным оружием являлись именно ракеты Р-12 и Р-14, обладавшие следующими характеристиками: мощность ядерных зарядов от 1 до 2,3 Мг. т, точность поражения – круговое вероятное отклонение (далее КВО) – 2400 м, площадь поражения – до 100 кв. км, дальность применения – от 2000 до 4500 км. Ракета Р-12 покрывала 1/3 территории континентальной части США, а Р-14 – всю территорию, исключая Аляску [2, с. 81].

В составе ГСВК 5 отдельных мотострелковых полков с приданными им дивизионами тактических ракет, авиаполк бомбардировщиков ИЛ-28, военно-морская группировка, подразделения противовоздушной обороны (далее ПВО) в условиях Карибского кризиса решали две основные задачи:

1) прикрытие мест дислокации БРСМД 50-й и 51-й ракетных дивизий (40 ПУ ракет Р-12 и Р-14);

2) вооруженный отпор морским и воздушным десантам противника совместно с частями РВС Кубы.

Советские военные специалисты, исходя из анализа обстановки и условий протекания Карибского кризиса, решающую роль отводили использованию баллистических ракет Р-12 и Р-14, имевших на территории Кубы стратегическое значение по отношению к США и их вооруженным силам. Причем в качестве основных способов их применения рассматривались ответно-встречный или упреждающий удар. По оценкам современных специалистов такие способы применения советского ракетно-ядерного оружия были крайне необходимы и связаны с явным дисбалансом превышения возможностей группировки ВС США над возможностями группировок ВС Кубы и ВС СССР вместе взятых. При таком соотношении возможностей по поражению стратегических объектов противника на первый план выдвигается фактор времени. А он был обоснован той готовностью ракетно-ядерных средств, в которой они в данный конкретный момент находились [2, с. 82]. А по оценкам американских специалистов, к примеру, для уничтожения всей только военно-морской группировки войск, находившейся в составе ГСВК на территории Кубы, потребовалось бы до 30 минут времени и около 300 ядерных средств [2, с. 82].

К началу 60-х годов XX века в СССР были систематизированы принципы боевого применения ядерного оружия, к которым были отнесены: массирование ракетно-ядерных ударов (далее РЯУ) для решения важнейших стратегических задач; внезапность действий; централизация управления; взаимодействие РВСН с другими видами вооруженных сил [9, с. 24].

Апогей развития Карибского кризиса пришелся на октябрь 1962 года. Так, 14 октября американский самолет-разведчик У-2 в ходе аэрофотосъемки обнаружил стартовые позиции советских стратегических ракет на Кубе.

22 октября президент США выступил по радио и телевидению с обращением к нации, в котором охарактеризовал обстановку в Карибском бассейне, указав на опасность размещения советских стратегических ракет на Кубе.

23 октября Джон Кеннеди подписал директиву № 3504 о введении с 24 октября с 14-00 по Гринвичу военно-морской блокады на все виды наступательного оружия, ввозимого на Кубу. В ГСВК была объявлена боевая тревога. 24 октября советскому руководству посредством радиоперехвата стал известен приказ Стратегического авиационного командования США: «Приготовиться к ядерному нападению». Вторжение американских войск на Кубу должно было состояться 26 октября [8, с. 34–51]. Джон Кеннеди предъявил ультиматум: вывести советские ракеты.

Н.С. Хрущев открытым текстом по радио дал согласие на вывод ракет. В итоге ракеты были демонтированы со стартовых площадок. США обещали не нападать на Кубу и через полгода вывели аналогичные ракеты из Турции (15 ракет) и из Италии (30 ракет). Таким образом, окончание Карибского кризиса было урегулировано дипломатическим путем.

Анализ событий, связанных с Карибским кризисом, позволил военным специалистам и политическому руководству СССР извлечь необходимые уроки, связанные с возможностью применения ядерного оружия. Рассмотрим основные из них.

1. Необходимость в понимании стратегического уровня международной ситуации и перевода ее из конфронтационного состояния в мирное урегулирование с использованием личных контактов, в том числе и на высшем уровне.

2. Опыт операции «Анадырь» позволил прийти к пониманию необходимости создания подвижного ракетного комплекса в СССР, что увеличивает скрытность действий стратегических ядерных сил (СЯС) и намного расширяет потенциал задач, решаемых ракетно-ядерным оружием, как в военном, так и в политическом плане. Само присутствие такого оружия в определенном регионе мира с учетом адекватности военно-политического руководства, им обладающим, является фактором сдерживания агрессии обычными средствами.

3. Все большее значение приобретает фактор времени, который после Карибского кризиса стал еще одной ресурсной составляющей при оценке уровня напряженности той или иной международной ситуации [2, с. 84].

Главный вывод тех событий – необходимость снижения опасности термоядерного конфликта лежит в русле дипломатии сверхдержав.

Источники и литература:

1. Воробьев, С.В. Развитие стратегического использования ракетного оружия и РВСН (40–90 годы XX века): монография : в 2 ч. / С.В. Воробьев. – М.: ВА РВСН, 2004. Ч. 2. – 288 с.
2. Воробьев, С.В. Использование возможностей ракетно-ядерного оружия в разрешении Карибского кризиса как фактора формирования системы силового баланса международных отношений XX–XXI веков / С.В. Воробьев, С.П. Кочетков, Ю.А. Селюнин // Гуманитарный вестник ВА РВСН. – 2017. – № 3(7). – С. 78–84.
3. Воробьев, С.В. Карибский кризис и его значение для отечественной ракетно-космической обороны / С.В. Воробьев, О.В. Матвеев // Информационный сборник Ракетных войск стратегического назначения (специальный выпуск). – М. : ЦИПК, 2003. – 258 с.
4. Грибков, А.И. Разработка замысла и осуществление операции «Анадырь». Как это было / А.И. Грибков. – М.: МООВВИК; Чеховский полиграфический комбинат, 2004. – 99 с.
5. Каракаев, С.В. Участие ракетных войск стратегического назначения в операции Вооруженных Сил СССР «Анадырь» / С.В. Каракаев // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 10. – С. 88–91.
6. Карлов, С.Н. РВСН в операции «Анадырь»: дис. ... канд. истор. наук : 07.00.03 / С.Н. Карлов. – М., 1998. – 220 л.
7. Кубинская революция. Карибский кризис 1962 // Большая советская энциклопедия (БСЭ): в 30 т. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 5. – 1973. – 684 с.
8. Лавренов, С.Я. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах / С.Я. Лавренов, И.М. Попов. – М. : АСТ ; Астрель, 2003. – 778 с.
9. Ракетные операции. Военно-научный труд. – М. : Воениздат, 1961. – 230 с.
10. Сергеев, Ф.М. Если сорвать маску... Центральное разведывательное управление США как оно есть / Ф.М. Сергеев. – М. : Политиздат, 1983. – 415 с.
11. Скороспелова, Т.В. Ракетно-ядерное противостояние в советско-американских отношениях в ходе Карибского кризиса: историографический аспект / Т.В. Скороспелова // Симбирский научный вестник. – 2011. – № 3. – С. 27–37.

**СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТАТИВНОГО КОМИТЕТА
ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА**

С.Н. Рожкова, В.И. Новикова (Гомель)

После Второй мировой войны наблюдается усиление влияния на международной арене США и СССР. Данные государства преследовали цель установления мировой гегемонии, что и вызвало конфронтацию между ними. Авторитет Советского Союза после разгрома нацистской Германии резко возрастает. Правящие круги Запада имели цель остановить развитие мирового социализма, так как в укреплении коммунистического движения и дальнейшего его распространения они видели угрозу. Данные противоречия привели к созданию двух противостоящих друг другу политических блоков, таких как НАТО (1949 г.) и ОВД (1955 г.), и развязыванию гонки вооружений.

Организация Варшавского договора в целях более эффективной реализации поставленных задач имела свои руководящие политические и военные органы, которые выполняли регулирующую функцию при осуществлении системы взаимодействий между странами-участницами договора. Одним из таких органов являлся Политический консультативный комитет, который был наделен широкими полномочиями в военных, политических и экономических сферах. В целях укрепления влияния СССР и ликвидации предполагаемой

угрозы со стороны Запада комитет рассматривал такие вопросы, как разработка мер по системе коллективной безопасности в Европе, контроль над вооружением, создание безъядерных зон, сокращение численности вооруженных сил, ликвидация иностранных баз на чужих территориях [3, с. 41].

В документе Варшавского договора закреплён принцип равноправного положения его участников как в политическом, так и в военном плане, однако преобладающую позицию занимал Советский Союз. Именно советские правящие верхи осуществляли подготовку документации на русском языке, которая позже направлялась на рассмотрение Политического консультативного комитета, где принимались без изменений. Следует отметить, что должность генерального секретаря Политического консультативного комитета занимали сначала генерал армии А.И. Антопов и заместитель министра иностранных дел СССР Н.П. Фирюбин, а далее представители стран, где проходило очередное заседание комитета [1, с. 24].

СССР в целях сохранения своего влияния в Восточной Европе и недопущения проведения своей политики западными державами стремился к проведению мероприятий по урегулированию международной ситуации. Ещё в преамбуле Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи отмечено стремление «к созданию коллективной безопасности в Европе, в которой могут принимать участие все европейские государства, независимо от их общественного и государственного строя, что позволило бы объединить их усилия в интересах обеспечения мира в Европе». Было объявлено о необходимости развивать равноправное сотрудничество между европейскими государствами, которое основывается на признании неприкосновенности существующих в Европе границ, в том числе границу между ГДР и ФРГ, независимость ГДР, а также не допустить, чтобы ФРГ получила доступ к ядерному оружию в какой-либо форме. Следовательно, действия стран-участниц договора были направлены на то, чтобы нанести поражение политике западных держав [2, с. 40]. Данное утверждение подразумевало создание системы коллективной безопасности и одновременный роспуск Организации Варшавского договора и Североатлантического альянса. В данном случае присутствие военных сил НАТО в Европе было бы незаконным, что позволило бы Советскому Союзу сохранить и закрепить свое влияние в данном регионе [1, с. 30]

Уже на первом совещании Политического консультативного комитета, которое состоялось 28 января 1956 года в Праге, была предложена Декларация, включавшая Советский Союз, Францию, Англию, США, по созданию «специальной зоны ограничения и контроля над вооружениями, включающей обе части Германии...». Члены делегации отмечали, что такое соглашение может привести к разрядке напряженности в Европе. Однако западные державы не приняли данное предложение [2, с. 121]. Западные авторы, в частности Э. Каррер д'Анкос, считают, что разработка мер по совместному сотрудничеству в военной области объясняется не только стремлением к защите со стороны империалистических стран, а также с целью сохранения существующих социалистических режимов [10, с. 430].

На втором заседании Политического консультативного комитета, которое состоялось в Москве 24 мая 1958 года, была рассмотрена проблема увеличения вооруженных сил НАТО вдвое и их дальнейшего распространения: «Известно далее, что постоянный совет НАТО 1 мая с.г. принял решение, предусматривавшее атомное вооружение тех участников Североатлантического блока, которые в настоящее время не располагают таким оружием». Государства-участники Варшавского договора указывали на опасность обострения противоречий, связанных с оказанием правительством США поддержки вооружения ФРГ, а также проведение правительством США и Англии испытательных ядерных взрывов в Тихом океане. На заседании было заявлено о необходимости устранения данной угрозы [4, с. 26].

На заседании Политического консультативного комитета 7 июня 1962 года обсуждались вопросы о необходимости продолжения переговоров между правительствами СССР и США. Участники ПКК отметили, что вывод оккупационных войск трех держав из Западного Берлина и ликвидация там оккупационного режима не устроит западных держав. Советская делегация заявили о дальнейшем намерении решать проблемы путем переговоров, «но в случае если их действия будут против суверенитета ГДР..., то они полны решимости оградить свою безопасность...» [6, с. 71].

На совещании первых секретарей Центральных Комитетов коммунистических и рабочих партий и глав правительств государств-участников Варшавского договора в Москве 25 июля 1963 года было принято решение о заключении договора с правительствами США и Англии по вопросу прекращения испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. К договору присоединились свыше 100 государств. Следует отметить, что выдвигаемая идея правительством СССР о всеобщем и полном ядерном разоружении имела гуманный характер, однако, в первую очередь, была выгодна Советскому Союзу, который располагал превосходством обычного вооружения [9, с. 75].

Политический консультативный комитет 22 января 1965 года принял решение о замораживании ядерных вооружений и создании безатомной зоны в Центральной Европе, что являлось инициативой Польской Народной Республики. Агрессивными признавались действия США во Вьетнаме, на Кубе, интервенция в Конго и другие страны. В результате руководство НАТО не реализовало свои планы по созданию многосторонних ядерных сил [7, с. 80].

Еще одним важным мероприятием, проведенным Политическим консультативным комитетом, является совещание 4 и 6 июля 1966 года в Бухаресте. На этом совещании наряду с другими важными документами была принята Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе. Участники совещания отмечали, что социалистические государства прилагают усилия к ликвидации наслоений «холодной войны» и идут по пути сотрудничества [5, с. 81, 96]. Участники бухарестского совещания высказались против деления мира на военные блоки или союзы. Было сказано, что, в случае роспуска Североатлантического блока, Варшавский договор также прекратит свое существование и будет создана система европейской безопасности [8, с. 51].

В апреле 1974 года в Варшаве состоялось очередное совещание ПКК государств-участников Варшавского договора, в ходе которого была отмечена тенденция к разрядке напряженности: «Достигнутая разрядка напряженности в решающей мере определила переход в политическую сферу разрешения конфликтных ситуаций во Вьетнаме и Лаосе, на Южно-Азиатском субконтиненте, на Ближнем Востоке...». На данном совещании Политического консультативного комитета члены Организации Варшавского договора заявили о необходимости дальнейшего укрепления обороноспособности и развитие тесного сотрудничества между социалистическими государствами [2, с. 283]. Последнее совещание Политического консультативного комитета состоялось 1 июля 1991 года в Праге, на котором прекратила свое существование Организация Варшавского договора и был ратифицирован Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенный 14 мая 1955 года в Варшаве.

Исходя из анализа проведенных Политическим консультативным комитетом мероприятий и заседаний можно дать характеристику деятельности и функциям данного органа в целом, но не нужно забывать о том, что данные предложения выдвигались либо для расширения советского влияния, либо для сдерживания и размывания влияния западных держав.

Источники и литература:

1. Быстрова, Н.Е. К истории создания Организации Варшавского договора / Н.Е. Быстрова. – М.: Центр «Россия в международных отношениях», 2005. – 11 с.
2. Воронцов, Г.В. Военные коалиционные войны / Г.В. Воронцов. – М.: Воениздат, 1976. – 340 с.
3. Гладышев, В.В. Организация Варшавского Договора – союз на страже мира и безопасности народов / В.В. Гладышев. – М.: Наука, 1986. – 64 с.
4. Декларация государств-участников Варшавского Договора, принятая ПКК на совещании в Москве от 24 мая 1958 г. // Организация Варшавского договора: Документы и материалы 1955–1985 / редкол.: В.Ф. Мальцев (отв. ред) [и др.]; Министерство иностранных дел СССР. – М.: Политиздат, 1986. – С. 24–41.
5. Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе, принятая ПКК на совещании в Бухаресте 5 июля 1966 г. // Организация Варшавского договора: Документы и материалы 1955–1985 / Министерство иностранных дел СССР. – М.: Политиздат, 1986. – С. 81–96.
6. Декларация, принятая ПКК на заседании в Москве 7 июня 1962 г. / Организация Варшавского договора: Документы и материалы 1955–1985 // редкол.: В.Ф. Мальцев (отв. ред) [и др.]; Министерство иностранных дел СССР. – М.: Политиздат, 1986. – С. 71–73.
7. Коммюнике о заседании ПКК в Варшаве 20 января 1965 г. // Организация Варшавского договора: Документы и материалы 1955–1985 / редкол.: В.Ф. Мальцев (отв. ред) [и др.]; Министерство иностранных дел СССР. – М.: Политиздат, 1986. – С. 76–81.
8. Лацо, А. Варшавский договор – инструмент обеспечения мира / А. Лацо. – М.: Международные отношения, 1974. – 96 с.
9. Решение совещания первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий и глав правительств государств-участников Варшавского договора 25 июля 1963 г. // Организация Варшавского договора: Документы и материалы 1955–1985 / редкол.: В.Ф. Мальцев (отв. ред) [и др.]; Министерство иностранных дел СССР. – М.: Политиздат, 1986. – С. 75.
10. Талай, И.И. Сотрудничество стран-участниц Организации Варшавского договора в военной области в трудах советских и российских историков / И.И. Талай // Боевое братство славян на защите мира : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: С.А. Пивоварчик (гл. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2011. – С. 426–431.

КУРДСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ТУРЦИИ И ЕС В 1960–1990-е гг.

Н.В. Величко, И.О. Лузгина (Витебск)

Курдский вопрос в Турции имеет давнюю историю. Суть его заключается в отсутствии у курдов – крупного по численности ираноязычного этноса – каких-либо автономных, а также многих культурных прав в рамках турецкого государства. Усугубляет проблему тот факт, что курды являются наибольшей после турок этнической общностью страны, составляющей, по разным оценкам, от 12–14% до 24% от ее населения [2, с. 9].

Со времен М.К. Ататюрка курдам запрещалось использовать свой язык в СМИ, обучаться на нем в школах и университетах [1, с. 54]. Более того, до конца XX в. не признавался даже сам этноним «курд». Вместо него жителей юго-востока Турции было принято именовать «горными турками» [2, с. 9]. В турецкой Конституции говорится: «Каждый, кто связан узами гражданства с турецким государством, – турок» (ст. 66). «В общеобразовательных учебных заведениях никакой иной язык, кроме турецкого не может преподаваться турецким гражданам в качестве родного языка» (ст. 42) [8].

Такое отношение властей Турции вызывало недовольство курдов, создававших свои партии. Одни из них отстаивали права своего меньшинства на легальном поле турецкой политики, добиваясь автономии курдских регионов, либо, минимум, расширения культурных прав курдской этнической общности. Другие партии, наподобие Рабочей партии Курдистана, вели вооруженную борьбу за полное отделение курдских территорий. Деятельность обоих лагерей – умеренного и радикального – как правило, вызывала острую реакцию турецкого руководства по отношению к курдам, которые всегда воспринимались в качестве угрозы единству турецкого государства.

Вместе с тем, Турция с 1950-х гг. стала стремиться к интеграции в европейские структуры, прежде всего, в ЕЭС (ЕС), вскоре после их образования. Однако с самого начала руководство Европейского союза не спешило принимать страну в свои ряды. Одной из причин постоянных отказов была ситуация в турецком Курдистане, в котором, по мнению европейских политиков, нарушались права человека проживающего там курдского этноса [4, с. 103]. Постоянным требованием по отношению к Турции было улучшение ситуации в этой сфере. Однако Турция не стремилась идти на этот шаг, полагая его угрозой своей национальной безопасности [5, с. 72]. В то же время сами курды всячески желали вступления страны в ЕЭС (ЕС), поскольку лишь это давало им реальную гарантию прекращения периода репрессий, длившихся десятилетиями [6, с. 133].

Турция демонстрировала свое желание участвовать в любых интеграционных процессах стран Запада все послевоенное время: в 1952 г. она стала частью НАТО, затем – членом Совета Европы и Организации экономического сотрудничества и развития. Желание присоединиться к Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС), предшественнику Европейского

союза (ЕС), у Турции возникло всего спустя полтора года после образования организации, то есть в 1959 г. [10, р. 29]. Турция была одним из первых государств Европы, которое выразило желание присоединиться к данному обществу. В 1963 г. ею был подписан Договор об ассоциации (Анкарский договор), ставший рамочным документом во взаимоотношениях Турции с ЕЭС. Он предполагал две стадии интеграции: предварительную, то есть создание Таможенного союза, и завершающую – полное членство. Однако в Таможенный союз с европейскими странами Турция была принята лишь в 1996 г. [4, с. 103–104].

Такое медленное движение к интеграции было связано с требованием ЕЭС от Турции проведения ряда реформ. Так, ЕЭС не устраивало, что Турция имела полуавторитарную политическую систему с высокой ролью военных, недемократическое гражданское общество, в котором нарушаются права и свободы человека, а также имела нелиберальную юридическую систему, сохраняющую пытки и смертную казнь. Особенно ЕЭС беспокоил нерешенный территориальный спор на Кипре и нарушение прав национальных меньшинств, прежде всего курдского, как самого крупного из всех [4, с. 104].

Данная обеспокоенность со стороны европейских чиновников не была безосновательной. Так, несмотря на активизацию политической жизни Турции после государственного переворота 1960 г., отношение нового руководства к курдской проблеме оставалось дискриминационным. Ярво выразилось это лозунгом турецкого президента, генерала Джемала Гюрсея «Говори по-турецки» («Türkçe konuş»), что подразумевало под собой недопущение использования вне бытовой сферы курдского языка [11]. Такая политика вызвала закономерную ответную реакцию со стороны молодых курдских политических деятелей, часть которого в 1978 г. основала левую, радикальную Рабочую партию Курдистана, а другая часть занималась подпольным изданием газет и журналов на курдском языке [5, с. 73].

Развитие курдского движения вызывало обеспокоенность военных угрозой распада страны. Это стало одной из причин нового военного переворота, произошедшего в Турции 12 сентября 1980 г. Его следствием стало последующее ужесточение политики в отношении этнических меньшинств, в особенности курдского. Это послужило поводом для развязывания РПК с 1983 г. полноценных вооруженных выступлений против турецких силовых структур. Однако невозможность подавить сопротивление РПК лишь силовыми средствами, а также позиция ЕЭС, осуждавшая дискриминационную политику Турции в отношении курдов, побудили турецкое руководство к корректировке своей политики по курдскому вопросу [5, с. 73].

Долгожданный прорыв в отношениях Турции и ЕЭС произошел в годы президентства Т. Озала (1989–1993 гг.), имевшего курдские корни. Официальная заявка на полноправное членство Турции в ЕЭС была подана в 1987 г. Вскоре после этого было положено начало мягкой либерализации. В ее рамках, в частности, был снят запрет на использование курдского языка (возвращенный, однако, в 1995 г., спустя два года после смерти Т. Озала) [5, с. 74]. Помимо попыток разрешения курдского вопроса Т. Озалом была

признана компетенция Европейской комиссии по правам человека выслушивать индивидуальные жалобы, а также обязательная юрисдикция Европейского суда по правам человека [4, с. 104]. Однако существенных изменений в политической, экономической и социальной сферах эти реформы не произвели, что вызвало неодобрительную реакцию со стороны ЕЭС [3, с. 118].

В 1993 г. Европейский союз, сменивший название с ЕЭС после вступления в силу Маастрихтского договора, ввел Копенгагенские критерии для стран-кандидатов на вступление в сообщество. Согласно им, в политической сфере стран требовалось создание устойчивых демократических и правовых институтов, обеспечение уважения прав человека, что также предполагало соблюдение прав этнических меньшинств [12]. Однако в это же время действия Турции вызвали резко негативную реакцию ЕС, что снова отсрочило вопрос о присоединении страны к сообществу. Речь идет о запрещении в 1994 г. прокурдской Партии демократии, выступавшей за мирное разрешение курдского вопроса и имевшей в парламенте 13 депутатских мест [5, с. 74].

Следует также отметить, что действия турецкого руководства в отношении курдов в 1990-х гг. одобряло значительное число жителей страны. Так, 58% из них выступало против того, чтобы меньшинства, в том числе курды, получали образование на родном языке. В то же время 64% граждан Турции поддерживали скорейшее присоединение страны к Европейскому союзу, однако лишь на условиях Анкары [9].

Наконец, после проведения саммита в Хельсинки в 1999 г., когда Турция вошла в число кандидатов на членство в ЕС, ее правящие круги поверили в возможность вступления страны в союз, взявшись за реформы согласно Копенгагенским критериям [13].

В ноябре 2000 г. Еврокомиссия подготовила для Турции «Документ о партнерстве на время процесса вхождения». Это была «дорожная карта» присоединения Турции к ЕС, представляющая собой перечень необходимых преобразований. В ответ на нее уже в марте 2001 г. правительство Б. Эджевита обнародовало «Общую стратегию национальной программы» [7, с. 55]. Согласно ей, были разработаны поправки в Конституцию, а также 9 пакетов гармонизации. Один из них был действительно революционным: впервые признавалось наличие этнического меньшинства (курдов), разрешались теле- и радиопередачи, а также преподавание в частных школах на курдском языке [5, с. 75].

Дальнейший процесс внутренних реформ, целью которых было выполнение условий для вхождения Турции в Европейский союз, был продолжен после прихода к власти в Турции в 2002 г. Р. Т. Эрдогана, лидера Партии справедливости и развития [4, с. 105]. Однако, несмотря на очевидные успехи реформ и определенную либерализацию политики в отношении турецких курдов, Турция до настоящего момента не принята в состав Европейского союза.

Таким образом, несмотря на стремление Турции присоединиться к ЕЭС (ЕС с 1993 г.), которое страна выражала с момента основания этой организации, наличие проблем во внутривнутриполитической жизни постоянно тормозило этот процесс. Одной из таких проблем был неразрешенный курдский вопрос, который лишь актуализировался с 1980-х гг. После

попыток его частичного разрешения, а также ускорения европейской интеграции (с преобразованием ЕЭС в ЕС) у Турции появился шанс присоединиться к данной организации, который попыталось реализовать новое руководство во главе с Р. Т. Эрдоганом, пришедшим к власти в 2002 г.

Источники и литература:

1. Абак, Т. Курдский вопрос в политике правящей партии Справедливости и развития / Т. Абак // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 3. – С. 53–58.
2. Вертяев, К.В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI в.) / К.В. Вертяев ; Ин-т Ближнего Востока; Ин-т востоковедения РАН. – М., 2007. – 252 с.
3. Кудряшова, Ю.С. Копенгагенские критерии ЕС и Турция // Современный исламский Восток и страны Запада / Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 2004. – С. 118–120.
4. Сочнева, И.А. Вступит ли Турция в ЕС? Социокультурные аспекты проблемы / И.А. Сочнева // Европа. – 2015. – Т. XIV, № 1–2. – С. 102–112.
5. Сочнева, И.А. Преодолеет ли Турция курдский барьер на пути в ЕС? / И.А. Сочнева // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2011. – Т. 6, № 1. – С. 72–79.
6. Набиева, А.Р. Курдская проблема в свете интеграции Турции в ЕС / А.Р. Набиева // Современная Турция: проблемы и решения. сборник статей / Ин-т Ближнего Востока; Ин-т востоковедения РАН. – М., 2006. – С. 133–142.
7. Шлыков, П.В. Турция и ЕС: политика Анкары накануне миграционного кризиса / П.В. Шлыков // Современная Европа. – 2016. – № 3 (69). – С. 53–65.
8. 1982 Anayasasi [Electronic resource] // Tarim ve orman bakanlığı eğitim merkezi müdürlükleri. – Mode of access: <https://egitim.tarimorman.gov.tr/adana/Belgeler/MEVZUAT/1982Anayasasi.pdf>. – Date of access: 08.03.2021.
9. 2002-08-16 Tbbm'nin Ab Uyum Yasalarini Kabulünün Diş Basındaki Yansimalari – 3 [Electronic resource] // Türkiye Cumhuriyeti / Avrupa Birliği Başkanlığı. – 2007. – 4 Temmuz. – Mode of access: <https://www.ab.gov.tr/p.php?e=20685>. – Date of access: 07.04.2022.
10. Babali, T. Losing Turkey or strategic blindness? / T. Babali // Turkish Policy Quarterly. – İstanbul. – 2009. – 8/3. – P. 27–38.
11. ŞARK MESELESİ-2 Askeri darbeler ve Öcalan [Electronic resource] // STAR – Haberler – Son Dakika Haberleri. – Mode of access: <https://www.star.com.tr/yazar/sark-meselesi2-askeri-darbeler-ve-ocalan-yazi-1327851/>. – Date of access: 07.04.2021.
12. Treaty on European Union [Electronic resource] // Official website of the European Union. – Mode of access: https://europa.eu/european-union/sites/default/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf. – Date of access: 07.06.2021.
13. Turkey-EU relations and democracy in Turkey: problems and prospects [Electronic resource] // European Stability Initiative. – Mode of access: https://www.esiweb.org/pdf/esi_turkey_tpq_vol8_no1_omer_vardan.pdf. – Date of access: 03.06.2021.

ПОЛЬСКО-ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1980-х гг. XX в.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Л.В. Гавриловец (Мозырь)

В 1980-е годы наблюдалось замедление темпов нормализации двустороннего сотрудничества Польши и ФРГ. Первые годы этого десятилетия были отмечены спорами из-за границы, введением военного положения в Польше и репрессиями польских властей против «Солидарности». Бонн отреагировал на события в Польше заявив, что не стоит вмешиваться в дела иностранных государств.

Польско-западногерманские отношения на уровне правительства ухудшились в середине сентября 1982 г., когда правительственная коалиция СДПГ-СвДП распалась. Г. Коль после вступления в должность заявил, что следует придерживаться ранее заключенных договоров и соглашений, но в то же время его кабинет провозгласил дуалистическую форму политики по отношению к Польше – взаимопонимание с польским народом и противостояние с властями. В выступлении от 13 октября 1982 г. Г. Коль, обвиняя правительство ПНР в невыполнении международных обещаний, потребовал снять запрет на деятельность «Солидарности». Реализация этих требований была поставлена в зависимость от нормализации отношений между Бонном и Варшавой [2, s. 138].

29 января 1983 г. на собрании баварской организации «Союза изгнанных» министр внутренних дел ФРГ Фридрих Циммерман публично подверг сомнению установленную границу на Одере–Нейсе. В своей речи он заявил, что восточные договоры и договор между ГДР и ФРГ не предшествовали мирному договору и не заменили его. Поэтому, в соответствии с Основным законом, германский вопрос все еще остается открытым, а Рейх существует в пределах границ с 1937 г., и ФРГ рассматривает вопрос объединения не только с территориями, контролируруемыми ГДР, но также и с «восточными германскими территориями за Одрой – Нейсе» [1, s. 176].

Реагируя на охлаждение отношений, В. Ярузельский стал подчеркивать об исходившей угрозе со стороны Западной Германии. Речь министра Ф. Циммермана была признана первым за многие годы конкретным и ощутимым доказательством жизнеспособности западногерманского ревизионизма. Руководство ПОРП признало, что необходимо искать выход из тупика в отношениях с Западной Германией. Необходимо отметить, что официальные заявления даже самых ярких активистов ПОРП, поднимающих вопросы ревизионизма в Германии, обычно включали в себя предложение о сотрудничестве и готовность продолжить процесс нормализации. 16 марта 1984 г., во время Национальной конференции делегатов ПОРП в Варшаве, в докладе Политбюро В. Ярузельский отметил: «У нас нет предубеждений против Федеративной Республики Германии. Мы ценим готовность к сотрудничеству, где бы это ни происходило, там, где это служит европейской стабилизации и укреплению мира, где есть взаимовыгодный опыт и это стоит приумножить» [1, s. 177].

С середины 1980-х гг. отношения между ПНР и ФРГ постепенно потеплели, что связывали с ослаблением напряженности в отношениях Восток–Запад, с ослаблением конфронтационных тенденций в США и выходом из изоляции Польши. Однако по-прежнему считалось, что во внешней политике Западной Германии по польскому вопросу существуют противоречия. Например, партийная пресса высоко оценила отрывки выступления канцлера о Польше в речи о состоянии государства и народа от 27 февраля 1985 г., а также выступление главы парламентской фракции ХДС/ХСС Альфреда Дреггера в одном из выпусков еженедельника «Der Spiegel», но в то же время раскритиковала Г. Коля за посещение Битбургского кладбища, где

он возложил венки к могилам вермахта и солдат СС, за его участие в съезде объединения «силезских» немцев в Ганновере [3, s. 157].

9 марта 1985 г. В. Ярузельский на отчетной конференции ПОРП в Щецине напомнил о событиях, которые привели к возвращению в состав Польши Западной Померании, Силезии и Мазур. Он также подчеркнул, что соглашения и сотрудничество между Польшей и Западной Германией стали важным компонентом улучшения политического климата в Европе, совместным вкладом двух стран в дело мира в Европе. В то же время он ясно дал понять, что польско-западногерманский диалог может иметь место только на незыблемой основе Варшавского договора 1970 г. После визита в Бонн министра иностранных дел Польши Мариана Ожеховского 7–9 апреля 1986 г. начались переговоры о расширении взаимной торговли и предоставлении Польше новых гарантий по кредитам [4, s. 208].

Однако надежды на преодоление польско-западногерманских противоречий не оправдались. Руководство ПОРП подтвердило свою готовность обсуждать различные темы, но на условиях, которые правительству в Бонне было крайне сложно принять. Высказывались требования отказаться от «юридической фикции» о существовании Рейха в границах 1937 г., прекратить финансирование «Союза изгнанных», закрыть радио «Свободная Европа» и решить официальную проблему «ревизионистских» лозунгов [5, s. 375].

Необходимо отметить, что Г. Коль расценивал отношения с Варшавой после заключения соглашения от 7 декабря 1970 г. как разочаровывающие. Таким образом, он объяснял, почему не хотел поддерживать польское правительство и как Дж. Буш нанести визит в Варшаву после июньских выборов 1989 г. [6, s. 289].

Канцлер ФРГ начал переговоры по вопросу польско-западногерманских отношений в конце 1988 г. Во время переговоров с Польшей он внимательно следил за польским диалогом правительства и оппозиции и в наибольшей степени надеялся на установление более эффективных контактов с последними. Подход оппозиции к проблеме объединения Германии, по вопросу защиты языка и культуры немецкого меньшинства в Польше вызывали большой интерес у федерального правительства.

7 июля 1989 г. представители польской оппозиции прибыли в Бонн. Делегацию возглавлял Бронислав Геремек, председатель Гражданского комитета Сейма. На первый план в переговорах с делегацией «Солидарности» было выдвинуто решение экономических вопросов. Но Г. Коль был сдержан в данном вопросе. Он хотел достичь двух целей, пообещав помощь, с одной стороны, остановить возможный негативный сценарий развития событий в Польше в результате выдвижения чрезмерных политических требований оппозиции или предотвратить негативную реакцию властей, с другой стороны, но не планировал удовлетворить конкретные финансовые, например, кредитные нужды Польши. Предвидя возможные просьбы Б. Геремека, Г. Коль опустил конкретное обсуждение вопроса об установлении определенной суммы кредитных гарантий для Польши. В свою очередь Б. Геремек заявил, что дело не в деньгах, а больше в участии Запада в поддержке

польских реформ. Но в то же время польская сторона обратилась к Колю с целым рядом конкретных экономических предложений: оказание краткосрочной помощи для увеличения продовольственных запасов, поддержка в вопросе погашения долга путем его реструктуризации Парижскому клубу и сокращения долга Польши перед западными кредиторами, долгосрочное инвестирование со стороны ФРГ в Польшу и оказание помощи в переходе от экономики с централизованным контролем к рыночной. Взамен Геремек заявил о готовности возродить немецкую культуру в Польше, развивать немецко-польские культурные отношения и поддерживать немецкий язык. Для Коля вопрос о немецком меньшинстве в Польше являлся одной из серьезных проблем в отношениях Варшава–Бонн. Так, Г. Коль рассчитывал, что данная проблема станет основным инструментом давления в будущей игре за решение германского вопроса в наиболее благоприятной для ФРГ территориальной форме [6, s. 291; 9, s. 325].

Г. Коль заявил, что на экономическом саммите в Париже сделает заявление в поддержку процессов реформирования в Польше. Однако не захотел комментировать реструктуризацию польского долга другими западными странами, несмотря на то, что она обсуждалась в Париже. В целом, Г. Коль не пошел дальше заявления о поддержке польских реформ как на двустороннем, так и на международном уровне. На экономическом саммите западных стран в Париже сразу после визита Дж. Буша в Центральную Европу канцлер ФРГ убеждал президента США в необходимости отнять у Польши свободу передвижения и принять единую позицию Запада. Г. Коль был заинтересован в том, чтобы сохранить силу Бонна в предстоящих переговорах с Варшавой по «всеобъемлющему пакету» польско-западногерманских отношений [6, s. 292–293].

Визит 7 сентября 1989 г. Леха Валенсы в ФРГ и беседа с канцлером привели к углублению тех проблем, о которых говорили обе стороны. Во время беседы Л. Валенсы с Кодем речь шла о взаимоотношениях между правительствами двух стран, польских реформах и дальнейшем возможном развитии ситуации в ГДР. Канцлер ФРГ оказывал эмоциональное давление на Валенсу, ссылаясь на решение им польского вопроса в Европейском сообществе, США, Парижском клубе, Всемирном банке и Международном валютном фонде и требуя быстрых и беспрепятственных действий со стороны Польши, поиска «общего разумного компромисса». Необходимо отметить, что Л. Валенса согласился с оценкой Коля ситуации в ГДР, он также видел решение восточногерманской проблемы в экономическом уравнении с Западной Германией. В разговоре с канцлером Валенса пытался избежать проблемы меньшинств, однако затронул вопрос о доле западногерманских инвестиций в 10 млрд долларов США, но никакой реакции со стороны Г. Коля не последовало [8, s. 289].

О том, что правительство ФРГ было явно заинтересовано оказывать влияние на Варшаву с целью благоприятного урегулирования вопроса о немецком меньшинстве в обмен на обещания экономической помощи, свидетельствует тот факт, что днем позже в письме Т. Мазовецкому Коль сообщил, что его советник Х. Тельчик еще в августе 1989 г. подготовил материалы к предстоящим

переговорам по экономическим вопросам и вопросу национальных меньшинств. Действительно, на саммите стран Европейского сообщества, состоявшемся несколькими днями ранее, было решено предоставить Польше продовольственную помощь. По наиболее важному вопросу для польской стороны, а именно по вопросу безопасности границ, Г. Коль указывал на отсутствие мирного договора между Польшей и ФРГ, сохраняющего дух и букву договора о границе 1970 г., а также на необходимость объединения Германии. Канцлер ФРГ считал, что повторное регулирование пограничных вопросов возможно в мирном соглашении с уже объединившейся Германией.

Таким образом, ФРГ рассчитывала на то, что на предстоящих переговорах по вопросу объединения Германии изменится позиция Польши и произойдет быстрое урегулирование все еще нерешенных вопросов, в частности западногерманская сторона была заинтересована в урегулировании проблемы немецкого меньшинства.

Источники и литература:

1. Bielawska, A. Normalizacja stosunków polsko-niemieckich – proces wciąż trwający? / A. Bielawska // Studia Podlaskie. – 2009. – № 3. – S. 159–200.
2. Kaćka, K. Historia, normalizacja, pojednanie, dialog, czyli medialny bilans dwudziestolecia stosunków polsko-niemieckich / K. Kaćka // Po obu stronach Odry Polska, Niemcy i ich wzajemne relacje w XX i XXI wieku – wybrane problemy / pod redakcją K. Kaćkiej. – Toruń, 2011. – S. 138–162.
3. Niemcy i Polacy, 1945–1995 / oprac. red. K. Kanecka. – Warszawa : RYTM, 1996. – 199 s.
4. Polacy wobec Niemców. Z dziejów kultury politycznej Polski 1945–1989 / pod red. A. Wolff-Powęskiej. – Poznań : IZ, 1993. – 462 s.
5. Polska i Niemcy w XX wieku / pod. red. Ursuli A.J. Becher, W. Borodzieja, K. Ruchniewicza. – Poznań : Poznańskie, 2001. – 150 s.
6. Sawczuk, J. Polska w polityce Niemiec. Geneza nowego etapu sąsiedztwa oraz implikacje współczesne / J. Sawczuk // Krakowskie Studia Międzynarodowe. – 2006. – № 4. – S. 289–302.
7. Sowa, A.L. Historia polityczna Polski 1944–1991 / A. L. Sowa. – Kraków : Literackie, 2011. – 769 s.
8. Stolarczyk, M. Zbieżność i różnice interesów w stosunkach polsko-niemieckich w latach 1989–2009 / M. Stolarczyk. – Katowice : WUS, 2010. – 693 s.
9. Urban, T. Niemcy w Polsce: historia mniejszości w XX wieku / T. Urban ; tłum. P. Żwak. – Opole : Instytut Śląski, 1994. – 226 s.

ОТНОШЕНИЯ СССР С США И ЕВРОПОЙ В ПЕРИОД «НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ» М.С. ГОРБАЧЁВА

М.Д. Смуров, М.Н. Свинцова (Москва)

Отношения СССР с США к моменту прихода Горбачева были одним из самых «проблемных участков» на всем мировом пространстве. Проблема, прежде всего, заключалась в продолжающейся «гонке вооружений», предотвратить которую не смогла и «разрядка» 1970-х годов. Таким образом, перед Горбачевым в начале 1980-х годов встает задача не просто восполнить утрату доверия между странами, но и снизить присутствие «милитаристского» фактора. На тот момент советское правительство, несомненно, понимало, что нет возможности откладывать решение сложившейся проблемы. В том числе

поэтому, Горбачев выдвигает на XXVII съезде КПСС концепцию «взаимной безопасности» [2, с. 151–154]. Он сказал: «При всей противоречивости наших отношений реальность такова, что мы без них ничего не сделаем, и они без нас ничего не сделают». В перспективе эта концепция станет центральной в отношениях СССР и США 1980-х годов. Для установления взаимных договоренностей в 1985 году были проведены советско-американские переговоры, которые «поставили во главу угла» отказ от политики военного превосходства. Помимо этого, сам СССР ввел мораторий на использование «ядерного оружия», военные расходы постепенно сокращались вплоть до вывода советских войск из Афганистана в 1988 году. Новая концепция была поддержана и различными слоями населения, она позволяла сократить военные расходы и найти дополнительные средства для постепенного перехода экономики в условиях победы над коррупцией и взятия курса на «лучший социализм». Несмотря на это, нашлось и достаточно много противников среди высших лиц государства таких отношений с США; они быстро «переметнулись» на сторону оппозиции «перестройке» Горбачева.

Стоит отметить, что те реалистические принципы, на которые опирался Горбачев, были поддержаны комиссией Зайкова, назначенной им самим, чтобы дальнейшее руководство военной сферой государства перестало носить формальный характер. Данный фактор оказал значительное влияние на дальнейшие отношения с США, потому что теперь характер работы стал намного более демократическим и творческим, был налажен механизм переговорных отношений. Разумеется, были и внутренние проблемы СССР, возможным решением которых могли бы стать новые отношения. В качестве внутренних проблем можно рассмотреть и появление концепции «свободы выбора» и необходимость перестройки экономики, в силу влияния глобализации, и, несомненно, понимание того, что идеология не должна лежать в основе международных отношений, в отличие от начала XX века. Сам Горбачев признавал и «западные права человека», и социалистические, хотя и не считал эту проблему важнее, чем проблему ядерной войны; он оставлял право на выбор, каким тенденциям следовать, за самими странами («ну, не стреляться же из-за того, что мы разные!»).

В октябре 1986 года состоялись наиболее важные переговоры в Рейкьявике. Они полностью подтвердили желание лидеров обеих стран предотвратить ядерную катастрофу. Несмотря на это, к конкретному соглашению стороны не пришли: СССР разработало для США конкретные меры, с которыми США согласился лишь частично. Например, США не приняло предложение об ограничении его военной роли в космосе. Сам Горбачев прокомментировал данные переговоры так: «При всём драматизме Рейкьявика это не поражение, это прорыв, мы впервые заглянули за горизонт». И действительно, нельзя недооценивать роль данных переговоров, впервые после Второй Мировой Войны страны смогли хоть в какой-то мере сбросить с себя весь тот груз недоверия, который был накоплен.

В декабре 1987 года Горбачев вновь прибыл в США, где был подписан Договор о РСМД (договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности) – важный шаг для предотвращения ядерной войны. Помимо этого, стоит

отметить, что к приезду Горбачева американцы изменили свое отношение к нему, стерев принятие его как «врага» и проникнувшись пониманием. Несмотря на это, были и противники конструктивного диалога в лице К. Уайнбергера и многих других.

Таким образом, историки рассматривают «способность Рейгана переступить стереотипы» как важнейшую часть его наследия.

В середине 1988 года в СССР приехал уже сам Рейган, тем самым продемонстрировав интерес к двусторонним отношениям [1, с. 158–162]. Произошел обмен ратификационными грамотами в дополнение к РСМД, некоторые положения не удалось согласовать из-за несогласия правого крыла администрации. Сам Рейган упомянул про «другое время» и «другую эру» в развитии взаимоотношений.

К концу 1988 года происходит передача «президентства» в руки Буша. Горбачев с трибуны говорит об изменениях к лучшему, которые вызвали большой общественный резонанс по всему миру. Между тем, советский народ к этому времени перестал относиться к политике Горбачева, как к очередному пропагандистскому трюку: стали намечаться реальные результаты. Сам же Горбачев позднее высоко оценил роль нового «политического мышления»: по его мнению, «люди чувствовали, что страна сдает позиции и нуждается в обновлении, но обновление невозможно, если не наладить международное сотрудничество. Второй ключевой причиной он назвал нависшую над миром ядерную угрозу.

В конце 1989 года мир обрадовала торжественная новость: «холодная война» признана завершённой, а СССР и США больше не являются противниками.

В 1990-м году проходят новые переговоры Горбачева и Буша, которые решают «германский вопрос» и в целом правила использования оружия в Европе. Конец 1990-го – начало 1991 года был ознаменован мнением лидеров о «новом мировом порядке» после войны, данная политика была тщательно обсуждена. Помимо этого, в июле 1991 года был подписан, наконец, договор об РСВ, а также вынесены на обсуждение вопросы о планетарной безопасности.

Один из моментов, на который стоит обратить внимание, – это причина, по которой стал возможен столь конструктивный диалог с США, и почему он не был возможен до сих пор. Причина кроется в некоем «раскачивании» системы самим Горбачевым: если раньше большинство политических решений принимались в «узкой верхушке общества», то при Горбачеве был взят курс на демократизацию, когда для вынесения решения привлекаются различные специалисты и тщательно выслушиваются их мнения.

Несмотря на это, многие критики впоследствии считали действия Горбачева слишком самостоятельными. Можно с ними не согласиться, ведь именно при Горбачеве был выработан процесс принятия коллективных решений.

Таким образом, нельзя недооценивать роль «нового политического мышления» в отношениях СССР и США. Шаг Горбачева вперед навстречу конструктивному диалогу можно считать полностью оправданным и взвешенным: ведь если бы СССР оставил бы ракеты на вооружении, это бы

стимулировало США развернуть новые ракеты, что могло бы привести к ядерной войне. Важно подчеркнуть, что есть договоры, которые так и не были подписаны в советское время, например, Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). К тому же, такой шаг можно с уверенностью охарактеризовать как неожиданный: еще в 1985 году все ждали от дальнейших переговоров лишь «ругательной риторики».

Несмотря на это, Горбачев стал настоящим лидером, сумел своим напором и инициативой повести за собой массы, вернуть утраченное уважение к советскому лидеру, умение выстраивать отношения на принципах равенства и честного диалога. И, хотя, дальнейшие отношения вновь оказались под угрозой из-за распада СССР и дальнейшего ухудшения экономики, можно заключить, что советско-американские отношения – явно хороший пример для анализа с точки зрения достигнутых результатов.

Источники и литература:

1. Горбачев М.С. Понять перестройку...: Почему это важно сейчас / М.С. Горбачев. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 400 с.
2. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам / Горбачев-фонд; общ. ред. А.С. Черняева, А.Б. Вебера. – М.: Весь Мир, 2010. – 944 с.

**ХАЛОДНАЯ ВАЙНА І НОВАЕ МЫСЛЕННЕ
Ў ЛЁСЕ МІНІСТРА ЗАМЕЖНЫХ СПРАЎ БССР А.Е. ГУРЫНОВІЧА**

У.Е. Снапкоўскі (Мінск)

46-гадовы перыяд працы Міністэрства замежных спраў Беларускай ССР супадае з дзейнасцю двух міністраў: К.В. Кісялева (1944–1966) і А.Е. Гурыновіча (1966–1990). Постаць К. Кісялева значна больш вядома ў беларускай, як і ўвогуле агульнасаюзнай гістарыяграфіі, дзякуючы яго мемуарам, архіўнай спадчыне, што захоўваецца ў асобным фондзе НАРБ, кніжным і часопісным публікацыям, успамінам пра яго з боку савецкіх (расійскіх і беларускіх) дыпламатаў і замежных журналістаў. Аналізу дыпламатычнага стылю, дзейнасці, рыторыкі і паводзін К. Кісялева прысвечаны старонкі манаграфічных даследаванняў і асобныя публікацыі аўтара [8, с. 81–82, 86–88, 288–289; 9, с. 28–30, 35–37, 52–56]. Дзякуючы свайму неардынарнаму характару, часта адважным і часам непрадказальным учынкам, якія ён праяўляў як у першыя гады кіраўніцтва адноўленым Наркаматам, (з 1946 г.) Міністэрствам замежных спраў, так і ў апошні перыяд працы міністрам, К. Кісялеў увайшоў у гісторыю беларускай дыпламатыі як дзяржаўны дзеяч, які сфармуляваў “беларускі стыль савецкай дыпламатычнай школы”. Яго дзейнасць разгортвалася на пераломе двух гістарычных эпох – заканчэння Другой сусветнай вайны і пачатку, потым абвастрэння халоднай вайны.

Постаць А. Гурыновіча (гады жыцця 1924–1999) стаіць бліжэй да нас па часе, але вядома пра яе менш. Мемуараў ён не пакінуў і, наколькі вядома, не пісаў. Публікацый меў значна менш за К. Кісялева: гэта брашура пра дзейнасць БССР у ААН у другой палове 1960-х – пачатку 1980-х гг. [2], некалькі артыкулаў у рэспубліканскіх і саюзных часопісах. Па характары ён быў больш стрыманым і закрытым чалавекам, менш амбіцыйным і публічным палітыкам, чым К. Кісялеў. У рэспубліканскай наменклатуры А. Гурыновіч займаў ніжэйшае месца ў параўнанні з папярэднікам, які перад вайной паспеў пакіраваць урадам БССР.

Калі К. Кісялева можна лічыць заснавальнікам, стваральнікам “беларускага стылю” савецкай дыпламатыі, то А. Гурыновіч быў прадаўжацелем і захавацелем гэтага стылю часоў брэжнеўскага застою і гарбачоўскай перабудовы. Супрацоўнікі беларускага МЗС пакінулі мала публікацый пра свайго міністра, што з’яўляецца сведчаннем пэўнай закрытасці нашага дыпламатычнага ведамства. У 2009 г. у МЗС Рэспублікі Беларусь адбылася канферэнцыя з нагоды 85-годдзя А. Гурыновіча, дзе выступілі міністр С. М. Мартынаў, які быў яго памочнікам у 1980-я гг., ветэраны і дзеючыя супрацоўнікі міністэрства. Была арганізавана фотаэкспазіцыя. Аднак матэрыялаў канферэнцыі не было апублікавана.

Аўтар быў асабіста знаёмы з А. Гурыновічам, меў з ім некалькі сустрэч, аб чым напісаў у артыкуле, які зараз знаходзіцца ў друку. Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца далейшае набліжэнне да постаці былога міністра, якое мы спрабуем зрабіць на шырэйшым фоне развіцця міжнароднай палітыкі, дзейнасці ААН, савецкай знешняй палітыкі, узаемаадносін паміж федэральным цэнтрам і саюзнымі рэспублікамі ў сферах палітыкі, права і дыпламатыі. Храналагічна перыяд даследавання ахоплівае другую палову 1960-х – 1980-я гг.

Прасочым спачатку, якія важнейшыя дзяржаўныя, палітычныя і ведамасныя дакументы былі прынятыя ў часы міністэрскай працы А. Гурыновіча. З пункту гледжання размеркавання паўнамоцтваў паміж цэнтрам і рэспублікамі ключавое значэнне мелі палажэнні, зафіксаваныя ў саюзнай і рэспубліканскай канстытуцыях. Канстытуцыя СССР 1977 г. адносіла да кампетэнцыі Саюза ССР прадстаўніцтва СССР у міжнародных адносінах; устанаўленне агульнага парадку і каардынацыю адносін саюзных рэспублік з замежнымі дзяржавамі і міжнароднымі арганізацыямі; сувязі СССР з замежнымі дзяржавамі і міжнароднымі арганізацыямі; знешні гандаль і іншыя віды знешнеэканамічнай дзейнасці на аснове дзяржаўнай манаполіі (арт. 73) [6]. Арт. 28 Канстытуцыі БССР 1978 г. зацвердзіў, што рэспубліка “у знешнепалітычнай дзейнасці кіруецца мэтамі, задачамі і прынцыпамі знешняй палітыкі СССР, вызначанымі Канстытуцыяй СССР” [5]. Да іх саюзная канстытуцыя адносіла абарону дзяржаўных інтарэсаў СССР, умацаванне пазіцый сусветнага сацыялізму, прынцыпы мірнага суіснавання і пралетарскага інтэрнацыяналізму.

У 2004 г. у 6-м томе выдання “Знешняя палітыка Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў” была апублікавана справаздача МЗС БССР аб сваёй рабоце ў 1976 г., падпісаная міністрам замежных спраў А.Е. Гурыновічам [7, арк. 170–210; 4, с. 78–101]. Упершыню навуковая грамадскасць

атрымала магчымасць азнаёміцца са справаздачай МЗС саюзнай рэспублікі, у якой дастаткова поўна і грунтоўна паказаны ўсе аспекты дзейнасці знешнепалітычнага ведамства БССР у межах яго тагачасных паўнамоцтваў. Гэтай публікацыяй беларускія гісторыкі і архівазнаўцы апярэдзілі сваіх расійскіх і ўкраінскіх калегаў, якія да таго часу яшчэ не змаглі прадставіць на суд грамадскасці і вучоных штогадовыя справаздачи МЗС СССР і МЗС УССР, якія, як правіла, знаходзіліся на сакрэтным захоўванні ў адпаведных архівах.

Праўда аўтар меў магчымасць азнаёміцца і атрымаць копіі справаздачи МЗС СССР аб працы савецкай дэлегацыі на 22-й сесіі Генеральнай Асамблеі ААН у 1967 г. і справаздачи МЗС УССР за 1979 г. Параўнанне справаздач трох міністэрстваў замежных спраў (СССР, УССР і БССР) паказвае, што на форумах ААН паміж трыма савецкімі дэлегацыямі ажыццяўлялася несумненна самае цеснае дыпламатычнае супрацоўніцтва пад кіраўніцтвам дэлегацыі СССР, аднак нават у сакрэтных дакументах трох міністэрстваў замежных спраў таго часу аб гэтым лічылі за лепшае не згадваць ці не акцэнтаваць увагі, лічачы гэта само сабой зразумелым. Гэтая заўвага ў першую чаргу тычыцца саюзнага МЗС, які, верагодна, апасаўся абвінавачванняў і папрокаў (небезпадстаўных) у дыктаце, апецы, кантролі над рэспубліканскімі міністэрствамі замежных спраў. Асаблівасцю ўкраінскай справаздачи было фармуляванне 8 змястоўных прапанов у адрас МЗС СССР, чаго не асмеліўся зрабіць беларускі міністр. Ва ўкраінскім дакуменце гаворыцца аб супрацоўніцтве дэлегацыі Савецкага Саюза, брацкіх сацыялістычных краін у ААН, аднак дэлегацыя БССР не згадваецца. Тое ж самае тычыцца і неўпамінанне дэлегацыі УССР у справаздачи МЗС БССР за 1976 г. [10, с. 56–58].

Яшчэ адзін дакумент таго часу, да распрацоўкі і прыняцця якога несумненна меў дачыненне А. Гурыновіч, гэта пастанова ЦК КПБ ад 29 сакавіка 1976 г. «Об участии министерств и ведомств республики в деятельности международных организаций системы ООН». Вышэйшы партыйны орган рэспублікі на ўзроўні бюро ЦК упершыню комплексна разгледзеў дзейнасць органаў дзяржаўнага кіравання ў міжнародных арганізацыях сістэмы ААН і прыняў спецыяльную пастанову па гэтым пытанні. У ёй адзначалася, што міністэрствы і ведамствы рэспублікі актыўна ўдзельнічаюць у рэалізацыі ленінскага знешнепалітычнага курсу КПСС і Савецкай дзяржавы, выкарыстоўваюць міжнародныя арганізацыі сістэмы ААН для вывучэння і ўкаранення ў народную гаспадарку перадавога замежнага вопыту, прапаганды дасягненняў савецкага народа ў камуністычным будаўніцтве, прасоўвання спецыялістаў у сакратарыяты міжнародных арганізацый [4, с. 14].

Разам з тым ЦК КПБ указаў на тое, што ў рабоце міністэрстваў і ведамстваў рэспублікі па выкананні рашэнняў ЦК КПСС у галіне дзейнасці міжнародных арганізацый сістэмы ААН меўся шэраг істотных недахопаў і нявыкарыстаных магчымасцей. Мала ўвагі ўдзялялася сістэматычнай распрацоўцы ініцыятыўных прапанов для ўключэння ў праграмы работы міжнародных арганізацый навукова-тэхнічнага характару. Кіраўніцтва МЗС БССР і Пастаяннага прадстаўніцтва БССР пры ААН не заўсёды прад'яўлялі належную патрабавальнасць да сваіх супрацоўнікаў і асоб, якія

камандзіруюцца на працу ў міжнародных арганізацыі. У рэспубліцы выкарыстоўваліся не ўсе магчымасці для правядзення мерапрыемстваў па лініі міжнародных арганізацый сістэмы ААН. Пастанова на гады наперад вызначыла кірункі дзейнасці МЗС БССР [4, с. 14–19; 8, с. 201–205].

У 1988 г. рэспубліканскае МЗС нарэшце атрымала ўстановачны дакумент аб сваёй дзейнасці, пра неабходнасць якога неаднаразова выказваўся міністр, асабліва, калі яму задавалі пытанні аб самастойнасці ці залежнасці міністэрства. 25 кастрычніка 1988 г. Савет Міністраў БССР зацвердзіў Палажэнне аб Міністэрстве замежных спраў БССР. У ім адзначалася, што МЗС БССР з'яўляецца саюзна-рэспубліканскім міністэрствам і ў сваёй дзейнасці падпарадкоўваецца як Савету Міністраў БССР, так і МЗС СССР. У сваёй дзейнасці МЗС БССР кіравалася прынцыпамі ленінскай знешняй палітыкі, законамі СССР і БССР, рашэннямі вышэйшых органаў дзяржаўнай улады СССР і БССР, міжнароднымі дагаворамі СССР і БССР, інструкцыямі і ўказаннямі МЗС СССР і іншымі нарматыўнымі актамі. Галоўнымі задачамі МЗС БССР з'яўляліся: забеспячэнне ў межах сваёй кампетэнцыі рэалізацыі знешнепалітычнага курсу КПСС і Савецкай дзяржавы; умацаванне і ўдасканаленне замежных сувязей БССР, у тым ліку з міжнароднымі арганізацыямі; абарона інтарэсаў БССР і СССР у цэлым, а таксама грамадзян БССР у пытаннях узаемаадносін з замежнымі краінамі і міжнароднымі арганізацыямі. У Палажэнні падкрэслівалася, што дыпламатычная служба БССР з'яўляецца састаўной часткай дыпламатычнай службы СССР [4, с. 271–276].

Палажэнне аб Міністэрстве замежных спраў БССР адлюстравала рэальны стан федэратыўных адносін у савецкай шматнацыянальнай дзяржаве, размеркаванне ўладнай і прававой кампетэнцыі паміж саюзнымі і рэспубліканскімі органамі ў галіне знешняй палітыкі ў канцы 1980-х гг. Нягледзячы на вельмі шырокі і разнастайны характар функцый і задач, ускладзеных на беларускае знешнепалітычнае ведамства, на практыцы яно не мела самастойнасці ці мела яе вельмі мала і павінна было практычна ўсе пытанні знешнепалітычнай дзейнасці рэспублікі ўзгадняць у Маскве.

У працэсе дэмакратызацыі федэратыўных адносін саюзных рэспублік паставілі пытанне аб пашырэнні сваіх правоў за кошт некаторага змяншэння звышцэнтралізацыі ў дзейнасці саюзных органаў і ведамстваў, у тым ліку МЗС СССР. Пасля нарады міністраў замежных спраў саюзных рэспублік (чэрвень 1987 г.) кіраўніцтва МЗС СССР прыняло шэраг мер, каб надзяліць рэспубліканскія МЗС больш шырокімі паўнамоцтвамі. У 1989 г. у складзе саюзнага МЗС быў створаны аддзел па саюзных рэспубліках.

На старонках часопіса «Международная жизнь» адбыўся абмен думкамі паміж міністрамі замежных спраў шэрагу саюзных рэспублік. Яны далі даволі крытычную ацэнку таму становішчу, у якім знаходзіліся рэспубліканскія знешнепалітычныя міністэрствы, прыціснутыя дыктатам і кантролем саюзных органаў улады. Па прызнанні міністраў, МЗС СССР, Вярхоўныя Саветы і Саветы Міністраў саюзных рэспублік удзялялі недастатковую ўвагу дзейнасці рэспубліканскіх МЗС, задавальненню іх запытаў і патрэб [10, с. 22–24].

Міністр замежных спраў БССР А. Гурыновіч упадабаў іншую танальнасць і падыход у ацэнцы гістарычных і сучасных форм адносін рэспублікі з саюзнымі органамі ў знешнепалітычнай сферы. Ён казаў пра гонар беларускіх дыпламатычных работнікаў за дасягненні сваёй Радзімы, аптымізм, з якім яны глядзяць у будучыню, перавагі сацыялізму і выніках стваральнай працы, якія сталі магчымымі дзякуючы брацкаму супрацоўніцтву народаў Краіны саветаў. Асобная ўвага была звернута да новых формаў і метадаў знешне-эканамічнай дзейнасці, якая ажыццяўлялася праз агульнасаюзныя знешнія гандлёвыя органы і прыгранічны гандаль, а таксама да працы з суайчыннікамі [1, с. 68–69].

А. Гурыновіч адрэагаваў на новыя веянні ў рыторыцы і падыходах савецкай дыпламатыі з акцэнтамі на маральных прынцыпах у палітычным мысленні і дзеях і сфармуляваў маральна-палітычнае крэда беларускага МЗС часоў перабудовы і новага мыслення: «Внешнеполитической деятельности Белорусской ССР присущи последовательность и принципиальность, нетерпимость к несправедливости, а соответственно и аргументированный, деловой отпор тем, кто подменяет принципы сотрудничества конфронтацией и нападениями». Новым словам у палітычным лексіконе быў тэрмін «белорусская дипломатия», упершыню ўжыты міністрам у публічным дыскурсе. Як ужо гаварылася, у Палажэнні аб МЗС БССР падобнага тэрміну не ўжывалася, а дыпламатычная служба БССР лічылася састаўной часткай дыпламатычнай службы ССР. Па словах міністра, «усилия белорусской дипломатии подчинены активному участию в осуществлении главных целей и направлений международной политики КПСС и Советского государства» [1, с. 70].

Перабудова і новае мысленне паставілі перад беларускім МЗС і асабіста міністрам цяжкія задачы, якія не даводзілася вырашаць раней. Самай складанай з іх было пераадоленне рыторыкі і прапаганды халоднай вайны і канфрантацыйнага мыслення. Гэтая навізна сітуацыі далася ў знакі ўжо ў першы год перабудовы, аб чым сведчыў удзел дэлегацыі БССР у 40-й сесіі Генеральнай Асамблеі ў 1985 г. Дзякуючы выдадзенай у 1986 г. кнізе з уступным артыкулам А. Гурыновіча навуковая грамадскасць атрымала магчымасць прасачыць пазіцыі савецкай дыпламатыі і яе беларускага атраду па найбоьш важных пытаннях парадку дня. Было заўважна, што ацэнкі беларускага міністра разыходзіліся з выказваннямі і меркаваннямі М. Гарбачова і міністра замежных спраў ССР Э. Шеварнадзе, накіраванымі на пошук кампраміса і дыялогу з Захадам [3, с. 6–7].

Несумненна, што ў звыклых і осуджальных ацэнках заходніх дзяржаў адбівалася інерцыя мыслення А. Гурыновіча, які прайшоў цяжкую школу халоднай вайны, пачынаючы з апошніх гадоў сталінскай дыпламатыі, калі ён стаў працаваць у беларускім МЗС. У 1986 г. ён быў ужо вопытным дыпламатам, займаючы пасаду міністра замежных спраў 20 гадоў, які ў сваёй крытыцы ЗША і Захаду мог ісці далей, чым саюзныя дыпламаты і палітыкі. У вырашэнні гэтай важнейшай палітыка-ідэалагічнай задачы савецкай дыпламатыі (асуджэнне і крытыка палітыкі Захаду) Масква дазваляла значную ступень самастойнасці рэспубліканскай дыпламатыі, якой Мінск карыстаўся больш і актыўней, чым Кіеў [8, с. 267–273].

Пры А. Гурыновічы знешнепалітычная дзейнасць БССР дасягнула свайго паталка як у галіне шматбаковай дыпламатыі, так і развіцця замежных сувязей з урадавымі і грамадскімі арганізацыямі іншых дзяржаў. З'явіліся новыя формы і метады знешнеэканамічнай дзейнасці, наладжваліся сувязі з замежнымі суайчыннікамі. На сесіях Генеральнай Асамблеі, якія праходзілі ў больш спрыяльных міжнародных умовах, дух канфрантацыі і палемікі стаў выцясненнем у выступленнях беларускіх дыпламатаў выказваннямі на карысць дыялогу і кампрамісу. У цэлым дыпламатычны стыль беларускіх прадстаўнікоў «эпохі Гурыновіча» можна ацэньваць як традыцыйна-стрыманы або ўмерана кансерватыўны.

У лёсе А. Гурыновіча спалучыліся дзве гістарычныя эпохі – халоднай вайны і савецкай перабудовы. Ён сфарміраваўся і дзейнічаў як прадстаўнік беларускага атрада савецкай дыпламатыі эпохі канфрантацыі з Захадам. Прыход перабудовы і палітыкі новага мыслення, якая асабліва выразна праявілася ў савецкай палітыцы на форуме ААН, паставілі перад міністрам і беларускім МЗС новыя, неардынарныя па маштабах задачы. Выконваючы лінію партыі, А. Гурыновіч разам з тым не спяшаўся пераглядаць гістарычныя ацэнкі адносін паміж цэнтрам і рэспублікамі і адыходзіць ад звычайнай практыкі асуджэння і крытыкі палітыкі ЗША і іншых заходніх дзяржаў. На працягу пяці гадоў перабудовы аж да сваёй адстаўкі ў ліпені 1990 г. ён заставаўся носьбітам традыцыйнага стылю беларускай савецкай дыпламатыі.

Источники и литература:

1. Гуринович, А.Е. Дипломатия Белоруссии [Электронный ресурс] / А.Е. Гуринович // Международная жизнь. – 1988. – № 4. – Режим доступа: <https://naukaprava.ru/catalog/435/840/56238/60926?view=1>. – Дата доступа: 12.04.2022.
2. Гуринович, А.Е. Участие Белорусской ССР в деятельности ООН / А.Е. Гуринович. – Минск : Беларусь, 1982. – 143 с.
3. За мир и сотрудничество между народами: Участие Белорусской ССР в 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН / сост. С.Н. Мартынов ; вступит. ст. А.Е. Гуриновича. – Минск : Беларусь, 1986. – 198 с.
4. Знешняя палітыка Беларусі : зб. дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС. – Мінск : БДУ, 1997–2014. – Т. 6 : 1976 г. – верасень 1991 г. / склад.: У.К. Ракашэвіч, А.В. Шарапа. – 2003. – 335 с.
5. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Минск, 1978 г. [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/lawhistory/konst_1978_original.htm. – Дата доступа: 12.04.2022.
6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. [Электронный ресурс] // Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#iii>. – Дата доступа: 12.04.2022.
7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 4п. Воп. 118. Спр. 19.
8. Снапковский, В.Е. Белорусская ССР в ООН: отряд советской дипломатии в действии / В. Е. Снапковский. – Минск : Право и экономика, 2021. – 318 с.
9. Снапоўскі, У.Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі: 1944–1953 гг. / У.Е. Снапоўскі. – Мінск : Беларуская навука, 1997. – 207 с.
10. Снапоўскі, У.Е. Традыцыі і навацыі ў знешнепалітычных даследаваннях Беларусі : дапаможнік / У.Е. Снапоўскі. – Мінск : БДУ, 2020. – 290 с.

РАЗДЕЛ 6
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
И ДИПЛОМАТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (1991–2022 гг.)

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ
ЭВОЛЮЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ (1991–2021 гг.)

А.П. Косов (Витебск–Минск)

Российско-американские отношения, которые за последние тридцать лет практически всегда находились в центре мировой политики, закономерно изучаются исследователями исходя из учета эволюции внешней политики России в постбиполярный период. При этом, как свидетельствует большинство имеющихся в наличии работ по данной проблематике, авторы, освещая взаимоотношения Москвы и Вашингтона, отталкиваются скорее от политики администраций президентов США в отношении РФ: 1991–1993 гг.; 1993–1997 гг.; 1997–2001 гг.; 2001–2005 гг.; 2005–2009 гг.; 2009–2013 гг.; 2013–2017 гг.; 2017–2021 гг.; 2021 г. – по н. в., нежели наоборот. В паре РФ – США именно Соединенные Штаты выступают ведущим актором, а Россия оказывается ведомым. С нашей точки зрения, такое положение дел в историографии проблемы можно объяснить рядом причин. Во-первых, изучением российско-американских отношений традиционно занимаются американисты, в сфере интересов которых находятся США, поэтому и акцент делается, прежде всего, на их политику в отношении РФ. Во-вторых, геополитически на протяжении последних тридцати лет Вашингтон был мощнее Москвы. Поэтому российско-американские отношения рассматривались в рамках модели реагирования РФ на политику США. Действительно, в 1990-е гг. Россия оказалась в глубоком системном кризисе, из которого пришлось довольно долго выбираться, чтобы, наконец, вернуться в круг великих держав не номинально, а реально. Соединенные Штаты, наоборот, почувствовав себя победителем в Холодной войне, попытались установить на планете «мир по-американски» на основе навязывания всему человечеству своих правил поведения. Однако попытка создания однополярного мира не увенчалась успехом. Более того действия американцев привели к дестабилизации мирового порядка. В условиях ослабления американской мощи в мире мы стали свидетелями подъема других центров силы, в том числе и возвращения великой России. Поэтому представляется оправданным рассмотреть российско-американские отношения с позиции учета роли и места США во внешней политике РФ.

На наш взгляд, можно предложить авторскую периодизацию российской политики в отношении США, которая учитывает основные вехи взаимодействия двух стран. Современная история российско-американских отношений позволяет выделить пять периодов: 1991–1996 гг., 1996–1999 гг., 2000–2008 гг., 2008–2012 гг., 2012–2021 гг.

Первый период состоит из двух этапов: 1991–1993 гг., которые называют «медовым месяцем» в российско-американских отношениях; 1994 – начало 1996 гг. – постепенное «отрезвление» РФ. Действительно, данный период с полным основанием можно назвать периодом Ельцина – Козырева. Отправной точкой служит распад СССР, а конечной – отставка А.В. Козырева в начале января 1996 г. Отличительной особенностью первого периода является полная ориентация Москвы на Вашингтон. В 1991–1993 гг. российское руководство полностью поддерживало действия Соединенных Штатов на мировой арене, пытаясь выстроить отношения с Америкой на кажущемся «единстве взглядов» на мировой порядок и «совпадении интересов». А.В. Козырев попытался кардинально изменить сам вектор внешней политики России – перейти от отношений противостояния с Западом к союзническим отношениям с ним. Известно, что когда его утверждали в Верховном Совете в должности министра, он заявил: «Демократическая Россия должна быть и будет таким же естественным союзником демократических стран Запада, как тоталитарный Советский Союз был естественным противником Запада» [7]. И, действительно, на протяжении нахождения А.В. Козырева в МИД стремление понравиться американцам, стать частью западного мира, доминировало над необходимостью следования национальным интересам своей страны. В 1992–1993 гг. российское руководство избегало ясно обозначать свои национальные интересы в сфере внешней политики. В то время они отождествлялись с интересами «сообщества мировых демократий». Российское руководство убеждало зарубежных партнеров поверить, что цель РФ состояла в поддержке западных инициатив [1, с. 11]. В июне 1992 г. во время визита Б.Н. Ельцина в Вашингтон была подписана Хартия российско-американского партнерства и дружбы, в преамбуле и нескольких частях которой оговаривались принципы, которым намеревалось следовать российское руководство в проведении внутренней политики, в чем ее были готовы поддерживать Соединенные Штаты. К этим принципам были отнесены демократия, свобода, защита прав человека, уважение прав меньшинств, в том числе национальных [9, с. 7–11]. Учитывая подобные настроения российского руководства, неудивительно, что нарастание американского присутствия в Центральной и Восточной Европе и на постсоветском пространстве не вызывало протестов и противодействия Москвы. Россия не только не выразила беспокойства в связи с планами США по «расширению демократии» в 1993 г., но и приветствовала, ошибочно предполагая, что их реализация принесет ей материальную пользу. Конечно, некоторые выигрыши от такого поведения были: Москва стала получать в МВФ и Всемирном банке столь необходимые кредиты [1, с. 12]. Таким образом, ожидания от сотрудничества с Вашингтоном в полном объеме не оправдались.

Тем временем, нарастание внутривнутриполитической напряженности в России на фоне ухудшения социально-экономической ситуации привело к внесению во внешнеполитический курс страны определенных коррективов, что означало наступление второго этапа. В РФ стал нарастать антиамериканизм. Среди россиян усиливались сомнения по поводу подлинных целей Запада в отношении России. Американцев начали обвинять в желании «воспользоваться

бедственным положением России». В начале 1994 г. А.В. Козырев впервые рискнул заявить об «особых интересах» России на постсоветском пространстве. Хотя на практике активизации политики Москвы в СНГ не последовало, его слова символизировали новую тенденцию: под давлением общественности российское руководство стало понимать необходимость модификации идейно-теоретической составляющей внешнеполитического курса. Россия продолжила ориентироваться на Запад, однако теперь сотрудничество сопровождалось оговорками и попытками российской дипломатии сопроводить его выдвижением своих условий [1, с. 14]. Между тем Вашингтон не стремился особо считаться с интересами России, что вело к нарастанию российско-американских противоречий. Среди основных раздражителей оказалась ситуация в Боснии, война в Чечне и планы по расширению НАТО на Восток. Последнее в Москве расценили как попытку давления на РФ и выражение скрытой угрозы со стороны Запада. Постепенно российское руководство стало отходить от радикально прозападной линии поведения. В непростой для себя ситуации Б.Н. Ельцин пошел на уступки общественности, заменив в начале января 1996 г. «слишком прозападного» А. В. Козырева государственнымником Е.М. Примаковым.

Второй период связан, в первую очередь, с дипломатией Е.М. Примакова, который в 1996–1998 гг. занимал пост министра иностранных дел, а в 1998–1999 гг. – главы правительства РФ. Многие считали его антизападником. На наш взгляд, это не совсем так. Скорее он осуждал не линию на сотрудничество с Западом, а политику «безоговорочного согласия» с западными инициативами, часто игнорирующими национальные интересы страны [5]. Поэтому Е.М. Примаков, являясь сторонником многополярного мира, попытался уравновесить евроатлантическую ориентацию РФ сотрудничеством с Китаем, Индией и другими незападными государствами. Однако, будучи реалистом, свою задачу он видел не в противопоставлении российских интересов западным, а в том, чтобы приучить Запад к необходимости согласовывать с Москвой все крупные решения, которые затрагивают российские интересы. Новизна примаковской дипломатии состояла в переходе Москвы к более активной защите своих интересов, особенно в случаях, когда те ущемлялись или оказывались под угрозой в силу естественного хода исторических событий или бывали недоучтенными теми влиятельными державами, которые могли более результативно, чем Россия, влиять на мировые процессы. Основой внешней политики при Е.М. Примакове стал принцип «избирательного партнерства». Москва стала считать возможным сопротивляться США, следя за тем, чтобы в ходе этого «перетягивания канатов» не выйти за рамки партнерства с Вашингтоном. Уровни партнерства периодически колебались, то снижаясь, то повышаясь снова. Но амплитуда колебаний оставалась «в пределах нормы». Этот подход сохранился и при И.С. Иванове, ставшем министром иностранных дел в сентябре 1998 г. после назначения Е.М. Примакова премьер-министром. При И.С. Иванове задачей российской дипломатии было балансирование между нарастающим в России раздражением против самоуверенности США и пониманием неподготовленности страны к попыткам умерить американские амбиции [1, с. 17].

В данный период ключевыми проблемами в российско-американских отношениях, повлиявшими на их атмосферу, стали расширение НАТО на Восток и ситуация на Балканах. Попытки Москвы их решить с учетом соблюдения своих интересов не увенчались успехом. Косовский кризис 1999 г. привел к серьезному ухудшению российско-американских отношений, которые оказались в низшей точке своего развития с момента распада СССР [6]. При этом значительная часть российской элиты, в том числе и президент Б.Н. Ельцин, по-прежнему оставалась прозападной, не утрачивая надежд стать частью Запада. Именно этим объясняются с одной стороны, эмоциональные протесты против планов расширения НАТО, а с другой – подписание в 1997 г. в Париже Основопологающего акта Россия – НАТО, который представлял собой программу адаптации РФ к этому расширению. С одной стороны, острые дипломатические разногласия в связи с действиями НАТО в Косово в 1998–1999 гг., а с другой – отказ от переноса дипломатических трений по Балканам на другие сферы российско-западных отношений. С одной стороны, разговоры о необходимости установления многополярного мироустройства, с другой – желание стать полноправным членом «большой восьмерки» [1, с. 17], Окончание данного периода связано с уходом с поста президента Б.Н. Ельцина.

Третий период охватывает собой первые два президентских срока В.В. Путина и делится на три этапа. Первый этап датируется 2000–2001 гг., когда новый российский лидер предпринимал попытки «наведения мостов» с Западом после охлаждения отношений в связи с действиями НАТО на Балканах. Министром иностранных дел оставался И.С. Иванов, и Россия продолжала следовать линии избирательного партнерства с Западом, предполагавшего более жесткое отстаивание национальных интересов в тех вопросах, где наблюдалось расхождение позиций. Содержание программной статьи В.В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий», опубликованной в конце 1999 г. и его выступление в бундестаге на немецком языке в 2001 г. были явной демонстрацией наладить отношения с Западом. В 2000 г. состоялись две встречи В.В. Путина и Б. Клинтона. Атмосфера российско-американских отношений нормализовалась. «Негатива» и «позитива» наблюдалось в них примерно поровну. Приход к власти администрации Дж. Буша-мл. на время вновь усилил градус напряжения между Москвой и Вашингтоном. Однако постепенно он начал снижаться.

Терракты 11 сентября 2001 г. дали старт второму этапу, который продлился до конца 2004 г. Его характерной чертой стало российско-американское сотрудничество в связи с появлением общего врага в лице международного терроризма. Москва поддержала антитеррористическую операцию США и НАТО в Афганистане. В полном объеме был восстановлен диалог с Западом путем сотрудничества не только с США и ЕС, но и создания Совета сотрудничества Россия – НАТО («совет двадцати»). Правда, одновременно с этим Вашингтон, несмотря на все уговоры Москвы, вышел из Договора по ПРО от 1972 г. В начале 2000-х гг. США довольно охотно принимали поддержку России, но при этом стремились сохранять для себя максимальную свободу действий и не проявляли склонности прислушиваться к мнению Москвы,

действуя односторонне. Россия была против подобных действия американцев. В 2002–2003 гг. российское руководство не согласилось с намерением Вашингтона начать войну против Ирака. В данном вопросе позицию РФ разделяли Франция и Германия. Однако Соединенные Штаты, следуя логике односторонности, поступили по-своему, начав в марте 2003 г. военную операцию против режима Саддама Хусейна. Помимо Ирака в американскую «ось зла» попали Иран, Ливия и КНДР. Стремление США действовать в обход СБ ООН по установлению «мира по-американски» под прикрытием борьбы с международным терроризмом вызвало в Москве тревогу и озабоченность. Резкая активизация американцев на постсоветском пространстве, в том числе и причастность к организации «цветных революций», привела к нарастанию в российско-американских отношениях противоречий, завершивших этап сближения между двумя странами.

С 2005 по 2008 г. продолжался третий этап, характеризовавшийся обострением двусторонних отношений, в результате появившихся у РФ возможностей более жесткого отстаивания национальных интересов, в том числе и через ограниченную конфронтацию с США. Высокие цены на энергоносители позволили России погасить имевшуюся задолженность страны перед Парижским и Лондонским клубами кредиторов, МВФ, Всемирным банком и др., повлияли на изменение представлений о международной роли России. Началось переосмысление внешнеполитической доктрины. 27 июня 2006 г. В.В. Путин в ходе встречи с послами сформулировал новые внешнеполитические приоритеты страны: «Россия в целом должна нести соразмерную своему положению и возможностям ответственность за глобальное и социально-экономическое развитие» [3]. На практике данную линию проводил министр иностранных дел С.В. Лавров, снискавший славу твердого переговорщика в диалоге с Западом в бытность работы Постоянным представителем России при ООН и в Совете Безопасности ООН в 1994–2004 гг.

С середины 2000-х гг. наступательность внешней политики США стала вызывать все большее недовольство России. Однако попытки российского руководства выказывать несогласие с политикой Запада воспринимались в Вашингтоне как признаки неприятия Россией принципов свободы и демократии [1, с. 23]. В первую очередь, интересам Москвы перестало отвечать затянувшееся военное присутствие американцев в Центральной Азии, поскольку с 2003 г. постсоветское пространство стало ареной открытой геополитической конкуренции между Россией и другими игроками.

Вторым узлом российско-американских противоречий были вопросы, связанные с намерением Вашингтона разместить на территории Польши и Чехии элементы инфраструктуры системы ПРО, которую Соединенные Штаты предлагали создать в Европе под предлогом защиты от возможной ракетной угрозы для западных стран со стороны Ирана. Несмотря на односторонние заверения НАТО о том, что планы ПРО не направлены против России, в Москве понимали, что это несет прямую угрозу безопасности РФ.

Таким образом, неконструктивное поведение Запада привело к изменению тональности российского руководства. Во внешнеполитических

заявлениях стало проявляться негодование по поводу нежелания Запада считаться с интересами национальной безопасности России. Апогеем стала речь В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности в феврале 2007 г., в которой он подверг жесткой критике попытки США насадить однополярный мир и осудил Запад за нарушение основополагающих норм международного права и использование силовых методов во внешней политике [2]. Его выступление стало констатацией глубокого кризиса в российско-американских отношениях, продолжавшегося до конца президентского срока В.В. Путина.

Четвертый период российско-американских отношений связан с президентством Д.А. Медведева и длился с 2008 по 2012 г. Его можно разделить на два этапа: первый продолжался с середины 2008 до начала 2009 г.; второй охватывал 2009 – первую половину 2012 г. Приход в Кремль Д.А. Медведева в результате президентских выборов 2008 г. не изменил ситуации, несмотря на его попытку существенно улучшить атмосферу отношений с Западом. В частности, новый российский президент выдвинул идею подписания Договора о европейской безопасности, а также идеи о более тесных отношениях с НАТО и готовности создавать совместную с Западом систему ПРО. Однако инициативы Д.А. Медведева были проигнорированы. Более того после силового ответа на одобренную Вашингтоном авантюру М. Саакашвили в августе 2008 г. двусторонняя атмосфера еще более ухудшилась. В результате к концу года российско-американские отношения, как и в конце первого периода, оказались на низшей точке развития.

Приход к власти в США администрации Б. Обамы позволил частично преодолеть острый кризис в российско-американских отношениях. Вашингтон провозгласил политику «перезагрузки» между Россией и США. Стороны начали конструктивный диалог по целому ряду проблем двусторонней и многосторонней повестки дня. В частности, был подписан Договор о сокращении стратегических наступательных вооружениях (СНВ-3), сблизилась подходы к решению иранской и корейской ядерных проблем и т. д. Однако, не все надежды, которые Москва возлагала на «перезагрузку», оправдались. Например, продолжилось развертывание Вашингтоном элементов ПРО в странах Восточной Европы, что вызывало серьезную озабоченность российского руководства. Вскоре появилась еще одна причина разногласий между РФ и США. Москва и Вашингтон разошлись в оценке событий начавшейся Арабской весны. В то время как Запад приветствовал «демократизацию» Ближнего Востока, Россия справедливо опасалась усиления влияния исламистов и дестабилизации региона. К данным разногласиям добавилась и позиция США относительно внутривосточной ситуации в России, в том числе решения В.В. Путина участвовать в президентских выборах 2012 г. Прямое вмешательство Соединенных Штатов во внутренние дела РФ окончательно завершило период «перезагрузки».

Пятый период связан с возвращением на президентский пост В.В. Путина и делится на два этапа: 2012 – начало 2014 гг. – стремительное нарастание противоречий между Москвой и Вашингтоном, завершившиеся началом

полноценной конфронтацией между РФ и США; 2014–2021 гг. – конфронтация России и коллективного Запада, ведомого Соединенными Штатами, в связи с возникшей необходимостью отстаивания национальных интересов страны жестким путем в ответ на стремление западных элит сдержать РФ.

В течение первого этапа основными сферами российско-американских противоречий являлось вмешательство США во внутренние дела России и ситуация вокруг Сирии. Так, в июне 2012 г. в знак несогласия с деятельностью американских структур на российской территории в РФ была прекращена деятельность Агентства по международному развитию, а в декабре того же года стороны обменялись дискриминирующими законами – принятый Конгрессом США Закон Магнитского, предусматривавший визовые и финансовые санкции против ряда российских государственных чиновников, и принятый Госдумой так называемый Закон Димы Яковлева, введший запрет на усыновление российских детей американскими семьями. Следующим весомым раздражителем в российско-американских отношениях стало предоставление Россией 1 августа 2013 г. политического убежища бывшему сотруднику АНБ Э. Сноудену, что было расценено Вашингтоном в качестве враждебной политической акции.

Одновременно отношения между РФ и США осложнялись расхождениями относительно сирийской ситуации. Россия, наученная ливийским примером, выступала категорически против военного вторжения в Сирию. Именно благодаря позиции Москвы Б. Асад сумел удержаться у власти. Американцы оказались вынуждены учитывать российскую позицию.

В целом, на протяжении 2012–2013 гг. атмосфера российско-американских отношений продолжала оставаться сложной. Сторонам не удавалось договориться по актуальным вопросам двусторонней и многосторонней повестки

Стартом второго этапа стал государственный переворот на Украине в феврале 2014 г. Приход к власти в Киеве националистических антироссийских политических сил произошел при прямой поддержке Вашингтона. В ответ Россия признала итоги крымского референдума 16 марта 2014 г., а затем включила Крым в состав РФ и поддержала Донбасс, за что Запад ввел против нее санкции. Москва оказалась вынуждена ввести в отношении западных стран контрсанкции.

Дополнительное напряжение в российско-американские отношения внесла военная операция России в Сирии, начавшаяся в 2015 г. по разгрому ИГИЛ и других террористических организаций. Параллельно с террористами вела борьбу Международная коалиция во главе с США. При этом в сирийском конфликте Москва поддерживала режим Б. Асада, а Вашингтон – антиасадовские силы. После разгрома боевиков Исламского государства в САР и завершения активной фазы российской военной операции в конце 2017 г. на первый план в российско-американских отношениях вновь вышел украинский кризис.

На фоне региональных противоречий на протяжении данного этапа наблюдалось поступательное ухудшение отношений между Москвой и

Вашингтоном. Стороны активно обменивались обвинениями в адрес друг друга. По сути, единственным позитивным событием последних лет стало продление в конце января 2021 г. Договора между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3).

Данный период завершился выдвижением российским руководством Западу (США и НАТО) предложений о гарантиях безопасности [4; 8] и отказом Вашингтона и Брюсселя, после чего наступил новый период не только во внешней политике России, но и, возможно, во всей системе международных отношений в связи с переходом Москвы к активным действиям по обеспечению национальной безопасности. 24 февраля 2022 г., когда началась специальная операция вооруженных сил на Украине, стал точкой отсчета нового мирового порядка.

Таким образом, на основе ведущих тенденций, определяющих внешнеполитический курс России, деятельности ключевых политических фигур, ключевых событий мировой политики и действий американского руководства, на которые Москва была вынуждена реагировать, автор предложил свой вариант периодизации российско-американских отношений в контексте эволюции внешней политики РФ в 1991–2021 гг.

Источники и литература:

1. Богатуров, А. Эволюция доктринальных основ внешней политики России / А. Богатуров, О. Лебедева, А. Бобров // *Международная жизнь*. – 2022. – № 2. – С. 8–25.
2. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 года. Мюнхен [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/4034>. – Дата доступа: 22.02.2022.
3. Выступление на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации. 27 июня 2006 г. Москва, Министерство иностранных дел [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23669/audios>. – Дата доступа: 22.02.2022.
4. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 17.12.2021. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/. – Дата доступа: 22.12.2021.
5. Косов, А.П. Дипломатия Е. Примакова на атлантическом направлении / А.П. Косов // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. Сборник научных статей. Выпуск 20. В трех частях*. – Минск : РИВШ, 2020. – Ч. 1. – С. 339–347.
6. Косов, А.П. Косовский кризис в повестке российско-американских отношений (1998–1999 гг.) / А.П. Косов // *Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова» : сборник научных трудов*. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – Т. 34. – С. 56–64.
7. Кох, А. Андрей Козырев: настоящий камикадзе [Электронный ресурс] / А. Кох, П. Авен // *Forbes*. – 2011. – 28 сентября. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/74501-andrei-kozyrev-nastoyashchii-kamikadze>. – Дата доступа: 18.04.2022.
8. Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 17.12.2021. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/. – Дата доступа: 22.12.2021.
9. Хартия российско-американского партнерства и дружбы // *Дипломатический вестник*. – 1992. – № 4–5. – Спецвыпуск. – С. 7–11.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ ВАШИНГТОНА В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (1990-е – начало 2000-х гг.)

Е.В. Мацулевич (Минск)

Постсоветская интеграция попала в поле зрения Белого дома еще в процессе распада СССР и образования Содружества Независимых Государств. Внимание Вашингтона к региону бывших советских республик, необходимость обозначать свою позицию в отношении процессов, происходящих в нем, стало закономерным в связи с победой США в Холодной войне и дальнейшим стремлением сохранить свой статус государства – мирового лидера. Цель исследования – выделить этапы развития позиции Вашингтона в отношении интеграционных проектов на постсоветском пространстве в 1990-х – начале 2000-х гг.

Свою позицию в качестве наблюдателя распада СССР и образования СНГ Дж. Буш-ст. обозначил в беседе с Б. Ельциным 13 декабря 1991 г., подчеркнув, что Белый дом не желает вмешиваться в происходящие события [14, р. 2, 3]. У американского президента и госсекретаря после окончания Холодной войны существовали опасения по поводу последствий возможного коллапса прежнего советского центра в Москве [1, с. 58], в связи с чем США заняли позицию наблюдателя. Чтобы Белый дом все же поддержал постсоветскую интеграцию, Б. Ельцин, извещая Дж. Буша-ст. о создании СНГ, сделал акцент на Статью 6 договора о Содружестве, которая удовлетворяла первостепенные интересы Вашингтона, давая гарантию соблюдения странами-участницами требований международной безопасности, сокращения вооружения и расходов на оборону, подтверждая намерение ликвидировать ядерное оружие и провести полное разоружение [13, р. 3]. Дж. Бушу-ст. «показалось, что положения этого соглашения звучали так, как будто они были специально сформулированы с учетом выдвинутых нами условий признания» (имеются ввиду условия признания Украины, обозначенные ранее американским президентом Л. Кравчуку) [2, с. 492]. Таким образом, создание СНГ на обозначенных условиях было выгодно для Соединенных Штатов. Особые отношения с Россией, фактическое одобрение ее лидирующей роли в Содружестве, было объективно связано с тем, что именно Москва держала Белый дом в курсе событий и именно она должна была стать гарантом безопасности в регионе.

Несмотря на активные контакты с Россией и фактическое одобрение Москвы как центра СНГ, позиция президента была осторожной в отношении Содружества, что было связано с непониманием сути и содержания постсоветской интеграции: «Содружество» – это лишь новое название СССР с его прежней системой управления, или нечто иное, а Советский Союз со своим режимом действительно пал? – вопрос, который обсуждали американские политики [1, с. 24].

После выборов 1992 г. в США американцы ожидали изменений внутри страны, в связи с чем у кандидатов в президенты должен был быть выработан оптимальный внешнеполитический курс. Несмотря на то, что

У. Клинтон пытался разработать идейные основы стратегии внешней политики, которые удовлетворили бы общественность и Конгресс, после инаугурации он столкнулся с той же проблемой, что и его предшественник: среди конгрессменов продолжались споры на тему оборонных расходов и объема помощи новым независимым государствам. В 1993 г. в Палате представителей разгорелись дебаты по поводу того, какой должна быть помощь России и бывшим республикам СССР [4, р. 6274, 6276]. В то же время конгрессмены понимали, что постсоветское пространство является зоной американских интересов. Внимание к СНГ усиливается на фоне возрастающей угрозы терроризма. Палата представителей рассматривала возможность союза с Содружеством для коалиционной борьбы с ним [5, р. 4174]. Если в период президентства Дж. Буша-ст. внимание к проблеме безопасности исходило в первую очередь от президента, в то время как Конгресс делал акцент на необходимости проведения реформ в бывших республиках СССР, то теперь вопрос безопасности волновал всех политиков.

В качестве компромисса по проблеме инвестирования внешней политики в постсоветском регионе конгрессмены искали более эффективные и выгодные для США механизмы оказания финансовой помощи бывшим республикам СССР. Звучали предложения, которые обращали внимание на наличие и возможную выгоду для США интеграционных объединений на постсоветском пространстве. В 1993 г. Палата представителей уделила внимание заявлению американского историка Дж. Х. Биллингтона (James H. Billington), в котором была выдвинута идея создать подобный Плану Маршалла механизм, в который были бы привлечены США, страны СНГ и государства-участники G-7 для координации усилий по развитию стран бывшего СССР. Такой механизм должен был заменить негибкий Международный валютный фонд и наделить россиян центральными полномочиями по проведению демократизации постсоветского пространства [10, р. 6536]. Также констатировалось, что реформы в России не должны проходить в ее изоляции от других стран бывшего СССР и она должна стать двигателем демократических изменений в постсоветском регионе [10, р. 6545]. В своей речи один из членов Палаты представителей 29 сентября 1993 г. обозначил, что США, по сути, готовы принять ведущую роль России в регионе, если она не перерастет в гегемонию и будет установлена методами, которые отвечали бы американской миссии распространения демократии [9, р. 23086]. Таким образом, в начале президентского срока У. Клинтона ведущие политические силы США придерживались той стратегии, которая была обозначена при Дж. Буше-ст.: необходимо финансировать проведение реформ в новых независимых государствах, поддержать деятельность СНГ и включить его в международные процессы, отдать России ключевую роль в консолидации постсоветского пространства через Содружество, сделав Москву «локомотивом» демократизации региона.

Постепенно лояльная к постсоветской интеграции и роли Москвы в ней позиция перестала отвечать интересам Соединенных Штатов. Сохранение российских войск на территории соседних государств и, таким образом, угроза превращения СНГ с помощью военной силы в новый СССР, привели к тому, что активнее стали рассматриваться бывшие советские республики по-отдель-

ности, а не в контексте единого постсоветского пространства или интеграционного объединения. В Конгрессе распространилось видение их современного состояния как зависимость от Москвы, несмотря на стремление присоединиться к западным структурам [6, р. 543]. Активизацию постсоветской интеграции американцы воспринимали как намерение Москвы воссоздать Советский Союз [7, р. Н3778]. Российско-белорусское сотрудничество и вовсе называли «реинтеграцией» [8, р. Н10657]. Начался поиск иных средств консолидации бывших советских республик, которые не вели бы их к зависимости от Москвы, а способствовали бы сближению с Западом.

Вторая администрация У. Клинтона перешла к более активной внешней политике в постсоветском регионе. На фоне обострения международной обстановки, в т.ч. военного усиления России, активизировалось обсуждение вопроса о расширении НАТО. Начался пересмотр российской и евроатлантической сфер влияния.

Появление в российском политическом дискурсе идеи евразийства, что для американцев означало стремление РФ отойти от вестернизации и модернизации по западному образцу и намерение усилить сотрудничество с азиатскими соседями и странами бывшего соцлагеря [3, р. 9–10, 13], а также углубление сотрудничества Минска и Москвы вызвали новую критику Вашингтона. Были затронуты экономические интересы США в регионе: российско-белорусская интеграция открывала путь мощным нефтегазовым компаниям России к строительству трубопровода на Запад через Беларусь, а азиатская политика затрагивала регион Каспийского моря.

Центр стратегических и международных исследований США (CSIS), видя причиной постсоветской интеграции под эгидой России экономические проблемы стран-участниц, выходом из ситуации видел стимулирование экономической «естественной интеграции» в противовес «политической реинтеграции» в Советский Союз [11, р. 1]. Выгодой для США при реализации такого подхода должна была стать стабилизация постсоветского пространства и создание выгодных условий для международной торговли [11, р. 6].

При Дж. Буше-мл. Белый дом продемонстрировал, что Соединенные Штаты не потерпят не только прямую военную угрозу в свой адрес, но и потенциальную политическую, стратегическую и экономическую конкуренцию в любом регионе, включив Китай и Россию, своих региональных политических и экономических конкурентов, в «ось зла».

С начала 2000-х гг. под влиянием изменения внешнеполитического поведения российского руководства, а также активизации Китая изменилось американское отношение к процессу интеграции на постсоветском пространстве. Отношение к неамериканским интеграционным инициативам стало подвергаться резкой критике. Основания к этому находили в расплывчатых формулировках договорной базы интеграционных проектов [12, р. 3]. В противовес интеграционным проектам в постсоветском регионе, неподконтрольным Соединенным Штатам, Вашингтон начал активно поддерживать вступление ряда новых независимых государств в ВТО, инициировать и развивать свои проекты (ГУ(У)АМ, С5+1), напрямую поддерживать прозападные настроения в странах бывшего СССР.

Таким образом, позиция Вашингтона в отношении постсоветской интеграции прошла стадии полного, но осторожного принятия при Дж. Буше-ст., затем – одобрения только экономической интеграции, а не политической при У. Клинтоне, после чего – неприятия любых новых и критики действующих интеграционных объединений, начиная с администрации Дж. Буша-мл. Любые инициативы стали оцениваться как политические, связанные с намерением страны – инициатора интеграционного проекта доминировать в регионе.

Источники и литература:

1. Бжезинский, З. Второй шанс. Америка и мир / З. Бжезинский, Б. Скоукрофт. – М. : АСТ, 2018. – 448 с.
2. Буш, Дж. Мир стал другим / Дж. Буш, Б. Скоукрофт. – М. : Международные отношения, 2004. – 504 с.
3. Clover, Ch. Dreams of the Eurasian Heartland: The Reemergence of Geopolitics / Ch. Clover // Foreign Affairs. – 1999. – Vol. 78, №. 2. – P. 9–13.
4. Congressional Record – House [Electronic resource] // Congress.gov. – 1993. – March 24. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/03/24/GPO-CRECB-1993-pt5-2-2.pdf>. – Date of access: 29.11.2021.
5. Congressional Record – House [Electronic resource] // Congress.gov. – 1993. – March 4. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/03/04/GPO-CRECB-1993-pt3-9-1.pdf>. – Date of access: 29.11.2021.
6. Congressional Record. Proceedings and debates of the 103d Congress, First session // Congress.gov. – 1993. – January 21. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/01/21/GPO-CRECB-1993-pt1-5-2.pdf>. – Date of access: 11.11.2021.
7. Congressional Record. Proceedings and debates of the 104th Congress, Second session [Electronic resource] // Congress.gov. – 1996. – April 24. – Vol. 142, No. 54. – Mode of access: <https://www.congress.gov/104/crec/1996/04/24/CREC-1996-04-24.pdf>. – Date of access: 29.11.2021.
8. Congressional Record. Proceedings and debates of the 104th Congress, Second session [Electronic resource] // Congress.gov. – 1996. – September 19. – Vol. 142, No. 130. – Mode of access: <https://www.congress.gov/104/crec/1996/09/19/CREC-1996-09-19.pdf>. – Date of access: 01.12.2021.
9. Extensions of Remarks [Electronic resource] // Congress.gov. – 1993. – September 29. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/09/29/GPO-CRECB-1993-pt16-4-3.pdf>. – Date of access: 20.11.2021.
10. Extensions of Remarks [Electronic resource] // Congress.gov. – 1993. – March 25. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/03/25/GPO-CRECB-1993-pt5-3-3.pdf>. – Date of access: 20.11.2021.
11. Hale, H. Russia's Fiscal Veto on CIS Integration Russia's Fiscal Veto on CIS Integration [PONARS Policy Memo 15] [Electronic resource] / H. Hale // CSIS. – 1997. – October. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0015.pdf. – Date of access: 02.12.2021.
12. Sushko, O. From the CIS to the SES. A New Integrationist Game in Post-Soviet Space [PONARS Policy Memo 303] [Electronic resource] / O. Sushko // CSIS. – 2003. – November. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0303.pdf. – Date of access: 03.03.2022.
13. Telcon with President Yeltsin of the Republic of Russia [Electronic resource] // George Bush Presidential Library and Museum. – 1991. – December 8. – Mode of access: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1991-12-08--Yeltsin.pdf>. – Date of access: 21.11.2021.
14. Telephone Conversation with President Boris Yeltsin of Russia [Electronic resource] // George Bush Presidential Library and Museum. – 1991. – December 13. – Mode of access: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1991-12-13--Yeltsin.pdf>. – Date of access: 21.11.2021.

О ПРОБЛЕМАХ ЯПОНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1990-е гг.

С.Г. Самедова, С.Ф. Свилас (Минск)

Актуальность изучения японо-китайских отношений обусловлена местом Китая и Японии в современной трансформирующейся системе международных отношений: оба государства являются региональными лидерами, велика их роль в глобальном управлении. Республику Беларусь связывают с КНР отношения всестороннего стратегического партнерства. Развитие белорусско-японских отношений подтверждает тот факт, что 2 сентября 2019 г. был назначен Чрезвычайный и Полномочный Посол Японии в Республике Беларусь (ранее эту должность занимал Посол Японии в Российской Федерации по совместительству). В белорусской историографии японо-китайские отношения в 1990-е гг. не исследовались.

В последнее десятилетие XX в. политические отношения между Китаем и Японией, в отличие от экономических, развивались менее интенсивно, давая повод оценивать ситуацию словами «в экономике горячо, в политике холодно»: состоялась серия японо-китайских встреч на высшем уровне, однако политический диалог не был стабильным и результативным, между сторонами сохранялись разногласия по целому ряду вопросов (тайваньская проблема, освоение природных ресурсов в Восточно-Китайском море, принадлежность островов Сенкаку).

Для Японии тайваньская проблема связана с ее отношениями не только с КНР, но и с США. Возникнув как результат восстановления межгосударственных отношений с Китаем (1972 г.), она приобрела дополнительную остроту в связи с постепенным ужесточением позиции Пекина после успешного решения вопроса с Гонконгом (1997 г.) и Макао (1999 г.). Китайская сторона в 1990-е гг. предпринимала попытки оказать нажим на Токио с целью получения дипломатической поддержки, а также противодействия готовности японской стороны нести обязательства перед Вашингтоном по ведению военных действий в Тайваньском проливе [2].

Со стратегической точки зрения, Японию устраивал статус-кво Тайваня. Ее беспокоила перспектива образования «Большого Китая», включающего КНР, Гонконг, Макао и Тайвань. Такая структура могла бы угрожать экономическим интересам Токио на азиатском рынке [1]. В случае гипотетического присоединения Тайваня к Китаю, как его представляли японские аналитики, остров мог бы стать базой китайских ВМС [3], и у Китая появилась бы возможность для блокирования, при необходимости, жизненно важных морских коммуникаций Японии с Юго-Восточной Азией, Европой, Ближним Востоком – главными источниками японского импорта нефти. К тому же были бы созданы условия для овладения Китаем островами Сенкаку, которые являлись объектом территориального спора между двумя странами.

После разрыва дипломатических отношений контакты Тайбэя с Токио осуществлялись с 1992 г. через представительство по экономике и культуре, расположенном в японской столице. Функционировали также

представительские учреждения в Осака, Фукуока и Иокогама (бывшие тайваньские консульства). В Тайване защита японских интересов была возложена на Японо-тайваньское общество взаимобмен. Отметим, что до начала 1992 г. двусторонний товарооборот Японии с Тайванем был больше, чем с Китаем [7].

В подходе Токио к тайваньскому вопросу, являющемуся составной частью японо-китайских отношений, решающую роль всегда играла позиция Вашингтона, он выступал в качестве заинтересованного партнера [12]. Отчасти поэтому японская позиция изначально была лишена «прозрачности» [4]. Пекин хотел бы заручиться дипломатической поддержкой Токио, полагаясь на его способность влиять на Тайбэй, однако в Совместном коммюнике о восстановлении японо-китайских отношений (1972 г.) содержался секретный пункт по Тайваню, официальные лица Японии уклонялись от четкого определения позиции своей страны [9]. Тайваньская проблема в связи с опубликованием нового содержания Основных направлений японо-американского сотрудничества в области обороны (1997 г.) занимала центральное место во время японо-китайских переговоров на высшем уровне, однако сторонам договориться не удалось. По этой же причине возникли трудности и на японо-китайской встрече в верхах спустя год [8].

Территориальный спор о принадлежности островов – еще одна проблема в отношениях между Японией и Китаем в 1990-е гг. Архипелаг Сенкаку, который китайцы именуют Дяоюйдао и считают своей территорией, расположен в 410 км от южной японской префектуры Окинава и в 170 км северо-восточнее Тайваня. Де-факто острова контролировались Японией, а претендовали на них не только материковый Китай, но и власти Тайваня. В 1895 г. острова впервые попали под контроль Японии по итогам японо-китайской войны 1894–1895 гг. По Симоносекскому договору, закрепившему победу японцев, Пекин уступил Сенкаку вместе с Тайванем в пользу Токио. Согласно условиям Сан-Францисского мирного договора (1951 г.), Япония отказалась от Тайваня, но не от Сенкаку; до 1972 г. на них распространялись права опеки США [14].

В конце 1960-х гг. впервые появилась информация об обнаружении на Сенкаку нефтезапасов, а в июне 1971 г. было подписано американо-японское соглашение о передаче Японии прав на острова Рюкю [13]. Острова Сенкаку включались в состав переданных Японии, которая с того времени осуществляла над ними контроль и взяла на себя ответственность и за оборону. В 1971 г. по инициативе Тайваня, сделавшего заявление о своих правах на острова, возник конфликт; с похожим заявлением выступили Пекин и Токио. Позиция КНР и Тайваня была одинакова и заключалась в следующем: географически и исторически Сенкаку всегда рассматривались как часть провинции Тайвань. Япония выдвигала собственные доводы: после включения Сенкаку в состав Окинава не последовало возражений ни от одного государства; острова также не включались в список территорий, от которых Япония отказалась в соответствии с Сан-Францисским мирным договором [11].

При подписании японо-китайского Совместного коммюнике о нормализации отношений Китай не заявлял о правах на эти острова. Подписание же в 1978 г. Договора о мире и дружбе было отмечено инцидентом: китайцы организовали демонстрацию в районе Сенкаку. Дэн Сяопин в ходе пребывания в Токио заявил, что дебаты о принадлежности островов замораживаются: «Пусть всегда будет так, как сейчас. Япония может владеть островами 20–30 лет». Таким образом, механизм этой «мины замедленного действия» был запущен [10].

КНР обосновывает свое право на принадлежность островов Сенкаку следующим образом [5]:

1. Китайцы первыми открыли, дали название, обозначили на географических картах и заявили о принадлежности островов.
2. Острова относятся к провинции Тайвань, а не к архипелагу Рюкю.
3. Заявление Японии о владении островами является актом агрессии.
4. Острова были не бесхозными, а необитаемыми.
5. США специально оставили проблему островов в качестве «яблока раздора».
6. «Эффект времени» не отменяет объективного факта незаконности захвата Японией китайской территории.

Японская же сторона аргументировала право на владение островами следующим образом [6]:

1. С 1885 г. эксперты правительства Мэйдзи исследовали острова в рамках ответственности префектуры Окинава и, признав их необитаемыми, установили знаки, подтверждающие принадлежность Японии. По этой причине архипелаг не был включен в договор 1895 г., согласно которому Цинское правительство передавало Тайвань и Пэнхулидао.

2. В Сан-Францисском договоре (1951 г.) острова Сенкаку не назывались среди территорий, от которых отказывалась Япония, но были включены в Соглашение о возвращении Окинавы (1971 г.).

3. Китайское правительство не высказывалось о территориях, оказавшихся под опекой США, чем признавало, что острова Дяоюйдао не являются частью провинции Тайвань. Лишь после обнаружения на шельфе нефти (в 1970-х гг.) Китай поставил вопрос о суверенитете над островами.

4. Япония, придерживаясь международного принципа первообладания, заявила о своем праве на острова и осуществляла реальное управление. В 1996 г. японское правительство передало все четыре острова на 30 лет в аренду частному лицу.

5. Китай однажды уже признавал, что Сенкаку являются территорией Японии (в благодарственном письме консула Китая в г. Нагасаки за спасение китайских рыбаков от 20 мая 1920 г.).

Территориальный спор вокруг Сенкаку в середине 1990-х гг. стал подогреваться взаимным интересом к открытым в районе газонефтяным запасам. Особую остроту ситуации придавало введение Токио в 1996 г. 200-мильной особой экономической зоны вокруг Японии, что закрепляло её права на указанные острова. При относительной сдержанности официальных

властей КНР к этому событию на начальном этапе, реакция этнических китайцев в странах Юго-Восточной Азии была бурной: регулярно проходили антияпонские демонстрации в Гонконге, Макао, на Тайване, возникли организации «защитников Дяоюйдао», участники антияпонских акций обратились к Пекину с призывом продемонстрировать военную мощь. Китайское руководство тогда приняло решение о создании «оперативной группировки войск, специально предназначенной для направления в случае необходимости в район Дяоюйдао» [7].

К концу XX века и тайваньский вопрос, и территориальный спор о принадлежности островов Сенкаку не получили разрешения. Стало очевидным, что в намерения Пекина не входило ни резкое обострение отношений с Токио, ни их улучшение. Обе проблемы до сих пор не решены и напоминают о себе снова и снова.

Источники и литература:

1. Кистанов, В.О. Япония в АТР: анатомия экономических и политических отношений / В.О. Кистанов. – М. : Восточная литература, 1995. – 336 с.
2. Корсун, В.А. Внешняя политика Китая на пороге XXI века / В.А. Корсун. – М. : МГИМО, 2002. – 197 с.
3. Михеев, В.В. Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире / В.В. Михеев. – М. : ИМЭМО РАН, 2009. – 360 с.
4. Панов, А.Н. История внешней политики Японии 1868–2018 гг. / А.Н. Панов, К.О. Саркисов, Д.В. Стрельцов. – М. : Международные отношения, 2019. – 456 с.
5. Семин, А.В. Эволюция и проблемы японо-китайских отношений (1972–1992) : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / А.В. Семин ; Рос. акад. наук институт Дальнего Востока. – М., 1994. – 19 с.
6. Семин, А.В. Японо-китайские отношения : основные проблемы, аспекты и тенденции (1991–2007) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.15 / А.В. Семин ; Рос. акад. наук институт Дальнего Востока. – М., 2009. – 47 с.
7. Семин, А.В. Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX – начало XXI века) / А.В. Семин. – М. : Институт Дальнего Востока РАН, 2008. – 282 с.
8. Тайваньский вопрос [Электронный ресурс] // Сервер Китайского информационного Интернет-центра China.org.cn. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/169014.htm>. – Дата доступа: 11.04.2022.
9. Тайваньский вопрос и объединение Китая. Канцелярия по Тайваньским делам при Государственном совете КНР, август 1993 года [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceby/rus/zt/zgtw/t265038.htm>. – Дата доступа: 11.04.2022.
10. Япония: конец XX века. Последние тенденции и трансформации / Ю.Д. Денисов [и др.]. – М. : Институт Востоковедения РАН, 1996. – 266 с.
11. Ezra, F.V. China and Japan: Facing History / F.V. Ezra. – Cambridge : Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2019. – 536 p.
12. Gerald, L.C. Getting the Triangle Straight: Managing China-Japan-U.S. Relations / L.C. Gerald. – Tokyo : Japan Center for International Exchange, 2010. – 280 p.
13. Records of the Imperial Title-Conferring Envoys to Ryukyu (Shi Liu Qiu Lu) [Electronic resource] // China Internet Information Center server Diaoyu Dao.org.cn. – Mode of access: http://www.diaoyudao.org.cn/en/2015-01/25/content_34648851.htm. – Date of access: 10.04.2022.
14. Yutaka, K. Japan's Cold War Policy and China: Two Perceptions of Order, 1960–1972 (Politics in Asia) / K. Yutaka. – England : Routledge, 2019. – 306 p.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ООН ПО ПОЛОЖЕНИЮ ЖЕНЩИН (1998–2000 гг.)

В.М. Слепцова (Минск)

В 1946 г. Экономическим и Социальным Советом ООН была учреждена Комиссия по положению женщин для подготовки докладов и рекомендаций ЭКОСОС о состоянии положения женщин во всех сферах жизни. После состоявшейся в 1995 г. Пекинской конференции в деятельность Комиссии был включен контроль за исполнением Пекинской декларации и Платформы действий с предоставлением отчета на ежегодных сессиях.

В данной работе на документальной базе рассматривается деятельность Комиссии по положению женщин, созданной при ЭКОСОС для более эффективного обеспечения прав женщин и мужчин, расширения прав и возможностей женщин. Приведён обзор деятельности Комиссии по положению женщин в 1998–2000 гг. по реализации решений Пекинской декларации и Платформы действий (1995 г.), а также подчеркнута важность учета гендерной проблематики при разработке стратегий и программ международных организаций. Автор отмечает усилия Комиссии по приданию проблеме распространенности весомого значения и расширению программ, направленных на лечение и профилактику ВИЧ/СПИД. Объектом исследования является деятельность ООН. Предмет исследования – деятельность Комиссии по положению женщин в 1998–2000 гг. Цель исследования заключается в характеристике вклада Комиссии ООН по положению женщин в решение проблемы гендерного равенства.

Тысячи представителей гражданского общества из многих стран мира ежегодно посещают сессию Комиссии ООН по положению женщин. Ежегодно принимаются либо реформируются десятки национальных законов с целью усиления прав женщин, сотрудники персонала юридических служб проходят в ООН обучение по стандартам гендерного равенства, оказываются помощь правительствам при планировании и составлении бюджета на основе принципов гендерного равенства, измерении прогресса с включением гендерных показателей. Одной из важнейших задач является совершенствование гендерного анализа, сбор информации о развитии и инвестициях в сфере социальной защиты, общественных услуг и инфраструктуры.

На 42-й сессии (март 1998 г.) дискутировались следующие вопросы: «Насилие в отношении женщин», «Женщины и вооруженный конфликт», «Права женщин», «Девочки». Комиссия по положению женщин призвала мировое сообщество и страны в отдельности предпринять меры по защите женщин от насилия, прежде всего разработать национальные планы с ответными, а также превентивными мерами, и выступать с его осуждением. Насилию зачастую предшествует дискриминация по признаку пола, расы, этнической принадлежности, социального положения и многим другим факторам. Отмечалась необходимость установления взаимодействия на локальном и международном уровнях по борьбе с конкретными формами

насилия, в том числе через сотрудничество с Интерполом. В качестве отдельной задачи было поставлено изменение отношения к проблеме насилия. Начинать предлагалось с самого раннего возраста (внедрение в школьную программу дискуссий по разрешению конфликтов, пересмотр методики преподавания, проведение информационных уроков по гендерной проблематике). Правоохранительные органы призывались разработать меры по работе с насильниками, а также вести консультационную работу и стать безопасным местом для женщин-жертв [3].

Вследствие вооруженных конфликтов может страдать гражданское население, поэтому особым вниманием отмечен вопрос «Женщины и вооруженный конфликт». Национальным государствам предписывалось защищать женщин и детей в условиях эскалации конфликтов, проводить работу по недопустимости вербовки, эксплуатации или насилия женщин и обеспечить реализацию механизмов правовой защиты населения и привлечения к ответственности виновных, вне зависимости от их статуса. Отмечена необходимость систематизировать сведения о нарушениях прав женщин, разработать комплекс мер по предоставлению им доступа к базовым потребностям (медицинская, психологическую помощь, реабилитационные мероприятия). Участники форума подчеркнули важность учета женского взгляда на разработку политики послевоенного урегулирования [2].

Большой интерес вызвала дискуссия по обеспечению социально-экономических прав женщин. Профсоюзы, представители бизнеса, государственные организации призывались проводить информационную работу об их гарантированных и неотъемлемых правах. Национальные государства обязывались разработать нормативно-правовые механизмы защиты женщин от дискриминации, а также к 2000 г. присоединиться к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [4].

Тема «Девочки» рассматривалась отдельно, поскольку гарантирование прав ребенка является неотъемлемой составляющей прав человека. Государства обязаны соблюдать Конвенцию о правах ребенка (1989 г.) и способствовать прекращению торговли девочками, принимать во внимание Декларацию и Программу действий Всемирного конгресса по борьбе с коммерческой сексуальной эксплуатацией детей, осудивших все формы сексуальной эксплуатации, а также насилие. Отмечалось, что медицинские практики, наносящие урон женским органам, должны быть ликвидированы. На стадии взросления дети впитывают в себя существующие культурные нормы и традиции, поэтому признавалась важность работы по искоренению гендерных стереотипов в детском возрасте [1].

43-я сессия (март 1999 г.) приняла решения по вопросам «Женщины и здравоохранение» и «Институциональные механизмы». На протяжении всей жизни женщины должны иметь равный доступ к высококвалифицированному обслуживанию в медицинских учреждениях, чистой воде и санитарным условиям. Государства призваны стремиться к снижению детской смертности, а также смертности женщин во время родов, доступности достойного акушерского сопровождения. В школьные программы должны

быть внедрены вопросы сексуального образования, а также проводиться работа СМИ по информированию и снятию стигматизации с тем, связанных с женским здоровьем, в том числе по ВИЧ/СПИД. Правительства призывались разрабатывать профилактические программы по борьбе с потреблением наркотиков, алкоголя и курения, в том числе посредством маркировки изделий в контексте заболеваний, разделенных по гендерной проблематике. Женщины выполняют неоплачиваемую работу по содержанию домашнего хозяйства, заботе и уходу над близкими людьми. Отмечена важность проведения исследований о таких затратах времени женщин для разработки политики по облегчению бремени домашнего труда [5].

В 2000 г. праздновался пятилетний юбилей Пекинской Платформы действий, с этой целью была созвана специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН «Женщины в 2000 году: равенство между мужчинами и женщинами, развитие и мир в XXI веке». Были рассмотрены дальнейшие меры по реализации Платформы, однако принципиально новых решений по гендерной проблематике на ней принято не было.

Комиссия по положению женщин занимается содействием обеспечению прав женщин и мужчин, расширению прав и возможностей женщин, разработкой рекомендаций по защите прав женщин, мониторингом, обзором и оценкой достигнутого прогресса и проблем в ходе реализации Пекинской Декларации и Платформы действий, содействием учету гендерной проблематики при разработке стратегий и программ.

Таким образом, в исследуемый период Комиссия по положению женщин в качестве органа для подготовки докладов и рекомендаций ЭКОСОС, а также контрольного органа за реализацией Пекинской декларации и Платформы действий 1995 г. со своими функциями в основном справлялась, что подтверждает анализ работы 42–44-й сессий Комиссии. Сложностью в решении задач, направленных на достижение гендерного равенства, является низкая представленность женщин в структурах, имеющих полномочия для принятия решений, недостаточность финансирования, а также укрепившиеся в общественном сознании гендерные стереотипы. Однако очень важно, чтобы мировое сообщество уделяло внимание гендерной проблеме в рамках разных структурных подразделений ООН, а также сотрудничеству с общественными организациями и национальными органами власти.

Источники и литература:

1. Девочки / Согласованные выводы 42 сессии Комиссии по правам женщин (IV) // ООН. – 1998. – 7 с.
2. Женщины и вооруженный конфликт / Согласованные выводы 42 сессии Комиссии по правам женщин (II) // ООН. – 1998. – 6 с.
3. Насилие в отношении женщин / Согласованные выводы 42 сессии Комиссии по правам женщин (I) // ООН. – 1998. – 7 с.
4. Права человека женщин / Согласованные выводы 42 сессии Комиссии по правам женщин (III) // ООН. – 1998. – 6 с.
5. Согласованные выводы Комиссии по положению женщин в отношении основных проблемных областей, определенных в Пекинской платформе действий (E/1999/27) / Резолюция ЭКОСОС 1999/17 // ООН. – 1999. – С. 58–72.

ІНТАРЭСЫ РАСІЙСКОЙ ФЕДЭРАЦЫІ Ў ЛАЦІНААМЕРЫКАНСКІМ РЭГІЁНЕ (2000–2010 гг.)

С.Ф. Свілас, К.А. Місюкевіч (Мінск)

Прыход да ўлады левых сіл у пачатку новага стагоддзя радыкальна змяніў аблічча лацінаамерыканскіх краін на сусветнай арэне, абумовіў з'яўленне новых знешнепалітычных прыярытэтаў, якія заставаліся з большасцю дзяржаў Лацінскай Амерыкі да канца дзесяцігоддзя. У XXI ст. краіны Лацінскай Амерыкі ўступілі з імкненнем актывізаваць адносіны не толькі ўнутры рэгіёна, але і з краінамі на ўсіх кантынентах. Крокі, рэалізаваныя ў гэтым напрамку, сведчылі аб тым, што рэгіён імкнуўся стаць адным з важнейшых гульцоў новага, поліцэнтрычнага светапарадку [11, с. 55]. Новыя магчымасці супрацоўніцтва лацінаамерыканскія краіны бачылі ў развіцці адносін з Расійскай Федэрацыяй. У першым дзесяцігоддзі XXI ст. яе знешнепалітычны курс быў накіраваны на ўпарадкаванне сувязяў з найбольш уплывовымі і актыўнымі дзяржавамі, якія пакуль што знаходзяцца на стадыі развіцця. Вялікая колькасць такіх дзяржаў якраз сканцэнтравана ў Лацінскай Амерыцы. Новыя знешнепалітычныя прыярытэты, што ўзніклі ў выніку «левага павароту», заставаліся з большасцю дзяржаў Лацінскай Амерыкі да канца дзесяцігоддзя, калі ў рэгіёне назіралася масавая параза левых сіл на прэзідэнцкіх і парламенцкіх выбарах.

На пачатку 1990-х гг., пасля распаду СССР і выхаду на міжнародную арэну яго пераемніцы – Расійскай Федэрацыі, ва ўмовах яе канстытуцыйна замацаванага адыходу ад ідэалагізацыі знешняй палітыкі, супрацоўніцтва з рэгіёнам належным чынам не развівалася. Галоўны знешнепалітычны акцэнт таго часу быў зроблены на аднаўленне добрых адносін з заходнімі дзяржавамі, якія яшчэ зусім нядаўна лічыліся ідэалагічнымі ворагамі. Да гэтага часу савецкае кіраўніцтва інтэнсіўна развівала адносіны толькі з сацыялістычнай Кубай, нягледзячы на тое, што дыпламатычныя адносіны з іншымі дзяржавамі рэгіёна таксама былі ўсталяваныя. У паўднёвую частку рэгіёна, дзе знаходзяцца такія эканамічныя «гіганты» Лацінскай Амерыкі, як Аргенціна, Бразілія і Уругвай, першы афіцыйны візіт дэлегацыі СССР быў нанесены ўжо на сконе савецкіх часоў, падчас «перабудовы» ў 1987 г. [5, с. 7].

На заранку свайго існавання Расійская Федэрацыя здолела пабудаваць падмурак для далейшага супрацоўніцтва з краінамі Лацінскай Амерыкі, а пачалося гэта з фармавання дагаворна-прававой базы адносін [10, с. 42]. Вялікую ролю ў гэтым фармаванні адыграла асоба Яўгена Прымакова – расійскага міністра замежных спраў, які з'яўляўся прыхільнікам канцэпцыі поліцэнтрычнага светапарадку і лічыў, што «краіны трэцяга свету» павінныя стаць паўнапраўнымі актарамі міжнародных адносін. У яго канцэпцыю добра ўпісвалася і Лацінская Амерыка [6]. У канцы 1990-х гг. Я. Прымакоў наведаў з афіцыйным візітам 7 лацінаамерыканскіх краін – Аргенціну, Бразілію, Венесуэлу, Калумбію, Коста-Рыку, Кубу і Мексіку, у выніку чаго быў падпісаны шэраг дамоў аб супрацоўніцтве [1, с. 385]. Трэба браць да ўвагі і тое, што падзеі на

пачатку стагоддзя непасрэдна ў самой Лацінскай Амерыцы абумовілі зацікаўленасць краін рэгіёна супрацоўніцтвам з Расіяй і прымуслі ўзгадаць сяброўскія сувязі, гісторыя якіх налічвае больш за два стагоддзі [7]. Лацінаамерыканскія краіны падтрымалі дыялог на двухбаковым і шматбаковым узроўнях, што мела вялікае значэнне для паглыблення супрацоўніцтва Расіі з МЕРКАСУРАм – буйнейшым паўднёваамерыканскім эканамічным блокам, а таксама з Лацінаамерыканскай асацыяцыяй інтэграцыі і Андскай супольнасцю.

Пасля ўступлення на пост прэзідэнта Уладзіміра Пуціна ў 2000 г. знешняя палітыка Расіі ў лацінаамерыканскім рэгіёне яшчэ больш заўважна актывізавалася. Усяго толькі за першы год прэзідэнцтва Ул. Пуцін сустрэўся з лідарамі Венесуэлы і Мексікі (у рамках «Саміта тысячагоддзя» ААН), з прэзідэнтам Чылі Р. Лагасам на форуме АТЭС у Брунэі, а ў канцы года з афіцыйным візітам наведаў Кубу [6, с. 150].

У сакавіку 2003 г. Уладзімір Пуцін прыняў у Крамлі прадстаўнікоў групы Рыа, механізму палітычных кансультацый для пагаднення агульных лацінаамерыканскіх пазіцый, якая ў 1999 г. не проста асудзіла бамбардыроўкі Югаславіі, але і адзначыла канкрэтныя артыкулы Статута ААН, парушаныя краінамі НАТА. Ул. Пуцін падкрэсліў, што кантакты з групай Рыа трэба пашыраць, праводзячы больш сустрэчаў у Расіі [1, с. 385].

У 2000 г. была прынята Канцэпцыя знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі, якая вызначыла знешнепалітычныя асновы Расіі, ў тым ліку і да лацінаамерыканскага рэгіёна. Пасярод прыярытэтных накірункаў знешнепалітычнай стратэгіі Расіі ў Лацінскай Амерыцы былі адзначаныя заахвочванне экспарта расійскай навукаёмкай прамысловай прадукцыі, развіццё ваенна-тэхнічнага супрацоўніцтва і кааперацыі, пашырэнне ўзаемадзеяння ў міжнародных арганізацыях, а таксама рост палітычнага дыялога і эканамічнага супрацоўніцтва [2].

Задачы заахвочвання экспарта расійскай навукаёмкай прамысловай прадукцыі, гэтага асноўнага драйвера развіцця міжнароднага гандлю ў новым стагоддзі, адпавядае выхад на супрацоўніцтва ў высокатэхналагічных адгалінаваннях, што стала магчымым дзякуючы заключэнні міжурадавых пагадненняў аб навукова-тэхнічным супрацоўніцтве з Мексікай (1996), Бразіліяй і Аргенцінай (1997). Найбольш перспектыўныя сумесныя даследванні кранаюць такія сферы, як атамная энергетыка, даследванне космасу і ахова здароўя. Аднак, нягледзячы на наяўнасць розных пратаколаў, мемарандумаў і пагадненняў, на практыцы яны не паўплывалі на аб'ёмы паставак расійскай навукова-тэхнічнай прадукцыі ў краіны рэгіёна. У якасці прычын варта вылучыць агульную абмежаванасць расійскай інавацыйнай сістэмы і наяўнасць у Расіі канкурэнтных перавагаў толькі на асобных рынках. Таксама цяжкасцяў дадала і недастатковае фінансаванне навукі і тэхнікі ў непасрэдна лацінаамерыканскіх дзяржавах, што і тлумачыць нізкі попыт на расійскую навукаёмкую прадукцыю [9].

У развіцці з краінамі Лацінскай Амерыкі палітычнага дыялогу, ваенна-тэхнічнага супрацоўніцтва і кааперацыі Расійская Федэрацыя здолела дасягнуць значных поспехаў. Перш за ўсё, гэта было абумоўлена агульнымі

падыходамі да будаўніцтва новага светапарадку і агульным канкурэнтам – ЗША. Таму найбольш шчыльнага супрацоўніцтва ў гэтай сферы Расія дасягнула з Венесуэлай, якая сутыкнулася з аб’яўленнем эмбарга з боку ЗША на замену састарэлай венесуэльскай ваеннай тэхнікі амерыканскай вытворчасці. Венесуэла ажыццявіла маштабныя закупкі расійскай ваеннай тэхнікі: самалётаў, верталётаў, танкаў, стралковай зброі, а таксама проціпаветраных ракетных комплексаў [1, с. 387].

Ваенна-тэхнічнае супрацоўніцтва Расіі ажыццяўлася і з іншымі дзяржавамі рэгіёна, перадусім, з тымі, якія найбольш поўна адчулі на сябе ўплыў «левага павароту» і з’яўляліся аднадумцамі ў імкненні паслабіць пазіцыі ЗША у рэгіёне. Так, адным з буйнейшых пакупнікаў расійскай ваеннай тэхнікі пасля Венесуэлы апынулася Куба. У меншых маштабах тэхніку закупалі такія краіны, як Балівія, Бразілія, Калумбія і Эквадор [1, с. 388].

Агульныя пазіцыі Расіі і лацінаамерыканскіх краін па выбудоўванні новага, поліцэнтрычнага светаўпарадкавання знайшлі сваё адлюстраванне ў падтрымцы адзін аднаго ў дзейнасці міжнародных арганізацый. Лацінаамерыканскія краіны падтрымалі ўступленне Расіі ў Сусветную гандлёвую арганізацыю, а Расія выказвалася ў падтрымку кандыдатуры Бразіліі на месца пастаяннага члена Савета Бяспекі ААН [8, с. 354]. Варта адзначыць і тое, што як Расія, так і краіны Лацінскай Амерыкі дэкламавалі імкненне да ўмацавання цэнтральнай ролі ААН у свеце і актыўна адстойвалі прынцып неўмяшання ва ўнутраныя справы іншых дзяржаў, выступаючы ў міжнародных арганізацыях як процівага інтарэсам ЗША.

Наступны прыярытэтны накірунак знешняй палітыкі Расіі ў Лацінскай Амерыцы, а менавіта шчыльнае эканамічнае супрацоўніцтва, набыў ўстойлівы характар дзякуючы станоўчым зрухам у эканоміцы многіх краін рэгіёна, якія здолелі пераадолець цяжкія эканамічныя наступствы неаліберальных эксперыментаў. У цэлым, ажыццяўленні інтарэсаў на гэтым напрамку спрыяла і тое, што эканомікі Расіі і большасці краін рэгіёна, у цэлым, узаемадапапняльныя [3, с. 57]. Лацінаамерыканскі рэгіён і Расію збліжае і падабенства падыходаў да нормаў міжнароднага гандлю і рэфармавання сусветнай фінансавай сістэмы [4, с. 144].

Аднак казаць пра паўнаўтасную рэалізацыю эканамічных і гандлёвых магчымасцяў Расіі ў рэгіёне было б памылкова, бо для гэтага ў маладой дзяржавы меўся шэраг перашкодаў: геаграфічная аддаленасць, узаемнае недастатковае веданне магчымасцяў рынкаў, адсутнасць новых формаў гандлю, справавай ініцыятывы і эфектыўнага фінансавага механізму, згодна з якім магчыма праводзіць аперацыі. Таксама і асартымент расійскіх паставак у рэгіён быў даволі вузкім. Але меліся і станоўчыя тэндэнцыі, пасярод якіх – стварэнне сумесных прадпрыемстваў, звязаных з разведкай нафたвых месцазнаходжанняў (напрыклад, з Калумбіяй) і аўтамабільнай прамысловасцю (сумесная зборка аўтамабіляў ВАЗ з Калумбіяй, Эквадорам і Уругваем). Таксама ў рэгіёне дзейнічалі такія расійскія кампаніі, як «Лукойл», «Раснафта», «Газпрам» і «Альфа-Эка», што кажа аб інтарэсах да рэгіёна расійскага прыватнага капіталу [6, с. 151].

Такім чынам, на пачатку новага стагоддзя лацінаамерыканскі рэгіён апынуўся важнай складнай часткай ў структуры расійскіх знешнепалітычных сувязяў; адбылося станаўленне цэласнай сістэмы расійска-лацінаамерыканскіх адносін, усе кампаненты якой – ад стратэгічнага да гандлёва-эканамічнага – заўважна актывізаваліся. Пасярод расійскіх знешнепалітычных асноваў у адносінах да рэгіёна Лацінскай Амерыкі, якія выцякаюць з прынятай у 2000 г. Канцэпцыі знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі, найбольш паспяхова былі рэалізаваныя ваенна-тэхнічны напрамак і супрацоўніцтва ў рамках міжнародных арганізацый. Гэта кажа аб тым, што Расія разглядае супрацоўніцтва з краінамі Лацінскай Амерыкі, у першую чаргу, з пазіцыяй геапалітычнай выгады. Паспяховаму ажыццяўленню ў лацінаамерыканскім рэгіёне расійскіх інтарэсаў спрыяе як зніжэнне прысутнасці ў ім ЗША, так і супадзенне пазіцыяў Расіі і краін Лацінскай Амерыкі па ключавых пытаннях сусветнай палітыкі, якія сталі відавочнымі са зменамі знешнепалітычных курсаў.

Крыніцы і літаратура:

1. Внешняя политика России 1991–2016 : кол. монографія / Т.А. Шаклеина [и др.] ; отв. ред. Е.М. Кожокин, А.Л.Чечевишников ; под общ. ред. и с предисл. акад. А.В. Торкунова. – М. : МГИМО-Университет, 2017. – 538 с.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. [Электронный ресурс] // Гарант. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2560651/>. – Дата доступа: 08.03.2022.
3. Массарова, А.Р. Латинская Америка и Россия: эволюция взаимных внешнеэкономических интересов (1995–2011 гг.) / А.Р. Массарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2013. – №1. – С. 51–59.
4. Нуньес-Саранцева, Н.Н. Торгово-экономические отношения МЕРКОСУРа с внезональными партнёрами / Н.Н. Нуньес-Саранцева // Власть. – 2012. – № 8. – С. 141–145.
5. Пятаков, А.Н. Россия – Латинская Америка в XXI веке: трудности и противоречия сближения [Электронный ресурс] / А. Н. Пятаков // Russie.Nei.Visions. – 2020. – № 119. – Режим доступа: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pyatakov_russia_latina_america_ru_2020.pdf. – Дата доступа: 02.03.2022.
6. Сизоненко, А.И. Россия – Латинская Америка: новый этап отношений / А.И. Сизоненко // Россия и современный мир. – 2004. – № 1. – С. 148–152.
7. Сизоненко, А.И. Российско-латиноамериканские отношения: истоки и традиции [Электронный ресурс] / А.И. Сизоненко // Международная жизнь. – 2013. – № 4. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/850>. – Дата доступа: 14.03.2022.
8. Современные международные отношения : учебник / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина ; МГИМО (У) МИД России. – М. : Аспект-Пресс, 2012. – 688 с.
9. Школяр, Н.А. Россия – Латинская Америка: перспективы научно-технического сотрудничества [Электронный ресурс] / Н.А. Школяр // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-latinskaya-amerika-perspektivy-nauchno-tehnicheskogo-sotrudnichestva/>. – Дата доступа: 16.03.2022.
10. Щетинин, А.В. Латинская Америка – неизменно важное направление внешней политики России / А.В. Щетинин // Латинская Америка. – 2019. – № 7. – С. 40–47.
11. Яковлев, П.П. Геополитический разворот стран Латинской Америки / П.П. Яковлев // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 7. – С. 55–65.

ФЕНОМЕН «УСТАЛЫХ ДЕМОКРАТИЙ» КАК СОВРЕМЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

А.Н. Засыпкина (Санкт-Петербург)

Латинская Америка, на протяжении длительного времени представлявшая собой регион, на территории которого развивались различные виды авторитаризма, на рубеже XX–XXI вв. становится постепенно областью повсеместного распространения демократической модели развития. Однако несмотря на то, что демократический режим в странах Латинской Америки может быть охарактеризован формальными критериями, определяющими его: политическим плюрализмом, проведением выборов, наличием оппозиции – СМИ отмечается несоответствие реальной политической ситуации в ряде стран перечисленным характеристикам «латиноамериканской демократии» [8]. Спустя три десятилетия после активного распространения демократических идей в Латинской Америке всё чаще в экспертных мнениях как отечественных, так и зарубежных учёных-латиноамериканистов встречаются такие характеристики современных политических процессов региона, как «демократический спад», «эрозия демократии», «хрупкие демократии», «износ демократической системы», «метаморфозы демократии» и т. д. [14]. Эксперты всё чаще говорят о поколебленной вере латиноамериканского населения в демократическую форму правления [3], в условиях которой правительствам не удаётся разрешить актуальные социально-экономические проблемы, оградить общество от коррупции. На эту характерную для региона тенденцию указывает и испанский политолог, профессор Университета Саламанки, Мануэль Алькантара, называя её феноменом «усталых демократий». Данное явление находит своё отражение в кризисном состоянии представительных институтов власти, ослаблении роли политических партий, активизации протестного движения и вписывается в систему государств региона с характерной для них президентской формой правления [6]. При этом феномен «недовольства демократией» характерен не только для Латинской Америки: критическое отношение к демократии предстаёт глобальной тенденцией XXI в. [13], требующей осмысления и определяющей актуальность темы.

Целью данной работы является выявление ключевых проблем, с которыми сталкиваются страны Латинской Америки в обеспечении развития демократических режимов (иными словами, следуя риторике названия, – определение проявлений феномена «усталых демократий» в латиноамериканской политической действительности).

Для начала важно определиться с тем, что в работе понимается под демократией. Определяющими показателями или традиционными индикаторами данной формы правления предстают гарантия права участвовать в выборах и права быть избранным, наличие политической конкуренции, проведение свободных и справедливых выборов, свобода выражения мнений, наличие альтернативных источников информации, надёжность

институтов, устойчивость государственной политики и т.д. [9]. Однако рассматривать демократию только с позиции этих характеристик, на наш взгляд, недостаточно: требуется более расширенная концептуализация определения «демократия». Здесь нельзя не согласиться с идеей, предложенной ведущим научным сотрудником Института Латинской Америки РАН Л.В. Дьяковой о том, что «демократия сегодня является не только сложной системой ценностей, комплексом идейно-философских принципов и правил политической жизни, но и особым путём развития, завершением этапа политической модернизации, для успеха которого необходимо сочетание определенного уровня общественного благополучия (экономического, политического, социального) и определенного качества политической культуры» [1]. То есть в анализе демократии особенно важно оценивать показатели в социально-экономической сфере, уровень участия населения в политических процессах страны.

В вопросе особенностей политической культуры стран Латинской Америки нельзя не обратить внимания на президентский характер политических систем и на тенденцию к укреплению персоналистской власти, стремление ряда политических лидеров сохранить власть после окончания периода правления, установленного основным законом. Настрой на демократизацию иногда сменяется автократизацией – концентрацией власти в одних руках, сокращением демократических прав, а также активным использованием лидерами риторики популизма.

Что касается общественного благополучия, то и в данном вопросе остаются неразрешёнными проблемы, которые, в конечном счёте, приводят к раздробленности общества по социальным и экономическим признакам. Регион сталкивается с серьёзными экономическими проблемами медленного роста экономики, высокого значения государственного долга, недостаточного уровня предоставления общественных благ, слабо развитых систем социальной защиты и т.д. [16].

В целом, наблюдается разочарование населения в демократической форме правления. Данные организации по обзору общественного мнения *Latinobarómetro* подтверждают рост недоверия населения стран Латинской Америки к сложившимся в странах политическим институтам и к политическому режиму. В период с 2010 по 2018 гг. в регионе постепенно сокращались показатели по поддержке населением демократического режима с 61% до 48% в среднем по странам. Отметим, что данный показатель стал самым низким с 2001 г. Кроме того, прослеживается снижение уровня удовлетворенностью демократией в Латинской Америке, согласно данным проекта Университета Вандербильта по изучению общественного мнения в Латинской Америке (*Latin American Public Opinion Project, LAPOP*). На период 2018–2019 гг. он составлял 37,6% в сравнении с 58,4% в 2010 г.

Представленные данные о низком уровне поддержки демократии иллюстрируют тенденцию преобладания у населения сомнений в правильности и необходимости демократического режима в целом. Также они демонстрируют несогласие населения стран региона с проводимой властями политикой, неудовлетворённость результатами этой политики, в рамках которой власти

оказались неспособны разрешить насущные социально-экономические проблемы (бедности, безработицы, социального неравенства и общественной безопасности) [5]. «Усталые демократии» находят отражение в протестных движениях, атмосфере общественного недовольства и радикализации настроений части населения по отношению к представителям власти.

Проблема качества демократии выражается в снижении доверия латиноамериканского населения к политическим институтам, в особенности, к законодательным органам власти и политическим партиям. Уровень доверия к партиям, например, является самым низким в сравнении с другими государственными институтами и составляет всего 13%, по сравнению с церковью, уровень доверия к которой является наивысшим и равен 63% по состоянию на 2018 г. [10]. При этом уровень доверия к партиям относительно низкий во всех странах региона. Данные результаты опросов общественного мнения свидетельствуют об убеждённости латиноамериканцев в том, что политические институты не выражают их интересы, и о разочаровании общества в органах власти из-за их невозможности оправдать имеющиеся у населения ожидания.

В продолжение дискуссии о политических институтах важно отметить феномен трансформации традиционной роли политических партий [7]. На уровне политических систем партии сталкиваются с рядом трудностей: сокращением поддержки со стороны электората, снижением уровня доверия к партиям как к политическому институту, кризисом представительства в законодательных органах власти стран. Роль партий в системе серьёзно изменилась: в настоящее время они не представляют собой центральный элемент, необходимый для участия в политических процессах. Идея посредничества партии между электоратом и властью потеряла своё прежнее значение. С развитием информационно-коммуникационных технологий расширились возможности населения включения в политику: прежде всего, через активное использование социальных сетей, а также из-за активизации деятельности общественных организаций.

Кроме того, усиливается фрагментация партийных систем. В избирательном и политических процессах участвует всё большее число партий, между которыми зачастую избирателю трудно уловить разницу в транслируемых идеях и предлагаемых программах. Ввиду чего проявляется раздробленность парламентов, феномен разделённой власти («poder dividido») [11]. Подобная ситуация наиболее ярко наблюдается в Перу (в особенности после парламентских выборов 2020 г. и выборов 2021 г.), Бразилии, Эквадоре.

Нельзя не упомянуть о проявлении рассматриваемого явления «усталых демократий» через политическую апатию латиноамериканского населения, выраженную в низком уровне вовлеченности граждан в электоральные процессы. Это подтверждается низким уровнем доверия выборам, сократившимся в 2018–2019 гг. более чем на 40% в сравнении с показателем 2004 г.

Проблемами, определяющими уязвимость политических систем и демократической формы правления, становятся слабость государств в обеспечении безопасности населения, распространение насилия, высокий уровень распространения коррупции. Коррупционные скандалы, охватившие

практически весь регион, безусловно, оказывают влияние на общественное мнение. Высокий уровень обеспокоенности общества по вопросу коррупции подтверждает данную тенденцию. Согласно данным Latinobarómetro, в среднем по региону повысился процент опрошенных, убеждённых в том, что в их стране значительно увеличился уровень коррупции: 42,8% в 2018 г. против 36,6% в 2016 г. [12]. При этом, по мнению населения, больше в коррупционных действиях замешаны именно представители власти: члены парламентов, главы государств и служащие органов местного самоуправления [10].

Профессор МГИМО (У) Л.С. Окунева к числу негативных факторов, сказывающихся на качестве демократизации и её восприятию, также относит популизм и клиентелизм, политическое влияние наркокартелей, криминализацию общества, эрозию прежде устойчивых политических систем, поляризацию электората, а также слабое гражданское общество [2]. В продолжение её мнения важно подчеркнуть особую роль усиливающейся политической поляризации в развитии современных процессов региона [15]. Она проявляется в разделении политических групп на блоки, придерживающиеся разных взглядов на ситуации и варианты решения имеющихся проблем. При этом зачастую эти взгляды носят взаимоисключающий характер, придавая, при этом, изолированность участникам политического процесса друг от друга (отсутствие точек соприкосновения и возможностей для диалога), и в целом, служа для политических систем источником нестабильности и «институционального паралича».

К тому же, сложившиеся условия пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) также оказали влияние на политическую ситуацию в регионе в контексте «кризиса демократий». М. Алькантара считает, что необходимые меры предосторожности способствовали развитию характерной и ранее тенденции усиления авторитаризма в регионе [6]. Значительно усилились президентские полномочия в странах: именно за главами государств закрепилась ответственность за урегулирование ситуации. Усиление контроля со стороны государства, потребовавшееся для эффективности борьбы с распространением коронавируса, привело к большему злоупотреблению принципами демократии. Таким образом, феномен «усталых демократий» дополнился феноменом «изолированных демократий» [6], который оказывает влияние на развитие межгосударственных отношений в Латинской Америке. В условиях эпидемиологической ситуации, способствующей активизации ограничительных мер, в политической жизни стран становятся возможными активизация авторитаризма, перетягивание властных полномочий в сторону исполнительной власти, при этом значительно сокращаются механизмы взаимодействия представителей власти друг с другом и с обществом.

Также согласно исследованию ООН, в регионе, который пережил значительное число политических кризисов и протестов в 2019 г., усиление неравенства, маргинализации и дискриминации в контексте COVID-19 отрицательно повлияет на развитие демократии и, если не принимать мер, приведёт к гражданским беспорядкам. Социально-экономическое неравенство становится причиной увеличения рисков, связанных с вирусом, и подрыву мер

реагирования, а также порождает напряженность, которая обостряет политические конфликты и размывает легитимность демократических режимов [4].

При этом важно признать следующую особенность современных политических процессов. В этом вопросе стоит обратиться к мнению американского политолога Филиппа Шмиттера, который является исследователем демократических транзитов. Ф. Шмиттер утверждает, что серьезность текущего кризиса демократии заключается в том, что демократия стала перед целым рядом одновременных, а не последовательных вызовов. К числу этих вызовов относятся экономический кризис, кризис легитимности, трансформации массовой коммуникации [17]. Всё это вызывает политическую турбулентность и предоставляет развитие движению популизма. Кроме того, изменения в политической действительности носят не резкий, а длительный характер, и постепенно вызывают серьезные институциональные изменения в политических системах. Податливость демократических институтов Латинской Америки и их относительно «молодой» возраст подкрепляют мысли о высоком уровне неустойчивости политических систем и неуверенности развития в условиях традиционных и новых вызовов настоящего времени.

Таким образом, можно сделать вывод, что поддержка гражданами демократии в странах Латинской Америки на протяжении последнего десятилетия последовательно снижается. Это, в свою очередь, снижает легитимность самой демократии. В настоящее время страны региона сталкиваются с различными проявлениями кризиса представительной демократии. Разочарование в политических институтах и недоверие населения по отношению к ним – один из ключевых вызовов для современной латиноамериканской демократии. Негодование электората, вызванное глубоким социальным разделением общества, системным характером коррупции в органах власти, находит отражение и в снижении уровня поддержки демократии как формы организации власти. Неопределённость политического и социального будущего сказывается на отношении населения к политическим системам. Представителям органов государственной власти в странах необходимо направлять усилия для увеличения поддержки политических институтов, повышать транспарентность проводимой политики, в которой центральное место должно отводиться соблюдению прав человека и улучшению социально-экономического благосостояния населения.

Источники и литература:

1. Дьякова, Л.В. Эволюция демократии и формирование современной модели общественно-политического развития: опыт Чили : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Л.В. Дьякова ; ИЛА РАН. – М., 2018. – 575 л.
2. Окунева, Л.С. Латиноамериканский «левый дрейф» разворачивается вправо (некоторые штрихи к «портрету» «правого поворота») / Л.С. Окунева // Ибероамериканские тетради. – 2019. – № 4 (14). – С. 33–39.
3. Окунева, Л.С. Президентские выборы 2018 г. в Бразилии: буря и натиск / Л.С. Окунева // Латинская Америка. – 2018. – № 12. – С. 22–36.
4. Последствия COVID-19 для Латинской Америки и Карибского бассейна. Аналитическая записка. 2020 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Mode of access: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/the_impact_of_covid-19_on_lac_russian.pdf. – Date of access: 15.06.2021.

5. Чумакова, М.Л. Политические перемены и перспективы демократии в Латинской Америке / М.Л. Чумакова // Латинская Америка. – 2012. – № 3. – С. 5–20.
6. Alcántara, M. De democracias fatigadas a democracias en cuarentena [Electronic resource] / M. Alcántara // Latinoamérica21. – 20.05.2021. – Mode of access: <https://latinoamerica21.com/es/de-democracias-fatigadas-a-democracias-en-cuarentena/>. – Date of access: 01.06.2021.
7. Alcántara, M. Los partidos y la fatiga de la democracia, especial referencia al caso de América Latina [Electronic resource] / M. Alcántara // Semantic Scholar. – Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/c4cf/f27ad266ff4c0823e63687e14681a4f50acf.pdf>. – Date of access: 15.06.2021.
8. Barreda, A.R. Los factores que debilitan la democracia en varios países de Latinoamérica [Electronic resource] / A.R. Barreda // CNN. – 10.05.2021. – Mode of access: <https://cnnespanol.cnn.com/2021/05/10/paises-latinoamerica-gobiernos-democracia-debil-autocracia-orix/>. – Date of access: 15.05.2021.
9. Dahl, R. On Democracy: With a New Preface and Two New Chapters by Ian Shapiro Paperback / R. Dahl. – Yale University Press, 2015. – 272 p.
10. Informe Latinobarómetro 2018 [Electronic resource] // Latinobarometro. – Mode of access: https://www.latinobarometro.org/latdocs/INFORME_2018_LATINOBAROMETRO.pdf. – Date of access: 30.03.2021.
11. Iwanowski, Z.W. Poder dividido como causa de la turbulencia política / Z.W. Iwanowski // Iberoamérica. – 2017. – № 2. – P. 102–123.
12. Latinobarómetro. Aumento del nivel de corrupción en (País) desde el año pasado [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp>. – Date of access: 02.06.2021.
13. Luhrmann, A. Lindberg Staffan. A Third Wave of Autocratization is Here: What Is New about It? / A. Luhrmann // Democratization. – 2019. – Vol. 26, No. 4. – P. 1095–1113.
14. Malamud, A. ¿Se está muriendo la democracia? [Electronic resource] / A. Malamud // Nueva Sociedad. – 2019. – № 282. – Mode of access: <https://nuso.org/articulo/se-esta-muriendo-la-democracia/>. – Date of access: 25.05.2021.
15. Malamud, C. La democracia latinoamericana tras un año de pandemia [Electronic resource] / C. Malamud, R. Núñez // Real Instituto Elcano. – Mode of access: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/riecano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/america+latina/ari42-2021-malamud-nunez-democracia-latinoamericana-tras-un-ano-de-pandemia. – Date of access: 07.04.2021.
16. Preliminary Overview of the Economies of Latin America and the Caribbean [Electronic resource] // CEPAL. – 2019. – Mode of access: https://www.cepal.org/sites/default/files/presentation/files/191211_dde_ppt_bp_2019_final_ingles.pdf. – Date of access: 12.05.2021.
17. Schmitter, P.C. Crisis and transition, but not decline / P.C. Schmitter // Journal of Democracy. – 2019. – № 26 (1). – P. 32–44.

ТАЙВАНЬСКИЙ ФАКТОР В АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПЕРИОДА ПРЕЗИДЕНТСТВА Б. ОБАМЫ (2009–2017 гг.)

А.В. Беляева (Минск)

Китайская Республика (Тайвань) в настоящий момент имеет статус частично признанного государства. Официально ее признают 14 государств-членов ООН (из Африки и латинской Америки) и Ватикан.

США не относятся к данному перечню стран, однако имеют давние традиции отношений с Тайванем, о чем свидетельствует тот факт, что их сотрудничество строится на основе документа, принятого Конгрессом США в 1979 г. – «Закон об отношениях с Тайванем». В его преамбуле обозначены цели документа: «В целях поддержания мира, безопасности и стабильности в западной части Тихого океана и содействия внешней политике Соединенных Штатов

через продолжение коммерческих, культурных и других отношений между народом Соединенных Штатов и народом Тайваня, и для других целей» [5]. Однако американская сторона поддерживала и обороноспособность Китайской Республики, чтобы создавать противовес материковому Китаю.

С приходом к власти Б. Обамы после победы на президентских выборах 2008 г. во внешнеполитическом векторе США возросла роль Азиатско-Тихоокеанского региона. Глава государства заявил о желании построить конструктивные отношения с Китаем. Оно было подкреплено рядом практических действий. Прежде всего, это официальные визиты первых лиц в КНР: в феврале 2009 г. его совершила государственный секретарь Х. Клинтон, а в ноябре 2009 г. – сам Барак Обама. В ходе своего азиатского турне Х. Клинтон высказалась о развитии американско-китайских отношений: «Более того, новый госсекретарь сделала необычное заявление о том, что администрация не позволит смешивать вопросы, связанные с правами человека, Тайванем и Тибетом, с вопросами экономических отношений между США и Китаем» [1, с. 107]. Лидеры США и КНР после встречи выступили с заявлениями. В своей речи Б. Обама отдельно остановился на территориальном вопросе, подчеркнув приверженность США политике «одного Китая» [4].

Кроме того, можно отметить, что в Стратегии национальной безопасности США 2010 г. было отмечено: «Мы будем поощрять дальнейшее снижение напряженности между Китайской Народной Республикой и Тайванем» [3].

Совокупность этих действий показывает, что американская сторона стремилась к тому, чтобы использовать фактор сотрудничества с Тайванем для улучшения отношений с Китаем: «В это время первенствовало следующее мнение, высказанное профессором Дэвидом Лэмптоном в 2008 г.: “Желание китайского правительства быть лидером региона, так же как и его территориальные претензии и отношение к Тайваню, являются фундаментально разумными, а потому не представляют угрозы для США или мира”» [1, с. 107].

Однако желаемого результата серия этих мероприятий американского руководства не принесла: уже в 2010 г. в отношениях США и КНР наступает охлаждение. Оно повлекло за собой и обострение тайваньского вопроса. Китай в марте 2010 г. объявил, что Южно-Китайское море, равно как и Тайвань, входят в сферу его национальных интересов. Ответным действием США стало возобновление поставок оружия на остров: «Если говорить о периоде второго президентского срока Б. Обамы, то уже в 2010 г. Государственный департамент США заявил о решении позволить американским компаниям осуществить поставки на Тайвань вооружений, в частности средств противовоздушной обороны, на общую сумму в 100 млн долл. В 2011 г. администрация Б. Обамы уведомила Конгресс о продаже оружия на общую сумму уже в 5,85 млрд долл., включая радары, запчасти для самолетов и т.д. В 2014 г. был принят Акт о подтверждении отношений с Тайванем. В 2015 г. была обнародована сделка по продаже оружия на 1,83 млрд долл., включая продажу двух выведенных из эксплуатации фрегатов ВМС США, противотанковых ракет, десантных амфибий и ракет класса «воздух-воздух» FIM-92 Stinger10. Всего, по данным на 2016 г., США с 2009 г. продали Тайваню оружия на сумму около 14 млрд долл. (больше, чем за предыдущие аналогичные периоды)» [2, с. 7].

Такая активизация поставок согласовывалась с той линией поведения США, которая одобрялась правящими кругами страны: «Современные военные связи США с Тайванем поддерживаются и республиканской, и демократической администрациями, а также в основном одобряются американскими органами власти, политиками и военными. Если кто-либо высказывается против развития связей с КР (а такие голоса в США есть, и их число увеличилось), наблюдатели сразу делают вывод о слабости политики США и попадании Вашингтона под влияние КНР» [2, с. 10].

Реакцией Китая стала угроза от министерства иностранных дел наложить экономические санкции на компании, которые занимаются продажей оружия: «Пекин расценивает такую ситуацию как вмешательство в свои внутренние дела и регулярно выражает США недовольство, однако при этом обе стороны демонстрируют поразительную способность откладывать год за годом и десятилетие за десятилетием тайваньский вопрос, отдавая приоритет взаимовыгодному развитию американско-китайских экономических связей, несмотря на отдельные инциденты и эксцессы» [2, с. 10].

Таким образом, тайваньский вопрос является одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на развитие американско-китайских отношений. Период президентства Б. Обамы (2009–2017 гг.) наглядно показывает, как администрация может использовать его в зависимости от той ситуации, которая складывается в отношениях США и КНР в тот или иной момент времени. Когда американская сторона стремилась к потеплению, то стремилась обходить тайваньскую проблематику, когда же в отношениях с КНР наметилось похолодание, то США активизировали свои поставки вооружений на остров, вызвав этим действием недовольство китайской стороны. Важно также отметить тот факт, что налаженное сотрудничество США и Тайваня, в том числе и поставки оружия, не являются причиной, которая бы оказывала серьезное влияние на развитие экономических связей между двумя государствами.

Источники и литература:

1. Бычкова, Т.А. Китайская политика администрации Барака Обамы в 2009–2012 гг. / Т. А. Бычкова // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 388. – С. 106–113.
2. Муратшина, К.Г. США–Тайвань: особенности военных связей с непризнанным государством и реакция КНР / К.Г. Муратшина, Е.В. Романова // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2018. – № 3. – С. 5–14.
3. National Security Strategy, May 2010 [Electronic resource] // The White House. President Barak Obama. – Mode of access: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf. – Date of access: 06.04.2022.
4. Press Statement by President Obama and President Hu of China. November 17, 2009 [Electronic resource] // The White House. President Barak Obama. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/joint-press-statement-president-obama-and-president-hu-china>. – Date of access: 06.04.2022.
5. Taiwan Relations Act (Public Law 96-8, 22 U.S.C. 3301 et seq.) January 1, 1979 [Electronic resource] // American Institute in Taiwan. – Mode of access: <https://www.ait.org.tw/our-relationship/policy-history/key-u-s-foreign-policy-documents-region/taiwan-relations-act/>. – Date of access: 06.04.2022.

РАСШИРЕНИЕ НАТО НА ВОСТОК В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ. И ПОЗИЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е.П. Шрамук (Витебск)

В конце XX в. НАТО расширило классическую зону ответственности путем принятия новой Стратегической концепции и официально, с поддержки сильнейшего государства того времени, санкционировало свои действия на все геополитическое пространство. Эти процессы начиная со второй половины 1990-х гг. в самом НАТО называют «глобализацией структур евроатлантической безопасности» [1, с. 69].

Однако, как отмечал Генеральный секретарь НАТО в 2004–2009 гг. Яап де Хооп Схеффер, существенно концептуальные основы деятельности альянса не изменились. По его словам, «НАТО продолжает функционировать как бы в эпоху «холодной войны»: определение общей угрозы и подготовка к противодействию ей общими усилиями» [6, с. 53]. Но им же и отмечалось, что после крушения биполярной системы началось строительство новой системы международных отношений, а она требует от Альянса новых подходов. Одна из основных проблем новой системы, касающаяся непосредственно деятельности Альянса, является, по сути, коллизией и закреплена в Уставе ООН. Это принципы территориальной целостности государств и право народов на самоопределение. Альянс декларирует своей целью поддержание мира и стабильности в регионе, а желание национальных меньшинств отделиться от какого-либо государства является одной из угроз, противодействовать которым НАТО и призвано. Попытки Альянса вмешаться в дела других государств могут вызвать прямо противоположный положительному эффект. Это можно видеть на примере действий НАТО в Югославии и Ираке [6, с. 55].

Однако, вопреки распространенному в постсоветских странах мнению, НАТО не спешило принимать к себе всех желающих. После распада социалистического лагеря Альянс и вся Европа столкнулись с желанием молодых республик, только начавших развивать у себя демократический строй, присоединиться к Европейскому союзу и Североатлантическому блоку. Первоначально все эти страны получали вежливый отказ, так как формальное наличие демократии не является причиной для вступления в Альянс. Во-первых, эти страны не нуждались в военной защите, так как им банально никто не угрожал, а во-вторых, они для начала должны были достичь более высокого уровня социально-экономического развития, чтобы не находиться на полном содержании ведущих европейских стран.

В связи с отказом во вступлении в начале 1990-х гг. в Альянс пришло осознание того, что военный критерий присоединения устарел ввиду отсутствия какой-либо угрозы. И тогда, в 1995 г., в условия вступления в блок было официально добавлено понятие «демократии» в стране, желающей присоединиться к европейским объединениям. Эта мера позволила Европе получить несколько лет передышки от принятия и содержания новых

членов. К тому же, она способствовала развитию демократических институтов в Восточной Европе и более легкому их превращению в опору западных ценностей и политики [3, с. 22]. При всем вышеперечисленном США, как ведущая сила Альянса, были недовольны внутренними спорами и неспособностью блока оперативно решать возникающие конфликты в Европе. Поэтому в сочетании с внутренней реорганизацией «восточноевропейская кровь» была призвана «омолодить» Альянс [3, с. 24].

К концу 1990-х гг. Североатлантический альянс приступил к осуществлению важной задачи для достижения господства в Европе. В 1997 г. произошло новое расширение блока в восточном направлении. 16 декабря на заседании Совета были подписаны три протокола о присоединении к НАТО Чешской Республики [9], Венгерской Республики [10] и Республики Польша [11]. Протоколы представляли собой типовые документы, согласно которым каждая из этих стран получит приглашение присоединиться к союзу. Протоколы должны были вступить в силу после того, как каждая из сторон Североатлантического договора уведомит Соединенные Штаты об их принятии. Это еще раз доказывает, что США стали играть в НАТО лидирующую роль, как и то, что все оригиналы документов хранятся в Архиве правительства США. Процесс оформления членства в Альянсе затянулся почти на два года, и только в январе 1999 г. официальные приглашения вступить в НАТО были получены правительствами трех государств [7, с. 16]. Эти процессы принято считать четвертым крупным расширением НАТО в Европе.

Следует отметить, что на дальнейшую политику расширения повлияли два события. Первым был Косовский конфликт 1998–1999 гг. Он выявил давние противоречия на Балканах и привел к военному вторжению в Югославию в марте – июне 1999 г. Это показало необходимость восстановить баланс сил в регионе, нарушенный в результате расширения на южные территории. Вторым событием стал теракт 11 сентября 2001 г. Он выявил явную угрозу трансатлантического терроризма и нестандартные способы ведения войны, способные создать угрозу мирового масштаба. Поэтому к требованию иметь демократический строй для вступления в блок добавилась достаточная боеспособность нового члена для борьбы с террористической угрозой [3, с. 27].

Стратегически важным для НАТО и пока еще не находящимся в сфере его влияния был регион Прибалтики. Его включение в Альянс могло иметь двойные последствия, что, в целом, и случилось. С одной стороны, контроль над этой территорией позволял расширить военно-морское оснащение и окружить одну из сильнейших российских военных баз в Европе – Калининградскую область. С другой, именно это и могло стать причиной кризиса и возможного конфликта, ведь в этом случае Калининград подвергался явной опасности, находясь в окружении потенциального противника. К тому же, в этом случае Альянс подходил непосредственно к границам с Россией, что позволялось в случае военного конфликта сократить подлетное время для нанесения авиаударов по Москве до 5–30 минут [4, с. 2]. Однако включение стран Прибалтийского региона в НАТО произошло.

Крупнейшее за историю существования Североатлантического Альянса расширение произошло в 2003–2004 гг., когда к нему были присоединены сразу семь государств Южной Европы и Прибалтики. 26 марта 2003 г. были подписаны сразу семь типовых протоколов о вступлении в Альянс Болгарии, Румынии, Словакии, Словении, Литвы, Латвии и Эстонии [12–16]. Принятие этих республик в военно-политический блок повлекло за собой ряд проблемных моментов.

Самая первая проблема, по мнению политолога А. Андреевко, состояла в том, что ни одно из этих государств не имело с Россией и соседями договоренностей по поводу безопасной границы [2, с. 128]. То есть, по справедливости, ни одно из государств Балтийского региона не могло присоединиться к Альянсу, так как не могло дать гарантий безопасности для Российской Федерации. Вступление в НАТО стран Прибалтики стало наиболее важным событием в том числе и для российских территорий, так как военные структуры оказались в непосредственной близости от границ государства.

Фактическую интеграцию с Западной Европой прибалтийские республики начали еще в 1994 г., когда со стороны европейских структур им начала оказываться существенная финансовая помощь. К тому же, Прибалтика была включена в программу «Партнерство ради мира» и принимала активное участие во всех ее мероприятиях. Тогда же был создан так называемый балтийский батальон, целью которого было проведение учений в рамках повышения взаимодействия стран Балтии и подготовка к участию в международных миссиях. Представители НАТО проводили частые встречи с главами прибалтийских республик, а странами-членами Альянса, – в частности Данией и Германией, – была налажена поставка вооружений. На момент вступления в блок ни одна из республик не принимала участия в договорах по ограничению размещения войск, что создавало дополнительную угрозу как для России, так и непосредственно для Беларуси, у границ которой отныне мог разместиться мощный воинский контингент [2, с. 129]. Потенциальная угроза для Беларуси стала наиболее явной после заявления министра обороны Латвии Г-В. Кристовскиса в 2003 г. о том, что «вероятный противник находится на востоке». По его словам, в Беларуси существует последний в Европе тоталитарный режим, который может представлять угрозу для европейской демократии [2, с. 132]. По мнению политолога, расширение НАТО на страны Прибалтики – явная угроза для Беларуси и евразийской безопасности в целом.

Однако, несмотря на политическую конфронтацию, военное руководство Прибалтийских республик, очевидно, считало, что после вступления в НАТО прямой угрозы для региона нет. Об этом говорят низкие темпы наращивания военного потенциала этих стран. Так, даже на момент 2012 г. численность национальных вооруженных сил всех трёх республик в целом не превышала 30 тыс. человек, а тяжелое вооружение, большинство которого было представлено еще советскими боевыми единицами, было представлено 3 танками и 13 бронемашинами в Латвии, 90 бронетранспортерами

и 3 самолетами в Эстонии, 220 бронемашинами и 11 транспортными самолетами в Литве [5, с. 65].

Позиция Республики Беларусь по поводу очередного расширения осталась неизменной. Появление военных баз в непосредственной близости от границ республики являлось прямой угрозой национальной безопасности, что неоднократно подчеркивалось официальным Минском.

Весной 2008 г. на саммите в Румынии вступить в Альянс было предложено Хорватии и Албании. Явную перспективу полноправного членства получили Грузия и Украина. Однако данная инициатива, исходившая от США, была оспорена ведущими членами Альянса, в частности, Германией и Францией. Последняя вернулась в командование блока спустя год на восстановленных правах полноправного члена. На саммите НАТО в Германии весной 2009 г. было заявлено об очередном укрупнении Альянса, а также объявлено о новых потенциальных членах – Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговине. Шестое расширение Альянса состоялось на этом же саммите, 1 апреля 2009 г., с присоединением Албании и Хорватии [17; 18]. Продвижение блока на Балканы было объяснено «поддержанием мира и безопасности в Косово» [3, с. 30]. Вместе с тем, напрашивались явные тенденции к потеплению отношений с Россией. Альянсом снова было предложено сотрудничество.

Седьмое и восьмое расширение НАТО состоялось с дальнейшим продвижением Альянса на Балканы, о котором было заявлено еще на саммите в Страсбурге в апреле 2009 г. 19 мая 2016 г. был подписан протокол о присоединении Черногории [8], 6 февраля 2019 г. – о присоединении Северной Македонии [19]. Это было последнее расширение Альянса в современной истории, однако от перспектив вступления Украины и Грузии в НАТО никто тогда не отказывался, что вызывало беспокойство у руководства Российской Федерации.

Официальная позиция Республики Беларусь по вопросу расширения НАТО на Восток оставалась неизменной. Представители республики на международной арене неоднократно подчеркивали отсутствие необходимости в дальнейшем продвижении НАТО и даже называли его исторической ошибкой. Приближение Альянса непосредственно к границам Беларуси создавало угрозу нарушения баланса сил в регионе, а следовательно – угрозу безопасного и стабильного развития. В этом вопросе Беларусь была солидарна с позицией Российской Федерации.

С другой стороны, несмотря на негативную оценку действий Альянса, Беларусь не прекратила сотрудничества в рамках некоторых проектов. Причиной этого можно назвать неспособность республики повлиять на процессы расширения блока. В этих условиях оптимальным решением остается сохранение диалога и ограниченного взаимодействия с целью мониторинга ситуации в регионе потенциальной угрозы, что и соблюдалось до недавнего времени.

Источники и литература:

1. Алиев, В.Р. Расширение НАТО на Восток в контексте геополитической ситуации на постсоветском пространстве / В.Р. Алиев // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2009. – № 5. – С. 67–73.

2. Андреевко, А. НАТО у ворот / А. Андреевко // Беларуская думка. – 2004. – № 8. – С. 128–134.
3. Беблер, А. Как далеко пойдет расширение НАТО? / А. Беблер // Актуальные проблемы Европы. – 2010. – № 3. – С. 14–34.
4. Войников, В. Роль стран Балтии в отношениях России–НАТО [Электронный ресурс] / В. Войников // Российский совет по международным делам. – 2012. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-stran-baltii-v-otnosheniyakh-rossii-nato/>. – Дата доступа: 23.03.2022.
5. Моисеев И. Прибалтийский вектор: угрозы или возможности? / И. Моисеев // Буларуская думка. – 2014. – № 8. – С. 64–67.
6. Челядинский А.А. Формирование новой системы международных отношений и политики НАТО / А.А. Челядинский // НАТО: вызовы настоящего и будущего : материалы международного семинара, Минск, 10 дек. 2009 г. / редкол.: А. В. Русакович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Тесей, 2010. – С. 53–55.
7. Щербакова, Ю. Чешские политики и граждане о членстве страны в НАТО / Ю. Щербакова // Европейская безопасность. – 2019. – № 54(70). – С. 16–19.
8. Protocol to the North Atlantic Treaty on the Accession of Montenegro [Electronic resource] // The North Atlantic Treaty Organization website. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_145230.htm?. – Date of access: 15.03.22.
9. Protocol to the North Atlantic Treaty on the Accession of the Czech Republic from 16.12.1997 [Electronic resource] // The North Atlantic Treaty Organization website. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25432.htm. – Date of access: 14.03.2022.
10. Protocol to the North Atlantic Treaty on the Accession of the Republic of Hungary from 16.12.1997 [Electronic resource] // The North Atlantic Treaty Organization website. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25433.htm. – Date of access: 14.03.2022.
11. Protocol to the North Atlantic Treaty on the Accession of the Republic of Poland from 16.12.1997 [Electronic resource] // The North Atlantic Treaty Organization website. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25434.htm. – Date of access: 14.03.2022.
12. Protocol to the North Atlantic Treaty on the accession of the Republic of Slovenia [Electronic resource] // The North Atlantic Treaty Organization website. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_20315.htm?. – Date of access: 14.03.22.
13. Protocol to the North Atlantic Treaty on the Accession of the Republic of Bulgaria [Electronic resource] // The North Atlantic Treaty Organization website. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_20321.htm?. – Date of access: 14.03.22.
14. Protocol to the North Atlantic Treaty on the Accession of the Republic of Estonia [Electronic resource] // The North Atlantic Treaty Organization website. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_20320.htm?. – Date of access: 14.03.22.
15. Protocol to the North Atlantic Treaty on the accession of the Republic of Latvia [Electronic resource] // The North Atlantic Treaty Organization website. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_20319.htm?. – Date of access: 14.03.22.
16. Protocol to the North Atlantic Treaty on the accession of the Republic of Lithuania [Electronic resource] // The North Atlantic Treaty Organization website. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_20318.htm?. – Date of access: 14.03.22.
17. Protocol to the North Atlantic Treaty on the Accession of the Republic of Albania [Electronic resource] // The North Atlantic Treaty Organization website. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_61474.htm?. – Date of access: 15.03.22.
18. Protocol to the North Atlantic Treaty on the Accession of the Republic of Croatia [Electronic resource] // The North Atlantic Treaty Organization website. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_61472.htm?. – Date of access: 15.03.22.
19. Protocol to the North Atlantic Treaty on the Accession of the Republic of North Macedonia [Electronic resource] // The North Atlantic Treaty Organization website. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_192209.htm?. – Date of access: 15.03.22.

«ЯДЕРНОЕ УЧАСТИЕ» ФРГ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Т.Г. Хришкевич (Псков)

В современном мире, несмотря на тектонические сдвиги в миропорядке и возникновение новых форматов международного взаимодействия, по-прежнему сохраняются конвенциональные формы силового воздействия государств друг на друга. Меняются виды вооружения, модернизируются стратегии, но мышление по-прежнему сохраняет стереотипы, выводя угрозы глобальной войны на новый уровень.

ФРГ добровольно отказалась от производства всех основных видов оружия массового поражения, а также владения и распоряжения ими в 1990 г. В статье 3 Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии подчеркивается: «Правительства Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии подтверждают свой отказ от производства, владения и распоряжения ядерным, биологическим и химическим оружием» [1]. В тоже время ФРГ интегрирована в политику ядерного сдерживания НАТО через так называемое «ядерное участие». В годы холодной войны во время конфликта между Востоком и Западом, Германия играла привилегированную роль в ядерном планировании НАТО по сравнению с другими государствами, не обладающими ядерным оружием. К началу XXI в. концепция «ядерного участия» предусматривает, что на территории ФРГ находится ядерное оружие США, так как собственного ядерного оружия у бундесвера нет. В настоящее время США хранят ядерные боеприпасы на военной базе под Бухелем в Рейнланд-Пфальце. Концепцию ядерного участия ФРГ отличает убежденность, что ядерное оружие – это, прежде всего, «политическое оружие» [7, s. 6]. После распада блока ОВД и объединения Германии федеральное правительство в своем заявлении 1995 г. отметило, что его основная цель политическая, как инструмента предотвращения военных действий.

В начале XXI в. тема ядерного сдерживания неоднократно фиксировалась в программных документах германского правительства, но всегда в связи с вопросами разоружения и партнерства с НАТО. Например, в 2016 г. в Белой книге о политике безопасности и будущем бундесвера говорится: «Пока ядерное оружие может быть средством военного конфликта, существует необходимость продолжать ядерное сдерживание». Стратегический ядерный потенциал альянса, особенно США, для ФРГ является высшей гарантией безопасности, так как НАТО по-прежнему ядерный альянс. Благодаря ядерному участию Германия продолжает существовать в ядерной политике и связанных с ней планах, что «идет рука об руку с приверженностью Германии цели создания условий для мира, свободного от ядерного оружия» [10, s. 65].

Министр иностранных дел Германии Хайко Маас неоднократно подтверждал приверженность Берлина своим обязательствам в рамках стратегической концепции НАТО. Так в августе 2018 г. он привал к альянсу мультилатералистов, подчеркнув, что немцы не могут быть заинтересованы в «блуждании

миропорядка» в свободной игре сил с меняющимися альянсами, в которой сильнейшие диктуют правила. Задача Германии противостоять этому, насколько возможно, найдя все необходимые инструменты, одним из которых является трансатлантическое партнерство: «мы инвестируем в это партнерство и часто лично извлекаем из него выгоду». По словам Х. Мааса, «Америка для нас не просто какой-то партнер, а наш самый близкий партнер за пределами Европы. И я также совершенно сознательно добавляю: мы должны и хотим сделать все возможное, чтобы это оставалось таковым» [6]. В отношении ядерного участия Х. Маас высказался за сохранение ядерного оружия в ФРГ. В своей речи в 2020 г. он отметил, что вопрос не только в собственной защите, но и в том, чтобы взять на себя обеспечение безопасности, например, применительно к государствам Восточной Европы. Поэтому он не считает возможным отказаться от американских ракет [3].

В январе 2017 г. в ФРГ вспыхнула неоднозначная дискуссия о том, должна ли Федеративная Республика Германия, которая в отличие от Великобритании и Франции не имеет ядерного оружия, рассматривать возможность превращения в ядерную державу по соображениям безопасности и обороны. Заметным фактором возникновения дебатов стал президент США Д. Трамп и отсутствие полной ясности по вопросам будущей европейской безопасности. Он с самого начала демонстрировал негативный настрой в отношении любых европейских оборонных инициатив, которые появляются вне НАТО, несмотря на то, что их сторонники вовсе не ставили под сомнение прерогативы альянса по коллективной обороне [2].

Дискуссию инициировал политолог и эксперт по стратегии Максимилиан Терхалле. В январе 2017 г. он опубликовал статью в берлинском *Der Tagesspiegel*, где потребовал: «Германии нужно ядерное оружие» [8]. По его словам, ахиллесова пята немецкой политики безопасности стала видна, когда канцлер А. Меркель и президент Франции Ф. Олланд объявили о необходимости продления санкций против России. Однако их эффективность с 2013 г. зависела от военной поддержки США. Критерием сохранения ядерного оружия Терхалле назвал колебание курса Д. Трампа. Если США отойдет от курса обычного и ядерного сдерживания России, ответ на потерю стратегической защиты национальной безопасности должен быть следующим: Германии нужно ядерное оружие.

Начало нового раунда в дискуссии о статусе ядерного арсенала в ФРГ связано с заявлениями главы фракции СДПГ Рольфа Мютцениха. В мае 2020 г. он потребовал полного вывода арсенала США с территории ФРГ. «Ядерное оружие не укрепляет нашу безопасность, а наоборот», – заявил политик в интервью газете *Der Tagesspiegel* и потребовал вывода из Германии около 20 ядерных боеголовок США (водородные бомбы типа B61). Своё требование Мютцених так же объяснил непредсказуемостью политики занимавшего на тот момент пост президента Д. Трампа [4].

Ядерное участие ФРГ состоит из двух основных элементов: технического и политического. В основе технического лежит обеспечение европейских систем доставки для использования ядерного оружия в случае войны

и хранилищ для ядерного оружия США. Политическое сдерживание включает участие в органах НАТО, в которых происходит обмен информацией, обсуждаются планы на будущее и принимаются решения по ядерным вопросам, например, в группе ядерного планирования в штаб-квартире НАТО в Брюсселе, но также и в тех частях, которые имеют отношение к ядерным вопросам. Кроме того, это позиционирование Германии как государства, заинтересованного в нераспространении ядерного оружия.

Технический уровень обусловлен тем, что на протяжении десятилетий Федеративная Республика Германия предоставляла боевые самолеты в качестве системы доставки ядерного оружия США для участия в ядерной программе НАТО. В период с 1981 по 1992 гг. бундесвер закупил в общей сложности 357 истребителей-бомбардировщиков Panavia 200 Торнадо на сумму около 30 миллиардов немецких марок. Впоследствии были закуплены еще 35 самолетов типа ECR (Electronic Combat Reconnaissance) со специальным снаряжением для разведки и борьбы с противовоздушной обороной противника. После окончания холодной войны и объединения Германии три эскадрильи ВВС (Мемминген, Нёрвених и Бюхель) сохранили свою ядерную задачу. В 2008 г. федеральное правительство ответило на запрос зеленых: «Бундесвер планирует оставить систему вооружения торнадо на вооружении как минимум до 2020 г.». К 2015 г. парк бундесвера был сокращен до 93 самолетов. В настоящее время, по различным оценкам, до 20 американских ядерных боеголовок, находятся на авиабазе в Рейнланд-Пфальце. В 2021 г., согласно сайту бундесвера в составе 3-й тактической эскадрильи ВВС в Бюхеле находятся 46 Торнадо, способных нести ядерный заряд [11]. В 2020 г. пришло понимание, что имеющиеся ядерные бомбардировщики-истребители уже не соответствуют текущим условиям. Они не в состоянии противостоять современным системам ПВО. Так появились планы замены его новой моделью, B61-12, которая разработана как управляемое оружие и поэтому должна более точно нацеливаться и лучше использоваться в военных целях. В 2020 г. Министерство обороны ФРГ заявило, что Торнадо останутся на вооружении до конца 2030 г., но для этого необходимы обширные работы над конструкцией самолета [5].

Политический компонент ядерного участия в большей степени связан с поддержанием роли ФРГ как государства, заинтересованного в укреплении международного порядка и участии в мероприятиях, пропагандирующих контроль над вооружениями. Позиция ФРГ по этому вопросу ясно прослеживается благодаря Отчетам федерального правительства по контролю за вооружениями, публикуемыми с 2013 г. Например, отчет за 2017 г. подчеркивает, что Германия жизненно заинтересована в сохранении и соблюдении Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД) и федеральное правительство вместе со своими союзниками по НАТО использовало все доступные каналы для сохранения и соблюдения ДРСМД договаривающимися сторонами. В настоящее время ФРГ осуществляет три этапа по контролю за разоружением. Первый этап (2015–2017 гг.) – разработка теоретических подходов к проблеме ядерного разоружения; второй этап

(2018–2019 гг.) – практическое испытание методов и процедур проверки ядерного разоружения; третий этап (2020–2025 гг.) – конкретные сценарии, в ходе которых «Группа правительственных экспертов», с участием немецких экспертов проведет работу по проверке ядерного разоружения.

С 2015 г. федеральное правительство координирует «Инициативу в области нераспространения и разоружения», которая направлена на укрепление и улучшение выполнения Договора о нераспространении ядерного оружия [9, s. 29.]. В 2019 г. стало ясно: контроль над вооружениями не избавляет от эрозии международного порядка. События 2020 г. в Афганистане показали кризис доверия в НАТО и тенденцию к снижению международного участия в ходе принятия решений. В этом свете призыв Х. Мааса к альянсу мультилатералистов позиционируется в Германии как важный вклад в сохранение и дальнейшее развитие мирового порядка и международного сотрудничества, основанного на правилах.

Сегодня ядерное оружие в ФРГ по-прежнему позиционируется как основа коллективной безопасности. Ядерное оружие действует как сдерживающее не своим простым существованием, а потому, что потенциальный противник должен ожидать его применения. Применение ядерного оружия может быть очень отдаленной возможностью, но это возможность. К настоящему времени, понимание ядерного оружия как «политического оружия сдерживания» глубоко укоренилось в немецком стратегическом мышлении. Однако, не совсем ясно, каковы специфические немецкие интересы и цели в НАТО, помимо сохранения статус-кво и политической символики альянса. С одной стороны Германия продолжает участвовать в заседаниях Группы ядерного планирования (Nuclear Planning Group), созданной в 1966 г., для обмена и консультаций по ядерным вопросам. С другой стороны, дискуссия о ядерном сдерживании в Германии носит эпизодический и несистемный характер. Поскольку нет публичного обсуждения оперативных вопросов, нельзя также оценить, вносит ли Германия собственные мнения, например, с точки зрения международно-правовой проблематики применения ядерного оружия.

Источники и литература:

1. Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии [Электронный ресурс] // Электронный фонд актуальных правовых и нормативно-технических документов «Консорциум КОДЕКС». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901736368>. – Дата доступа: 22.03.2022.

2. Приходько, О.В. Д. Трамп и трансатлантические противоречия: текущее состояние, динамика, перспективы [Электронный ресурс] / О.В. Приходько // Россия и Америка в XXI веке. – 2020. – № 3. – Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760011695-1-1/>. – Дата доступа: 22.03.2022.

3. Maas gegen Atomwaffen-Abzugsforderungen seiner Partei [Elektronische Ressource] // Zeit online. – Zugriffsart: https://www.zeit.de/politik/ausland/2020-05/ausseminister-heiko-maas-us-atomwaffen-spd-abzugsforderung?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F. – Behandlungsdatum: 25.03.2022.

4. Mützenich, R. Deutschland und die nukleare Teilhabe [Elektronische Ressource] / R. Mützenich // Dr. Rolf Mützenich MdB. – Zugriffsart: <https://www.rolfmuetzenich.de/publikation/deutschland-nukleare-teilhabe>. – Behandlungsdatum: 25.03.2022.

5. Nassauer, O. Die Nukleare Teilhabe in der NATO – Wird Europa ausgetrickst? [Elektronische Ressource] / O. Nassauer // Das Blättchen. – 2020. – № 9. – Zugriffsart: <https://www.bits.de/public/articles/blaettchen9-2020.htm>. – Behandlungsdatum: 23.03.2022.
6. Rede von Außenminister Heiko Maas: Füreine Allianz der Multilateralisten. [Elektronische Ressource] // Auswärtiges Amt. – Zugriffsart: <https://www.auswaertigesamt.de/de/newsroom/maas-allianz-multilateralisten/2129908>. – Behandlungsdatum: 25.03.2022.
7. Rudolf, P. Deutschland, die NATO und die nukleare Abschreckung / P. Rudolf // Stiftung Wissenschaft und Politik Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. – Berlin, 2020. – S. 6.
8. Terhalle, M. Deutschland braucht Atomwaffen [Elektronische Ressource] / M. Terhalle // Tagesspiegel Causa. – Zugriffsart: <https://causa.tagesspiegel.de/politik/europa-und-die-weltweiten-krisen/deutschland-braucht-atomwaffen.html>. – Behandlungsdatum: 24.03.2022.
9. Verifikation nuklearer Abrüstung. Jahresabrüstungsbericht 2017. Bericht der Bundesregierung zum Stand der Bemühungen um Rüstungskontrolle, Abrüstung und Nichtverbreitung sowie über die Entwicklung der Streitkräftepotenziale 2017 [Elektronische Ressource] // Bundesregierung. – Zugriffsart: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/publikationen/jahresabruestungsbericht-2017-1507494>. – Behandlungsdatum: 25.03.2022.
10. Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. 2016. Bundesministerium der Verteidigung. – Berlin, 2016. – 142 s.
11. Zahlen, Daten, Fakten [Elektronische Ressource] // Bundeswehr. – Zugriffsart: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-33/>. – Behandlungsdatum: 23.03.2022.

ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

М.В. Котов (Нижний Новгород)

После прекращения действия Организации Варшавского договора и развала Советского союза Польша стала первой страной социалистического блока, приступившей к демонтажу социалистической системы. Польша достаточно быстро переориентировалась на курс Евроатлантической безопасности и Европейской интеграции.

В последнее десятилетие Польша достаточно активно играет роль основного члена НАТО на европейском континенте. Польша имеет одну из боеспособных армий среди стран-членов Североатлантического альянса. Польская элита откровенно берет курс на сближение с США в плане формирования безопасности на европейском континенте, являясь проводником интересов Соединённых штатов Америки в интеграционных институтах Европейского союза. На протяжении всего Украинского кризиса власти Польши поддерживали Киевскую власть в противостоянии с Россией.

Такая позиция польских властей объясняется зависимостью польских элит от ориентации на политический курс американских союзников. В американской стратегии построения безопасности Украина является одним из ключевых государств Восточной Европы наряду с Польшей. Ведь эти две страны на Востоке рассматриваются как ядро безопасности Североатлантического альянса и плацдарм распространения его интересов [2, с. 147]. Придерживаясь данной парадигмы своего основного заокеанского союзника, польские власти всецело поддерживают украинскую власть. В жертву построения атлантической безопасности польская элита закрывает глаза на происходящую в украинском

обществе героизацию украинских националистических бандформирований, которые в том числе уничтожали и польский народ.

Сегодняшняя ситуация в отношениях между Россией, с одной стороны, и Польшей, с другой стороны, является, скорее всего, пиком напряжения после Холодной войны. По версии Польши, её враждебное отношение к Российской Федерации [6, с. 103], в первую очередь, складывается из-за так называемой «оккупации» Советским Союзом этого государства, без принесения официальных извинений за эту оккупацию. Также звучат со стороны Польши обвинения в том, что во время советского наступления, СССР не поддержал армию Крайова, восставшую в Варшаве (армия Крайова хотела опередить Красную Армию и освободить Варшаву первой) [7].

На протяжении последних двух десятилетий Варшава была на острие антироссийской политики. В конце февраля 2022 года на пресс-конференции в Киеве президент Польши Анджей Дуда заявил, что санкции Европейского союза могут сделать невозможными путешествия россиян в Польшу [3]. Фактически польское правительство развернуло политику построения «железного занавеса», отгораживая себя от Российской Федерации.

С началом военной спецоперации по защите ЛНР и ДНР польское правительство продолжило политику поддержки украинского правительства. Одним из основных инструментов по противодействию российской политике стали высылки российских дипломатов, подозреваемых польскими властями в шпионаже. Посол России в Польше Сергей Андреев однозначно оценил высылку российских дипломатов из Варшавы: «Если не к формальному разрыву дипотношений, то к их фактическому обнулению, а мы к этому уверенно движемся благодаря усилиям наших польских партнеров» [9]. Это вызвало симметричные меры, в результате чего 45 польских дипломатов были признаны персонами нон грата и в срок с 8 по 13 апреля покинули территорию Российской Федерации [10].

Кроме того, власти Польши категорически не устраивают те санкции, которые были наложены на Россию Европейским союзом. «Для меня нет красных линий в санкциях против России. Нам нужно быть последовательными. Больше никаких исключений в блокировке банков. Жесткая конфискация активов олигархов. Больше никаких виз для граждан России. Нужно замораживание всех активов членов партии «Единая Россия», – провозгласил польский премьер Матеуш Моравецкий [1].

В скором времени Моравецкий заявил о запуске специальной правительственной программы по «дерусификации экономики». При этом предполагается, что она затронет не только Польшу – Варшава будет «продавливать» свою программу на уровне всего Евросоюза [1].

Польские власти пошли на отказ от закупок российского газа к концу 2022 года, когда контракт с Газпромом истечет, новый не будет подписываться. Довольно смелый шаг, несмотря на то, что может принести экономические убытки самой Польше, поскольку доля российского газа на внутреннем рынке довольно велика.

Однако противостояние Польши на дипломатическом и экономическом поприще с Россией не столь опасно в современных реалиях для Российской Федерации и Республики Беларусь. Размещение систем противора-

кетной обороны США на территории Польши несет серьезную угрозу для союзных государств. Совершенно недавно в деревне Редзиково была введена новая база ПРО. По словам директора Агентства по противоракетной обороне США Джона Хилла, у военных уже есть «точный план и очень четкий график» испытаний. Все приготовления завершены: компоненты систем противоракетной обороны на месте, а необходимое оборудование установлено [8]. Как отмечают эксперты, системы противоракетной обороны могут за короткий срок переоборудоваться в наступательные системы. России и Беларуси стоит внимательно следить за расширением инфраструктуры НАТО и прорабатывать ответные меры.

Польша так же продолжает вести довольно серьезную политику в отношении решения конфликта в Украине. Идея о введении миротворческого контингента НАТО на территорию западной Украины может подразумевать попытку Польши контролировать данный регион. Однако такая решительная позиция Польши пока не находит поддержки у европейских партнеров. Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров так оценивает инициативу Матеуша Моравецкого: «Вот премьер-министр Польши, Матеуш Моравецкий, сейчас выдвигает идею направить на Украину миротворческие силы НАТО. Я не исключаю, что, если бы вдруг такое решение было принято, оно бы предполагало, что основу таких миротворческих сил составит польский контингент, который возьмет под контроль Западную Украину, во главе со Львовом, и там будет оставаться длительный период» [5].

Однако, как отмечают ряд экспертов, окончательно решившаяся на вмешательство в события в Украине Польша, совершенно необязательно основной своей целью способна выбрать Львов, Тернополь или Ровно. Чтобы нанести масштабное поражение России для первого удара она способна выбрать союзную России Беларусь [4]. Тем не менее, вероятность удара по территории Беларуси для обеспечения успеха противодействия российской спецоперации в Украине не стоит отрицать.

Исходя из всего вышесказанного, необходимо отметить, что роль Польши в противодействии России и Беларуси велика. Необходимо более тщательно изучать ближайшего западного соседа. Польша, являясь проводником интересов США в Европейском союзе, ведет агрессивную политику в отношении России и Беларуси.

Источники и литература:

1. Бавырин, Д. Для России пришла пора отменить Польшу [Электронный ресурс] / Д. Бавырин // Сетевое издание «ВЗГЛЯД.РУ». – 20.03.2022. – Режим доступа: <https://vz.ru/politics/2022/3/20/1149115.html>. – Дата доступа: 28.03.2022.
2. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 2002. – 256 с.
3. В Госдуме высказались о словах Дуды о запрете въезда россиян в Польшу [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 23.02.2022. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220223/polsha-1774592417.html>. – Дата доступа: 01.04.2022.
4. Ищенко, С. Бросок на Брест и Гомель: Варшава может заставить нас и Минск открыть Второй Белорусский фронт [Электронный ресурс] / С. Ищенко // СвободнаяПресса. – 25.03.2022. – Режим доступа: <https://svpressa.ru/war21/article/329153/>. – Дата доступа: 30.03.2022.

5. Лавров связал идею Польши о миротворцах НАТО с желанием контролировать запад Украины [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 19.03.2022. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/830152>. – Дата доступа: 30.03.2022.

6. Лисякевич, Р. Основные причины обострения отношений между Польшей и Россией / Р. Лисякевич // Современная Европа. – 2015. – № 6 (66). – С. 99–113.

7. Полосатов, С. Пока Красная Армия освобождала Польшу, местное подполье стреляло ей в спину [Электронный ресурс] / С. Полосатов // Комсомольская Правда. – 28.02.201. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26348.7/3230362/>. – Дата доступа: 12.02.2022.

8. Родионов, Д. Польша направит на Россию американские «Томагавки» [Электронный ресурс] / Д. Родионов // Свободная Пресса. – 16.04.2022. – Режим доступа: <https://svpressa.ru/war21/article/331598/>. – Дата доступа: 18.04.2022.

9. Россия заявила об обнулении отношений с Польшей после высылки дипломатов [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 23.03.2022. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/03/23/99839/>. – Дата доступа: 05.04.2022.

10. Шустрова, М. 45 персон нон грата. Россия зеркально ответила Польше на высылку дипломатов [Электронный ресурс] / М. Шустрова // Газета.ru. – 08.04.2022. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/04/08/14715757.shtml>. – Дата доступа: 15.04.2022.

СИРИЙСКИЙ ОТВЕТ НА ЕВРОПЕЙСКИЙ ВОПРОС. ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ РОССИИ В СИРИИ НА ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ

А.С. Грищенко, А.М. Черняев (Владимир)

В данной работе рассматривается протекание гражданской войны в Сирии и процесс вовлечения в нее мировых держав, а также основные события с участием России и их влияние на отношения со странами Запада. Анализируется влияние участия России в сирийском конфликте на международный авторитет и отношения с Западом. Данная тема не теряет свою актуальность, несмотря на то, что война продолжается уже более 10 лет. Это можно объяснить большим количеством стран-участников, преследующих на этой богатой территории свои интересы.

Еще с начала «холодной войны» Россия ведёт активную внешнюю политику, регулярно принимая участие в разрешении межгосударственных конфликтов. При этом позиция России не всегда находила поддержку среди стран Запада. Одним из последних в новейшей истории острых и актуальных примеров столкновения интересов нашей страны и западных соседей является конфликт в Сирии.

15 марта 2011 года начался вооруженный конфликт между правительством Башара Асада и оппозицией на территории Сирии, который продолжается по настоящее время. Поводом начала войны послужила «Арабская весна» – ряд восстаний и забастовок на всей территории страны, начавшихся в 2010 году в ответ на жестокое обращение с гражданами и коррупцию в сфере политики.

Политика суннитской власти, приводившая к росту коррупции, все больше усиливала протестное настроение шиитского населения, которое в Сирии преобладало. Вскоре этот внутривластный конфликт перерос в гражданскую войну, вышел далеко за пределы страны.

Сторона оппозиции изначально была представлена Свободной армией Сирии, созданной 29 июля 2011 года в результате перехода некоторых офицеров Сирийских вооруженных сил на сторону протестующих. Позднее сформировалась Сирийская национальная коалиция, объединившая крупнейшие группировки оппозиции. Также начали формироваться радикальные исламские группировки экстремистов, большинство из которых запрещены в России и других странах.

Однако, несмотря на общность взглядов противников режима Башара Асада, у группировок расходились представления о будущем Сирии после свержения действующей власти. Одни хотели установления демократии, другие – взять за основу нового государства Шариат.

Каждая страна, участвующая в конфликте, преследует свои экономические, политические и иные интересы.

Соединенные Штаты Америки, Саудовская Аравия и их союзники были вовлечены в сирийский конфликт с самого его начала. Их интересы заключались в смене действующего режима власти, то есть в отставке президента Башара Асада. На втором этапе правительство Сирии попросило Российскую Федерацию и Иран оказать поддержку в борьбе с оппозицией.

Именно решение России о поддержке правительственных сил Сирии определило взаимоотношение со многими странами Запада. Основной целью Российской Федерации была и остается поддержка сирийского населения и помощь в организации прямых переговоров между сторонами конфликта без международного вмешательства и смены режима [8, с. 11].

Почему же Россия поддержала сирийское правительство? Россия ещё со времен СССР сотрудничает с Сирией в политических и экономических делах [3, с. 5]. Поэтому расширение влияния США и стран НАТО на Ближнем Востоке очень неудобно для России, во-первых, в политическом отношении. Она, по сути, теряет союзника, который смог бы оказать поддержку на политической арене. Во-вторых, территория Сирии богата полезными ископаемыми, в первую очередь нефтью. Себестоимость ее производства гораздо ниже, чем себестоимость русской нефти. Поэтому есть выгода именно в сирийской нефти: производить и экспортировать ее дешевле, и, если захватить больше мест ее добычи, появляется возможность влиять на ее стоимость [11, с. 4]. В-третьих, по некоторым данным, Россия не только поставляет в Сирию оружие, но и использует там свои новейшие разработки, что позволяет улучшать и модернизировать военную мощь страны [2, с. 1].

По итогам длительных дипломатических встреч сторон конфликта на нейтральной территории, организованных Россией, Ираном и Турцией, удалось немного сгладить конфликт сторон и направить их на дипломатические переговоры [4, с. 15]. По итогам многочисленных встреч в Женеве и Астане были созданы «четыре зоны безопасности», которые остаются неприкосновенными для военных действий и дают возможность оказывать гуманитарную помощь гражданам. Было достигнуто соглашение о проведении выборов главы государства [10, с. 3].

Политика США в сирийском вопросе направлена на отставку действующего президента и размежевание сил оппозиции, т.е. спонсирование разных оппозиционных групп, не допуская их объединения. Одним из наиболее очевидных итогов такого направления политики может стать усугубление раскола в противодействующих силах и усугубление конфликта.

Многие аспекты сирийского конфликта и, в частности, участие в нем нашей страны многократно комментировались представителями других стран и международных организаций.

Пресс-секретарь Пентагона Джонатан Хоффман в 2020 году высказал России предупреждение о недопустимости нападения на армию Соединенных Штатов с просьбой о «профессиональном разрешении конфликта в Сирии». Данное высказывание в адрес РФ не учитывает все попытки трехстороннего механизма урегулировать дипломатическим путем сирийский конфликт. Армия США, находящаяся на территории Сирии без законных оснований, имеет право лишь на оказание помощи в устранении террористических группировок, но никак не на поддержку сирийской оппозиции [9, с. 3].

В 2018 году немецкие политики выступили с резкой критикой по поводу обращения В. В. Путина к канцлеру Германии Ангеле Меркель с призывом в адрес европейских стран помочь в восстановлении сирийских городов и инфраструктуры. Эксперт по внешней политике фракции «зеленых» Омид Нурипур негативно характеризовал призыв президента РФ: «Путин не только хочет формулировать условия Сирии на правах победителя, но и добиться того, чтобы мы оплатили восстановление городов, которые он разбомбил». Похожее мнение было и у Александра Ламбсдорфа [1, с. 2].

Подводя итог, отметим, что решение России поддержать правительственные силы Башара Асада во многом определило отношение к ней стран Запада. С одной стороны, все более распространяющие свое влияние Соединенные Штаты Америки вполне могли охватить и Ближний Восток сразу после начала войны. Вмешательство России вместе с другими Восточными государствами создало значительные трудности для США. Было ограничено расширение влияния США в восточном направлении.

Четкая поддержка правительства и действующего строя – один из главных принципов России в конфликте. Но, несмотря на огромные дипломатические усилия России при взаимодействии с Ираном и Турцией, добиться мирного разрешения конфликта пока не удается.

Многие страны преследуют свои интересы и поддерживают США в желании извлечь выгоду из конфликта. Единственное, что объединяет стороны, – это помощь сирийскому населению и организованное противодействие распространению терроризма [5].

Анализ высказываний западных политиков и поведения стран в союзе с США приводит к выводу, что Европа выступает явно против политики Российской Федерации, что ставит под удар ее авторитет в мировом сообществе.

Гражданская война в Сирии продолжается уже более 10 лет и не утихает, несмотря на все дипломатические усилия и средства. Причина этому – реализация на территории Сирии разнонаправленных интересов различных государств, что не дает возможности прийти к эффективному разрешению конфликта.

Источники и литература:

1. В Германии критикуют призыв Путина участвовать в восстановлении Сирии [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/в-германии-критикуют-призыв-путина-участвовать-в-восстановлении-сирии/a-45140911>. – Дата доступа: 10.02.2022.
2. В зоне поражения: какое оружие применяет российская армия в борьбе с террористами в Сирии [Электронный ресурс] // RT на русском. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/434938-rossiya-siriya-oruzhie>. – Дата доступа: 12.02.2022.
3. Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Сирийской Арабской Республикой [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум КОДЕКС». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420354345>. – Дата доступа: 13.02.2022.
4. Иванов, С.М. Перспективы мирного урегулирования конфликтов в Сирии и Ираке / С.М. Иванов // Зарубежное военное обозрение. – 2018. – № 1. – С. 30–31.
5. Международная правовая база [Электронный ресурс] // Контртеррористическое управление ООН. – Режим доступа: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/international-legal-instruments>. – Дата доступа: 15.02.2022.
6. Министерство иностранных дел России: Совместное заявление министров иностранных дел Исламской Республики Иран, Российской Федерации, Турецкой Республики по согласованным мерам, направленным на оживление политического процесса с целью прекращения сирийского конфликта, Москва, 20 декабря 2016 года [Электронный ресурс] // Сеть Réseau Voltaire International. – Режим доступа: <https://www.voltairenet.org/article194670.html>. – Дата доступа: 15.02.2022.
7. Пентагон предупредил Россию, что будет защищать своих военных в Сирии [Электронный ресурс] // Интерфакс. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/723544>. – Дата доступа: 11.02.2022.
8. Пентагон предупредил Россию, что будет защищать своих военных в Сирии [Электронный ресурс] // Интерфакс. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/723544>. – Дата доступа: 14.02.2022.
9. Россия и Турция: подходы к региональной безопасности на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] // РСМД. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-turtsiya-podkhody-k-regionalnoy-bezopasnosti-na-blizhnem-vostoke/>. – Дата доступа: 10.02.2022.
10. Саммит Россия – Турция – Иран по Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190916/1558643567.html>. – Дата доступа: 15.02.2022.
11. Шумилин, А.И. Россия и проблема Сирии [Электронный ресурс] / А.И. Шумилин // РСМД. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-problema-sirii/>. – Дата доступа: 13.02.2022.

МОДЕЛИ НЕОИМПЕРСКИХ ПРАКТИК В РЕГИОНЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА В XXI ВЕКЕ¹

И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина (Нижний Новгород)

В современных международно-политических отношениях феномен «империя» уже не вызывает позитивных ассоциаций, а заявления о своих имперских амбициях на мировой арене не что иное, как «моветон». Однако, на практике, все чаще можно встретить модель мировой политики, которая укладывается в, так называемую, неоимперскую концепцию, согласно которой «центр» или лидирующее государство имеет главенство или осуществляет неформальный контроль над другими государствами, опираясь на общую идеологию, а также тесное сотрудничество в различных отраслях.

¹ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 20-014-00039А «Модели и риски сотрудничества в регионе Ближнего и Среднего Востока в первой четверти XXI века».

После распада Османской империи исламский мир утратил свое универсальное политико-религиозное единство. На фоне обостряющегося противостояния традиционализма и модернизационных тенденций в мусульманских обществах, государства Ближнего Востока вступают в противостояние за политическое преобладание в регионе и мусульманском мире [8, с. 178]. Следует отметить, что в конце XX в. на Ближнем Востоке существовало большое количество государств, претендующих на роль политического лидера, таких как Египет, Иран, Турция, Сирия, Ирак, КСА. Однако совокупность различных факторов, среди которых и события арабской весны, охватившие регион в 2011 году, появление ИГИЛ, американское вторжение в Ирак, ставшая очевидным неустойчивость диктатур, правивших в ряде арабских государств и неспособная создать эффективную экономику и армию, многочисленные этнические, религиозные и племенные конфликты, и как следствие исчезновение Ливии, Йемена, Сирии и Ирака в первоначальном виде, все это существенно сократило список государств, способных стать лидерами ближневосточного региона.

Таким образом, в настоящее время, когда весь Ближний Восток оказался в зоне турбулентности и неопределенности, на роль лидера в ближневосточном регионе по-прежнему претендовали Турция, Иран и Саудовская Аравия.

Основное сражение за роль регионального лидера развернулось между двумя ближневосточными державами, а именно Ираном и Саудовской Аравией, проходя не только в политической плоскости, но и под религиозными символами суннизма и шиизма.

Иран по праву считается главным оплотом шиизма в мире, где шиизм – это конституционно закреплённая идеология и до 90% граждан исповедуют шиитское направление ислама. В связи с чем, претендуя на роль регионального лидера, Иран опирается на шиитские государства на Ближнем Востоке. Благодаря активной политике Ирана в регионе даже появился термин «шиитский полумесяц», который впервые употребил иорданский король Абдалла в 2004 году.

Иран активно спонсирует различные шиитские партии, добровольческие ополчения и объединения шиитов по всему Ближнему Востоку. Первым и одним из самых известных формирований такого рода стала ливанская «Хезболла», которая ведет достаточно успешную деятельность как против Израиля, так и, например, в гражданской войне в Сирии на стороне Асада.

Под частичным контролем Ирана находятся Силы народной мобилизации, сражающиеся против ИГ в Ираке. Более того, ключевая роль в создании в Ираке фронта шиитского сопротивления принадлежит одному из самых талантливых специалистов КСИР – генералу Кассему Сулеймани. Кроме того, Иран финансирует и вооружает шиитских повстанцев хуситов в Йемене, которые контролируют примерно треть территории этой страны.

Следует отдать должное шиитским группировкам, которые даже при небольшой численности сыграли одну из ключевых ролей в битвах за Тикрит, Фаллуджу, Рамади, Багдад и т.д. Можно даже говорить о создании своего рода «шиитского интернационала», который включает в себя

ливанскую «Хезболлу», иракские «Бригада Имама Али», армия «Махди», афганскую «Дивизия Фатимы», пакистанскую «Дивизия Зейнаб» и многие другие. И в действительности, необходимо констатировать тот факт, что «шиитский интернационал» стал новой военной силой, новой реальностью ближневосточного региона, за которым стоит ИРИ.

Саудовская Аравия с давних времен претендует на лидерство в ближневосточном регионе, а также стремится занять место стержневого государства в исламском мире. КСА тратит огромные финансы на поддержание ислама и укрепление салафизма в других странах (строительство мечетей, передача книг и др.) и продвижение своих политических интересов посредством усиления своего религиозного влияния. По мнению Сэмюэля Хантингтона, у Саудовской Аравии были все шансы стать стержневым государством исламского мира, в силу нахождения на ее территории двух святынь Мекки и Медины, а также наличие языка ислама, на котором написан Коран, в качестве государственного [7, с. 176]. Кроме того, Саудовская Аравия обладает крупной экономической мощью, так как на ее территории расположены внушительные запасы энергоресурсов (нефти и газа). КСА стремится к созданию в формирующемся многополярном мире сильного исламского полюса, способного защищать интересы мусульманских стран. Вторым фактором, влияющим на геополитические амбиции Саудовской Аравии, является ее главенствующая роль в организации ССАГЗ. КСА, являвшаяся инициатором создания данной организации, по всей видимости, преследовало в первую очередь задачу обеспечения собственной безопасности, напрямую зависящей от «спокойствия» вблизи своих границ и, соответственно, во всем регионе Персидского залива.

Саудовская Аравия крайне обеспокоена усилением Ирана и всячески противостоит усилению шиитского полумесяца. Так, например, в марте 2011 года, когда официальные власти Бахрейна уже не смогли справиться с массовыми акциями протеста, по просьбе короля в Бахрейн были введены 1000 военнослужащих Саудовской Аравии и 500 полицейских из ОАЭ. Комментируя эти события, германская газета Die Welt заявила, что: «Саудовский король защищает свою власть в соседнем Бахрейне. Именно этого и стараются не допустить саудовцы, которые предпочли оккупировать Бахрейн, чтобы предотвратить реформы, требуемые шиитскими мятежниками. Ведь эти реформы неизбежно повлияли бы и на шиитское меньшинство в Саудовской Аравии» [4]. В то же время положение в Бахрейне было оценено саудовским правящим классом как итог действий Ирана, вызвавших к жизни межконфессиональные трения и религиозный экстремизм. Эта точка зрения была подтверждена всеми членами ССАГЗ и поддержана ЛАГ [1, с. 95].

Примером ожесточенного силового противостояния Ирана и Саудовской Аравии является Сирия. Г.И. Мирский, справедливо отмечал, что в Сирии идут сразу несколько войн, одна из которых региональная – между США, Саудовской Аравией и суннитскими государствами с одной стороны, и Ираном и ливанскими шиитами – с другой [2, с. 82].

Немаловажно, что в своем противостоянии Ирану КСА пользовалась активной поддержкой США. Так, во время каденции Д. Трампа Соединенными Штатами предпринимались попытки создания анти-иранского арабского НАТО, в состав которого могли войти Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар, Оман и Бахрейн. Как известно, Трамп объявил Иран врагом США и «страной, финансирующей международный терроризм».

Еще одним претендентом на роль регионального лидера является Турция. После прихода к власти в 2002 году Партии справедливости и развития Турции удалось достичь немалых успехов в укреплении статуса региональной державы. Турция смогла зарекомендовать себя как важного дипломатического актора в ближневосточном регионе, активно развивая двусторонние отношения с такими арабскими странами как Египет, Сирия, Иордания, Кувейт, Тунис, Ливия, Бахрейн и т. д. [3, с. 206].

Реализуемая Турцией внешнеполитическая концепция «ноль проблем с соседями» стала одним из ключевых принципов внешней политики Турции, в том числе и в регионе Ближнего Востока. Кроме данного принципа, внешняя политика Турции базировалась на балансе между свободой и безопасностью, на мерах превентивной мирной дипломатии, многовекторной внешней политике, а также на активном участии Турции в международных организациях [9]. Однако после начала арабских революций Турция решила скорректировать свою ближневосточную политику, усилив претензии на роль регионального лидера. По оценке российского тюрколога И.А. Свистуновой: «Турция, претендующая на роль регионального лидера, попыталась воспользоваться потрясениями в арабском мире для того, чтобы усилить свое влияние в регионе, распространяя турецкий опыт демократизации и либерализации. В соответствии с этим Анкара сделала ставку на поддержку протестных движений, характеризующихся как демократические» [5, с. 10]. Это указывает на то, что Турция может предложить арабскому миру свою модель совмещения исламских ценностей и западной модернизации.

Следует отметить, что Турция является самостоятельным игроком, который четко демонстрирует свои имперские амбиции, основанные на уникальном положении Турции, как связующего звена между Европой и Азией. При этом раздел Стратегии развития Турции до 2023 г., регламентирующий политику в сфере внешней политики, открыто содержит целевые установки по утверждению регионального лидерства Анкары.

Долгое время Турция и КСА выступали фактически союзниками, прежде всего в Сирии. Однако «Катарский кризис» существенно подорвал взаимоотношения КСА и Турции. В 2018-м отношения между Турцией и КСА стали еще напряженнее в связи с убийством журналиста **Джамала Хашогги**.

Взаимоотношения Турции и Ирана выглядят немного лучше. Несмотря на то, что Турция и Иран стали косвенными участниками конфликта в Сирии, оказывая поддержку противостоящим вооружённым группировкам, они сумели избежать кардинального охлаждения отношений [6, с. 137]. Росту взаимопонимания Турции и Ирана способствовали разногласия с Америкой

в отношении сирийских курдов и, в целом, недоверие Турции к политике США. Вашингтонские исследователи М. Тахироглу и Б. Бен Талебу полагают, что турецко-иранские отношения в чистом виде не подпадают под определения дружбы или вражды, и предлагают использовать для их характеристики термин «fremenies», что можно перевести как «друзья-враги» [10, с. 124].

Следует отметить, что геополитическое противостояние в ближневосточном регионе нельзя рассматривать в отрыве от внерегиональных игрок (России, США, ЕС, Китая), которые играют немаловажную роль в процессах, происходящих на Ближнем Востоке. Стремление ведущих государств региона к обладанию ядерным оружием, деятельность экстремистских исламских организаций («Аль-Каида», «Братья мусульмане», «Хезболла», «Хамас») и неурегулированность арабо-израильского конфликта выступают дополнительными факторами внимания мировых сил к ведущим государствам Ближнего Востока.

Таким образом, в результате дестабилизации ближневосточного региона и существенного ослабления многочисленных ближневосточных стран, в ближайшие годы Турция, Иран и КСА будут претендовать на статус основной региональной державы. Однако слабо видится, что конкуренция в рамках этого треугольника выльется с серьезное силовое противостояние, т.к. государственные деятели, осуществляя свои внешнеполитические инициативы также не заинтересованы в появлении новых очагов напряженности в регионе и на своих границах.

Источники и литература:

1. Косач, Г.Г. Саудовская Аравия и «арабская весна» / Г.Г. Косач // Свободная мысль. – 2012. – № 5–6. – С. 91–101.
2. Мирский, Г.И. Драма Арабского Востока / Г.И. Мирский // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 7. – С. 77–87.
3. Рыжов, И.В. Особенности взаимоотношений Турции с государствами исламского мира / И.В. Рыжов, М.Ю. Бородин // Труды института востоковедения РАН. – 2019. – № 20. – С. 203–221.
4. Саудовский король защищает свою власть в соседнем Бахрейне [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/diewelt-B5/a-14918939?maca=rus-rss-ru-top-1051-rdf>. – Дата доступа: 18.01.2018.
5. Свистунова, И.А. Внешняя политика России и Турции в условиях «Арабской весны» / И.А. Свистунова // Влияние событий «Арабской весны» на регион в контексте внешней политики Турции / отв. ред. В.А. Аватков, С.Б. Дружиловский. – М. : Русориент, Турецкий клуб МГИМО, 2012. – С. 10–12.
6. Свистунова, И.А. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса / И.А. Свистунова // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – № 12(4). – С. 130–144.
7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2016. – 640 с.
8. Шишков, В.В. Перспективы образования неоимперских центров в арабомусульманском мире: политологический анализ / В.В. Шишков // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 4. – С. 177–195.
9. Davutoğlu, A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy [Electronic resource] / A. Davutoğlu // Foreign Policy. – 20.05.2010. – Mode of access: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_foreign_policy?page=full. – Date of access: 15.03.2019.
10. Tahiroğlu, M. 2015. Turkey and Iran: The Best of Frenemies / M. Tahiroğlu, B. Ben Taleblu // Turkish Policy Quarterly. – 2015. – № 1. – P. 123–134.

ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ В АФГАНИСТАНЕ (2001–2021 гг.): НАЧАЛО, РАЗВИТИЕ, КОНЕЧНЫЕ ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ США В СРЕДНЕЙ АЗИИ

А.И. Зайцев, Е.Л. Гундарь (Ставрополь)

31 августа 2021 г. американские войска были полностью выведены с территории Демократической Республики Афганистан, подводя, таким образом, итог 18-летнему пребыванию США в данном государстве. Само начало вывода войск началось 1 мая 2021 г.

Изначально же причиной ввода войск США на территорию Афганистана послужила Сентябрьская трагедия 2001 года в Нью-Йорке. После чего, на основании Резолюции Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 г., вооружённые силы США и международные силы содействия безопасности (ISAF) осуществили ввод своих войск в рамках операции «Несокрушимая свобода». В 2003 г. была проведена операция под названием – «Мангуст», после которой «Талибан» изменило тактику ведения боевых действий и укрепило свои позиции в южных провинциях, выставляя на руководящие позиции своих губернаторов. Подобный рост активности во второй половине 2000-х гг. способствовал пересмотру стратегии Вашингтона в Афганистане.

Воплощением нового подхода пришедшей на смену администрации Д. Буша в январе 2009 г. администрации Б. Обамы, вице-президентом которой был Джозеф Байден, стало, в первую очередь, поддержание концепции «Аф-Пак», исходя из которой была признана неразрывность безопасности Афганистана и Пакистана, а также соответствующий комплекс практических мер, направленных на завершение войны. В эти меры входило: попытки налаживания диалога с «умеренными» талибами, усиление подготовки афганской армии, убеждение правительства Афганистана в проведении внутренних реформ, крупное наращивание иностранного контингента, сопровождавшееся его поэтапным выводом, и полное переключение поддержки безопасности национальным силовым структурам. В рамках этой политики в июне 2013 г. президент Карзай объявил о взятии армией Афганистана основной роли в обороне страны. Тогдашний вице-президент Байден был одним из противников увеличения американского военного персонала, однако сторонники иного курса одержали победу. Схожая ситуация борьбы внутри администрации была и во время разработки стратегии США в отношении Южной Азии и Афганистана, объявленной Трампом. В 2014 г. во время президентских выборов США предложили Афганистану подписать соглашение о стратегическом партнёрстве. Изначально из-за позиции Карзая касательно политики американской армии соглашение не было подписано, но после президентских выборов новоизбранный президент Ашраф Гани подписал соглашение [3].

В условиях передачи ответственности за обеспечение безопасности афганским силовым структурам США и НАТО взяли курс на осуществление второстепенных задач. В январе 2015 г. союзники приступили к реализации

новой небоевой миссии «Решительная поддержка», направленной на укрепление потенциала афганских сил. Американский спецназ продолжил выполнение контртеррористических задач. Переориентация США и НАТО на осуществление консультативно-тренировочных функций сопровождалась выводом основной части иностранных войск из Афганистана. Через год был создан новый консультативный механизм – «4-сторонняя координационная группа» в составе США, Китая, Афганистана и Пакистана. Глава Пентагона Э. Картер сделал заявление о том, что руководство желает сохранить ограниченное присутствие в Афганистане после 2016 г. в совещательных и антитеррористических целях [3].

После избрания президентом Трампа политический курс в отношении Афганистана был радикально изменён. Было решено окончательно и во что бы то ни стало выйти из Афганистана и заключить договорённость с Талибаном. Задолго до своего избрания на пост президента Трамп выступал за свёртывание американских военных операций за рубежом.

21 августа 2017 г. Трамп опубликовал новую американскую стратегию по Афганистану и Южной Азии. Она проходила становление вместе с решением таких задач, продиктованных обстановкой, как расширение пространства для последующего изменения стратегии. Так же, кроме силовых методов ведения войны, новая стратегия предусматривала использование комплекса невоенных средств и взаимодействие с Кабулом в области научного и технического прогресса и, помимо этого, политика США касательно конкретно Пакистана была связана с оценкой его вклада в обеспечение американских интересов в регионе. Кроме этого, Трамп закрепил созданную предыдущими президентами установку об Индии как центре американской политики в Южной Азии. Вашингтон желал увеличить вовлечение Индии в политику Афганистана. И, наконец, повышение эффективности борьбы с терроризмом, связанным со снятием ограничений на ведение боевых действий в Афганистане.

Если проанализировать политику Дональда Трампа в Афганистане, можно сказать, что она сохраняла отчасти программу ведения дел Обамы, но, с другой стороны, Трамп, наоборот, расширил свободу действий, объясняя это тем, что усиленный контроль правительства мешает достижению победы. Госсекретарь США Майк Помпео сообщил, что в данном соглашении существует несколько засекреченных пунктов, остающихся секретными и Афганскому правительству, и членам мирового сообщества [3, р. 3].

Переходу от пассивной политики косвенного вмешательства к активному вовлечению и активизации самих США в Афганистане способствовал приход в сентябре 2018 г. дипломата этнически афганского происхождения Замай Халилзада на место спецпредставителя Соединённых Штатов Америки. Исходя из переговоров, проходивших в 2019 г. в Дохе, был создан проект соглашения США и Талибана. Однако переговоры были приостановлены летом 2019 г., официальной причиной была смерть американского военного в результате теракта в Кабуле [3, р. 3].

По словам самого Джо Байдена, США добились выполнения всех своих задач в Афганистане: «В апреле я принял решение закончить войну. В рамках этого решения мы установили дату окончания вывода американских войск – 31 августа. Мы исходили из того, что подготовленные нами за последние 20 лет 300 с лишним тысяч военнослужащих сил национальной безопасности [Афганистана] станут сильным противником «Талибана» в их гражданской войне» [5].

А в речи, сказанной 17 августа, Джо Байден разъяснил свою позицию касательно причины вывода войск: «Я четко сформулировал свой ответ: я не повторю ошибок, которые мы совершили в прошлом. Ошибкой является оставаться и сражаться бесконечно в конфликте, который не отвечает национальным интересам США, тратить еще больше сил на гражданскую войну в чужой стране, пытаться переделать страну с помощью бесконечной переброски американских войск. Это те ошибки, которые мы не можем повторять и дальше, потому что у нас есть значительный жизненный интерес в мире, который мы не можем позволить себе игнорировать» [6].

И помимо этого, Байден указывает на ошибки самого правительства и соответствующие выгоды для геополитических соперников Америки: «Я всем сердцем верю в следующее: неправильно приказывать американским войскам активизировать свои действия и идти в атаку, когда собственные вооруженные силы Афганистана этого делать не хотят. Политические лидеры Афганистана не смогли сплотиться и найти общий язык на благо своего народа, не смогли договориться о будущем своей страны, когда настал решающий момент. Они никогда этого не сделали бы, пока американские войска оставались в Афганистане, принимая на себя основную тяжесть боевых действий вместо них. И наши истинные стратегические соперники, Китай и Россия, больше всего хотят, чтобы США продолжали бесконечно направлять миллиарды долларов ресурсов и внимания на стабилизацию обстановки в Афганистане». Таким образом, 46-й президент США обосновал характер ситуации, причины вывода своих вооружённых сил и обозначил позицию по дальнейшим перспективам взаимоотношений с Афганской республикой и возможным негативным последствиям для геополитического положения Америки в Средней Азии в виду угрозы усиления позиций в этом регионе Китая и России.

Касательно преимуществ для Китая и России высказал своё мнение предыдущий президент США Дональд Трамп в интервью в передаче «Полная мера», назвав вывод войск некомпетентным и послужившим поводом для усиления основных соперников – Китая и России, параллельно оставив комментарий о возможной угрозе со стороны афганских беженцев, среди которых может оказаться большое количество скрытых террористов. По общим же подсчётам передача техники и проведение обучения обошлось на сумму порядка 83 млрд долл. По данным USA Today, было оставлено примерно 73 вертолёта и самолёта [7].

Афганский кризис изменил не только внутреннюю расстановку глобального баланса сил и положение афганского народа. Это событие окажет

влияние не только на международные организации, в которые входят США, но и на многие другие.

В Центральной Азии, если ситуация будет разрешена должным образом, «новая Большая игра» может быть разрешена мирным и взаимовыгодным образом между Россией и Индией.

Политика переговоров США с Талибами, построенная без участия правительства Афганистана, позволила талибам добиться доминирования в регионах. Однако теоретически есть возможность прихода всех сторон к соглашению. События в Афганистане понизили угрозу последующего ввода войск США в Центральную Азию [4, р. 2–3].

Помимо этого, изменение политики США в Афганистане поспособствовало активизации Индии на международной арене посредством выдвижения перспективы повторного возникновения конфликта с Пакистаном. Она же является составляющей стратегии Индии по получению через область Кашмира своего собственного сухопутного перехода к Средней Азии. Исходя из этого, можно сказать, что одним из последствий стало появление возможного индо-пакистанского конфликта [4, р. 1–2].

В общей сложности в ходе военной операции погибло около 2,5 тысяч американских граждан. Давая оценку данному решению со стороны администрации Байдена, можно сказать, что оно было наиболее последовательным и закономерным, так как операция имела затяжной характер и не имела потенциальной выгоды для США в связи с тем, что «доталибский» режим, поддерживаемый и финансируемый США, не смог продержаться более месяца без поддержки со стороны американских вооружённых сил (хотя некоторые политики просили отменить вывод войск и заявить о повторном наступлении) [1]. На данный момент времени у США есть шанс поддерживать нормальные продолжительные отношения с Афганистаном. Возможно, в перспективе можно будет наладить стабильные отношения. Представляется, что на первых порах режим талибов не станет вести полноценные контакты, но со временем в долгосрочной перспективе возможна их стабилизация. Необходимо также отметить, что приход на пост президента Байдена ознаменовал появление новой доктрины внешней политики, означающей переход от активной внешнеполитической деятельности, более активной политики на западноевропейском направлении и политики в отношении России и Китая [2]. Конечно, в американской прессе в большинстве своём наблюдается негативная и осуждающая реакция, как и у политиков, являющихся противниками курса, выбранного Байденом, так и его самого, однако администрация президента и сам президент твёрдо намерены придерживаться нового курса ведения намеченной политики.

Источники и литература:

1. Афганистан при талибах. Как реагируют США, Европа и Россия [Электронный ресурс] / J. Dempsey [и др.] // Московский центр Карнеги. – 2021. – 20 августа. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/2021/08/20/gu-pub-85177>. – Дата доступа: 09.04.2022.
2. Тренин, Д. Доктрина Байдена. Какой станет внешняя политика США после Афганистана [Электронный ресурс] / Д. Тренин // Московский центр Карнеги. – 2021. – 13 сентября. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/85321>. – Дата доступа: 16.04.2022.

3. Шапиро, Н.И. Преимущество и новации в политике США в Афганистане [Электронный ресурс] / Н.И. Шапиро // Cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/preemstvennost-i-novatsii-v-politike-ssha-v-afganistane/viewer>. – Дата доступа: 22.03.2022.

4. Copley, G. 9 Major Consequences of The U.S. Failure In Afghanistan [Electronic resource] / G. Copley // OilPrice.com. – 2021. – August 30. – Mode of access: <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/9-Major-Consequences-Of-The-US-Failure-In-Afghanistan.html>. – Date of access: 31.03.2022.

5. Remarks by President Biden on the End of the War in Afghanistan [Electronic resource] // The White House. – 2021. – August 31. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/08/31/remarks-by-president-biden-on-the-end-of-the-war-in-afghanistan/>. – Date of access: 25.03.2022.

6. The New York Times (США): полная стенограмма выступления президента Байдена по Афганистану [Электронный ресурс] // Иносми. – 2021. – 17 августа. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20210817/250324152.html>. – Дата доступа: 28.03.2022.

7. Trump says Afghanistan withdrawal opens door to China, Russia reverse-engineering US military equipment [Electronic resource] // FOX News. – 2021. – September 12. – Mode of access: <https://www.foxnews.com/politics/trump-speculates-u-s-military-equipment-left-in-afghanistan-being-reverse-engineered-by-china-russia>. – Date of access: 02.04.2022.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ ПСИХОЛОГИИ: ФРЕЙМИНГ, ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ И «СЛЕПОТА НЕВНИМАНИЯ» (НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ГЕРМАНИИ)

А.Н. Растворцева (Санкт-Петербург)

Российско-германские отношения играют одну из ключевых ролей для формата Россия – ЕС. Например, от взаимодействия РФ и ФРГ в сфере энергетики зависит энергетическая безопасность Европейского союза в целом. Кроме того, являясь одним из столпов Евросоюза, Германия, опираясь на свой политический вес, имеет возможность оказывать ощутимое влияние на отношения России с другими странами ЕС. Именно поэтому от того, насколько тесно взаимодействуют Россия и Германия, зависят не только двусторонние, но и многосторонние международные отношения.

Однако в последние годы российско-германские отношения переживают ощутимый спад: 2014 год внес существенный разлом во взаимодействие двух стран, которые с момента присоединения Крыма к России оказались на противоположных сторонах. В последующие годы РФ и ФРГ продолжали отдаляться друг от друга, что можно проследить не только по существованию и продлению санкций, но и по таким событиям, как:

– 2016 год: в новой «Белой книге» минобороны ФРГ, посвященной вопросам обеспечения национальной безопасности, Россия заняла третье место в списке десяти самых серьезных угроз для Германии, превратившись из партнера в соперника [3], этот же год показал различные взгляды на «сирийский вопрос» [5];

– 2018 год ознаменовало дело Скрипалей, а также высылка российских дипломатов [3];

– 2020 год – дело Навального [1];

– 2021 год – объявление персонами нон грата двух сотрудников российского посольства в Берлине в связи с делом об убийстве гражданина Грузии [2].

Сегодня этот список можно пополнить и другими событиями, например: приостановкой сертификации готового к запуску Северного потока-2, высылкой дипломатов, введением новых пакетов санкций, обсуждением введения эмбарго на российские энергоресурсы, а также заявлением президента ФРГ Франка-Вальтера Штайнмайера о том, что улучшения отношений ожидать нельзя, пока не произойдет смена российского лидера [6].

Такое отчуждение России и Германии не могло произойти под влиянием одного события, его истоки следует искать в истории развития билатеральных отношений. Известно, что после объединения Германии и распада Советского Союза отношения РФ и ФРГ переживали подъем: увеличивалось количество контактов, расширялось сотрудничество, происходил обмен опытом. Смена канцлеров ФРГ и президентов РФ не приводили к значительной смене политического курса стран по отношению друг к другу.

Однако даже при позитивном развитии взаимоотношений, нельзя говорить о том, что между странами не зарождалось недопонимание. Как Россия, так и Германия видели определенные проблемы другой стороны. Россия не скрывала своё разочарование позицией ФРГ в развитии конфликта в Косово. Кроме того, немецкая поддержка политики расширения НАТО на восток, а также ориентация внешнеполитического курса в сторону большего атлантизма стали для России сигналом отдаления Берлина от Москвы. Германия же в свою очередь считала проблемными такие моменты, как установление авторитарного, с немецкой точки зрения, правления и олигархической модели капитализма в России. ФРГ осуждала войну в Чечне, нарушения прав человека и возрождение консервативных и традиционалистских ценностей, а также решение Путина участвовать в выборах 2012 года [4].

Эти и другие разногласия показывают, что постепенно РФ и ФРГ, пытаясь акцентировать внимание другой стороны на свою позицию, стали «слепы» к позиции другой стороны, ведь в таких важных вопросах, как расширение НАТО, так и не было найдено компромисса. Сосредоточившись на своём видении проблем в двустороннем взаимодействии, Россия и Германия ограничили своё восприятие поступающей информации, создав так называемый фрейм – рамку, или фильтр, который даёт возможность видеть лишь часть происходящего и подстраивать новую к уже существующим образам.

Появление фрейма и восприятие информации всегда зависят от многих факторов: это контекст, в котором человек движется, опыт, который он имеет индивидуально, или который разделяет коллектив, влияние массмедиа, привычная интерпретация событий. Постепенно, несознательное игнорирование позиции другого актора, ввиду сформировавшихся рамок, перерастает практически в физическую невозможность восприятия другой стороны, что как на личном, так и на международном уровне приводит к кризисным ситуациям. Эта невозможность восприятия и есть «слепота невнимания» – на данном этапе акторы уже просто не в состоянии

воспринимать какие-либо объекты или информацию, потому что их внимание отвлечено или сосредоточено на чем-то определенном [7].

Именно «слепота невнимания», достигнув своего апогея в 2014 году, усугубила кризисную ситуацию взаимоотношений России и Германии и затронула отношения практически во всех сферах взаимодействия, будь то спорт, культура, образование, экономика или политика. Несмотря на то, что ситуация на конец 2021 года показывала, что Россия и Германия сохраняли диалог и оставались важнейшими партнерами друг для друга, сохранялись и санкции. И это говорит нам о том, что за несколько лет актерам не удалось достичь расширения фрейма и найти точки соприкосновения в российско-германском диалоге.

Источники и литература:

1. Александр Шульгин: ОЗХО и ФРГ в «деле Навального» играют с Россией в пинг-понг [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 25.09.2020. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/interview/728512>. – Дата доступа: 16.04.2022.
2. МИД ФРГ объявил двух сотрудников посольства РФ персонами нон грата [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 15.12.2021. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/809635>. – Дата доступа: 16.04.2022.
3. Российско-германские политические отношения. Досье. [Электронный ресурс] // ТАСС. – 17.08.2018. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/5466863>. – Дата доступа: 16.04.2022
4. Тренин, Д. Россия и Германия: от отчуждения к новому соседству [Электронный ресурс] / Д. Тренин // Московский центр Карнеги. – 31.05.2018. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/2018/05/31/ru-pub-76473>. – Дата доступа: 16.04.2022.
5. Трунов, Ф.О. Позиции России и Германии по «сирийскому вопросу»: взаимодействие или взаимное отчуждение? / Ф.О. Трунов // Россия и современный мир. – 2016. – № 4(93). – С. 145–160.
6. Штайнмайер исключил нормализацию отношений с Россией при Путине [Электронный ресурс] // Немецкая волна. – 05.04.2022. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/shtajnmajer-iskljuchil-normalizaciju-otnoshenij-s-rf-pri-putine/a-61361657>. – Дата доступа: 16.04.2022.
7. Bock, A. Die unsichtbare Bedrohung. Kuba, die Ukraine und das Phänomen der Unaufmerksamkeitsblindheit [Electronic resource] / A. Bock // Zeitschrift Außen Sicherheitspolit. – 2015. – № 8. – S. 505–550. – Mode of access: <https://doi.org/10.1007/s12399-015-0533-1>. – Date of access: 16.04.2022.

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТОВ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА УКРАИНСКОГО КРИЗИСА**

Д.А. Белашенко (Нижний Новгород)

Украинский кризис стал одним из главных процессов, влияющих на трансформацию современной системы международных отношений и действующего миропорядка. Стоит подчеркнуть, что происходящие изменения можно разделить на несколько типов:

1. По масштабам воздействия выделяются глобальные, макрорегиональные, региональные, субрегиональные и страновые (т.е. влияющие на конкретную страну или страны).

2. По характеру воздействия: влияющие прямо, косвенно (опосредованно), символически.

В рамках данной работы нами рассматривается потенциальное влияние Украинского кризиса на действующие («замороженные») либо урегулированные (с точки зрения России) конфликты на территории бывшего СССР. К первым относятся конфликты между Молдовой и Приднестровской Молдавской Республикой (ПМР) и противостояние между Азербайджаном и Арменией вокруг Нагорного Карабаха. Ко вторым – Абхазия и Южная Осетия, чью независимость Россия признала в августе 2008 г., однако большинство стран мира продолжают считать их территориями Грузии.

Тема возможной «разморозки» конфликтов на постсоветском пространстве и последующей эскалации напряженности в регионе оставалась актуальной на протяжении последних десятилетий. Однако вплоть до 2014 г. в регионе отсутствовали масштабные процессы и явления, в перспективе способные оказывать влияние не на отдельный конфликт, а на все одновременно. Таким триггером, в итоге, стал Украинский кризис и произошедшие во время его развития события, связанные с реинтеграцией Крыма и конфликтом в Донбассе.

Необходимо отметить, что Украина пыталась оказывать влияние на постсоветские конфликты задолго до начала кризиса. Активная политика по их урегулированию (не вышедшая, правда, за рамки заявлений и деклараций) в 2005–2008 гг. осуществлялась, в частности, Организацией за демократию и экономическое развитие – ГУАМ (ОДЭР-ГУАМ), членами которой являются Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова [4, с. 89–90]. Однако этот процесс можно считать частным случаем проявления Украиной инициативы по стабилизации ситуации на постсоветском пространстве.

По мнению российского исследователя С.М. Маркедонова, характер влияния Украинского кризиса на ситуации вокруг ПМР, Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии неоднороден и в каждом конкретном случае зависит от набора факторов и возможностей киевского руководства. Так, он разделяет влияние Украины и Украинского кризиса на этнополитические конфликты на постсоветском пространстве на «символическое, идеологическое и военно-политическое» [6, с. 951].

К первому, «символическому», типу относится влияние Украины на ситуацию вокруг Абхазии и Южной Осетии, где возможности Киева изначально были ограничены и проявлялись лишь в консолидированной позиции с Тбилиси, основанной на признании территориальной целостности Грузии и попытках педалировать тему создания миротворческого батальона ГУАМ для использования его в зоне конфликтов. После августа 2008 г. пространство для манёвра для Киева максимально сузилось.

Второй тип влияния, «идеологический», можно наблюдать в случае нагорно-карабахского конфликта. Украина последовательно позиционировала себя в качестве важного партнера Азербайджана, совместно с Турцией создавая противовес российской поддержке Армении. Заинтересованность Киева в прочных и продуктивных отношениях с Баку заключалась в

необходимости диверсифицировать источники энергопоставок. В то же время действия Киева не ограничивались лишь символическими жестами, а имели и практическую составляющую, выражавшуюся, например, в масштабных поставках оружия Баку [2, с. 11–48]. После событий февраля – сентября 2014 г. Украина активно старалась «уравнять» в информационном пространстве события в Нагорном Карабахе, Крыму и Донбассе, надеясь получить поддержку Азербайджана в реинтеграции утраченных и неподконтрольных территорий.

Третий тип влияния, «военно-политический», характерен для роли Украины в Приднестровском конфликте. На протяжении постсоветского периода Киев неоднократно менял свою позицию и модель поведения, выступая то посредником между Кишиневом и Тирасполем, то инициатором мирных инициатив, то жестким сторонником единой унитарной Молдовы. После начала Украинского кризиса Киев, пользуясь фактором наличия общей границы с ПМР, неоднократно поднимал тему возможного решения конфликта военным путем, пытаясь тем самым оказать влияние на Россию, являющуюся одним из участников процесса урегулирования конфликта. В Военной доктрине Украины 2015 г. в качестве одной из главных угроз названо «присутствие военного контингента РФ в Приднестровском регионе Республики Молдова, который может быть использован для дестабилизации ситуации в южных регионах» [8]. Таким образом, можно говорить о качественном переосмыслении Киевом своей позиции по приднестровскому вопросу.

После начала Специальной военной операции (СВО) России 24 февраля 2022 г. фактор Украины в развитии постсоветских конфликтов вновь актуализировался. Утратив возможность системно влиять на процессы в рамках постсоветского пространства, Киев старается использовать факт наличия конфликтов для облегчения внутренней ситуации в стране. Так, в марте текущего года глава Совета национальной безопасности и обороны Украины (СНБОУ) А.М. Данилов призвал страны, которые имеют «территориальные претензии» к России, начать войну за оспариваемые земли. К числу потенциальных «претендентов» он отнес Грузию, Молдову, Польшу и Японию [3].

В условиях СВО Украина использует любую возможность для внешнего давления на Россию. Отвлечение внимания Москвы на урегулирование ситуации с конфликтами на постсоветском пространстве стало бы важной «передышкой» для Киева в ходе боевых действий. При этом Украина пытается использовать имеющиеся возможности для влияния на Азербайджан, Грузию и Молдову. Однако в первых двух случаях возможности Киева серьезно ограничены, подтверждением чего стала, в частности, позиция официального Тбилиси, осудившего СВО России, но отказавшегося от комплексного участия в антироссийских санкциях (особенно в их экономическом блоке) [5]. Несмотря на то, что в грузинском обществе и политическом истеблишменте есть запрос на реваншизм и силовое решение абхазского и юго-осетинского вопросов, в обозримой перспективе реализация военного сценария не представляется возможной.

Азербайджан в конце марта текущего года пошел на незначительное обострение ситуации в Нагорном Карабахе, но период и масштаб эскалации оказались недостаточными для серьезного отвлечения внимания Москвы от СВО [9]. В то же время последовавшие за этим шаги с возвращением азербайджанских войск на исходные позиции и особенно начавшееся сближение Баку и Еревана в вопросе мирного урегулирования [1] не позволяют рассматривать нагорно-карабахский конфликт в качестве реального инструмента в политике Киева по дестабилизации ситуации на границах России или ее союзников.

Главным рычагом давления Украины среди постсоветских конфликтов остается ПМР. С начала СВО украинские политики и военные активно используют приднестровскую карту в информационной войне. Киев неоднократно угрожал Тирасполю военным вторжением, чтобы «купировать российскую угрозу», которая якобы исходит с территории ПМР. Кроме того, ПМР обвиняли в том, что с ее территории наносятся ракетные удары по украинским объектам [7]. Молдова, в свою очередь, несмотря на предложения со стороны Украины восстановить территориальную целостность, отказалась от участия в каких-либо боевых действиях и не поддержала экономический блок антироссийских санкций.

Таким образом, перспектива развития ситуации вокруг постсоветских этнотерриториальных конфликтов в настоящий момент (середина апреля 2022 г.) остается неопределенной. Во многом дальнейший сценарий будет зависеть от развития СВО и ее итогов (окончательных или промежуточных). В случае успешного для России варианта развития событий с повестки дня на длительную перспективу будет снят вопрос Абхазии, Южной Осетии и ПМР. При неудачных итогах СВО фактически неизбежной является эскалация конфликтов. При этом в ПМР боевые действия могут начаться и в первом случае, если Украина будет пытаться втянуть в конфликт Молдову и Румынию.

Особняком в данном случае стоит нагорно-карабахский конфликт, где Азербайджан и Армения также могут попытаться использовать итоги СВО в свою пользу в рамках мирного урегулирования. Например, Баку в случае неоптимального исхода Украинского кризиса для России может поднять вопрос о выводе российских миротворцев из Нагорного Карабаха.

При неопределенности итогов СВО, тем не менее, можно с уверенностью констатировать, что нынешний этап Украинского кризиса при любом раскладе прямо или опосредованно приведет к серьезным геополитическим изменениям в европейской части постсоветского пространства и Закавказье, а, следовательно, и к трансформации всего региона.

Источники и литература:

1. Азербайджан и Армения договорились получить главам МИД заняться подготовкой будущего мирного договора – президент Совета ЕС [Электронный ресурс] // Trend.az. – 2022. – 7 апреля. – Режим доступа: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3578616.html>. – Дата доступа: 17.04.2022.

2. В ожидании бури: Южный Кавказ / М.С. Барабанов [и др.] ; под ред. К.В. Макиенко. – М. : Центр анализа стратегий и технологий, 2018. – 200 с.

3. Глава украинского СНБО призвал Польшу, Грузию и Молдавию вступить в войну с Россией [Электронный ресурс] // RuPosters. – 2022. – 27 марта. – Режим доступа: <https://ruposters.ru/news/27-03-2022/glava-ukrainskogo-snbo>. – Дата доступа: 17.04.2022.
4. Деятельность ГУАМ на постсоветском пространстве: намерения, результаты, перспективы / Д.А. Белашенко [и др.] // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14. – № 3. – С. 84–105.
5. Казакова, А. Киев поссорился с Грузией из-за антироссийских санкций [Электронный ресурс] / А. Казакова // РИА Новости. – 2022. – 2 марта. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220302/gruziya-1775899557.html>. – Дата доступа: 17.04.2022.
6. Маркедонов, С. М. Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты / С.М. Маркедонов // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 2. – С. 951–962.
7. Молдова не будет принимать военного участия в конфликте в Украине – президент [Электронный ресурс] // Интерфакс-Азербайджан. – 2022. – 2 марта. – Режим доступа: <http://interfax.az/view/860528>. – Дата доступа: 17.04.2022.
8. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 2 вересня 2015 року “Про нову редакцію Воєнної доктрини України” [Электронный ресурс] : Указ Президента України, 24 вересня 2015 року, №555/2015 // Президент України Володимир Зеленський. Офіційне інтернет-представництво. – Режим доступу: <https://www.president.gov.ua/documents/5552015-19443>. – Дата звернення: 17.04.2022.
9. Российские миротворцы установили контроль над территорией Нагорного Карабаха [Электронный ресурс] // Известия. – 2022. – 28 марта. – Режим доступа: <https://iz.ru/1311384/2022-03-28/rossiiskie-mirotvortcy-ustanovili-kontrol-nad-territoriei-nagornogo-karabakha>. – Дата доступа: 17.04.2022.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС КАК КАТАЛИЗАТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Д.А. Белашенко, В.В. Сикираж (Нижний Новгород)

В XXI в. постсоветское пространство претерпевает значительные изменения, связанные как с развитием внутренних процессов, так и с влиянием внешних факторов. За два с небольшим десятилетия регион столкнулся с фрагментацией и фактическим расколом на основе противостояния европейского и евразийского интеграционных проектов («дилемма интеграций»), многочисленными удачными и неудачными (с точки зрения организаторов) цветными революциями, эскалацией замороженных конфликтов и возникновением новых «горячих точек», территориальными изменениями и прочими серьезными потрясениями. Апофеозом трансформаций, происходящих на постсоветском пространстве, безусловно, стал Украинский кризис, вышедший далеко за географические рамки бывшего СССР. Антиконституционный переворот в Украине в 2014 г. и последовавшие за этим события в Крыму и Донбассе, а также действия внешних (в т.ч. внерегиональных акторов) выступили в качестве триггера этапа турбулентности как внутри страны, так и в рамках существующего миропорядка и современной системы международных отношений.

Предпосылки кризиса и последовавшего резкого ухудшения российско-украинских отношений можно проследить еще до Евромайдана, начавшегося в ноябре 2013 г., когда украинская власть во главе с президентом В.Ф. Януковичем балансировала между присоединением к Таможенному союзу в рамках

евразийской интеграции и подписанием Соглашения об ассоциации с ЕС. Кроме того, при президенте В.А. Ющенко Украина активизировала процесс по вступлению в НАТО. Подобные перспективы, угрожавшие безопасности России и стабильности ситуации на постсоветском пространстве, способствовали эскалации напряженности между Москвой и Киевом [4].

События 2014 г. существенно повлияли как на отдельные процессы и тенденции на постсоветском пространстве, так и на ситуацию в регионе в целом. Кроме того, активное вовлечение США и ЕС в Украинский кризис неизбежно активизировало их более пристальное внимание к другим странам и субрегионам бывшего СССР. Фактически можно говорить о том, что с началом Украинского кризиса «коллективный Запад» отказался признавать за Россией «особые права» на постсоветском пространстве. Подобный формат негласно действовал в 1990-х гг. и с большими оговорками в начале XXI в.

С развитием Украинского кризиса и нового этапа «дилеммы интеграций» пространство для маневра у России на постсоветском пространстве серьезно сужалось. Можно сказать, что Москва оказалась перед выбором дальнейшей модели политики в регионе. С одной стороны, в условиях перманентного вмешательства внерегиональных акторов в постсоветский период в традиционные для России сферы геополитических и геоэкономических интересов (европейская часть постсоветского пространства, Закавказье, Центральная Азия, ранее – Прибалтика) дальнейшее развитие событий в таком ключе привело бы в итоге к «сложению полномочий» регионального лидера без перспективы их дальнейшего восстановления. Второй вариант предполагал активное сопротивление экспансии коллективного Запада [3, с. 135].

Действия России продемонстрировали, что была сделана ставка на постепенную реализацию второго сценария. Однако этот процесс существенно осложнялся влиянием Украинского кризиса, усугубившего раскол постсоветского пространства, а также повлиявшего на позиции руководства ключевых союзников Москвы в регионе – Беларуси и Казахстана. Прежде всего, это касалось проблемы восприятия в этих странах событий в Крыму и Донбассе, поскольку элиты постсоветских государств традиционно с настороженностью относились к любым серьезным изменениям в региональных процессах [1].

В целом, можно выделить два ключевых направления, в рамках которых Россия активизировала свою деятельность на постсоветском пространстве. Первое касалось непосредственно Украинского кризиса, в котором Москва выступала в качестве одного из главных акторов, формально не являясь при этом, например, стороной конфликта в Донбассе. В течение практически 8 лет именно неурегулированность ситуации с Донецкой и Луганской народными республиками не позволяла Украине сосредотачивать основные политические ресурсы на теме вступления в ЕС и НАТО. Неспособность и неготовность Киева решить конфликт в Донбассе путем переговоров, потенциальных уступок и компромиссов затягивали кризис.

Второе направление политики России на постсоветском пространстве заключалось в активизации реализации евразийского интеграционного проекта, апогеем чего на данный момент стало создание Евразийского экономического союза [2, с. 28–30, 152–153]. Отдельного упоминания также

заслуживает интенсификация строительства Союзного государства России и Беларуси, начавшаяся в конце 2020 г. [4]. Кроме того, Россия усилила взаимодействие со своими стратегическими внерегиональными партнерами в рамках ШОС и БРИКС, что также способствовало укреплению статуса лидера постсоветского пространства.

С началом Специальной военной операции (СВО) России на территории Украины «ставки в игре» на постсоветском пространстве были максимально повышены. От исхода и итогов нынешнего этапа Украинского кризиса во многом зависит как будущий статус России, так и расклад сил на постсоветском пространстве и в действующей системе международных отношений в целом. В настоящее время (середина апреля 2022 г.) о будущей конфигурации территории бывшего СССР можно лишь предполагать, однако уже сейчас ясно, что перспектива существования постсоветского пространства в качестве цельного региона зависит именно от результатов СВО. Перечень прогнозов и сценариев достаточно широк, однако наиболее радикальные варианты предполагают либо консолидацию большей части постсоветского пространства вокруг России и евразийского интеграционного проекта, либо дальнейшую фрагментацию и окончательный распад региона.

Источники и литература:

1. Белашенко, Д.А. Последствия Украинского кризиса для постсоветского пространства: проблема восприятия России / Д.А. Белашенко, И.Ф. Шоджонов // Национальные интересы и внешняя политика России: история и современность. Сборник материалов VI-й Всероссийской научной конференции / отв. ред. А.Н. Сквозников. – Самара : Самарская гуманитарная академия, 2018. – С. 11–17.
2. Внешняя политика стран СНГ : учеб. пособие для студентов вузов / ред.-сост.: Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев. – М. : Аспект-Пресс, 2019. – 496 с.
3. Дурдыева, А.А. Дилемма интеграций на евразийском пространстве в контексте украинских событий / А.А. Дурдыева // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 3 (42). – С. 134–137.
4. Шаншиева, Л.Н. Беларусь и украинский кризис в контексте региональной безопасности [Электронный ресурс] / Л.Н. Шаншиева // Проблемы европейской безопасности. – 2016. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/belarus-i-ukrainskiy-krizis-v-kontekste-regionalnoy-bezopasnosti>. Дата доступа: 17.04.2022.

О ВОПРОСЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫМ ЗАПАДОМ НА РЕСПУБЛИКУ БЕЛАРУСЬ

О.О. Лемешевский, Д.С. Белькевич (Минск)

Современный мир беспрецедентно открыт. Ещё 25 лет назад коммуникативные способности были на порядок ниже современных. Огромный вклад в возможность каждому человеку владеть информацией внес интернет. Он сделал общение между людьми оперативным и открытым. На этом фоне можно наблюдать появление масштабных площадок для общения и передачи информации с большим уровнем социального проникновения – различные форумы, блоги, социальные сети (Facebook, Instagram, Telegram и др.), которые начали одерживать верх над своими предшественниками (радио, газеты, телевидение) [2].

Невозможность контролировать авторов интернет-публикаций в конечном итоге и сформировало уникальную среду для ведения пропаганды и информационных войн, массовых кампаний по дезинформации и распространению фейков.

Поводом распространения огромного количества дезинформации, новостей, которые отрицательно влияют на психологическое состояние граждан, чаще всего становятся различные избирательные кампании – выборы Президента страны, Правительства, либо в местные органы управления. Можно сделать вывод об использовании злоумышленниками интернет-пространства для осуществления своих политизированных преступных планов. Таким образом, главной задачей преступного элемента есть срыв политически значимых мероприятий в стране, а также организация массовых беспорядков и как итог установление новой лояльной западным странам власти. Злодеи, которые занимаются подобными информационными атаками, в основе своей состоят в штате военизированных формирований, имеют воинские звания, должностные обязанности. Таких «фабрик мысли» только в Европе насчитывается десятки тысяч [5].

На данный момент на Западе подготавливаются целые армии «интернет-бойцов», которые вбрасывают в социальные сети агитационно-пропагандистские и экстремистские материалы (видеоролики, карикатуры, аналитику), которые призывают народ повлиять на итоговый результат выборов в том направлении, которое выгодно «западным партнёрам». Только в США сейчас действует более 1700 «фабрик мыслей», которые работают на правительство и выполняют его заказы по изучению стран, их анализу, выявлению их слабых мест, ведению информационной войны.

Прозападные «фабрики мысли» открыто и достаточно свободно действовали и на территории Республики Беларусь до 2020 года. Сюда можно отнести Фонд им. Л. Сапеги, BelarusSecurityBlog (BSBlog), Центр стратегических и внешнеполитических исследований (ЦСВИ), и ряд других. Фонд им. Л. Сапеги, к примеру, поддерживается европейским фондом «Евразия» и специализируется на изучении местного самоуправления. BSBlog анализирует военную структуру Республики Беларусь, а также сотрудничества государства в рамках ОДКБ [1].

Можно заметить, что ряд прозападных белорусских «фабрик мыслей» располагается в Литве, Польше. Там находится Независимый институт социально-экономических и политических исследований, Белорусский институт стратегических исследований (BISS), Институт политических исследований «Политическая сфера» и множество других, которые работают в тени.

События, которые начались в августе 2020 года в Республике Беларусь, показали нам, что в информационной войне мы пока что отстаем по сравнению с оппонентами. К примеру, можно привести Польское подразделение «Spider», где сотни человек работают в интернет-ресурсах и воздействуют на информационное поле Республики Беларусь [3].

Сегодня проблеме информационного противоборства в Республике Беларусь уделяется усиленное внимание. Создаются тематические телеграмм-каналы, авторские телевизионные передачи, конкурсы и флешмобы Белорусского республиканского союза молодёжи. Государственный орган

Республики Беларусь, принимающий непосредственное участие в информационной войне, – Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь (ОАЦ), а также Пресс-службы органов внутренних дел.

Основными задачами ОАЦ выступают:

1. Координирование деятельности по обеспечению кибербезопасности государства в национальном сегменте сети Интернет;
2. Реализация функции независимого регулятора в сфере информационно-коммуникационных технологий;
3. Регулирование деятельности по обеспечению защиты информации.

На современном этапе встает вопрос о масштабировании потенциала для ведения информационного противоборства, создании так называемого «информационного спецназа». Это подразделения, главной задачей которых будет являться готовность к эффективным действиям в условиях информационной войны с западными странами и США [4].

Задачами новых информационных подразделений Беларуси станет работа над изобличением информационных фейков, доведением правдивой политической информации до населения и т.д. Каждая будущая функция подобных подразделений является основополагающей, т.к. в совокупности система будет давать стойкую защиту, информационную безопасность государства, снимать нагрузку и других органов, обеспечивающих государственную безопасность. Подразделения должны иметь штат, состоящий из профессиональных аналитиков, хакеров, а также хорошее оборудование и высокую скорость интернет-ресурсов.

Подводя краткий итог, хотим отметить, *первое*, что целесообразно сделать в ответ на усиливающееся информационное давление. Это создать государственную систему информационного противоборства, специальные подразделения для участия в информационной войне.

Второе – нужно резко усилить финансирование программ информационного противоборства. Мероприятия информационного противоборства должны финансироваться по принципу одного из главных приоритетов.

Источники и литература:

1. Акопян, О.А. Ведущие мировые фабрики мысли сегодня: новые смыслы на службе государства [Электронный ресурс] / О. А. Акопян // Национальный институт развития современной идеологии. – 2009. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/2760>. – Дата доступа: 16.04.2022.
2. Беляева, Н.Ю. «Мозговые центры» в России и странах Запада: сравнительный анализ / Н.Ю. Беляева, Д. Г. Зайцев // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 1. – С. 26–35.
3. Богуш, Д. Кратко о RAND Corporation [Электронный ресурс] / Д. Богуш // Psyfactor.org. – Режим доступа: <https://psyfactor.org/lib/rand.htm>. – Дата доступа: 16.04.2022.
4. Гриняев, С.Н. Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны / С.Н. Гриняев. – Минск : Харвест, 2004. – 448 с.
5. Зайцев, Д.Г. Мозговые центры в России и странах Запада: американские «эталонны» и российская специфика / Д.Г. Зайцев // Новый политический цикл: повестка дня для России : тезисы докладов Международной научной конференции, 5–6 декабря 2008 г. – М., 2008. – С. 107–109.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ И УКРАИНЫ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

А.В. Баранов (Краснодар)

Актуальность темы в том, что Турция – влиятельный и автономный актор международных отношений в Черноморском регионе. Цель данной работы – определить новые тенденции политики Турции в Черноморском регионе в условиях Украинского кризиса (2021 – начало 2022 гг.).

Прежде всего, необходимо выяснить идеологические основы политики Турции в Черноморском регионе. В Турции не принято публиковать концептуальные документы, но повседневные действия МИД и Министерства обороны подтверждают зависимость от детерминант стратегического мышления – геополитического расположения страны, исторической памяти, социокультурных параметров (прежде всего, политизированных трактовок ислама и пантюркизма), воздействия международных отношений. По мере усиления экономического и военно-политического потенциала Турция перешла от прозападного курса к неоосманизму (2002–2007 гг.), что тогдашний министр иностранных дел А. Давутоглу обосновывал в риторике создания пространства безопасности и стабильности [14]. Как полагает группа турецких аналитиков, концепция внешней политики ставит цель обрести статус региональной державы с глобальным влиянием, т.е. стать ключевой страной региона и конструировать порядок в соседних странах, достичь стратегической автономии в отношении Запада и России, создавать альтернативные альянсы и структуры партнёрства [18, р. 53]. Это означает продвижение проекта «Один народ – пять государств», укрепление Организации тюркских государств. Особые интересы Турция имеет в Крыму, воздействуя инструментами «мягкой силы» на крымскотатарское сообщество [2, с. 641–644].

В общественном мнении Турции сохраняется стереотип об угрозе со стороны соседей. Так, в 2020 г. анкетный опрос, проведённый социологами Университета Кадир Хас (выборка 1000 чел. старше 18 лет в 28 провинциях, при погрешности не более 3,0%), показал, что считали врагом Сирию 65,4% респондентов, Иран и Грецию – по 59%, Армению – 58,6%, Россию – 55,0%. Прозападные страны Причерноморья – Украина, Румыния, Болгария и Грузия в рейтинге на нижних позициях, т.е. они воспринимаются как объект турецкого воздействия, а не соперник. Считали РФ союзницей Турции 12,3% опрошенных, а Украину – 14,8%. Растущая мощь России находилась на 10-м месте в рейтинге внешнеполитических вызовов для Турции (13,7% ответов) [11, р. 25–26]. Удельный вес турок, полагавших, что их страна и РФ сотрудничают, за 2019–2020 гг. сократился с 55,8 до 37,0%. Сферами турецко-российского сотрудничества респонденты считают в наибольшей мере энергетику (57,0% ответов) и туризм (39,7%), а в наименьшей – международную политику (12,7%). Причинами проблем в двусторонних отношениях называют членство Турции в НАТО 27,5%, а «враждебную политику

России в отношении соседей» – 23,6%. Турецко-российские отношения оценивали как сотрудничество 24,9%, разногласия – 42,4%, соперничество – 21,8% и вражду – 10,9% [11, р. 66–68].

В аспекте геополитики Турция позиционирует Черноморский регион как «наш общий дом», выгодный перекрёсток экономических, транспортных и культурных взаимоотношений [12]. Турция считает себя стейкхолдером регионального порядка, контролируя черноморские проливы, трассы нефте- и газопроводов между Ближним Востоком, Каспием и ЕС, видя возможность восстановить контроль над утраченным в XVIII–XIX вв. имперским пространством. Турция благосклонно относится к западным проектам Балто-Черноморского междуморья, в частности, к участию в оси Польша–Румыния–Турция, направленной на изоляцию России. Турция в 2021 г. могла быть вовлечена в операцию НАТО на Донбассе как страна, временно возглавлявшая Объединенную оперативную группу повышенной готовности НАТО [13]. Получая выгоды от газопровода «Южный поток», Турция развивает и альтернативный газопровод ТАР, конкурирующий с российским транзитом энергоресурсов.

Экономический фактор проявляется в том, что Турция имеет наивысший среди стран Причерноморья ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (45-е место в мире, 33963 долл. США на 2021 г. по подсчётам Международного валютного фонда). Близкими по этому показателю к Турции странами являются Россия и Румыния, Украина отстаёт от них на 58,3% [21]. Объём товарооборота Турции с РФ за 2021 г. достиг 33,025 млрд долл. и вырос на 57%, по сведениям Федеральной таможенной службы России. Стоимость российского экспорта в Турцию выше стоимости импорта в 4,07 раз [5]. Для Турции очень значим российский транзит энергоносителей, а также строительство АЭС «Аккую». В 2018 г. РФ обеспечивала 47% турецкого импорта природного газа и 36% импорта угля [18, р. 28]. Для сравнения, товарооборот Турции с Украиной составляет 7,42 млрд долл. и тоже динамично растёт по расчётам турецкого Института статистики [1]. Инвестиции Турции в украинскую экономику превысили 4,5 млрд долл., Турция стала крупнейшим иностранным инвестором на Украине. 2 февраля 2022 г. Турция и Украина создали зону свободной торговли [15]. В том числе, это означает турецкое проникновение в ВПК Украины и поставки беспилотников «Байрактар», их производство на украинских предприятиях [8].

Военный фактор политики Турции в Черноморье состоит в модернизации и количественном росте вооружённых сил страны. По оценке Российского совета по международным делам, на 2015 г. Турция имела сухопутные войска в размере 612,8 тыс. чел., т.е., 45% численности вооружённых сил причерноморских стран, не считая РФ. Турецкие ВВС составляли 1/3 военно-воздушного потенциала в регионе, а ВМС сопоставимы с Черноморским флотом России по потенциалу, как полагал российский эксперт А.А. Храмухин летом 2021 г. [6; 9]. Успешно развивается турецкая военная промышленность. Турция поставляет беспилотники Польше и Украине, а турецкая компания Turkish Aerospace Industries намеревалась создать истребитель

нового поколения TF-X MMU с применением украинских агрегатов. Турция начала в 2021 г. постройку 4 корветов для ВМС Украины [8]. По отчетам Министерства обороны Турции за 2019 и 2020 гг., бюджет его программы на ведение военных операций за рубежом возрос втрое – с 21 221 до 67 822 тыс. долл. [18, р. 43–45]. 29 сентября 2021 г. подписан Меморандум о сотрудничестве между Министерством обороны Украины и компанией «Bayraktar Savunma» по строительству учебно-испытательного центра для обслуживания беспилотников и подготовке персонала [4]. В ноябре 2021 г. Турция подписала с Украиной соглашение о совместном строительстве по украинской технологии баллистических ракет типа «Зенит-2», а также военно-транспортных самолетов Ан-178. Украине были переданы 24 беспилотника «Байрактар» [7].

Этнорелигиозный фактор турецкой политики проявляется во влиянии методами «мягкой силы» на страны постосманского пространства. 12 ноября 2021 г. в Стамбуле проведён саммит Совета сотрудничества тюркоязычных государств. Он утвердил «Концепцию тюркского мира на период до 2040 г.». Лидер Партии национального движения, входящей в правящую в Турции парламентскую коалицию, подарил президенту Р.Т. Эрдогану карту «Тюркского мира», куда включена значительная часть территории Российской Федерации [10]. Используются культурно-просветительские организации и коммерческие структуры, проводится историческая политика для того, чтобы теснее привязать страны Причерноморья к Турции. Так, государственное учреждение «Diyanet İşleri Başkanlığı» с 2006 г. ведёт строительство мечетей и исламских культурных центров в 230 городах-побратимах на Балканах и Кавказе, реализует затратную программу издания исламской литературы на славянских языках [3]. Турция финансирует переселение беженцев из стран Ближнего Востока в Болгарию, Сербию и Черногорию. С учётом более высокого уровня рождаемости в Турции балканские страны опасаются данной экспансии. Победа Азербайджана в нагорно-карабахском конфликте 2021 г. усилила влияние Турции в Закавказье. Турция поддерживает активные связи с «Меджлисом крымскотатарского народа» (экстремистская организация, запрещённая в Российской Федерации). 3 февраля 2022 г. президент Р.Т. Эрдоган встретился в киевском аэропорту с руководителями данной организации Р. Чубаровым и М. Джемилёвым, подтвердив поддержку «украинской принадлежности» Крыма. С началом специальной военной операции в Украине МИД Турции организовал эвакуацию 20 тыс. граждан Турции, Азербайджана, Узбекистана, Туркменистана и крымских татар. Антироссийская риторика турецких СМИ усилилась [20].

Тем не менее, Турция стремится балансировать между противоречивыми интересами мировых акторов геополитики. С ноября 2021 по февраль 2022 гг. Р.Т. Эрдоган несколько раз выступал с инициативой посредничества в урегулировании российско-украинского конфликта. Министр обороны Турции Х. Акар призвал 18 февраля 2022 г. стороны конфликта к деэскалации напряжённости и сохранению статус-кво в Черноморском регионе [19]. Но одновременно Турция поддерживает вступление Украины в НАТО и выражает надежды на возвращение Крыма к статусу до 1774 г. С учётом

военно-технического сотрудничества Турции и Украины Россия имеет все основания считать турецкую позицию пристрастной и непоследовательной. Как известно, сначала Турция отказалась закрыть Босфор и Дарданеллы для прохода 16 российских военных кораблей и сделала это только под нажимом Запада. Турция ссылается на ст. 19 Конвенции Монрё, которая позволяет Турции запретить проход через проливы кораблей воюющих государств. Но Конвенция даёт возможность пересечения проливов кораблями воюющих стран с целью возврата к их портам базирования, а это позволяет России выводить свои силы из Средиземного в Чёрное море [17]. Компромиссное решение Турции вызвало критику со стороны Запада. Профессор Стоктонского центра международного права в Военно-морском колледже (США) Дж. Краска писал: «Решение Турции закрыть водные пути не решает проблему транзита военных кораблей через проливы, но усложняет ее отношения с Россией и создает новые и непреднамеренные юридические проблемы с ее партнерами по НАТО» [17]. Выражая словесную солидарность с Украиной, Турция не намерена на момент написания нашей работы присоединиться к антироссийским экономическим санкциям [16], что подтверждает её курс на лавирование между Западом и Востоком.

Будучи членом НАТО, Турция проводит относительно автономный курс многовекторной дипломатии в регионе на основе неоосманизма, претендуя стать самостоятельным актором геополитики. Турция использует своё выгодное геополитическое расположение для давления на Россию, но одновременно – для извлечения выгоды от транзита энергоресурсов и торговых контактов. В условиях Украинского кризиса 2013–2022 гг. Турция маневрирует между Западом и Российской Федерацией, претендуя на роль посредника в российско-украинском конфликте. Турция заинтересована в экономической, политической и культурной экспансии в регионе, что проявляется в её закреплении на Балканах, Кавказе, отношениях с крымскотатарской диаспорой. Основными факторами политики Турции в Черноморском регионе можно назвать геополитический, экономический, военный и этнорелигиозный. Они обуславливают лавирование Турции между интересами НАТО и России. В условиях специальной военной операции в Украине пространство для манёвра турецкой дипломатии сужается, что чревато принятием Анкарой недостаточно взвешенных решений.

Источники и литература:

1. Бочуоглу Бадур, А. Визит Эрдогана в Украину открывает новые возможности для делового сотрудничества [Электронный ресурс] / А. Бочуоглу Бадур, У. Амуева // Агентство Анадоу. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru/политика/визит-эрдогана-в-украину-открывает-новые-возможности-для-делового-сотрудничества/2490778#>. – Дата доступа: 12.04.2022.
2. Демирель, Н. Реализация внешнеполитических установок Турецкой Республики в отношении государств Черноморского региона: сферы сотрудничества и конфликта / Н. Демирель // *Via in tempore. История. Политология*. – Белгород, 2020. – Т. 47, № 3. – С. 640–646.
3. Игнатъев, А. Мягкая сила Великого Турана [Электронный ресурс] / А. Игнатъев // Фонд стратегической культуры. – Режим доступа: <https://www.fondsk.ru/news/2021/11/23/mjagkaja-sila-velikogo-turana-54963.html>. – Дата доступа: 12.04.2022.

4. Маркедонов, С.М. Турция в Черноморском регионе: риски для России? [Электронный ресурс] / С.М. Маркедонов // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turtsiya-v-chernomorskom-regione-riski-dlya-rossii/>. – Дата доступа: 12.04.2022.
5. Оборот торговли между Россией и Турцией вырос на 57% в 2021 году [Электронный ресурс] // ПРАЙМ. – Режим доступа: https://1prime.ru/state_regulation/20220207/836007596.html. – Дата доступа: 12.04.2022.
6. Соотношение вооруженных сил в Черноморском регионе. Турция [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blackseamilitary-turkey#costs>. – Дата доступа: 12.04.2022.
7. Турция тайно передаст Украине более 20 «Байрактаров» в ближайшее время, – Bloomberg [Электронный ресурс] // Русская весна. – Режим доступа: <https://rusvesna.su/news/1638564499>. – Дата доступа: 12.04.2022.
8. Уваров, А. Отуречивание самостийного ВПК. Турция с аппетитом подъедает украинскую оружейку [Электронный ресурс] / А. Уваров // Фонд стратегической культуры. – Режим доступа: <https://www.fondsk.ru/news/2021/11/21/oturechivanie-samostijnogo-vpk-54947.html>. – Дата доступа: 12.04.2022.
9. Храмчихин, А. А. Чёрное море: паритет без перемирия [Электронный ресурс] / А. А. Храмчихин // Независимое военное обозрение. – 2021. – 8 июля. – Режим доступа: https://nvo.ng.ru/armament/2021-07-08/6_1148_blacksea.html. – Дата доступа: 12.04.2022.
10. Эрдогану подарили карту «Турецкого мира» с российской территорией [Электронный ресурс] // Русская весна. – Режим доступа: <https://rusvesna.su/news/1637175560>. – Дата доступа: 12.04.2022.
11. Aydin, M. et al. Quantitative Research Report on Public Perceptions on Turkish Foreign Policy – 2020 / M. Aydin et al. – İstanbul : Kadir Has University & Akademetre, 2020. – 105 p.
12. Aydogan, M. “Black Sea Region is Our Common Home”. Turkey’s Foreign Minister Urges Black Sea Region to Be Kept Away From Tensions [Electronic resource] / M. Aydogan // Anadoly Agency. – Mode of access: <https://www.aa.com.tr/en/politics/black-sea-region-is-our-common-home/2218232>. – Date of access: 12.04.2022.
13. Çetiner Çetin. Komuta Türkiye’de [Electronic resource] // Haberturk. – Mode of access: <https://www.haberturk.com/yazarlar/cetiner-cetin/3292294-komuta-turkiyede>. – Date of access: 12.04.2022.
14. Davutoglu, A. Stratejik Derinlik: Türkiye’nin Uluslararası Konumu / A. Davutoglu. – İstanbul : Küre Yayinlari, 2012. – XIII, 584 p.
15. Gaber, Ye. Turkey’s Policies in the Black Sea: Horizon 2030 / Ye. Gaber. – Waterloo : University of Waterloo, 2021. – 8 p.
16. Iclal Turan, R. “Russian Attack on Ukraine Will Change the World” [Electronic resource] / R. Iclal Turan, H. Kazanci // Anadoly Agency. – Mode of access: <https://www.aa.com.tr/en/antalya-diplomacy-forum-2022/russian-attack-on-ukraine-will-change-the-world-turkiyes-foreign-minister/2530888>. – Date of access: 12.04.2022.
17. Kraska, J. Can Turkey Legally Close Its Straits to Russian Warships? It’s Complicated [Electronic resource] / J. Kraska // Foreign Policy. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2022/03/01/turkey-black-sea-straits-russia-ships-ukraine-war/>. – Date of access: 12.04.2022.
18. Neset, S. et al. Turkey as a Regional Security Actor in the Black Sea, the Mediterranean, and the Levant Region / S. Neset et al. – Bergen : Chr. Michelsen Institute, 2021. – 68 p.
19. Status quo in Black Sea is of Vital Importance: Defense Minister [Electronic resource] // Hurriyet. – Mode of access: <https://www.hurriyetaidailynews.com/status-quo-in-black-sea-is-of-vital-importance-defense-minister-171637>. – Date of access: 12.04.2022.
20. Turkey Aims to End Suffering of Ukrainian Civilians: Erdoğan [Electronic resource] // Sabah. – Mode of access: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkey-aims-to-end-suffering-of-ukrainian-civilians-erdogan>. – Date of access: 12.04.2022.
21. World Economic Outlook October 2021 [Electronic resource] // International Monetary Fund. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021>. – Date of access: 12.04.2022.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ: ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ ЕС В ОТНОШЕНИИ БЕЖЕНЦЕВ НА ПРИМЕРЕ ЛИТВЫ

Н.М. Межевич (Москва – Санкт-Петербург),
Н.М. Сенник (Санкт-Петербург)

В настоящее время мы являемся свидетелями того, как западное сообщество всеми доступными способами стремится пролонгировать напряженность ситуации в Украине, поставляя вооружение ВСУ, оказывая политическую поддержку правительству Зеленского, разжигая русофобию по всему миру.

С нашей точки зрения, главной целью такой политики является стремление с помощью конфликта в Украине разрешить многочисленные внутренние и внешние противоречия, скопившиеся в экономике ЕС, США и Великобритании за годы пандемии.

Как бы это не звучало цинично, но то, что для одних стран является национальной трагедией, для других становится способом решения своих экономических и внутривнутриполитических проблем.

Текущий общемировой экономический кризис вынуждает многие западноевропейские страны к внутри- и межрегиональному перераспределению накопившихся во время пандемии издержек, поиску альтернативных ресурсов экономического роста. Особое место в подобных процессах исторически принадлежит международному перераспределению трудовых ресурсов – миграции [2].

Поставив Украину в условия гуманитарной и экономической катастрофы, Запад планомерно проводит политику замещения мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки украинскими беженцами.

По данным ООН на 13 апреля 2022 года Украину покинуло 4,7 млн человек [7]. И хотя ЕС называет это крупнейшим гуманитарным кризисом в Европе за долгие годы, важно помнить, что не так давно континент столкнулся с еще одним критическим гуманитарным вызовом – «кризисом беженцев» 2015 года, спровоцированным конфликтом в Сирии. И сегодня мы можем наблюдать яркий контраст в реакции Европы на эти две ситуации.

Следует отметить, что даже сейчас к выходцам из Африки, Азии и Ближнего Востока, бегущим из Украины, в ЕС относятся не так благожелательно, как к гражданам Украины. Растет число сообщений о студентах и мигрантах из Африки, Ближнего Востока и Азии, которые столкнулись с расистским обращением, препятствиями и насилием, пытаясь бежать из Украины. Многие рассказали, что им не разрешали садиться в поезда и автобусы в украинских городах, в то время как приоритет отдавался гражданам Украины; другие рассказали, что украинские пограничники агрессивно оттаскивали и останавливали их при попытке пересечь границу с соседними странами [4].

Соседние с Украиной страны ответили изъявлением общественной и политической поддержки беженцев. Политические лидеры публично заявили, что беженцы из Украины приветствуются, и страны готовятся принимать беженцев на своих границах с помощью групп добровольцев, раздающих

еду, воду, одежду и лекарства. Словакия и Польша заявили, что беженцам, спасающимся от войны в Украине, будет разрешен въезд в их страны даже без паспортов или других действительных проездных документов; другие страны ЕС, такие как Ирландия, объявили о немедленной отмене визового режима для людей, прибывающих из Украины.

По всей Европе для украинских беженцев предоставляется бесплатный общественный транспорт и телефонная связь. ЕС предлагает повторно активировать Директиву о временной защите, введенную в 1990-х годах для управления крупномасштабными перемещениями беженцев во время кризиса на Балканах. По этой схеме беженцам из Украины будет предложена временная защита на срок до трех лет в странах ЕС без подачи заявления о предоставлении убежища, с правом на вид на жительство и доступ к образованию, жилью и рынку труда.

ЕС также предлагает упростить пограничный контроль и условия въезда для людей, бегущих из Украины. Украинские беженцы могут путешествовать без визы в течение 90 дней по странам ЕС, и многие из них уезжают из соседних стран, чтобы воссоединиться с семьей и друзьями в других странах ЕС.

Одновременно можно наблюдать дискриминацию в отношении «прежних» беженцев. Великобритания планирует в ближайшее время потратить 120 миллионов фунтов стерлингов на депортацию нелегальных мигрантов в Руанду. А когда украинцы пришли в Берлин, сирийцам и афганцам пришлось покинуть свои дома, в которых некоторые из них жили годами.

Литва идет в авангарде новой миграционной политики Западной Европы. Еще 21 февраля 2022 года за 3 дня до начала спецоперации на сайте литовского информационного портала The Lithuania Tribune появилось интервью с Министром внутренних дел Литвы Агне Билотайте. Уже тогда Литва рассчитывала принять около 100 тысяч беженцев из Украины [6]. Для страны с населением в 2,8 млн человек это весьма значительное количество, учитывая, что в самой Литве наблюдается стремительное старение населения, а украинские беженцы в основном – дети и женщины трудоспособного возраста. Так, в Вильнюсском уезде около 90% украинских беженцев, обратившихся на биржу труда, – женщины в возрасте 24–44 лет. Почти половина из них имеет высшее образование [9]. Литовская служба занятости оценивает украинских беженцев как образованных, трудолюбивых и целеустремленных [9]. И это на фоне того, что в прежние времена Литва крайне неохотно предоставляла убежище людям из стран Ближнего Востока и Африки. В прошлом ЕС неоднократно критиковало Литву за игнорирование правил, касающихся предоставления убежища. За время миграционного кризиса, сотрясавшего Европу, Департамент миграции Литвы рассмотрел около 3000 заявлений о предоставлении убежища, но только около 100 из них были положительными [6].

В июле 2015 года глава правительства Литвы Альгирдас Буткявичюс утверждал, что Литва готова принять лишь от 30 до 40 сирийских беженцев вместо 710, которых требовал ЕС [3].

Готовясь к столь значительному потоку беженцев из Украины, Литва в феврале 2022 года возобновила программу, впервые введенную еще в декабре 2021 года, по которой беженцам единовременно выплачивалась сумма в размере 1000 евро при условии их добровольного возвращения на родину.

Можно говорить о том, что прогнозы литовского правительства уже оправдались – по состоянию на 08.04.2022 количество зарегистрированных в Литве украинских беженцев составило 41,9 тыс. человек из них несовершеннолетних – 17,5 тыс. человек [5].

Совсем еще недавно, в конце 2021 года, ужасное обращение с мигрантами и лицами, ищущими убежища, в основном из Ирака и Афганистана, застрявшими на границах Беларуси с Польшей и Литвой, вызывало возмущение в Европе.

Польские пограничники жестоко обращались с этими беженцами и мигрантами, многие из которых получили серьезные ранения. Тысячи застряли в лесах между двумя странами в ужасных условиях без еды, крова, одеял и лекарств, десятки мигрантов погибли от холода. В ответ на эту ситуацию Польша направила к своей границе солдат, установила забор из колючей проволоки и начала строительство 186-километровой стены.

Беларусь с начала 2014 года приняла по разным оценкам от 170 до 200 тысяч украинских беженцев из-за конфликта на Донбассе [1]. При этом белорусы предоставляют жилье, еду, одежду и медицинскую помощь одинаково всем ищущим убежища независимо от национальности и цвета кожи.

Литва в отношении к беженцам сильно отстает от Беларуси и мало чем отличается от Польши. Согласно отчету об исламофобии около 47,9% литовцев не хотели бы жить рядом с мусульманами по соседству, а преступления на почве ненависти и случаи ее разжигания по-прежнему не регистрируются в литовской полиции или регистрируются как общеуголовные преступления [8]. Однако дискриминационная политика и двойные стандарты в отношении беженцев являются стратегической ошибкой как для ЕС в целом, так и для Литвы в частности.

С одной стороны, мы должны задаться вопросом: что будет, когда после окончания российской спецоперации в Литву приедут мужья, отцы и братья уже обосновавшихся в Вильнюсе украинцев? Литва получит десятки тысяч взрослых мужчин с плохо прогнозируемым менталитетом. Можно предположить, что определенная часть украинцев, воспитанная в духе националистической пропаганды, имея травматичный опыт боевых действий, будет испытывать определенные трудности в интеграции. Если «старые» беженцы более-менее успешно заняли периферийные социальные и экономические ниши в европейском обществе, то со стороны украинских беженцев Европа в ближайшем будущем может столкнуться с серьезным, планомерным выдавливанием коренного населения из основных сфер жизнедеятельности. Тем более критичной такая ситуация станет в стране с таким незначительным населением, как Литва.

С другой стороны, отдельной проблемой является непосредственно сам тектонический сдвиг в основополагающих положениях миграционной политики ЕС, который мы наблюдаем. Невиданные преференции «расово-чистым» украинским беженцам по сравнению с людьми из стран Ближнего Востока и Африки заставляют серьезно задуматься об искренности той

борьбы с расизмом, которую западное общество ведет последние десятилетия, и предположить в ближайшем будущем кардинальную смену мировоззренческой парадигмы ЕС, когда вместо осуждения европейские лидеры начнут приветствовать дифференцированное по расовому признаку отношение литовского правительства к беженцам.

Источники и литература:

1. Лукашенко назвал число украинских беженцев за все время конфликта на Донбассе [Электронный ресурс] // EADaily. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2022/03/18/lukashenko-nazval-chislo-ukrainskih-bezhencev-za-vse-vremya-konflikta-na-donbasse>. – Дата доступа: 13.04.2022.
2. Межевич, Н.М. Миграционные установки населения Литвы во время пандемии COVID-19 / Н. М. Межевич, Н.М. Сенник // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 72–79.
3. Страны Балтии: квоты ЕС по беженцам – повод для тревоги? [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/страны-балтии-квоты-ес-по-беженцам-повод-для-тревоги/a-18494088>. – Дата доступа: 13.04.2022.
4. Busari, S. Foreign students fleeing Ukraine say they face segregation, racism at border [Electronic resource] / S. Busari // CNN. – 2022. – Mode of access: <https://edition.cnn.com/2022/02/28/europe/students-allege-racism-ukraine-cmd-intl/index.html>. – Date of access: 13.04.2022.
5. Lietuvoje registruota 41,9 tūkst. karo pabėgėlių iš Ukrainos [Electronic resource] // 15min. – Mode of access: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/lietuva/lietuvoje-registruota-41-9-tukst-karo-pabegeliu-is-ukrainos-56-1664296?copied>. – Date of access: 15.04.2022.
6. Lithuania prepares for a scenario where 100,000 refugees from Ukraine are accepted [Electronic resource] // The Lithuania Tribune. – Mode of access: <https://lithuaniatribune.com/lithuania-prepares-for-a-scenario-where-100000-refugees-from-ukraine-are-accepted/>. – Date of access: 14.04.2022.
7. Operational data portal [Electronic resource] // Operational Data Portal. – Mode of access: <https://data2.unhcr.org/en/situations/ukraine>. – Date of access: 13.04.2022.
8. Sabatauskaitė, B. European Islamophobia Report 2016: Lithuania [Electronic resource] / B. Sabatauskaitė, E. Tilindienė, K. Žibas // European Islamophobia. – Mode of access: <http://www.islamophobiaeurope.com/wp-content/uploads/2017/03/LITHUANIA.pdf>. – Date of access: 14.04.2022.
9. Ukrainos karo pabėgėliai – išsilavinę, darbštūs ir motyvuoti [Electronic resource] // Užimtumo tarnyba. – Mode of access: <https://uzt.lt/news/ukrainos-karo-pabegeliai-issilavine-darbstus-ir-motyvuoti>. – Date of access: 14.04.2022.

ОТНОШЕНИЕ КНР К ВОПРОСУ РЕФОРМИРОВАНИЯ ООН

Ма Джин Юй (Минск)

С началом XXI века международная обстановка претерпела глубокие и сложные изменения. Мир и устойчивое развитие по-прежнему остаются актуальными темами в международной повестке, но увеличились степень неопределенности и воздействия дестабилизирующих факторов. Достижение прочного мира и всеобщего развития человеческого общества сопряжено со все более серьезными вызовами.

В условиях развития глобализации и всевозрастающей взаимозависимости стран глобальные угрозы и вызовы становятся многообразными и все более взаимосвязанными. Ко всем этим угрозам следует относиться серьезно и нельзя отдавать предпочтение одной перед другой. Правительство

КНР убеждено, что все страны должны работать вместе, чтобы углублять взаимопонимание посредством общения, укреплять доверие посредством диалога, развивать сотрудничество посредством общения и предпринимать совместные действия для устранения угроз и вызовов, особенно для устранения их коренных причин [1].

Официальный Пекин убежден, что важнейшим актором в этих международных процессах является Организация Объединенных Наций (ООН). Роль ООН в международных отношениях сложно переоценить. Как наиболее универсальная, представительная и авторитетная межправительственная международная организация, ООН является наилучшим местом для практики многосторонности и организации эффективной площадки для коллективного противодействия различным угрозам и вызовам, она должна и впредь быть вестником поддержания мира и содействия развитию. Укрепление роли ООН посредством реформ отвечает общим интересам всего человечества.

Однако вызовы времени диктуют необходимость пересмотреть задачи и функции этой организации, провести ее реформирование. Данный процесс уже идет на протяжении нескольких лет. В 2021 г. на рассмотрение государств были представлены доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, доклад Проекта развития тысячелетия ООН и обобщающий доклад Генерального секретаря ООН, посвященные вопросам реформирования организации и стратегии ее будущего развития.

Власти КНР положительно оценили представленные документы, в которых представлено много полезных идей и предложений по активизации деятельности ООН и реформе Совета Безопасности. Как отмечают официальные представители КНР, их страна готова работать со всеми сторонами для достижения положительных результатов в реформировании ООН, надеется на успех запланированного на сентябрь 2022 г. саммита по этому вопросу.

Китай считает, что реформа ООН должна следовать следующим принципам [2]:

- реформы должны способствовать продвижению многосторонности, повышению авторитета и эффективности ООН, ее способности реагировать на новые угрозы и вызовы;
- реформы должны поддерживать цели и принципы Устава ООН, особенно суверенное равенство, невмешательство во внутренние дела, мирное урегулирование споров и укрепление международного сотрудничества;
- реформа является всеобъемлющей и многоплановой, она должна привести к серьезным положительным изменениям как в области безопасности, так и в области развития, содействовать увеличению инвестиций в развивающиеся страны, а также реализации Целей устойчивого развития;
- реформа должна в максимально возможной степени отвечать требованиям и интересам всех государств-членов, особенно развивающихся стран. Следует продвигать демократию, проводить всесторонние консультации и прилагать усилия для достижения самого широкого консенсуса;
- реформы должны проводиться поэтапно, чтобы сохранить и укрепить единство государств-членов ООН. Решения могут быть приняты

как можно скорее и введены в действие на основе консенсусных рекомендаций; по основным вопросам, где все еще существуют разногласия.

Соответственно, реализация китайского видения реформирования ООН предполагает существенные изменения, как в работе Генеральной Ассамблеи ООН, так и Совета Безопасности, и Секретариата ООН. Китай выступил с конкретными предложениями по этим вопросам.

С точки зрения КНР, Генеральная Ассамблея ООН [3]:

- является важным органом демократического принятия решений в ООН. Китай поддерживает реформы, направленные на повышение эффективности работы Генеральной Ассамблеи и укрепление ее возможности по принятию действенных решений;

- Китай выступает за принятие пакета планов по активизации работы Генеральной Ассамблеи и открыт для конкретных предложений других стран;

- Китай поддерживает надлежащее сокращение и оптимизацию повестки дня работы Генеральной Ассамблеи. Каждый год обсуждаются некоторые важные и существенные вопросы в соответствии с интересами всех сторон, особенно развивающихся стран. Проблемы, которые не являются ключевыми, могут быть удалены из повестки работы Ассамблеи;

- Китай придает большое значение конструктивной роли гражданского общества в международных отношениях и готов продолжать дискуссии о создании механизма взаимодействия между Генеральной Ассамблеей и гражданским обществом. Участие гражданского общества в деятельности ООН не должно влиять на ее статус и характер ее деятельности как межправительственной международной организации, а также на порядок работы и эффективность ООН.

Относительно Совета Безопасности (СБ) Китай придерживается позиции, что его реформирование должно включать не только вопросы расширения, но и такие важные аспекты, как повышение эффективности работы и совершенствование ее методов. Реформа СБ ООН должна следовать следующим принципам:

- повышение авторитета и эффективности СБ в целях эффективного реагирования на глобальные угрозы и вызовы;

- приоритет должен отдаваться увеличению представительства развивающихся стран. Развивающиеся страны уже составляют более двух третей от общего числа государств-членов ООН, но их представительство в СБ остается на крайне низком уровне. Эту ситуацию необходимо исправить;

- большему количеству стран, особенно малых и средних, должно быть предоставлено больше возможностей поочередно входить в СБ и участвовать в принятии его решений;

- при формировании состава СБ ООН необходимо придерживаться принципа географического баланса и учитывать представленность разных культур и цивилизаций;

- планы реформ с участием регионов должны быть сначала согласованы в рамках соответствующих региональных групп. Китай считает, что принцип региональной ротации, отстаиваемый некоторыми странами, заслуживает внимания и рассмотрения;

– приверженность консенсусу, который является важным принципом Устава ООН, направлена на учет интересов всех сторон, особенно малых и средних стран. Только решения, принятые на основе консенсуса, могут завоевать самое широкое доверие и поддержку. Китай выступает против искусственного установления сроков и насильственного голосования по предложениям с существенными различиями.

Пекин подчеркивает и необходимость реформы Секретариата ООН. В частности:

– Китай поддерживает усилия Генерального секретаря по оптимизации Секретариата за счет улучшения качества управления.

– Китай поддерживает ООН во внедрении более простой и легкой системы планирования и составления бюджета, а также в своевременном пересмотре программ и мероприятий, санкционированных Генеральной Ассамблеей, для определения актуальности этих мероприятий и обеспечения достаточных ресурсов.

– При наборе персонала секретариата должны эффективно осуществляться положения Устава ООН, соблюдаться принцип справедливого географического распределения и учитываться гендерное равенство.

– Китай надеется, что Секретариат повысит прозрачность и доверие к управлению, повысит эффективность и укрепит подотчетность.

Относительно миротворческих сил ООН Китай придерживается позиции наделения корпуса «голубых касок» новыми функциями.

Таким образом, КНР в качестве члена Генассамблеи и СБ ООН занимает независимую позицию в вопросах реформы организации, подчеркивает свою значимую роль в решении международных проблем. Официальный Пекин последовательно наращивает усилия по международному сотрудничеству в разрешении наиболее острых международных проблем современности, недопущении вооруженных конфликтов, сохранении мира и стабильности в регионах и странах с напряженной обстановкой. Тем не менее, относительно реформирования СБ ООН официальный Пекин занимает достаточно консервативную позицию – признавая необходимость такого реформирования, китайские дипломаты настаивают на долгих консультациях и тщательно выверенном консенсусе, чтобы сохранить свою достаточно привилегированную позицию в данной организации.

Источники и литература:

1. Арсентьева, И.И. Внешняя политика КНР: реалии и тенденции развития / И.И. Арсентьева // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2014. – № 4. – С. 6–14.

2. Ахмадеева, Я.М. Развитие внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики с 1949 года по начало XXI века [Электронный ресурс] / Я.М. Ахмадеева // Общество. Коммуникация. Образование. – 2018. – Т. 9, № 1. – Режим доступа: <https://razvitie-vneshnepoliticheskikh-kontseptsiy-kitayskoj-narodnoj-respubliki-s-1949-goda-po-nachalo-xxi-veka.pdf>. – Дата доступа: 28.03.2022.

3. Документ с изложением позиции Китая по реформе ООН [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/chn//pds/ziliao/tytj/t199083.htm>. – Дата доступа: 12.04.2022.

ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» КАК ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ПОЛИТИКИ «ОТКРЫТОСТИ ВНЕШНЕМУ МИРУ»

А.И. Лычагин, Д.Г. Меркулова (Нижний Новгород)

В период с 18 по 22 декабря 1978 года в Пекине прошёл 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, в ходе которого был окончательно отвергнут курс «два абсолютно» (все решения Председателя Мао необходимо защищать и все указания – беспрекословно соблюдать). Основными решениями, базирующимися на теории Дэн Сяопина и принятыми на пленуме, стали: курс на социалистическую модернизацию, а также акцент на экономике как центральном звене и переход к «открытости внешнему миру».

«Последовательность этапов китайских реформ, – как отмечает Д.Г. Сухарчук, – повторяет схему, которая была положена в основание новой экономической политики начала 20-х годов в РСФСР» [6, с. 126]. Однако, если в России данное явление не получило историко-логического развития ввиду необходимости сдерживания сектора экономики в руках правительства, то китайский пример показал, как сочетание идеологических изменений вкупе с экономическими реформами преодолело все ошибки, допущенные в период управления государством Председателем Мао, а также неудачи ввиду следования плановой экономики.

Партия неуклонно реформировала старую экономическую и политическую структуру, которые не соответствовали развитию производственных сил и общественному прогрессу, при этом вся реформа проходила под знаком творческого совершенствования материалистической, марксистской идеологии. Таким образом, реформы Дэн Сяопина, опирающиеся на модернизацию и открытость Китая, стали одним из ключевых факторов его становления как великой державы и формирования явления социализма с китайской спецификой, являющейся основой китайской политики и по сей день.

Политика «открытости внешнему миру» стала отличительной чертой реформ Дэн Сяопина, который, подобно Мао Цзэду, стремился укрепить и углубить отношения с Соединёнными Штатами. Однако, если курс Мао был направлен на интеграцию с США на противостояние Советскому Союзу (результатом чего послужило признание американской стороной правительства Пекина и его последующее признание в качестве единственного законного представителя в ООН в 1971 году [5]), то Дэн Сяопин стремился к усилению экономических отношений с США.

Так 1 января 1979 года Дэн Сяопин прибыл на встречу с Джимми Картером в Вашингтон, в результате чего был заключён ряд договоров о взаимном экономическом и техническом сотрудничестве. Данное событие вошло в мировую историю как окончательное установление связей между КНР и США (немаловажным здесь является то, что даже после нападения Китая на Вьетнам под предлогом защиты своих границ в феврале 1979 года, американская сторона не осудила Китай, в отличие от российской специальной операции в Украине, начавшейся 24 февраля 2022 года).

Важным аспектом здесь является то, что в результате установления отношений с американской стороной КНР получила право беспошлинного ввоза китайских товаров на территорию Соединённых Штатов, что впоследствии стало одним из факторов становления «китайского экономического чуда» и Китая в роли ведущей экономики мира.

Таким образом, политика «открытости внешнему миру», как одна из программ реформ Дэн Сяопина, стала, пожалуй, основным фактором развития Китая в качестве ведущей державы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Данный политический курс позволил Китайской Народной Республике преодолеть ошибки, совершённые в годы «большого скачка» (1958–1962 гг.) и «культурной революции» (1966–1976 гг.), а также развить экономический и политический секторы за счёт улучшения отношений с Соединёнными Штатами, и как следствие, полученными инвестициями, что стало одной из основ явления «Китайского чуда».

Политика «открытости внешнему миру» долгое время являлась одной из основ китайской дипломатии, благодаря чему Китай по праву стал одним из ведущих политических центров мирового порядка. Сочетание данного политического курса с разработанной впоследствии программой построения «сообщества единой судьбы человечества» не только позволило Китаю заручиться поддержкой стран различных регионов, но и распространить своё влияние в них.

Ситуация изменилась ввиду нового экономико-политического курса КНР, именуемого «Один пояс – один путь». Проект «Один пояс – один путь» стал инициативой Китайской Народной Республики, направленной на создание зон свободной торговли и устранение инвестиционных и торговых барьеров, посредством совершенствования существующих и формирования новых транспортных, торговых и экономических коридоров с более, чем 70 государствами регионов Центральной Азии, Ближнего Востока, Африки и Европы.

Впервые идея о создании ЭПШП (Экономический Пояс Шёлкового Пути) прозвучала 7 сентября 2013 года в Назарбаев Университете, в Астане, в период посещения Си Цзиньпин стран региона Центральной Азии. Тогда в своей речи, озаглавленной «Развивать дружбу между народами, совместно создавать прекрасное будущее», Председатель КНР упомянул о необходимости создания новых форм взаимодействия стран для продвижения в торгово-экономической сфере. В октябре того же года Си Цзиньпин в Совете народных представителей Индонезии обнародовал идеи построения Морского Шёлкового пути XXI века [1].

Обе программы были закреплены в документе «Концепция и план действий по содействию совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» от 28 марта 2015 года. При этом руководство Пекина обнародовало шесть экономических коридоров, одним из которых стал маршрут, проходящий через Киргизию, Узбекистан, Иран, Турцию, а его конечной точкой являлась Германия.

На сегодняшний день программа реализации данной инициативы проходит довольно успешно, в частности, в регионах Среднего и Ближнего

Востока. В результате реализации данной программы КНР удалось не только наладить экономические связи с государствами, но и распространить своё политическое влияние в них.

Как отмечает Ю.М. Галенович, текущая проблематика программы «Пояса – пути» напрямую завязана на концепции «о великом возрождении великой нации Китая», которое в нынешних условиях «приобретает форму противостояния, а в будущем, вероятно, столкновения Китая (Востока) и Америки (Запада)» [2, с. 172]. Ю.М. Галенович утверждает, что текущая повестка в отношениях с Китаем кроется в возможном возрождении идей «эгоизма и эгоцентризма нации Китая» и национализме Мао Цзэдуна и его последователей.

О необходимости расширения влияния КНР заявил и ныне действующий Председатель КНР Си Цзиньпин. С 26 по 29 октября в Пекине состоялся Пятый пленум ЦК КПК 19-го созыва, на котором глава государства заявил о необходимости следования курсу «открытости внешнему миру», однако он также отметил, что данный курс требует модернизации и так называемой «новой архитектоники», обусловленной новыми политическими вызовами и проблемами, с которыми сталкивается Китай [4].

Справедливо утверждать, что в процессе реализации инициативы «Экономического пояса шёлкового пути» правительство КНР будет обеспечивать её безопасность, вероятно, устанавливая центры обеспечения защиты для строительства и реализации проекта. Из этого следует, что Китай стремится не только расширить своё экономическое и политическое влияние в мире, но и также распространить и продемонстрировать свой военный потенциал через призму инициативы ЭПШП («Экономический пояс шёлкового пути»).

Таким образом, программа «Пояса – пути» как продолжатель политики «открытости внешнему миру» демонстрирует переход КНР от политики плодотворного и мирного сотрудничества к открытой гегемонии, тем самым заявляя о своём желании отстаивать свои национальные и идеологические интересы, а также в демонстрации своего экономического, политического и военного потенциала.

Источники и литература:

1. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев Университете [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. – 16.09.2013. – Режим доступа: http://kz.china-embassy.org/rus/zghx/201309/t20130916_1045309.htm. – Дата доступа: 18.04.2022.
2. Галенович, Ю.М. Китай: 40 лет спустя после Мао, 20 лет спустя после Дэна / Ю.М. Галенович. – М. : Издательский дом ВКН, 2019. – 256 с.
3. Материалы с 5 пленума ЦК КПК 19-го созыва [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. – 13.11.2020. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1832267.htm>. – Дата доступа: 18.04.2022.
4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2758 от 25 октября 1971 г. «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в ООН» // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/330/82/IMG/NR033082.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 18.04.2022.
5. Сухарчук, Г.Д. Историко-философские очерки / Г.Д. Сухарчук. – Н. Новгород : ИФ ННГУ, 1999. – 136 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АСЕАН В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ УГРОЗАМ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В АТР: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Д.Н. Пунев, И.А. Коробкина (Ставрополь)

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), переживающий активные интеграционные процессы, координатором которых выступает АСЕАН, все чаще сталкивается с угрозами в сфере обеспечения кибербезопасности. В рамках АСЕАН вопросы по кибертематике активно обсуждаются на Региональном форуме АСЕАН, Совещаниях министров обороны (СМОА+) и Министерской конференции АСЕАН по кибербезопасности [7, р. 109].

Серьезность проблемы кибербезопасности отмечается в Оценке киберугроз АСЕАН 2021, подготовленной Отделом операций АСЕАН по борьбе с киберпреступностью, в которой отражены основные киберугрозы государствам АСЕАН. Эксперты по кибербезопасности прогнозируют, что киберпреступность будет расти на 15 процентов в год в течение следующих пяти лет, достигая 10,5 трлн долл. ежегодно к 2025 г., по сравнению с 3 трлн долл. в 2015 г. Среди основных киберугроз в докладе выделены компрометация деловой электронной почты, фишинг, программы-вымогатели, перехват данных электронной коммерции, киберпреступление как услуга, кибермошенничество, криптоджекинг [5, р. 8–9].

В 2020 г. пандемия COVID-19 не только ускорила цифровую трансформацию стран, но и создала всплеск вредоносной киберпреступности. Она серьезно повлияла на бизнес и экономику. Более того, киберугрозы оказывают негативное влияние на систему здравоохранения и государственную систему в целом. В частности, в 2020 г. во время пандемии COVID-19 было отмечено, что больницы, медицинские центры и государственные учреждения подверглись атакам посредством программ-вымогателей. Перечисленные учреждения с большей вероятностью заплатят выкуп в силу перегруженности кризисом в области здравоохранения и неспособности позволить себе блокировку в своих системах. В регионе АСЕАН пострадали больницы в Индонезии и Таиланде [5, р. 18].

Решение проблем кибербезопасности происходит в рамках механизмов АСЕАН. Так, 15 июня 2021 г. состоялось очередное Совещание министров обороны АСЕАН (СМОА+), в ходе которого одним из вопросов являлось создание нового киберцентра передового опыта, получившего название Центр передового опыта в области кибербезопасности и информации (ADMM Cybersecurity and Information Center of Excellence), который будет расположен в Сингапуре и предназначен для содействия сотрудничеству в области кибербезопасности и информации в оборонном секторе, расширения многостороннего сотрудничества между оборонными учреждениями АСЕАН против кибератак и дезинформации [8]. Более того, проблема кибербезопасности занимает важное место в повестке дня Регионального форума АСЕАН (АРФ). На очередной 28-й встрече министров иностранных дел 6 августа 2021 г. на Региональном форуме АСЕАН (АРФ) стороны выразили приверженность многостороннему сотрудничеству в противостоянии нетрадиционным вызовам в сфере безопасности [1]. Тем самым внимание участников заключается в наращивании международного партнерства, учитывая взаимозависимость не только экономическую, но и информационную.

Более того, проведение дискуссий в рамках существующих форматов в рамках АСЕАН свидетельствует о заинтересованности сторон наращивать отношения в сфере кибербезопасности. Так, на 6 Конференции министров АСЕАН по кибербезопасности 6 октября 2021 г. в рамках мероприятия выступила министр связи и информации Сингапура и министр иностранных дел Сингапура Жозефина Тео, которая подчеркнула, что для противодействия кибератакам необходимо обеспечить быстрый обмен информацией, который будут выполнять Компьютерные группы реагирования на чрезвычайные ситуации (ASEAN CERT) [6].

Непосредственно размещение инфраструктуры в области кибербезопасности в Сингапуре выражает его стремление позиционировать себя в качестве лидера АСЕАН. Сопутствующими факторами лидерства Сингапура в рамках АСЕАН и укрепления доверия со стороны участников и не входящих в Ассоциацию игроков является принятие второй обновленной Стратегии кибербезопасности Сингапура 2021 года, занятие лидирующих позиций в Глобальном индексе кибербезопасности 2020 года и Индексе восприятия коррупции 2020 г.

Согласно новой Стратегии кибербезопасности Сингапура 2021 государство занимает более активную позицию в борьбе с угрозами, расширяет сферу защиты и стремится развивать более глубокие партнерские отношения с промышленностью и другими организациями для адаптации к изменениям в киберсреде. В документе выделены три стратегические направления, в рамках которых реализуется стратегия: построение устойчивой инфраструктуры, создание более безопасного киберпространства, расширение международного сотрудничества в киберпространстве [9, p. 10].

При этом реализация намеченных столпов дополняется двумя факторами, раскрывающими подход Сингапура в обеспечении кибербезопасности: развитие динамичной экосистемы кибербезопасности, основанной на исследованиях и инновациях, и наращивание надежного потока талантов в сфере кибербезопасности посредством поддержки сильных кадров и тесного сотрудничества правительства со школами, промышленностью и высшими учебными заведениями в обучении учащихся и подготовке специалистов [9, p. 10].

Укрепляют позиции Сингапура в рамках АСЕАН успешные результаты в Глобальном индексе кибербезопасности 2020 г., в котором Сингапур наряду с Кореей и Испанией занял 4 место из 182 государств, уступая США (1 место), Великобритании, Саудовской Аравии (2 место) и Эстонии (3 место), а в Азиатско-Тихоокеанском регионе разделяет первое место с Южной Кореей [4, p. 25–27]. Рассматривая уровень коррупции, следует обратиться к Индексу восприятия коррупции 2020 г. Сингапур, заняв 3 место из 180 государств вместе с Финляндией, Швейцарией и Швецией, входит в состав наименее коррумпированных стран и занимает 1 место среди азиатских стран и участников АСЕАН [2, p. 2–3].

Высокий уровень кибербезопасности и низкая степень коррумпированности Сингапура увеличивают привлекательность и инвестиционный климат среди государств АСЕАН и АТР в целом. Благоприятные условия также повышают степень доверия правительственных и неправительственных структур инвестировать в проекты, инновационные исследования, создание инфраструктуры и научных центров передового опыта в сфере безопасности без опасения понести убытки и стать мишенью кибератак.

Наряду с этим министр иностранных дел Сингапура Жозефина Тео отмечает следующие достижения АСЕАН. Во-первых, Ассоциация помогла донести опасения участников до ООН. Удалось привлечь внимание к проблеме трансграничной критической информационной инфраструктуры (СII) и усилить ее защиту. Во-вторых, АСЕАН адаптировала рекомендации ООН в своей уникальной операционной среде. Ассоциация является первой и единственной региональной организацией, которая присоединилась к 11 добровольным необязательным нормам ответственного поведения государства в киберпространстве. Для непосредственного выполнения данных норм на региональном уровне разрабатывается Региональный план действий АСЕАН [6].

Более того, наращивание киберсвязей между странами АСЕАН, увеличение объемов торговли и движение капитала будут усугублять имеющиеся проблемы в сфере кибербезопасности: растущая взаимозависимость усилит системный риск и его слабое звено, разница в национальных приоритетах темпах цифровой эволюции поспособствует устойчивой недостаточности инвестиций, ограниченный обмен информацией об угрозах, часто из-за недоверия и отсутствия прозрачности, приведет к еще более уязвимым механизмам киберзащиты, быстрая технологическая эволюция затрудняет мониторинг угроз и реагирование на них, особенно с развитием шифрования, многооблачных операций и т.д. [3].

Исходя из перечисленных проблем, государства АСЕАН сталкиваются с недостаточной киберустойчивостью, недоверием, разницей национальных интересов в киберсфере, которые требуют региональной консолидации в их решении и совершенствования методов противодействия и защиты национальных экономик, выходящих на цифровой уровень.

Таким образом, в рамках регионального объединения АСЕАН, помимо активных интеграционных процессов в экономической сфере и имеющихся киберугроз, в то же время наблюдается положительная тенденция в сфере кибербезопасности. Будучи первым объединением, взявшим на себя ответственность в реализации кибернорм на региональном уровне, несмотря на широкий спектр существующих угроз, Ассоциация без сомнения поспособствует росту своего престижа и положительного имиджа АСЕАН среди других объединений. К тому же наращивание потенциала практического сотрудничества обеспечит деятельность механизмов АРФ, СМОА+ и Министерской конференции АСЕАН по кибербезопасности. Последовательность проработки и внедрения кибернормативной правовой базы, а также интенсивная деятельность механизмов сглаживает имеющиеся проблемы в кибербезопасности и послужит стимулом для всего мирового сообщества следовать асеановскому курсу.

Источники и литература:

1. Ван И призвал АСЕАН к сотрудничеству для противодействия общим вызовам в сфере безопасности [Электронный ресурс] // СИНЬХУА Новости. – 07.08.2021. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2021-08/07/c_1310112812.htm. – Дата доступа: 27.03.2022.

2. Индекс восприятия коррупции 2020 [Электронный ресурс] // ТРАНСПАРЕНСИ ИНТЕРНЕТШНЛ. – Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatija-korruptsii/>. – Дата доступа: 01.04.2022.

3. Gerdemann, D. Cybersecurity in ASEAN: an urgent call to action [Electronic resource] / D. Gerdemann // The South East Asia. – Mode of access: <https://www.southeast-asia. Kearney.com/web/southeast-asia/article?/a/cybersecurity-in-asean-an-urgent-call-to-action>. – Date of access: 03.04.2022.

4. Global Cybersecurity Index 2020 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2021-PDF-E.pdf. – Date of access: 30.03.2022.
5. Interpol report charts top cyberthreats in Southeast Asia [Electronic resource] // CSA Singapore. – 06 October, 2021. – Mode of access: <https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2021/INTERPOL-report-charts-top-cyberthreats-in-Southeast-Asia>. – Date of access: 25.03.2022.
6. Keynote Address by Mrs. Josephine Teo, Minister for Communications and Information, at ASEAN Ministerial Conference on Cybersecurity [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.csa.gov.sg/News/Speeches/keynote-address-by-mrs-josephine-teo--at-amcc-6-oct-2021>. – Date of access: 30.03.2022.
7. Noor, E. Positioning ASEAN in cyberspace [Electronic resource] / E. Noor. – Mode of access: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/ap15-2_cyberrrt_apr2020.pdf. – Date of access: 25.03.2022.
8. Parameswaran, P. ASEAN cyber challenge in the spotlight with new center [Electronic resource] / P. Parameswaran // The Diplomat. – June 30, 2021. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2021/06/asean-cyber-challenge-in-the-spotlight-with-new-center/>. – Date of access: 25.03.2022.
9. The Singapore Cybersecurity Strategy 2021 [Electronic resource] // CSA Singapore. – 05 October, 2021. – Mode of access: <https://www.csa.gov.sg/News/Publications/singapore-cybersecurity-strategy-2021>. – Date of access: 30.03.2022.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ ВО ФРАНЦИИ 2022 г.: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА МЕЖДУ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬЮ И ТРАНСФОРМАЦИЕЙ

Л.Н. Манцевич (Минск)

Внешнеполитический механизм французской Пятой республики формировался в эпоху становления голлизма и был сконструирован таким образом, чтобы обеспечить ведущую роль главы государства. Внешняя политика и вопросы обороны относятся к «заповедной зоне» (domain réservé) президента. Впервые этот термин озвучил Ж.-Ш. Дельмас на заседании голлистской партии в ноябре 1959 г. Он предложил такое прочтение новой Конституции, которое разграничило бы сферы ответственности президента и премьер-министра. Это видение было принято и в последствии закрепилось в политической практике [7]. Тем не менее, сферы разделены не безусловно и правительство тоже обладает некоторыми полномочиями в сфере внешней политики, что определено в статьях 20 и 21 Конституции [4]. По этой причине в академической литературе и публицистике иногда встречается термин «разделенная зона» (domaine partagé) [10].

Особая ситуация складывается в период сожительства, или сосуществования (cohabitation) в исполнительной власти. Во Франции этот термин вошел в употребление в середине 1980-х гг. и использовался для описания конкретной институциональной конфигурации, а именно – «сосуществования главы государства, избранного всеобщим голосованием на основе политической программы, и премьер-министра, опирающегося на парламентское большинство, избранного для поддержки противоположной политики» [9, р. 13–15]. С одной стороны, такая ситуация подвергает республику риску раздора в верхах по вопросам, затрагивающим суверенитет и авторитет Франции. С другой – вынуждает действующих лиц договариваться друг с другом, тем самым нормализуя процесс принятия решений во внешней политике страны, которую иногда называют «ядерной монархией», в том числе для того, чтобы подчеркнуть роль главы государства (об этом: [3]). Необходимо отметить, что в результате конституционной реформы в июле 2008 г. полномочия парламента

во внешнеполитической сфере несколько расширились, но ключевые вопросы по-прежнему остались в зоне ответственности президента.

Подобный механизм уравнивается преемственностью, свойственной французскому внешнеполитическому курсу. Так, по мнению исследователя Ф. Шарийона, различия в политических взглядах лидеров Пятой республики не мешали им «заново изобретать голлизм», допуская незначительные расхождения в интерпретации национальных интересов страны [2, р. 21]. Необходимо оговориться, что это заключение было сделано автором в результате анализа внешней политики Франции в начале 1960-х – конце 2010-х гг., когда президентские полномочия последовательно переходили к представителям Французской социалистической партии (ФСП) или политикам правоцентристского толка. В 2017 г. Э. Макрон стал главой государства, используя в предвыборной кампании заявления о необходимости перемен, обновления политического истеблишмента. Тем не менее, эти обстоятельства, как и создание новой либеральной партии «Республика на марше» (*La République en Marche!*), не привели к фундаментальным изменениям внешней политики Макрона, «неолиберального голлиста» [1].

Выборы 2022 г. представляют интерес в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, как и в 2017 г., присутствует электоральный запрос на трансформацию политического курса страны, которая не была завершена в период президентства Э. Макрона. На этот раз запрос формулируется в контексте кризисных явлений военно-политического, экономического и гуманитарного характера, с которыми столкнулась Европа в конце 2021 г. – начале 2022 г. Во-вторых, в оппозиции действующему главе государства снова находится представитель ультраправых сил – М. Ле Пен, лидер партии «Национальное объединение» («*Rassemblement national*»).

Ключевым элементом ее предвыборной кампании являются вопросы внутриполитического, преимущественно социально-экономического характера; решения, которые предлагает М. Ле Пен, привлекают слои населения, имеющие затрудненный доступ к рынку труда, жилья и социально значимых услуг. Пункты программы, посвященные внешней политике, интересуют сторонников «Национального объединения» в меньшей степени. Указанные положения отражают намерение Ле Пен автономизировать – даже изолировать – Францию на международной политической арене. В программе изложена формула «свободных рук» (*mains libres*), что означает выход страны из интегрированного командования НАТО, прекращение промышленного сотрудничества с Германией в области вооружений, которое «осуществляется в ущерб нашему [французскому] технологическому суверенитету и промышленным интересам, учитывая доктринальные и оперативные расхождения» [8, р. 6].

Сформулированное подобным образом намерение сделать Францию «более сильной и независимой» допускает отклонения от традиционного внешнеполитического курса страны. С формальной точки зрения и основатель Пятой республики Ш. де Голль (1959–1969 гг.), и его преемники – в особенности, Ж. Ширак (1995–2007 гг.) – оппонировали США на международной арене, дистанцируясь от НАТО. В связи с этим следует сделать несколько оговорок. Ш. де Голль действовал в контексте сложных общественно-политических процессов; деколонизация и сопровождающие ее потрясения потребовали серьезных мер, целью которых должно было стать восстановление отношений с государствами Ближнего Востока и Северной

Африки. Обеспечить успех в этом отношении должна была равноудаленность от западного и восточного блоков, зависимость от которых которыми сдерживала бы развитие торгово-экономических отношений и ограничивала потенциал французской дипломатии. В свою очередь, Ж. Ширак, известный своими «антиатлантистскими» настроениями, рассматривал многополярный мир как альтернативу американоцентризму. В его версии одним из полюсов должна была стать сильная Европа, в том числе в формате ЕС [5]. Позицию Ширака французский историк П. Хасснер назвал «вильсоновским голлизмом», так как она объединяла последовательную защиту национальных интересов и активную деятельность французской дипломатии в международных институтах [6, p. 61].

В отличие от правых голлистов, ультраправая М. Ле Пен ограничивается стратегией избирательного отказа, не предлагая ясный алгоритм реализации национальных интересов Франции. В предвыборной программе ЕС критикуется как «идеологически окрашенное федералистское сверхгосударство» (*super-État fédéraliste chargé d'idéologie*), чьи нормы и институты зачастую являются сдерживающим фактором. Предполагается, что в будущем оно должно трансформироваться в Европейский Альянс наций, «свободных и суверенных» [8, p. 19].

С одной стороны, М. Ле Пен больше не рассматривает идею выхода из ЕС в случае победы на президентских выборах (этот пункт был включен в предвыборную программу в 2017 г.), не планирует замену евро национальной валютой. В то же время она предлагает в одностороннем порядке отказаться от части общей политики (Шенгенское законодательство, скоординированная энергетическая политика, иммиграционные нормы). Лидер «Национального объединения» утверждает, что ЕС необходимо реформировать изнутри. Предвыборная программа 2022 г. и заявления представителей партии не проясняют технические и процессуальные аспекты подобного реформирования с учетом принципа верховенства права ЕС, то есть приоритета норм европейского права над нормами национального законодательства. Один из наиболее серьезных вопросов, на которые указывают представители аналитического сообщества и оппоненты М. Ле Пен, касается роли Франции в европейской и международной политике. Для сохранения и укрепления этой роли необходима не только системная критика, но и жизнеспособные стратегии реализации внешней политики в условиях нестабильности.

Таким образом, президентские выборы 2022 г. обозначили несколько тенденций в сфере внешней политики Франции. Расстановка сил, которая повторяет диспозицию 2017 г., указывает на необходимость трансформации, а также адаптации к меняющейся политической обстановке и структурным изменениям в международных отношениях. С другой стороны, ведущие политические субъекты не демонстрируют последовательных стратегий, способных обеспечить подобную трансформацию.

Источники и литература:

1. Манцевич, Л.Н. О ближневосточной политике Франции при президенте Эммануэле Макроне. Часть 1 [Электронный ресурс] / Л.Н. Манцевич // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=81947>. – Дата доступа: 13.04.2022.
2. Charillon, F. La politique étrangère de la France: de la fin de la guerre froide au printemps arabe / F. Charillon. – Paris : la Documentation française, 2011. – 286 p.

3. Cohen, S. La monarchie nucléaire: Les coulisses de la politique étrangère sous la Ve République / S. Cohen. – Paris : Hachette, 1986. – 271 p.
4. Constitution de la République Française [Ressource électronique] // Assemblée Nationale. – Mode d'accès: <https://www.assemblee-nationale.fr/connaissance/constitution.asp#preambule>. – Date d'accès: 15.04.2022.
5. Discours de M. Jacques Chirac, Président de la République, sur les nouvelles ambitions de la politique de coopération française et de l'action diplomatique de la France, Paris le 26 août 1999 [Ressource électronique] // Vie Publique. – Mode d'accès: <https://www.vie-publique.fr/discours/127600-discours-de-m-jacques-chirac-president-de-la-republique-sur-les-nouve>. – Date d'accès: 14.04.2022.
6. Hassner, P. Fausses manœuvres / P. Hassner // Revue internationale et stratégique. – 2004. – Vol. 53, № 1. – P. 57-62.
7. Jacques Chaban-Delmas : [Biographie] [Ressource électronique] // Gouvernement. – Mode d'accès: <https://www.gouvernement.fr/jacques-chaban-delmas>. – Date d'accès: 16.04.2022.
8. Le Programme de Marine Le Pen [Ressource électronique] // M La France. – Mode d'accès: <https://mlafrance.fr/pdfs/manifeste-m-la-france-programme-presidentiel.pdf>. – Date d'accès: 15.04.2022.
9. Massot, J. Alternance et cohabitation sous la Ve République / J. Massot. – Paris : La Documentation française, 1997. – 156 p.
10. Qu'est-ce que le domaine réservé? [Ressource électronique] // Vie Publique. – Mode d'accès: <https://www.vie-publique.fr/fiches/19418-quest-ce-que-le-domaine-reserve>. – Date d'accès: 17.04.2022.

МЕТАМОРФОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО МИРА И ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Э.И. Рудковский (Витебск)

В последние годы происходит деградация мироустройства и миропорядка. Вот почему человек в условиях глобализирующегося мира переживает своеобразный политический и культурный шок. Политический шок обусловлен коллапсом международных отношений, сопровождающейся ревизией норм международного права. Происходит деконструкция привычных политических институтов. Культурный шок вызван обостренным переживанием утрачиваемых традиционных ценностей, разрушением культурно-исторического пространства.

Запад пытается переформатировать мир под себя. Однако этот мир все больше не совпадает с политическими проектами власть придержащих. Происходящие изменения наполняют новым содержанием понятия государственного суверенитета, демократии, национальной и культурной безопасности. Прежде всего трансформируется само понятие суверенности государства, рушатся его привычные основания, к которым относятся, в том числе, границы государства. Однако в условиях глобализирующегося мира они становятся размытыми, транспарентными. Любая страна может стать, и очень часто становится, объектом агрессивного информационного воздействия.

Постепенно деградирует западная дипломатия. Ее основными средствами являются двойные стандарты, фальсификация исторических фактов и повседневной политической жизни, безудержная санкционная политика.

Нельзя не отметить, что в условиях манипулятивного воздействия информационных технологий существенно изменяется содержание такого политического феномена, как демократия. Политическую повестку дня все больше формируют соцсети, а не традиционные СМИ. Священное право свободы слова

оказалось под угрозой, так как информационное пространство контролируется узким кругом элит. Последние определяют технологии политического процесса вообще и избирательных кампаний в частности. Мир вступает в диктатуру цифры. Информация перестает быть ценностно нейтральной. Манипулятивное воздействие на общественное сознание создает предпосылки для нового политического и духовного явления – информационного тоталитаризма. Корпорации, контролирующие интернет, никто не наделял в установленном порядке властными полномочиями, но именно они в значительной мере решают, как людям поступать, как оценивать и кого выбирать. Происходит подмена легитимных органов власти. «Сегодня осуществление власти происходит, прежде всего, на основе производства и распространения культурных кодов и информации. Контроль сетей коммуникации становится тем рычагом, при помощи которого интересы и ценности превращаются в руководящие принципы человеческого поведения» [1, с. 66].

Существенно изменилась роль политических партий в политическом процессе. Они теряют свое лицо. Произошла трансформация их идеологических основ. Еще несколько десятилетий тому назад можно было прогнозировать, что, если в стране N победит на выборах такая-то партия, то последуют определенные ожидаемые изменения внутренней и внешней политики. Сейчас такие ожидания ничем не подкрепляются. Лидеры партий озабочены текущей ситуацией, а не стратегическими целями. Кризис социума – это и кризис направляющего и координирующего центра – элиты. Современные западные элиты не способны дать адекватный ответ на острые вызовы глобальной цивилизации. Закрытость, изоляция элиты от общества, пренебрежение запросами масс – источник общественных кризисов и потрясений.

На Западе говорят об увеличении уровня личных свобод. При этом происходит отказ от традиционных ценностей. К примеру, выдвигают концепцию «текучей гендерности», которая из состояния психической девиации стала считаться способом личной самоидентификации. Вспомним также легализацию однополых браков. Все это не помогло гармонизировать общества «золотого миллиарда». Напротив, как и раньше, ведется «война всех против всех». Идиллией содружественных отношений здесь и не пахнет. Интегративная функция культуры утрачена. В тренде сейчас то, что считалось неприличным выносить за порог спальни или кабинета врача. Все это делается под флагом продвижения инклюзивной морали. Подобные симулякры и выдают за настоящие идеи. Стихийно сложилась концепция культуры, которая не сплачивает народ, а бесконечно его раздергивает, унижает, противопоставляет друг другу разные социальные группы и классы. По умолчанию предполагается, что есть узкий круг общества, для которого избранные творцы сочиняют нечто «прогрессивное», малопонятное и, откровенно говоря, несмособное и нечитабельное.

Классические идеологические приоритеты ушли в прошлое, но это не означает, что исчезли идеологические подходы к оценке общественных процессов. Движению BLM прощается то, за что обычных американцев привлекают к суду. Это происходит потому, что, согласно правящей элите США, у данного движения правильная идеология. Но это, скорее, катастрофическое наступление либертарианской идеологии на нормальность жизни. Такая позиция подразумевает неравенство перед законом, что противоречит классическому либерализму. Современный Запад – это духовная и умственная

пустота успешно подавленного инакомыслия. Либертарианская идеология развернула войну против традиционных общечеловеческих ценностей. Призывы к толерантности превратились в нечто противоположное. Как известно, толерантность – это особое духовное качество, проявляющееся в терпимости к культурным и религиозным особенностям других этносов, политическим позициям индивидов, установка, проявляющаяся в готовности людей к сотрудничеству с ними. Вместе с тем толерантность не означает безусловного согласия с иными ценностными ориентациями и политическими пристрастиями. Она не совместима с тем, что противоречит общечеловеческим ценностям, принципам гуманизма и свободы личности. Общество, по словам К. Поппера, не может быть толерантным к нетолерантности. Для государства толерантность – это принцип управления и один из способов решения социальных конфликтов; для народа – это гражданская добродетель, важный элемент его духовной культуры.

В свое время многие советские люди прощались со своей страной без большого сожаления. Из уст западных пропагандистов потоком лились прелести их западного образа жизни: свободный рынок, демократия, священное право частной собственности и т.д. Но многое из этого оказалось мифом. Сегодня ничего больше и не обещают или предлагают такое, что не укладывается в рамки здравого смысла, противоречит потребностям человеческой цивилизации. Западные политтехнологи делят мир на демократические страны и страны авторитарные, разрабатывают планы борьбы первых против вторых. Речь идет не о сотрудничестве для решения актуальных глобальных проблем, а о противостоянии. Мы имеем дело с мышлением, логикой, политикой позавчерашнего дня. Об исторических уроках следует помнить, но, судя по всему, история правящий класс Запада ничему не учит.

Страны СНГ, Республика Беларусь, Россия внутренней логикой развития современного социума вынуждены выйти на единое идеологическое поле. Мир меняется очень быстро, и в нем нужны духовные ориентиры. Вот почему актуальной и неотложной становится проблема информационной безопасности, формирования информационной и политической культуры молодежи, выработки у нее способности противостоять приемам психологического манипулирования, видеть за внешне красивыми формами чуждую идеологию. Особого внимания требуют вопросы общения молодежи в интернете, в социальных сетях. В руках нечистоплотных политиков они способны стать оружием информационной войны. Примеров этому в последнее время предостаточно. В этой связи возрастает роль в современных условиях социально-гуманитарного знания, которое лечит души людей, становится барьером на пути различного рода проявлений бездуховности, пошлости и социального равнодушия.

Источники и литература:

1. Рошупкин, В.Г. Информационно-психологическое противоборство и обеспечение информационной безопасности : учебное пособие / В.Г. Рошупкин. – Самара : Изд-во Самарского университета, 2018. – 92 с.

РАЗДЕЛ 7
«МЯГКАЯ СИЛА» И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА В СТАНОВЛЕНИИ УЧЕНЫХ:
О.И. СЕНКОВСКИЙ, О.М. КОВАЛЕВСКИЙ, А.О. МУХЛИНСКИЙ, В.В. МАКУШЕВ

С.Ф. Шимукович (Минск)

В XIX в. некоторые из ученых – уроженцев белорусских земель на старте карьеры были тесно связаны с Министерством иностранных дел Российской империи и проходили свою службу в разных дипломатических учреждениях. Карьерные траектории этих лиц складывались по-разному, например, И.А. Гошкевич (1814–1875) всю жизнь посвятил дипломатической службе, а его научные изыскания были связаны со служебной необходимостью и заключались в составлении русско-японского словаря и грамматики. На сегодняшний день деятельность И.А. Гошкевича исследована российскими и белорусскими специалистами [4; 7].

Несколько большее число ученых начинали свою карьеру в дипломатическом ведомстве, но позднее полностью ушли в науку либо культурную деятельность, некоторые ученые, не будучи дипломатами, в ходе зарубежных научных командировок выполняли дипломатические поручения российского правительства. Среди наиболее ярких ученых можно отметить О.И. Сенковского, О.М. Ковалевского, А.О. Мухлинского, В.В. Макушева и других.

По окончании университета только единицы из выпускников получали предложение остаться для подготовки к профессорскому званию, основная масса выпускников получали чин XII ранга (если выпускник получал степень кандидата – X ранга) и возможность устроиться на гражданскую службу, в том числе дипломатическую [9, с. 207]. Отработка на государственной службе была обязательна для лиц, обучавшихся за казенный счет.

Осип Сенковский (1800–1858) обучался в Виленском университете, где показал выдающиеся способности. Ф.В. Булгарин, который жил в Вильно в 1819 г., вспоминал: «...О.И. Сенковского, весьма молодого человека, признавали необыкновенным явлением в ученном мире, и все старались с ним познакомиться» (цит. по: [8, с. 179]). В университете он увлекся восточными языками, для усовершенствования в которых совершил путешествие по Ближнему Востоку, по возвращению его ждала кафедра восточных языков в Виленском университете [3, с. 14–15]. Польскому научному сообществу, профинансировавшему путешествие, он предоставил отчеты о своем путешествии, подготовил польско-турецкую грамматику и словарь, собрал все возможные сведения о связях Польши с Турцией и другими странами Ближнего Востока, представив их в виде законченного исследования.

Уже в начале путешествия О.И. Сенковский поступил на службу в русскую дипломатическую миссию в Константинополе, что давало определенные преимущества в логистике путешествия и дополнительное финансирование в виде жалования. Как пишет В. Каверин, предложение русского посла

в Константинополе Г.А. Строганова «...открывало ему перспективу блестящей дипломатической карьеры» [3, с. 21]. Честолюбивые устремления молодого человека проще было реализовать в столице империи, поэтому выжав максимум из своего путешествия, О.И. Сенковский в 1821 г. возвращается не в Вильно, а в Петербург, был зачислен на службу переводчиком Коллегии иностранных дел. В 1822 г. его назначают ординарным профессором Петербургского университета сразу по двум кафедрам – арабского и турецкого языков, таким образом Сенковский стал самым молодым профессором за всю историю университета [3, с. 22–24; 9, с. 202; 10, с. 28–29].

В должности ординарного профессора восточных языков столичного университета он продолжал получать жалование и по званию переводчика при Константинопольской миссии, как минимум – по 1837 г. [14]. В период очередных осложнений русско-турецких отношений, опыт профессора оказался востребован, в 1828–1829 гг. им для действующей армии была подготовлена «Карманная книга для русских воинов в турецких походах», где в двух частях раскрывались основные правила разговорного турецкого языка [11]. Пособие оказалось очень удачным и переиздавалось в 1854 г. Однако определенное недоверие к Сенковскому, связанное с его «польским» происхождением, и особенно его непростой характер не позволили амбициозному молодому ученому сделать блестящую карьеру на государственной службе, в итоге в середине 1840-х гг. он уходит из университета и занимается журналом «Библиотеки для чтения», становится одним из влиятельнейших издателей и писателей своего времени.

Если О.И. Сенковский свой выбор в пользу государственной службы и российского университета сделал осознанно, то причастность О.М. Ковалевского (1801–1878) к выполнению дипломатических функций имела вынужденный характер. Его, выпускника Виленского университета, специализировавшегося в классической филологии, члена общества филоматов, по решению суда в 1824 г. выслали в Казань, но с возможностью заниматься восточными языками в местном университете. Таким образом, специализация О.М. Ковалевского была вынужденной, навязанной внешними обстоятельствами. Тем не менее, он полностью погрузился в изучение монгольского языка и стал ведущим специалистом в этой сфере. В 1828–1833 гг. он совершил многолетнее путешествие по Сибири и Дальнему Востоку, в ходе которого посетил Пекин, где был прикреплен запасным переводчиком к конвою X-ой духовной миссии¹. Ковалевский регулярно направлял из Пекина письма и отчёты в Казань и Петербург, некоторые из них были опубликованы, но едва не стали причиной дипломатических осложнений с Китаем, в них раскрывались некоторые неприемлемые аспекты деятельности миссии (например, топографическая съёмка китайской территории) [2, с. 150–161]. В дальнейшем карьера О.М. Ковалевского не была напрямую связана с Министерством иностранных дел, однако созданная им школа

¹ В первой половине XIX в., в период, когда официальные дипломатические отношения между Россией и Китаем отсутствовали, Русская Духовная миссия в Пекине выполняла функции неофициального представительства российского правительства. Одновременно Духовная миссия стала важным центром российской синологии.

русского монголоведения и подготовленные ученики способствовали успешным дипломатическим усилиям империи на восточном направлении.

На восточном (турецком) направлении российской дипломатии отметился еще один выпускник Виленского университета – А.О. Мухлинский (1808–1877). После окончания университета в Вильно (1828 г.) он изучал восточные языки на восточном факультете Петербургского университета, среди его учителей был О.И. Сенковский. Интерес к восточным языкам был обусловлен происхождением А.О. Мухлинского – он был из мусульманской семьи «литвинских» татар. В 1832 г. он был определен в русское посольство в Константинополе для совершенствования в турецком языке, а находясь в Каире в 1834–1835 гг. изучал арабский в университете при каирской мечети аль-Азхар, примерно в это время он подготовил отчет для своих кураторов о настроениях среди сирийских мусульман и их отношении к России [10, с. 30; 12]. По возвращении в Россию А.О. Мухлинский возглавил кафедру турецкого языка на восточном отделении Петербургского университета, которое готовило кадры для русского МИДа. Хорошее знание профессором специфики региона оказалось востребовано российской дипломатией еще раз, в 1869 г. когда А.О. Мухлинского командировали в Египет для присутствия при торжественном открытии Суэцкого канала [13].

Во первой половине XIX в. важным регионом для Российской империи становятся Балканы, что было связано с ослаблением Османской империи и активизацией национально-освободительной борьбы южных славян. Интерес государства к Балканам сочетался с процессами в обществе, где ширились идеи славянофильства и панславизма. Славистика становится модным и востребованным направлением научных исследований в России. Заметный след в изучении балканского региона оставил В.В. Макушев (1837–1883), уроженец Бреста. Он рано остался сиротой, образование получил в Петербурге, ему покровительствовал князь М.В. Кочубей, сын известного дипломата. По окончании столичного университета, в 1861 г. В.В. Макушев поступил на службу в азиатский департамент МИДа, а в 1862 г. он был назначен секретарем русского консульства в Дубровнике, где прослужил до 1 января 1866 г. [1, с. 77].

Выполнение дипломатических функций Макушев сочетал с научными изысканиями, результатом которых стал «Очерк дипломатических сношений России с Дубровницкою республикою» и магистерская диссертация «Об исторических памятниках и бытописателях Дубровника» [1, с. 78]. Избрав в качестве приоритета научную карьеру, ученый в 1868–1871 гг. находился в научной командировке по линии Министерства народного просвещения, в ходе которой изучал балканских славян, но больше всего внимания он уделил работе в итальянских архивах. Его научные публикации отличались ясностью стиля и опорой на источники, ранее не известные ученому сообществу, к концу командировки несколько университетов предложили ему кафедры славянской филологии. С 1871 г. В.В. Макушев работал в Варшавском университете, где солидаризировался с А.С. Будиловичем и П.А. Кулаковским в политике «обрусения» университета [6, с. 92, 95].

При разработке учебных курсов и написании научных работ В.В. Макушев опирался на огромный фактический материал, собранный им в ходе дипломатической работы в Дубровнике и по итогам научных командировок по

балканскому региону. Интерес представляет его комплементарное описание борьбы словенцев (их земли входили в состав Австро-Венгерской империи) за свои национальные права. Так, Макушев с одобрением отмечает пользу деятельности Я. Блейвейса, важную роль издаваемой им на словенском языке прессы (газета «Люблянские Новицы»), введение словенского языка в систему образования и в богослужебные практики. Ученый критиковал онемеченных ренегатов из числа словенцев (так называемых немшкуратов) за их презрение к словенскому языку, за отказ от национально-культурной автономии [5]. Однако подобные мысли в отношении славянских народов Российской империи он не допускал, ученый отмечал, что «подчиняет интересы славянства интересам России» [1, с. 81], что характеризовало его несколько пристрастное отношение к славянским национальным движениям.

Таким образом, дипломатическая служба и выполнение поручений дипломатических учреждений Российской империи сыграли важную роль в становлении ряда ученых – уроженцев белорусских земель в XIX в. Дипломатическая работа способствовала накоплению фактического материала, на основе которого развивались в дальнейшем индивидуальные научные траектории ученых.

Источники и литература:

1. Будилович, А.В. В. Макушев (Некролог) / А. Будилович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1883. – Ч. ССХХVI. – С. 76–83.
2. Валеев, Р.М. Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878) / Р.М. Валеев [и др.]. – Казань : Алма-Лит, 2004. – 288 с.
3. Каверин, В. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения» / В. Каверин. – Л. : Изд-во писателей, 1929. – 256 с.
4. Кузнецов, А. П. Вклад И.А. Гошкевича в становление русско-японских отношений в XIX веке / С.-Петербург. госуд. ун-т ; науч. ред. Л.В. Зенина. – СПб. : 100 Аж, 2007. – 128 с.
5. Макушев, В.В. Словенцы. Из путевых воспоминаний [Электронный ресурс] / В.В. Макушев // Русский вестник. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. – 1872. – № 7. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/makushew_w_w/text_1872_sloventzy_olderfo.shtml. – Дата обращения: 10.04.2022.
6. Никифорова, О.А. Образовательная и политическая деятельность А.С. Будиловича в Царстве Польском (1881–1892 гг.) / О.А. Никифорова // Славяноведение. – 2011. – № 3. – С. 90–97.
7. Обухова, Н.И. Иосиф Антонович Гошкевич – миссионер, дипломат, лингвист, востоковед / Н. И. Обухова ; ГУО «Мин. обл. ин-т развития образования» / Н.И. Обухова. – Минск : МОИРО, 2019. – 71 с.
8. Рейтблат, А.И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: ст. и мат-лы / А.И. Рейтблат. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 632 с.
9. Ростовцев, Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е.А. Ростовцев. – М. : Полит. энцикл., 2017. – 903 с.
10. Смирнова, Е.В. Подготовка отечественных востоковедов и русско-арабская коммуникация (первая половина XIX века) / Е.В. Смирнова // Человеческий капитал / Ин-т востоковед. РАН. – М., 2019. – № 7(127). – С. 26–33.
11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. 14. Оп. 1. Д. 1521.
12. ЦГИА СПб. – Ф. 14. Оп. 1. Д. 3965.
13. ЦГИА СПб. – Ф. 14. Оп. 1. Д. 6792.
14. ЦГИА СПб. – Ф. 14. Оп. 3. Д. 5636.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.М. КОЛЛОНТАЙ

А.С. Баранова (Минск)

А.М. Коллонтай (1872–1952) – советский государственный деятель и дипломат. Дипломатические дневники А.М. Коллонтай несколько лет пролежали в спецхране. Дневник стал доступным для читателей только сейчас. Временные рамки дневника охватывают 18 лет с 1922 по 1940 гг. В дневнике запечатлен опыт работы А.М. Коллонтай как первой в мире женщины-дипломата. Во враждебной политической атмосфере она сумела привлечь к сотрудничеству с СССР политические и деловые круги, расширить число сторонников советского государства. А.М. Коллонтай – популярная фигура советской дипломатии 1920–1940 гг. Она вела пропагандистскую работу в Донецке, Луганске, Харькове, была председателем Политуправления Крымской республики. Ценность «Дипломатических дневников» в том, что информация подается в них «из первых рук», непосредственным очевидцем событий.

Дипломатическая деятельность А.М. Коллонтай началась в 1922 г. в Норвегии в качестве советника торгового представительства СССР. Дипломат четко определила цели и задачи дипломатической деятельности, которым следовала твердо и неукоснительно. В «Дипломатических дневниках» она писала: «Советская дипломатия с самого начала своего существования ставила себе прямые, ясные цели, которые нечего было скрывать ни от своего народа, ни от трудящихся всех других стран. Поэтому не было необходимости для полпредов прибегать к буржуазным уловкам дипломатической практики, тайным договорам, секретному обмену обещаниями, идущими вразрез с принципиальной открытой политикой и, разумеется, в ущерб самому народу. Те атрибуты дипломатии, которыми прославились в свое время меттернихи и талейраны, чужды были нашей внешней политике с первого дня существования советской власти» [1, с. 31].

В наши дни актуальными являются утверждения А.М. Коллонтай о том, что советская власть предлагала заключить между народами справедливый мир. Одной из главных задач было разбить клевету, ложь, всю сеть антисоветской пропаганды, уничтожить враждебность, недоверие, подозрение к Советскому Союзу. Огромную роль играла работа по сближению экономик стран, создание и расширение финансово-торговых связей и этим самым формирование представления о Союзе как о мощном и полезном факторе. Это были основные вехи работы советского представителя. А.М. Коллонтай отмечала, что и в ее работе были периоды, когда надо было зорко следить за поползновениями больших держав проводить в данной стране свою политику и втягивать ее в орбиту антисоветских коалиций. Главной задачей советского представителя было бороться с расширением сферы войны, мешать стремлениям держав втянуть в войну еще один народ, еще одну страну. А.М. Коллонтай подчеркивала, что основной задачей советской дипломатии было укрепление сил, работающих против войны и в пользу мира даже в самый момент войны. Она критиковала деятельность талейранов, меттернихов, брианов, ллойд

джорджей, которая выражалась во взаимном обмане, вероломстве и протекала в салонах и пышных залах конгрессов, с негодованием отмечала: «Большой дипломат Хилквит. Подлый ревизионист. Он развивал взгляд о том, что развитие пойдет по пути «смягчения» борьбы крупных держав при помощи трестов – политических» [2, с. 199]. А.М. Коллонтай писала: «Дипломатия империалистов построена на насилии крупных держав над более слабыми, на колониальном господстве и стремлении возможно скорее стереть с лица земли «очаг социалистической революции», то есть советскую страну» [1, с. 35].

А.М. Коллонтай интересовали вопросы: может ли иметь место дипломатия между советской социалистической страной и странами капитализма, как договариваться с враждебным нам буржуазным миром и где ставить границу этих сговоров, чтобы не впасть в оппортунизм? Вопросов было много, но ясно было одно: надо укреплять мир, предотвращать новую войну.

Проницательный ум и опыт работы помогли А.М. Коллонтай раскрыть цель буржуазной дипломатии: «Крупные капиталистические державы, те, что сейчас воюют друг с другом, все одинаково нуждаются в мировом торговом рынке, в колониях. И каждая держава только и думает о том, как бы покорить себе, посредством ли дипломатического обмана и всевозможных подкупов правительства и капиталистов в слабых и зависимых странах или с оружием в руках колонии и рынки других стран. Сначала пробуют державы «дипломатическими переговорами» решить спор, каждая старается при этом обмануть другую державу, перехитрить. Переговоры дипломатов и в мирное время никогда не прекращаются. Но о них не сообщают народу. Спор между капиталистическими государствами ведется не ради народа, а из-за выгод капиталистов. Если дипломатам не удастся друг друга перехитрить – сейчас грозят войной» [3, с. 14]. А.М. Коллонтай отмечала, что за спиной дипломатов всегда стоят пушки, поэтому нет прочного мира между государствами. О переговорах дипломатов ни рабочие, ни весь народ ничего не знают. Но капиталисты, банкиры, помещики всегда знают, как идут дела дипломатов. И чуть заметят, что свои отечественные дипломаты не сумели отстоять их карманные интересы, поднимают вой. Правительство в угоду капитала начинает «задирать» соседа, в результате переговоры дипломатов «обостряются».

В «Дипломатических дневниках» А.М. Коллонтай отмечает успехи советской дипломатии: «Наше государство умеет побеждать не только в боях, но и за «круглыми столами» дипломатов» [1, с. 43]. Она приводит пример, когда в Генуе высокоумные иезуиты-дипломаты капиталистических держав хотели ловко обойти, одурачить «русских варваров», советских представителей. Однако Рапалльское соглашение сбilo спесь с англичан и французов и показало, что с Советской республикой придется считаться, что республику не сотрешь с лица земли и к ней придется приспособливаться. Но при всех успехах на поприще дипломатии А.М. Коллонтай чувствовала и понимала, как непрочен мир. Но именно в экономических связях она видела базу дружеских и нормальных отношений. Она ратовала за нормальные отношения с другими государствами, хотя бы малыми, считала, что чем скорее Россия начнет

торговать с Норвегией и фрахтовать ее суда, тем актуальнее стает вопрос о признании Советской республики: «Мы должны стать хорошими и ловкими купцами, тогда и де-юре будет» [1, с. 90]. Дипломат также способствовала сближению народов посредством культурных связей, с помощью пропаганды отечественного искусства. Она рассказывала местной интеллигенции о новой отечественной плакатной живописи и ее назначении. В результате зарубежный меценат захотел устроить в своей стране выставку плакатов. А.М. Коллонтай сделала вывод о том, что о нашей стране за рубежом знали мало, имели о ней неверные сведения, которые преподносили газеты.

Дипломатическая деятельность А.М. Коллонтай проходила в сложных политических условиях разногласия, роста влияния правых сил. Для признания Советского Союза было необходимо, чтобы советское представительство решило два важных вопроса: практически приступить к торговле с норвежцами, а также признать со стороны РСФСР суверенитет Норвегии над Шпицбергеном, что было довольно сложной проблемой.

А.М. Коллонтай овладела искусством дипломатии, проложила женщинам дорогу к этой профессии, считавшейся традиционно мужской. Она также оставила ценные советы для успешной дипломатической деятельности: тщательно готовить обсуждаемые вопросы, тонко оценивать ситуацию, творчески подходить к ее решению, в случае необходимости идти на компромисс, не уступая своих позиций в принципиальных вопросах. Дипломат щедро делилась успехами своей дипломатической деятельности: политики любят говорить сами, поэтому надо уметь их слушать, помнить, что иногда не слова выражают истину, а стоящие за ними идеи, поэтому надо услышать сказанное. Надо также хорошо изучить своего партнера по переговорам, быть тонким психологом. Важным советом является стремление запастись большим терпением, умение использовать сложившуюся ситуацию. Летом 1943 г. А.М. Коллонтай успешно подготовила почву для переговоров о возможности заключения соглашения о перемирии между СССР и Финляндией через заинтересованное лицо, с помощью которого можно было войти в контакт с правительством Финляндии. Промышленник и банкир Маркус Валленберг был заинтересован в мирном урегулировании советско-финляндских отношений. В случае поражения Финляндии он терял крупные капиталы, вложенные в ее промышленность. А.М. Коллонтай использовала это обстоятельство, она посоветовала Валленбергу поехать в Хельсинки к президенту Р. Рюти и начать зондаж по поводу выхода Финляндии из войны.

А.М. Коллонтай умела решать инциденты по-своему, искусно и мудро. Она приводит пример, когда произошла неловкость с письмами к министрам по незнанию правил протокола. Проявляя гибкость и мудрость, А.М. Коллонтай принесла личные извинения в получившемся недоразумении, ссылаясь на то, что она новый человек в дипломатии, избежала ответов на резкую ноту и исчерпала недоразумение.

Борясь за установление добрососедских отношений и развитие торговых связей, А.М. Коллонтай занимала принципиальную позицию и протестовала против принятия парламентом Парижского соглашения.

Необходимо было опросить наше представительство, которому даже не был заранее представлен проект горного устава, ссылаясь на то, что «мы де маленькая нация», что соглашение зависит не от Норвегии. Но А.М. Коллонтай нашла правильный выход: необходимо заключить сепаратное соглашение с Россией по шпицбергенскому вопросу. Такое сепаратное соглашение было своего рода косвенным признанием советского государства де-юре. Обсуждение такого соглашения давало повод поставить вопрос об установлении нормальных дипломатических отношений. А.М. Коллонтай решала довольно сложную задачу: признание Норвегией советского государства было сложным, так как Норвегия была в капиталистическом плену у Англии. Однако А.М. Коллонтай была уверена, что Норвегия признает советское государство, если удастся заинтересовать ее экономически.

А.М. Коллонтай протестовала в министерстве против полулегального существования советского полпредства в Норвегии. На возражения Эсмарка, что советское торговое представительство не имеет еще права официально именоваться консульством, А.М. Коллонтай возражала, что полпредство фактически несет функции консульства и через него норвежские граждане получают визы. В результате была внесена поправка, что советское торговое представительство совмещает и советское консульство.

А.М. Коллонтай временно исполняла обязанности полпреда, но норвежские власти считали ее полноправным начальником торговой делегации и представителем Советской республики. Она старалась завязывать больше экономических и политических связей с норвежцами, информировала прессу о Советской республике и ее планах, говорила по-норвежски, интересовалась культурой, искусством, традициями, праздниками Норвегии. Ее большой заслугой как дипломата является подписание договора с Бергенским судоходным обществом об образовании смешанной русско-норвежской компании по судоходству. Это происходило в сложнейших условиях изоляции Советской республики, возможных угроз и разрывов отношений с ней, так как Англия боялась потерять Восток, ее тревожил рост влияния советского государства на Востоке.

Убийство Воровского, советского официального представителя на международной конференции в Лозанне, А.М. Коллонтай рассматривала как неслыханное попрание всех основ международного права.

В историю мировой дипломатии А.М. Коллонтай вошла как борец за мир, дружбу и сотрудничество между народами. Опыт ее дипломатической деятельности имеет большое значение и актуальность в наши дни.

Источники и литература:

1. Коллонтай, А.М. Дипломатические дневники : в 2-х т. / А.М. Коллонтай. – М. : Academia, 2001. – Т. 1. – 544 с.
2. Коллонтай, А.М. Из моей жизни и работы. Воспоминания и дневники / А.М. Коллонтай – М. : Советская Россия, 1974. – 416 с.
3. Коллонтай, А.М. Кому нужна война / А. М. Коллонтай. – [Б. м.] : Изд. ЦК РСДРП, 1916. – 20 с.

«ПОЛИТИКА ПАМЯТИ» О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ КАК ИНДИКАТОР МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.И. Меньковский (Минск)

Рубеж 2010–2020 гг. можно с определенной долей условности назвать «пятилеткой советских юбилеев». 2017 г. – столетие российской революции, 2018 г. – 140 лет со дня рождения И.В. Сталина, 2020 г. – 150 лет со дня рождения В.И. Ленина, 2021 г. – 30-летие распада СССР, 2022 г. – столетие образования СССР. Условность заключается лишь в том, что пятилетка растянулась на шесть лет, с 2017 по 2022 г., но поскольку речь идет о советской истории, термин представляется возможным. Пятилетки были формой периодизации советского исторического времени начиная с 1920-х гг. даже в тех случаях, когда их реальная продолжительность не совпадала с указанным временем (незавершенные пятилетки, семилетка). По мере генезиса Советского Союза пятилетки включали в себя и настоящее, и «героическое прошлое», и «светлое будущее». Хотя Советский Союз прекратил существование более 30 лет назад, большинство новых независимых государств, образованных на его территории, продолжают определяться термином «постсоветские» и советское прошлое все еще актуально как для политических элит, так и для рядовых граждан этих стран.

Юбилеи стали удобным поводом для возвращения к обсуждению советского прошлого политиками, средствами массовой информации, профессиональными историками, обществом в целом. Мы употребляем термин «возвращение» поскольку советская история уже была в центре внимания в конце XX – начале XXI вв. Потом интерес ослаб, внимание властных элит и общества переключилось на проблемы современности, а история осталась полем деятельности историков. Однако процесс самоидентификации российского общества, поиск «национальной идеи» вернули советскую историю в центр общественного внимания. Мемориальная политика, а, следовательно, и ее юбилейный аспект стали важным элементом идеологической и политической составляющей повседневности, т.е. советское прошлое стало объектом не только исторической науки, но и исторической политики. Как справедливо отмечала Н. Иванова, «Юбилеи – ... мощный стимул для объединения. По тому, как они проходят в современной России, да и какие, собственно, юбилеи отмечаются – пышно и с размахом, или скромно, почти тайно – видны процессы либо размежевания, противостояния в обществе, либо нахождения и утверждения – на исторической толще юбилея – искомой идентичности» [3].

Событие, связанное с юбилейной датой 2022 г., т.е. образование СССР 30 декабря 1922 г., согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О праздничных и памятных датах» входило в официальный перечень праздничных и памятных дат: «В СССР отмечаются следующие всенародные праздники: Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции – 7 и 8 ноября; День рождения В.И. Ленина – 22 апреля; День международной солидарности трудящихся – 1 и 2 мая; Праздник Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов – 9 мая; День Конституции СССР –

7 октября; День образования Союза Советских Социалистических Республик – 30 декабря; День Советской Армии и Военно-Морского Флота – 23 февраля; Международный женский день – 8 марта» [6].

День 30 декабря был «праздничной и памятной датой», но никогда не был выходным днем в Советском Союзе, сейчас этот день не входит в праздничные даты Российской Федерации и, соответственно, не закрепился в коллективной памяти россиян. Историческая память о советской эпохе не привязывается конкретно ни к 30 декабря 1922 г., ни к 26 декабря 1991 г., дню принятия Советом Республик Верховного Совета СССР декларации о прекращении существования СССР. Однако это не говорит об отсутствии коллективной памяти российских граждан о Советском Союзе. Она не просто существует, но приняла ностальгическую форму, в которой советское прошлое представляется «светлым прошлым», счастливым временем в котором не существовало сегодняшних проблем и трудностей. Происходит масштабный процесс ремифологизации советского прошлого, всех периодов советской истории, в каждом из которых находятся привлекательные стороны.

Россия XXI века, как и другие страны постсоветского пространства, переживает комплексное социальное явление, которое можно определить как «советскую ностальгию», т.е. ностальгию по советскому прошлому. Российская ностальгия по СССР является частным случаем посткоммунистической (постсоциалистической) ностальгии, идеализирующей образ ушедшего в прошлое общественного строя. В качестве примеров вспомним югоностальгию (ностальгия по социалистической Югославии), остальгию (ностальгия по ГДР). Современный миф о «социалистическом рае», образе жизни того времени, отношениях между людьми, общественных ценностях и идеалах заменил в сознании людей предшествующий миф о «капиталистическом рае», господствовавшем в странах социализма в годы социализма. Миф нельзя подкорректировать, его можно только заменить другим мифом. В описываемой ситуации миф о будущем заменился мифом о прошлом, но выполняет ту же функцию психологической и эмоциональной опоры в сложном настоящем. С. Бойм подчеркивала, что «Ностальгия – это попытка повернуть время вспять, преодолеть необратимость его течения, превратить историческое время в мифологическое пространство. Однако сама потребность в ностальгии исторична. Она может быть защитной реакцией, ответом на переходные периоды истории. Ностальгия ищет в прошлом той стабильности, которой нет в настоящем, тоскует о потерянных наречиях и медленном течении времени» [1].

В момент расставания с социализмом преобладали надежды на будущее, а не сожаления о прошлом. Как писал С. Медведев, «Распад СССР случился до обидного просто, буднично и незаметно, будто повторяя конец Российской империи» [4]. Массовых выступлений в защиту союзного государства не было. Что касается апелляции к итогам референдума 17 марта 1991 г., когда 76,4% ответили «да» на поставленный вопрос, необходимо напомнить формулировку: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?» [5]. Вопрос был сформулирован таким образом, что трактовать его можно в зависимости от позиции

трактуемого (возможно так и было задумано авторами идеи референдума). Г. Бурбулис, в то время бывший одним из ключевых советников Б. Ельцина, считает, что «Значение референдума не до конца осмыслено. И та упрощенная трактовка, что вот прошел референдум, на котором большинство населения Советского Союза высказалось за сохранение страны, а потом, пренебрегая этими важными результатами (голосования), реальная история складывалась в обратную сторону, сторону распада. Это фактически неверно и исторически неправильно... Сама формулировка выглядела для слуха и для глаза нормального гражданина настолько многословной и неопределенной, что вызвала сомнения в уверенности самих организаторов референдума» [2]. По нашему мнению, референдум при желании можно назвать «референдум о сохранении СССР», при желании «референдум об обновлении». Соответственно и трактовка результатов (за «сохранение» или «обновление») как в 1991 г., так и 2022 г. является скорее предметом дискуссии, чем однозначного утверждения.

Предметом дискуссии остаются и многие другие (практически все) ключевые события советской истории, а, следовательно, и «образ СССР», формируемый политическими, культурологическими, медийными российскими акторами. Безусловно, Россия, как правопреемница СССР, занимает особое положение на постсоветском пространстве, а соответственно и особо позиционирует себя по отношению к Советскому Союзу. Властные элиты с помощью имеющихся у них ресурсов создают специфический «советский миф», особый образ СССР, отличающийся от мифов и образов, создающихся властными элитами других новых независимых (постсоветских) государств. Советское прошлое в российской интерпретации оказалось более «полезным прошлым», чем оно представляется в историко-мифологических вариациях других стран. Расхождение в оценках, вероятно, будет только усиливаться по мере кристаллизации различных вариантов исторического обоснования современной государственности.

Источники и литература:

1. Бойм, С. Будущее ностальгии [Электронный ресурс] / С. Бойм // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 3. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/budushhee-nostalgii.html>. – Дата доступа: 10.03.2022.
2. Геннадий Бурбулис: значение референдума 17 марта 1991 года не до конца осмыслено [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2016. – 17 марта. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/2744847>. – Дата доступа: 10.03.2022.
3. Иванова, Н. Русский проект вместо русской идеи [Электронный ресурс] / Н. Иванова // Знамя. – 1999. – № 3. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/3/russkij-proekt-vmesto-russkoj-idei.html>. – Дата доступа: 10.03.2022.
4. Медведев, С. Полураспад империи. Сергей Медведев – о неоконченном крахе [Электронный ресурс] / С. Медведев // Радио Свобода. – 2021. – 31 декабря. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/poluraspad-imperii-sergey-medvedev-o-neokonchenom-krahe/31632801.html>. – Дата доступа: 10.03.2022.
5. Референдум СССР 1991 г. – результаты референдума о сохранении СССР [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2016. – 17 марта. – Режим доступа: <https://tass.ru/spec/ussr-referendum>. – Дата доступа: 10.03.2022.
6. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О праздничных и памятных датах» 1.10.1980 [Электронный ресурс] // Кодекс. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901731190>. – Дата доступа: 10.03.2022.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ: ОПЫТ СНГ И СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

О.В. Бахлова, И.В. Бахлов (Саранск)

Современная международная ситуация наглядно демонстрирует чрезвычайную опасность искажений в плоскости исторической политики, пренебрежения уроками истории и их полного забвения – как на уровне государств, так и международных организаций. Типичны здесь в негативном ракурсе практики стран Балтии, Грузии, Польши, Украины, Европейского союза (ЕС), Совета Европы, Организации Североатлантического договора. Показательны их циничные апелляции к «исторической памяти», что прослеживается, в частности, в известной резолюции Европарламента от 19 сентября 2019 г. [10]. Е.Г. Пономарева справедливо подчеркивает, что особое место в деяниях фальсификаторов истории занимают Вторая мировая и Великая Отечественная войны и выделяет 3 основных типа фальсификации истории: фальсификация смыслов (концептуальная фальсификация); фальсификация фактов, сознательное их искажение; фальсификация по умолчанию (сокрытие фактов) [6]. Данные типы фальсификации прослеживаются в интерпретациях и других событиях, в том числе недавних/текущих. В международно-политическом плане соответствующие инициативы и акции предполагают целенаправленную масштабную дискредитацию определенной страны/народа/режима/власти/лидера и облегчают продвижение пресловутой «культуры отмены», широко распространившейся в условиях развязанной «коллективным Западом» «гибридной войны» против России и ее союзников.

Принципиальную важность имеет коллективное противостояние подобным фальсификациям как общему вызову, сочетающему в себе геополитические и социокультурные составляющие. Позитивный опыт в этой плоскости накоплен в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ, Содружество) и Союзного государства Беларуси и России (СГБР). Кроме того, следует отметить, что страны СНГ координируют усилия на рассматриваемом направлении и в других форматах, включая площадки Организации Объединенных Наций (ООН). Так, с 2005 г. сложилась позитивная практика принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюций, осуждающих героизацию нацизма и фашизма. Можно вспомнить, в частности, последнюю подобную резолюцию 76/149 от 16 декабря 2021 г. «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», инициированную Российской Федерацией. В тексте резолюции содержится весьма актуальное сегодня положение, что «неонацизм не сводится лишь к героизации движения, существовавшего в прошлом, а представляет собой современное явление, которое поощряют субъекты, кровно заинтересованные в расовом неравенстве и готовые пойти на многое ради того, чтобы заручиться широкой поддержкой своих необоснованных притязаний на расовое превосходство» [8]. Данную резолюцию поддержали 130 стран, воздержались – 49, выступили

против всего 2 страны – Украина и США, что, впрочем, стало уже своего рода печальной константой их позиционирования. Отметим также, что названной резолюции предшествовало совместное заявление государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) от 16 ноября 2021 г., в котором выражалось решительное осуждение попыток предать забвению уроки Второй мировой войны, «исказить как правовые, так и нравственные оценки ее итогов, поставить под сомнение решения Нюрнбергского трибунала, уравнивать в правах жертв и палачей, осквернить светлую память павших» [9].

В общеевропейском/межрегиональном масштабе большое значение приобретает консолидация стран Содружества в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), тем более ввиду нескрываемого стремления ЕС и других евроатлантических структур к ревизии истории и односторонним трактовкам исторической памяти. Примечательно, например, совместное заявление постоянных представителей стран СНГ при ОБСЕ (Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана) от 6 мая 2021 г., где сказано, что «Фальсификация истории Второй мировой войны, ее причин и итогов оскорбляет память борцов с нацизмом и его жертв, способствуя манипуляциям и расшатыванию основ современных международных отношений» [7]. Хотя ОБСЕ и не оправдывает возложенную на нее миссию и на протяжении долгих лет фактически придерживается политики «двойных стандартов» в своей деятельности, пока она может восприниматься в качестве дополнительной международной площадки по представительству мнения НеЗапада и его донесения до мировой общественности.

Центральную роль в формировании согласованных позиций стран СНГ играет Совет глав государств. Темы сбережения исторической памяти, правды и недопущения исторических фальсификаций проходят красной нитью по многим документам, принятым по итогам его заседаний. В первую очередь они являются фокусными в юбилейные годы (в первую очередь Великой Победы, завершения работы Нюрнбергского трибунала, создания СНГ). Характерным в этом смысле выступает обращение от 11 октября 2019 г. – с акцентом на осуждении любых попыток «фальсифицировать историю, предать забвению или девальвировать роль наших народов в Победе над фашизмом» [4]. Неоднократно подобные темы поднимались и обсуждались в ходе работы других уставных и отраслевых органов Содружества. Весомым результатом последнего времени можно признать образование Международной ассоциации (комиссии) историков и архивистов государств-участников СНГ. Согласно Положению, в числе ее функций – противодействовать попыткам искажения истории [5]. В частности, в ее повестке на ближайшую перспективу – совместное учебное пособие по истории Великой Отечественной войны, развитие журнала Ассоциации – «Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ» [3].

Существенный вклад в общее дело противодействия фальсификации истории вносят и иные неправительственные объединения на пространстве СНГ – например, Международный союз «Содружество общественных

организаций ветеранов (пенсионеров) независимых государств». Весьма значимо привлечение молодежи к актуальным проектам в данном измерении. Один из подобных проектов – «Непокоренные», посвященный 77-летию Великой Победы, реализуемый Международным Ломоносовским клубом при поддержке Фонда президентских грантов Российской Федерации. Проект предполагает участие в образовательной программе по сохранению исторической памяти и гармонизации межнациональных отношений в России и Беларуси активистов молодежных, общественных и волонтерских организаций из стран СНГ, а также Абхазии, ЛНР и ДНР, Южной Осетии, Латвии, Литвы, Эстонии, Болгарии и Сербии [1].

В упомянутом проекте, как и других инициативах, совершенно не случайно стержневым и незаменимым признается российско-белорусское взаимодействие. Официальные представители Российской Федерации и Республики Беларусь, как и Союзного государства, постоянно концентрируют внимание на необходимости масштабной совместной работы по увековечиванию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и преодолению диктуемой извне тенденции к деформации исторической памяти. Такая работа ведется на базе разнообразных институций СГБР и тесно коррелирует с углублением интеграции и сотрудничества обеих стран по гуманитарным, информационным, внешнеполитическим вопросам и задачей укрепления национальной и союзной безопасности в целом. В нее вовлечены Постоянный Комитет Союзного государства, Парламентское Собрание Союза Беларуси и России, прочие союзные органы, национальные ведомства, общественные объединения, регионы. Под их эгидой и при их поддержке либо непосредственном участии осуществляется обширная совокупность проектов историко-просветительского и патриотического характера («Цифровая звезда», «Поезд Победы» и др.). Намечено создание Центра патриотического воспитания молодежи Беларуси и России на базе Брестской крепости. Создана рабочая группа по установлению обстоятельств геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны [2]. Уже реализованы и продолжают многие другие значимые меры, позволяющие обеспечить единство подходов России и Беларуси в анализируемой области, что отвечает интересам наших стран и народов, разделяющих тяготы санкционного, психологического, политического и иного давления «коллективного Запада».

Источники и литература:

1. В России и Беларуси пройдет образовательная программа по сохранению исторической памяти [Электронный ресурс] // Портал официальной информации о международном молодежном сотрудничестве. – Режим доступа: <https://intermol.su/novosti/v-rossii-i-belarusi-projdyot-obrazovatelnaaya-programma-po-sohraneniyu-istoricheskoy-pamyati/>. – Дата доступа: 12.04.2022.
2. Генеральные прокуратуры России и Беларуси создали совместную рабочую группу по установлению обстоятельств геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Союзного государства. – Режим доступа: <https://soyuz.by/obshchestvo/genprokuratury-belarusi-i-rossii-sozdali-sovmestnuyu-gruppu-po-rassledovaniyu-genocida-sovetskogo-naroda-v-gody-voyny>. – Дата доступа: 12.04.2022.

3. Заседание Международной ассоциации (комиссии) историков и архивистов стран СНГ (2 марта 2021 г.) [Электронный ресурс] // Институт всеобщей истории Российской академии наук. – Режим доступа: <https://igh.ru/news/zasedanie-mezhdunarodnoi-assotsiatsii-komissii-istorikov-i-arhivistov-stran-sng-2-marta-2021-g?locale=ru>. – Дата доступа: 12.04.2022.

4. Обращение глав государств-участников Содружества Независимых Государств к народам стран Содружества и мировой общественности в связи с 75-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6157>. – Дата доступа: 12.04.2022.

5. Положение о Международной ассоциации (комиссии) историков и архивистов государств – участников СНГ: утв. Решением Совета министров иностранных дел СНГ от 14 октября 2021 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6464>. – Дата доступа: 12.04.2022.

6. Пономарева, Е. Фальсификация истории как мировоззрение Запада [Электронный ресурс] / Е. Пономарева // Фонд стратегической культуры. – Режим доступа: http://www.fondsk.ru/news/2015/06/24/falsifikacia-istorii-kak-mirovozzrenie-zapada-33981.html?utm_source=politobzor.net. – Дата доступа: 12.04.2022.

7. Постоянные представители стран СНГ при ОБСЕ выступили за бережное отношение к памятникам, погибшим во Второй мировой войне [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. – Режим доступа: https://e-cis.info/news/564/92036/?sphrase_id=36197. – Дата доступа: 12.04.2022.

8. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 16 декабря 2021 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/402/50/PDF/N2140250.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 12.04.2022.

9. Совместное заявление государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1786121/. – Дата доступа: 12.04.2022.

10. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html. – Date of access: 12.04.2022.

ГІСТАРЫЧНАЯ ПАЛІТЫКА Польшчы Ў ЗНЕСНЕПАЛІТЫЧНЫМ КАНТЭКСЦЕ (2004–2021 гг.)

А.Г. Цымбал (Мінск)

Гістарычная палітыка, ці палітыка памяці, з’яўляецца адносна новым полем міждысцыплінарных даследаванняў, канцэптуалізацыя паняццёвага апарата якога на сённяшні дзень не з’яўляецца канчаткова аформленай. Расійская даследчыца В.Ю. Малінава [1, с. 26–27] кажа аб некалькіх сферах, у якіх гістарычная памяць знаходзіць сваю праяву ў палітыцы: 1) фарміраванне і падтрымка ідэнтычнасці групы; 2) легітымацыя палітычных рашэнняў; 3) фактар палітычнай культуры; 4) фактар прыняцця знешнепалітычных рашэнняў; 5) элемент “мяккай сілы” у знешняй палітыцы. Акрамя таго, адной з апошніх тэндэнцый з’яўляецца “сек’юрытызацыя” гістарычнай палітыкі, якая знаходзіць сваё праяву ў канцэпцыях нацыянальнай і інфармацыйнай бяспекі. Сярод пагроз для бяспекі дзяржавы агаворваецца “неаб’ектыўны перагляд гісторыі”. Таксама сцвярджаецца аб

неабходнасці замацавання ўнутры краіны і, што характэрна, за мяжой, нацыянальнай версіі гісторыі і мадэлі памяці. Пытанні памяці і ідэнтычнасці, такім чынам, разглядаюцца ў рамках “анталагічнай бяспекі” нацыі і дзяржавы, у тым ліку ў кантэксце міжнароднай бяспекі [4, р. 15–30].

Працэсы посткамуністычнай трансфармацыі ў краінах былога сацлагера ў сферы гісторыі прывялі да фарміравання новага наратыву, дзе агульнымі рысамі сталі: нацыяналізацыя гісторыі, акцэнтацыя традыцый незалежнасці і гларыфікацыя пантэона пакутнікаў і змагароў за нацыянальны суверэнітэт, крыміналізацыя і виктымізацыя мінулага нацыі. Фарміраванне ідэнтычнасці і пазіцыянаванне сваёй краіны адбываецца праз супрацьпастаўленне гістарычным супернікам, якія выконваюць функцыю канстытуіруючага «іншага».

Класічным прыкладам рэалізацыі гістарычнай палітыкі стала Польшча, якая за апошнія 30 год прайшла шлях ад ліберальнага “крытычнага патрыятызму” да новай гістарычнай палітыкі, заснаванай на каштоўнасцях рамантычнага нацыяналізму XIX ст. [2, с. 43–65]. У пачатку 2000-х гг. у Польшчы ішлі вострыя ўнутраныя дыскусіі аб праблемах нацыяналізму і антысемітызму, узаемаадносін з акупантамі ў гады Другой сусветнай вайны. Прыкладам стала тэма ўдзелу польскага насельніцтва ў знішчэнні габрэяў у в. Ядвабне. Пасля перамогі на парламенцкіх і прэзідэнцкіх выбарах у 2005 г. у Польшчы палітычнай партыі Права і справядлівасць адбыўся пералом у падыходзе да гістарычнай палітыкі. Яшчэ раней у 2004 г. пасля ўступлення Польшчы ў ЕС еўрапейскія інстытуты ў значнай ступені страцілі рычаг ціску, заснаваны на неабходнасці адпавядаць дэмакратычнай інклюзіўнай мадэлі палітыкі памяці. З гэтага часу Польшча атрымала права голасу ў фарміраванні еўрапейскай гістарычнай палітыкі, асабліва ў канструяванні наратыву Другой сусветнай вайны. Вопыт ахвяры нацызму і камунізму Польшча імкнулася выкарыстоўваць як сімвалічны капітал у адносінах з краінамі ЕС.

Акрамя ўнутрыпольскіх дыскусій аб спадчыне ПНР, у сучаснай польскай дзяржаўнасці значную ролю ў актывізацыі новай гістарычнай палітыкі Польшчы адыгралі стасункі з Расіяй. Канфрантацыя адносна патрабаванняў прызнання злачынстваў СССР у дачыненні да Польшчы стала значным фактарам, які прывёў да змены падыходаў у гістарычнай палітыцы. У лютым 2005 г. расійскае МЗС выступіла з заявай адносна рашэнняў Ялцінскай канферэнцыі 1945 г., пазітыўна ацэньваючы яе вынікі для Польшчы. Аднак у самой Польшчы гэта было ўспрынята як спроба рэабілітацыі сталінскай палітыкі [10, с. 62]. У сакавіку 2005 г. Галоўнай вайскавай пракуратурай РФ было заяўлена аб спыненні расследавання па Катынскай справе без прад’яўлення абвінавачванняў і непрызнання факту “генацыду польскага народа”, што таксама выклікала вельмі негатыўную рэакцыю ў Польшчы.

Польскія нацыянальна-кансерватыўныя сілы не маглі не адзначыць значнасць прысутнасці ў траўні 2005 г. на памятных мерапрыемствах у Расіі прысвечаных 60-годдзю заканчэння Вялікай Айчыннай вайны больш за 90 кіраўнікоў дзяржаў і кіраўнікоў урадаў, уключаючы прэзідэнта ЗША Дж. Буша [3, р. 137–156]. Расійскі гістарычны наратыв, заснаваны на

рэабілітацыі асобных аспектаў савецкага мінулага, з таго часу пачынае актыўна прасоўвацца ва ўнутранай і знешняй палітыцы. Яго антыпольскі характар ў Расіі зацвердзіла і новае дзяржаўнае свята – Дзень нацыянальнага адзінства, які адзначаецца з 4 лістапада 2005 г. у гонар выгнання польскіх інтэрвентаў з Крамля ў 1612 г.

Расійска-польская “вайна памяцей” ў 2019 г. дасягнула стадыі ўзаемных абвінавачванняў на ўзроўні вышэйшага кіраўніцтва дзяржаў [6; 5]. Аднак гістарычныя падзеі, якія з’яўляюцца прадметам канфлікту інтэрпрэтацый, у значнай меры адбываліся на тэрыторыях паміж Варшавай і Масквой.

Менавіта кантэкст гістарычных спрэчак з Расіяй становіцца вызначальным для разумення сутнасці і беларускага вектара гістарычнай палітыкі Польшчы. Беларусь не займае цэнтральнае месца ў польскай замежнай гістарычнай палітыцы, дзе дамінуюць расійскі, украінскі і германскі напрамкі. Асноўныя дыскусіі датычацца падзей, якія адносяцца да польска-расійскіх і польска-савецкіх адносін, якія праходзілі хутчэй «над галавой» беларусаў, хоць і найпрост закралі іх гістарычны лёс. У гэтым духу ў 2016 г. выказваўся і кіраўнік польскага МЗС В. Вашчыкоўскі, які заклікаў не палітызаваць гісторыю, дайці да праўды і адкрыць падзеі, якія мелі месца дзясяткі гадоў таму, за якія беларусы не нясуць адказнасці. Беларусы і палякі ў польскім дыскурсе гістарычнай палітыкі разглядаюцца як “ахвяры імперыялізмаў”.

Паняцце “гістарычнай палітыкі” выразна ўкаранілася ў польскім палітычным дыскурсе. Пытанні яе інстытуцыяналізацыі, мэт і метадаў рэалізацыі абмяркоўваюцца на ўзроўні Кіраўніка дзяржавы. 17 лістапада 2015 г. пры ўдзеле прэзідэнта адбылася нарада, якая павінна была пакласці пачатак распрацоўкі стратэгіі гістарычнай палітыкі Польшчы. Прэзідэнт А. Дуда ўжо тады заявіў, што моцныя [краіны] вакол нас праводзяць вельмі інтэнсіўную гістарычную палітыку і Польшчы варта вырашыць, як выкарыстоўваць гістарычную палітыку для ўмацавання патэнцыялу дзяржавы”. Беларускае пытанне таксама гучаў на сустрэчы. Д-р П. Жураўскі вэл Граеўскі, адказны за знешнюю палітыку ў канцылярыі польскага прэзідэнта, заклікаў актыўна выкарыстоўваць спадчыну Рэчы Паспалітай “найбольшай супольнасці свабодных людзей у эпасе, калі гэта дзяржава існавала”, якая ўяўляе “значны палітычны капітал у дачыненні да з суседзямі, асабліва беларусамі, спадкаемцамі традыцыі Вялікага Княства Літоўскага” [9]. У 2016 г. прэзідэнт Польшчы А. Дуда таксама падкрэсліваў знешні аспект гістарычнай палітыкі, што суседнія дзяржавы вядуць наступальную гістарычную палітыку і Польшча павінна ісці тым жа шляхам для пабудовы міжнароднага іміджу краіны.

На дадзены момант няма інфармацыі аб выніках распрацоўкі польскай стратэгіі гістарычнай палітыкі. Пытанні гістарычнай палітыкі знайшлі сваё адлюстраванне ў ключавых праграмных дакументах, што вызначаюць знешнюю палітыку Польшчы: Стратэгіі нацыянальнай бяспекі і Стратэгіі знешняй палітыкі. Стратэгія нацыянальнай бяспекі [7] разглядае пытанні гісторыі ў кантэксце абароны нацыянальнай ідэнтычнасці і іміджу Польшчы за мяжой. Узмацненне пазітыўнага вобразу Польшчы і яе прывабнасці ў сферы культуры і эканомікі павінна было ажыццяўляцца шляхам публічнай і культурнай дыпламатыі з улікам мэтай гістарычнай палітыкі.

Паводле Стратэгіі польскай замежнай палітыкі на 2017–2021 гг. [8] галоўнай мэтай гістарычнай палітыкі называлася супрацьстаянне дзеянням Расіі на ўсходнім і еўрапейскім кірунку, якая, як сцвярджаецца, імкнецца распаліць гістарычныя спрэчкі паміж народамі для ўзмацнення свайго ўплыву. Гістарычная палітыка, такім чынам, будавалася на супрацьпастаўленні польскага нацыянальнага і расійска-імперскага/савецка-настальгічнага наратываў. Беларусі ў такім падыходзе адводзілася роля своеасаблівага буфера, што супрацьстаіць уплыву з усходу. У сувязі з гэтым дэкларавалася імкненне ў доўгатэрміновай перспектыве ўмацаваць здольнасць Беларусі супрацьстаяць унутраным і знешнім выклікам.

Значным, на наш погляд, з'яўляецца сцвярджанне аб недапушчальнасці адраджэння геапалітычнага мыслення, новага “канцэрта імперый” у свеце і неаімперскага бачання гісторыі.

Найважнейшую ролю ў знешняй гістарычнай палітыцы адыгрывае падтрымка польскай ідэнтычнасці за мяжой, якую канстытууюць культура і гісторыя. З чаго выцякаюць задачы апекі над польскай культурна-гістарычнай спадчынай і месцамі памяці. Прасоўванне польскасці разглядаецца як платформа для прапаганды каштоўнасцяў, уласцівых польскай нацыі. Іх гістарычнай і цывілізацыйнай асновай называюцца: хрысціянскія карані заходняга свету, а таксама традыцыі патрыятызму і незалежнасці.

У знешнепалітычнай стратэгіі Польшчы значнае месца адводзіцца непасрэдна гістарычнай дыпламатыі, мэтай якой з'яўляецца дэманстрацыя польскага ўкладу ў развіццё еўрапейскай цывілізацыі. Адзначаецца універсальная для дыскурсу гістарычнай палітыкі задача барацьбы з фальсіфікацыяй гісторыі, а таксама ў афіцыйны дыскурс Міністэрства замежных спраў Польшчы ўводзіцца паняцце “дэфектных кодаў памяці” (“wadliwe kody pamięci”). Пад імі разумеюцца любыя дэфармацыі ў публічным дыскурсе элементаў калектыўнай гістарычнай памяці пра падзеі, якія маюць істотнае значэнне для польскай ідэнтычнасці. Відавочна, польская гістарычная палітыка, закліканая выправіць гэтыя дэфекты, і павінна даносіць “праўду пра Польскі ўклад у перамогу над нацызмам і камунізмам, а таксама панесеных стратах ад рук двух таталітарызмаў” [8]. Важнай задачай польскай замежнай гістарычнай палітыкі з'яўляецца неабходнасць зламаць распаўсюджаны тэзіс аб, як мінімум, пасіўнай адказнасці палякаў за Халакост. У гэтым дачыненні польская дыпламатыя павінна прасоўваць сцвярджанне, што абавязковай і неабходнай умовай для Халакоста з'яўляўся падзел Польшчы Трэцім рэйхам і СССР. Ідэя роўнасці адказнасці нацыскай Германіі і Савецкага Саюза за пакуты польскага народа ў XX ст. з'яўляецца цэнтральнай для гістарычнай палітыкі Польшчы.

Такім чынам, польскія гістарычны наратыў, што прасоўваецца за мяжой, заснаваны на двух ключавых тэзісах. Па-першае, Польшча і палякі ў гісторыі выступаюць толькі ў якасці ахвяры, але ніколі не як злачынцы. За злачынствы і канфлікты ў гісторыі адказны суседнія краіны і народы з іх таталітарнымі і імперскімі палітычнымі сістэмамі і ідэалогіямі. Па-другое, гэта выбітнасць польскага гістарычнага досведу ў барацьбе за свабоду і незалежнасць, адстойванне хрысціянскіх каштоўнасцяў. Польская мартыралогія з'яўляецца асновай для падтрымкі нацыянальнай ідэнтычнасці і лаяльнасці дыяспары да метраполіі. Гістарычная палітыка павінна спрыяць прасоўванню польскасці і фарміраванню пазітыўнага вобразу Польшчы за мяжой.

Крыніцы і літаратура:

1. Малинова, О.Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации / О.Ю. Малинова // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 26–40.
2. Траба, Р. Польские споры об истории в XXI веке / Р. Траба // Pro et contra. – 2009. – № 3–4. – С. 43–65.
3. Hutchings, S. Commemorating the past/performing the present: television coverage of the Second World War victory celebrations and the (de)construction of Russian nationhood / S. Hutchings, N. Rulyova // The Post-Soviet Russian Media. – London : Routledge, 2009. – P. 137–156.
4. Innes, A.J. Memory, trauma and ontological security / A.J. Innes, B.J. Steele // Memory and Trauma in International Relations. Theories, cases and debates. Erica Resende, Dovile Budryte. – London, New York : Routledge, 2014. – P. 15–30.
5. Morawiecki: Prezydent Rosji wielokrotnie kłamał na temat Polski [Electronic resource] // Gazeta Prawna. – 2022. – Mode of access: <https://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/artykuly/1446243,morawiecki-putin-polska-rosja-geneza-ii-wojny-swiatowej.html>. – Date of access : 17.04.2022.
6. Putin, V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II [electronic resource] / V. Putin // National Interest. – 2022. – Mode of access: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982>. – Date of access: 17.04.2022.
7. Strategia bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2020 [Electronic resource] // BBN. – 2020. – Mode of access: https://www.bbn.gov.pl/ftp/dokumenty/Strategia_Bezpieczenstwa_Narodowego_RP_2020.pdf. – Date of access: 17.04.2022.
8. Strategia Polskiej Polityki Zagranicznej 2017–2021 [Electronic resource] // MSZ. – 2020. – Mode of access: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/strategia>. – Date of access : 17.04.2022.
9. Zapis spotkania inaugurującego prace nad powstaniem Strategii Polskiej Polityki Historycznej w Belwederze, 17 listopada 2015 roku [Electronic resource] // Prezydent.pl. – 2015. – Mode of access: <https://www.prezydent.pl/kancelaria/dzialalnosc-kancelarii/art,18,zapis-spotkania-dot-strategii-polskiej-polityki-historycznej.html>. – Date of access : 17.04.2022.
10. Zięba, R. Poland's foreign and security policy : problems of compatibility with the changing international order / R. Zięba. – Cham : Springer, 2020. – 280 p.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ БРАЗИЛИИ КАК ИНСТИТУТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

С.Ф. Свилас, К.И. Ткачук (Минск)

Министерство внешних связей Бразилии («Итамарати»), созданное в ноябре 1823 г., является органом исполнительной власти по вопросам разработки и осуществления внешней политики и обладает материальными и кадровыми возможностями для формирования позитивного международного имиджа страны. Второе название, «Итамарати», эта правительственная структура получила в честь дворца в Рио-де-Жанейро (Бразилиа), где первоначально располагался Государственный секретариат по международным делам. Дворец принадлежал барону Итамарати и служил резиденцией республиканского правительства «Первой республики» (1889–1898), а затем, начиная с 1898 года, штаб-квартирой МИДа [1, с. 156].

В первые годы Республики в министерстве иностранных дел существенных изменений не происходило: на должностях оставались сотрудники бывшего министерства империи, привыкшие к бюрократическому

стилю управления. В 1902 г. министром иностранных дел был назначен **Жозе Мария да Сильва Параньос (барон де Риу-Бранку)** [11]. Занимая этот пост десять лет, он провел ряд реформ, за что получил прозвище «отец бразильской дипломатии». Стремясь выделить Бразилию из латиноамериканской группы наций, де Риу-Бранку считал особо важным укреплять позитивный имидж Бразилии путем развития и поддержки инициатив культурной дипломатии, хотя в структуре государственного управления не было специальных органов, связанных с культурной деятельностью. На Третьем латиноамериканском конгрессе в августе 1905 г. министр с печалью констатировал: «Наука, литература, искусство, вся наша духовная культура несут на себе печать денационализации, так что в великую битву идей XX столетия мы вступаем с тяжелым наследием» [3, с. 61].

К руководству МИД барон привлекал, с одной стороны, людей из мира науки, искусства и литературы, уже получивших известность в стране и за рубежом, а с другой – молодых дипломатов с успешным опытом работы – Домисио да Гаму, Мониза де Арагао, Энеаса Мартинса [3, с. 37].

В течение 1902–1912 гг. МИД Бразилии стал гибкой организацией, которая результативно отстаивала национальные интересы как на территории страны, так и за рубежом. О временах «Первой республики» в Бразилии часто вспоминают как о некоей Belle Époque. Общенациональный духовный подъем, обусловленный ростом международного престижа, благоприятно сказался на ее культурном развитии – расцвете архитектуры, живописи, литературы, моды.

Внешняя политика Бразилии долгие годы оставалась продолжением политики Жозе Мария да Сильва Параньоса, пока в 1930 г. там не произошла революция, изменившая страну. В 1930–1934 гг. министерством руководил **Афранио ди Мелу Франку**, инициировавший создание Департамента рекламы (1931 г.), переименованного в Департамент пропаганды и распространения культуры (1934 г.). Целью этой структуры стала ненавязчивая реклама национальной культуры за рубежом при максимальном устранении показного характера «официальной пропаганды» [2, с. 76].

Следующим министром иностранных дел, реформировавшим структуру МИДа, стал **Мару ди Пиментел Брандан** (1936–1938 гг.), при котором был создан Отдел интеллектуального сотрудничества (1937 г.) [9].

Основными задачами Отдела интеллектуального сотрудничества стали:

- участие в обмене национальной художественной и научной литературой с зарубежными странами;
 - распространение бразильской культуры за рубежом;
 - интеллектуальное сотрудничество Бразилии с известными зарубежными культурными центрами;
 - открытие бразильских библиотек за рубежом;
 - участие в международном обмене преподавателями и студентами;
 - проведение культурных мероприятий в зале Дворца Итамарати
- [2, с. 104].

Реформы поддержал **Густаво Капанема**, министр образования и здравоохранения, который считал, что прежняя дипломатическая деятельность оказалась «недостаточной для удовлетворения настоящей потребности показать истинный образ Бразилии». В 1936 г. он предложил современную и практичную программу культурной и интеллектуальной пропаганды Бразилии за рубежом, основанной на моделях Италии, России, Германии и Португалии [6, с. 127]. Программа предусматривала пересмотр учебников по истории и географии основных стран мира с целью создания «полного и точного образа Бразилии»; учреждение стипендий для бразильских студентов, желающих учиться за границей.

Быстро развивавшаяся после 1945 г. культурная политика Бразилии получила название «**культурное распространение**». Отдел интеллектуального сотрудничества Итамарати был преобразован в отдел культуры (апрель 1946 г.), ставший позже департаментом. Руководство страны рассматривало эту структуру как важнейший инструмент бразильской публичной дипломатии [11].

Дальнейшая эволюция Итамарати в области публичной дипломатии связана с именем министра **Сан Тьягу Данташ** (1961–1962) [12]. В 1961 г. был принят закон, предусматривавший беспрецедентную реформу функциональной структуры министерства. Общий секретариат подразделялся на государственный секретариат и административный департамент. Одним из элементов государственного секретариата стал департамент по вопросам культуры и информации, подразделявшийся на три отдела: распространения культуры, культурного сотрудничества и информации.

Следующий этап в организационном становлении публичной дипломатии Бразилии связан с именем министра **Абреу Содре** (1986–1990 гг.). При нем в рамках Министерства иностранных дел (MRE) было создано Бразильское агентство по сотрудничеству (ABC) для планирования, координации, ведения переговоров, утверждения, выполнения, мониторинга и оценки на национальном уровне программ, проектов и мероприятий в области гуманитарного и технического сотрудничества (1987 г.) [5].

По данным на 2022 г., ABC реализует более 7000 проектов за рубежом с участием более 124 бразильских учреждений. Сотрудничество осуществляется в таких областях, как сельское хозяйство и животноводство, энергетика, биотопливо, окружающая среда, информационные технологии, электронное управление, гражданская оборона, городское планирование, транспорт, здравоохранение, социальное развитие, образование и профессиональная подготовка [5]. Все эти виды деятельности, основанные на обмене, можно включить в измерение публичной дипломатии, которая позволяет передавать знания, успешный опыт и сложное оборудование, тем самым способствуя подготовке кадров и укреплению соответствующих институтов в принимающей стране.

В МИДе Бразилии публичную дипломатию курируют департамент культуры и образования, а также департамент социальных коммуникаций. Департамент культуры и образования Итамарати отвечает за распространение

бразильской культуры и языка за рубежом и состоит из трех подразделений: отдел международных культурных и португальских языковых тем, отдел образовательных тем, отдел акций по развитию бразильской культуры. Через эти отделы ведутся переговоры о заключении соглашений и устанавливаются контакты с целью проведения культурных мероприятий [8].

Департамент социокультурных коммуникаций поддерживает связь между Итамарати и зарубежной прессой, а также координирует действия министерства на цифровых площадках. Он отвечает за официальный сайт Министерства и ведет социальные сети, информирует прессу о деятельности министра и зарубежных визитах президента [7].

Таким образом, уже со времени образования «Первой республики» (1889–1930 гг.) министерство иностранных дел активно сотрудничало с другими ведомствами, учреждениями, общественными организациями в области науки, культуры, образования как в стране, так и за рубежом. За свою историю Итамарати пережило несколько реформ, что повысило эффективность его деятельности как главного инструмента реализации внешней политики Бразилии, в том числе посредством публичной дипломатии.

Источники и литература:

1. Борзова, А.Ю. Дипломатическая служба Бразилии как инструмент реализации внешней политики страны (1902–2014 гг.) / А.Ю. Борзова. – М. : Изд-во РУДН, 2016. – 413 с.
2. Борзова, А.Ю. Стратегии Бразилии в области содействия развитию / А.Ю. Борзова // Вестн. междунар. орг. : образование, наука, новая экономика. – 2015. – Т. 10, № 3. – С. 156–169.
3. Мартынов, Б.Ф. «Золотой канцлер». Барон де Рио-Бранко – великий дипломат Латинской Америки / Б.Ф. Мартынов. – М. : ИЛА РАН, 2004. – 160 с.
4. A política brasileira de expansão cultural no Estado Novo (1937-45) [Recurso Eletrônico] // Biblioteca Digital Brasileira de Teses e Dissertações. – Modo de acesso: <https://www.bdttd.uerj.br:8443/handle/1/13163>. – Data de acesso: 31.03.2022.
5. ABC – Agência Brasileira de Cooperação [Recurso Eletrônico] // Ministério das Relações Exteriores. – Modo de acesso: <https://www.gov.br/abc/pt-br>. – Data de acesso: 31.03.2022.
6. Cervo, A.L. o desafio internacional: a política exterior do Brasil de 1930 a nossos dias / A.L. Cervo – Brasília; Universidade de Brasília : Biblioteca Central – Permuta, 1994. – 354 p.
7. Departamento de Comunicação Social [Recurso Eletrônico] // Ministério das Relações Exteriores. – Modo de acesso: https://www.gov.br/mre/pt-br/canais_atendimento/imprensa/departamento-de-comunicacao-social. – Data de acesso: 31.03.2022.
8. Diplomacia Cultural e Educacional [Recurso Eletrônico] // Ministério das Relações Exteriores. – Modo de acesso: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/diplomacia-cultural-1>. – Data de acesso: 31.03.2022.
9. Mário de Pimentel Brandão [Recurso Eletrônico] // Centro de Pesquisa e Documentação de História Contemporânea do Brasil. – Modo de acesso: <http://www.fgv.br/cpdoc/acervo/dicionarios/verbete-biografico/brandao-mario-de-pimentel>. – Data de acesso: 31.03.2022.
10. O Barão do Rio Branco no Itamaraty (1902–1912) [Recurso Eletrônico] // Centro de Estudos Globais. – Modo de acesso: <http://old.scielo.br/scielo>. – Data de acesso: 31.03.2022.
11. Pelo que é nosso! : a diplomacia cultural brasileira no século XX [Recurso Eletrônico] // SciELO – Scientific Electronic Library Online. – Modo de acesso: <https://www.scielo.br/j/rbh/a/M3Jh59hNnHsLffZD3hxqskH/?lang=pt>. – Data de acesso: 31.03.2022.
12. San Tiago Dantas, Brazilian leader; Minister in Deposed Regime Dies in Rio at 53 [Electronic resource] // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/1964/09/07/archives/san-tiago-dantas-brazilian-leader-minister-in-deposed-regime-dies.html>. – Date of access: 04.04.2022.

ИНСТИТУТ «БРЕНД ИСПАНИИ – СИСТЕМА ПРИКЛАДНОЙ РАЗВЕДКИ» (MESIAS) КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КОРОЛЕВСТВА ИСПАНИЯ

А.Е. Цымбалова (Нижний Новгород)

Популярность концепции «мягкой силы», разработанной американским политологом Джозефом Наем, была особенно актуальна для Королевства Испания в связи с необходимостью восстановления авторитета страны на мировой арене после многолетнего франкистского режима [1, с. 76].

Одним из первых проектов, призванных продемонстрировать экономический, технологический и человеческий капитал Испании, стал «Бренд Испании» (*Marca Espana*), запущенный в 2002 году. Дальнейший период ухудшения имиджа Испании был связан с событиями в Каталонии в 2017 году, а многочисленная критика недостатка правового регулирования, контроля над бюджетом и в совокупности малой эффективности проекта, привела к его переименованию в «Глобальную Испанию» (*Espana Global*) в 2018 году [2].

Для реализации целей, направленных на улучшение имиджа Испании, в 2013 году был создан Институт «Бренд Испании – Система прикладной разведки» (*Marca España – Sistema de Inteligencias Aplicadas – MESIAS*). Институт функционирует как независимый и объективный аналитический центр, не имеющий идеологической принадлежности и государственного финансирования. Основная деятельность Института заключается во всестороннем изучении бренда Испании и его трансформации в различных сферах, а также выработке стратегических рекомендаций для укрепления конкурентного положения испанского бренда. Инициатором создания данного Института и его руководителем стал профессор Хосе Мария Кубильо. При поддержке Министерства иностранных дел и Европейского союза главный офис начал действовать при Университете Святого Павла в Мадриде и объединил исследователей из двадцати восьми университетов и бизнес-школ.

Сотрудниками Института была разработана система, способная выявлять пробелы, слабые стороны и угрозы, осуществлять мониторинг атрибутов испанского бренда, строить его ментальную карту, отслеживать события и оценивать их влияние на имидж Испании [8]. Кроме того, Институт напрямую сотрудничал с Верховным комиссаром по «Бренду Испания» и предоставлял отчеты, которые становились основой для выявления основных недочетов в существующей структуре испанского бренда [1, с. 89].

Организационная структура Института состоит из Совета директоров и Институционально-делового совета. В состав первого входят руководители кафедр, специализирующихся на анализе и изучении атрибутов, составляющих бренд Испании. Институционально-деловой совет представлен сотрудниками учреждений и компаний, работающих с Институтом, и включает в себя: Разведывательный совет, Совет ректоров, Институциональный совет и Деловой совет [3]. Кроме того, Институт поддерживает тесное сотрудничество, как с государственными, так и с частными учреждениями.

На сайте также указана информация о том, что деятельность Института поддерживается группой компаний-покровителей [9].

С целью более эффективной реализации своих задач и получения точной информации, имеющей большое значение для лиц, принимающих решения, в рамках Института действует кафедра моделирования, базирующаяся в Мадридском папском университете Комильяс. Подразделения кафедры моделирования распределены по другим испанским университетам, а их функции заключаются в создании инструментов экономической разведки для количественного анализа и мониторинга атрибутов испанского бренда.

Основные направления работы института связаны с качественным и количественным анализом информации, для осуществления второго направления сотрудниками Института был разработан целый ряд индикаторов, например, Индекс доверия к испанскому бренду (iTRUST). Он представляет собой инструмент, который позволяет оценить, в какой степени испанский бренд способствует или снижает степень процессов интернационализации испанских компаний посредством восприятия менеджеров. Индекс репутации также помогает показать доверие к испанскому бренду за рубежом и измерить восприятие полезности и ценности вклада компаний в иностранный бизнес [6].

В качестве дополнения был внедрен аналогичный индекс для автономных сообществ Испании (iTRUST CCAA), позволяющий оценить внутреннее и внешнее доверие, создаваемое брендом Автономного Сообщества, а также измерить его привлекательность и восприятие полезности в международном бизнесе [7].

Индекс силы бренда страны (iStrength) измеряет способность национальных брендов привлекать ресурсы и капитал в сравнении с набором из 206 других национальных и территориальных брендов. В отличие от предыдущего индекса, iStrength измеряет внутренние показатели эффективности в зависимости от уровня достижений и строится на основе объективных данных Всемирного банка и Организации Объединенных Наций [5].

Параметры, затрагивающие отдельные сферы, находят свое отражение в Сбалансированной системе показателей бренда Испании, которая позволяет отслеживать эволюцию атрибутов, составляющих бренд Испании на основе объективных и количественных критериев. Анализ проводится в 16 сферах (например, культура, инновации и технологии, образование, наука, туризм, спорт и показатели различных индексов испанского бренда).

За последний год Институт выкладывал отчеты с перечислением испанских компаний, пользующихся наибольшей популярностью и доверием за рубежом, обсуждения наиболее острых вопросов, касающихся имиджа Испании в период пандемии. Кроме того, была опубликована новость, касающаяся соглашения Института с Конференцией ректоров испанских университетов для их продвижения как испанского бренда, привлечения и удержания талантливых студентов, налаживания связей с другими зарубежными университетами, развития учебных и исследовательских проектов [4], что свидетельствует об активной позиции и деятельности Института.

Источники и литература:

1. Борзова, А.Ю. «Марка Испания»: разработка государственной политики Испании по реализации «мягкой силы» / А.Ю. Борзова, Н.Д. Николашвили // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 2. – С. 76–93.
2. Марчук, М. Инструменты мягкой силы Испании и социально-гуманитарная политика в Латинской Америке [Электронный ресурс] / М. Марчук // РСМД. – 27.12.2021. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/nikolay-marchuk/instrumenty-myagkoy-sily-ispanii-i-sotsialnogumanitarnaya-politika-v-l/>. – Дата доступа: 08.04.2022.
3. Consejo Institucional-Empresarial [Electronic resource] // MESIAS – Inteligencia de Marca España. – Mode of access: <https://mesias.org.es/index.php/consejo-asesor/>. – Date of access: 08.04.2022.
4. Crue y MESÍAS acuerdan colaborar para el análisis de la percepción de la universidad española en el exterior [Electronic resource] // MESIAS – Inteligencia de Marca España. – 14.11.2021. – Mode of access: <https://mesias.org.es/index.php/2021/11/14/crue-y-mesias-acuerdan-colaborar-para-el-analisis-de-la-percepcion-de-la-universidad-espanola-en-el-exterior/>. – Date of access: 08.04.2022.
5. iStrength – Índice de Fortaleza de la Marca País [Electronic resource] // MESIAS – Inteligencia de Marca España. – Mode of access: <https://mesias.org.es/index.php/istrength-indice-de-fortaleza-de-la-marca-pais/>. – Date of access: 08.04.2022.
6. iTRUST – Índice de Confianza en la Marca España [Electronic resource] // MESIAS – Inteligencia de Marca España. – Mode of access: <https://mesias.org.es/index.php/itrust-indice-de-confianza-en-la-marca-espana/>. – Date of access: 08.04.2022.
7. iTRUST CCAA – Índice de Confianza en la Marca de las Comunidades Autónomas [Electronic resource] // MESIAS – Inteligencia de Marca España. – Mode of access: <https://mesias.org.es/index.php/itrust-ccaa-indice-de-confianza-de-marca-de-las-ccaa/>. – Date of access: 08.04.2022.
8. Qué es MESIAS [Electronic resource] // MESIAS – Inteligencia de Marca España. – Mode of access: <https://mesias.org.es/index.php/que-es-mesias/>. – Date of access: 08.04.2022.
9. Quienes somos [Electronic resource] // MESIAS – Inteligencia de Marca España. – Mode of access: <https://mesias.org.es/index.php/quienes-somos-equipo-mesias/>. – Date of access: 08.04.2022.

ОСОБЕННОСТИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ТУРЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

М.А. Майорова (Москва)

На современном этапе развития системы международных отношений, для которой характерны конфликтность и переконфигурация центров силы, особенно важным элементом проводимой внешней политики является «мягкая сила».

В использовании инструментов «мягкой силы» преуспела Турецкая Республика, которая стремится заполучить статус не только региональной, но и мировой державы. Однако ограниченность ресурсов заставляет ее искать дополнительные способы расширения своего влияния. Так, наиболее выгодной стратегией для Турции является идеология «хаба», своеобразного центра притяжения, способного соединить Север – Юг и Запад–Восток [1, с. 169]. Более того, в рамках идеологий неопантюркизма и неоосманизма Анкара позиционирует себя как лидера мусульманского мира, объединяющего

религию и мусульманские ценности, и как лидера, способного объединить тюрков со всего мира и построить «тюркский мир».

Для продвижения своих идей Турция использует непрямые методы воздействия на внутреннее население стран, которые входят в ее приоритетные зоны влияния. С помощью инструментов «мягкой силы» создаются подконтрольные и про-турецкие лоббистские группы в государственных, бизнес и других частных структурах.

Наибольшего успеха Турецкая Республика достигла в гуманитарной сфере – культуре, образовании и религии. Например, на постсоветском пространстве активно развиты и развиваются стипендиальные и обменные программы обучения, такие как «Мевляна» – программа обмена аспирантами, студентами и преподавателями между местными ВУЗами и партнерскими университетами в Турции. Свою деятельность по продвижению турецких ценностей также осуществляют международные организации, такие как TÜRKSOY и TİKA, фонд Юнсуса Эмре, Тюркская академия наук и др.

Так как Турция стремится оказывать влияние не только на тюрков, но и на весь мусульманский мир, особое значение в проводимой политике имеют религиозные организации. Одной из крупнейших является Турецкий фонд по делам религий (Türkiye Diyanet Vakfı, TDV), получающий финансирование от Турецкого управления по делам религий (Diyanet). В 2020 году TDV профинансировала 8193 студента за рубежом по различным программам и предоставила денежные средства ряду организаций в Палестине, Сомали, Болгарии, Румынии, Гаити, Малайзии, Казахстане, Кыргызстане и Монголии. Целью данной организации является популяризация мусульманских ценностей, обучение духовности, проведение мусульманских проектов.

Должное внимание при проведении политики «мягкой силы» турки уделяют истории, а точнее ее искажению. Данным вопросом занимается международная тюркская академия наук, цель которой обозначена как координация и содействие в исследованиях об истории тюрков всех времен и их места в мире. В рамках обозначенной академии работают Центр тюркской истории и культуры, Центр изучения тюркского языка, Тюркская библиотека и Тюркский музей [1, с. 171]. Осуществляя подмену понятий «тюрки» на «турки», Турция стремится занять место предводителя «тюркского мира», размывая идентичности других народов.

Турецкую Республику можно назвать положительным примером, на который стоит ровняться в использовании инструментов «мягкой силы». Однако для суверенных государств, особенно на постсоветском пространстве, такая проактивная политика может быть опасна – есть риск попасть в зависимость от Анкары и руководствоваться не своими ценностями, а навязанными.

Источники и литература:

1. Аватков, В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет / В.А. Аватков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – № 14(5). – С. 162–176.

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕРМАНСКОЙ СЛУЖБЫ АКАДЕМИЧЕСКИХ ОБМЕНОВ (DAAD) В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

А.А. Сорокин, А.Ю. Ишутина (Нижний Новгород)

Германия достаточно большое внимание уделяет развитию системы научно-технического сотрудничества, академического обмена, созданию различных совместных образовательных проектов с зарубежными партнерами, правительство выделяло средства на проведение научных выставок, конференций и симпозиумов, что и стало причиной существования на сегодняшний день такой разветвленной системы «мягкой силы». Одной из самых значимых структур, направленных на популяризацию немецкого языка, немецкой культуры за рубежом, является Германская служба академических обменов (Deutscher Akademischer Austauschdienst, DAAD) – ассоциация немецких высших учебных заведений, включающая в себя более 50 информационных центров по всему миру.

Большая часть бюджета DAAD финансируется из бюджета правительства ФРГ. Так, в 2013 г. общий бюджет составил 420 млн евро, из которых на долю немецкого правительства пришлось 76% (43% – из министерства иностранных дел, 24% – из министерства образования и исследований, 9% – из министерства экономического развития и сотрудничества). 14% профинансировал Европейский Союз и 10% – другие спонсоры [5]. К примеру, большой вклад в финансирование DAAD вносит Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) – общество международного сотрудничества, к услугам которого часто прибегают различные федеральные ведомства Германии, а также Kreditanstalt für Wiederaufbau (KfW) – банк, который обеспечивает сотрудничество Германии со странами с развивающейся экономикой.

На сегодняшний день DAAD имеет конкретный девиз: «Изменения путем обмена» [4]. DAAD предоставляет стипендии для лучших студентов, отличившихся в научной деятельности как за рубежом, так и в самой Германии, расширяет систему университетских структур по всему миру, чтобы обеспечить мобильность и высокое качество исследований, активно участвует в программе «Erasmus+» как национальное агентство ЕС по сотрудничеству в рамках высшего образования, которая помогает наладить культурные связи студентов Европы со студентами соседних с ЕС государств.

География взаимодействия DAAD постоянно расширяется. Так, на 2019 г. служба включала в себя 242 высших учебных заведения, а также 104 студенческих объединения. По всему миру в тот год 145659 студентов получили финансовую помощь. Такие внушительные числа говорят еще об одной особенности организации – привлечении большого количества партнеров, активное взаимодействие с которыми позволяет быстрее установить контакт между потенциальными работодателями и квалифицированными выпускниками.

В Казахстане региональное отделение появилось в 1990 г. К 2013 г. стипендии DAAD получили свыше 3500 казахских студентов [5]. Всего по состоянию на 2021 г. с участием DAAD на территории республики реализуется 933 мероприятия (программы), в т.ч. 42 – финансируемых непосредственно из ФРГ [1].

На данный момент программы DAAD на территории Казахстана можно разделить на три блока: предназначенные для студентов, для последипломного обучения и исследовательские программы для ученых и преподавателей. В первый блок входят летние языковые курсы и ознакомительные поездки студенческих групп в ФРГ, предусматривающие посещение минимум двух вузов и знакомство с экономической, политической и культурной жизнью [3].

Второй блок представляют собой различные магистерские программы в университетах ФРГ. Сюда входят магистратура для всех специальностей, магистерские стипендии для экономистов (ERP), программа магистратуры и PhD EPOS (экономика, экология, инженерные науки), магистратура по архитектуре, ряд магистерских программ типа Art Studies (музыка, кинематография, дизайн, режиссура, актерское мастерство и т.д.), а также Helmut Schmidt Programme (согласно ее описанию, в рамках программы получают образование в области политологии, права, экономики и управления, и готовятся к будущим руководящим должностям) [3].

В третий блок входят краткосрочные и годовые исследовательские стипендии, программы PhD и докторантуры (в том числе под двойным руководством), научные стажировки для преподавателей и ученых и программы двусторонних обменов для ученых [3].

Отношения DAAD и Казахстана развиваются очень стремительно на протяжении уже десятков лет. Ежегодно организация финансирует пребывание в Германии около 90 стипендиатов различных программ. На сегодняшний день основная часть программ DAAD в различных сферах науки реализуется в следующих высших учебных заведениях страны: Назарбаев Университет, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстанский институт менеджмента (КИМЭП), Казахстанский национальный педагогический университет имени Абая (КазНПУ), Международный университет информационных технологий и Казахстанский гуманитарный юридический университет (КАЗГЮУ).

Одним из самых масштабных проектов, которые поддерживает DAAD, является Казахстанско-Немецкий университет (DKU), основанный в 1999 г. с целью подготовки специалистов по немецким стандартам. Уже с 2007 г. служба академических обменов Германии начала финансировать различные программы и проекты этого университета. В частности, предоставляется возможность получения стипендий от DAAD и для абитуриентов – на обучение и/или проживание (на 2021/2022 учебный год такая стипендия была назначена 116 абитуриентам) [2].

В рамках технических и естественных специальностей DKU активно сотрудничает с такими немецкими университетами, как Гамбургский университет прикладных наук, Университет прикладных наук Миттвейда, Университет прикладных наук Шмалькальден, Университет прикладных наук Циттау и Технический университет прикладных наук Вильдау.

Период с 2014 по 2016 гг. был ознаменован претворением в жизнь еще одной важной программы для DKU, связанной с логистикой, – Logistik des Kommunikations und Transferzentrums, которая заключалась в установлении связи между образованием, наукой и производством в соответствии с программой по интернационализации науки и исследований. Результатом проведенной программы стало открытие логистического центра при DKU (Log Centre), создание баз данных по производственной логистике и появление испытательной лаборатории.

Текущим проектом DAAD на 2021–2024 гг. является «Language-Digitalization-Transfer» [7]. Этот проект направлен на повышение языковой компетентности преподавателей и студентов. В рамках этого проекта организовываются летние и зимние интенсивные курсы по изучению языка для студентов, приглашаются студенты немецких высших учебных заведений по программе изучения модульных дисциплин в Центральной Азии. В ближайшее время планируется разработка программ обучения с привлечением немецких специалистов, предоставление стипендий студентам для обучения в DKU и ВУЗах-партнерах Германии, поиск немецких преподавателей для работы в рамках летних факультетов.

Кроме того, DAAD имеет соглашение с АО «Центр международных программ» – организацией, являющейся администратором международной стипендии Президента Республики Казахстан «Болашак». В рамках стипендии существуют программы, реализуемые за рубежом, в т.ч. и в Германии. По условиям соглашения, одним из этапов конкурсного отбора для соискателей, желающих обучаться в Германии, является индивидуальное собеседование с независимой комиссией DAAD, состоящей из профессоров немецких вузов [6].

Говоря о программах DAAD в Казахстане, стоит сделать акцент на большом количестве проектов, связанных с изучением немецкого языка, с его преподаванием как местными квалифицированными специалистами, так и приглашенными специалистами. Также стоит отметить пристальное внимание Службы академических обменов к вопросам политического развития путем внедрения программ, направленных на демократизацию общества, обучения квалифицированных кадров для работы в правительственных органах, через которые может налаживаться контакт с ФРГ.

Говоря о казахстанской специфике по сравнению с другими странами постсоветского пространства, отметим, что в России большой упор делается на организацию исследований для российских стипендиатов в учебных заведениях Германии. Среди всех представленных стран Россия занимает ведущее положение по числу студентов, проходящих стажировку за рубежом. В Украине же более развита система финансирования внутренних программ, которые проводятся на базе местных вузов. Для Беларуси была характерна ориентация программ на улучшение качества образования в высших учебных заведениях в силу того, что оно пока далеко от общеевропейского. Казахстан – государство, в котором одной из многочисленных диаспор является немецкая, именно поэтому DAAD предоставляет для Казахстана огромный спектр возможностей по изучению немецкого языка или повышению уровня знаний.

Источники и литература:

1. Обзор системы высшего образования Казахстана [Электронный ресурс] // DAAD Kazakhstan. – Режим доступа: <https://www.daad-kazakhstan.org/ru/ucება-i-nauka-v-kazahstane/>. – Дата доступа: 14.04.2022.
2. Результаты распределения стипендий DAAD 2021/2022 среди абитуриентов [Электронный ресурс] // Deutsch-Kasachische Universität. – Режим доступа: <https://dku.kz/ru/news/view/?slug=Rezul%27taty+raspredeleniya+stipendiy+DAAD+2021%2F2022+sredi+abituriyentov+0823>. – Дата доступа: 14.04.2022.
3. Стипендии DAAD для Казахстана [Электронный ресурс] // DAAD Kazakhstan. – Режим доступа: <https://www.daad-kazakhstan.org/ru/poisk-finansirovaniya/stipendialnye-programmy-daad/>. – Дата доступа: 14.04.2022.
4. DAAD. Motto [Electronic resource] // DAAD. – Mode of access: <https://www.daad.de/en/the-daad/who-we-are/motto/>. – Date of access: 14.04.2022.
5. DAAD-Standardfolien [Electronic resource] // Новости КазНМУ. – Mode of access: <https://news.kaznmu.kz/wp-content/uploads/2014/04/DAAD-информация.pdf> – Date of access: 14.04.2022.
6. DAAD в Казахстане [Электронный ресурс] // KSTU. – Режим доступа: <http://inter.kstu.kz/daad-в-казахстане/?lang=ru>. – Дата доступа: 14.04.2022.
7. Deutsch Kasachische Universitat. Actual DAAD project [Electronic resource] // Deutsch-Kasachische Universität. – Mode of access: <https://dku.kz/en/content/view/?slug=connection-with-germany&tab=0/> – Date of access: 14.04.2022.

**ИНТЕРНЕТ КАК ПРОСТРАНСТВО ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ:
БИТВА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

И.З. Герштейн (Нижний Новгород)

Распад СССР совпал по времени с технологическим прорывом человечества, которому было суждено оказать существенное воздействие на трансформацию политических процессов в мире, – появлением Интернета. Политическая значимость всемирной информационной сети была осознана далеко не сразу, более того, изначально новое пространство мыслилось как аполитичное, или, как минимум, свободное от контроля политического института государства [2]. Однако, по мере развития киберпространства, усложнения его структуры, появилась необходимость правового регулирования деятельности людей в сети – задача, с которой могло справиться только государство.

Вскоре стало ясно, что информационный массив «всемирной паутины» оказывает существенное воздействие на политическое сознание, как отдельного человека, так и больших социальных групп. Одним из значимых феноменов массового и индивидуального политического сознания, формирующего единство социальной группы (нации) и политического института (государства) и основанный на идее совпадения достижений в прошлом, целей и задач, а также методов их достижения и разрешения в настоящем и будущем является национально-государственная идентичность [3, с. 121]. Ключевым элементом этой идентичности является ее «матрица» – «предлагаемый элитой национальный миф, который, вписывая человека в коллективный сценарий поведения и формируя коллективную систему ожиданий, играет исключительно важную роль в обеспечении стабильности политического режима и политической системы государства» [10].

В процессе развития интернет-технологий и бурного роста числа интернет-пользователей цифровое пространство становится местом формирования «матриц» национально-государственных идентичностей постсоветских государств, чье формирование шло в период роста популярности и широкого распространения новых коммуникационных технологий. Тут же и происходит трансляция выбранных смыслов в массовое сознание.

В настоящем докладе эти процессы будут рассмотрены на примере трех государств, сформированных на основе трех республик СССР: Беларусь (бывшая БССР), Россия (РСФСР) и Украина (УССР). Подобная выборка объясняется близостью исторического и культурного опыта (эти элементы всегда присутствуют в «матрице» НГИ); относительно равным уровнем социально-экономического развития в рамках СССР и схожестью проблем, возникших после распада Союза; и разностью подходов, выбранных элитами этих государств, для построения новой национально-государственной (национальной) идентичности. В условиях наличия заметного пласта общей (или взаимосвязанной) истории, процесс построения новой идентичности вылился в соперничество, перешедшее в прямое столкновение в ходе борьбы за оптимальное «прошлое своего будущего» и исторические достижения предков. Данное противостояние сыграло важную роль во взаимоотношениях трех государств, став важной предпосылкой военного кризиса в регионе, новый этап которого разворачивается на наших глазах.

«Матрица» белорусской идентичности опирается своими корнями на историю Полоцкого княжества [2, с. 121], которое уже с XII века отмежевалось от Киева, а в следующем столетии избежало ордынской зависимости. Вместо этого Полоцкие земли благодаря матримониальным и династическим связям попадают в орбиту влияния Великого Княжества Литовского. Именно это государственное образование в XIV веке было лидером в деле объединения русских княжеств. Далее последовала уния с Польшей, впоследствии приведшая к упадку белорусских земель. Создание БССР «положило начало самостоятельности белорусского народа» [5]. Краткая версия истории страны изложена на портале Президента Республики Беларусь и доступна каждому.

Развитие любого государства обращено в будущее. Официальное видение будущего Беларуси отражено в «Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года» [9]. Этот общедоступный документ декларирует «национальная модель является подсистемой глобальной системы устойчивого развития». Не претендуя на статус «великой державы», Минск умело встраивает цели национального развития с доминирующими глобальными трендами, ««зеленый» переход к инклюзивному и устойчивому росту; ориентация на будущие поколения; цифровые трансформации и социальные инновации; гендерное равенство в обществе» [9, с. 10], не поступаясь своими интересами и с учетом собственной уникальной государственной специфики. Таким образом, образ «матрицы» белорусской национально-государственной идентичности полностью представлен в киберпространстве и доступен каждому пользователю сети: и гражданину Беларуси и иностранцу.

Историческая часть «матрицы» российской идентичности, за исключением оценок советского периода, революционных изменений не претерпела. Советский период в 90-х гг. XX века рассматривался, в основном, в негативном ключе (феномен «негативной идентичности» [4, с. 44]), но в следующем десятилетии, напротив, был «реабилитирован». В сети интернет русская история представлена широко. Крупнейшим ресурсом является портал «История.РФ» [6], также стоит отметить такие сайты как «Хронос» (там представлена еще и всемирная история), «Память народа» (Великая Отечественная Война) и т. д.

Главным недостатком «матрицы» национально-государственной идентичности в настоящий момент оказывается отсутствие ясно сформированного образа будущего России, не только в интернете, но и в общественном дискурсе в целом. Попытки Президента РФ В.В. Путина избегать «высокопарных слов» и отсылки к большой и крепкой семье» не могут прояснить и разрешить ситуацию [12].

Совершенно иная ситуация сложилась с «матрицей» украинской идентичности. Имея тесные исторические связи с РФ, независимая Украина позиционирует себя как «не Россия» [8] или как анти-Россия по определению В.В. Путина. В результате – обвинения в краже истории. До обретения независимости в результате распада СССР Украина не имела своего суверенитета. Все казацкие проекты были автономиями под протекторатом Речи Посполитой, Крыма или России, а УНР сгинула, не успев утвердить свое существование. Созданием исторического пространства страны занимается Украинский институт национальной памяти [13]. Будущее страны описывается лозунгом «Украина – це Европа!» и стремлением стать членами ЕС и НАТО.

Одной из главных причин «войны идентичностей» является различная трактовка событий советского периода. Эпоха 1917–1991 гг. стала очередным периодом многовекового совместного сосуществования Беларуси, России и Украины в составе единого государства. Значимость этого времени в политике и идентичности всех государств, в сознании людей определяется двумя факторами: относительной близостью к современности (непосредственное влияние возникших процессов на нынешнюю ситуацию), и наличие живых свидетелей эпохи (все население старше 40 лет помнит советское время).

Одним из ключевых событий периода является Великая Отечественная война советского народа – символ мужества, стойкости и Победы. Итоги войны сохранили свое значение для современной архитектуры международных отношений. В настоящий момент происходит процесс превращения коммуникативной памяти о войне в культурную (по классификации супругов Ассман [1, с. 54]). Именно в этот момент создается «канон» исторической памяти. Для России память об этой войне священна, поэтому любые усилия по изменению оценок итогов войны максимально болезненны для массового сознания и национальной идентичности. Близкая к этому ситуация и в Беларуси, демографические потери которой за годы войны составили около трети населения. Совершенно иначе дело обстоит в современной

Украине. С 2005 года (приход к власти В. Ющенко) начинается активная героизация членов ОУН и УПА как борцов за независимость страны [7, с. 227]. События «майдана» 2013–2014 гг. окончательно закрепили в украинском общественно-политическом дискурсе положение о «святости» этих организаций и их лидеров. Деятельность этих «борцов за независимость», в т.ч. и на территории Белоруссии, России, носила характер карательных операций, и однозначно считается преступной.

В эпоху цифровых коммуникаций это противостояние (где отношение к Великой Отечественной лишь один из ярких примеров) выплеснулось в сеть интернет. В 2014 году в сети появляется ролик со стихотворением А. Дмитрук «Никогда мы не будем братьями», в котором отвергается морально-этическое и историческое родство народов России и Украины. Это спровоцировало «стихотворный батл» в котором представители разных государств опровергали/защищали идею родства/национального превосходства.

В последние месяцы, с началом СВО России на Украине, эта виртуальная «война идентичностей» в сети достигла громадных масштабов, что объясняется относительно равной (и очень широкой по охвату) доступностью интернета в противоборствующих странах и возросшим влиянием киберпространства на умы людей.

На текущий момент наиболее выигрышной представляется позиция Беларуси, которая имеет четко выстроенную темпоральную структуру своей государственности в интернете и массовом сознании. Напрочь отвергая нацизм, Минск находится «над схваткой» в цифровом пространстве, умело используя свои козыри. Позиции России выглядят слабее из-за отсутствия ясного образа будущего. Однако, в краткосрочной перспективе, подменяя цель задачами, Москва доминирует по остальным параметрам борьбы идентичностей. Самое тяжелое положение у Украины. Не имея ни прошлого, ни будущего, терпя поражение в настоящем, Киев ставит под сомнение состоятельность собственной государственности, что может привести к исчезновению Республики Украина с политической карты мира.

Источники и литература:

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. Барлоу, Дж. Декларация независимости киберпространства [Электронный ресурс] / Дж. Барлоу. – Режим доступа: <http://www.telecomlaw.ru/articles/declaration.html>. – Дата доступа: 15.04.2022.
3. Герштейн, И.З. Структура национально-государственной идентичности: основные элементы и особенности их взаимодействия / И.З. Герштейн // Традиции и инновации в международном политическом процессе: региональное и глобальное измерение. Материалы международной научной конференции (Нижний Новгород, 24–26 июня 2013 г.). – Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. – С. 121–125.
4. Гудков, Л.Д. К проблеме негативной идентификации. / Л.Д. Гудков // Мониторинг общественного мнения. – 2000. – № 5. – С. 3–44.
5. История Беларуси [Электронный ресурс] // Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/president/detjam/history>. – Дата доступа: 15.04.2022.

6. История.РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://histrf.ru/>. – Дата доступа: 15.04.2022.
7. Касьянов, Г. «Национализация» истории в Украине / Г. Касьянов // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера и М. Липман. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 217–255.
8. Кучма, Л.Д. Украина – не Россия / Л.Д. Кучма. – М. : Время, 2004. – 560 с.
9. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс] // Научно-методическое обеспечение развития информатизации в Беларуси. – Режим доступа: <http://nmo.basnet.by/concept/nac-strategists.php>. – Дата доступа: 15.04.2022.
10. Попова, О.В. Базовая матрица государственной политики идентичности в современной России [Электронный ресурс] / О.В. Попова // Политическое пространство и социальное время / Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь : ИТ «АРИ-АЛ», 2016. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26897162_43700234.htm. – Дата доступа: 15.04.2022.
11. Республика Беларусь. Энциклопедия : в 6 т. / Ред. Г.П. Пашков. – Минск : Белорусская энциклопедия, 2005. – Т. 1. – 1040 с.
12. Съезд партии «Единая Россия». Выступление В.В. Путина [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/66445>. – Дата доступа: 15.04.2022.
13. Украинский институт национальной памяти. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uinp.gov.ua/>. – Дата доступа: 15.04.2022.

РОЛЬ ЗАРУБЕЖНЫХ НПО И НКО ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

И.Ф. Шоджонов (Нижний Новгород)

Республика Казахстан (РК) сегодня является одним из ведущих центров развития на пространстве бывшего СССР, а также доминирующим актором в рамках центральноазиатского региона. Путь к обретению такого положения был не простым и требовал от руководства страны, в частности первого президента республики Н. Назарбаева, активной и самое главное гибкой внешней политики. После распада СССР перед Казахстаном встал острый вопрос о том, как существовать в условиях нового мирового порядка и однополярной системы международных отношений.

Рыночная экономика, концепция демократического развития в русле западного представления о традиционных ценностях и необходимость встраиваться в данную систему привели к тому, что Казахстан избрал одну из наиболее приемлемых в сложившихся обстоятельствах линий поведения. Провозглашение концепции многовекторности и превалирования экономических интересов над политическими позволило республике утвердить свой суверенитет и значимость на мировой арене.

Несмотря на, казалось бы, малую долю страны в мировой экономике (всего 55 место в мировом рейтинге ВВП и 2 среди стран, расположенных на пространстве бывшего СССР), политическое влияние Казахстана и интерес мировых акторов к этой стране неоспорим [1]. В первую очередь, это связано с экономико-географическим положением Казахстана (страна занимает 9 место в мире по площади и обладает внушительными запасами

углеводородов). Но самое важное – это расположение страны на стыке между европейской и азиатской частями континента.

Казахстан фактически является мостом с запада на восток и обратно, а статус государства, имеющего выход к Каспийскому морю (важному ресурсному и логистическому узлу), лишь укрепляет необходимость тесного взаимодействия с РК среди таких мировых политических и экономических акторов, как РФ, КНР, США, Великобритания, Турция и ЕС [3].

Интересы данных государств в той или иной степени представлены в правовом поле международной кооперации Казахстана, имеются и практические выражения сотрудничества в виде различного рода проектов развития как ресурсного, так и научно-технологического потенциала страны. Помимо проектной деятельности, в современной политике выделяется определенный внешнеполитический инструментарий влияния, позволяющий оказывать непосредственное воздействие на события, решения, оценки и мнения внутри страны.

Таким инструментом выступают неправительственные и некоммерческие организации, создаваемые внутренними силами, а также зарубежными, финансируемыми за счет внешних поступлений. Деятельность данных организаций регламентируется внутренним законодательством Казахстана. К источникам права в отношении деятельности НПО и НКО в Республике Казахстан необходимо отнести следующие законодательные акты: Гражданский кодекс 1994 г., Закон «О некоммерческих организациях» 2001 г., Закон «Об общественных объединениях» 1996 г. [6].

Кроме того, существуют узкоспециализированные законодательные акты, одним из наиболее важных и отвечающих современным требованиям является Приказ Министра по делам религий и гражданского общества «О внесении изменений в приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 19 февраля 2016 года № 51 “Об утверждении Правил предоставления сведений о своей деятельности неправительственными организациями и формирования Базы данных о них”» 2017 г. [6]. Документ напрямую регламентирует и регулирует деятельность неправительственных организаций на территории республики.

Необходимо отметить, что, согласно законодательству РК, деятельность НПО и НКО осуществляется в следующих сферах: наука и образование; спорт и физкультура; здравоохранение; экология; молодежная политика; демография; гендерная тематика; оказание помощи социально уязвимым слоям населения; трудоустройство; защита прав и свобод; искусство и культура; охрана историко-культурного наследия; укрепление общественного согласия и национального единства; информация; контроль качества оказания госуслуг [6].

Несмотря на то, что НПО и НКО строятся с целью развития и поддержания гражданского общества в той или иной отдельно взятой стране, не всегда данная цель является преобладающей, а скорее, выступает лишь ширмой для продвижения взглядов бенефициаров создания данных организаций. На территории РК действует порядка 22 тысяч неправительственных организаций и как минимум 200 из них имеют иностранное финансирование [2].

Относительно примеров НПО, лоббирующих интересы зарубежных стран на территории Казахстана, в первую очередь необходимо упомянуть

институт «Открытое общество» Дж. Сороса (США). Появление фонда на территории республики датируется 1995 г., периодом становления суверенитета РК и, соответственно, ее наибольшей слабости в отношении внешнего влияния. Стране нужны были финансовые ресурсы, а фонд Сорос-Казахстан очень вовремя занял главенствующую нишу в рамках воздействия на казахский социум. Стипендиальные программы и гранты фонда позволили взрастить целую плеяду «благодарных» управленцев, на сегодняшний день занимающих главенствующие посты в государственной системе.

Деятельность фонда неоднократно подвергалась критике в общественно-политическом пространстве Казахстана за практикуемое им вмешательство во внутривнутриполитические дела. Так, в 2010 г. павлодарская газета «Наша жизнь» писала, что, несмотря на существующий закон «О деятельности международных и иностранных некоммерческих организаций в Республике Казахстан», запрещающий вмешательство данных организаций во внутреннюю жизнь страны, фонд Сорос-Казахстан заявил о своей роли как посредника между государством, бизнесом и гражданским обществом в формировании общественной политики [1]. Фонд Сорос-Казахстан, спонсирует также антироссийскую общественную повестку, например, вокруг космодрома Байконур, продвигая через местные НКО идею неправомерности деятельности российской администрации [2].

Значительное влияние на развитие лояльных внешним режимам НПО и НКО играет Агентство США по международному развитию. Чаще всего деятельность данного агентства связывают со спонсированием оппозиционных действующему государственному режиму организаций. Так, например, в сферу влияния агентства входят такие политические силы Казахстана, как относительно молодая оппозиционная политическая сила «Оян, Казахстан!» («Пробудись, Казахстан!»), члены которой принимали активное участие в протестах после выборов К.-Ж. Токаева на пост президента.

Необходимо отметить, что влияние западных НКО на внутреннюю политику РК в большей степени направленно на формирование антироссийской повестки, в частности, в вопросах информационной пропаганды. Наиболее активным грантодателем и спонсором такой активности выступают США и различные аффилированные с американским правительством фонды.

К активным представителям продвижения западной точки зрения на территории Казахстана можно отнести интернет-ресурс «Каравансарай», спонсируемый объединенным центральным командованием вооруженных сил США. На сайте ресурса на регулярной основе публикуются материалы, направленные на подрыв партнерских и дружественных отношений между Россией и Казахстаном [4]. К интересным проектам продвижения антироссийской повестки в РК можно отнести программу MediaCamp, спонсируемую американской НПО Internews Network при поддержке USAID. Программа направлена якобы на формирование стабильной информационной среды, в которой отсутствует дезинформация. Примечательно, что под дезинформацией предполагается любая форма российской пропаганды [5].

Кроме антироссийской повестки, в риторике проамериканских НПО и НКО существуют и внутривнутриполитические векторы. Так, например, интересным для анализа выступает канал «Настоящее время», существующий в том

числе за счет грантов Конгресса США через Агентство глобальных медиа USAGM. В феврале 2019 г. канал активно транслировал антинаразбаевскую повестку, обвиняя бывшего президента в репрессивной политике и накаляя и без того нестабильную ситуацию в обществе. Также канал активно освещал задержания участников митинга запрещенной в Казахстане организации «Демократический выбор Казахстана», возглавляемый беглым политиком Мухтаром Аблязовым.

Говоря о других активных акторах, имеющих интересы внутри Казахстана, необходимо выделить Великобританию и Турцию. Оба государства продвигают взаимоотношения с РК, в частности на экономическом и политическом треках. Для Турции Казахстан является важной частью тюркского мира, в особенности в контексте концепции неоосманизма. Великобритания, в свою очередь, преследует в большей степени экономический и военный интересы. Казахские ресурсы являются важным фактором выживания и энергетической безопасности не только Великобритании, но и Европы в целом. Кроме того, использование Казахстана в противовес России, с учетом усиления собственного влияния на страну, а также продвижения своего партнера по НАТО – Турции позволит создать огромный очаг напряженности на более чем 7-тысячекилометровой границе между Россией и Казахстаном. Использование НПО и НКО в данном случае имеет место быть, но является скорее опосредованным в сравнении с США.

В заключение можно отметить, что влияние зарубежных НПО и НКО в Казахстане велико, и спровоцировано это в большей степени тем путем развития, который выбрал Казахстан после распада СССР. Политика многовекторности, попытка вестернизации своей экономики и политического устройства, поспособствовала развитию широкой сети прозападных НПО и НКО, имеющих сильное влияние на внутривнутриполитические процессы в стране. Прогрессивное казахстанское общество, перенасыщенное сегодня западной культурой, постепенно отходит от России и совместного советского прошлого, что, безусловно, в перспективе может сформировать угрозу для стратегического партнерства двух стран.

Источники и литература:

1. Адилов, С. Нуждается ли Казахстан в «открытом обществе» от Джорджа Сороса? [Электронный ресурс] / С. Адилов // Centra Asia Monitor. – Режим доступа: <https://camonitor.kz/25556-nuzhdaetsya-li-kazahstan-v-otkrytom-obschestve-ot-dzhordzha-sorosa.html>. – Дата доступа: 15.04.2022.
2. Как Запад раскачивает Казахстан и какие НКО будут свергать власть [Электронный ресурс] // Национальная ассоциация нефтегазового сервиса. – Режим доступа: <https://nangs.org/news/world/kak-zapad-raskachivaet-kazahstan-i-kakie-nko-budut-svergat-vlast>. – Дата доступа: 15.04.2022.
3. Прохвятилов, В. США усиливают давление на Казахстан [Электронный ресурс] / В. Прохвятилов // Фонд Стратегической культуры. – Режим доступа: <https://www.fondsk.ru/news/2019/06/06/us-usilivaut-davlenie-na-kazahstan-cherez-podkontrolnye-npo-i-smi-48333.html>. – Дата доступа: 15.04.2022.
4. Соков, К. «Каравансарай» гостеприимен лишь к противникам России [Электронный ресурс] / К. Соков // Ритм Евразии. – Режим доступа: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2018-10-24--karavansaraj-gostepriimen-lish-k-protivnikam-rossii-39195>. – Дата доступа: 15.04.2022.

5. Способны ли американские НПО расшатать обстановку в Казахстане? [Электронный ресурс] // Информационный портал «Эхо Казахстана». – Режим доступа: <https://ehonews.kz/sposobny-li-amerikanskie-npo-rasshatat-obstanovku-v-kazahstane/>. – Дата доступа: 15.04.2022.

6. Черевык, К.А. Неправительственные организации Казахстана: некоторые правовые основы функционирования / К.А. Черевык // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 5(95). – Ч. 2. – С. 167–170.

«МЯГКАЯ СИЛА» И ИНТЕГРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

М.А. Дубровин (Владимир)

Необходимость выстраивания многоуровневых межличностных связей, их укрепление, расширение и пронизывание друг другом обусловили формирование истоков интеграционных процессов. Поэтапное становление общества, логичным итогом которого является формирование государства – это показатель смещения фокуса на потребность во внутривидовой коммуникации. В таком случае образуется теоретический пробел в виде вариативности её целевого назначения.

Сформированная мировая историография, к примеру, указывающая на результаты фундаментальной экономической политики Германии в 1933 г., которая в теории науки озаменована «жесткой силой», или политический курс «мирного возвышения» Китайской народной республики, избранный в 2003 г., основой которого выступают идеи мультилатерализма, – это совокупность практических результатов коммуникаций, играющих одну из ключевых ролей настоящего исследования. Так, логически-корректным продолжением теоретической мысли служит постановка тезиса о степени влияния характера межгосударственной коммуникации на прочность и интенсивность протекающих внутри интеграционных процессов. В связи с чем, на базе вышеуказанных примеров, допустимо условно представить коммуникацию в рамках политологической терминологии: «мягкой» и «жесткой» силы.

Филологический аспект первой категории обуславливает наличие критерия добровольности во вступлении в интеграционную связь. Об этом, в частности, указывают работы о «мягкой силе» как власти над мнениями Э. Карра [6, р. 143] и идеи С. Люка [7, р. 184] о трёхмерной власти. М.М. Харкевич [5, с. 25], в свою очередь, справедливо отмечает о сопряжении «мягкой силы» с «демократией», «свободой», «цивилизацией», а также, безусловно, работы Л.Р. Рустамовой [4, с. 151] и её концептуальная трактовка «мягкой силы» как стратегии реализации национальных интересов.

Выборочное применение обозначенных характеристик к государству в аспекте теории процесса интеграции дополняет доктринальный базис категории. Постановочно, проводимая параллель между интеграцией, как всепроникающим процессом объединения разрозненных элементов системы государства и дипломатической коммуникацией, как процесса выстраивания связей заинтересованных субъектов указывает на целевую однородность обоих явлений. Международная интеграционная связь, сформированная в формате многостороннего партнерства или наднационального

объединения, влияет на приоритет реализуемой государством интегративной функции. При этом следует отметить, что предшествующие исследования в данной области [3, с. 273] указали на невозможность её чрезмерной интенсивности, и на необходимость расставления акцентов (приоритетности) в вопросах реализации функций.

Отметим, что защита нации – это первичная функция любого государства. Теоретическая возможность синергии политологической терминологии, представленной в виде «мягкой» и «жесткой» силы, и общей теории государства, безусловно, выступает в качестве необходимого инструментария, требуемого для восполнения теоретических пробелов. Так обозначенный критерий приоритетности, к примеру, при распределении интенсивности реализации интегративной функции или функции обеспечения национальной безопасности, позволяет использовать категории «мягкой» и «жесткой» силы как практическое воплощение воли государства.

В данном ключе основной задачей, постановочно, обозначенной в виде тезиса, является разработка базисного алгоритма соотношения «мягкой силы» с интегративной функцией государства, «жесткой силы» с функцией обеспечения национальной безопасности, или наоборот иное перекрёстное сравнение. Первично в данном вопросе, по нашему мнению, будет корректно раскрыть подлинное значение ранее обозначенного критерия добровольности. В особенности о допустимости абсолютного его трактования в условиях мировой глобализации.

Ввиду глобализационных процессов государство в современных реалиях, безусловно, обладает условным правом безучастия, но в практической плоскости оно реализуемо исключительно в формате изолированности, аннуляции международных правоотношений и дипломатии. С точки зрения государственной перспективности, в первую очередь в экономическом аспекте, подобная вариативность событий означает взаимозависимость степени удовлетворенности базовых потребностей общества изолированного государства от эффективности реализуемой национальной политики. При этом негативная сторона данного вопроса заключается во взаимопроникновении национальных экономик разных государств. Фактически, в современном мире произошло условное замещение национальных производств зарубежными либо их полная, либо частичная зависимость от них. В связи с чем путь изолированности сопряжён с теоретическим парадоксом, в рамках которого, с одной стороны, государство определяет приоритетность в реализации функции обеспечения национальной безопасности, как естественная реакция на чрезмерную степень интегрированности, а с другой – данное действие образует застой национальной экономики, и необходимость в положительных показателях эффективности внутренних интегративных связей. Таким образом, в рамках настоящего исследования, наиболее значимо поставить акцент на условности критерия добровольности, ввиду его теоретической и практической несоотнесенности.

Выявленный парадокс, постановочно, допустимо разрешить путём определения баланса через систематический мониторинг международных и национальных показателей результативности от выбранной направленности государственной деятельности. Именно его отсутствие приводит

к трансформированию установочной способности процесса интеграции к усилению государства в её негативный аспект. Важно понимать, что необходимость поиска баланса является следствием выбора способа интеграционного взаимодействия. Отметим, что результаты исследований автора [1, с. 194; 2, с. 249] приводят классификацию: добровольного или принудительного процесса интеграции. Ключевым критерием разграничения определяется наличием либо отсутствием силовых методов воздействия на потенциального международного партнера при реализации интегративной функции государством. При этом под понятием силы следует понимать именно вооруженный конфликт.

Приведенная трактовка привносит ясность в поиск корректного сравнения категорий «мягкой» и «жесткой» силы с интегративной функцией государства и функцией обеспечения национальной безопасности. Концептуально, по нашему мнению, допустимо говорить не о распределении «мягкая» сила – интегративная функция и «жесткая» сила – функция обеспечения национальной безопасности, а о представлении обоих политологических терминов как способов практического интеграционного взаимодействия, т.е. реализации интегративной функции государством. Так, результатом политики Германии 1933 г. является мировая война с целью глобального господства (принудительная интеграция), а политика «мирного возвышения» Китайской народной республики – это демонстрация возможностей добровольной интеграции. В связи с чем, подводя итог настоящему исследованию, следует обратить внимание на факультативно выявленную особенность соотношения данных категорий, а именно теоретическую возможность синергии межотраслевых явлений.

Источники и литература:

1. Дубровин, М.А. Глобализация – принудительный или добровольный процесс? / М.А. Дубровин // Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности : материалы X международной научно-практической конференции преподавателей и студентов / Министерство образования и науки Российской Федерации ; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – 2019. – С. 193–196.
2. Дубровин, М.А. Европейский союз – первый международный проект добровольной интеграции / М.А. Дубровин // Актуальные проблемы современного международного права : материалы XVII Международного конгресса «Блищенковские чтения», Москва, 13 апреля 2019 года : в 4 ч. / отв. ред. А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев. – Москва : РУДН, 2019. – Ч. II. – С. 247–251.
3. Дубровин, М.А. Особенности функций государства: интегративной и национальной безопасности в условиях глобализации / М.А. Дубровин // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 2 (117). – С. 271–275.
4. Рустамова, Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции «мягкая сила» / Л.Р. Рустамова // Ойкумена. – 2018. – № 1. – С. 145–154.
5. Харкевич, М.М. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции / М.М. Харкевич // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 22–29.
6. Carr, E. The Twenty Years' Crisis 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations / E. Carr. – L. : Macmillan, 1946. – XII, 243 p.
7. Lukes, S. Power: A Radical View / S. Lukes. – L. : MacMillan Press, 1974. – 64 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Николай Николаевич – младший научный сотрудник кафедры истории и политики России Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Алентьева Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Курского государственного университета, г. Курск, Россия.

Баранов Андрей Владимирович – доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия.

Баранова Алла Саввична – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Беларусь.

Барановский Александр Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела новейшей истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Республика Мордовия, Россия.

Бахлова Ольга Владимировна – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Республика Мордовия, Россия.

Белашенко Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Белькевич Даниил Сергеевич – курсант Военной академии Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь.

Беляева Анна Владимировна – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Бессольнов Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Философия, история и политология» Белорусского государственного университета транспорта, г. Гомель, Беларусь.

Боголейша Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История» Белорусского национального технического университета, г. Минск, Беларусь.

Боровская Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Бородина Мария Юрьевна – ассистент кафедры истории и политики России Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Буранок Сергей Олегович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия.

Буторина Александра Олеговна – студентка Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия.

Васюк Геннадий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и славянской истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь.

Величко Нина Веняминовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Гавриловец Людмила Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь.

Герштейн Илья Захарьевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры мировой дипломатии и международного права Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Грищенкова Алина Сергеевна – курсант юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир, Россия.

Гундарь Елена Сергеевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия.

Довгялло Михаил Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Докучаев Алексей Владимирович – кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного института культуры, г. Москва, Россия.

Дорофеев Денис Владимирович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, Россия.

Дрожжа Людмила Чеславовна – старший научный сотрудник Белорусского научно-исследовательского центра электронной документации Департамента архивной службы и документоведения Министерства юстиции Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь.

Дубровин Михаил Андреевич – старший преподаватель кафедры международного права и внешнеэкономической деятельности юридического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия.

Дубровко Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь.

Егоров Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии федеральной службы исполнения наказаний, г. Псков, Россия.

Егоров Игорь Андреевич – студент исторического факультета Института гуманитарных наук и языковых коммуникаций Псковского государственного университета, г. Псков, Россия.

Жайбалиева Люция Турсунгалиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Оренбургского государственного университета, г. Оренбург, Россия.

Жилинская Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий центром всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Зайцев Артём Игоревич – магистрант Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия.

Засыпкина Анастасия Николаевна – аспирант факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Ирха Екатерина Михайловна – аспирант Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь.

Ишутина Анастасия Юрьевна – студентка Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Касперович Галина Ивановна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь.

Кириллов Даниал Амирович – аспирант юридического факультета Международного университета «МИТСО», г. Минск, Беларусь.

Ковяко Ирина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Коробкина Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия.

Космач Вениамин Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры психологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь; доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Котов Михаил Владимирович – аспирант кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Кравченко Владимир Андреевич – младший научный сотрудник центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Кривошей Дмитрий Антонович – кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Белорусского научно-исследовательского центра электронной документации Департамента архивной службы и документоведения Министерства юстиции Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь.

Кузьмин Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории древнерусской культуры Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры «История России» Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), г. Москва, Россия.

Лемешевский Олег Олегович – капитан юстиции, преподаватель цикла государственно-правовых дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь.

Лепеш Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История» Белорусского национального технического университета, г. Минск, Беларусь.

Лицкевич Олег Владимирович – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск, Беларусь.

Лузгина Ирина Олеговна – студентка факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Лычагин Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Ма Джин Юй – аспирант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Майорова Мария Алексеевна – младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Манцевич Лилия Николаевна – научный сотрудник центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Марданов Александр Вячеславович – начальник цикла кафедры общей войсковой подготовки военно-транспортного факультета Белорусского государственного университета транспорта, г. Гомель, Беларусь.

Мацулевич Евгения Васильевна – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск, Беларусь.

Межевич Николай Маратович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук, г. Москва, Россия; профессор кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Мезга Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь.

Меньковский Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Меркулова Дарья Григорьевна – студентка Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Мигун Дмитрий Адамович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск, Беларусь.

Мисюкевич Екатерина Александровна – студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Николаев Роман Сергеевич – студент Оренбургского государственного университета, г. Оренбург, Россия.

Новикова Виктория Николаевна – студентка факультета истории и межкультурных коммуникаций Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь.

Олейникова Валентина Петровна – кандидат исторических наук, гид-экскурсовод, регион Кампания, Италия.

Парубочая Елена Фёдоровна – кандидат исторических наук, доцент, директор Центра изучения Европейского Союза Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия.

Полуйко Дарья Владимировна – студентка факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Пунев Дмитрий Николаевич – магистрант Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия.

Растворцева Александра Николаевна – аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Родин Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Рожкова Светлана Николаевна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь.

Рудковский Эдвард Иосифович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Рыжов Игорь Валерьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Сальков Анатолий Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Самедова Салми Гасымовна – студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Свилас Светлана Францевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Свинцова Марина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Селифонтова Дарья Юрьевна – студентка Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия.

Семухина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация» Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А., г. Саратов, Россия.

Сеник Никита Михайлович – магистрант Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Сикираж Владимир Владимирович – магистрант института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Синдеев Алексей Александрович – доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Российской академии наук, главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Синковец Антон Юрьевич – научный сотрудник центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Слепенков Виталий Александрович – студент Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия.

Слепцова Виктория Михайловна – аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Смулов Матвей Димитриевич – студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Снапковский Владимир Евдокимович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Сорокин Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Тамбиянц Юлиан Григорьевич – доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия.

Терещук Андрей Андреевич – доктор университета Барселоны, доцент кафедры романской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия.

Ткачук Карина Ивановна – студентка факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Хлопов Олег Анатольевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры американских исследований Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия.

Хришкевич Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, г. Псков, Россия.

Цымбал Александр Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории мировой культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета; старший научный сотрудник центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Цымбалова Анна Евгеньевна – кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Цыплин Виталий Геннадьевич – кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия.

Чепик Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Черняев Алексей Михайлович – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир, Россия.

Шевченко Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Шимак Елена Казимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Шимукович Сергей Фадеевич – кандидат исторических наук, доцент, г. Минск, Беларусь.

Шоджонов Имомидин Фозилович – ассистент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Шрамук Елизавета Петровна – преподаватель-стажер кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Щавлинский Николай Борисович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История» Белорусского национального технического университета, г. Минск, Беларусь.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ДИПЛОМАТИИ**

Материалы VI Международной научно-практической конференции

Витебск, 19–20 мая 2022 г.

Технический редактор *Г.В. Разбоева*

Компьютерный дизайн *Л.И. Ячменёва*

Подписано в печать 16.05.2022. Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 20,11. Уч.-изд. л. 25,81. Тираж 33 экз. Заказ 70.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.